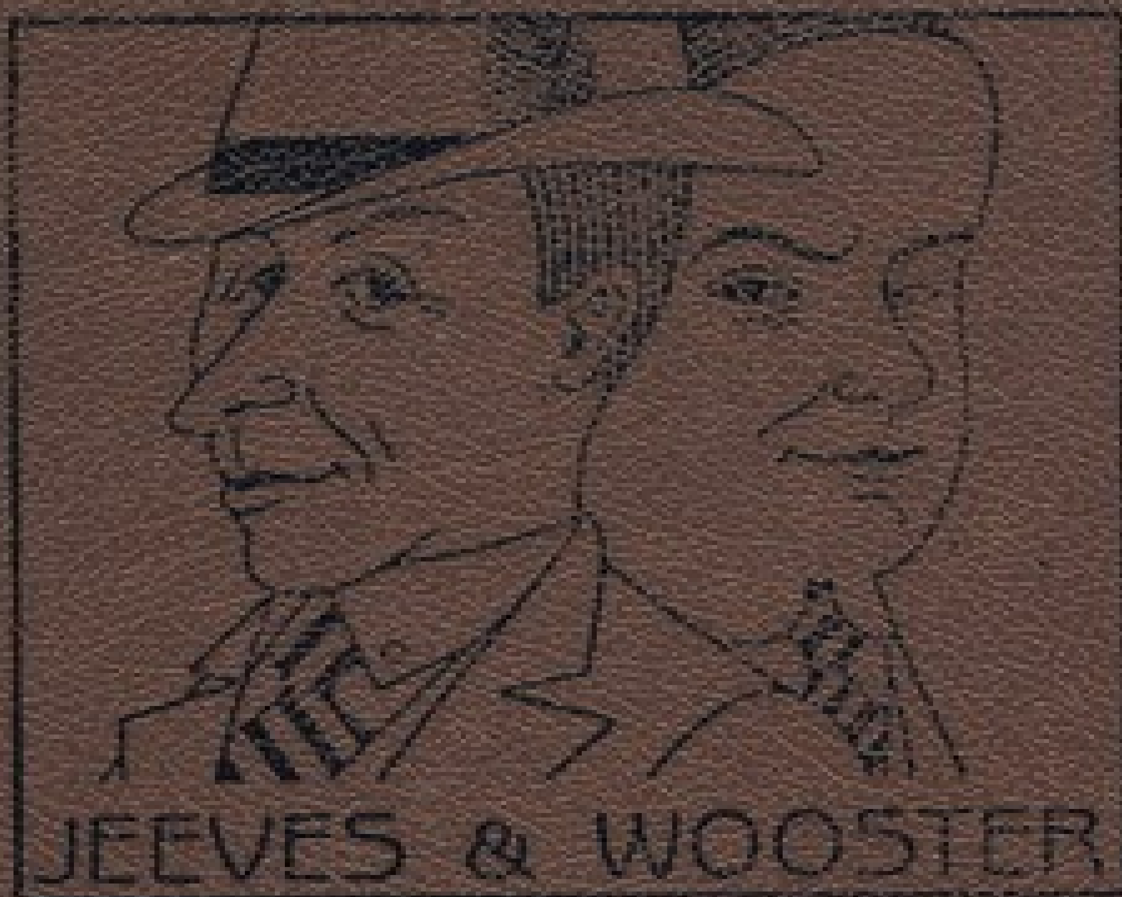
Пэлем Грэнвил Вудхауз



Annotation

В этой книге мы вновь встречаемся с Дживсом и Вустером, главными персонажами цикла романов П.Г. Вудхауза, ставшего делом его жизни.

Пэлем Грэнвил Вудхауз
Собрание сочинений
Том 1. Дживс и Вустер

Держим удар, Дживс!

Перевод с английского И. Шевченко
Редактор И. Бернштейн

1

Небрежно поигрывая ножом, я намазал джем на горячий гренок и чуть было не огласил воздух ликующим «Тру-ля-ля!», поскольку в это утро чувствовал себя в превосходной спортивной форме. «Улыбается Бог в Небесах, в этом мире все так хорошо!»[1] Помнится, таким образом однажды высказался Дживс. Он еще, кажется, упомянул о жаворонках и улитках, но это к делу не относится, так что не будем отвлекаться.

В кругах, где вращается Бертрам Вустер, ни для кого не секрет: когда ночь вступает в свои права и приходит час пиршества, Бертрам может украсить собой любое общество, однако за завтраком он, как правило, остроумием не блещет. Сойдясь лицом к лицу с яичницей и беконом, он, случается, робко их поковыряет, будто боясь, что они вдруг сорвутся с тарелки и набросятся на него. Словом, спозаранку Бертрам Вустер вял и скучен. Сплошная беспросветность.

Однако сегодняшний день существенно отличался от всех прочих. Сегодня у нас царил дух животрепетания — если это слово означает то, что я имел в виду, — и воодушевления. Ну так вот, я мало того, что впился зубами в сосиски, как тигр в несчастного кули, которого он отловил себе ко второму завтраку, но еще после этого, как уже упоминалось, накинулся на хлеб с джемом. По-моему, этим все сказано.

Причину, по которой сегодня я куда более благосклонно смотрел на белки и углеводы, легко понять. Дживс вернулся и снова отслуживал свое еженедельное вознаграждение на старом месте. Дело в том, что дворецкий моей обожаемой тетушки Далии захворал, и она позаимствовала у меня Дживса на время приема, который устраивала в своем вустерширском поместье «Бринкли-Корт». Таким образом я больше чем на неделю лишился общества моего слуги. Разумеется, Дживс не дворецкий, а камердинер, но если случится нужда, он любого дворецкого за пояс заткнет. Это у него в крови. Его дядюшка Чарли — дворецкий, и, конечно, Дживс перенял у него кучу всяких профессиональных тонкостей. Когда

Дживс появился, чтобы убрать останки, я спросил его, хорошо ли ему жилось в «Бринкли».

— Исключительно приятно, благодарю вас, сэр.

— А вот мне без вас было далеко не так приятно. Я чувствовал себя как малое дитя, которого лишили няни. Вы не против, что я назвал вас няней?

— Нисколько, сэр.

Впрочем, на самом деле, это еще мягко сказано. Моя тетя Агата — страшная женщина, настоящее исчадие ада, — считает, что Дживс играет при мне роль надсмотрщика.

— Да, мне очень вас не хватало, я даже с друзьями в «Трутнях» веселился без всякого удовольствия. «Они влекли меня к забавам…», как там дальше?

— Сэр?

— Однажды вы таким образом высказались про Фредди Уиджена, когда одна из его подружек дала ему от ворот поворот. Что-то там вроде бы утолить…

— Ах, вот оно что, сэр! «Они влекли меня к забавам, дабы печали утолить…»

— «… в надежде тщетной, что веселость забвенье может подарить». Да-да, это самое. Сами сочинили?

— Нет, сэр. Это старинная английская салонная баллада.

— Да? А написано будто обо мне. Однако расскажите, что в «Бринкли»? Как поживает тетушка Далия?

— Миссис Траверс, судя по всему, пребывает, как обычно, в добром здравии, сэр.

— Как прошел праздник?

— Удовлетворительно, в разумных пределах, сэр.

— Только-то?

— Настроение мистера Траверса несколько омрачало обстановку. Он был подавлен.

— Так случается всякий раз, когда тетя Далия собирает полон дом гостей. Известно, что он погружается в пучину отчаяния, если даже один-единственный чужак переступает порог их дома.

— Истинная правда, сэр, но позволю предположить, что в данном случае подавленность мистера Траверса объясняется главным образом присутствием сэра Уоткина Бассета.

— Неужели там был этот старый хрыч? — возмутился я, ибо знал, черт побери, что если есть на свете человек, к которому мой дядя Том

чувствует живейшее отвращение, то это Бассет. — Я поражен, Дживс.

— Должен признаться, сэр, что я тоже был несколько удивлен, увидев этого джентльмена в «Бринкли-Корте», но, вне сомнения, миссис Траверс сочла своим долгом воздать ему за его гостеприимство. Как вы изволите помнить, недавно сэр Уоткин принимал вас с миссис Траверс в «Тотли-Тауэрсе».

Я поморщился. Желая всего лишь освежить мою память, Дживс коснулся оголенного нерва. В чашке оставалось немного холодного кофе, и я отхлебнул глоток, чтобы вернуть себе спокойствие.

— Ничего себе «принимал»! Запереть человека в спальне, чуть ли не наручники на него надеть, поставить внизу на лужайке полицейского, чтобы не удрал через окно на связанных простынях, — если, по-вашему, это называется «принимать гостей», то я решительно не могу с вами согласиться.

Не знаю, насколько вы знакомы с анналами о Вустере, но если вы хоть в какой-то мере о них осведомлены, то, возможно, припомните ужасающую историю о сэре Уоткине Бассете и моем посещении его глостерширского поместья. Сэр Уоткин и мой дядюшка Том наперегонки коллекционируют то, что называется objets d'art, и когда сэр Уоткин обманом увел из-под носа дяди Тома серебряный кувшинчик для сливок в виде коровы, — на редкость безобразное изделие, — мы с тетушкой Далией отправились в «Тотли-Тауэрс», дабы похитить вышеупомянутую корову и вернуть ее в родное стойло. Это предприятие, хоть и увенчавшееся, как говорится, успехом, едва не привело меня в кутузку, и когда я вспоминаю о нем, то все еще дрожу, как трепетная осина, если я правильно выражаюсь.

— Мучают ли вас ночные кошмары, Дживс? — спросил я, надрожавшись.

— Очень редко, сэр.

— Меня тоже. Но если мучают, то всегда одни и те же. Я снова оказываюсь в «Тотли-Тауэрсе» в обществе сэра У. Бассета, его дочери Мадлен, Родерика Спода, Стиффи Бинг, Гасси Финк-Ноттла и скотч-терьера Бартоломью, они являются мне во всей своей красе, и я просыпаюсь, не к столу будь сказано, весь, с головы до ног, в поту. Да уж, поистине, для меня то были времена, которые… как там, Дживс?

— Ниспосланы, чтобы подвергнуть человека испытаниям,[2] сэр.

— Именно. Да еще каким! Один сэр Уоткин Бассет чего стоит, а? — задумчиво проговорил я. — И нечего удивляться, что дяде Тому стало не по себе и он приуныл. На его месте я тоже впал бы в депрессию. А кто еще

наблюдался среди присутствующих?

— Мисс Бассет, сэр, мисс Бинг, собака мисс Бинг и мистер Финк-Ноттл.

— Ну и ну! Вся шайка почти в полном составе. Спода не было?

— Нет, сэр. Очевидно, на его сиятельство приглашение не распространялось.

— На его что?

— Мистер Спод, если изволите припомнить, сэр, унаследовал титул лорда Сидкапа.

— Ах, да. Совсем забыл. Сидкап или не Сидкап, а для меня он все равно Спод. Скверный тип.

— Во всяком случае, он — назойливая личность, сэр.

— Не хотелось бы снова с ним сталкиваться.

— Охотно понимаю, сэр.

— И не испытываю никакого желания встречаться ни с сэром Уоткином Бассетом, ни с Мадлен Бассет, ни со Стиффи Бинг и Бартоломью. Против Гасси не возражаю. Физиономия, как у палтуса, в спальне у себя держит тритонов в стеклянной банке, но на такие вещи смотришь сквозь пальцы, когда речь идет о твоем старом школьном друге. Точно так же прощаешь старому товарищу по Оксфорду, например преподобному Г.П. Пинкеру, его привычку загребать ногами и опрокидывать все вокруг. Так как же Гасси? Вне себя от счастья?

— Нет, сэр. Мистер Финк-Ноттл, как мне показалось, тоже был подавлен.

— Видимо, какой-нибудь из его тритонов подхватил тонзиллит.

— Возможно, сэр.

— Вы никогда не держали тритонов?

— Нет, сэр.

— Я тоже. И Эйнштейн, и Джек Демпси,[3] и архиепископ Кентерберийский, по-моему, тоже. А вот Гасси получает от общества тритонов истинное наслаждение. Устроится поуютнее и глазеет на них, и нет на свете человека счастливее его. Чего только в жизни не бывает, а?

— Действительно, сэр. Вы предполагаете обедать дома?

— Нет. У меня свидание в «Ритце», — сказал я и вышел, дабы облачиться в приличествующий английскому джентльмену уличный наряд.

Во время переодевания, когда мои мысли вновь вернулись к Бассетам и я еще раз подивился, ради чего, черт побери, тетушка Далия допустила, чтобы сэр Уоткин и сопровождающие его лица отравляли своим присутствием чистую атмосферу «Бринкли-Корта», зазвонил телефон, и я

вышел в холл, чтобы снять трубку.

— Берти?

— О, привет, тетя Далия.

Я сразу узнал любимый голос. Когда мы с тетей Далией говорим по телефону, у меня просто лопаются барабанные перепонки. Моя тетушка некогда была заметной фигурой в охотничьих кругах и, говорят, так зычно гикала и улюлюкала, скача по лугам и перелескам в погоне за лисой, что слышно было даже в соседних графствах. Теперь, отойдя от активной охоты на лис, она все еще сохраняла привычку адресоваться к племяннику тоном, предназначенным, скорее, для одергивания охотничьих собак, когда те отвлекались на кроликов.

— Смотри-ка, он уже на ногах! — прогудела она. — Я думала, ты еще в постели, храпишь так, что стены дрожат.

— Вообще-то обычно в этот час я еще не доступен, — поддакнул я, — но сегодня встал с жаворонками и с этими, как их? Кажется, с улитками. Дживс!

— Сэр?

— Вы ведь говорили, что улитки встают рано?

— Да, сэр. Поэт Браунинг в своей стихотворной драме «Проходит Пиппа…» указывает, что они встают в семь часов утра. «Жаворонок запел свою песню так весело и безыскусно, и улитка ползет по листу, оставляя свой легкий узор».

— Благодарю вас, Дживс. Тетя Далия, я не ошибся. Я восстал из постели, когда жаворонок уже запел свою песню, а улитка ползет по листу.

— Берти, что ты там мелешь?

— Вопрос не ко мне, а к Браунингу. Я говорю, что сегодня встал рано. Это самое малое, что я мог сделать, чтобы отпраздновать возвращение Дживса.

— Он ведь вернулся в добром здравии, да?

— Да, загорелый и бодрый.

— Здесь он был в прекрасной форме. На Бассета произвел неизгладимое впечатление

Я обрадовался тому, что представилась возможность разрешить загадку.

— Тетя Далия, — сказал я, — вы затронули один вопрос, в связи с которым мне бы хотелось услышать разъяснения. За каким чертом вы пригласили в «Бринкли» папашу Бассета?

— Ради жены и малых детушек.

— Чего-чего? Не понял. Растолкуйте, пожалуйста.

— Ради Тома, я хочу сказать, — ответила она и так оглушительно захохотала, что я затрясся всем телом. — Том в последнее время впал в уныние по причине, как он говорит, чудовищного налогообложения. Ты ведь знаешь, он ненавидит раскошеливаться.

Я и в самом деле это знал. Будь его воля, департаменту налогов и сборов не видать бы его денег, как своих ушей.

— Ну так вот, я и подумала, что общество Бассета отвлекло бы его, он бы понял, что на свете есть вещи похуже, чем подоходный налог. Меня надоумил здешний врач. Рассказал, что есть такая болезнь, называется «болезнь Ходжкина[4]», от которой лечат мышьяком. Принцип тот же самый. Ведь этот Бассет просто невыносим. Когда увидимся, я тебе расскажу про статуэтку из черного янтаря. Бассет ее недавно купил для своей коллекции. Он показывал ее Тому и при этом отвратительно злорадствовал. Том исстрадался весь, горемыка.

— Дживс сказал, что он был подавлен.

— Ты бы тоже был подавлен, будь ты коллекционером и знай, что твой конкурент, которого ты и так терпеть не можешь, раздобыл для своей коллекции вещь, за которую ты бы отдал не глядя все четыре зуба мудрости.

— Понимаю, — сказал я, не первый раз удивляясь тому, что дядя Том так высоко ценит вещи, которых по мне так хоть бы вообще на свете не было. Например, вышеупомянутый сливочник в виде коровы, надо же такое выдумать, ей-богу! Я всегда без боязни намекал, что самое подходящее место для всех этих коллекционеров — обитая войлоком палата в психушке.

— У Тома началось тяжелое несварение, какого у него не случалось с тех пор, как его последний раз подбили поесть омаров. Кстати о несварении, послезавтра я приеду на один день в Лондон и рассчитываю, что ты накормишь меня обедом.

Заметано, сказал я, и после того, как мы с ней совершили небольшой обмен любезностями, она дала отбой.

— Это была тетушка Далия, Дживс, — сказал я, отойдя от телефона.

— Да, сэр, мне показалось, что я узнал голос миссис Траверс.

— Она хочет, чтобы я послезавтра угостил ее обедом. Думаю, лучше пригласить ее к нам. Она не слишком жалует ресторанную кухню.

— Очень хорошо, сэр.

— Что это за статуэтка из черного янтаря, о которой говорила тетя Далия?

— Прошу прощения, но это довольно длинная история, сэр.

— В таком случае сейчас не стоит рассказывать. Мне надо бежать сломя голову, иначе я опоздаю на свидание.

Вооружившись зонтиком и надев шляпу, я взял курс в открытое пространство, но тут услышал почтительное покашливание и, обернувшись, увидел, что день радостного воссоединения вот-вот омрачится. В устремленных на меня глазах я уловил особый блеск, столь мне знакомый по общению с тетушками и неизменно означавший явное осуждение. И когда Дживс страдальчески произнес: «Прошу прощения, сэр, но неужели вы намерены появиться в отеле «Ритц» в этой шляпе?» — я понял, что настало время Бертраму продемонстрировать свою прославленную железную волю.

В вопросе головных уборов Дживс, как пить дать, идет не в ногу с современной передовой мыслью. Его взгляды даже можно назвать реакционными, и я с самого начала задавался вопросом, как он отнесется к голубой тирольской шляпе с розовым пером, которую я купил в его отсутствие. Теперь я получил ответ. Невооруженным глазом было видно: он ни за что на свете с ней не примирится.

Я же, напротив, всей душой полюбил эту шляпу, хотя готов был допустить, что она более уместна для ношения в сельской местности. Но, с другой стороны, она, бесспорно, сообщала моей наружности эдакую чертовщинку, а при моей внешности некая чертовщинка в экипировке просто неоценима. Поэтому у меня в голосе прозвучали металлические нотки:

— Да, Дживс, именно так я и намерен поступить, в общем и целом. Разве вам не нравится эта шляпа?

— Нет, сэр.

— Ну а мне нравится, — находчиво сказал я и вышел на улицу в своей тирольской, лихо заломленной — в этом вся соль! — голубой шляпе.

2

В «Ритце» у меня было назначено свидание с Эмералд Стокер, младшей дочерью этого пирата папаши Стокера, который однажды обманом заманил меня к себе на яхту с намерением женить на своей старшей дочери Полин. Длинная история, сейчас не стану вдаваться в подробности, скажу только, что старый болван имел совершенно превратное представление о моих отношениях с его ненаглядным чадом, потому что мы, как говорится, были всего лишь добрыми друзьями. К

счастью, все обошлось благополучно — барышня связала себя узами брака с Мармадьюком, лордом Чаффнеллом, моим старинным приятелем, и мы как были, так и остались добрыми друзьями. Иногда я провожу уикэнды у Полин и Чаффи. А когда она приезжает в Лондон за покупками или за чем-нибудь еще, я слежу, чтобы она поглощала достаточное количество калорий. И само собой разумеется, когда Эмералд Стокер явилась сюда из Америки обучаться живописи, Полин поручила мне приглядывать за сестрой и время от времени водить ее обедать. Старый, добрый Берти, друг семьи.

Я так и знал, что опоздаю, — Эмералд уже меня ждала. Всякий раз при виде ее я поражался, до чего не похожи друг на друга могут быть родственники. В том смысле, что субъект А начисто лишен внешнего сходства с родственным ему субъектом В, а субъект В совсем не похож на родственный субъект С, надеюсь, вы улавливаете ход моих мыслей. Взять, например, клан Стокеров. Глядя на них, вы никогда в жизни не догадаетесь, что они связаны узами крови. Старик Стокер — вылитый персонаж третьего плана из какого-нибудь гангстерского фильма, а Полин такая красотка, что, когда идет по улице, даже самый сдержанный мужчина не стерпит и восхищенно присвистнет ей вслед. Эмералд же, совсем наоборот, вполне заурядная милашка и ничем не отличается от сотен других хорошеньких девушек, только нос и глазки у нее чуточку как у мопса, да веснушек несколько больше среднего уровня.

Я всегда радовался случаю перекусить с Эмералд, потому что в ней чувствовалось материнское тепло, которое действовало на меня успокаивающе. Она была из тех славных, симпатичных девушек, которым всегда можно поплакаться, не сомневаясь, что тебя пожалеют и погладят по головке. Я пришел на свидание все еще немного раздосадованный размолвкой с Дживсом по поводу тирольской шляпы и, конечно, тут же излил душу Эмералд. Вы не представляете, с каким тактом она откликнулась на мое признание. Должно быть, сказала Эмералд, Дживс в чем-то похож на ее отца, хотя она его никогда не видела — в смысле, Дживса, а не своего отца, с которым она, безусловно, часто встречается. И еще сказала, что я был совершенно прав, когда продемонстрировал бархатный кулак в стальной перчатке, вернее, наоборот — стальной кулак в бархатной перчатке, потому что нельзя, чтобы кто-то брал над тобой верх. Ее отец, сказала она, привык всю жизнь всеми командовать, но, по ее мнению, рано или поздно найдет коса на камень и ему как следует дадут по мозгам, что, как ей кажется, — и я в этом полностью с ней согласен, — пойдет ему только на пользу.

Я был так благодарен Эмералд за ее доброту, что пригласил ее завтра пойти со мной в театр, куда я мог бы раздобыть парочку билетов на классный мюзикл, но она сказала, что, к сожалению, ничего не выйдет.

— Я сегодня уезжаю за город, к знакомым. Поезд уходит в четыре часа с Паддингтонского вокзала.

— Надолго едешь?

— Примерно на месяц.

— И целый месяц рассчитываешь там пробыть?

— Само собой.

Она так уверенно это сказала, что я посмотрел на нее с невольным уважением. У меня в жизни не было случая, чтобы в каком-то доме смогли вытерпеть мое присутствие дольше недели. Куда там! Обычно задолго до этого срока хозяева вроде бы невзначай затевают за столом разговор об удобствах железнодорожного сообщения с Лондоном, смутно надеясь, что Бертрам воспользуется этим удобством. И уж конечно, у меня в комнате на видном месте лежит расписание поездов с жирным крестиком против цифр 2.35 и пометкой: «Очень удобный поезд. Настоятельно рекомендуем».

— Их фамилия — Бассет, — сказала Эмералд. Я вздрогнул.

— Они живут в Глостершире. Я снова вздрогнул.

— Их усадьба называется…

— «Тотли-Тауэрс»?

Теперь вздрогнула Эмералд, итого вместе мы вздрогнули три раза.

— Как, ты их знаешь? Вот здорово! Пожалуйста, расскажи о них.

Эта просьба меня несколько удивила.

— А разве ты сама с ними не знакома?

— Только с мисс Бассет. А кто остальные?

Будучи превосходно осведомленным в данном вопросе, я тем не менее на минуту замялся, соображая, нужно ли открывать этой беззащитной девушке, на что она себя обрекает. И решил, что обязан сказать всю правду, ничего не утаивая. С моей стороны было бы довольно жестоко умолчать о том, что мне известно, и допустить, чтобы она отправилась в «Тотли-Тауэрс» неподготовленной.

— Итак, обитателями рассматриваемого нами зверинца, — начал я, — являются сэр Уоткин Бассет, его дочь Мадлен, его племянница Стефани Бинг, некий тип по имени Спод, который с недавних пор зовется лордом Сидкапом, и племянницын скотч-терьер по кличке Бартоломью, с которым следует держать ухо востро, в особенности если он ошивается где-нибудь в окрестностях ваших лодыжек, потому что кусает он, как змей, и жалит, как аспид.[5] Значит, с Мадлен Бассет ты знакома? И как ты ее находишь?

Эмералд, похоже, погрузилась в раздумье. Прошла минута-другая, прежде чем она вновь всплыла на поверхность.

— Вы с ней большие друзья? — наконец осторожно спросила она.

— Отнюдь.

— Ну так, по-моему, она редкостная дурища.

— По-моему, тоже.

— Но очень хорошенькая. Этого нельзя не признать. Я помотал головой.

— Внешность — это еще не все. Думаю, что какой-нибудь лихой султан или паша, представься ему случай зачислить мисс Бассет в штат своего гарема, ни за что не упустит такой возможности, но не пройдет и недели, как он раскается в своей горячности. Она же невыносимо сентиментальная дурочка, напичканная всякими бреднями и причудами. Считает, например, что звезды — это Божьи маргаритки, что кролики — это гномы из свиты королевы фей, и что каждый раз, как эта самая фея сморкнется, на свет рождается малютка, хотя уж, кажется, кому не известно, как рождаются дети. Одним словом, дурища и зануда в придачу.

— Вот-вот, и мне так показалось. Прямо как та барышня из «Терпения», которая только и бредит любовью.

— Откуда барышня?

— Из «Терпения», пьеса Гилберта и Сулливана. Ты что, не видел?

— Да нет, конечно, видел. Теперь вспомнил. Однажды тетушка Агата вынудила меня сводить на этот спектакль ее сына Тоса. Весьма недурно, хотя, по-моему, немного заумно. А теперь переходим к сэру Уоткину Бассету, отцу Мадлен.

— Она мне о нем говорила.

— Ну еще бы.

— Что он за тип?

— Настоящее чудовище. Не в обиду ему будь сказано, но, на мой взгляд, сэр Уоткин Бассет такой же монстр, как твой папаша, даже еще похлеще.

— Значит, по-твоему, мой папаша — монстр?

— Но это между нами.

— А он считает, что ты ненормальный.

— Ну и на здоровье!

— И нельзя сказать, что он так уж сильно ошибается. Но, во всяком случае, отец не так плох, если его гладить по шерстке.

— Вполне допускаю, но если ты воображаешь, что у меня только и дел, что гладить твоего папочку по шерстке или против оной, то ты

глубоко заблуждаешься… Кстати, вспомнил — что касается «Тотли-Тауэрса». то там есть одно подкупающее обстоятельство. В соседней деревне живет преподобный Г.П. Пинкер по прозвищу Раззява, викарий, исправляющий должность священника. Тебе он понравится. Когда-то он играл в футбол за сборную Англии. А Спода остерегайся. Верзила, под три метра ростом, а взглядом с шестидесяти шагов открывает устричную раковину. Если тебе приходилось видеть горилл, то можешь составить представление о Споде.

— Миленькие же у тебя друзья!

— Они мне не друзья. Хотя я люблю Стиффи и всегда готов заключить ее в объятия при условии, что она не начнет дурить. Дело в том, что она вечно выкидывает какие-то фортели. Ну вот, кажется, на этом список заканчивается. Ах, нет, забыл про Гасси.

— Кто это?

— Мой приятель, сто лет знакомы. Он обручен с Мадлен Бассет. Его зовут Гасси Финк-Ноттл.

Эмералд радостно пискнула.

— У него еще очки в роговой оправе?

— Да.

— И он держит тритонов?

— В изобилии. Как, неужели вы знакомы?

— Встречались. На вечеринке в одной компании.

— Я думал, он не ходит на вечеринки.

— А тут взял и пришел, и мы весь вечер проговорили. Симпатичный, похож на овечку.

— Ты хочешь сказать, на палтуса?

— Ничего подобного.

— Но он же вылитый палтус.

— Да нет, он совсем не похож на палтуса.

— Ну хорошо, будь по-твоему, — примирительно сказал я, ибо любая попытка урезонить девицу, которая провела с Гасси весь вечер и не убедилась, что он похож на мороженого палтуса, обречена на провал. — Ну вот, теперь ты знаешь, что тебя ждет в «Тотли-Тауэрсе». Меня-то туда калачом не заманишь, дудки, да никто и не станет заманивать, но ты там неплохо проведешь время, — сказал я, так как не хотел чрезмерно ее огорчать. — Места там живописные, да и едешь ты туда не для того, чтобы похитить сливочник в виде коровы.

— Что-что?

— Ничего-ничего. Это я просто так, не обращай внимания, —

пробормотал я и перевел разговор на другую тему.

Когда мы расставались, Эмералд была задумчива, да оно и понятно, но мною тоже овладела меланхолия. Я не чужд суеверия, и то обстоятельство, что людоедское Бассетово племя вновь замаячило на моем горизонте, неприятно меня поразило. У меня возникло как бы предчувствие, что ли… или, скорее, ощущение, будто мой ангел-хранитель намекает мне, мол, держи ухо востро, смотри в оба, не то «Тотли-Тауэрс» снова вторгнется в твою жизнь.

В результате, спустя полчаса, погруженный в размышления Бертрам Вустер сидел в курительной у «Трутней», вертя в руках рюмку мальвазии. Приятели старались меня развлечь, но я не слушал, мне хотелось подумать. Я пытался убедить себя, что «Тотли-Тауэрс» вновь напомнил о себе лишь по чистой случайности и не стоит придавать этому разговору никакого значения, но тут ко мне неслышно приблизился официант и сообщил, что некий джентльмен выражает желание со мной говорить. Некое духовное лицо по фамилии Пинкер, сказал официант, и я в очередной раз вздрогнул, а вышеупомянутое предчувствие вновь дало о себе знать.

Не то чтобы мне не хотелось видеть преподобного Пинкера. Я люблю его как брата. Мы с ним учились в Оксфорде и относились друг к другу, прямо как Давид и Ионафан. И хоть формально он не принадлежал к числу обитателей «Тотли-Тауэрса», а только помогал викарию соседней деревни Тотли пасти души простых мирян, при его внезапном появлении мои дурные предчувствия разыгрались на всю катушку. Не хватало еще, чтобы явились сэр Уоткин Бассет, Мадлен Бассет, Родерик Спод и скотч-терьер Бартоломью, и вся шайка опять будет в сборе. Почтение к моему бдительному ангелу-хранителю охватило меня с новой силой. Нрава он, конечно, унылого, все видит в черном свете и любит нагонять страх на своего подопечного. Но дело своё знает, ничего не скажешь.

— Ведите его сюда, — обреченно сказал я, и спустя надлежащее время появился преподобный Г.П. Пинкер. Споткнувшись о ступеньку, он простер руки и устремился ко мне, по дороге зацепив ногой и опрокинув столик. Вот так с ним всегда, стоило ему только попасть в помещение, оснащенное хоть какой-то мебелью.

3

Если вдуматься, эта пресловутая способность Раззявы задевать ногами за все что ни подвернется, вообще-то вызывала изумление. Ведь мало того,

что он четыре года подряд представлял на футбольном поле свой университет и шесть лет — свою страну, так он и теперь, если выкроит для себя субботу, временно приостановив процесс спасения душ вверенных ему прихожан, играет за «Арлекинов» и носится по полю словно олень, или косуля, или как там называются эти животные, которые бегают не спотыкаясь и не опрокидывая встречные предметы. Я пару раз видел его на арене, если можно так выразиться, и был потрясен его виртуозностью. Для меня футбол — книга за семью печатями, сам я никогда в него не играл, но даже мне было понятно, чего стоит Пинкер. Он изящно летал по полю туда-сюда и стремительно, с сокрушительной силой проделывал то, что, по-моему, называется перехват. Он настигал соперника так же неотвратимо, как всадник настигает пешехода, и воздух сотрясался от неистовых воплей кровожадных болельщиков.

Пинкер был помолвлен со Стиффи Бинг, и, на мой взгляд, долгие годы футбольной практики сослужили бы ему хорошую службу в качестве подготовки к семейной жизни с ней. Если каждую субботу с тех самых пор, как ты вышел из младенчества, толпа головорезов в подкованных бутсах шваркает ими тебе по физиономии, то, по-моему, ничего на свете уже не может тебя напугать, даже женитьба на такой девице, как Стиффи, у которой чуть ли не с пеленок что ни день, то какая-нибудь сумасшедшая выходка, способная свести с ума всех окружающих от первого до последнего.

Преподобный Г.П. Пинкер был здоровенный малый. Должно быть, даже в детстве одежда на нем трещала по швам, а весы, стоило ему стать на них, тут же ломались. И теперь, в зрелом возрасте, его можно было бы принять за брата-близнеца Родерика Спода. С виду, конечно, в том только, что касалось мускулатуры, сухожилий и живого веса, потому что если Родерик Спод постоянно высматривал, кого бы сожрать, являя собой постоянную угрозу как для пешеходов, так и для движущихся транспортных средств, то Пинкер — настоящий дьявол в человеческом облике, вносящий смятение в ряды соперников на футбольном поле, — в частной жизни был так кроток, что даже малый ребенок мог из него веревки вить. В самом деле, однажды мне случилось видеть, как Раззява послушно играл в мяч с крохотной девчушкой.

Обычно с лица этого Божьего человека не сходила лучезарная улыбка. Я бы сказал, что его улыбка — одна из местных достопримечательностей и украшает собой Тотли, как прежде, в Оксфорде, украшала колледж Святой Магдалины, где мы с ним учились. Однако на этот раз вид у Раззявы был удрученный, будто он обнаружил ересь среди своей паствы или застукал на

церковном дворе мальчишек-певчих, курящих марихуану. Словом, передо мной предстало девяносто килограммов его преподобия, обремененного тяжкой заботой. Опрокинув очередной столик, он уселся и сообщил, что рад меня видеть.

— Так и знал, что найду тебя в «Трутнях».

— И нашел, — подтвердил я. — Скажи, что привело тебя в столицу?

— Приехал на собрание комитета клуба «Арлекинов».

— Ну и как комитет?

— В порядке.

— Рад слышать. Состояние комитета — предмет моей неустанной тревоги. Ну, Раззява, рассказывай, как поживаешь.

— Очень хорошо.

— Пообедаем вместе?

— К сожалению, должен вернуться в Тотли.

— Скверно. Дживс говорит, что сэр Уоткин, Мадлен и Стиффи гостили у моей тетушки в «Бринкли».

— Да.

— Они вернулись?

— Да.

— Как Стиффи?

— Нормально.

— А Бартоломью?

— Тоже нормально.

— А как твои прихожане? Надеюсь, с ними все в порядке?

— О да, в полном порядке.

Интересно, вас ничего не удивляет в этом диалоге, образец которого я тут воспроизвел? Нет? В том смысле, что Раззява Пинкер и Бертрам Вустер, друзья-приятели, знаем друг друга чуть не с пеленок, а беседуем — точно случайные попутчики в поезде. Пинкер цедил слова сквозь зубы, и я все более и более утверждался в мысли, что грудь его исполнена — как ее там? — какой-то злополучной субстанцией, что ли, которая тяжким бременем давит на сердце, как выразился однажды Дживс.[6]

Я не оставлял усилий, стараясь расшевелить Раззяву Пинкера.

— Ну же, Раззява, — сказал я, — что новенького? Что старикан Бассет, отдал ли он тебе приход?

Мой вопрос отчасти пробил броню — Пинкер оживился.

— Нет еще. По-моему, он не может решиться. Сказал, что отдаст, а на другой день объявил, что сомневается и должен еще подумать над этим вопросом.

Я нахмурился. Не по душе мне подобная неопределенность. Представляю, как она затрудняет Пинкеру жизнь и ставит его в ложное положение. Поневоле будешь и встревожен и подавлен. Ведь они со Стиффи не могут пожениться — на жалованье викария он ее не прокормит, стало быть, надо ждать, пока папаша Бассет не расщедрится на приход, которым распоряжается по своему усмотрению. А мне доподлинно известно, что Раззява спит и во сне видит вступить в брак со Стиффи, хотя лично я, при всех моих добрых чувствах к этому юному созданию, готов милю пробежать в тесных ботинках, лишь бы уклониться от женитьбы на означенном создании.

— Все время ему что-то мешает, то одно случится, то другое. Кажется, перед поездкой в «Бринкли» он совсем было решился, но, вот незадача, я нечаянно столкнулся у него с ценной вазой, и она разбилась. Это его немного огорчило.

Я вздохнул. Как сказал бы Дживс, теряешь сон и покой, когда узнаешь, что у твоего друга, с которым вы вместе срывали цветы юности, — по-моему, есть такое выражение, — жизнь складывается совсем не так, как хотелось бы. Я был намерен с неослабевающим вниманием следить за церковной карьерой преподобного Пинкера, но, похоже, события развивались таким образом, что сам факт существования упомянутой карьеры ставился под сомнение.

— И как это ты умудряешься, Раззява, откалывать такие штуки? Наверное, ты и в пустыне Гоби найдешь, обо что споткнуться.

— Никогда не был в пустыне Гоби.

— И не надо. Для тебя это небезопасно. Скажи, Стиффи, наверное, сердится, что у Бассета, как говорится, семь пятниц на неделе? Думаю, она из себя выходит, когда старикашка то говорит «Пожалуй», то «Нет, не решаюсь». Что, Стиффи здорово кипятится?

— Порядком.

— И я ее не обвиняю. На ее месте любая взбеленится. Кто дал право папаше Бассету ставить палки в колеса истинной любви?

— Никто.

— Надо ему наподдать как следует.

— Вот именно.

— Будь я на месте Стиффи, я бы ему в постель жабу сунул или стрихнину в суп подсыпал.

— Вот именно. Что касается Стиффи…

Он внезапно умолк. Пристально в него вглядевшись, я понял, что был абсолютно прав относительно той злополучной субстанции. Безусловно,

грудь бедного малого была битком ею набита.

— Что-то не так, Пинкер?

— Да нет, ничего. Почему ты спрашиваешь?

— Ты странно себя ведешь. Как собака, которая преданно заглядывает в глаза хозяину, будто хочет что-то сказать. Ты хочешь мне что-то сказать?

Он сглотнул раз-другой и покраснел, если подобное выражение применимо к человеку, чье лицо даже в спокойном состоянии напоминает цветом эдакую благочестивую свеклу. Казалось, застегивающийся сзади воротничок его душит. Сиплым голосом он произнес:

— Берти.

— Да?

— Берти.

— Я здесь, старина, и ловлю каждое твое слово.

— Берти, ты теперь занят?

— Не более чем всегда.

— Ты не мог бы уехать на два-три дня?

— Думаю, это можно устроить.

— А ты не мог бы уехать в Тотли?

— Погостить у тебя?

— Да нет, погостить в «Тотли-Тауэрсе»?

Я уставился на него, как говорится, во все глаза. Не знай я, что он трезвенник, который даже вне Великого поста редко позволяет себе пропустить что-нибудь более крепкое, чем легкое пиво, мне пришлось бы допустить, что преподобный Пинкер уже успел приложиться к бутылке. Брови у меня полезли кверху, и не останови я их вовремя, они испортили бы мне прическу.

— *Где* побыть? Раззява, ты не в своем уме, иначе бы не нес эту околесицу. Надеюсь, ты не забыл, какую пытку мне пришлось вытерпеть, когда я последний раз гостил в «Тотли-Тауэрсе»?

— Не забыл. Но Стиффи хочет, чтобы ты ей помог. В чем именно, она мне не сказала, но предупредила, что дело это чрезвычайной важности и что без тебя не обойтись.

Я выпрямился во весь рост. Я был холоден и решителен.

— Ты просто рехнулся, Раззява!

— Не понимаю, что тут особенного!

— В таком случае, позволь тебе объяснить, почему ваш замысел обречен на провал. Во-первых, после того, что произошло между нами, едва ли сэр Уоткин Бассет пригласит меня к себе. Подозреваю, что он меня терпеть не может. Если есть на свете человек, который по моей милости

пережил не самые приятные минуты в своей жизни, так это Бассет. Залог счастья для него — это когда между ним и Бертрамом пролегает по меньшей мере сто миль.

— Тебя пригласит Мадлен, ты только пошли ей телеграмму и попроси позволения приехать на денек-другой. Она никогда не советуется с сэром Уоткином, кого ей пригласить. Зовет в дом, кого хочет.

Это была правда, но я пропустил его слова мимо ушей и безжалостно продолжал:

— Во-вторых, я знаю Стиффи. Очаровательное создание, для нее, как я уже сказал Эмералд Стокер, у меня всегда открыты объятия, вернее, были бы открыты, не будь она помолвлена с тобой, но она же помесь полтергейста и ручной гранаты с выдернутой чекой. Совершенно лишена здравой рассудительности, этой добродетели, которая так украшает женщину. Она начинена идеями, и если ты назовешь их эксцентричными, то попадешь в самую точку. Вряд ли стоит напоминать, что, когда я в последний раз гостил в «Тотли-Тауэрсе», она тебя подбивала стащить каску у констебля Юстаса Оутса, а подобный поступок решительно противопоказан викарию, рассчитывающему подняться по служебной лестнице. Короче говоря, крошка Стиффи просто сумасшедшая, тут двух мнений быть не может. Не знаю, что за поручение она собирается мне дать, но, по определению, это должно быть что-то неудобоваримое. Неужели она даже не намекнула?

— Нет. Я, конечно, спросил, но она сказала, рта не откроет, пока тебя не увидит.

— Ну так она меня не увидит.

— Значит, ты не поедешь в «Тотли»?

— На пушечный выстрел не подойду к этой помойке.

— Стиффи ужасно огорчится.

— А ты окажи ей духовную поддержку. Это твоя работа. Скажи, что подобные испытания нам посылаются свыше.

— Вероятно, она будет плакать.

— Это хорошо, ибо ничего нет полезнее для нервной системы, чем слезы. Действует на шейные железы, забыл, как именно, но очень благотворно. Спроси любого доктора с Харли-стрит.

Вероятно, он понял, что моя железная броня несокрушима, и отказался от дальнейших попыток пробить в ней брешь. Испустив вздох, который шел, кажется, от самых подметок, он встал, попрощался, опрокинул мой стакан с прохладительным и направился к выходу.

Твердо зная, что не в обычае Бертрама Вустера бросать друга в

трудный час, вы, вероятно, подумаете, что эта неприятная сцена огорчила меня, а на самом деле она только прибавила мне бодрости, как день, проведенный на взморье.

Позвольте напомнить вам в общих чертах мое положение. Еще во время обеда с Эмералд Стокер мой ангел-хранитель нагнал на меня страху, практически открытым текстом информировав меня, что «Тотли-Тауэрс» занял боевую позицию, чтобы вновь вторгнуться в мою жизнь. И сейчас до меня дошло: очевидно, мой ангел-хранитель имел в виду, что меня станут призывать в Бассетово логово и что в минуту слабости я могу вопреки здравому смыслу поддаться на уговоры. Теперь опасность миновала. «Тотли-Тауэрс» совершил свой бросок, но сильно промахнулся, и у меня больше нет повода для беспокойства. Поэтому я с легким сердцем присоединился к компании любителей поразвлечься, занятых игрой в «дротики», и одной левой разделал их под орех. Около трех я вышел из клуба и примерно через полчаса подгреб к многоквартирному дому — месту моего обитания.

У подъезда стояло нагруженное чемоданами такси. Из его окна высовывалась голова Гасси Финк-Ноттла, и, помнится, я лишний раз утвердился в мысли, что Эмералд Стокер непростительно заблуждается по поводу его наружности. Вглядываясь в Гасси, вернее, в тот его фрагмент, который был доступен моему взору, я не нашел в его внешности ни капли сходства с овечкой, зато он был так похож на палтуса, что если бы не очки в роговой оправе, которых палтусы, как правило, не носят, то я мог бы вообразить, что вижу перед собой слинявшего в самоволку непременного обитателя рыбного прилавка.

Я послал ему дружеский йодль,[7] и стекла его очков обратились в мою сторону.

— Привет, Берти, — сказал он. — А я сию минуту от тебя. Оставил сообщение Дживсу. Твоя тетушка просила передать, что послезавтра будет в Лондоне и надеется с тобой пообедать.

— Да она мне утром сама звонила по этому поводу. Подумала, наверное, что ты забудешь меня уведомить. Валяй, заходи, угощу апельсиновым соком, — сказал я, зная, что эта мерзость заменяет ему всякую нормальную выпивку.

Он взглянул на часы, и в его глазах погас огонь, который обычно в них загорается при упоминании об апельсиновом соке.

— Я бы с удовольствием, но не могу, — вздохнул он. — Опаздываю на поезд. Еду в Тотли четырехчасовым с Паддингтона.

— В самом деле? Увидишься там со своей приятельницей — Эмералд

Стокер.

— Стокер? Эмералд Стокер?

— Такая веснушчатая девица. Американка. Похожа на славного китайского мопсика. Сказала, что недавно познакомилась с тобой на одной вечеринке, ты рассказывал ей о тритонах.

Он просиял.

— Ах да, конечно. Как же, теперь припоминаю. Я тогда не расслышал, как ее зовут. Мы долго говорили о тритонах. В детстве она тоже их держала, только она почему-то называет их гуппи. Очаровательная девушка! Буду рад снова с ней повидаться. По-моему, она самая привлекательная из всех моих знакомых девиц.

— Не считая, само собой, Мадлен.

Он помрачнел. Вид у него стал, как у палтуса, обиженного грубой выходкой со стороны другого палтуса.

— Мадлен! Не говори мне о ней! Меня от нее тошнит, — в сердцах проговорил Гасси. — Паддингтон! — крикнул он вознице и унесся, как ветер, а я остался стоять с изумленно разинутым ртом, не в силах справиться с охватившей меня паникой.

4

Сейчас объясню, почему я был охвачен паникой. Из моего разговора с Эмералд Стокер, — а в выражениях по поводу Мадлен Бассет я, кажется, не стеснялся, — вы, конечно, поняли, что у меня аллергия на эту особу. Она для меня такая же рвотная пилюля, как я сам для ее папаши или для Родерика Спода. Тем не менее передо мной возникла реальная угроза, что мне придется влачить с ней жизнь в радости и в горе, как говорится в Священном Писании.

Готов изложить предысторию. Гасси, влюбленный в эту самую девицу Бассет, жаждал открыть ей свои чувства, но всякий раз, как он приступал к объяснению, мужество его оставляло, и он ловил себя на том, что мямлит нечто невразумительное на тему о тритонах. Не зная, как приняться за дело, он додумался упросить меня похлопотать за него. И вот когда я за него хлопотал, девица Бассет, законченная кретинка, — это и ежу понятно, — вообразила, будто я хлопочу о себе. Берти, говорит она, мне так грустно причинять тебе страдания, но мое сердце принадлежит Гасси. По мне, так лучшего и желать нечего, но малахольная девица этим не ограничилась. Если, продолжала она, что-нибудь заставит ее пересмотреть

свой взгляд на Гасси как на лучшего из мужчин и придется его выставить вон, то я — первый на очереди, и хотя она не сможет полюбить меня столь же пылко, как любит Гасси, но не пожалеет сил, чтобы сделать меня счастливым. Словом, я пребывал в позиции вице-президента Соединенных Штатов Америки, который живет себе и в ус не дует, но обязан, случись что-либо с первым лицом, немедленно заступить на его место.

Стоит ли удивляться, если заявление Гасси о том, что его тошнит от Мадлен, обрушилось на меня будто тонна кирпичей, и я с воплем ринулся в дом, призывая Дживса. Я чувствовал, как уже неоднократно бывало раньше, что мне остается только одно — предать себя в руки высшей силы.

— Сэр? — сказал Дживс, материализуясь, как дух во время спиритического сеанса.

— Дживс! Я на краю гибели.

— В самом деле, сэр? Крайне огорчен, сэр.

Надо отдать Дживсу должное. Кто старое помянет, тому глаз вон — таково одно из похвальных правил, которыми он руководствуется. Разумеется, он может расходиться со своим молодым господином во взглядах на голубые тирольские шляпы, украшенные розовыми перьями. Но когда он видит, как разъяренная судьба принимается метать в его господина каменья и стрелы, то хоронит свои обиды и воскрешает доблестный дух преданного вассала. Вот и теперь вместо холодности, равнодушия и высокомерия, которые демонстрировала бы на его месте любая заурядная личность, Дживс выказал крайнюю степень волнения и озабоченности. То есть его левая бровь приподнялась ровно на одну восьмую дюйма — именно так он обычно выражает распирающие его чувства.

— Вас постигла какая-то неприятность, сэр?

Я рухнул в кресло и отер пот со лба. Давненько не попадал я в такую переделку.

— Только что виделся с Гасси Финк-Ноттлом.

— Да, сэр, мистер Финк-Ноттл заходил сюда минуту назад.

— Я встретил его у подъезда. Он сидел в такси. И представляете, что произошло?

— Нет, сэр.

— Я случайно упомянул о мисс Бассет, и он — обратите внимание, Дживс! — он мне заявляет, я цитирую: «Не говори мне о Мадлен. Меня от нее тошнит». Конец цитаты.

— В самом деле, сэр?

— По-моему, это не любовные речи.

— Да, сэр.

— По-моему, так может говорить только тот, кто невесть почему сыт по горло предметом своего обожания. Я не успел вникнуть и суть дела, ибо минуту спустя Гасси, как ошпаренный кот, умчался на Паддингтонский вокзал, но совершенно очевидно, этот предмет, как его там? — еще начинается на букву «л», дал трещину.

— Вероятно, вы имеете в виду лютню, сэр?

— Вероятно. Не стану спорить.

— Поэт Теннисон в одном из своих стихотворений указывает, что коли в лютне маленькая щелка, глядь — и музыка умолкла, и спустилась тишина.

— Ну тогда, значит, лютня. А нам слишком хорошо известно, что произойдет, если эта отдельно взятая лютня даст дуба.

Мы обменялись понимающими взглядами. Во всяком случае, я послал Дживсу многозначительный взгляд, а он надулся, как лягушка, что, по его обыкновению, должно было означать полную скромного достоинства осведомленность. Ему известны наши с М. Бассет отношения, но мы, естественно, этой темы не обсуждаем, разве что обмениваемся понимающими взглядами. Считается, что такие вещи обсуждению не подлежат. Не уверен, стоит ли приравнивать подобное обсуждение к празднословию по поводу женщины, но занятие это явно неподобающее, а Вустеры не допускают ничего неподобающего. И Дживсы, коли на то пошло, тоже.

— Что же мне теперь делать?

— Сэр?

— Ну что вы заладили одно и то же — «сэр да сэр»? Не хуже меня понимаете, что «настало время, когда каждый честный человек должен прийти на помощь нашей партии[8]». Главное — чтобы любовная ладья Гасси не дала течь. Необходимо принять меры.

— Целесообразность таких мер представляется совершенно очевидной, сэр.

— Да, но каких мер? Разумеется, я должен поспешить на театр военных действий, и пусть в их ход вмешается голубь мира, другими словами, уравновешенный, доброжелательный, умудренный жизненным опытом друг попытается помирить эту неразумную молодежь. Надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю?

— Превосходно понимаю, сэр. Как мне представляется, вы отводите себе роль raisonneur'а, выражаясь по-французски.

— Вроде того. Но, заметьте, это не все. Мало того, что от мысли о

пребывании под крышей «Тотли-Тауэрса» у меня стынет кровь, так еще и другая загвоздка. Как только что мне сообщил Раззява Пинкер, Стиффи Бинг желает, чтобы я кое-что для нее сделал. Но вы же знаете, какие у Стиффи желания. Помните случай с каской констебля Оутса?

— Весьма живо, сэр.

— Оутс навлек на себя гнев Стиффи тем, что доложил ее дяде сэру Уоткину о проделках ее терьера Бартоломью, по вине которого констебль рухнул с велосипеда, угодил в канаву, получил ушибы и увечья. Тогда Стиффи подговорила Пинкера, духовное лицо, носящее воротничок рубашки задом наперед, стянуть у Оутса его каску. И это еще одна из самых безобидных Стиффиных проделок. Она такое может изобрести, если постарается! Страшно даже представить себе, что она для меня на этот раз состряпает.

— Дурные предчувствия в данном случае совершенно оправданны, сэр.

— Вот видите. Я, как говорится, стою перед… этой самой… как эта штука называется?

— Дилемма, сэр?

— Вот-вот. Я стою перед дилеммой. Следует ли, спрашиваю я себя, ехать, чтобы посмотреть, нельзя ли как-нибудь залатать лютню, или более благоразумно оставить все, как есть, и пусть Время, великий целитель, вершит свою работу.

— Позволительно ли будет внести одно предложение, сэр?

— Валяйте, Дживс.

— Не сочтете ли вы возможным отправиться в «Тотли-Тауэрс», но при этом уклониться от выполнения просьб мисс Бинг?

Я задумался. Вообще-то это мысль.

— Хотите сказать, объявить nolle prosequi?[9] И послать подальше?

— Совершенно верно, сэр.

Я с благоговением на него посмотрел.

— Дживс, — сказал я, — вы, как всегда, нашли выход. Телеграфирую мисс Бассет, напрошусь к ним в гости; телеграфирую тете Далии, что не смогу угостить ее обедом, так как уезжаю из города. А Стиффи скажу, пусть на меня не рассчитывает, что бы она там ни забрала себе в голову. Да, Дживс, вы попали в точку. Поеду в «Тотли», хотя такая перспектива приводит меня в содрогание. Там будет папаша Бассет. Там будет Спод. Там будет Стиффи. И скотч-терьер Бартоломью тоже. Диву даешься, отчего так много шума по поводу тех ребят, которые скакали в Долину

смерти.[10] Уж во всяком случае им не грозила встреча с папашей Бассетом. Да ладно, будем надеяться на лучшее.

— Надежда на лучшее — это единственная правильная стратегия, сэр.

— Прорвемся, Дживс. Что?

— Вне всяких сомнений, сэр. Осмелюсь заметить, сэр, главное — это сохранять присутствие духа.

5

Как и предвидел Раззява Пинкер, Мадлен Бассет не имела ничего против моего приезда в «Тотли-Тауэрс». В ответ на мое послание, где я напрашивался в гости, она открыла мне зеленый свет, а через час или около того после ее телеграммы позвонила из «Бринкли» тетя Далия, горящая желанием выяснить, какого черта я пишу, что по причине отсутствия в столице я не в состоянии угостить ее обедом, тогда как она уже учла упомянутый обед при составлении своего бюджета.

Ее звонок меня не удивил. Я предчувствовал, что на этом фронте может возникнуть некоторое оживление. Старушенция — добрейшая душа и нежно любит своего Бертрама, но характер у нее властный. Терпеть не может, когда ее желания не исполняются. Вот и сейчас она обрушилась на меня так, будто хотела перекричать целую свору гончих.

— Берти, скверный мальчишка!

— У телефона.

— Получила твою телеграмму.

— Не сомневаюсь. Телеграфное ведомство действует безотказно.

— Что ты там мелешь, Берти? Насчет того, что уезжаешь из Лондона? Ты ведь никогда никуда не ездишь, разве что сюда, к нам, чтобы объедаться стряпней Анатоля.

Она говорила о своем несравненном поваре-французе, при одном упоминании о котором у меня слюнки текут. «Подарок желудку» — так я, бывало, называл Анатоля.

— Куда это ты собрался?

Слюнки у меня перестали течь, и я сказал, что еду в «Тотли-Тауэрс». Тетушка досадливо фыркнула.

— Опять этот проклятый телефон барахлит! Мне послышалось, будто ты сказал, что едешь в «Тотли-Тауэрс».

— Именно.

— В «Тотли-Тауэрс»?!

— Сегодня к вечеру.

— Что это с ними стряслось? Неужели они тебя пригласили?

— Они — нет. Я сам себя пригласил.

— Ты хочешь сказать, что сам нарываешься на общение с сэром Уоткином Бассетом? Ты — осёл, это я всегда знала, но не думала, что до такой степени. Послушай, этот старый хрыч за неделю совсем меня извел, уж можешь мне поверить.

Ее точка зрения была мне предельно ясна, и я поспешил объясниться:

— Согласен, старикашка Бассет — личность из ряда вон, таких поискать, — сказал я, — и если нет особой нужды, лучше от него держаться подальше. Но меня постиг жестокий удар. Гасси Финк-Ноттл и Мадлен Бассет рассорились. Их помолвка висит на волоске, а вам известно, как много для меня значит их сердечный союз. Вот я и мчусь туда, хочу попытаться залатать трещину.

— Что ты можешь поделать?

— Насколько я себе представляю, я должен играть роль raisonneur'а, если выразиться по-французски.

— И что это, по-твоему, означает?

— Сам толком не понимаю. Надо будет узнать у Дживса.

— Ты берешь с собой Дживса?

— А как же. Да я шагу без него ступить не могу.

— Ну тогда держи ухо востро, вот что я тебе скажу. Мне известно, что Бассет на него глаз положил.

— В каком смысле?

— Хочет переманить.

Голова у меня закружилась. Хорошо, что я сидел в кресле, не то бы непременно упал.

— Не может быть!

— Ошибаешься, очень даже может. Я же тебе говорю — он без ума от Дживса. Когда гостил здесь, смотрел на него, по словам Анатоля, будто кот на сметану. А как-то утром я своими ушами слышала, как Бассет сделал Дживсу недвусмысленное предложение. Ну, что ты молчишь? В обморок грохнулся, что ли?

Молчу потому, объясняю я, что ошеломлен, а она мне — не понимаю, чему ты удивляешься, зная Бассета?

— Разве ты забыл, как он пытался сманить Анатоля? Этот тип способен на любую низость. У него совести нет. Приедешь в «Тотли», повидайся с неким Планком, спроси его, что он думает о сэре Уоткине, черт его возьми, Бассете. Старый хрыч надул беднягу Планка на… О,

проклятье! — в сердцах вскричала тетушка, когда механический голос возвестил: «Три минуты», и сразу повесила трубку, а меня весьма ощутимо пробрала дрожь, будто тетка была не тетка, а мой ангел-хранитель, о способности которого пугать меня до посинения я уже упоминал.

Мурашки с неослабевающей прытью все еще бегали у меня по спине, когда я гнал свой спортивный автомобиль в «Тотли». Разумеется, я ничуть не сомневался, что у Дживса и в мыслях не было менять старую добрую фирму на новую, и когда коварный хрыч Бассет заводил об этом разговор, честный малый, я уверен, прикидывался глухим аспидом,[11] который, как вы, наверное, знаете, отказывался слушать заклинателя, как тот его ни заклинал. Но вот ведь какая штука — вроде и знаешь, что волноваться не о чем, а все-таки вибрируешь, поэтому я пребывал отнюдь не в безмятежном настроении, когда, въехав в ворота «Тотли-Тауэрса», осадил своего арабского скакуна у парадной двери.

Не знаю, случалось ли вам слышать стихи с таким рефреном:

Тра-ля-ля-ля на острове,
Сколь Божий мир прекрасен,
Тим-та-та-там на острове
Столь человек ужасен.

В общем, что-то в подобном духе. Ну так вот — сказано будто про «Тотли-Тауэрс». Прекрасный дом, обширный сад, раскинувшийся на холмах парк, ровно подстриженные газоны, словом, лучшего и пожелать невозможно, но много ли проку в этой красоте, когда знаешь, с кем тебе придется столкнуться? Не жди ничего хорошего, коль скоро в этом раю обосновалась банда папаши Бассета.

Логово старого хрыча представляло собой одно из самых прекрасных поместий в Англии, не из тех описанных в литературе парадных дворцов, являющих посетителю четыреста комнат, пятьдесят лестниц, двадцать внутренних двориков, но и не просто какое-нибудь бунгало. Бассет купил его со всей меблировкой у лорда Имярек, который, как и многие в наше время, позарез нуждался в наличности.

Впрочем, сам-то папаша Бассет в наличности не нуждался. На закате жизни он имел более чем достаточно. Если вы назовете его жирным толстосумом, то это не будет преувеличением. Чуть ли не всю свою сознательную жизнь он служил мировым судьей, и в этом качестве однажды, вместо того чтобы отечески пожурить, оштрафовал меня на пять

фунтов стерлингов всего лишь за невинную шалость, совершенную мной вечером после Гребных гонок.[13] Вскоре после этого случая Бассет унаследовал от одного своего родственника крупное состояние. Так, по крайней мере, говорилось. А на самом деле, разумеется, все те годы, когда Бассет исправлял роль судьи, он прикарманивал штрафы и набивал себе мошну. Здесь пять фунтов, там пять фунтов — вот вам и состояние.

Доехали мы неплохо, и около пяти я уже звонил в колокольчик у парадной двери. Дживс отогнал машину в гараж, а меня встретил дворецкий — помнится, его зовут Баттерфилд — и проводил в гостиную.

— Мистер Вустер, — возвестил он.

Чаепитие было в разгаре, чему я не удивился, ибо еще в холле услышал, как звенят чашками. За столом распоряжалась Мадлен Бассет. Она протянула мне вяло поникшую руку.

— Берти! Как я рада!

Скажи стороннему наблюдателю, что мне дурно становится от одной мысли о женитьбе на Мадлен Бассет, так он, скорее всего, изумленно поднимет брови и откажется меня понимать, ибо девица эта была — загляденье: стройная, гибкая, щедро экипированная золотистыми волосами и прочими атрибутами женской привлекательности. Однако кое в чем сторонний наблюдатель сильно бы промахнулся. Он наверняка сразу не разглядел бы ее слезливой сентиментальности и приторного сюсюканья, простительного разве что малютке. Мадлен была из числа тех особ, которые обожают подкрадываться к мужу, когда тот плетется к завтраку, чуть живой от похмельной головной боли, и, закрыв ему ладонями глаза, игриво мурлычат: «Угадай, кто?».

Однажды мне случилось гостить у приятеля-молодожена, так у него в гостиной над камином у всех на виду красовалась аршинная надпись: «Два нежных голубка свили здесь гнездышко». Его супруга постаралась. Я до сих пор помню немое страдание, которое читалось в глазах нежного голубка всякий раз, как он входил в гостиную и видел этот шедевр. Достигнет ли Мадлен Бассет таких высот, когда вступит в брак, сказать пока трудно, но весьма вероятно, что достигнет. И я твердо решил не сачковать и отдать все силы благородному делу их с Гасси примирения.

— Ты ведь знаком с мистером Пинкером, — сказала Мадлен Бассет, и, проследив за ее взглядом, я увидел Раззяву. Он благополучно забился в кресло и, судя по всему, пока еще ничего не опрокинул, но мне показалось, что руки у него чешутся, и он вот-вот примется за дело. А рядом с ним ютился нагруженный тарелками со сдобными булочками и сандвичами с огурцом одноногий столик, который, насколько я мог предположить, как

магнитом притягивал к себе Раззяву Пинкера.

Увидев меня, Раззява заметно вздрогнул и уронил тарелку с булочками. Глаза у него округлились. Разумеется, я догадывался, о чем он думает. Наверное, вообразил, что я примчался сюда, потому что изменил свои намерения и согласился выполнить его просьбу. Небось, шепчет про себя: «…порадуйтесь со мной: я нашел мою пропавшую овцу[14]». Я оплакал его в душе моей, понимая, какой тяжелый удар его ждет, когда он узнает, что я ни за какие коврижки не стану потворствовать дурацким прихотям Стиффи. В этом вопросе я буду тверд, пусть даже обреку их с Раззявой на душевные муки. Я давно убедился, что секрет моего счастья и успеха в жизни заключается в том, чтобы держаться как можно дальше от этой юной врагини рода человеческого с ее злокозненными выдумками.

Разговор, который мы затеяли, с полным правом можно было назвать бессвязным. Не мог же я в присутствии Мадлен взять быка за рога, вот мы и толкли воду в ступе, чередуя это занятие с переливанием из пустого в порожнее. Раззява сказал, что приехал поговорить с сэром Уоткином о предстоящем школьном празднике, и я находчиво заметил: «А что, предстоит школьный праздник?». Мадлен ответила, да, послезавтра, но так как викарий заболел, то распоряжаться будет мистер Пинкер. Тут Раззява поморщился, будто такая перспектива совсем его не радовала.

Мадлен спросила, хорошо ли я доехал. «Замечательно», — сказал я. Раззява промямлил, что Стиффи очень обрадуется моему приезду, а я улыбнулся иронической улыбкой. Тут в гостиную вошел Баттерфилд и объявил, что сэр Уоткин готов принять мистера Пинкера, и Раззява незамедлительно отчалил. Едва дверь за ними затворилась, Мадлен сцепила руки, устремила на меня слезливый взор и прошелестела:

— О Берти, тебе не следовало сюда приезжать. У меня духу не хватило отвергнуть твою трогательную мольбу — знаю, как безумно ты жаждешь снова меня увидеть, пусть мимолетно, пусть безнадежно… Но разумно ли это? Надо ли бередить свежую рану? Зачем стремиться ко мне, сознавая, что мы обречены оставаться просто друзьями. Тщетно все это, Берти. Ты не должен питать никаких надежд. Мое сердце отдано Огастусу.

Ее слова, как вы догадываетесь, звучали для меня дивной музыкой. Думаю, она не стала бы так распинаться, если бы они с Гасси действительно серьезно поссорились. Очевидно, крамольное высказывание о том, что его от нее тошнит, было вызвано просто мимолетной досадой, минутной размолвкой — например, Мадлен могла заметить, что он слишком много курит, или еще там что-нибудь в таком роде, только и всего. Как бы то ни было, сказал я себе, ссора, породившая трещину в

лютне, теперь окончательно прощена и забыта, и дела обстоят таким образом, что наутро, сразу после завтрака, мне можно отсюда смыться. Тем не менее я заметил, что физиономия у Мадлен еще кислее обычного и глаза на мокром месте.

— Как печально, Берти, что твоя любовь ко мне столь безнадежна, — сказала она и приплела еще что-то маловразумительное насчет мотыльков и звезд. — Жизнь так трагична, так жестока. Но что я могу поделать?

— Да ладно, — от всей души сказал я. — Не бери в голову.

— Но ты разбиваешь мне сердце.

С этими словами она разразилась, как говорится, бурными рыданиями. Опустилась в кресло, закрыла лицо руками. Долг вежливости, как мне показалось, побуждает меня подойти и погладить ее по макушке. Я не стал противиться этому побуждению и могу утверждать, оглядываясь назад, что это было большой ошибкой с моей стороны. Помнится, Монти Бодкин, один парень из «Трутней», который однажды погладил по макушке некую рыдающую особу женского пола, не подозревая, что жених вышеупомянутой особы находится в непосредственной близости и пожирает их глазами, уверял меня впоследствии, что такое вот поглаживание, если не проявить чрезвычайной осмотрительности, оборачивается настоящей ловушкой, ибо, как правило, забываешь вовремя убрать руку. Стоишь и держишь ее на вышеупомянутой макушке. Ручаюсь, случайные свидетели, все как один, тут же начнут поджимать губы.

Итак, я впал в ту же ошибку, что и Монти. Процедуру поджимания губ взял на себя Спод, случайно подвернувшийся в эту минуту. При виде заливающейся слезами девицы он весь от носа до кормы затрясся мелкой дрожью.

— Мадлен! — взревел он. — Что случилось?

— Ничего, Родерик, ничего, — прохлюпала она и удалилась, наверное, чтобы навести лоск на свои подмокшие прелести. Спод развернулся в мою сторону и пронзил меня взглядом. По-моему, он стал заметно выше с тех пор, как я видел его в последний раз, теперь в нем было что-то около девяти футов семи дюймов. Говоря о нем с Эмералд Стокер, я сравнил его, если помните, с гориллой, имея в виду заурядный серийный образец, а не этот раритетный выставочный экземпляр. Сейчас это был вылитый Кинг Конг. Кулачищи сжаты, глаза мечут молнии, тут и ежу ясно: появление Бертрама его не слишком обрадовало.

Дабы разрядить обстановку, я поинтересовался, не желает ли он сандвич с огурцом, но он нетерпеливым жестом дал мне понять, что сандвичем его не купишь, хотя я мог бы засвидетельствовать, что сандвичи превосходны — сам пробовал.

— Булочку?

Булочку он тоже отверг. Похоже, человек сел на диету.

— Вустер, — проговорил он, играя желваками, — не знаю, свернуть вам шею или не надо.

«Не надо», вот что я ему посоветовал бы, но он не дал мне времени ответить.

— Я был удивлен, когда узнал от Мадлен, что у вас хватило наглости напроситься сюда. Причина-то, конечно, очевидна. Явились, чтобы подорвать ее доверие к человеку, которого она любит, посеять в ее душе сомнения. Как змея подколодная, — добавил он. Интересно посмотреть, подумал я, как змея может подорвать доверие. — Когда Мадлен остановила свой выбор на Финк-Ноттле, у вас даже не хватило элементарной порядочности, чтобы принять ее решение и достойно удалиться. Вы надеетесь отбить ее у Финк-Ноттла.

Чувствуя, что пришло время что-нибудь сказать, я открыл было рот, но Спод снова пустил в ход один из своих нетерпеливых жестов, видимо, решив единолично завладеть разговором. Давненько я не встречал подобных любителей произносить монологи.

— Конечно, вы станете утверждать, что ваша любовь неодолима и что вы не в силах противиться желанию говорить с Мадлен, умолять ее. Чепуха. Презренная слабость. Послушайте, Вустер, долгие годы я любил эту девушку, но никогда ни словом, ни взглядом, ни намеком не дал ей этого понять. Я был потрясен, когда узнал, что она помолвлена с этим самым Финк-Ноттлом, но смирился во имя ее счастья. Сраженный наповал, я держал…

— Хвост морковкой?

— …в тайне свои чувства. Я стоял…

— Как мраморная статуя?

— …как воплощенная сдержанность и не сказал ни слова, чтобы не выдать своих чувств. Она должна быть счастлива, все остальное не имеет значения. Если вы меня спросите, одобряю ли я ее выбор, честно отвечу — нет. На мой взгляд, он совершеннейшее ничтожество, и могу добавить, что ее отец разделяет мое мнение. Но она этого человека выбрала, и я смиряюсь. И не стану за его спиной настраивать Мадлен против него.

— Похвально.

— Как вы сказали?

Я сказал, что я сказал, что это с его стороны похвально. Благородно с его стороны, сказал я.

— Вот как? Ладно, Вустер, я вам предлагаю следовать моему примеру. И знайте, что я буду неотступно следить за вами и, надеюсь, больше не увижу этого поглаживания по головке, которому вы предавались, когда я сюда вошел. В противном случае я намерен…

Что именно он намерен сделать, он не открыл, — но я, кажется, и сам догадывался, — так как в эту минуту вернулась Мадлен с покрасневшими глазами и печальным выражением лица.

— Я покажу тебе твою комнату, Берти, — сказала она с ангельской кротостью.

Спод бросил на меня предостерегающий взгляд.

— Осторожнее на поворотах, Вустер, — бросил он, когда мы выходили.

Мадлен удивилась.

— Отчего Родерик просит тебя соблюдать осторожность?

— Боюсь, об этом мы никогда не узнаем. Может, боится, как бы я не поскользнулся на паркете?

— У него такой вид, будто он зол на тебя. Вы поссорились?

— О небо, нет, конечно. Наша беседа проходила в атмосфере сердечности и взаимопонимания.

— Мне показалось, он раздосадован твоим приездом.

— Напротив. Он с трогательным радушием приветствовал меня словами: «Добро пожаловать в "Тотли-Тауэрс"».

— Ах, я так рада. Мне было бы грустно, если бы вые ним… Ах, папочка!

Когда мы подошли к лестнице в холле, из своей комнаты, радостно напевая, появился сэр Уоткин Бассет. Как только он увидел меня, веселенькая мелодия замерла у него на губах, и он остановился, как вкопанный. Он напомнил мне того типа, который провел ночь в доме с привидениями и наутро был найден мертвым с выражением неизъяснимого ужаса на лице.

— О папочка, — сказала Мадлен. — Забыла тебя предупредить. Я пригласила к нам Берти на несколько дней.

Папаша Бассет судорожно сглотнул.

— Несколько это, по-твоему, сколько?

— Надеюсь, по крайней мере, неделя.

— Боже правый!

— Или побольше.
— Силы небесные!
— Папочка, в гостиной тебя ждет чай.
— Нет. Мне не чаю, мне чего-нибудь покрепче, — прохрипел старикашка и неверной походкой удалился прочь. Когда я смотрел, как он понуро спускался вниз, где его, вероятно, ждала бодрящая доза спиртного, мне на ум пришло стихотворение, которое я учил в детстве. Подробности забыл, но суть в том, что на море разыгрался шторм и, помнится, кульминационная строфа звучит так:

Шатаясь, он сошел по трапу.
«Все погибло!» — крикнул хрипло
И бессильно рухнул на пол.

— Кажется, папочка чем-то расстроен, — меланхолично заметила Мадлен.
— Да, действительно, создается такое впечатление, — сухо проговорил я, задетый поведением старого хрыча. Конечно, я бы мог сделать для него скидку, ибо человек с установившимися привычками, как правило, не приходит в восторг, внезапно обнаруживая у себя в доме Вустера, но все-таки, по-моему, ему следовало бы держаться более стойко. Вспомните индейцев, Бассет, сказал бы я ему, будь мы с ним на дружеской ноге, они всегда проявляли особенную бодрость в то время, когда их поджаривали на костре.
Можно было бы ожидать, что неприятная встреча с папашей Б., да еще сразу после беседы, если, конечно, это можно счесть беседой, со Сподом повергнет меня в уныние, однако — ничуть не бывало. Я так возликовал, узнав, что между М. Бассет и Г. Финк-Ноттлом царит мир, что на все остальное мне было наплевать. Конечно, врагу не пожелаешь гостить в доме, где хозяин при виде тебя бледнеет, как мертвец, и бежит сломя голову, чтобы приложиться к бутылке и немного очухаться, но мы, Вустеры, умеем стойко переносить превратности судьбы, и когда вскоре звон гонга призвал всех к обеду, я находился в превосходном расположении духа. С песней на устах, образно говоря, я поправил галстук и устремился к кормушке.

Обед — такая трапеза, во время которой Бертрам обычно бывает в ударе, ибо он ее обожает. Счастливейшие часы моей жизни я провел в

обществе супа, рыбы, фазана или чего-то там еще, суфле, фруктов (когда приходит им пора) и рюмки портвейна в заключение. Обед выявляет все лучшее, что есть во мне. Те, кто меня знает, порой говаривают: «Днем Берти, как правило, интереса не представляет, но погрузи мир во тьму, зажги мягкий свет, откупорь шампанское, поставь перед Вустером обед, и ты станешь свидетелем чуда».

Однако если я блистаю и чарую всех и вся, то при одном условии — а именно, общество должно мне благоприятствовать. В данном же случае ни о каком благоприятствовании и речи не шло. Сэр Уоткин Бассет, который еще не оправился от шока, вызванного моим появлением в непосредственной от него близости, был весьма далек от идеального образа приветливого старого сквайра, души общества. Он то и дело бросал на меня взгляды поверх очков, моргал с таким видом, точно не мог поверить в факт моего существования, и с содроганием отворачивался. И больше он ничего не привносил в застольное общение, ни капли того, что, как я слышал, Дживс называет пиршеством ума и сердечным излиянием. Плюс к тому суровый и молчаливый Спод, томно поникшая Мадлен Бассет, мрачный Гасси и Стиффи, которая, казалось, витает мыслями неизвестно где, и вы получите зрелище, по сравнению с которым поминки — это просто разнузданная гулянка.

Кошмар — вот слово, которое вертелось у меня на языке. За столом царил настоящий кошмар. Наша трапеза напоминала сцену из какой-то русской пьесы, шедшей в «Олд Вик[15]», куда я по настоянию тети Агаты водил иногда ее сына Тоса с целью расширения его кругозора, для чего, как известно, годятся любые подручные средства.

В разгар нашей пирушки я почувствовал, что самое время что-нибудь сказать, и привлек внимание старикашки Бассета к объекту, стоящему посреди стола. В любом порядочном доме там находилась бы ваза с цветами или что-то вроде того, но так как это был «Тотли-Тауэрс», то центр стола украшала небольшая черная фигурка, вырезанная из материала, который я затрудняюсь назвать. Предмет, откуда ни погляди, смотрелся одинаково омерзительно и скорее всего являлся одним из новых экспонатов коллекции старого хрыча Бассета. Мой дядя Том тоже постоянно таскает домой с аукционов подобных уродцев.

— Что-то новенькое? — спросил я.

Папаша Бассет вздрогнул. Вероятно, ему удалось-таки себя убедить, что я всего-навсего мираж, и теперь, обнаружив поблизости Бертрама Вустера из плоти и крови, он испытал нервный шок.

— Я об этой штуке посреди стола, — продолжал я развивать свою

мысль, — она похожа на ударника из джаз-банда. Наверное, появилась после… после того, как я здесь был в последний раз?

Возможно, с моей стороны было довольно бестактно напоминать Бассету о моем предыдущем визите, возможно, мне следовало промолчать, но слово не воробей, вылетит — не поймаешь.

— Да, — с трудом выдавил из себя Бассет после минутной заминки, во время которой его била крупная дрожь, — это мое последнее приобретение.

— Папочка ее купил у одного человека по имени Планк. Он живет здесь неподалеку, в Хокли, — заметила Мадлен.

— Миленькая вещица, — сказал я. Смотреть на нее было тошно, но я подумал, что меня не убудет — надо немного умаслить старикашку Бассета. — Дядюшке Тому наверняка понравилась бы. Кстати, — меня вдруг осенило, — по-моему, тетя Далия мне вчера о ней говорила по телефону. Дядя Том, сказала она, душу бы прозакладывал, чтобы заполучить ее в свою коллекцию. И я не удивляюсь. На вид вещица очень ценная.

— Тысяча фунтов, — наконец подала голос Стиффи, вышедшая из состояния комы.

— Это же куча денег, ей-богу! — Я с изумлением подумал, что мировые судьи, если они, конечно, в течение многих лет неустанно штрафуют кого ни попадя и прикарманивают денежки, действительно могут позволить себе такие значительные траты. — Из чего она сделана? Из мыльного камня?

Видимо, я здорово промахнулся.

— Из янтаря, — отрезал папаша Бассет и посмотрел на меня взглядом, который запомнился мне с тех пор, когда я стоял перед ним в полицейском суде на Бошер-стрит. — Из черного янтаря.

— Ах, да, конечно. Теперь я вспомнил, тетя Далия так и говорила. Она в восторге от этой вещи, уверяю вас, в совершенном восторге.

— Неужели?

— О, без сомнения!

Затевая этот разговор, я надеялся немного растопить лед, так сказать, и придать нашему общению легкость, вроде той, которая была свойственна завсегдатаям старомодных салонов **и** о которой много чего понаписано в романах. Но, увы, за столом вновь воцарилось молчание, однако в конце концов трапеза завершилась, и я сразу же направился в свою комнату, где собирался убить остаток вечера в обществе Эрла Стенли Гарднера, которого прихватил с собой. Какой смысл, подумал я, толпиться в

гостиной, где Спод свирепо на меня косится, папаша Бассет с презрением фыркает в мою сторону, а Мадлен наверняка примется петь народные баллады. Ускользнув по-тихому из гостиной, я совершил антиобщественный поступок, и какой-нибудь автор учебного пособия по этикету укоризненно поднял бы бровь, но один из бесценных уроков, которые преподносит нам жизнь, заключается в том, чтобы уметь вовремя удалиться.

7

Обремененный разными заботами, я до сих пор не обмолвился об одном таинственном обстоятельстве, которое во время обеда сильно меня занимало, — а именно, что случилось с Эмералд Стокер.

Она ведь мне совершенно определенно сказала, что сегодня едет в «Тотли» четырехчасовым поездом, и как бы этот поезд ни тащился, он уже должен быть здесь. Ведь Гасси, который тоже им ехал, преспокойно сидит среди нас. А о ней ни слуху, ни духу. Взвесив все имеющиеся факты, я смог вывести одно-единственное заключение — девчонка меня разыграла.

Но зачем? С какой целью? Этим вопросом я задавался, поднимаясь к себе в комнату, где меня ждал Эрл Стенли Гарднер. Если вы сочтете, что я был удивлен и озадачен, то не ошибетесь.

В комнате я застал Джинса, который справлял свои камердинерские обязанности, и с ходу ему изложил, что меня тревожит:

— Дживс, вы видели фильм под названием «Пропавшая дама»?

— Нет, сэр. Я редко посещаю кинематограф.

— Ну, там фигурирует дама, которая затем исчезает, следите, пожалуйста, за ходом моих мыслей. Зачем, вы спросите, я об этом говорю? А затем, что моя юная приятельница исчезла средь бела дня, исчезла, не оставив и следа, как вы однажды выразились.

— Весьма таинственная история, сэр.

— Вот именно. Я теряюсь в догадках. Когда мы с ней обедали вчера, она сказала, что едет в «Тотли» четырехчасовым поездом, но фокус в том, что ее здесь нет. Вы помните тот день, когда я обедал в «Ритце»?

— Да, сэр. На вас была тирольская шляпа.

— Дживс, давайте не будем развивать шляпную тему.

— Слушаюсь, сэр.

— Если хотите знать, несколько членов клуба интересовались, где я достал эту шляпу.

— Видимо, для того, чтобы стороной обходить вашего шляпника, сэр.

Я понял, что его не убедишь, и перевел разговор на более приятный и менее располагающий к полемике предмет.

— Ну, Дживс, надеюсь, вы порадуетесь, когда узнаете, что все в порядке.

— Сэр?

— В смысле лютни, о которой мы говорили. Никакой трещины. Совсем как новая. Мисс Бассет и Гасси по-прежнему влюблены друг в друга, знаю из первых рук. Уф! Прямо гора с плеч.

Я не надеялся, что он захлопает в ладоши и начнет скакать от радости, этого от него не дождешься, но тем не менее я оказался не готов к тому, как он принял эту горячую новость. Он вовсе не собирался разделять мой восторг.

— Боюсь, сэр, что оптимизм по поводу данного обстоятельства несколько преждевременен. Возможно, позиция мисс Бассет именно такова, как вы предполагаете, однако что касается мистера Финк-Ноттла, то, кажется, с его стороны мы наблюдаем некоторое недовольство, грозящее перерасти в возмущение.

Улыбка от уха до уха, игравшая у меня на лице, вмиг угасла. Как правило, высказывания Дживса с трудом переводятся на общеупотребительный английский язык, но тут я сразу врубился в суть, и, как говорят французы, если не ошибаюсь, frisson[16] пошел у меня по телу.

— Вы хотите сказать, что она влюблена, а он уже нет?

— Совершенно верно, сэр. Когда я отгонял автомобиль в гараж, то встретил мистера Финк-Ноттла, и он конфиденциально осведомил меня о своих неприятностях. Его сообщение дает повод для серьезной озабоченности.

Еще один приступ frisson'а сотряс мой организм. Знаете, бывает иногда такое ужасно неприятное чувство, будто по позвоночнику туда-сюда снует целое стадо сороконожек. Я боялся, что случилось самое худшее.

— Что там еще стряслось? — заплетающимся голосом, — кажется, так можно сказать? — спросил я.

— С сожалением должен вас информировать, сэр, что мисс Бассет настаивает на том, чтобы мистер Финк-Ноттл придерживался вегетарианской диеты. Совершенно понятно, что мистер Финк-Ноттл пребывает в дурном расположении духа, и не исключено, что он взбунтуется.

Я чуть не рухнул. Чего-чего, но такого и в дурном сне не увидишь.

Даром что Гасси тщедушный недомерок, но поесть он не дурак. Вы посмотрите на него в ресторане «Трутней»: самый прожорливый из ленточных червей перед ним почтительно шляпу снимет, понимая, что лицезрит великого маэстро. Лиши Гасси бифштекса, жаркого и, в особенности, обожаемого им холодного пирога с телятиной и почками, и он обратится в чудовище, способное на подлость, мародерство и даже особо тяжкие преступления, а уж расторгнуть помолвку для подобного типа — раз плюнуть. Входя к себе в комнату, я собирался закурить, но теперь зажигалка выскользнула из моих трясущихся пальцев.

— Она хочет сделать из него *вегетарианца!*

— Именно об этом информировал меня мистер Финк-Ноттл, сэр.

— Ни тебе котлет?

— Да, сэр.

— Ни бифштекса?

— Да, сэр.

— Один шпинат и тому подобные отбросы?

— Полагаю, что именно так, сэр.

— Но зачем?

— Насколько я понял, мисс Бассет недавно прочла жизнеописание поэта Шелли, сэр, и теперь разделяет его убеждения, состоящие в том, что духовный человек обязан отказаться от мясной пищи. Поэт Шелли придерживался весьма строгих взглядов на этот предмет.

Я поднял с пола зажигалку, все еще не выходя из состояния транса. Всем известно, что Мадлен Б. девица с приветом, послушайте только, что она несет о звездах, кроликах и насморочных феях, однако мне и не снилось, что ее дурь простирается так далеко. Но когда я вспомнил, как за обедом Гасси, нахмурив чело, ковыряет вилкой нечто, сильно смахивающее на шпинат, то мне стало ясно, что Дживс прав. Теперь я понимаю, почему дошедший до ручки Гасси сказал, что от Мадлен его тошнит. Думаю, питон в зоопарке столь же выразительно отозвался бы о служителе, если бы тот вместо кролика принес ему на обед тертый сыр.

— Дживс, какой ужас!

— Безусловно, положение весьма тревожное, сэр.

— Если Гасси взбунтуется, может случиться все что угодно.

— Да, сэр.

— Неужели ничего нельзя поделать?

— Возможно, вам стоит попробовать урезонить мисс Бассет, сэр. Можно было бы привести убедительные доводы. В результате новейших медицинских исследований установлено, что оптимальной является диета,

где количество животной и растительной пищи сбалансировано. Подавляющее большинство докторов не рекомендуют придерживаться строгой вегетарианской диеты, ибо она не обеспечивает необходимого количества протеинов, в особенности тех, которые содержат аминокислоты, необходимые человеческому организму. По наблюдениям авторитетных ученых, дефицит указанных аминокислот приводит к нарушению умственной деятельности.

— Полагаете, стоит ей все это изложить?

— Как мне кажется, это было бы полезно, сэр.

— Сомневаюсь, — сказал я, уныло выпуская колечко дыма. — Не думаю, что это на нее подействует.

— Признаться, я с вами согласен, сэр. Поэт Шелли руководствовался скорее гуманными соображениями, нежели заботой о физическом здоровье. Очевидно, он полагал, что человек должен испытывать благоговение перед иными формами жизни. Вероятно, мисс Бассет разделяет эту точку зрения.

У меня вырвался глухой стон.

— Будь он проклят, этот Шелли! Чтоб ему наступить на развязавшийся шнурок и сломать себе шею!

— Слишком поздно, сэр. Он давно покинул этот мир.

— Черт бы побрал все эти овощи!

— Да, сэр. Ваша озабоченность совершенно понятна. Я мог бы добавить, что повариха выразилась в том же духе, когда я ее информировал о затруднениях, постигших мистера Финк-Ноттла. Ее сердце исполнилось сочувствием к его страданиям.

Я не желал ничего слушать о поварихах с чувствительным сердцем и собирался сообщить об этом Дживсу, но тут он вновь заговорил.

— Она поручила мне известить мистера Финк-Ноттла, что если он соблаговолит посетить кухню вечером, когда все улягутся спать, она будет рада снабдить его холодным пирогом с телятиной и почками.

У меня возникло такое чувство, будто сквозь тучи вдруг засияло яркое солнце, или будто я неожиданно выиграл пари, или темная лошадка, на которую я поставил, на последних десяти ярдах обошла соперника и неожиданно выиграла забег. Ибо опасность, которая угрожала сломать ось Бассет — Финк-Ноттл, предотвращена. Я знаю Гасси, как облупленного. Лишите его протеинов и аминокислот, и он утратит свое обычное дружелюбие и превратится в угрюмого человеконенавистника, который, как собака, набрасывается на своих ближайших и дражайших и весьма ощутимо их кусает. Но дайте ему отвести душу холодным пирогом с

телятиной и почками, позвольте ему удовлетворить его, что называется, законные притязания, как его злость мигом испарится, и он снова обретет свою прежнюю привлекательность. Мрачной мины как не бывало, на губах играет добродушная улыбка, вместо едкого сарказма — медовый бальзам и на любовном фронте полный ажур. Сердце моё наполнилось благодарностью к поварихе, чья находчивость решила дело.

— Дживс, кто она?

— Сэр?

— Эта спасительная повариха? Хочу особо ее помянуть в моих вечерних молитвах.

— Ее фамилия Стокер, сэр.

— *Стокер?* Вы сказали Стокер?

— Да, сэр.

— Странно!

— Сэр?

— Впрочем, неважно. Просто довольно странное совпадение. Вы уже поговорили с Гасси?

— Да, сэр. Он проявил полную готовность к взаимодействию. Планирует посетить кухню сразу после полуночи. Холодный пирог с телятиной и почками, конечно, не более чем паллиатив…

— Напротив, это любимое блюдо Гасси. Сам слышал, как в «Трутнях» даже в те дни, когда там подают карри, Гасси заказывает пирог. Он его обожает.

— Вот как, сэр? Это радует.

— Вот именно. Этот урок учит нас, Дживс, никогда не отчаиваться и не поворачиваться лицом к стене, ибо надежда остается всегда.

— Да, сэр. Не желаете ли чего-нибудь еще?

— Спасибо. Мне больше нечего желать.

— В таком случае позвольте пожелать вам покойной ночи, сэр.

— Покойной ночи, Дживс.

Он ушел, а я с полчаса провел в обществе Эрла Стенли Гарднера, но потом обнаружил, что внимание у меня рассеивается и я с трудом слежу за нитью повествования. Мысли мои все время возвращались к этой судьбоносной поварихе. Удивительно, что фамилия у нее оказалась Стокер. Может, родственница?

Я ясно представлял себе эту спасительную стряпуху. Полненькая, краснолицая, в очках, наверное, способна иногда поворчать, если ей попадешься под руку, когда она печет торт или колдует над соусом, но сердце у нее золотое. Несомненно, изможденный вид Гасси тронул ее

нежную душу. «Бедный парень, надо его подкормить». А может, она любит золотых рыбок и прониклась нежностью к Гасси, потому что он напоминает ей о них. А может, она в детстве состояла в скаутах. Во всяком случае, во имя чего бы она ни творила добрые дела, она заслуживает награды от Бертрама, и я поклялся, уезжая, отвалить ей полновесные чаевые. Буду щедрой рукой метать кошельки с золотом.

Вот таким размышлениям я предавался, чувствуя, что с каждой минутой становлюсь все более великодушным, когда ко мне ввалился не кто иной, как Гасси собственной персоной, и я понял, что был совершенно прав, сказав, что он осунулся. На нем лежала отчетливая печать голодной шпинатной диеты.

Я понял, зачем он пришел. Наверное, хотел спросить, что я делаю в «Тотли-Тауэрсе», ибо, естественно, это ведь не могло его не занимать. Однако, как оказалось, Гасси волнует совсем другой предмет. Он с ходу пустился яростно поносить растительный мир, в особенности же досталось брюссельской капусте и брокколи, а не шпинату, как можно было бы ожидать. Время шло, но мне не удавалось вставить ни слова, и когда я, наконец, получил возможность заговорить, голос у меня дрожал от сочувствия.

— Да, Дживс мне все рассказал, — проговорил я, — и сердце у меня обливается кровью.

— Еще бы! Оно у тебя должно так обливаться, чтобы ведра подставлять, если только в тебе есть хоть капля гуманности, — пылко отозвался он. — Слова бессильны передать, как я настрадался, особенно когда гостил в «Бринкли-Корте».

Я кивнул. Мне-то отлично известно, какая это пытка. Уж где-где сидеть на вегетарианской диете, только не в «Бринкли», когда на кухне орудует несравненный повар тетушки Далии. Сколько раз, пользуясь ее родственным гостеприимством, я сожалел перед обедом, что у меня всего один желудок.

— Из вечера в вечер мне приходилось отказываться от шедевров Анатоля, а если я тебе скажу, что два дня подряд подавали Mignonettes de Poulet Petit Due, а на третий Timbales de Ris de Veau Toulousiane,[17] ты поймешь, сколько я выстрадал.

Руководствуясь своей всегдашней политикой — находить по мере сил и дарить везде, где можно, мелкие радости, я поспешил указать Гасси на серебристую подкладку грозовой тучи.

— Твои муки чудовищны, — сказал я. — Но мужайся, Гасси. Помни о холодном пироге с телятиной и почками.

Я попал в самую точку. Страдальческое лицо Гасси немного оживилось.

— Дживс тебе все рассказал, да?

— Да, он говорит, повариха приготовит для тебя пирог, и я сразу понял, что она — жемчужина среди женщин.

— Слабо сказано. Она — ангел во плоти. Я как только ее увидел, сразу оценил ее по достоинству.

— Разве ты ее раньше видел?

— Ну, конечно, видел. Ты что, забыл, о чем мы говорили, когда я сидел в автомобиле, собираясь ехать на Паддингтонский вокзал? Все-таки почему ты решил, что она похожа на китайского мопса, в толк не возьму.

— Кто?

— Эмералд Стокер. По-моему, ни капельки не похожа.

— При чем тут Эмералд Стокер? Он удивился.

— Разве она тебе не сказала?

— Что?

— Что едет в «Тотли-Тауэрс» поварихой?

Я выпучил глаза. На миг мне показалось, что лишения, которые перенес Гасси, пагубно отразились на его подорванном тритономанией рассудке.

— Ты говоришь *поварихой!*

— Странно, что она тебе ничего не сказала. Видимо, почувствовала, что тебе нельзя доверить секрет. Сразу тебя раскусила: поняла, что ты болтун. Да, она здесь служит.

— Но зачем ей это? — сказал я, по своему обыкновению беря быка за рога.

— Она мне все объяснила, когда мы с ней ехали в поезде. Оказывается, она живет на пособие, которое ежемесячно получает от отца из Нью-Йорка, и обычно этих денег ей вполне хватает. Но в этом месяце ей ужасно не повезло. Поставила на Солнечного Джима в трехчасовом заезде в Кемптон Парке.

Я помнил эту лошадь, о которой он говорил. Сам чуть было сгоряча на нее не поставил, но, слава Богу, вовремя одумался.

— Она пришла шестой из семи, и Эмералд лишилась всех своих денег. Что ей оставалось? Обратиться за помощью к отцу, но тогда ей пришлось бы признаться в своем легкомысленном поступке, или найти оплачиваемую работу, чтобы продержаться, пока не придут на помощь, как она говорит, американские морские пехотинцы.

— Могла бы занять деньги у меня или у своей сестры Полин.

— Осел ты, Берти. Такие девушки, как она, денег в долг не берут. Слишком гордые. Вот она и задумала стать поварихой. Говорит, колебалась всего секунд тридцать, а потом решилась.

Откровенно говоря, я не слишком удивился. Признайся Эмералд Стокер во всем своему предку, подумал я, ей бы небо с овчинку показалось. Папаша Стокер не из тех, кто снисходительно посмеется, узнав, что дочь просадила на скачках все до нижней юбки и корсета. Сомневаюсь, что он хоть раз в жизни снисходительно посмеивался. Лично я даже улыбки у него на лице никогда не видел. Услышав о дочкиных проделках, он бы вышел из себя и низвел бы ее в положение третьеразрядной державы. Мне случалось видеть этого старого сквалыгу во всей красе, и могу засвидетельствовать, что он заводится с пол-оборота. Словом, девица поступила совершенно правильно, сочтя за лучшее промолчать.

Теперь, когда загадка Эмералд Стокер раскрылась, и дело об ее исчезновении я мог вычеркнуть из своего кондуита, у меня гора с плеч свалилась. Признаться, терпеть не могу, когда меня ставят в тупик, и мысль о пропавшей девице занозой сидела в моей черепушке. Однако мне хотелось уточнить кое-какие мелочи.

— Как случилось, что она оказалась именно в «Тотли»?

— Видимо, по моей милости. Тогда на вечеринке я, помнится, упомянул, что сэр Уоткин ищет повара и, кажется, даже дал ей его адрес. Она ему написала и получила место. Эти юные американки такие предприимчивые.

— Работа ей нравится?

— Дживс говорит, чрезвычайно нравится. Она учит дворецкого играть в рамми.[18]

— Думаю, она его обставит.

— Конечно, обставит, когда он немного подучится и они начнут играть на деньги. Между прочим, она мне говорила, что обожает готовить. Интересно, как ее стряпня?

На этот вопрос я мог ответить. Она пару раз приглашала меня к себе пообедать, и все было приготовлено отменно, просто антик-муар с мармеладом.

— Тает во рту.

— Только не у меня, — с горечью проговорил Гасси. — Ну да ладно, — добавил он, и у него во взоре засветилась тихая радость, — уж холодный пирог с телятиной и почками от меня не уйдет.

На этой счастливой ноте мы с ним распрощались.

8

Время было позднее, я кончил мусолить моего Эрла Стенли Гарднера, захлопнул книгу и задремал, но вскоре очнулся. Весь «Тотли-Тауэрс» давно погрузился в сон, стояла тишина, нарушаемая странным урчанием, исходившим из моего нутра. Прислушавшись хорошенько, я сразу догадался, в чем дело. Меня мучил зверский голод, ведь за обедом я почти ничего не ел.

Не знаю, приходится ли вам испытывать нечто подобное, но мне достаточно пустяка, чтобы потерять интерес к пище. Если завтрак или обед протекает, что называется, в накаленной атмосфере, у меня немедленно пропадает аппетит. Со мной сплошь и рядом такое случается, стоит мне преломить хлеб с тетушкой Агатой. А когда, сидя за столом, ловишь на себе взгляд папаши Бассета, торопливо отводишь глаза, натыкаешься на взгляд Спода, опять отводишь глаза, а старикашка уже снова на тебя зыркает, где уж тут отдать должное восхитительным блюдам Эмералд Стокер. Знаете, как в романах пишут, он, мол, лениво поковырял в тарелке и отодвинул ее от себя, вот так и я. И теперь я ощущал в желудке необычную пустоту, будто невидимая рука столовой ложкой вычерпала все мои внутренности.

Вероятно, настоятельная потребность подкрепиться возникла у меня еще в период Эрл-Стенли-Гарднеризации, но я тогда не обратил на нее внимания, боялся запутаться в орудиях убийства — там одно настоящее, второе подложное, да еще то, которое Перри Мейсон забросил в кусты. Теперь же приступы голода разыгрались с такой силой, что заслонили все вокруг, и перед моим мысленным взором встало чудесное видение — холодный пирог с телятиной и почками, который притаился на кухне и тихонько мне шепчет: «Сюда, Берти, сюда».

Удивительно, как часто оправдывается поговорка «не было бы счастья, да несчастье помогло». Вот вам пример. Я считал, что мой предыдущий приезд в «Тотли-Тауэрс» не принес мне ничего, кроме вреда. Как же я ошибался! Конечно, жизнь в «Тотли-Тауэрсе» — суровое испытание для нервной системы, но кое-что можно записать и в доходную часть гроссбуха. Я, как вы поняли, намекаю на то, что хорошо ознакомился с маршрутом, ведущим на кухню. Дорога пролегала вниз по лестнице, затем следовали холл и столовая. За дверью в дальнем конце столовой, насколько я помнил, начинался коридор или проход, преодолев который,

вы оказывались в непосредственной близости к холодному пирогу с телятиной и почками. Пустяковый путь, не выдерживающий сравнения с теми вояжами, которые я в свое время предпринимал по ночам.

Решить — значит совершить, таков девиз Вустеров, и не прошло и двух минут, как я пустился в дорогу.

На лестнице было темно, а в холле еще темнее. Но я успешно продвигался вперед и проделал, вероятно, полпути к цели, когда случилась непредвиденная заминка. Я столкнулся с неопознанным объектом, напоминающим человеческое тело, — встреча, которой я меньше всего ожидал на данном отрезке маршрута, и на миг… нет, не скажу, что у меня потемнело в глазах, потому что вокруг и так было хоть глаз выколи, но чувства мои пришли в смятение. Сердце проделало головокружительный скачок, вроде тех, которыми славился русский танцовщик Нижинский, и я ощутил пламенное желание немедленно очутиться где-нибудь в другом месте.

Однако, поскольку я был не в другом месте, а именно в этом, мне ничего не оставалось, как сцепиться с полуночным вором, что я и проделал, с радостью обнаружив, что этот тип ростом не вышел, видно, начал курить еще в детском возрасте. Я совсем повеселел, когда понял, что он к тому же еще и тщедушный. Я прикинул, что мне ничего не стоит слегка его придушить, чтобы не путался под ногами. И со всем моим удовольствием приступил к выполнению этого плана, но вдруг коснулся рукой предмета, который не мог быть ни чем иным, как только очками, и в ту же минуту, услышав сдавленный шепот: «Послушай, осторожнее с моими очками!», понял, что мой первоначальный диагноз был ошибочным. Ночной воришка оказался моим закадычным другом, с которым я в детстве не раз делился последней шоколадкой.

— А-а, Гасси, привет, — сказал я. — Это ты? А я думал, ты грабитель.

— Я не грабитель, — сердито возразил он.

— Теперь-то я вижу, что нет. Извини, ошибся, но, признайся, меня можно понять.

— Ты меня чуть до инфаркта не довел.

— Я сам до смерти перепугался. Пожалуй, перепугаешься, когда ты выскочил, как из-под земли. Я был уверен, что дорожка свободна.

— Какая дорожка?

— Ты еще спрашиваешь?! К холодному пирогу с телятиной и почками. Если от него, конечно, что-нибудь осталось.

— Да, кусочек остался.

— Ну, и как пирог, вкусный?

— Объедение.

— Ну, тогда в путь! Спокойной ночи, Гасси. Не сердись на меня.

Продвигаясь к цели, я понял, что, видимо, немного сбился с курса. Переволновался, должно быть. Такие потрясения даром не проходят. Короче говоря, пробираясь на ощупь вдоль стены, я снова столкнулся с неким предметом. Оказалось — напольные часы, существование которых я как-то упустил из виду. Часы рухнули с таким звуком, будто две тонны угля просыпались на крышу оранжереи. Стекло разлетелось вдребезги, посыпались винтики, колесики и прочая мелочь, а пока я стоял, стараясь водворить на место сердце, которое, казалось, колотится уже о передние зубы, внезапно вспыхнул свет, и я увидел перед собой сэра Уоткина Бассета.

Такого замешательства никогда в жизни я еще не испытывал. Всегда неприятно, если хозяин застукает вас, когда вы поздно ночью крадетесь по дому, пусть даже упомянутый хозяин ваш лучший друг и души в вас не чает, а я уже дал понять, что папаша Бассет не принадлежит к числу горячих поклонников Бертрама. Он и днем-то едва меня выносит, а уж в час ночи я, наверное, показался ему еще более отвратительным.

Я обомлел — будто мне тортом по физиономии залепили, а тут еще старикашкин халат — он совсем меня доконал. Кажется, я уже упоминал, что папаша Бассет ростом не вышел. Видимо, у Творца, создававшего мировых судей, на него сырья не хватило. А по причинам, которые нам понять не дано, чем мировой экс-судья меньше ростом, тем более кричащие халаты он носит. Этот, например, был ядовитого чернильно-фиолетового цвета, затканный шикарным золотым узором. Не покривлю душой, если скажу, что меня будто громом ударило, и я лишился дара речи. Но будь даже старикашка облачен в благопристойное, скажем, темно-синее, одеяние, едва ли мне захотелось бы с ним поболтать. Разве можно держаться непринужденно с субъектом, перед которым недавно стоял в суде и лепетал: «Да, ваша честь», «Нет, ваша честь», и который к тому же заявил, что ты должен быть счастлив, ибо отделался штрафом, а мог бы и сесть на четырнадцать суток. Тем более, когда только что расколотил напольные часы, наверняка очень дорогие сердцу вышеупомянутого экс-судьи. Как бы то ни было, но он первым начал разговор.

— Боже милостивый! — произнес он трагически. — Вы!

Никогда не знал и, видно, уже никогда не узнаю, что следует отвечать, когда тебе говорят «Вы!». И я сказал единственное, что может сказать вежливый человек: «О, добрый вечер!», хотя, как мне показалось, это было не совсем то, что требовалось. Конечно, это все-таки лучше, чем,

например, «А, Бассет, приветик!», но все же не то.

— Позвольте осведомиться, что вы здесь делаете в этот час, мистер Вустер?

Разумеется, я мог бы непринужденно рассмеяться и шутливым тоном сказать: «Да вот, часы опрокидываю», но внутренний голос мне подсказал, что меня могут не понять. Внезапно меня осенило.

— Пришел за книгой, знаете ли. Дочитал Эрла Стенли Гарднера, а сна ни в одном глазу. Думаю, посмотрю, не найдется ли чего-нибудь здесь, на полках. И вот в темноте наткнулся на часы.

— В самом деле? — произнес старикашка Б., вложив в эти слова все презрение, на какое был способен. Наверное, мне следовало раньше упомянуть, что этот недомерок, это ничтожество в бытность судьей славился надменностью и язвительностью, за что нарушители законов его терпеть не могли. Да вам, наверное, подобные типчики хорошо известны. Их реплики обычно цитируются вечерними газетами с пометкой в скобках «смех в зале», а сами вышеупомянутые типчики считают, что напрасно прожили день, если не поиздевались вволю над каким-нибудь несчастным карманным воришкой или расхулиганившимся пьянчугой. Когда мы с этим старым хрычом Бассетом лицом к лицу стояли в полицейском суде на Бошер-стрит, он с ходу принялся отпускать пошлые шуточки на мой счет, чем вызвал бурный восторг публики. Я же был готов сквозь землю провалиться.

Итак, он сказал:

— В самом деле? Позволено ли мне будет поинтересоваться, почему вы предпринимали ваши литературные изыскания в темноте? Такая операция, как включение света, вне всяких сомнений, не выходит за рамки даже ваших ограниченных возможностей.

Здорово он меня уел. Я не мог придумать ничего лучшего, как сказать, что, мол, это мне не пришло в голову. Старый хрыч брезгливо фыркнул, недвусмысленно намекая, что так может ответить только безнадежный кретин и тупица. Затем он вернулся к теме часов, которую я предпочел бы не обсуждать. Старикашка заявил, что эти часы были ему чрезвычайно дороги и что он их берег, как зеницу ока.

— Мой отец купил их много лет назад и повсюду возил с собой.

Тут у меня снова появилась возможность придать разговору легкий светский тон, спросив, например, не проще ли было бы отцу сэра Уоткина обзавестись наручными часами, но я снова вовремя догадался, что меня не поймут.

— Отец состоял на дипломатической службе, постоянно переезжал с

места на место, и никогда не расставался с этими часами. Они в целости и сохранности кочевали с ним из Рима в Вену, из Вены в Париж, из Парижа в Вашингтон, из Вашингтона в Лиссабон. И ничего им не делалось. Но им предстояло пройти главное испытание — встречу с мистером Вустером. Этого испытания они не выдержали. Мистеру Вустеру, видите ли, в голову не пришло — и то сказать, разве такое может прийти в голову? — что надо щелкнуть выключателем и зажечь свет, вместо этого он…

Тут Бассет вдруг смолк, не потому что сказал все, что хотел, а потому, что в эту самую минуту я взлетел на верхушку массивного комода, который находился примерно в шести-семи футах от того места, где мы с ним толковали. Эту дистанцию я преодолел одним махом, разве что один-единственный раз коснувшись пола, и то против воли. Ну, просто кошка на раскаленной крыше.

К этим действиям меня побудила очень веская причина. На заключительных этапах поминального панегирика напольным часам до моего слуха начали доноситься странные звуки, будто кто-то поблизости полощет горло. Оглядевшись вокруг, я поймал на себе пристальный взгляд скотч-терьера Бартоломью, недвусмысленно свидетельствующий о дурных намерениях, столь характерных для тварей этой породы. У скотч-терьера, возможно, по причине кустистых бровей, всегда такой вид, будто он проповедник из некой особенно строгой шотландской секты, а вы — прихожанин, пользующийся сомнительной репутацией и посаженный в первом ряду партера.

Вообще-то я не особенно приглядывался к его бровям, потому что мое внимание было приковано к зубам. Надо сказать, эта скотина Бартоломью была оснащена ими по уши, и в данный момент безупречное смертоносное оружие было приведено в полную боевую готовность. В моем воспаленном сознании мелькнуло все, что мне приходилось слышать о повадках этой несносной твари, которая вначале кусала, и только потом задавала вопросы и выясняла отношения. Теперь, надеюсь, вам понятно, что вышеупомянутый прыжок на комод был совершен строго по витальным показаниям. Вустеры отважны, но зря не рискуют.

Папаша Бассет остолбенел, и только когда его взгляд упал на Бартоломью, он отказался от своей первоначальной мысли, что Бертрам, не выдержав напряжения, тронулся умом и нуждается в срочной помощи врача-психиатра. Старикашка холодно посмотрел на Бартоломью и обратился к нему так, будто тот стоял перед ним в полицейском суде.

— Ступайте прочь, сэр! Лежать, сэр! Прочь! — проскрежетал он, если можно так выразиться.

Конечно, я бы мог ему сказать, что со скотч-терьерами не стоит разговаривать в таком тоне, ибо из всех пород собак, за исключением, пожалуй, доберман-пинчеров, они самые обидчивые и скорые на расправу.

— Возмутительно! Почему Стиффи позволяет этому мерзкому созданию слоняться по всему…

Полагаю, он намеревался сказать «дому», но не успел. Ибо пришла пора действовать, а не разглагольствовать. Булькающий звук многократно усилился, Бартоломью напряг мускулы и приготовился к прыжку. Вздрогнул, ожил он, рванулся так, как будто грозный шквал у него в крови взыграл, как метко сказал не помню кто. И папаша Бассет с проворством, которого я в нем не подозревал, вспорхнул, как голубь, и очутился на комоде рядом со мной. Не знаю, обставил ли он меня на секунду-другую, но думаю, да, обставил.

— Это просто невыносимо! — прошипел он, когда я вежливо подвинулся, чтобы дать ему место рядом с собой. Мне были понятны его чувства. Теперь, сколотив состояние, он хотел от жизни одного — находиться как можно дальше от Бертрама Вустера, а вместо этого он сидит на тесном комоде бок о бок с упомянутым Вустером. Тут поневоле впадешь в уныние.

— Да уж, хорошего мало, — согласился я. — Животное ведет себя неподобающим образом.

— Он, должно быть, с ума сошел! Он же прекрасно меня знает, каждый день видит.

— Да, но он вас еще никогда не видел в этом халате, — ввернул я, воспользовавшись слабым звеном в цепи его аргументов.

Видимо, чувство меры мне изменило. Старикан обиделся до глубины души.

— Чем вам не угодил мой халат? — сварливо осведомился он.

— Чуть-чуть ярковат, вам не кажется?

— Не кажется.

— Ну а скотч-терьеру кажется, он такой впечатлительный. Я замолчал и тихонько хихикнул. Старикашка встрепенулся и поинтересовался, какого черта я хихикаю.

— Да вот представил себе, — объяснил я, — как славно было бы отлупить эту впечатлительную тварь. Жаль только, что в таких случаях всегда возникает загвоздка с оружием. Года два-три назад со мной случилось подобное происшествие. Я гостил в хартфордширском имении моей тетки Агаты, и один обозленный лебедь загнал нас с приятелем на крышу лодочного сарая. Уж кажется чего лучше, запустить бы в

проклятую птицу кирпичом или шарахнуть ее багром по башке, но у нас ни кирпича, ни багра под рукой. Пришлось ждать, пока не появится Дживс, который в конце концов услышал наши вопли. Посмотрели бы вы тогда на него! Он бесстрашно ринулся…

— Мистер Вустер!

— Да?

— Прошу избавить меня от необходимости выслушивать ваши излияния.

— Я только хотел сказать…

— Воздержитесь.

Воцарилось молчание. С моей стороны это было оскорбленное молчание, я же хотел всего лишь развлечь старикашку непринужденной беседой. Я демонстративно от него отодвинулся, насколько хватило места. Вустеры никому не навязываются с разговорами.

Тем временем Бартоломью внизу упорно подпрыгивал, пытаясь присоединиться к нашей компании. К счастью, Провидение в своей бесконечной мудрости снабдило скотч-терьеров короткими ногами, и, несмотря на отчаянную волю к победе, Бартоломью терпел одну неудачу за другой. И как бы он «сквозь льды и снега ни рвался во весь опор, знамя держа в руках с девизом загадочным «Эксцельсиор[19]», ему приходилось ограничиваться свирепыми взглядами и злобным лаем.

Спустя несколько минут мой сосед по насесту нарушил молчание. Видимо, достоинство, которое умеют продемонстрировать Вустеры, произвело на него должное впечатление. В голосе у старикана зазвучали просительные нотки, которых прежде и в помине не было.

— Мистер Вустер.

Я смерил его холодным взглядом.

— Вы что-то сказали, Бассет?

— Неужели мы ничего не можем поделать?

— Попробуйте наложить на терьера штраф в размере пяти фунтов.

— Но не сидеть же здесь всю ночь!

— Почему бы нет? Что нам помешает?

Он присмирел и снова погрузился в молчание. Так мы с ним и сидели, точно два монаха-молчальника из ордена траппистов, но вдруг раздался возглас: «Вот это да!», из чего следовало, что появилась Стиффи.

Ничего удивительного, рано или поздно она, конечно, должна была появиться. Мне надо было сразу сообразить: за скотч-терьерами всегда следуют их хозяйки.

9

Если принять во внимание, что чуть ли не все свободное время Стиффи посвящает тому, чтобы ни за что ни про что посадить кого-нибудь в лужу, то она просто не имеет права быть такой хорошенькой. Ростом невелика — про таких, как она, кажется, говорят «пигалица» — и я думаю, когда они с Раззявой пойдут, даст Бог, к алтарю, в публике при виде такой пары уж конечно раздастся смех. А на вопрос пастора, согласен ли он взять эту женщину в законные супруги, Пинкер, должно быть, ответит: «Согласен довольствоваться этой малостью».

— Господи, чем это вы там занимаетесь? — поинтересовалась удивленная Стиффи. — Зачем опрокинули мебель?

— Моих рук дело, — сказал я. — Напоролся на часы. Не хуже самого Раззявы Пинкера, ха-ха. Что?

— Твои ха-ха тут неуместны, — огрызнулась она. — И не ставь себя на одну доску с моим Гаролдом. Лучше объясни, почему вы сидите там, как две вороны на суку.

Тут в разговор вступил папаша Бассет, каждое слово он сопровождал столь презрительным фырканьем, что оставил далеко позади свои прежние достижения в этом искусстве. Сравнив его с вороной, кстати, очень метко, Стиффи, видно, сильно задела его самолюбие.

— Твоя собака на нас напала.

— Не то чтобы напала, — поправил его я, — но кидала на нас злобные взгляды. Мы лишили ее удовольствия напасть на нас, сочли за лучшее покинуть сферу, так сказать, ее влияния, прежде чем она взялась за дело. Вот уже часа два, во всяком случае, так мне показалось, она пытается до нас добраться.

Стиффи бросилась яростно защищать своего бессловесного друга.

— Как вам не стыдно сваливать вину на бедного песика? Само собой, он принял вас за шпионов, платных агентов Москвы. Чего ради вы слоняетесь по дому среди ночи? Берти я еще могу понять, его в детстве уронили головкой об пол, но вы, дядя Уоткин, меня удивляете. Почему вы не идете спать?

— Я бы с радостью, — сказал папаша Бассет и фыркнул, — если ты будешь так любезна и уберешь своего зверя. Он социально опасен.

— Слишком впечатлителен, — вставил я. — Мы в этом сами убедились.

— Не надо его нервировать, тогда он никого не тронет. Бартоломью,

шалунишка, ступай в свою корзиночку, — сказала Стиффи с ласковой улыбкой, и такова была сила ее обаяния, что пес послушно развернулся и скрылся в ночи, не промолвив ни слова.

Папаша Бассет сполз с комода и направил в мою сторону профессионально-подозрительный взгляд.

— Покойной ночи, мистер Вустер. Если пожелаете сломать что-то еще из мебели, то, прошу вас, не стесняйтесь и считайте себя совершенно свободным в удовлетворении ваших экстравагантных порывов, — сказал он и тоже исчез в ночи.

Стиффи задумчиво посмотрела ему вслед.

— Берти, мне кажется, дядя Уоткин тебя не особенно любит. Я еще за обедом заметила, что он так на тебя смотрит, будто ждет подвоха. Вообще-то я не удивляюсь, твой приезд для него, как снег на голову. Признаться, для меня тоже. Глазам своим не поверила, когда ты вдруг вынырнул, как утопленник из водных глубин. Гаролд рассказывал, что умолял тебя приехать, но ты наотрез отказался. Почему ты передумал?

Когда я гостил в «Тотли-Тауэрсе» в прошлый раз, обстоятельства заставили меня посвятить эту юную проказницу в тонкости моих отношений с ее кузиной Мадлен, поэтому я без колебаний ответил на ее вопрос.

— Видишь ли, как мне стало известно, отношения у Гасси с Мадлен испортились, говорят, из-за того, что она вынуждает его идти по стопам поэта Шелли и придерживаться вегетарианской диеты. И я понял, что в этой ситуации мне придется играть роль raisonneur'а.

— Резон… чего?

— Так и знал, что ты не поймешь. Это французский термин, которым называют, по-моему, — впрочем, это надо уточнить у Дживса — уравновешенного, доброжелательного, светского человека, который вступает в дело, когда в отношениях между двумя любящими сердцами возникает трещина, и ликвидирует эту трещину. Raisonneur — это именно то, что сейчас необходимо.

— Ты боишься, что если Мадлен даст Гасси отставку, то захочет выйти за тебя?

— Наверняка. И хотя я уважаю Мадлен и восхищаюсь ею, меня совсем не радует перспектива каждый Божий день до конца своей жизни видеть по утрам за чашкой кофе ее приторную улыбку. Вот я и прикатил сюда посмотреть, нельзя ли помочь делу.

— Берти, ты явился в самый подходящий момент. Раз уж ты здесь, то проверни и для меня одно дельце. Гаролд тебе о нем говорил.

Я понял, что настало время для решительного вкорнепресечения.

— Не рассчитывай на меня. Даже слышать ничего не желаю. Знаю я твои проделки.

— Но, Берти, это для тебя совершенный пустяк. Зато ты осчастливишь одного бедолагу, скрасишь его безрадостную жизнь. Ты когда-нибудь был бойскаутом?

— Только в раннем детстве.

— Тогда тебе надо наверстать упущенное — спешить делать добрые дела. Я даю тебе хороший шанс для начала. Сейчас все объясню.

— И слушать не буду.

— Хочешь, чтобы я позвала Бартоломью и предоставила ему свободу действий?

Ну что ж, подумал я, пожалуй, это аргумент, как говорит Дживс.

— Ладно. Выкладывай, но покороче.

— Не волнуйся, еще немного, и пойдешь баиньки. Помнишь, за обедом на столе стояла маленькая черная статуэтка?

— Еще бы. Жуткая уродина.

— Дядя Уоткин купил ее у некоего Планка.

— Слышал.

— Знаешь, сколько он за нее заплатил?

— Тысячу фунтов, ты же сама говорила.

— Нет, я сказала, что она стоит тысячу. А он ее купил у этого простофили Планка за пятерку.

— Шутишь!

— Ничего подобного. Дядя заплатил за нее пять фунтов и секрета из этого не делает. Когда мы гостили в «Бринкли», он ее показывал мистеру Траверсу и рассказывал ему всю эту историю. Как он случайно увидел статуэтку на каминной полке у Планка, как сразу смекнул, что это очень ценная вещь, как внушил Планку, что ей грош цена, но он, Бассет, готов заплатить за нее пять фунтов, потому что знает, как Планк бедствует. Дядюшка выхвалялся своей ловкостью, а мистер Траверс, бедняга, прямо в осадок выпал.

Можно поверить. Когда коллекционер слышит, что его собрат купил вещь по дешевке, он готов лопнуть от зависти.

— Откуда ты знаешь, что Планк бедствует?

— А зачем бы он стал продавать статуэтку за гроши?

— Похоже, ты права.

— Скажи, ну не скотина ли после этого дядя Уоткин?

— Еще бы! Я всегда считал и считаю его последней скотиной,

скотиной из скотин. Лишнее подтверждение тому, что я всегда говорил: нет такой низости, до которой не докатились бы мировые судьи. Меня ничуть не удивляет твое негодование. Твой дядюшка показал себя мошенником высшей марки. К сожалению, тут уж ничего не поделаешь.

— Ну, я бы этого не сказала.

— Неужели ты что-то придумала?

— Да, кое-что. Я подговорила Гаролда прочесть проповедь о винограднике Навуфея. Ты-то, конечно, вряд ли слышал о Навуфее?

Я прямо-таки взвился от возмущения. Дерзкая девчонка оскорбила мое amour propre.[20]

— Сомневаюсь, что в Лондоне и прилегающих графствах найдется хоть один человек, который бы лучше меня знал всю подноготную о Навуфее. Да будет тебе известно, что в школе я выиграл приз как лучший знаток Священного Писания.

— Спорим, смошенничал?

— Ничего подобного. Честно заслужил. Ну и что, Раззява согласился?

— Да. Сказал, блестящая мысль, и неделю сосал пастилки для горла, чтобы голос не подвел. Видишь ли, замысел у нас был, как в «Гамлете». Только там надо было пробудить совесть у короля, а здесь — у дяди Уоткина.

— Да, мысль мне ясна. Ну и что, получилось?

— Нет, ничего не вышло. Понимаешь, Гаролд квартирует у миссис Бутл, жены почтальона, у них там электричества нет, одни керосиновые лампы. Рукопись проповеди лежала на столе, под лампой. Гаролд споткнулся о стол, опрокинул лампу, и проповедь сгорела, а написать новую уже не было времени. Ему пришлось порыться в своем архиве и откопать старую проповедь на совсем другую тему. Он ужасно огорчатся.

Я покачал головой и хотел было заметить, что из всех косолапых нескладех на свете Раззява самый выдающийся, но воздержался, боясь задеть Стиффины чувства. Вообще не люблю обижать детей, а тут еще вспомнил ее милые шуточки насчет того, что, мол, можно сюда и Бартоломью пригласить.

— Итак, мы должны по-другому взяться за дело, и ты нам поможешь.

Я терпеливо улыбнулся.

— Кажется, догадываюсь, куда ты клонишь, — сказал я. — Хочешь, чтобы я пошел к твоему дяде Уоткину и пробудил в нем лучшие чувства, если они у него есть. Сказал бы ему: «Бассет, играть надо по правилам» или «Бассет, прислушайтесь к вашей совести» и постарался вбить в его черепушку, что обжуливать вдов и сирот — безнравственно. Спорно,

конечно, что Планк — вдова, хотя для убедительности допустить, что он сирота, вполне возможно. Но сама подумай, Стиффи, неразумное ты дитя, разве для папаши Бассета я друг, к советам которого он прислушивается? Минуту назад ты уверяла, что он не чувствителен к моему обаянию. По-моему, мне с ним говорить бесполезно.

— А от тебя этого и не требуется.

— Чего же ты хочешь?

— Чтобы ты стянул у дяди статуэтку и вернул ее Планку. А Планк продаст ее мистеру Траверсу за настоящую цену. Подумать только, ведь дядя Уоткин заплатил этому простаку Планку какую-то жалкую пятерку! Нельзя, чтобы такое мошенничество сошло ему с рук. Надо преподать ему хороший урок.

Я опять терпеливо улыбнулся. Смех да и только. Я сто раз был прав, когда предполагал, что ее затея окажется, как всегда, хоть стой, хоть падай.

— Ну, Стиффи, это же ни в какие ворота не лезет! Мягкий упрек в моем голосе имел целью пробудить в ней стыд и угрызения совести, но не тут-то было. Она сразу перешла в наступление.

— Знаешь, ты бы лучше помалкивал. По-моему, тебя хлебом не корми, только дай что-нибудь стянуть, что, скажешь, не правда? А полицейские каски?

Я поник головой. Что правда, то правда, было дело.

— В том, что ты говоришь, — признался я, — есть доля правды. Да, каюсь, в свое время я мог стянуть каску-другую с полицейских голов…

— Вот видишь.

— Но только в ночь после Гребных гонок, когда сердце переполняли восторг и отвага. Тогда-то мне и пришлось свести знакомство с твоим дядей Уоткином. Но с тех пор много воды утекло, и я стал другим. Так что на твое предложение отвечу тебе решительным «нет».

— Нет?

— Нет, пропади все пропадом, и еще раз нет, — повторил я, чтобы и дураку было ясно. — Почему бы тебе самой не стянуть статуэтку?

— Бессмысленно. Я же не смогу отнести ее Планку. Я под домашним арестом: Бартоломью укусил дворецкого, а его грехи падают на голову хозяйки. Берти, может, ты передумаешь?

— И не мечтай.

— Какой ты зануда!

— Пусть зануда, зато твердо стою на своем, ни просьбы, ни мольбы тебе не помогут.

Она помолчала, потом, притворно вздохнув, проговорила:

— О Господи, а я надеялась, что не придется рассказывать Мадлен про Гасси.

Я снова вздрогнул всем телом. Мне крайне не понравились ее слова. В них заключался зловещий смысл.

— Знаешь, что было сегодня ночью, Берти? Просыпаюсь я примерно час назад, и как ты думаешь, что меня разбудило? Я услышала, как кто-то крадется. Выглядываю из комнаты, вижу, Гасси тихонько спускается по лестнице. Тьма кромешная, но у него был фонарик, и в его свете поблескивали стекла Гассиных очков. Иду за ним. Он в кухню, я подглядываю. Вижу, он за обе щеки уплетает холодный пирог с телятиной и почками. Тут-то мне и пришло в голову, что узнай об этом Мадлен, она ему в два счета даст под зад коленкой, он и опомниться не успеет.

— Не может она ему дать под зад коленкой только за то, что он, оголодав на шпинате и брюссельской капусте, набросился на холодный пирог с телятиной и почками, — сказал я, хотя сам не слишком в это верил.

— А спорим, что даст?

Честно говоря, я и сам был того же мнения. К такой глупой гусыне, как Мадлен Бассет, нельзя подходить с обычными мерками. Она поступит совсем не так, как поступила бы на ее месте любая другая девица. Помню, как сурово она обошлась с Гасси, когда он упился в стельку, хоть и не по своей вине, перед вручением призов в средней классической школе в Маркет Снодсбери.

— Ты же знаешь, Берти, что она вся напичкана идеалами. Если кто-нибудь хоть словечком обмолвится о сегодняшней ночной оргии, не слыхать нам свадебных колоколов. Гасси окажется на свободе, а Мадлен начнет искать, кем бы заполнить образовавшуюся пустоту. Честное слово, Берти, я все-таки думаю, тебе стоит пересмотреть свое решение и пойти на это воровство, ну в самый последний разочек.

— О Господи!

Я задыхался, как загнанный олень, жаждущий прохладных струй. Даже человеку не столь острого ума, как я, было ясно, что злодейка Стиффи поймала меня на крючок и теперь может ставить мне любые условия.

Конечно, это шантаж, но, как известно, шантаж — любимое оружие слабого пола. Сколько раз, бывало, моя тетушка Далия заставляла меня подчиняться ее воле, угрожая в противном случае отлучить от своего стола и тем самым лишить обедов и ужинов, приготовленных великим Анатолем. Покажите мне безупречно утонченную и изысканную особу женского пола, и я вам докажу, что на самом деле она настоящий Наполеон по части

мучительства и готова, глазом не моргнув, в бараний рог согнуть несчастного, в услугах которого она нуждается. Нет, тут не обойтись без закона, защищающего нас от дамского произвола.

— Выходит, жребий брошен, — промямлил я.

— Давно бы так, — обрадовалась Стиффи.

— А может, все-таки оставишь эту затею?

— И не надейся. Мне до слез жаль Планка, и я хочу, чтобы справедливость восторжествовала.

— Ладно уж, попытаюсь.

— Ну вот и умница. Задача у тебя легче легкого. Всего-то и нужно что стащить статуэтку из гостиной и тайно передать ее Планку. Представляешь, как он обрадуется, когда увидит у тебя в руках свою вещь. Наверное, воскликнет: «Вы — герой!».

И, засмеявшись серебристым смехом, который резанул мне ухо, будто скрип ножа по стеклу, она удалилась.

10

Вернувшись к себе комнату, я лег в постель, постарался успокоиться и, поворочавшись, забылся тревожным сном. В ночном кошмаре за мной снова и снова гнались по пересеченной местности какие-то проходимцы, похожие то на сэра Уоткина Бассета, то на Стиффи, то на скотч-терьера Бартоломью. Когда наутро из легкого мерцания возле моей постели соткался Дживс с завтраком на подносе, я, не теряя времени даром, снабдил его полной информацией касательно истории, в которую я угодил.

— Дживс, надеюсь, вам понятно положение вещей, — сказал я в заключение. — Когда откроется, что статуэтка украдена, и поднимется крик «лови! держи!», кого заподозрят в первую очередь? Бертрама Вустера. Мое имя уже опорочено в этом доме, и никому даже в голову не придет искать иного подозреваемого. С другой стороны, если я откажу Стиффи, она сочтет, что ею пренебрегли, а мы знаем, что получается, когда пренебрегаешь женщиной. Она расскажет Мадлен Бассет, что Гасси объедался холодным пирогом с телятиной и почками, и тогда беды и разорение обеспечены. У меня нет выхода.

К моему удивлению, вместо того, чтобы, по обыкновению, поднять бровь ровно на одну восьмую дюйма и сказать: «Весьма тревожные сведения, сэр», Дживс чуть было не улыбнулся. А именно, левый уголок рта у него едва заметно дрогнул, а потом вернулся в позицию номер один.

— Вы не сможете выполнить просьбу мисс Бинг, сэр.

Я отхлебнул кофе и всем своим видом выразил удивление. Ход его мысли был мне непонятен. Может быть, он невнимательно меня слушал?

— Но тогда Стиффи донесет на меня в ФБР.

— Ни в коем случае, сэр, ибо молодая леди вынуждена будет признать, что вы были лишены физической возможности выполнить ее просьбу. Статуэтка уже не находится в общедоступном месте. Ее поместили в комнату за массивной стальной дверью, где хранится коллекция сэра Уоткина.

— Боже правый! Откуда вам это известно?

— Я случайно проходил мимо столовой, сэр, и невольно слышал разговор сэра Уоткина с его сиятельством.

— Называйте его Спод.

— Слушаюсь, сэр. Мистер Спод сообщил сэру Уоткину, что его в высшей степени настораживает заинтересованность, которую вы вчера за обедом проявили к статуэтке из черного янтаря.

— Я же хотел только доставить удовольствие сэру Уоткину, чтобы немного разрядить атмосферу.

— Безусловно, сэр, но ваше заявление, что эту вещицу и дядя Том был бы счастлив заполучить в свою коллекцию, произвело глубокое впечатление на мистера Спода. Припомнив огорчительный эпизод с кувшинчиком для сливок в виде коровы, поставивший под сомнение приятность вашего прошлого визита в «Тотли-Тауэрс», он информировал сэра Уоткина, что пересмотрел свою первоначальную точку зрения на причину, побудившую вас прибыть сюда, а именно — желание отбить невесту у мистера Финк-Ноттла, — и теперь убежден, что вы замышляете похищение статуэтки в интересах мистера Траверса. Сэр Уоткин, который казался весьма обеспокоенным, принял in toto[21] концепцию мистера Спода, тем более после того, как, по его словам, встретил вас сегодня глубокой ночью.

Я кивнул.

— Да, мы встретились в холле, вероятно, около часа ночи, когда я шел в кухню, чтобы раздобыть кусочек холодного пирога с телятиной и почками.

— Вполне вас понимаю, сэр. Осмелюсь заметить, сэр, это был шаг несколько опрометчивый, но, бесспорно, влечение к холодному пирогу с телятиной и почками — неодолимо. Сэр Уоткин немедленно согласился с предложением мистера Спода поместить статуэтку под замок в комнате, предназначенной для хранения экспонатов коллекции. Полагаю, теперь она

находится именно там, и если объяснить мисс Бинг, что доступ к ней можно получить только с помощью отмычек или заряда тринитротолуола, — а ни тем, ни другим вы не располагаете, — уверен, юная леди внемлет голосу разума и откажется от своих намерений.

Если бы я не лежал в эту минуту в постели, то пустился бы в пляс.

— Дживс, это чистая правда. Я свободен!

— В высшей степени, сэр.

— Вас не затруднит пойти к Стиффи и объяснить ей положение дел? У вас это лучше получится, а я считаю, что ее надо оповестить как можно скорее. Неизвестно, чем она занимается в это время суток, но наверняка слоняется где-нибудь поблизости. Уверен, вы ее найдете.

— Я видел мисс Бинг в парке, с мистером Пинкером, сэр. Думаю, она старалась подготовить его к предстоящему испытанию.

— К какому еще испытанию?

— Если вы изволите припомнить, сэр, по причине временного недомогания приходского священника на мистера Пинкера возложили ответственность за завтрашний школьный праздник, и мистер Пинкер испытывает по этому поводу большое беспокойство. Среди школьников Тотли есть отчаянные головы, и мистер Пинкер опасается худшего.

— Ну так попросите Стиффи прервать на пару минут эту душеспасительную беседу и выслушать ваше communique.

— Слушаюсь, сэр.

Дживс отсутствовал довольно долго, мне даже хватило времени одеться.

— Я видел мисс Бинг, сэр, — возвратившись, сказал он.

— Ну и?..

— Она продолжает настаивать на том, чтобы вы вернули статуэтку мистеру Планку.

— Совсем свихнулась! Я же не могу проникнуть в коллекционную комнату.

— Да, сэр, но мисс Бинг может. Недавно сэр Уоткин, как сообщила мне мисс Бинг, обронил свой ключ, и она его подобрала, не поставив сэра Уоткина в известность. Сэр Уоткин приказал изготовить новый ключ, а старый остался у мисс Бинг.

Я схватился за голову.

— Значит, она может войти в ту комнату, когда вздумает?

— Совершенно верно, сэр. Мисс Бинг только что там побывала.

С этими словами он вынул из внутреннего нагрудного кармана черную кикимору и протянул мне.

— Мисс Бинг предлагает, чтобы вы доставили данный предмет мистеру Планку сразу по окончании обеда, сэр, когда, как выразилась юная леди в свойственной ей экстравагантной манере, — я цитирую — Берти натрескается и расхрабрится… Еще слишком рано, сэр, но, может быть, подать вам рюмку бренди?

— Рюмкой не обойдешься, — сказал я. — Катите бочонок, Дживс.

Не знаю, как Эмералд Стокер управлялась с палитрой и кистью, не видел ничего из ее творений, но кулинаркой она была отменной, и любой хозяин был бы счастлив нанять ее на службу на веки вечные. Обед, приготовленный ею, был великолепен, язык проглотишь.

Однако из-за дурацкого поручения Стиффи, которое мне предстояло выполнить, я почти совсем лишился аппетита. Чело нахмурено, и взор рассеянный, и горек вкус изысканного яства.

— Дживс, — начал я, когда после обеда он провожал меня к автомобилю, — тон у меня был меланхолический, потому что я утратил свою обычную жизнерадостность, — не кажется ли вам странным, что при столь высокой детской смертности такая девочка, как Стиффи, выжила и достигла двадцатилетнего возраста? По-моему, здесь определенно проявлен недосмотр. Как называется дерево, под которым если немножко посидишь, то сразу копыта отбросишь? Я, помнится, где-то читал про него.

— Анчар, сэр.

— Значит, Стиффи — анчариха, вот она кто. К ней опасно приближаться. Она сеет несчастье. И вот еще что. Хорошо ей говорить ничтоже сумняшеся… Как вы считаете, это верное выражение?

— Да, сэр. Или бестрепетно. Это синонимы.

— Хорошо ей говорить ничтоже сумняшеся, или бестрепетно: «Доставь эту дурацкую кикимору Планку», а как я его найду? Не могу же я ломиться в каждую дверь в Хокли и спрашивать: «Простите, вы не Планк?» Все равно что искать иголку в стоге сена.

— Очень выразительный образ, сэр. Я вполне понимаю ваши затруднения. Осмелюсь заметить, сэр, вероятно, имело бы смысл обратиться в местное почтовое отделение и навести справки. Почтовые служащие всегда имеют в своем распоряжении информацию о людях, проживающих в окрестности.

Дживс не ошибся. Притормозив на Хай-стрит в Хокли, я отыскал почтовое отделение, которое оказалось, как это часто бывает в деревне, скорее лавкой, где вы можете купить сигареты, трубочный табак, пряжу, сласти, веревку, носки, ботинки, рабочую одежду, почтовые открытки, бутылки с желтоватой безалкогольной жидкостью, вероятно, шипучкой. На

мой вопрос почтенная старушка за прилавком сказала, что Планк живет в большом доме с красными ставнями, только надо проехать с полмили назад. Кажется, старушенция огорчилась, что я всего лишь навел справки, а не выразил желания купить пару носков или моток веревки, но стойко выдержала разочарование, и я вернулся к машине.

Дом, о котором говорила старушка, я, помнится, проезжал. Внушительный особняк, окруженный большим участком. Вероятно, Планк, подумал я, служит в этом поместье. Он представлялся мне этаким крепко сбитым, угловатым стариком. Наверное, у него есть сын-моряк, который и привез из дальних стран эту черную уродину. Ни отец, ни сын и не догадывались, каким сокровищем владеют. «Поставлю-ка ее на камин, па, — сказал сын. — Шикарно смотрится». А старик, должно быть, ответил: «Во-во, положь ее туда, сынок. Ей там самое место», или что-нибудь вроде этого, — просторечье — не моя стихия. Итак, они сунули ее на каминную полку, а потом явился сэр Уоткин Бассет со своим вкрадчивым городским обхождением и обвел их обоих вокруг пальца. Ничего удивительного, такие вещи случаются сплошь и рядом.

Я подъехал к дому, вышел из машины и уже собрался постучать в дверь, когда ко мне торопливо подошел пожилой джентльмен с квадратным лицом и такой загорелый, будто он целую вечность торчал на солнце без зонтика.

— А вот и вы, — сказал он. — Надеюсь, я не заставил вас ждать. Играли в футбол, и я потерял счет времени. Входите, мой друг, прошу.

Стоит ли говорить, что такой радушный прием, оказанный человеку, пусть даже наделенному многими достоинствами, но совершенно незнакомому с хозяином, здорово согрел мое сердце. Мысленно отдавая дань глостерширскому гостеприимству, я последовал за хозяином через холл, щедро увешанный головами львов, леопардов, антилоп-гну и других представителей фауны, в комнату с французскими окнами, выходящими в сад перед домом. Тут хозяин меня оставил, а сам отправился за напитками, предварительно поинтересовавшись, не желаю ли я промочить горло, на что я с большим энтузиазмом ответил утвердительно. Когда он вернулся, я изучал фотографии на стене. Мой взгляд остановился на одной из них, где была запечатлена школьная футбольная команда, и я без труда узнал хозяина в юном сорвиголове, сидящем в центре с мячом в руках.

— Вы? — спросил я.

— Я. В выпускном классе. В том году я стал капитаном нашей команды. А вот этот, рядом со мной, это Коротышка Уиллоуби, отличный правый полузащитник, но так и не научился подавать обратный пас.

— Что вы говорите? — потрясенно сказал я. У меня не было ни малейшего представления, о чем он толкует, но услышанного оказалось достаточно, чтобы понять: этот Уиллоуби — сомнительная личность, и я не слишком удивился, когда хозяин дома сказал, что бедолага скончался от цирроза печени где-то в Федеральных штатах Малайи. Видимо, парни, которые не умеют подавать обратный пас, всегда плохо кончают.

— А справа от меня Миляга Тодд, пропфорвард.

— Неужели пропфорвард?

— И еще какой! Играл за Кембридж. Вам нравится Раггер?

— По-моему, я с ним незнаком.

— Я говорю, футбол-регби.

— А-а-а, э-э, вообще-то я никогда им не увлекался.

— Неужели?!

— Никогда.

— Господи помилуй!

Я понял, что безвозвратно упал в его глазах, но он как радушный хозяин дома постарался побороть в себе отвращение, вызванное моим признанием.

— Я-то всегда был помешан на регби. Правда, после школы много играть не пришлось, меня послали в Западную Африку. Хотел было обучить игре в регби туземцев, но пришлось бросить эту затею. Слишком много покойников, а там вовсю процветает кровная месть. Теперь вот в отставке, обосновался здесь. Стараюсь сколотить в Хокли классную команду, лучшую в графстве. Надо отдать ребятам должное, они землю носом роют. Единственное, чего нам не хватает, так это хорошего пропфорварда, но пока никого не могу найти. Впрочем, вам, должно быть, неинтересно слушать об этом. Наверное, хотите порасспросить о бразильской экспедиции?

— О, так вы были в Бразилии?

Кажется, я, как это часто со мной случается, ляпнул что-то не то. Он удивленно уставился на меня.

— Разве вы не знали, что я был в Бразилии?

— К сожалению, нет. Мне никто ничего не рассказывал.

— Я-то думал, вас ввели в курс дела. Глупо посылать репортера, ничего ему заранее не объяснив.

Я со своей тонкой проницательностью сразу понял, что тут какая-то путаница.

— Вы ждали репортера?

— Разумеется, я ждал репортера. Разве вы не из «Дейли Экспресс»?

— Нет, к сожалению.

— Я думал, вы пришли взять у меня интервью о моей экспедиции в Бразилию.

— О, значит, вы ученый?

Кажется, я снова что-то ляпнул. Он был явно задет.

— А кто же я, по-вашему? Разве имя Планк вам ничего не говорит?

— Так вы Планк?

— Разумеется.

— Подумать только, какое странное совпадение, — сказал я, крайне заинтригованный. — Понимаете, я разыскиваю одного типа, которого тоже зовут Планк. Не вас, конечно, а кого-то другого. Тот, кто мне нужен, скорее всего, простой парень, от сохи, сын у него моряк. Раз уж вы с ним однофамильцы, наверное, вам будет интересно послушать одну занятную историю. Взгляните-ка на эту безделушку, — сказал я, протягивая ему кикимору.

Он в изумлении воззрился на нее.

— Откуда она у вас? Это редкий образчик древнего туземного искусства, я приобрел ее в Конго, потом продал сэру Уоткину Бассету.

Я был поражен.

— Значит, это вы ему ее продали?

— Конечно, я.

— С ума сойти!

Меня разбирала бойскаутская гордость. Мне ужасно нравился этот Планк, и я был счастлив, что смогу сделать для него доброе дело. Вот сейчас он растроганно воскликнет: «Благослови вас Бог, Бертрам Вустер!» Впервые я порадовался, что Стиффи поручила мне это дело.

— Тогда вот что я вам скажу, — начал я. — Дайте мне пять фунтов и…

Я осекся. Он смотрел на меня пристальным холодным взглядом, наверное, такой же взгляд он устремлял на ныне покойных львов, леопардов, антилоп-гну и прочих, чьи останки красовались на стенах холла. Мне рассказывали у нас в «Трутнях», что точно так же смотрит Проссер Денежный мешок, наш клубный миллионер, если кто-нибудь попробует попросить у него в долг пару-тройку монет, чтобы продержаться до будущей среды.

— Ах, вот оно что! — сказал Планк с таким омерзением, что впору самому папаше Бассету. — Теперь я понял, что вы за птица. Где только таких не встретишь! Никаких пяти фунтов, любезнейший. Ни с места! Сейчас вызову полицию.

— В этом нет необходимости, сэр, — произнес почтительный голос, и через французское окно в комнату вошел Дживс.

11

При его появлении глаза у меня полезли на лоб и я, по-моему, даже издал удивленный возглас. Вот уж кого никак не ожидал увидеть, так это Дживса, и при всем желании не мог взять в толк, как он здесь очутился. Иногда мне кажется, что он умеет дематериализоваться, как эти типы, что живут в Индии, — факиры, что ли, — которые растворяются в воздухе где-нибудь в Бомбее, а через пять минут обнаруживаются в лучшем виде, скажем, в Калькутте или еще подальше.

Не мог я также уразуметь, как он догадался, что его господин попал в переделку и срочно нуждается в помощи, разве что прибег к телепатии, вроде бы так называется это явление. И вот он здесь, — голова с сильно выступающим затылком, спокойный взгляд светится умом, — а как же иначе, ведь он столько рыбы поедает, — и я безмерно рад его появлению. По собственному опыту знаю, какой он непревзойденный маг в деле вытаскивания тех, кто ухитрился сесть в лужу, а я сейчас сидел в ней по самые уши.

— Майор Планк? — спросил Дживс. Планк вылупил глаза.

— А вы кто такой, черт побери?

— Главный инспектор Уитерспун, сэр, Скотланд-Ярд. Этот человек пытался выманить у вас деньги?

— Да, именно этим он тут и занимался.

— Так я и предполагал. Мы давно за ним следим, но до сих пор не удавалось поймать его на месте преступления.

— Стало быть, он отъявленный жулик?

— Совершенно верно, сэр. Он известная личность в преступном мире, специализируется на выманивании денег. Обычно проникает в дом, рассказывает какую-нибудь правдоподобную небылицу и вымогает деньги.

— Видно, он и не на такое еще способен. Похоже, крадет вещи и пытается их продать. Взгляните на статуэтку, которая у него в руках. Я ее продал сэру Уоткину Бассету, который живет в «Тотли-Тауэрсе». У этого типа хватило наглости явиться сюда и предложить ее мне за пять фунтов.

— Неужели, сэр? С вашего позволения я конфискую указанный предмет искусства.

— В качестве вещественного доказательства?

— Совершенно верно, сэр. А теперь я доставлю этого субъекта в «Тотли-Тауэрс» для очной ставки с сэром Уоткином.

— Разумеется, действуйте. Его следует проучить. Вид у него жуликоватый. Я сразу заподозрил, что его разыскивает полиция. Давно вы следите за ним?

— Очень давно, сэр. В Скотланд-Ярде он известен под кличкой Тирольский Джо, потому что он не расстается с тирольской шляпой.

— Он и сейчас в ней пришел.

— Он без нее ни шагу.

— Неужели у него не хватает ума прибегнуть к самой примитивной маскировке?

— Видите ли, сэр, ход мысли подобных индивидуумов с трудом поддается логическому анализу.

— Так вы полагаете, что нет необходимости звонить в полицейский участок?

— Нет, сэр. Я возьму его под стражу.

— Хотите, я для верности стукну его по голове зулусской дубинкой?

— Это необязательно, сэр.

— Все-таки надежнее.

— Благодарю вас, сэр. Уверен, он не окажет сопротивления.

— Ладно, поступайте, как считаете нужным. Но смотрите, чтобы не удрал.

— Приму все меры, сэр.

— Упрячьте его в сырой каземат, кишащий крысами.

— Слушаюсь, сэр.

От всех этих обратных пасов, пропфорвардов, невесть откуда взявшихся камердинеров, от безответственных разговоров о зулусских дубинках котелок Бертрама Вустера варил из рук вон плохо, так что обмен мнениями состоялся не раньше, чем мы с Дживсом достигли моего автомобиля, оставленного мною у подъездных ворот.

— Дживс, как вы сказали, главный инспектор…? — спросил я, когда ко мне мало-помалу вернулся дар речи.

— Уитерспун, сэр.

— Почему Уитерспун? Хотя, с другой стороны, — я люблю рассматривать предмет с обеих сторон, — почему бы и не Уитерспун? Впрочем, едва ли сейчас уместно останавливаться на этой проблеме, мы можем обсудить ее позднее. Насущный вопрос, суть, так сказать, дела, в котором надлежит разобраться незамедлительно, это как, черт побери, вы здесь очутились?

— Я предвидел, что мое появление может оказаться для вас немного неожиданным, сэр. Я поспешил за вами немедленно, как только услышал о признании, которое сделал сэр Уоткин в разговоре с мисс Бинг. Я предполагал, что, беседуя с мистером Планком, вы можете попасть в неловкое положение, и надеялся, что успею перехватить вас, прежде чем вы вступите в общение с ним.

К сожалению, мне почти совсем не удалось проникнуть в смысл вышесказанного.

— Что еще за признание сэра Уоткина?

— Упомянутое признание было сделано в разговоре, состоявшемся сразу после обеда, сэр. Мисс Бинг мне сообщила, что хочет в последний раз воззвать к лучшим чувствам сэра Уоткина. Как известно, мисс Бинг принимает близко к сердцу историю, связанную со статуэткой из черного янтаря. Ей казалось, что имеет смысл хорошенько усовестить сэра Уоткина. К ее большому удивлению, едва она приступила к разговору, сэр Уоткин добродушно рассмеялся и спросил, умеет ли она хранить тайну. После чего признался, что в истории, которую он поведал мистеру Траверсу, нет ни слова правды и что на самом деле он заплатил майору Планку за упомянутый предмет искусства тысячу фунтов.

Прошло немало времени, прежде чем мне удалось понять, о чем он толкует.

— Тысячу соверенов?

— Да, сэр.

— Не пятерку?

— Нет, сэр.

— Вы хотите сказать, что он солгал дяде Тому?

— Да, сэр.

— Но какого черта?

Сейчас скажет, что понятия не имеет, подумал я. Как бы не так!

— Полагаю, побудительная причина очевидна, сэр.

— Только не для меня.

— Сэром Уоткином двигало желание вызвать зависть мистера Траверса. Мистер Траверс коллекционер, а любой коллекционер чувствует себя несчастным, когда узнает, что его собрат приобрел ценный objet d'art за незначительную сумму.

Наконец я врубился. Понял, о чем речь. Узнать, что Бассет отхватил тысячефунтовую вещицу за гроши, — это же для дяди Тома все равно что испить стакан желчи с полынью. Стиффи говорила, что на нем лица не было, и я этому охотно верю. Бедняга, наверное, чуть Богу душу не отдал.

— Дживс, вы попали в самую точку. Именно этого Бассет и. добивался. Его хлебом не корми, только дай отравить жизнь дяде Тому. Ну и фрукт!

— Да, сэр.

— Дживс, а вы способны на такое?

— Нет, сэр.

— Я тоже. Видите, что значит быть мировым судьей, как пагубно это сказывается на нравственности? Помнится, еще сидя на скамье подсудимых, я заметил, как у него бегают глаза, и подумал, что такому человеку ни в чем нельзя верить. По-моему, все мировые судьи таковы.

— Возможны исключения, сэр.

— Сомневаюсь. Все как один бессовестные лгуны. Итак, я трудился… как это, Дживс?

— Втуне, сэр.

— В чем? В туне? Звучит как-то странно, но, думаю, вы правы, Дживс… Да, жаль, что я ничего этого не знал, когда предстал перед Планком. Не подвергся бы таким ужасным испытаниям.

— Вполне понимаю, какое нервное потрясение вам пришлось пережить, сэр. К несчастью, у меня не было возможности добраться сюда раньше.

— Кстати, интересно, как вы добрались? Не пешком же.

— Нет, сэр. Я позаимствовал автомобиль у мисс Бинг. Оставил его, не доезжая досюда, остаток пути прошел пешком. Услышав голоса, я подошел к французскому окну и стал так, что позволило мне вмешаться в разговор в критический момент.

— Дживс, вы чрезвычайно находчивы.

— Благодарю вас, сэр.

— Мне бы хотелось выразить вам свою признательность. От души вас поблагодарить.

— Не за что, сэр. Всегда рад вам служить, сэр.

— Если бы не вы, Планк в два счета упрятал бы меня за решетку. Кстати, кто он такой? По-моему, какой-то ученый.

— Да, сэр.

— И кажется, высокого полета.

— Без сомнения, сэр. Недавно вернулся из экспедиции в Бразилию. Этот дом унаследовал после смерти крестного отца. Разводит коккер-спаниелей, страдает от малярии, ест только обезжиренный белковый хлеб.

— Вы, кажется, выведали всю подноготную.

— Я навел справки в почтовом отделении, сэр. Старушка за

прилавком оказалась весьма информированной особой. Я также узнал, что майор Планк большой поклонник футбола-регби, и он надеется создать в Хокли высокопрофессиональную команду.

— Да, он мне говорил. Кстати, Дживс, вы случайно не пропфорвард?

— Нет, сэр. Честно говоря, мне неизвестно, что этот термин означает.

— Мне тоже, за исключением того, что без этого типа ни одна футбольная команда не может одолеть противника, сколько ни старается. Как я понимаю, Планк днем с огнем его ищет, но, видно, тоже втуне. Очень грустно, как подумаешь. Куча денег, стада коккер-спаниелей, тонны обезжиренного белкового хлеба и ни одного пропфорварда. Такова жизнь.

— Совершенно верно, сэр.

Я сел за руль и пригласил Дживса занять место в автомобиле.

— Хотя я совсем забыл, у вас же Стиффин автомобиль. Ну, тогда в путь. Чем скорее я передам кикимору на попечение Стиффи, тем лучше.

Нет, Дживс не покачал головой, потому что он никогда не качает головой, но предостерегающе поднял юго-восточный кончик брови.

— Прошу прощения, сэр, но позволю себе высказать предположение, что более целесообразно было бы, если бы означенный предмет вернул мисс Бинг я. Едва ли благоразумно будет с вашей стороны появиться в «Тотли-Тауэрсе», имея при себе вышеупомянутую вещь. Вам может повстречаться его сиятельство… прошу прощения, мистер Спод.

Я оторопел.

— Неужели вы допускаете мысль, что он захочет меня обыскать?

— Полагаю, что это весьма вероятно, сэр. Судя по разговору, который я случайно слышал, мистер Спод ни перед чем не остановится. Если вы доверите мне упомянутый предмет, я позабочусь, чтобы мисс Бинг при первой же возможности возвратила его в коллекцию.

Я долго не раздумывал. Честно говоря, меня только порадовала возможность сбыть с рук ненавистную кикимору.

— Ладно, будь по-вашему. Вот, берите. Хотя, мне кажется, вы несправедливы к Споду.

— Боюсь, что нет, сэр.

И провалиться мне на этом месте, если он не оказался прав. Едва я въехал во двор, как некое плотное тело застило мне горизонт. Передо мной высился Спод. Он был как две капли воды похож на главного инспектора Уитерспуна, явившегося, чтобы накрыть вора с поличным.

— Вустер! — рявкнул он.

— Я слушаю, — сказал я.

— А ну выходите. Хочу обыскать ваш автомобиль.

12

Как я был благодарен Дживсу за его предусмотрительность! Я говорю о его сверхъестественном даре заглядывать в будущее и, исходя из увиденного, строить планы. Не распознай он вовремя грозящей мне опасности, я бы сейчас угодил как кур в ощип. А теперь я мог позволить себе держаться уверенно и небрежно. Как тот парень — Дживс как-то мне рассказывал, — который был так хорошо вооружен своей честностью,[22] что любые угрозы были для него, как слону дробина. Будь Спод пониже фута на три и не так широк в плечах, я бы, наверное, язвительно рассмеялся ему в лицо и даже, возможно, махнул у него перед носом моим батистовым носовым платком.

Итак, Спод вперил в меня пронизывающий взгляд, не подозревая, что еще солнце не успеет сесть, как он поймет, какого дурака свалял.

— Вашу комнату я уже обыскал.

— Правда? Весьма любопытно. Должно быть, что-то потеряли, а?

— Вам известно, что я искал. Янтарную статуэтку, про которую вы сказали, что ваш дядя был бы рад иметь такую.

— Ах, это! Насколько я знаю, она находится в комнате, где хранится коллекция.

— Откуда вам это известно?

— Из хорошо информированного источника.

— Ну так теперь ее там нет. Кто-то украл.

— Надо же!

— Когда я говорю «кто-то», я имею в виду подлого, трусливого воришку по имени Вустер. В вашей спальне статуэтки нет, и если ее нет в автомобиле, значит, она у вас при себе. А ну-ка, выверните карманы.

Я выполнил его требование, в основном под влиянием того бесспорного обстоятельства, что Спод был огромен. Будь на его месте карлик, не дождался бы он от меня такой покладистости. Когда я выложил содержимое моих карманов, он разочарованно фыркнул, будто я обманул его ожидания, и, нырнув в машину, принялся открывать все ящички и заглядывать под сиденья. Стиффи, как раз проходившая мимо, удивленно уставилась на обширное сподовское седалище.

— Что здесь происходит? — спросила она.

На этот раз я действительно издевательски расхохотался. По-моему, весьма к месту.

— Помнишь, за обедом на столе стояла черная кикимора? Она,

оказывается, пропала, и Спод вбил себе в голову нелепую мысль, что это я ее украл и держу… как это… в заточении, нет, скорее не в заточении, а… в заключении. Держу в заключении.

— Нет, правда?

— Он сам мне сказал.

— Вот осел!

Спод выпрямился, красный, как рак. Я злорадно отметил про себя, что, заглядывая под сиденья, он испачкал нос машинным маслом. Он холодно взглянул на Стиффи.

— Ты, кажется, назвала меня ослом?

— Естественно. Мои гувернантки с пеленок мне внушали, что надо говорить правду. Обвинить Берти в воровстве — какая глупость!

— Вот и я говорю, глупость, — поддакнул я. — Даже, я бы сказал, чушь.

— Статуэтка на месте, в комнате, где хранится коллекция.

— Ее там нет.

— Кто сказал?

— Я говорю.

— А я говорю, она там. Иди посмотри, если мне не веришь. Бартоломью, а ну, прекрати немедленно, скотина! — вдруг закричала Стиффи, круто переменив тему нашей беседы, и сломя голову бросилась к своему любимцу, который, кажется, подцепил какую-то падаль и вовсю играл с нею. Ход Стиффиных мыслей был ясен. Даже когда скотч-терьер безупречно чист, от него пахнет отнюдь не фиалками. А если к этому природному благоуханию добавить аромат, например, дохлой крысы или чего-то подобного, получится букет, чересчур пикантный для человеческих ноздрей. Последовала короткая перепалка, и Бартоломью, который, само собой, бранился последними словами, был отбуксирован в направлении ванной комнаты.

Минуту-другую спустя вновь появился Спод. Спеси у него явно поубавилось.

— Кажется, я несправедливо обошелся с вами, Вустер, — сказал он так кротко, что я был просто поражен.

Вустеры отличаются великодушием. Вустеры не попирают побежденных железной пятой.

— О, значит, статуэтка на месте?

— Э-э… да. Да, на месте.

— Ну что же, бывает, любой может ошибиться.

— Я бы мог поклясться, что она исчезла.

— Но дверь-то заперта?

— Да.

— По-моему, такое случается только в детективных романах. Комната заперта, окон нет, и вдруг, нате, пожалуйста, в одно прекрасное утро там находят миллионера, и из груди у него торчит кинжал восточного образца… Между прочим, у вас нос в машинном масле.

— О, в самом деле? — сказал он, хватаясь за нос.

— Теперь вы размазали его по щеке. На вашем месте я бы по примеру Бартоломью отправился в ванную.

— Так я и сделаю. Благодарю вас, Вустер.

— Не за что, Спод, вернее Сидкап. И не жалейте мыла.

По-моему, ничто так не поднимает настроение, как созерцание сил тьмы, севших в калошу, и когда я шел к дому, на сердце у меня было легко и радостно. Будто гора с плеч свалилась. Птички распевали, насекомые жужжали. «Ура, ура! Бертрам выпутался!» — слышалось мне в их хоре.

Но я часто замечал, что стоит мне выпутаться из одной неприятности, как судьба тотчас подкрадывается ко мне и исподтишка подсовывает новую гадость, будто хочет полюбопытствовать, а нельзя ли еще чего-нибудь взвалить на Бертрама. Вот и теперь она сразу взялась задело. Нечего ему успокаиваться, сказала судьба, поплевала на ладони и принялась строить мне козни, а именно: наслала Мадлен Бассет, которая приперла меня к стенке, когда я проходил через холл.

Меньше всего на свете мне хотелось с ней разговаривать; пребывай она в своей обычной слезливой меланхолии, — куда ни шло, но сейчас она была сама не своя. От ее всегдашней томности не осталось и следа. Глаза метали молнии, от которых у меня сразу задрожали поджилки. Она прямо-таки клокотала от гнева, и то, что готово было сорваться у нее с языка, явно не побудило бы последнего из Вустеров радостно аплодировать и петь осанну, подобно херувимам или серафимам, если я ничего не напутал. И правда, она тотчас же без всякой преамбулы, — так, кажется, говорится, — выложила все, что у нее накипело.

— Огастус привел меня в ярость! — выпалила она, и сердце у меня замерло, будто фантом «Тотли-Тауэрса», если таковой имеется, сдавил его своей ледяной рукой.

— Почему? Что стряслось?

— Он оскорбил Родерика.

Невероятно. Оскорбить такую махину, как Спод, рискнул бы, пожалуй, только чемпион по боксу.

— Быть не может!

— Я хочу сказать, Огастус оскорбительно о нем отозвался. Сказал, что его тошнит от Родерика, что ему осточертело смотреть, как он тут расхаживает, будто у себя дома, и что не будь папочка глуп, как бильярдный шар, он брал бы с Родерика квартирную плату. Огастус был отвратителен.

Тут сердце у меня замерло еще пуще прежнего. Не будет преувеличением сказать, что я так струхнул, что едва удержался на ногах. Вот что делает с человеком вегетарианская диета, подумал я, в один миг из кроткого ягненка он превращается в разъяренного льва. Не сомневаюсь, что в тех кругах, где вращался поэт Шелли, тоже замечали, как пагубно влияет на него вегетарианская диета.

Я постарался успокоить бурю, бушующую в ее душе.

— Может, Огастус просто пошутил?

— Нет, он не шутил.

— А не было ли у него озорного блеска в глазах?

— Нет.

— И легкой усмешки не было?

— Нет.

— Может, ты просто не заметила. Не заметить легкую усмешку — обычное дело.

— Он говорил совершенно серьезно.

— В таком случае он, вероятно, испытал приступ, — как бишь это называется? — маниакального возбуждения. С кем не случается!

Она заскрежетала зубами. Во всяком случае, мне явственно послышался скрежет.

— Ничего подобного. Он был груб и дерзок; он уже давно стал таким. Я еще в «Бринкли» это заметила. Как-то рано утром мы с ним гуляли по лужайке, и трава была подернута такой легкой-легкой пеленой тумана. Я ему и говорю: «Не кажется ли тебе, что он похож на свадебную фату, сотканную эльфом?» — «Не кажется», — буркнул Огастус и добавил, что ничего глупее в жизни не слышал.

Слов нет, Гасси был прав на все сто, но разве это втолкуешь такой девице, как Мадлен Бассет?

— А вечером мы с ним любовались закатом, и я сказала, что он всегда наводит меня на мысль о Благословенной Деве, выглядывающей из-за золотого края небес, а он спрашивает: «О ком — о ком?», я объясняю: «О Благословенной Деве», и тогда он сказал, что сроду ни о какой Благословенной Деве, выглядывающей с небес, не слышал и вообще его тошнит от закатов и Благословенных Дев, и у него болит живот.

Я понял, что пробил час raisonneur'а.

— Это было в «Бринкли»?

— Да.

— Ясно. Значит, после того, как ты посадила его на вегетарианскую диету. А ты уверена, — сказал я, raisouneur'ствуя что есть мочи, — что поступила разумно, ограничив Гасси шпинатом и прочей растительностью? Не один гордый дух восставал, когда его лишали протеинов. Не знаю, известно ли тебе, но научными исследованиями установлено, что идеальная диета — это такая диета, где сбалансировано количество мясной и растительной пищи. Человеческому организму требуются какие-то там кислоты.

Не скажу, что она откровенно фыркнула, однако изданный ею звук весьма напоминал фырканье.

— Какая чушь!

— Так говорят врачи.

— Какие врачи?

— Известные специалисты с Харли-стрит.

— Я им не верю. Тысячи людей сидят на вегетарианской диете, и у них отличное здоровье.

— Здоровое тело, да, — сказал я, ловко нащупав дискуссионную тему. — Но подумала ли ты о душе? Лиши человека бифштексов и отбивных, и неизвестно, что случится с его душой. Моя тетушка Агата однажды посадила дядюшку Перси на вегетарианскую диету, и у него сразу испортился характер. Правда, — я вынужден был это признать, — в известной мере характер у него уже был подпорчен, ибо постоянное общение с тетей Агатой ни для кого не проходит бесследно. Держу пари, что с Гасси случилось то же самое, вот увидишь. Баранья котлетка, от силы, две — это все, что ему требуется.

— Ну нет, этого он не дождется. И если он и дальше будет себя вести, как капризный ребенок, я знаю, что мне делать.

Помню, Раззява Пинкер однажды рассказывал, что, когда он заканчивал Оксфорд, то поехал в Бетнел Грин нести свет истины, и какой-то уличный торговец дал ему ногой под-дых. Пинкер говорил, что в тот момент у него странно помутилось в голове и перед глазами все поплыло, будто во сне. Вот и у меня после зловещих слов Мадлен Бассет тоже возникло такое же странное ощущение. Ее слова, выдавленные сквозь зубы, сразили меня наповал, будто увесистый сапог уличного торговца угодил мне прямо в солнечное сплетение.

— Э-э… и что же именно ты намерена сделать?

— Не имеет значения.

Я осторожно пустил пробный шар.

— Предположим… нет, вряд ли, конечно, это возможно, но… предположим, Гасси, доведенный диетой до отчаяния, накинется на… ну, скажем, например, на холодный пирог с телятиной и почками, какова будет развязка?

Вот уж не думал, что Мадлен может навылет пронзить человека взглядом, но оказалось, может, и еще как. По-моему, она даже саму тетю Агату переплюнула.

— Берти, ты хочешь сказать, что Огастус ел пирог с телятиной и почками?

— Ни Боже мой! Это просто… ну, как это называется?

— Я тебя не понимаю.

— Как называются вопросы, которые на самом деле как бы и не вопросы? Начинается на «р»… А-а, вспомнил, — риторические! Так вот, это был чисто риторический вопрос.

— Да? Тогда ответ таков: с той минуты, когда я узнаю, что Огастус поедает плоть в злобе убиенных животных, между нами все кончено, — сказала она и отчалила, а я остался стоять с таким чувством, будто меня по стенке размазали.

13

Утро следующего дня выдалось яркое и прекрасное. По крайней мере, мне так показалось. Сам я рассвета не видел, потому что погрузился в беспокойный сон всего за несколько часов до того, как упомянутый рассвет проклюнулся и принялся за дело, но когда дремотный туман немного рассеялся и я вновь обрел способность воспринимать окружающий мир, то увидел, что солнечный свет вовсю просачивается сквозь ставни, а мое ухо различило щебетанье сотен пташек, ни одна из которых, не в пример мне, не ломала голову над проклятыми вопросами. Такая развеселая компания, а слушать горько, ибо меланхолия накрыла меня своим крылом, как выразился один поэт. Радостный птичий гомон и суета только усиливали уныние, в которое я погрузился после того, как вчера мы с Мадлен Бассет дружески поболтали. Нетрудно себе представить, что ее obiter dicta[23] — по-моему, это именно так называется, — сразило меня не хуже пули. Бесспорно, речь тут шла не о простой размолвке, которую можно уладить слезами и парой поцелуев, а о настоящей трещине через всю лютню. И я

понимал: если не принять пожарных мер по соответствующим каналам, то лютня придет в полную негодность и замолчит раз и навсегда, подобно барабану, в котором образовалась дырка. А по каким каналам принимать эти самые пожарные меры — вот вопрос. У них с Гасси, как говорится, нашла коса на камень. С одной стороны, Мадлен, решительно восстающая против поедания плоти, с другой — Гасси, который твердо вознамерился поедать всю плоть, подвернувшуюся ему под руку. Я спросил себя, что из этого может проистечь, и задрожал, представив себе свое будущее, но тут рядом возник Дживс с утренней чашкой чая.

— Что? — сказал я с отсутствующим видом, глядя, как он ставит поднос на стол. Обычно Бертрам набрасывается на живительный напиток, как тюлень на рыбу, но сегодня он был, сами понимаете, чересчур озабочен. Или, если угодно, задумчив.

— Позвольте заметить, сэр, стоит прекрасная погода, весьма благоприятствующая устройству школьного праздника.

Я порывисто сел, опрокинув при этом чашку с ловкостью, достойной преподобного Г.П. Пинкера.

— Разве праздник состоится сегодня?

— Сегодня после полудня, сэр. У меня вырвался глухой стон.

— Только этого еще не хватало, Дживс.

— Сэр?

— Последняя капля. У меня и так голова кругом идет.

— Вас что-то тревожит, сэр?

— Еще как тревожит. Можно сказать, основы сотрясаются и земля из-под ног уходит. Как это называется, когда две страны сначала заигрывают друг с другом, а потом поносят друг друга последними словами?

— Обычно такое состояние дел квалифицируется как «резкое ухудшение международной обстановки», сэр.

— В таком случае считайте, что у мисс Бассет и Гасси наступило резкое ухудшение международной обстановки. Он, как мы знаем, уже не первый день в дурном настроении, а теперь и она тоже. Ее оскорбило, когда он непочтительно отозвался о закатах. Она ведь просто обожает закаты, а он возьми да ляпни, что его от них тошнит. Представляете?

— Весьма живо, сэр. Вчера вечером мистер Финк-Ноттл поделился со мной впечатлением, которое производит на него закат. Мистер Финк-Ноттл сообщил мне, что закат как две капли воды похож на бифштекс с кровью и что смотреть на него — сущая пытка. Чувства мистера Финк-Ноттла можно понять, сэр.

— Еще бы, но уж лучше бы он их не обнаруживал. И еще его

угораздило упомянуть о Благословенной Деве без подобающего уважения. Кстати, Дживс, кто она такая, эта Благословенная Дева?[24] Кажется, я никогда о ней прежде не слышал.

— Это героиня стихотворения покойного Данте Габриеля Россетти, сэр. Благословенная Дева выглядывает из-за золотого края небес.

— Да, об этом я уже осведомлен.

— «В глубине бездонной глаз отражается закат, держит лилии в руке, в волосах семь звезд горят».

— Неужели? А Гасси умудрился брякнуть, что его от нее тоже тошнит. Каково мисс Бассет это слышать? Уж лучше бы он ей на любимую мозоль наступил.

— Весьма тревожное известие, сэр.

— Вот именно. Если так и дальше пойдет, ни один букмекер не примет ставки меньше ста к восьми, что их помолвка продлится еще хоть одну неделю. Насмотрелся я в своей жизни на эти помолвки, и, уверяю вас, никакая из них не трещала по швам так стремительно, как помолвка Огастуса Финк-Ноттла и Мадлен, дочери сэра Уоткина Бассета и покойной леди Бассет. Дживс, эта опасная неопределенность просто ужасна. Как звали того типа — я о нем где-то читал, — у которого над головой на одном волоске висел меч?

— Дамокл, сэр, герой одного из древнегреческих мифов.

— Вот теперь я понимаю, что он чувствовал. И в таком состоянии я должен присутствовать на каком-то дурацком празднике. Не пойду.

— Ваше отсутствие может вызвать разные нежелательные кривотолки, сэр.

— А мне чихать. Ноги моей там не будет. Слиняю по-тихому, и пусть толкуют, как хотят.

Кроме всего прочего, я хорошо помнил, как однажды вечером в «Трутнях» Понго Твистлтон рассказывал, какие страсти кипят на таких вот сборищах. Однажды в Сомерсетшире он угодил на школьный праздник, и там его втянули в игру, которая называется «Мистер Смит, вы тут?», причем ему на голову надели мешок, и молодое поколение принялось тыкать в него палками. Представляете? Мы все прямо похолодели. А в таком местечке, как Тотли, где даже в обычные дни вам грозит опасность, можно ожидать кое-чего и похуже. Пару раз мне здесь попались на глаза уличные мальчишки, настоящие малолетние преступники. Я сразу понял, что их надо за версту обходить.

— Рвану на авто в «Бринкли», пообедаю с дядей Томом. Надеюсь, вы со мной?

— Боюсь, это невозможно, сэр. Обещал помочь мистеру Баттерфилду с устройством чаепития в павильоне.

— Ладно. Потом расскажете мне, как прошел праздник.

— Непременно, сэр.

— Если останетесь живы.

— Совершенно верно, сэр.

Поездка в «Бринкли» оказалась легкой и приятной, и я успел как раз к обеду. Тети Далии в «Бринкли» не было, она, как и намечалось, укатила на денек в Лондон, и мы вдвоем с дядей Томом уселись за трапезу, плод вдохновения непревзойденного Анатоля. За Supreme de Foie Gras au Champagne и Neige aux Perles des Alpes[25] я посвятил дядю Тома в историю статуэтки из черного янтаря, и его ликование, когда он узнал, что папаша Бассет заплатил за objet d'art не пятерку, а тысячу фунтов, было столь велико, а слова, сказанные им про папашу Б., так ласкали мое ухо, что к тому времени, как я пустился в обратный путь, на душе у меня посветлело, и мой неизменный оптимизм вернулся на свое место.

В конце концов, утешал я себя, не вечно же Гасси будет пребывать под бдительным оком Мадлен. Подойдет время, и он укатит в Лондон, где втайне от своей ненаглядной отведет душу, до отвала набив утробу бифштексами и свиными отбивными. И тогда к нему вернется прежняя влюбленность и пылкость, он снова примется писать ей нежные письма, и это занятие его увлечет, а там, глядишь, Мадлен позабудет свои завиральные вегетарианские идеи и займется чем-нибудь другим, например, собиранием марок. Я знаю женщин, знаю их способность вечно терять голову. Вдруг ни с того ни с сего приходят в раж, но вскоре пресыщаются и отдаются новому увлечению. Моя тетушка Агата однажды вздумала заняться политикой, но достаточно ей было раз-другой посетить собрания, где идейные противники ее освистали, чтобы она поняла: гораздо разумнее сидеть дома за рукоделием и забыть про политику.

Близился час, как говорится, мирного заката, когда я бросил якорь в «Тотли-Тауэрсе». Я, как всегда, украдкой пробрался к себе в комнату, и через несколько минут появился Дживс.

— Я видел, как вы приехали, сэр, — проговорил он, — и подумал, что, возможно, вы пожелаете промочить горло с дороги.

Я заверил Дживса, что интуиция его не подвела, и он сказал, что немедленно принесет мне виски с содовой.

— Надеюсь, мистер Траверс пребывает в добром здравии, сэр.

Я поспешил его успокоить.

— Когда я к нему нагрянул, он был немного не в духе, но услышав

новости про кикимору, расцвел, как роза. Ругал папашу Бассета на чем свет стоит, жаль, что вы не слышали.

Кстати, раз уж мы заговорили о Бассете, как прошел школьный праздник?

— Мне кажется, молодым людям он понравился.

— А вам?

— Сэр?

— С вами все в порядке? Вам не надевали на голову мешок и не тыкали в вас палками?

— Нет, сэр. Мое участие в празднике ограничилось тем, что я подавал гостям чай в павильоне.

— Не скажите, Дживс. В этих павильонах на школьных праздниках иногда случаются такие вещи, что не приведи Господь.

— Вы как в воду глядели, сэр. Именно за чаем один мальчик бросил в сэра Уоткина крутое яйцо.

— Попал?

— Да, в левую скулу, сэр. Крайне неприятный инцидент. Я бы, пожалуй, дал этому инциденту другую оценку.

— Ну почему же неприятный? По-моему, так приятнее ничего и быть не может. Я еще когда в первый раз увидел папашу Бассета в полицейском суде на Бошер-стрит, то, помнится, сказал себе, что вот человек, которого очень полезно было бы закидать крутыми яйцами. Одна из задержанных, — леди, которая, хлебнув лишку, учинила беспорядок и оказала сопротивление полиции, — когда ей зачитали приговор, швырнула-таки в него туфлей, но промазала, зато угодила по макушке судебному секретарю. Как зовут мальчика?

— Не могу сказать, сэр. Его деяния окутаны покровом анонимности.

— Жаль. Хотелось бы послать ему в награду верблюдов, груженных обезьянами, слоновой костью и павлинами,[26] А Гасси вы там видели?

— Да, сэр. По настоянию мисс Бассет, мистер Финк-Ноттл принял самое деятельное участие в торжествах, но, с сожалением должен сообщить, что он подвергся довольно грубому обхождению со стороны юных участников праздника. Вдобавок к прочим злоключениям, постигшим его, какой-то ребенок сунул ему в волосы леденец на палочке.

— Должно быть, Гасси очень огорчился. Он так печется о своей прическе.

— Да, сэр, мистер Финк-Ноттл был сильно разгневан. Он отлепил леденец и с размаху отшвырнул его прочь, но, к несчастью, попал по носу скотч-терьеру, принадлежащему мисс Бинг. Животное, оскорбленное

поступком, который оно, по-видимому, ошибочно расценило как немотивированное нападение, укусило мистера Финк-Ноттла за ногу.

— Бедный Гасси!

— Да, сэр.

— В любую жизнь приходят дни ненастья.[27]

— Совершенно справедливо, сэр. С вашего разрешения, пойду принесу вам виски с содовой.

Едва он вышел, как явился Гасси, немного прихрамывающий, но не выказывающий больше никаких признаков того, что подвергся, по словам Дживса, тяжким испытаниям. Казалось, он выглядит даже гораздо лучше, чем обычно, и, помнится, в уме у меня промелькнуло известное выражение: «Бульдожья порода». Если Гасси являет собой пример силы духа и жизнеспособности молодого поколения англичан, то за будущее этой страны можно не волноваться. Не каждая нация рождает сынов, которые, будучи укушены скотч-терьерами, способны скрывать улыбкой свои страдания, как это делал сейчас на моих глазах Гасси.

— А, Берти, привет, привет! — сказал он. — Узнал от Дживса, что ты вернулся, и заглянул к тебе за сигаретами.

— Сделай милость.

— Благодарю, — сказал он, набивая портсигар. — Мы с Эмералд Стокер собираемся пойти погулять.

— Что-что?!

— Или покататься на лодке. Как она захочет.

— Но, Гасси…

— Да, пока не забыл. Тебя хочет видеть Пинкер. Сказал, что должен сообщить тебе нечто важное.

— Сейчас не до него. Тебе не следует гулять с Эмералд.

— Это еще почему?

— Но…

— Извини, у меня нет времени. Не хочу заставлять ее ждать. Пока.

Он ушел, а я погрузился в размышления, которые приятными не назовешь. Думаю, теперь уже ни у кого не осталось сомнений, что мое будущее целиком зависит от Огастуса Финк-Ноттла, от того, сумеет ли он удержаться на верном пути и не запятнать своей репутации. И я не мог не понимать, что, прогуливаясь с Эмералд Стокер, он решительно сворачивает с верного пути и марает свою репутацию. Во всяком случае, именно так должна воспринять его поступок такая чувствительная девица, как Мадлен Бассет, тем более он уже достаточно раздражил ее своими кощунственными замечаниями насчет закатов и Благословенных Дев. Не

будет преувеличением сказать, что когда Дживс вернулся, неся виски с содовой, меня всего било мелкой дрожью.

Мне хотелось все ему рассказать, но, как я уже говорил, есть темы, которые мы не обсуждаем, поэтому я осушил утешительную чашу и сообщил Дживсу, что у меня был с визитом Гасси.

— Сказал, что Раззява Пинкер зачем-то хочет меня видеть.

— Вероятно, мистер Пинкер желает рассказать об инциденте с сэром Уоткином и крутым яйцом, сэр.

— Неужели это Раззява запустил в него яйцо?

— Нет, сэр, полагают, что злоумышленник — юнец, лет десяти-одиннадцати. Однако необдуманный поступок этого юного воспитанника школы повлек за собой весьма печальные последствия. Он заставил сэра Уоткина усомниться, разумно ли доверить приход викарию, который оказался неспособен обеспечить порядок на школьном празднике. Мисс Бинг, сообщившая мне об этом, казалась очень огорченной. Она полагала — я цитирую ее выражение, — что дело в шляпе, и теперь, естественно, крайне обеспокоена.

Я осушил стакан и мрачно закурил сигарету. Если «Тотли-Тауэрс» поставил себе целью сделать из меня пессимиста, то он вполне в этом преуспел.

— Над этим домом тяготеет проклятье, Дживс. Куда ни кинь взгляд, везде увядшие мечты и разбитые надежды. Вероятно, тут что-то такое в воздухе. Чем скорее мы отсюда уберемся, тем лучше. А что если нам…

Я хотел сказать «улизнуть прямо сейчас», но тут дверь распахнулась, в комнату ворвался Спод, и слова замерли у меня на губах, а брови одна за другой полезли наверх. Меня возмущала эта его привычка выскакивать, как черт из табакерки, в самый неожиданный момент, жаль, что я ничего не успел придумать, не то бы непременно отпустил какую-нибудь колкость. А так пришлось как ни в чем не бывало сказать тоном учтивого хозяина:

— А, Спод, заходите, берите парочку стульев, присаживайтесь!

Я собирался сообщить ему также, что Вустеры держат открытый дом, но он меня нахально перебил, как это принято у человекообразных невеж. Может быть, за Родериком Сподом и водятся какие-то достоинства, хотя мне лично никогда не удавалось их обнаружить, но даже самый горячий его почитатель затруднился бы назвать его любезным.

— Финк-Ноттла видели? — спросил он.

Мне не понравился его тон, и вид его мне тоже не понравился. Губы подергиваются, глаза мечут молнии. Ежу ясно, что, разыскивая Гасси, он руководствовался отнюдь не дружеским расположением, поэтому я немного подретушировал правду, как сделал бы на моем месте любой благоразумный человек.

— К сожалению, нет. Я только что вернулся из Вустершира, от дяди. Неотложные семейные дела потребовали моего присутствия, и я не был на школьном празднике, как это ни прискорбно. Невосполнимая потеря! Дживс, вы не видели Гасси?

Дживс не отвечал, возможно, потому что его здесь не было. Когда господин принимает важных гостей, он обычно незаметно исчезает. Просто испаряется, и все.

— У вас важное дело к Финк-Ноттлу?

— Хочу свернуть ему шею.

Брови у меня, вернувшиеся было в нормальную позицию, снова полезли кверху, и, если не ошибаюсь, я еще и губы поджал.

— Но, послушайте, Спод! Вам не кажется, что это уж слишком? Недавно вы вынашивали идею свернуть шею мне. Думаю, вам стоило бы последить за собой в смысле мании сворачивания шей и подвергнуть строгой проверке свои побуждения, пока они не взяли над вами власть. Видимо, вы уверены, что можете их побороть, но разве не существует опасности привыкания? Почему вы хотите свернуть Гасси шею?

В ответ он только заскрежетал зубами, во всяком случае, мне послышалось, что скрежет был зубовный. Потом, понизив голос, хотя никто не мог нас слышать, сказал:

— Вустер, я могу говорить с вами откровенно, потому что вы тоже ее любите.

— А? Кто? — спросил я. Наверное, следовало сказать «Кого?», но я как-то не сообразил.

— Разумеется, Мадлен.

— Мадлен?

— Я вам уже говорил, я всегда ее любил, и мне дорого ее счастье. Оно для меня все. Чтобы доставить ей минутное удовольствие, я готов разрезать себя на кусочки.

Сказать честно, в суть я пока не врубился, но не успел я задать уточняющий вопрос, правда ли, что девушкам доставляет удовольствие, когда человек режет себя на кусочки, он снова заговорил.

— Когда она обручилась с этим типом, с Финк-Ноттлом, я пережил

страшный шок, но я смирился, так как думал, что она будет счастлива с ним. Сраженный насмерть, я хранил молчание.

— Редкостное благородство.

— Не проронил ни слова, чтобы она не заподозрила, что я чувствую.

— Высший класс!

— Мне было достаточно того, что она счастлива. Ничто больше не имело значения. Но когда оказалось, что Финк-Ноттл грязный развратник…

— Кто? Гасси?! — сказал я, не веря своим ушам. — Уж кто-кто, только не он. Он невинен, как новорожденный агнец, даже еще невиннее, я думаю. С чего вы взяли, что Гасси грязный развратник?

— С того, что десять минут назад я видел, как он целуется с поварихой, — проговорил Спод сквозь зубы, заскрежетал ими — на этот раз я хорошо расслышал скрежет, — и выскочил из комнаты.

Не могу сказать, долго ли я оставался недвижим, как кукла чревовещателя, чей чревовещатель ушел в трактир пропустить стаканчик. Вероятно, не слишком долго, ибо когда жизнь вернулась в моё онемевшее тело и я устремился в открытое пространство, чтобы найти Гасси и предупредить его, что к нему приближается тайфун, Спод еще находился в пределах видимости. Он двигался на северо-северо-восток, поэтому, не желая с ним общаться, пока он пребывает в таком, мягко говоря, нерадужном расположении духа, я дунул на юго-юго-запад и скоро обнаружил, что поступил весьма проницательно, проложив свой курс именно в этом направлении. Передо мной тянулась тисовая, а, может, рододендроновая или какая-то еще аллея, и влетев в нее, я увидел Гасси. Он стоял вроде как в трансе, вместо того, чтобы удирать со всех ног, подобно кролику, и эта его непроходимая тупость так меня разозлила, что я заорал «Эй!» изо всей мочи.

Он обернулся, и подбежав к нему, я заметил, что он выглядит даже еще лучше, чем когда я видел его в последний раз. Глаза за стеклами очков в роговой оправе блестели, на губах играла улыбка. Он был похож на рыбу, которая только что узнала, что ее богатый австралийский дядюшка испустил дух и оставил ей кучу денег.

— Ах, Берти, — сказал он, — мы решили, что лучше погулять, чем кататься на лодке. Мы подумали, что на воде, наверное, будет немного свежо. Берти, какой прекрасный вечер, правда?

Тут я не мог с ним согласиться.

— По-твоему, прекрасный? Ну уж это едва ли. Он удивился.

— Чем же он тебе не нравится?

— Сейчас объясню, чем. Что это такое я слышал о тебе и Эмералд Стокер? Ты ее целовал?

Физиономия у Гасси стала еще благостней, и он, к моему негодованию, расплылся в самодовольной ухмылке.

— Да, Берти, целовал и буду целовать, пусть даже ценою жизни. Берти, какая это девушка! Добрая, милая. По-моему, она идеал женственности, такую в наше время днем с огнем не сыщешь. Когда я к тебе забежал, у меня не было времени рассказать, что случилось на школьном празднике.

— Дживс мне говорил. Тебя укусил Бартоломью.

— Да, правда. Эта скотина прокусила мне ногу до кости. И знаешь, что сделала Эмералд Стокер? Она ворковала надо мной, как любящая мать, но этого мало, она промыла и перевязала мою покалеченную ногу. Она милосердный ангел, вторая Флоренс Найтингейл.[28] После того, как она перевязала мне рану, я ее поцеловал.

— Послушай, ты не должен был этого делать.

Он снова выказал все признаки удивления и сообщил мне, что, поцеловав Эмералд Стокер, поступил совершенно правильно.

— Но ты помолвлен с Мадлен.

Говоря это, я надеялся, что его совесть заработает на полную катушку, но, видно, механизм дал сбой, потому что Гасси остался холоден и равнодушен — ни дать ни взять мороженый палтус,

— А-а, ну да, Мадлен, — сказал он. — Я как раз собирался коснуться этой темы. Хочешь, скажу, в чем беда Мадлен Бассет? У нее нет сердца. В этом вся загвоздка. Смотреть на нее приятно, но тут у нее — ничего нет, — Гасси похлопал себя по левой стороне груди. — Знаешь, как она отнеслась к моему ранению? Она приняла сторону этой твари Бартоломью. Сказала, что я сам виноват, не надо было его дразнить. В общем, обошлась со мной коварно и подло, не то что Эмералд Стокер. Знаешь, что сделала Эмералд?

— Ты мне уже рассказал.

— В смысле, кроме того, что перевязала мне рану? Пошла на кухню и приготовила сандвичи. Вот они, — сказал Гасси, доставая большой пакет и благоговейно его разглядывая. — Ветчина, — трепетно добавил он. — Она их приготовила для меня собственными руками. Эта чуткость даже еще больше, чем ее божественная доброта, убеждает меня в том, что она для меня — единственная девушка на свете. Пелена спала с моих глаз, и я понял, что мое чувство к Мадлен — всего лишь юношеское увлечение. Эмералд Стокер я полюбил по-настоящему. По моему мнению, таких, как она, больше на свете не существует, и я был бы тебе очень признателен,

Берти, если бы ты перестал твердить всем и каждому, будто она похожа на китайского мопса.

— Но, Гасси…

Он перебил меня, повелительно взмахнув пакетом с сандвичами.

— Бессмысленно повторять: «Но, Гасси». Твоя беда, Берти, что ты не имеешь понятия о настоящей любви. Ты вроде бабочки, порхающей с цветка на цветок, впрочем, как и Фредди Виджен и другие придурки, которых в «Трутнях» пруд пруди. Девушка для тебя — не более чем игрушка от нечего делать. А великая страсть тебе недоступна. А я совсем другой. У меня глубокие чувства. Я из тех, кто женится.

— Но ты не можешь жениться на Эмералд Стокер.

— Почему? Мы — родные души.

Мне пришла было в голову мысль нарисовать ему словесный портрет старика Стокера, чтобы он знал, какого тестя он отхватит, если осуществится его намерение, но потом раздумал. Здравый смысл мне подсказал, что человека, перед которым столько времени в качестве будущего тестя маячил папаша Бассет, таким доводом не проймешь. Как бы я ни расписывал Стокера, он все равно покажется Гасси меньшим из зол.

Я стоял, как потерянный, не зная, что делать, и продолжал бы стоять, но тут вдруг слышу, меня кто-то окликает. Оглядываюсь и вижу Раззяву Пинкера и Стиффи. Они махали мне руками и какими-то предметами. Я сразу догадался, что им не терпится обсудить происшествие с сэром Уоткином Бассетом и крутым яйцом.

В эту минуту их вмешательство было мне совсем некстати, ибо все мои силы были сосредоточены на урезонивании Гасси и наставлении его на путь истинный, но всем известно — Бертрам Вустер забывает о себе, когда к нему обращается попавший в беду друг. Бертрам готов пожертвовать собой, лишь бы помочь бедствующему другу. И я поспешил к Стиффи и Раззяве Пинкеру, бросив Гасси через плечо, что вернусь при первой возможности и мы продолжим обсуждение вопроса.

— Давайте покороче, — сказал я. — У меня важный разговор. Долго рассказывать, но, поверьте, ситуация слишком серьезная. У вас, по словам Дживса, тоже. Насколько я понял, надежд на получение прихода мало. У папаши Бассета, как всегда, семь пятниц на неделе и «нет, не решаюсь» снова одерживает верх. Большая неудача.

— Конечно, сэра Уоткина тоже можно понять, — сказал Раззява, которого если и стоило в чем-то упрекнуть, кроме того, что он вечно налетает на мебель, так это в том, что он слишком терпим ко всяким

подонкам. — Он считает, что если бы я более настойчиво внедрял в сознание учеников воскресной школы разницу между добром и злом, то в него бы не бросили крутое яйцо.

— Все равно бросили бы, — сказала Стиффи.

И я с ней согласился. Сколько ни читай воскресных лекций, подрастающее поколение не отучишь кидать крутые яйца в сэра Уоткина Бассета.

— Но разве я могу тут чем-нибудь помочь? — спросил я.

— Можешь, — сказала Стиффи. — Мы надеемся как-то задобрить дядю Уоткина. Но сначала надо успокоить его нервную систему, и мы хотим тебя просить, Берти, не мозолить ему глаза, пока он не остынет. Держись от него подальше. Один твой вид выводит его из себя.

— Меня тоже его вид выводит из себя, — находчиво парировал я. Этот разговор ужасно меня разозлил. Вот еще, думал я, делать мне больше нечего, как якшаться с экс-судьями. — Разумеется, я буду его избегать. С большим удовольствием. Это все?

— Все.

— Тогда пойду к Гасси, — сказал я и направился прочь, но тут Стиффи вдруг вскрикнула:

— Гасси! Совсем из головы вон! Я же хотела ему кое-что сказать, это для него крайне важно. Не знаю, как я могла забыть. Гасси! — завопила она. Он встрепенулся, как бы выходя из блаженного оцепенения, моргнул и двинулся к нам. — Почему ты ошиваешься здесь, Гасси?

— Кто, я? Мы тут с Берти обсуждали один вопрос, и он сказал, что скоро вернется, и мы продолжим нашу беседу.

— Послушай, у тебя нет времени беседовать с Берти.

— Как?

— И спрашивать «как?» у тебя тоже нет времени. Я только что встретила Родерика, он меня спросил, не знаю ли я, где ты. Он хочет разорвать тебя на мелкие кусочки, потому что видел, как ты целуешься с поварихой.

У Гасси с глухим стуком отвалилась челюсть.

— Почему ты мне этого не сказал? — с упреком адресовался он ко мне.

— Прости, упустил из виду. Но это правда, тебе лучше убраться отсюда подобру-поздорову. Улепетывай без оглядки, вот мой тебе совет.

И Гасси ему последовал. Он рванул с места в карьер, как сказал кто-то там, быстрее пули, выпущенной из ружья, и показал бы блестящий результат, если бы не пришел в лобовое столкновение со Сподом, который

как раз в этот миг вывернул слева.

15

Если даже такой щуплый малый, как Гасси, вдруг врежется вам в диафрагму, вы придете в сильное замешательство, могу лично засвидетельствовать, потому что в мою бытность в Нью-Йорке со мной случилось нечто подобное. Вашингтон Сквер кишмя кишит грустноглазыми итальянскими детишками, снующими туда-сюда на роликовых коньках, и вот один из них, летевший опрометью с опущенной головой и скоростью сто миль в час, протаранил меня в районе третьей пуговицы жилета. Я испытал странное обморочное ощущение, с которым, вероятно, теперь познакомился и Спод. Он выдохнул воздух, издав при этом громкое «Хо!», и покачнулся, как дуб под топором дровосека. К несчастью, Гасси тоже покачнулся, тем самым дав Споду время выровнять киль и перегруппировать силы. Простерши окорокоподобную десницу, он схватил Гасси за шиворот и сказал «Ха!».

Чрезвычайно трудно дать правильный ответ, когда тебе говорят «Ха!» — в этом смысле «Ха!» и «Эй, ты!» похожи между собой, — но Гасси был избавлен от необходимости искать подходящий ответ тем обстоятельством, что Спод принялся его трясти, как коктейль в стакане, лишая тем самым дара речи. Очки его упали неподалеку от меня. Я их поднял в надежде, что они ему еще, может быть, когда-нибудь пригодятся, хотя, подумал я, вряд ли это случится в ближайшее время.

Раз уж этот самый Финк-Ноттл, как я уже упоминал, был мой друг детства, с которым мне не раз приходилось делить последнюю шоколадку, и раз уж я видел, что если не вмешаться, то ему грозит опасность превратиться в нечто вроде винегрета или хаша, то, естественно, мне в голову пришла мысль предпринять какие-то шаги, чтобы положить конец этой безобразной сцене. Вопрос, подлежащий рассмотрению, заключался в следующем — какие именно шаги следует предпринять? Моего тоннажа явно не хватало, чтобы сойтись со Сподом в рукопашном бою, и я принялся обмозговывать мысль, а не шарахнуть ли его сзади бревном по голове. Однако этот проект пришлось отклонить, поскольку бревен в наличии не наблюдалось. Эти тисовые — а, может, рододендроновые — аллеи в изобилии снабжены ветками и опавшими листьями, но там нет и намека на бревно, которое можно использовать в качестве орудия нападения. И только я подумал, что проблему, видимо, можно решить,

если прыгнуть Споду на спину и сдавить ему горло, как Стиффи крикнула: «Гаролд!».

Я понял, что она затеяла. Гасси не принадлежал к числу ее близких друзей, но у этой юной проказницы было доброе сердце, и если выдавался случай спасти жизнь человека, она его не упускала. Поэтому она воззвала к Раззяве, чтобы он вступился и вызволил Гасси. Достаточно было взглянуть на преподобного Пинкера, чтобы понять, что он пребывает в полной растерянности. Не представляя, с какого бока взяться за дело, он задумчиво потирал подбородок и был похож на ту самую кошку в пословице.[29]

Я понимал, что его удерживает. Не это… как его? вертится на языке… Вспомнил — малодушие, то есть когда парень просто-напросто трусит. Так вот, я хотел сказать, что не малодушие удерживало Раззяву Пинкера. Думаю, и львы могли бы у него поучиться храбрости, заочно, а повстречай он Спода на футбольном поле, он без колебаний прыгнул бы ему на спину и завязал ему шею двойным морским узлом. Беда в том, что он был викарий, а церковное начальство косо смотрит на викариев, которые сворачивают шеи своим прихожанам. Вздуйте хорошенько свое духовное чадо, и вам крышка. Словом, преподобного Пинкера раздирали сомнения, и в конце концов он обратился к Споду, призывая его умерить свой пыл.

— Но-но, послушайте, знаете ли! Что? — промямлил он.

Я мог бы сказать Раззяве, что он взялся за дело не с того конца. Когда такая горилла, как Спод, входит в раж, увещевания малоэффективны. Видимо, сообразив это, преподобный отец приблизился к Споду, который тем временем старался придушить Гасси, и положил руку ему на плечо. Увидев, что и это не дает ощутимых результатов, Раззява потянул на себя. Раздался хруст, и рука Спода разжалась.

Не знаю, приходилось ли вам оттаскивать снежного гималайского барса от его жертвы, — скорее всего, нет, ибо большая часть человечества редко бывает в Гималаях, — но если когда-нибудь придется, то не ждите со стороны животного ничего, кроме негодования. Выяснилось, что Спод не уступает снежному гималайскому барсу. Разгневанный непростительным, как ему показалось, вмешательством в его личные дела, он двинул преподобного отца по носу, и все сомнения, которые до сих пор терзали Раззяву Пинкера, исчезли в одно мгновение.

По-моему, если существует на свете способ заставить человека забыть, что он посвящен в духовный сан, то это съездить ему хорошенько кулаком по носу. Еще минуту назад Раззява опасался, что церковное начальство его не одобрит, но теперь, насколько я понял, он сказал себе: «К черту церковное начальство!» или, может быть, что-то более подходящее для

викария, вроде: «Пусть они все подавятся!».

Глядя на это первоклассное представление, я наконец-то понял, что означает выражение «воинствующая церковь». К моему глубокому сожалению, зрелище продолжалось недолго. Спод был исполнен волей к победе, но Раззява владел научным методом. Недаром он украшал собою университетскую сборную по боксу, не говоря уж о сборной по футболу. Короткая потасовка, и Спод растянулся на земле без признаков жизни, как утопленник, проведший в воде несколько суток. Левый глаз у него сразу затек, и рефери, наверное, мог бы досчитать над ним до ста, так и не дождавшись отклика.

— Молодчина! — удовлетворенно бросила Стиффи и спешно увела Раззяву Пинкера, видимо для того, чтобы омыть ему лицо и остановить хлеставшую у него из носа кровь. Я протянул Гасси очки, и он принялся машинально крутить их в руках. Похоже, он все еще пребывал в состоянии транса, и тогда я выдвинул предложение, по-моему, для него небезынтересное.

— Не подумай, что я настаиваю, Гасси, но не лучше ли будет тебе убраться отсюда подальше, пока Спод не очухался? Мне почему-то кажется, что, когда он придет в себя, у него будет плохое настроение.

Ну и скорость же мы с ним развили! Не успели последние слова сорваться у меня с губ, как мы с ним уже были в конце тисовой, а, может, рододендроновой аллеи, как ее ни назови, и еще некоторое время мчались, но потом все-таки перешли на шаг, и Гасси смог, наконец, высказаться.

— Ну и натерпелся я страху, Берти, — сказал он.

— Да уж, что и говорить, — согласился я.

— У меня перед глазами пронеслась вся моя жизнь.

— Странно. Ты же не тонул.

— Не тонул, но, по-моему, принцип тот же. Слушай, я так благодарен Пинкеру за то, что он вмешался. Славный он малый.

— Таких поискать.

— Чего не хватает современной церкви, так это викариев, которые способны в случае необходимости задать хорошую трепку нахалам вроде Спода. Когда рядом с тобой такой парень, как преподобный Пинкер, чувствуешь себя в полной безопасности.

Я указал ему на обстоятельство, которое он упустил из виду.

— Но он не может всегда находиться рядом. У него и Детская воскресная школа, и Собрание матерей, и еще куча всяких дел. А Спод, не забудь, хоть и повержен, но скоро восстанет.

У Гасси отвисла челюсть.

— Совсем забыл.

— Послушай моего совета, исчезни на время, уйди в подполье. Стиффи одолжит тебе свой автомобиль.

— Наверное, ты прав, — сказал он и добавил что-то, как мне показалось, довольно обидное об устах младенцев. — Уеду сегодня же вечером.

— Не прощаясь.

— Конечно, не прощаясь. Нет, не туда, давай свернем налево. Хочу зайти в огород при кухне. Я обещал Эм, что приду к ней туда.

— Кому? Кому обещал?

— Эмералд Стокер. А кому же еще? Ей надо нарвать фасоли и прочей зелени к обеду.

И правда, Эмералд Стокер была в огороде. Она расхаживала с большой миской в руках, занятая своими домашними делами.

— Эм, я пришел с Берти, — сказал Гасси. Она круто повернулась, уронив несколько фасолин.

Я с беспокойством заметил, как просветлело все ее лицо до последней веснушки, когда она увидела Гасси. Будто перед ней возникло прекрасное видение, а не тщедушный очкарик. Ко мне она не проявила никакого интереса, только бросила коротко: «Привет, Берти». Все ее внимание было приковано к Гасси. Она оглядывала его, как мать оглядывает любимое дитя, заявившееся домой после драки с соседскими мальчишками. До этой минуты я по понятным причинам не замечал, в каком виде Гасси вырвался из рук Спода. Его словно пропустили через машинку для выжимания белья.

— Что… что ты с собой сделал? — проговорила она. — У тебя такой вид, будто по тебе грузовик проехал.

— Еще бы, — сказал я, — он выяснял отношения со Сподом.

— Спод? Это который? Человекообразная горилла?

— Он самый.

— И что же случилось?

— Спод чуть душу из него не вытряс.

— Ах ты, бедный ягненочек, — сказала Эмералд, адресуясь, естественно, к Гасси, а не ко мне. — Черт возьми! Попался бы он мне сейчас, я бы его проучила!

По странному стечению обстоятельств, ее желание сбылось. Послышался оглушительный треск и топот, будто стадо гиппопотамов продиралось к реке сквозь тростниковые заросли, и я узрел Спода, приближающегося со скоростью нескольких узлов с явным намерением

немедленно возобновить процесс вытряхивания души из Гасси, прерванный Пинкером и, очевидно, зарегистрированный сознанием Спода под рубрикой «неоконченные срочные дела». Предсказав, что поверженное чудовище скоро восстанет, я как в воду глядел.

Похоже, вновь прибывший целиком и полностью заимствовал военное искусство у ассирийцев, которые, как мы знаем из близких к ним источников, ворвавшись, будто волк в овчарню, когортою пурпурно-золотой, отчаянно кидались в бой.[30] Голову даю на отсечение, явись Спод к ним в лагерь, они бы тотчас признали в нем своего и приняли с распростертыми объятиями, устлав его путь красной ковровой дорожкой.

Но в одном у ассирийцев было перед Сподом неоспоримое преимущество — в овчарне их не поджидала крепкая спортивная барышня, исполненная материнской заботой о своем подопечном и вооруженная тяжелой фаянсовой миской. Когда Спод схватил Гасси и принялся по уже отработанной методике трясти его, миска опустилась ему на голову со звуком, который одни назвали бы глухим, а другие — ужасно неприятным. Миска разлетелась вдребезги, но свое назначение выполнила. Поскольку силы Спода были, безусловно, несколько подорваны недавним столкновением с преподобным Г. П. Пинкером, он рухнул, как сосенка, топором подрубленная, и остался мирно лежать, где упал.[31] Помнится, я тогда подумал, что этот не самый счастливый день в его жизни, бесспорно, весьма поучителен, ибо если ты гнида — а Спод, разумеется, гнида со дня своего рождения, — то рано или поздно возмездие тебя настигнет. Как сказал однажды Дживс, жернова Господа Бога мелят медленно, но зато чрезвычайно мелко, в общем, смысл такой.

Некоторое время Эмералд Стокер стояла, созерцая дело своих рук, с улыбкой удовлетворения на лице, и я ее не осуждал за самодовольство, ведь она, несомненно, показала в этой борьбе высокий класс. Но вдруг, вскрикнув: «Ах ты, Господи!», она скрылась, как вспугнутая во время купания нимфа. Минуту спустя я понял, почему она так торопилась. К месту событий приближалась Мадлен Бассет, а какой поварихе захочется объяснять хозяйке, почему она нахлобучивает фаянсовые миски на головы хозяйкиных гостей.

Мадлен остановила взгляд на останках, и глаза у нее увеличились до размера мячиков для гольфа. Она так посмотрела на Гасси, будто перед ней стоял довольно несимпатичный серийный убийца.

— Что ты сделал с Родериком? — вопросила она.

— А? — сказал Гасси.

— Я говорю, что ты сделал с Родериком? Гасси поправил очки и пожал плечом.

— Я? Просто немного наказал его. Он сам виноват. Можно сказать, напросился, и мне пришлось дать ему урок.

— Ты негодяй!

— Ничего подобного. Он мог бы убраться вон. Нетрудно было сообразить, что его ждет, раз я снял очки. Когда я снимаю очки, каждый знает, что надо бежать, спасая жизнь.

— Ненавижу тебя! Ненавижу! — вскричала Мадлен. Честно говоря, я думал, что эту реплику можно услышать разве что во втором акте мелодрамы.

— Неужели? — поинтересовался Гасси.

— Да! Ненавижу! Ты мне отвратителен!

— В таком случае, — сказал Гасси, — я немедленно съем сандвич с ветчиной.

И он так смачно впился зубами в мясо, что меня передернуло, а Мадлен пронзительно завизжала:

— Это конец!

Тоже фраза, которую не часто услышишь.

Когда чувства бывших возлюбленных накаляются до такой степени, стороннему наблюдателю разумнее всего бесшумно удалиться, что я и проделал. На подъездной аллее мне повстречался Дживс в Стиффином автомобиле. Рядом с видом шотландского проповедника, негодующего на грехи наши, восседал пес Бартоломью.

— Добрый вечер, сэр, — сказал Дживс. — Вот возил парнишку к ветеринару. Мисс Бинг тревожилась из-за того, что он укусил мистера Финк-Ноттла. А вдруг у животного какая-нибудь заразная болезнь? Рад сообщить, что доктор нашел его безупречно здоровым.

— Дживс, я должен вам ужасную поведать повесть.

— Неужели, сэр?

— Лютня нема, — сказал я, чтобы сразу ввести его в курс дела. Когда я кончил свой рассказ, он согласился с тем, что положение вещей вселяет сильную тревогу.

— Боюсь, что ничего уже нельзя сделать, сэр.

В глазах у меня помутилось. Я привык к тому, что Дживс решает все проблемы, даже самые щекотливые, и его признание меня просто подкосило.

— Вы в растерянности?

— Да, сэр.

— В тупике?

— Совершенно верно, сэр. Возможно, в дальнейшем я буду в состоянии предложить соответствующий план действий, дабы поправить сложившееся положение, однако в данный момент с огорчением должен констатировать, что в голову мне ничего не приходит. Весьма сожалею, сэр.

Я пожал плечами. На душе у меня кошки скребли, но я сохранял мужество.

— Ничего, Дживс. Не ваша вина, что вы не можете найти выход. Поезжайте, Дживс, — сказал я, и он стронулся с места. Бартоломью на прощанье взглянул на меня с высокомерным неодобрением, будто хотел спросить, позаботился ли я о спасении своей души.

Я побрел в свою комнату, единственное место в этом ужасном доме, где можно отчасти обрести хоть что-то похожее на мир и покой. Вулканическая жизнь, кипевшая в «Тотли-Тауэрсе», совсем меня доконала, и мне хотелось побыть одному.

Должно быть, я провел в покое и мире около получаса, прикидывая, нельзя ли как-нибудь поправить мое бедственное положение, когда из вихря эмоций — так выразился однажды Дживс, — владевших мной, выявилась одна связная мысль, а именно: если я сию минуту не пропущу глоток спиртного, то умру на месте. Надо сказать, что как раз настал час коктейля, и какой бы жлоб ни был папаша Бассет, но аперитивами он снабжал своих гостей исправно. Правда, я обещал Стиффи не попадаться ему на глаза, но я же не подозревал, какая беда меня постигнет. Приходилось выбирать — обмануть доверие Стиффи или погибнуть, и я предпочел первое.

В гостиной у подноса, заставленного бутылками, сидел папаша Бассет. Облизывая пересохшие губы, я поспешил к столу. Сказать, что при виде меня старикашка обрадовался, было бы преувеличением, но спасительной влаги он мне все-таки предложил, и я с благодарностью ее принял. Неловкое молчание длилось минут двадцать, и когда я, прикончив второй стакан, выуживал оттуда оливку, вошла Стиффи. Бросив на меня короткий укоризненный взгляд, из чего я понял, что навсегда утратил ее доверие, она обратилась к папаше Бассету.

— Привет, дядя Уоткин.

— Добрый вечер, дорогая.

— Решил промочить горло в ожидании обеда?

— Да.

— Напрасно надеешься, — сказала Стиффи, — сейчас объясню,

почему. Обеда не будет — повариха сбежала с Гасси Финк-Ноттлом.

16

Замечали ли вы такую забавную вещь: как по-разному воспринимается одно и то же известие двумя разными людьми? Скажем, вы что-то сообщаете Джонсу и Брауну. Джонс сидит с таким видом, будто его пыльным мешком из-за угла шлепнули, а Браун кричит ура и бьет чечетку. То же самое относится и к Смиту с Робинсоном. Поистине, удивительное явление.

Вот и теперь случилось то же самое. Понятно, что перепалка между Мадлен Бассет и Гасси, свидетелем которой я недавно был, не вселила в меня оптимизма, но сердце, полное скорбей, к надежде малой прилепилось, как сказал не помню кто, и я старался убедить себя, что их любовь сейчас, видимо, оказавшаяся в нокдауне, снова встанет на ноги, исполненная свежих сил, и все будет прощено и забыто. Как известно, у обрученных нередко вслед за перебранкой наступает раскаяние, изобилующее всеми этими «Прости, я погорячился» и «Ах, нет, я сама во всем виновата». Любовь, акции которой совсем было упали, снова идет на повышение и является на свет Божий, как ни в чем не бывало. Благословенна размолвка, которая только укрепляет любовь, как высказался однажды Дживс.

Однако после слов Стиффи моя надежда рухнула, ее будто шарахнули по голове фаянсовой миской с фасолью, и я поник и закрыл лицо ладонями. Вообще мне свойственно во всем видеть светлую сторону, но чтобы ее видеть, она, по меньшей мере, должна существовать в природе, чего в данных обстоятельствах не наблюдалось. Это был конец, как сказала бы Мадлен Бассет. Я явился в этот дом в качестве raisonneur'a, чтобы соединить двух юных влюбленных, но даже лучшему в мире raisonneur'у это не по плечу, если один из влюбленных сбежал с неким третьим лицом. Вследствие чего указанный raisonneur не просто лишен возможности действовать, он скован кандалами. Таким образом, на мне в качестве raisonneur'a можно было поставить крест. Поэтому, как было сказано, я поник головой и закрыл лицо ладонями.

А вот для папаши Бассета, напротив, эта сенсационная новость оказалась не менее приятна, чем редкостный, освежающий плод. Как вы помните, лицо у меня было закрыто ладонями, так что воочию я не видел, пустился ли старикашка бить чечетку, но коленце, кажется, отколол, во всяком случае, когда он заговорил, по голосу было ясно, что он вне себя от

радости, вот-вот лопнет.

Конечно, его восторг был понятен. Из всех возможных претендентов Гасси — последний, за исключением, пожалуй, Бертрама Вустера, кого папаша Бассет выбрал бы себе в зятья. Старикашка с самого начала косо смотрел на Гасси, и живи он в те времена, когда отцы сами решали, за кого их дочерям выходить замуж, он бы не долго думая наложил запрет на этот брак.

Гасси как-то рассказывал, что когда он, Гасси, был представлен. Бассету в качестве жениха его, Бассетова, чада, у него, у Бассета, челюсть отвисла, он уставился на Гасси и придушенным голосом выдавил: «Что?!». Старикашка, видимо, ушам своим не верил и надеялся, что его разыграли и что вот-вот настоящий жених выскочит из-за дивана с криком: «Первое апреля!». А когда он, Бассет, уразумел наконец, что с ним не шутят и в качестве зятя ему выпал на долю именно Гасси, он забился в угол и сидел, как пень, даже на вопросы не отвечал.

Неудивительно, что от сообщения племянницы старый хрыч взыграл, как от дозы тонизирующего бальзама доктора как-его-там, который — бальзам, а не доктор, — воздействует прямо на красные кровяные тельца и вызывает во всем теле приятную теплоту.

— Сбежал? — булькая от радости, переспросил папаша Бассет.

— Да.

— С поварихой?

— Вот именно. Поэтому я и говорю, обеда не будет. Придется обойтись крутыми яйцами, если, конечно, они остались после школьного праздника.

Услышав о крутых яйцах, папаша Бассет поморщился, видно, мысленно вернулся к чаепитию в павильоне, но он был слишком счастлив и не хотел думать о грустном. Он махнул рукой, давая понять, что обед ровным счетом ничего не значит. Мы, Бассеты, если надо, способны мириться с лишениями — вот что означал этот взмах.

— Дорогая, ты уверена, что не ошиблась?

— Я их встретила, когда они выходили из дома. Гасси спросил, нельзя ли взять мой автомобиль.

— Надеюсь, ты ему позволила?

— Конечно. Я сказала: «Сделай одолжение, Гасси».

— Умница. Прекрасный ответ. Стало быть, они уехали.

— Умчались с ветерком.

— И хотят пожениться?

— Как только Гасси получит специальное разрешение. Придется

обращаться к архиепископу Кентерберийскому, а это, говорят, влетит в копеечку.

— На хорошее дело не стоит жалеть денег.

— Вот и Гасси так считает. Забросит повариху в имение Бертиной тетки, а сам махнет в Лондон к архиепископу. У него только одно на уме — жениться поскорее.

Когда я услышал сногсшибательное сообщение о том, что Гасси собирается забросить Эмералд Стокер к тете Далии, со мной чуть конвульсии не сделались. Как старушка отнесется к этому вторжению, еще вопрос, думал я, благоговейно восхищаясь глубиной Гассиной любви к своей Эм, толкнувшей его на такой рискованный шаг. Моя престарелая тетка — дама с характером, и если вы ее прогневите, от вас в два счета только мокрое место останется. Говорят, те, кого она в свое время отчитывала на охоте за то, например, что они обгоняли собак, до конца своих дней так полностью и не пришли в себя, а в первые месяцы вообще пребывали в состоянии транса и вздрагивали от каждого резкого звука.

Когда я убрал руки от лица и смог видеть папашу Бассета, я обнаружил, что он смотрит на меня с такой благожелательностью, что даже не верится. Будто это не с ним я только что общался, если этим термином можно обозначить ситуацию, когда в течение получаса двое сидят нос к носу, не проронив ни слова. Очевидно, радость так на него подействовала, что он почувствовал дружеское расположение ко всем на свете и даже на Бертрама теперь мог смотреть без содрогания. Ну просто не смертный человек, а диккенсовский герой.

— Мистер Вустер, ваш стакан пуст, — .жизнерадостно проговорил он. — Позвольте его наполнить?

Я сказал, что позволяю. Вообще-то два стакана — это моя норма, но сегодня, когда у меня уверенность в себе сошла на нет, я чувствовал, что третий стакан мне не повредит. В самом деле, я даже ощутил отчетливое желание не останавливаться и на этом. Однажды мне случилось читать про одного типа, который перед обедом обычно выхлебывал по двадцать шесть мартини, и теперь мне стало казаться, что, где-то по большому счету, он был прав.

— Родерик сказал, — заговорил старикашка с таким ликованием, будто ожидал, что его реплика будет встречена одобрительным хохотом в зале судебных заседаний, — что вы не смогли вместе с нами участвовать в школьном празднике, потому что неотложные семейные дела требовали вашего присутствия в «Бринкли Корте». Надеюсь, все там обошлось благополучно?

— Да, благодарю вас.

— Нам всем вас не хватало, но, конечно, делу время, потехе час. Как поживает ваш дядюшка? Надеюсь, он в добром здравии?

— Да, он здоров.

— А тетушка?

— Она уехала в Лондон.

— В самом деле? Должно быть, вы огорчились, что не застали ее. Редкая женщина ваша тетушка, я ею восхищаюсь. Такая гостеприимная, такая жизнерадостная. Я испытал ни с чем не сравнимое удовольствие, когда гостил у нее недавно.

Думаю, от избытка чувств он мог бы бесконечно продолжать в том же духе, но тут Стиффи вдруг очнулась от задумчивости. До этой минуты она стояла и с сомнением поглядывала на дядюшку, будто что-то прикидывая. И вот сейчас, видимо, приняла решение.

— Приятно, что ты так радуешься, дядя Уоткин. Я опасалась, что эта новость тебя огорчит.

— Огорчит? — искренне удивился папаша Бассет. — Как это пришло тебе в голову?

— Ну, ты ведь лишился зятя.

— Именно поэтому сегодня самый счастливый день в моей жизни.

— В таком случае и меня тоже можешь осчастливить, — сказала Стиффи, куя железо, пока горячо, — если отдашь Гаролду приход.

Как вы понимаете, мое внимание было сосредоточено на том, как расхлебать кашу, которая вокруг меня заварилась, поэтому точно не могу сказать, колебался ли папаша Бассет, но если и колебался, то не больше минуты. Должно быть, перед ним все-таки мелькнуло видение крутого яйца, и он вновь почувствовал антипатию к Пинкеру, не способному твердой рукой направлять юных прихожан на путь истинный, но радость от того, что Огастус Финк-Ноттл исчез с горизонта, вытеснила всякие мысли о недостатках молодого священника. Исполненный млеком доброты до такой степени, что, кажется, подойди поближе и услышишь, как оно плещется, папаша Бассет просто был не способен сейчас никому ни в чем отказать. Уверен, попроси я у него сейчас взаймы пятерку, он ее выложит, глазом не моргнув.

— Конечно! Само собой! И говорить не о чем! — разливался он, не уступая жаворонку в небе, о котором часто вспоминает Дживс. — Уверен, Пинкер будет прекрасным приходским священником.

— Самым лучшим, — подхватила Стиффи. — Сейчас он не может развернуться. Никакого размаха, сплошные ограничения. Дайте ему

возможность показать себя в качестве приходского священника, и о нем заговорят в церковных кругах. Он способен горы свернуть.

— Я всегда был самого высокого мнения о Гаролде Пинкере.

— И неудивительно. Все важные шишки о нем самого высокого мнения. Они ему цену знают. Образован, хорошо разбирается во всех тонкостях, а проповедь читает — заслушаешься.

— Да, мне нравятся его проповеди. Простые и мужественные.

— Это потому, что он ведет здоровую жизнь на свежем воздухе. Он сильный и тренированный. Атлетический христианин — вот его идеал. Он ведь играл в регби за сборную Англии.

— Неужели?

— Да, был пропфорвардом.

— Правда?

При слове «пропфорвард» я, понятное дело, встрепенулся. Мне и невдомек было, что Раззява, оказывается, пропфорвард. Ирония судьбы, подумал я. В том смысле, что Планк днем с огнем ищет этого самого форварда и, отчаявшись, уже, кажется, готов отказаться от безнадежных поисков, а я вот мог бы осчастливить его, но наши отношения сложились так, что я лишен возможности это сделать. Огорченный, я в который раз подумал о том, что надо всегда проявлять доброту к любой мелкой сошке, ибо никому не дано знать, когда эта сошка может нам пригодиться.

— Значит, я могу сказать Гаролду, что дело на мази? — спросила Стиффи.

— Прости?

— Я хочу сказать, ты официально объявляешь, что отдаешь Гаролду приход?

— Да-да, конечно, безусловно.

— Ох, дядя Уоткин! Как мне тебя благодарить?

— Не беспокойся, дорогая, все в порядке, — сказал папаша Бассет, обретая еще большее сходство с диккенсовским героем. — А теперь, — продолжал он, снимаясь с якоря и направляясь к двери, — ты, Стефани, и вы, мистер Вустер, Должны меня извинить. Надо пойти к Мадлен и…

— Поздравить ее?

— Я хотел сказать, осушить ей слезы.

— Ну, это вряд ли.

— Думаешь, она не в отчаянии?

— Дядя Уоткин, ну какая девушка придет в отчаяние, чудом избавившись от необходимости идти замуж за Гасси Финк-Ноттла?

— Да, правда, истинная правда, — сказал папаша Бассет, выскакивая

из комнаты, как полузащитник, который хоть и не научился подавать обратный пас, бегал, как страус.

Если у меня возникали сомнения, отбивал ли сэр Уоткин Бассет чечетку, то насчет Стиффи все было яснее ясного. Она совершила грациозный пируэт, и даже самый невнимательный наблюдатель тотчас догадался бы, что будь у нее сейчас на голове шляпа, а в шляпе розы, она бы принялась осыпать ими все вокруг. Кажется, мне еще не приходилось видеть юную пигалицу в таком восторженном состоянии. Само собой, интересы Раззявы Пинкера были дороги моему сердцу, а потому я отринул свои печали и разделил с ней ее радость. К чему постоянно и неизменно готов Бертрам Вустер, спросите вы, и я вам отвечу — забыть о своих бедах, когда друг празднует счастливый поворот в своей судьбе.

Стиффи говорила без умолку, не давая мне рта раскрыть. Женщины — народ в этом смысле чрезвычайно одаренный. Посмотришь, в чем душа держится, а запросто граммофон переговорит, и рассуждает складно и без устали, точно какой-нибудь ротный старшина, словечка не вставишь. Моя тетушка Агата, например, как пустится меня бранить на одном дыхании и без единой запинки, так и не остановится, пока ее изобретательность не иссякнет.

На этот раз Стиффи распространялась на тему о том, какое невероятное счастье привалило прихожанам Раззявы Пинкера, ибо они получат не просто замечательного приходского священника, святого человека, который будет пестовать их души, но еще и такую жену вышеупомянутого священника, какая им и не снилась. Когда она перевела дух, расписав, как будет раздавать суп благочестивым беднякам и нежным голосом справляться об их ревматизме, я, наконец, смог взять слово. В самый разгар ликования и потирания рук меня посетила одна здравая мысль.

— Согласен с тобой, — сказал я, — действительно все счастливо устроилось, и, вероятно, ты права, считая этот день счастливейшим днем в этом самом радостном году твоей жизни, однако, по-моему, ты кое-что упускаешь из виду, а об этом следовало бы подумать.

— О чем ты? Кажется, я ничего не упустила.

— Я об обещании папаши Бассета.

— Все в ажуре. Чего ты бьешь копытом?

— Будь я на твоем месте, я бы попросил у папаши Бассета письменное обязательство.

Стиффи словно с разбегу налетела на пропфорварда. Выражение восторга у нее на лице уступило место озабоченности, и она,

нахмурившись, прикусила нижнюю губу. Очевидно, мои слова дали ей пищу для размышлений.

— Думаешь, дядя Уоткин нас надует?

— Твой дядя Уоткин способен на любую подлость, если на него наедет, — серьезно сказал я. — Ни на грош ему не верю. Где Пинкер?

— Наверное, остался на лужайке.

— Тогда хватай его и тащи сюда, надо заставить папашу Бассета оформить его предложение в письменном виде.

— Слушай, по-моему, ты меня запугиваешь.

— Да нет, просто советую себя обезопасить.

Стиффи снова призадумалась, покусывая нижнюю губу.

— Ладно, — наконец сказала она. — Сбегаю за Гаролдом.

— Не мешало бы прихватить парочку юристов! — добавил я ей вдогонку.

Минут пять я посидел, погруженный в раздумья о своих плачевных делах, а потом вошел Дживс и сказал, что меня просят к телефону.

17

Наверное, я побелел, несмотря на здоровый загар.

— Кто меня просит, Дживс?

— Миссис Траверс, сэр.

Именно этого я и опасался. Как уже упоминалось, от «Тотли-Тауэрса» до «Бринкли-Корта» рукой подать, и, кроме того, Гасси в лихорадочном возбуждении наверняка всю дорогу жал на акселератор и гнал с предельной скоростью. Видимо, они только что подвалили, и тетя Далия звонит, чтобы узнать, какого черта. Зная, как старушенция ненавидит, когда с ней разыгрывают шуточки, — а непрошеное вторжение Гасси в сопровождении Эм — деяние, которое, безусловно, можно отнести к категории шуточек, — я собрался с силами, чтобы во всеоружии встретить надвигающуюся бурю.

Разумеется, вы можете сказать, что я не обязан отвечать за дурацкий поступок Гасси, но на самом деле у теток так уж заведено — винить племянников во всем, что бы ни случилось. Видимо, для этой цели племянники и существуют. Думаю, только по чистой оплошности моя тетя Агата не обвинила меня, когда года два назад ее сына, Тоса, чуть не поперли из школы за то, что он удрал вечером в парк с аттракционами, чтобы выиграть кокосовый орех.

— Ну и как она, Дживс?

— Сэр?

— Вам не показалось, что она рвет и мечет?

— В общем, нет, сэр. Голос у миссис Траверс всегда довольно громкий. Позвольте узнать, разве имеется какая-либо особая причина, чтобы, как вы изволили выразиться, ей рвать и метать?

— В том-то и дело. Сейчас нет времени рассказывать, но, уверяю, небеса потемнели, а от берегов Исландии движется циклон, сопровождаемый крутыми перепадами давления.

— Мне очень жаль, сэр.

— И не только вам. Как звали того парня, вернее, парней, — по-моему, там был не один, — которые вошли в пещь огненную?

— Седрах, Мисах и Авденаго, сэр.

— Вот-вот. На языке вертелось. Я еще в школе про них читал. Мне тогда вручили приз за знание Библии. Теперь-то я понимаю, что они чувствовали. Тетушка Далия? — сказал я, потому что в эту минуту уже добрался до телефона.

Я ожидал услышать оглушительные проклятия, но, к моему удивлению, тетя Далия, похоже, пребывала в прекрасном расположении духа. В ее голосе я не уловил и намека на укоризну.

— Привет, юный враг рода человеческого, — прогудела она. — Как дела? Скрипишь помаленьку?

— Отчасти. А вы как?

— Превосходно. Скажи, от чего я тебя оторвала? От десятого коктейля?

— От третьего, — уточнил я. — Обычно я торможу на втором, но сегодня папаша Бассет навязал мне третий. Он в ударе и демонстрирует невиданную щедрость. Пожалуй, с него станется зажарить бычью тушу на базарной площади, если, конечно, раздобудет быка.

— Он что, в стельку пьян?

— Не то, чтобы в стельку, но здорово навеселе.

— Слушай, оторвись на минуту от пьяной оргии, я тебе сообщу новость. Возвращаюсь из Лондона примерно четверть часа назад, и как ты думаешь, что меня ждет? Тритонолюб Спирт-Боттл и с ним девица, вылитый китайский мопс, весь в веснушках.

Я перевел дух и собрался держать речь в свою защиту. Пришло время обелить Бертрама. Правда, пока что тетка была сама приветливость, ни намека на приближающуюся грозу, но можно ли ей доверять, а вдруг она просто выбирала удобный момент, чтобы устроить мне выволочку. От

теток так легко не отмахнешься.

— Да, — говорю, — я слышал, что он к вам направляется в компании веснушчатого мопсообразного создания. Сожалею, тетя Далия, что вы подверглись этому непрошеному вторжению, и хочу, чтобы вы поняли: не я подбил Гасси на этот шаг. Он у меня ни совета, ни одобрения не спрашивал. Я и понятия не имел о том, что он затеял. Знай я, что он собирается навязать вам свое общество…

Тут я умолк, потому что тетушка довольно категорично предложила мне закупорить свою глотку.

— Довольно молоть вздор, пустомеля. С чего это ты тут соловьем разливаешься?

— Я только хотел выразить сожаление, что вам пришлось…

— Ладно уж. Можешь не извиняться. Я очень довольна. Конечно, предпочла бы, чтобы Спирт-Боттл не дышал мне в затылок и не занимал места, предназначенного для других целей, но девица пришлась как нельзя более кстати, ну прямо как манна небесная.

До меня сразу дошло, что она хотела сказать, недаром же в школе я получил награду за отличное знание Библии, о чем раньше уже сообщалось. Тетя Далия имела в виду один случай с детьми израилевыми, которые шлялись, кажется, по какой-то пустыне, что ли, и испытывали острую нужду в продовольствии, хотя привыкли обходиться весьма скудным пропитанием. Едва они начали судачить, что хорошо бы разжиться малой толикой манны, и роптать по поводу пустоты провиантских складов, как с неба им сбросили кучу этой самой манны, и все окончилось благополучно.

Само собой, тетушкино заявление несколько меня удивило, и я поинтересовался, почему она обрадовалась Эмералд Стокер не менее бурно, чем сыны израилевы манне небесной.

— Потому что она, как солнечный свет, озарила дом, погруженный во мрак. И явилась как нельзя более кстати. Когда ты сегодня здесь был, ты видел Анатоля?

— Нет. А что?

— Хотела узнать, заметил ли ты, что ему нездоровится. Вскоре после твоего отъезда у него появилась mal au foie,[32] как он это назвал, и он слег.

— Огорчен.

— Вот и Том тоже. Ему тошно становится от одной мысли об обеде, приготовленном судомойкой. Девица она, бесспорно, достойная, но поклонница тактики выжженной земли, а у Тома несварение, ты же знаешь. Положение ужасное, и вдруг Спирт-Боттл объявляет, что этот его

китайский мопс — первоклассная повариха, и мы тут же возложили на нее все дела. Кстати, кто она? Ты о ней что-нибудь знаешь?

Конечно, я мог сполна снабдить тетю Далию исчерпывающей информацией.

— Она дочь процветающего американского миллионера по фамилии Стокер, который, я думаю, разразится всевозможными американскими проклятиями, когда узнает, что она вышла за Гасси, ведь такой зять, как Гасси, согласитесь, не каждому придется по вкусу.

— Значит, на Мадлен Бассет он не женится?

— Нет, свадьба отменяется.

— Это точно?

— Совершенно точно.

— Не очень-то ты преуспел на поприще raisonneur'а.

— Да уж.

— Ну, по-моему, этот китайский мопс будет хорошей женой Спирт-Боттлу. По-моему, она славная девочка.

— Лучше не бывает.

— Но при таком раскладе ты попадаешь в переплет, правда? Если Мадлен Бассет теперь свободна, она, наверное, ждет, чтобы ты заполнил пустоту?

— Старушка, это кошмар, который постоянно меня преследует.

— Неужели Дживс не может ничего придумать?

— Говорит, что нет. Но он всегда так — сначала теряется, но потом вдруг взмахнет волшебной палочкой и все устроит. Поэтому я не теряю надежды.

— Да, уверена, ты, как всегда, выпутаешься. Не отказалась бы получать по пятерке всякий раз, как ты в последний момент ускользаешь от венца живой и невредимый. Помнится, ты как-то сказал, что веришь в свою счастливую звезду.

— И правда, верю. Но все же не стану делать вид, что не чувствую грозящей мне опасности. Чувствую, и еще как. Положение мое крайне сложное.

— И тебя тянет утопить горе в вине? Ну ладно, знаешь, зачем я звоню? Сейчас скажу, и ты сможешь продолжить свою оргию.

— Да ведь вы уже сказали, — удивился я.

— Ничего подобного. Неужели ты вообразил, что я трачу время и деньги, чтобы болтать о твоих интрижках? Дело вот в чем. Ты видел у Бассета эту штуку из черного янтаря?

— Статуэтку? Конечно, видел.

— Хочу купить ее для Тома. У меня появилось немного денег. Школьная подруга оставила мне небольшое наследство, и я сегодня ездила в Лондон повидаться с моим поверенным. Там выходит около двух тысяч фунтов, и я хочу, чтобы ты сторговал мне эту статуэтку.

— По-моему, дело это нелегкое.

— Ничего, у тебя получится. Если будет необходимо, подними цену до полутора тысяч. Вот если бы тебе удалось просто сунуть ее в карман… Это бы избавило нас от кучи лишних затрат. Но боюсь, это тебе не под силу, так что бери Бассета за бока и убеждай продать статуэтку.

— Ладно, приложу все силы. Я ведь знаю, как дядя Том жаждет ее получить. Положитесь на меня, тетя Далия.

— Ну, вот и славно.

Я вернулся в гостиную и принялся думать. У нас с папашей Бассетом сложились такие отношения, что я не представлял себе, как подступиться к делу, но, с другой стороны, у меня от сердца отлегло — слава Богу, старушка отказалась от мысли похитить кикимору. Я и радовался, и удивлялся, ибо суровый опыт прошлых лет убеждал меня, что когда тетушка хочет ублажить любимого мужа, для нее все средства хороши. Это ведь она инициировала — надеюсь, я не перепутал это слово с каким-нибудь другим, — кражу молочника в виде коровы, и на этот раз она тоже могла бы избрать более экономный метод. С ее точки зрения, если один коллекционер похищает экспонат у другого коллекционера — это нельзя считать кражей. Впрочем, в этом, кажется, что-то есть. Папаша Бассет, когда гостил в «Бринкли», безусловно, хорошенько обобрал бы коллекцию дядюшки Тома, но, к счастью, с него глаз не спускали. Эти коллекционеры начисто лишены совести и ничем не отличаются от грабителей с большой дороги, за которыми охотится полиция.

Вот об этом я и размышлял, гадая, как бы мне найти подход к папаше Бассету, ведь он от одного моего вида трясется, как желе на ветру, и в присутствии Бертрама слова не вымолвит, сидит истуканом, глядя в пространство… Внезапно дверь отворилась, и в гостиную вошел Спод.

18

Первое, что меня поразило, — это изумительно живописный синяк под Сподовым глазом, — такой впору последнему забулдыге, — и я слегка даже растерялся, не зная, что сказать. В том смысле, что одни в таких случаях ждут сочувствия, другие предпочитают, чтобы вы сделали вид, что

не замечаете в их наружности ничего необычного. В конце концов, придя к выводу, что самое умное — приветствовать его небрежным: «А, это вы, Спод», я так и поступил, хотя, оглядываясь назад, думаю, уместнее было бы приветствовать его небрежным: «А, это вы, Сидкап». Здороваясь, я заметил, что он злобно сверкает на меня своим единственным открытым глазом. Кажется, я уже говорил про его взгляд, что он с шестидесяти метров открывает устрицу, и теперь я убедился, что даже когда у него функционирует всего один глаз, воздействие его взгляда не менее устрашающе. Примерно так же смотрит на меня моя тетушка Агата.

— Я вас искал, Вустер, — сказал Спод.

Он говорил противным лающим голосом, каким, наверное, когда-то отдавал распоряжения своим приспешникам. До того, как ему достался титул, он был одним из местных диктаторов, некогда довольно распространенных в столице, и возглавлял банды молодчиков, одетых в черные шорты и орущих «Хайль, Спод!» или что там у них полагается. Став лордом Сидкапом, он это дело бросил, но по старой привычке ко всем без исключения адресовался так, будто распекал младшего товарища, посадившего на шорты пятно.

— В самом деле? — сказал я.

— Искал. — Он помолчал, продолжая буравить меня одиноким глазом, потом изрек: «Так!».

«Так!» — выражение из того же ряда, что и «Эй, вы!» или «Ха!», на которые трудно дать находчивый ответ. Поскольку мне не пришло в голову ничего подходящего, я просто закурил сигарету, рассчитывая придать себе беззаботный вид, хотя, боюсь, эта затея с успехом провалилась.

— Выходит, я был прав! — пролаял Спод.

— А?

— В своих подозрениях.

— А?

— Они подтвердились.

— А?

— Хватит акать, жалкий вы червь, и слушайте, что я скажу.

Я счел за лучшее не возражать ему. Вы, наверное, подумали, что Спод, сначала поверженный наземь преподобным Г.П. Пинкером, а потом с помощью фаянсовой миски с фасолью отправленный в нокдаун Эмералд Стокер, вызывает у меня презрение и я немедленно отчитаю его за жалкого червя, однако, уверяю вас, подобная мысль мне и в голову не пришла. Он потерпел поражение, да, но дух его не сломлен, а мускулы на его ручищах по-прежнему тверды, как сталь, так что, рассудил я, если ему хочется,

чтобы я ограничил употребление междометия «А?», пусть только слово скажет.

Продолжая сверлить меня единственным действующим глазом, он сказал:

— Шел мимо только что.

— О?

. — Слышал, как вы говорите по телефону.

— О?

— С теткой.

— О?

— Хватит твердить «О?», черт подери.

Вообще-то такие ограничения немного затрудняли процесс поддержания живой беседы, но тут уж ничего не поделаешь. Я решил хранить достойное молчание, а он произнес:

— Тетка настаивала, чтобы вы украли у сэра Уоткина черную статуэтку.

— Ничего подобного!

— Ну уж, извините. Знал, что вы будете все отрицать, поэтому принял меры предосторожности и записал дословно, что вы говорили. Была упомянута статуэтка, на что вы сказали: «По-моему, дело это нелегкое». Тетка, видимо, стала настаивать, и вы согласились. Вот ваши слова: «Ладно, приложу все силы. Я ведь знаю, как дядя Том жаждет ее заполучить. Положитесь на меня, тетя Далия». Какого черта вы булькаете?

— Я не булькаю, — поправил его я. — Я смеюсь. Потому что вы все перепутали, хотя, должен признать, точность, с которой вы воспроизвели диалог, делает вам честь. Вы пользуетесь стенографией?

— В каком таком смысле я все перепутал?

— Тетя Далия просила меня уговорить сэра Уоткина продать статуэтку.

Он фыркнул и сказал «Ха!», а я подумал, что это несправедливо: ему можно говорить «Ха!», а мне не позволено воскликнуть ни «А?», ни «О?». В таких делах необходимо идти на разумный компромисс, иначе мало ли что может получиться.

— Так я вам и поверил!

— Не верите?

— Разумеется, нет. Не такой я дурак.

Вопрос, по-моему, дискуссионный, как, помнится, однажды выразился Дживс, однако я возражать не стал.

— Знаю я эту вашу тетку, — продолжал Спод. — Она готова пломбы у

вас из зубов похитить, если будет уверена, что ее за руку не схватят. — Спод ненадолго умолк, и ход его мысли не был для меня тайной: он вспомнил о молочнике в виде коровы. Спод с самого начала подозревал — и должен признаться, не без оснований, — что кража инспирирована — так, кажется, — моей тетушкой. Главное, доказать ничего было нельзя, и это особенно злило Спода. — Ну так вот, Вустер, я настоятельно вам советую не стать на этот раз орудием в ее руках, потому что, если вас поймают, — а так оно и будет, — то наказания вам не избежать. Не надейтесь, что сэр Уоткин замнет дело, чтобы избежать скандала. Пойдете в тюрьму, как миленький. Он вас терпеть не может и засадить вас без права замены штрафом — для него просто подарок.

Однако, какая мстительная скотина этот старикашка Бассет, подумал я, но счел, что высказываться сейчас не время, и просто кивнул в знак понимания. Я благодарил Бога, что никакой роковой случайности, по выражению Дживса, не предвидится. Ничто на свете не заставит меня похитить проклятую кикимору. Это я знал твердо, и потому был спокоен и бесстрастен, если можно быть спокойным и бесстрастным под взглядом верзилы в восемь футов шесть дюймов ростом, у которого один глаз подбит, а другой прожигает вас, подобно ацетиленовой паяльной трубке.

— Да, сэр, каталажка по вас плачет, — сказал Спод и принялся было расписывать, как он будет приходить в дни посещений и с большим удовольствием строить мне рожи, когда дверь отворилась и вошел папаша Бассет.

Это был иной Бассет, совсем не похожий на того веселого и гостеприимного хозяина, который недавно отсюда вышел. Тогда он ликовал, как ликовал бы на его месте любой отец, чья дочь передумала выходить замуж за Гасси Финк-Ноттла. Сейчас физиономия у него вытянулась, и вид был, как у едока, который слишком поздно обнаружил, что проглотил устрицу не первой свежести.

— Мадлен говорит, — начал он и осекся, заметив синяк у Спода под глазом. И то сказать, синяк был такой, который невозможно не заметить, даже если у вас хватает собственных неприятностей. — Господи Боже мой, Родерик, вы упали?

— Упал! Как бы не так! Викарий засветил мне в глаз.

— О Боже! Какой викарий?

— Здесь, по-моему, только один викарий.

— Вы хотите сказать, вас ударил мистер Пинкер? Родерик, вы меня поражаете.

— Я сам был поражен. Настоящее откровение для меня, уверяю вас.

Даже не подозревал, что викарии так виртуозно владеют левым хуком. Сначала он с большой ловкостью сделал ложный выпад, чтобы отвлечь мое внимание, а потом нанес штопорный удар, которым нельзя не восхищаться. Как-нибудь попрошу его, чтобы обучил меня этому приему.

— Вы что, не питаете к нему враждебных чувств?

— Разумеется, не питаю. Приятная маленькая схватка, какие тут могут быть обиды. Против Пинкера ничего не имею. А вот о поварихе не могу этого сказать. Она стукнула меня по голове тяжелой фаянсовой миской. Подкралась сзади, совсем неспортивно. Если не возражаете, пойду поговорю с ней.

Он с таким удовольствием предвкушал, как отчитает Эмералд Стокер, что я почувствовал легкий укор совести. Ведь мне предстояло сообщить ему, что надежды его тщетны.

— Не выйдет, — сказал я. — Ее здесь нет.

— Не мелите вздор. Она в кухне, где ей еще быть!

— К сожалению, ее там нет. Она сбежала с Гасси Финк-Ноттлом. Свадьба состоится, как только он получит разрешение архиепископа Кентерберийского.

Спод пошатнулся. У него был только один действующий глаз, и Спод ухитрился выжать из него все, что возможно.

— Это правда?

— Истинная правда.

— Ну тогда другое дело. Если Мадлен снова свободна… Вустер, дружище, спасибо, что сказали.

— Пожалуйста, Спод, старина, или, вернее, лорд Сидкап, старина.

Кажется, только сейчас папаша Бассет осознал, что стройный, элегантный молодой человек, стоящий с независимым видом у дивана, не кто иной, как Бертрам Вустер.

— Мистер Вустер, — начал было он, но умолк, судорожно сглотнул и нетвердым шагом направился к столу, где стояли напитки. Вид у него был безумный. Он смог заговорить, только пропустив щедрый глоток живительной влаги. — Я сейчас видел Мадлен.

— Да? Как она себя чувствует? — вежливо осведомился я.

— По-моему, сошла с ума. Говорит, что собирается замуж за вас.

Ну, я более или менее подготовил себя к чему-то подобному, и если не считать того, что меня затрясло, как бланманже на ветру, и того, что челюсть у меня отвисла как минимум на шесть дюймов, я ни единым знаком не выдал своего замешательства, чем выгодно отличался от Спода, который снова пошатнулся и взревел, точно бурый медведь, отдавивший

себе лапу.

— Вы шутите!

Папаша Бассет горестно покачал головой. Глаза и щеки у него ввалились.

— Хотел бы я, чтобы это была шутка, Родерик. Неудивительно, что вы ошеломлены. Вполне разделяю ваши чувства. Совсем голову потерял. Не вижу никакого выхода. Когда Мадлен мне это сказала, я был как громом поражен.

Спод изумленно выпучил на меня свой одинокий глаз. Казалось, он не может взять в толк, что происходит. В глазу у него появилось недоуменное выражение.

— Она не может выйти замуж за *это*!

— Еще как может.

— Но этот еще хуже того, с рыбьей физиономией.

— Согласен. Намного хуже. Сравнения нет.

— Пойду поговорю с ней, — сказал Спод и вышел прежде, чем я успел выразить возмущение тем, что меня назвали *это*.

На мое счастье, в гостиную вошли Стиффи и Раззява Пинкер, иначе, оставшись один на один с папашей Бассетом, вряд ли я нашел бы тему для легкой, живой и занимательной беседы.

19

Хоть нос у Пинкера, как и следовало ожидать, сильно распух с тех пор, как мы виделись в последний раз, однако сам он пребывал в превосходном расположении духа. Стиффи тоже вся сияла и лучилась от радости. Очевидно, ни тот, ни другая не сомневались, что их ждет счастливый конец. Сердце у меня кровью облилось при виде этих юных олухов. Я внимательно наблюдал за лицом папаши Бассета, когда Спод расписывал ему левый хук Раззявы Пинкера, — оно явно не сулило ничего хорошего.

Землевладельцы, наделенные правом распоряжаться церковными приходами, предъявляют кандидатам на эти лакомые посты очень строгие требования, и левый хук, какой бы искусный он ни был, не числится в списке таких требований. Вот если бы папаша Бассет был спортивным тренером, гоняющимся за молодыми талантами, а Пинкер — многообещающим юнцом, которого можно подготовить к отборочному матчу из шести раундов, старый хрыч смотрел бы на него с умилением. А

сейчас сэр Уоткин Бассет нацелил на Раззяву холодный, суровый взгляд, как если бы бедолага сидел на скамье подсудимых по обвинению в продаже свиней без лицензии или небрежении правилами противопожарной безопасности. Очевидно, над головой Раззявы Пинкера нависла беда, и на счастливый конец я не поставил бы и ломаного гроша.

Но Стиффи этого предвестия грозы, столь очевидного для моего проницательного ума, похоже, совершенно не ощущала. Внутренний голос не шептал ей на ухо, что она вот-вот с оглушительным треском шлепнется с небес на землю. Она ликовала, направо и налево расточая улыбки, совершенно уверенная в том, что дядюшкина подпись под официальным документом не более чем пустячная формальность.

— А вот и мы, дядя Уоткин, — с сияющей улыбкой проговорила она.

— Вижу.

— Я привела Гаролда.

— Это не укрылось от моего внимания.

— Мы с ним все обсудили и пришли к выводу, что должны заручиться твоим письменным разрешением.

С каждой минутой взгляд старикашки Бассета становился все холоднее и суровее, а я все явственнее ощущал, будто мы находимся в полицейском суде на Бошер-стрит. Для полного сходства не хватало только насморочного судебного пристава, спертого, хоть топор вешай, воздуха и слоняющихся в поисках работы молодых адвокатов.

— Боюсь, я не совсем тебя понимаю, — сказал папаша Бассет.

— Ну что ты, дядюшка Уоткин, чего ты не понимаешь! Речь идет о приходе Гаролда.

— Разве у мистера Пинкера есть приход? Мне об этом ничего не известно.

— Я говорю о том приходе, который ты собираешься ему дать.

— Да? — сказал папаша Бассет. Мне еще в жизни не приходилось слышать ничего противнее этого «да?» — Я только что видел Родерика, — добавил он, переходя к сути дела.

Услышав о Споде, Стиффи хихикнула, что, по-моему, было непростительной ошибкой. Бывают, конечно, случаи, когда игривое хихиканье уместно, но иногда оно не лезет ни в какие ворота. Я заметил, что папаша Бассет начал надуваться, прямо как та забавная круглая рыбина, что ловится у берегов Флориды, и к тому же еще и клокотать, наподобие вулкана, который готов извергнуться на окрестные поселения к ужасу их обитателей, запоздало сожалеющих о том, что они не обосновались где-нибудь в другом месте.

И даже сейчас Стиффи не осознала, что гроза вот-вот разразится. Она залилась серебристым смехом. Я замечал, что некоторые девицы выказывают крайнюю тупость в восприятии атмосферных явлений. Эти юные представительницы слабого пола, по-моему, не понимают, что в некоторых обстоятельствах серебристый смех более чем неуместен.

— У него, наверное, хороший фонарь.

— Прости, не понял.

— Ну, синяк под глазом у него есть?

— Да.

— Так я и знала! У Гарольда силы на десятерых хватит, потому что он сердцем чист. Так как же насчет письменного обещания, дядя Уоткин? Я прихватила с собой вечное перо. Давай приступим?

Я ожидал, что папаша Бассет взорвется, как бомба, упавшая на склад взрывчатых веществ. Однако вместо этого он продолжал хранить холодную неприступность, свойственную мировым судьям, сдирающим с молодых людей по пятерке за мальчишеские шалости.

— По-моему, ты чего-то недопонимаешь, Стефани, — отчеканил он металлическим голосом, каким некогда обращался к обвиняемому Вустеру. — Я не намерен вверять приход мистеру Пинкеру.

Для Стиффи эти слова были полнейшей неожиданностью. Она пошатнулась вся, от растрепанных ветром волос до самых каблучков, затрепетала и, наверное, упала бы, если бы не уцепилась за локоть Гарольда. Ее можно понять. Она была уверена, что все уладилось, и вдруг, как гром среди ясного неба, эти роковые слова. Бедняжка Стиффи сразу утратила все свое мужество, если можно говорить о мужестве в применении к юной барышне. Думаю, она почувствовала примерно то же, что и Спод, когда Эмералд Стокер шарахнула его по черепушке тяжеленной фаянсовой миской. Глаза у нее выпучились, и она пискнула срывающимся голосом:

— Но дядя Уоткин! Ты же обещал!

Я бы мог ей сказать, что она зря старается — тщетно взывать к лучшим чувствам этого старого стервятника, ибо мировые судьи, даже если они в отставке, напрочь лишены подобных чувств. Слезы, дрожавшие в ее голосе, кажется, разжалобили бы и каменное сердце, но на папашу Бассета они произвели не больше действия, чем привычное щебетание канарейки.

— Всего лишь предварительно, — сказал старый хрыч. — Тогда я еще не знал, что мистер Пинкер так жестоко избил Родерика.

При этих словах Раззява Пинкер, который прислушивался к разговору с полным равнодушием, точно чучело, набитое искусным таксидермистом,

вдруг неожиданно подал признаки жизни, издав звук, напоминающий шипение воды в водопроводном кране. Другой бы и внимания не обратил на этот звук, но папаша Бассет, покосившись на Раззяву, коротко бросил:

— Да, мистер Пинкер?

Минуты через две Раззява сначала тихо булькнул, а потом перешел на членораздельную речь:

— Я… э-э, — проговорил он, — … э-э…

— Пожалуйста, продолжайте, мистер Пинкер.

— Это было… В том смысле, что это не было…

— Если бы вы взяли на себя труд изъясняться немного проще, мистер Пинкер, вы оказали бы неоценимую помощь в расследовании данного дела. Должен признаться, вашему стилю немного недостает простоты.

Такими вот плоскими, как подошва, остротами в надежде снискать в печати комментарий «смех в зале» папаша Бассет пробавлялся в свои прежние славные дни на Бошер-стрит, но на этот раз номер у него не прошел. У меня лично его шуточки не вызвали даже усмешки, у Раззявы Пинкера тоже — он только опрокинул изящную фарфоровую фигурку и покраснел еще ярче прежнего. Стиффи героически бросилась ему на выручку.

— Дядя Уоткин, нет необходимости разговаривать так, будто ты в суде.

— Извини, в чем дело?

— По-моему, будет лучше, если ты позволишь все тебе объяснить. Гаролд хотел сказать, что не он жестоко избил Родерика, а Родерик жестоко избил его.

— В самом деле? Я слышал совсем другое.

— Нет же, все было именно так.

— Готов выслушать твою версию этого прискорбного происшествия.

— Хорошо. Так вот. Гаролд разговаривал с Родериком нежно, как голубок, и вдруг Родерик ни с того ни с сего размахнулся и съездил ему по носу. Если не веришь мне, посмотри сам. У бедного Гаролда кровь хлестала, как Версальский фонтан. Что, по-твоему, Гаролд должен был делать? Подставить другой нос?

— По-моему, мистеру Пинкеру не следовало забывать, что он служитель церкви. Он должен был пожаловаться мне, а я бы уж проследил за тем, чтобы Родерик принес ему свои извинения.

Раздался словно пушечный выстрел, стены задрожали. Это фыркнула Стиффи.

— Извинения! — вскричала она. — Да какой от них толк? Гаролд

повел себя совершенно правильно. Он дал сдачи и одним ударом уложил Родерика. Любой на его месте поступил бы так же.

— Любой, кто не носит духовный сан.

— Ну что ты, дядя Уоткин, нельзя же все время думать о своем духовном сане. Не до того было. Родерик едва не убил Гасси Финк-Ноттла.

— А мистер Пинкер ему *помешал!* Боже правый!

Последовало молчание, — папаша Бассет боролся с охватившими его чувствами. Тут Стиффи, как раньше Раззява Пинкер при объяснении со Сподом, решила пустить в ход доброе слово. По ее выражению, Гарольд разговаривал со Сподом нежно, как голубок, и если память мне не изменяет, так оно и было. И сейчас Стиффи сама заворковала, как голубка. Барышни умеют лепетать ласково и трогательно, если считают, что это поможет делу.

— Не похоже на тебя, дядя Уоткин! Неужели ты отступишь от своего обещания?

Тут я бы мог ей возразить: как раз очень даже на него похоже.

— Не могу поверить, что ты способен так жестоко поступить со мной. Я тебя не узнаю, дядя Уоткин. Ты всегда был такой добрый. Я так тебя люблю и уважаю. Ты мне как отец. Неужели ты хочешь теперь бросить все псу под хвост?

Такая страстная мольба, безусловно, тронула бы любого. Только не папашу Бассета. По-моему, он начисто лишен жалости и сострадания.

— Если за этим странным выражением скрывается просьба изменить мои намерения и предоставить мистеру Пинкеру приход, то должен тебя разочаровать. Я этого не сделаю. Считаю, что он недостоин места приходского священника, он себя показал с самой худшей стороны. Удивляюсь, что после всего случившегося у него хватает совести оставаться помощником викария.

Безусловно, это было тяжкое обвинение, и, услышав его, Раззява Пинкер не то охнул, не то икнул. Я бросил на старого сквалыгу холодный взгляд и поджал губы, хотя сомневаюсь, что он заметил, какое презрение выражалось у меня на лице, потому что его внимание было приковано к Стиффи. Она густо покраснела и стала почти того же цвета, что Раззява Пинкер, и до меня явственно донеслось зубовное лязганье. Сквозь эти свои стиснутые зубы она произнесла:

— Значит, вот как ты настроен?

— Да.

— Это твое окончательное решение?

— Безусловно.

— И ты его не изменишь?

— Никогда.

— Ясно, — сказала Стиффи и прикусила зубами нижнюю губку. — Ну, ты еще об этом пожалеешь.

— Не думаю.

— Пожалеешь. Вот подожди, дядя Уоткин, тебя начнут мучить угрызения совести. Ты еще не знаешь, на что способна женщина, — проговорила Стиффи, подавив рыдания, — а, может быть, опять же это была икота, — и выбежала из комнаты.

Едва она скрылась, как вошел Баттерфилд. Папаша Бассет воззрился на него с плохо скрытой досадой, с какой раздражительные субъекты обычно смотрят на дворецких, которые являются не вовремя.

— Да, Баттерфилд? В чем дело? Что вам нужно?

— Констебль Оутс хочет с вами поговорить, сэр.

— Кто?

— Констебль Оутс, из полиции, сэр.

— Что ему нужно?

— Как я понял, у него появилась улика, с помощью которой можно установить, кто из мальчиков бросил в вас крутое яйцо, сэр.

Эти слова подействовали на папашу Бассета, как звук сигнальной трубы на полковую лошадь, хотя, честно сказать, я никогда не видел полковой лошади. Старикашка мгновенно преобразился. Лицо у него оживилось и приобрело то выражение, какое можно наблюдать у гончей, напавшей на след. Он не вскричал «Ату-ту-ту!» — наверное, просто не знал такого слова, — но пулей выскочил из комнаты, а за ним на почтительном расстоянии последовал Баттерфилд.

Раззява Пинкер, водворив на место фотографию в рамке, которую он успел смахнуть с ближайшего столика, сдавленным голосом спросил:

— Как ты думаешь, Берти, что Стиффи имела в виду? Мне и самому было бы интересно узнать, что крылось за словами юной пигалицы. Во всяком случае, по-моему, что-то зловещее. В выражении «вот подожди» явно слышалась угроза. Вопрос Раззявы Пинкера отнюдь не был праздным.

— Трудно сказать, — подумав, ответил я, — что ей могло взбрести на ум.

— Она такая вспыльчивая.

— Что есть, то есть.

— Знаешь, мне как-то тревожно.

— Тебе-то что? Пусть папаша Бассет тревожится. Зная Стиффи, я бы на его месте…

Если бы мне удалось договорить, то я бы заключил словами: «…упаковал вещи и слинял в Австралию», но случайно взглянув в окно, я лишился дара речи.

Окно выходило на подъездную аллею, и оттуда, где я стоял, мне была видна парадная лестница. Когда я увидел, кто поднимается по ступенькам, сердце у меня подпрыгнуло и оборвалось.

Это был Планк. Квадратная загорелая физиономия, решительный шаг — ошибки быть не могло. Еще минута — Баттерфилд проведет его в гостиную, и мы с ним встретимся. От ужаса я совсем потерял голову и не представлял себе, как поступить.

Первой мыслью было дождаться, когда он войдет в дом, и тогда сразу выскочить из окна, благо оно было распахнуто. Думаю, Наполеон на моем месте поступил бы именно так. Я решил, как сказала бы Стиффи, не тянуть кота за хвост, но вдруг смотрю, под окном слоняется скотч-терьер Бартоломью. Тут я понял, что придется фундаментально пересмотреть разработанную ранее стратегию. Нельзя вылезать из окна на глазах у скотч-терьера, тем более, если он, как Бартоломью, склонен во всем видеть дурное. Со временем он, безусловно, поймет, что принял за грабителя, удирающего с добычей, обыкновенного безобидного гостя, и охотно принесет свои извинения, но к тому времени мои нижние конечности будут все в дырках, как швейцарский сыр.

Следуя альтернативной стратегии, я нырнул за диван, шепнув Раззяве Пинкеру: «Никому ни слова! Не хочу, чтобы этот тип меня видел», и устроился там, как черепаха в панцире.

20

Хорошо известно не только в «Трутнях», но и повсеместно, что Бертрам Вустер умеет держать удар и не теряет лицо, как бы сурово ни обходилась с ним жизнь. Дубинкою судьбы избитый в кровь, он головы своей пред ней не склонит, как сказал, не помню кто. Словом, Бертрам не из трусливых.

Однако, должен признаться, что сидя скорчившись в своем убежище, я понемногу начал заводиться. «Тотли-Тауэрс», как я уже говорил, действовал на меня угнетающе. По-моему, жить в этом проклятом месте совершенно невозможно. То гнездишься на комодах, как горный орел, то, как утка, ныряешь за диваны. Занятие, замечу, само по себе довольно хлопотное и неблагодарное, к тому же оно крайне пагубно сказывается и

на состоянии души, и на состоянии складки на брюках. Ну, скажите, как тут не заводиться!

Я все больше ожесточался против этого самого Планка, который, похоже, преследует меня, будто фамильное привидение. Какая нелегкая его сюда принесла? Как «Тотли-Тауэрс» ни ужасен, но, по крайней мере, я надеялся, что встреча с Планком мне тут не грозит. У него прекрасный дом в Хокли, и непонятно, почему, черт подери, ему там не сидится.

Мое раздражение распространялось и на туземцев, с которыми Планк общался в ходе своих экспедиций. Он сам говорил, что много лет подряд являлся куда его не звали, то в Бразилию, то в Конго, то еще куда-нибудь. И ни один из аборигенов даже не потрудился проткнуть его копьем или, на худой конец, пустить в него отравленную стрелу из фамильного духового ружья. Тоже мне, дикари называется! Вот раньше были дикари так дикари, я о них в детстве читал. Попадись им Планк, он и охнуть бы не успел, как угодил бы в колонку некрологов. По сравнению с ними нынешний дикарь — отпетый лодырь и непротивленец. Ему на все наплевать. Пусть другие суетятся. Пусть Джордж отдувается. И куда человечество идет, страшно подумать!

Из моего укрытия я мог обозреть лишь очень ограниченную часть пространства, но углядев пару грубых башмаков, обувь землепроходца, я сообразил, что в отворившуюся дверь Баттерфилд ввел Планка, и минуту спустя, когда вошедший заговорил, догадка моя подтвердилась. У Планка был голос, который, раз услышав, надолго сохранишь в памяти.

— Привет, — сказал он.

— Здравствуйте, — ответил Раззява Пинкер.

— Хорошая погодка.

— Очень хорошая.

— Что здесь происходит? Почему в парке палатки, качели и прочий вздор?

Когда Раззява объяснил, что недавно закончился ежегодный школьный праздник, Планк поспешил выразить удовлетворение, что эта напасть его миновала. Школьные праздники, сказал он, чреваты опасностью, благоразумным людям следует всячески их избегать, особенно если там затевается конкурс на самого хорошенького младенца.

— А у вас проводился конкурс среди младенцев?

— Да, как обычно. Матери всегда на этом настаивают.

— Да, матерей-то и нужно опасаться, — сказал Планк. — Эти звереныши и сами по себе тоже порядочная гадость, — того и гляди обслюнявят вас с головы до ног, и это еще в лучшем случае, — а их

мамаши так просто опасны для общества. Вот посмотрите, — сказал он, видимо, задирая штанину. — Видите шрам на икре? Однажды в Перу я имел глупость согласиться быть судьей конкурса на самого хорошенького младенца. Мамаша одного из тех, кто удостоился всего лишь поощрительного отзыва, пырнула меня туземным кинжалом, когда я спускался с кафедры, за которой держал речь. Боль была страшная, до сих пор нога к дождю ноет. Как говорит один мой приятель, рука, качающая колыбель, правит миром. Не знаю, насколько это верно, но с кинжалом эта рука управляется весьма умело.

Признаться, мне пришлось до некоторой степени пересмотреть тот суровый приговор, который я вынес современным дикарям, обвинив их в лености и равнодушии. Возможно, в последнее время туземцы мужчины утратили былую хватку, но туземные дамы, видимо, все еще отличаются здравым подходом к жизни, хотя, конечно, если речь идет о Планке и ему подобных, тут пырнуть кинжалом в икроножную мышцу — не более чем первый шаг в нужном направлении, проба пера, так сказать.

— Вы живете в этих краях? — спросил Планк, видимо, намереваясь поболтать.

— Да, здесь в деревне.

— В Тотли?

— Да.

— А команда регби тут есть, не знаете?

Пинкер ответил, что нет, что здешние спортсмены предпочитают футбол по правилам Национальной ассоциации. Услышав это, Планк воскликнул: «Боже правый!», должно быть, содрогнувшись от отвращения.

— А вы когда-нибудь играли в регби?

— Немного.

— Стоит заняться им всерьез. Самый лучший вид спорта. Пытаюсь сколотить в Хокли классную команду, гордость Глостершира. Тренирую своих молодцов ежедневно, и они выдают неплохие результаты, в самом деле, очень неплохие. Кто мне нужен, так это пропфорвард.

Нужен ему был пропфорвард, а получил он папашу Бассета, который в этот момент торопливым шагом вошел в гостиную. Последовал короткий обмен приветствиями: «Добрый вечер, Планк», «Добрый вечер, Бассет».

— Любезно с вашей стороны навестить меня, — сказал папаша Бассет. — Хотите выпить?

— Ах! — вздохнул Планк, и стало понятно, что он только этого и ждал.

— Пригласил бы вас к обеду, но, к сожалению, повариха сбежала с

одним из наших гостей.

— С его стороны весьма разумный поступок. Уж если сбегать, то с поварихой. Хорошую повариху в наше время днем с огнем не сыщешь.

— Теперь у нас в доме весь распорядок нарушен. Ни дочь, ни племянница не способны приготовить даже самых простых блюд.

— Придется вам ходить в трактир.

— По-видимому, единственный выход.

— Вот в Западной Африке всегда можно заглянуть к туземному вождю и пообедать чем Бог послал.

— Но мы не в Западной Африке, — возразил папаша Бассет, как мне показалось, довольно раздраженно. По-моему, его можно было понять. Когда попадаешь в передрягу, а тебе начинают говорить, как было бы хорошо, если бы ты был не здесь, а там, где тебя нет, это всегда злит.

— В Западной Африке мне часто приходилось обедать в гостях, — продолжал Планк. — Туземцы в мою честь закатывали шикарные обеды, хотя всегда присутствовал страх, что главное лакомство, которым вас потчуют, это какой-нибудь родственник жены хозяина, зажаренный на медленном огне и приправленный острым местным соусом. Какой уж тут аппетит, хотя червячка заморить можно, особенно если с голоду умираешь.

— Да уж, могу себе представить.

— Впрочем, дело вкуса.

— Совершенно справедливо. Вы хотели меня видеть по какому-то делу, Планк?

— Да нет, ничего особенного.

— Тогда, если вы меня извините, я вернусь к Мадлен.

— Кто такая Мадлен?

— Моя дочь. Когда вы пришли, у нас с ней был серьезный разговор.

— С девицей что-нибудь стряслось?

— Да, страшная неприятность. Собирается вступить в брак, который не принесет ей ничего, кроме несчастья.

— Все браки приносят несчастье, — сказал Планк, который, кстати сказать, судя по всему, был холостяк. — В результате браков появляются младенцы, а где младенцы, там конкурсы на самого хорошенького из них. Я уже рассказал этому джентльмену, что со мной случилось в Перу, и показал ему шрам у меня на ноге, который я заработал по собственной глупости, согласившись судить конкурс среди младенцев. Хотите посмотреть?

— Может быть, в другой раз.

— В любое время, когда пожелаете. Почему этот брак принесет вашей

дочери несчастье?

— Потому что мистер Вустер ей не пара.

— Кто такой мистер Вустер?

— Тот субъект, за которого она собирается выйти замуж. Типичный молодой бездельник, каких в наше время так много.

— Я знавал парня по фамилии Вустер, но едва ли это он, потому что моего Вустера недавно в Замбези съел крокодил, то есть он не в счет. Ладно, Бассет, возвращайтесь к дочери и передайте ей от меня, что если она начнет выходить замуж за каждого встречного и поперечного, значит, у нее с головой не все в порядке. Ей бы посмотреть, как живут жены туземных вождей, тогда у нее живо пропало бы желание делать глупости. Ох и жизнь у этих женщин! Только и знают, что толкут маис и рожают хорошеньких младенцев. Ну, Бассет, всего доброго, не стану вас задерживать.

Хлопнула дверь, это папаша Бассет вышел из гостиной, и Планк снова обратился к Пинкеру.

— Специально не стал ничего объяснять этому старому ослу — боюсь, до смерти заговорит, а у меня ведь дело. Не скажете ли случайно, где можно найти парня по фамилии Пинкер?

— Моя фамилия Пинкер.

— Вы уверены? Кажется, Бассет сказал, что вы Вустер.

— Нет, Вустер — это тот, который собирается жениться на дочери сэра Уоткина.

— Да-да, теперь понял. Неужели вы тот, кто мне нужен? Пинкер, которого я ищу, викарий.

— Да, я викарий.

— Правда? В самом деле, вы совершенно правы. Вижу, воротничок у вас застегивается сзади. Вы не Г.Р. Пинкер, случайно?

— Да.

— Несколько лет назад играли пропфорвардом за Оксфорд и сборную Англии?

— Да.

— Скажите, не заинтересует ли вас должность приходского священника?

Раздался грохот, и я понял, что Раззява от избытка чувств опрокинул очередной столик. А потом охрипшим голосом проговорил нечто в том смысле, что получить приход — его самое заветное желание; и Планк сказал, что рад это слышать.

— Наш священник в Хокли слагает с себя обязанности, ему вот-вот

стукнет девяносто, и я изъездил все окрестности в поисках замены. Задача невероятно трудная, ведь мне нужен хороший пропфорвард, а среди священников мало кто отличит футбол от волейбола. Не видел, к сожалению, как вы играете, потому что долго жил за границей, но ваше прошлое говорит само за себя. Думаю, вы классный игрок. Итак, можете приступать к своим обязанностям, как только старик Беллами уйдет на покой. Вернусь домой и сразу же отправлю вам письмо с официальным предложением.

Раззява сказал, что не знает, как его благодарить, а Планк ответил, что не стоит благодарности.

— Это я должен вас благодарить. У нас в Хокли с хавбеками и полузащитниками полный порядок, но в прошлом году мы продули Верхнему Бличингу из-за того, что наш пропфорвард совсем мышей не ловит. Ничего, в этом году мы им покажем. Какое счастье, что я вас нашел, а все благодаря моему другу, старшему инспектору Уитерспуну из Скотланд-Ярда. Сегодня он мне позвонил и сказал, где вас найти. Сказал, что, если я наведаюсь в «Тотли-Тауэрс», мне наверняка дадут ваш адрес. Удивительно, как эти парни из Скотланд-Ярда все разнюхивают. Думаю, тут сказывается многолетний опыт. Что это за шум?

Раззява Пинкер сказал, что ничего не слышит.

— Вроде бы кто-то подавился. По-моему, тут, за диваном. Взгляните, пожалуйста.

Раззява Пинкер сунулся ко мне за диван.

— Никого нет, — соврал он, великодушно рискуя бессмертием души ради спасения друга.

— Мне показалось, там собаку тошнит, — сказал Планк. Действительно, я громко поперхнулся, когда услышал про черное вероломство Дживса, и упустил из виду, что молчание — золото, особенно в данных обстоятельствах. Глупо, конечно, с моей стороны, но черт подери, если годами пригреваешь на своей груди личного камердинера, и вдруг на ровном месте обнаруживаешь, что он, этот камердинер, намеренно натравливает на тебя ученых исследователей Бразилии, то ты вправе вести себя, как собака, которую тошнит.

Такой подлости я от Дживса не ожидал, и был настолько ошеломлен, что на минуту-другую потерял нить разговора. Потом туман рассеялся, и до меня дошло, что Планк переменил тему.

— Интересно, как там идут дела у Бассета с дочерью? Вы что-нибудь знаете об этом самом Вустере?

— Он один из моих лучших друзей.

— А Бассет, кажется, его недолюбливает?

— Да.

— Ну что ж, о вкусах не спорят. Которая из двух девиц Мадлен? Я видел обеих, хотя мы не знакомы. Мадлен — это козявка с голубыми глазищами?

Представляю, как передернуло Раззяву Пинкера, когда его возлюбленную назвали козявкой, хотя, конечно, умом он должен был понимать, что она и есть козявка. Впрочем, ответил он без тени раздражения.

— Нет, это племянница сэра Уоткина, Стефани Бинг.

— Бинг? Почему это имя мне что-то напоминает? Ну да, конечно. Старина Джонни Бинг, он однажды был со мной в экспедиции. Такой рыжеволосый… Сто лет его не видел. Бедолага, его как-то укусила пума, и говорят, он до сих пор каждый раз осторожничает, когда надо сесть. Значит, Стефани Бинг, да? Полагаю, вы с ней знакомы?

— Знаком и очень хорошо.

— Славная девушка?

— По-моему, да. С вашего разрешения, пойду порадую ее хорошей новостью.

— Какой?

— О приходе.

— Ах, ну да. Думаете, ей это интересно?

— Уверен в этом. Мы собираемся пожениться.

— Боже правый! Что, никак не отвертеться?

— Я бы ни в коем случае не хотел отвертеться.

— Поразительно! Я вот однажды на попутных машинах удирал из Иоганнесбурга в Кейптаун, чтобы только отвертеться от женитьбы, а вас такая перспектива радует. Ну да ладно, вкусы бывают разные, идите к своей Стефани Бинг. А я перед уходом перекинусь парой слов с Бассетом. Он тоску на меня наводит, но ничего не попишешь — приличия надо соблюдать.

Хлопнула дверь, и воцарилась тишина. Я выждал несколько минут на всякий случай, убедился, что путь свободен, вылез из-за дивана и принялся разминать затекшие конечности. В эту минуту дверь отворилась и вошел Дживс с подносом в руках.

— Добрый вечер, сэр, — сказал он. — Не желаете ли аперитив? Я помогаю мистеру Баттерфилду. В данный момент он подслушивает под дверью комнаты, где сэр Уоткин беседует с мисс Бассет. Мистер Баттерфилд собирает материал для своих мемуаров и старается использовать для этого любую возможность.

Я бросил на Дживса один из моих особенных взглядов. Я был холоден и тверд, как крутое яйцо, которым запустили в Бассета. Я, как никогда, был полон праведного негодования.

— Чего я желаю, Дживс? Во всяком случае не кусок клеклого хлеба с дохлой сардинкой…

— С анчоусом, сэр.

— Ну пусть с анчоусом. Не будем мелочиться. Я требую объяснений, я на них настаиваю.

— Сэр?

— Надеетесь, вам с помощью этого вопроса удастся уклониться от темы? Отвечайте, Дживс, просто, без обиняков, да или нет. Зачем вы направили Планка в «Тотли-Тауэрс»?

Я думал, он от этого вопроса сникнет, как мокрый носок, но он даже бровью не повел.

— Печальный рассказ о горестях мисс Бинг ранил мое сердце, сэр. Случайно повстречав эту молодую леди, я заметил, что она крайне огорчена отказом сэра Уоткина передать приход мистеру Пинкеру. Я сразу понял, что в моих силах помочь ее горю. На почте в Хокли мне сообщили, что местный священник вскоре собирается уйти на покой, и поскольку я был осведомлен о том, что майор Планк желает усилить линию нападения своей футбольной команды, мне пришла в голову блестящая мысль — познакомить его с мистером Пинкером. Мистеру Пинкеру необходимо получить приход для того, чтобы сочетаться брачными узами с мисс Бинг, а майору Планку нужен такой священник, как мистер Пинкер с его опытом игры в качестве пропфорварда, чтобы успешно сражаться с другими командами на футбольном поле. Мне показалось, что интересы мистера Пинкера и майора Планка совершенно совпадают.

— Ваш расчет оправдался. Раззява Пинкер прошел на ура.

— Он сменит мистера Беллами?

— Сразу, как только Беллами уйдет на покой.

— Счастлив это слышать, сэр.

Я ответил не сразу — затекшая нога причиняла боль. Растерев икру, я, по-прежнему холодно, проговорил:

— Вы-то, может быть, и счастливы, но обо мне этого не скажешь,

особенно в последние четверть часа. Пришлось сидеть, скорчившись за диваном, и трястись от страха, что в любую минуту Планк меня обнаружит. Вы не удосужились представить себе, что будет, если мы с ним встретимся?

— Я был уверен: вы с вашим острым умом найдете способ избежать встречи с майором Планком, сэр, и я не ошибся. Вы прятались за диваном?

— Скорчившись в три погибели.

— Необыкновенно удачный маневр, сэр, если позволите заметить. Свидетельствует о быстроте реакции и редкой находчивости, которые трудно переоценить, сэр.

Лед растаял. Не будет преувеличением сказать, что я растрогался. Не так уж часто окружающие изливают на меня бальзам похвал, а такие, например, как тетя Агата, вообще никогда словечка доброго обо мне не вымолвят. Я еще смаковал, — по-моему, в данном случае глагол «смаковать» уместен, — такие приятные выражения, как острый ум, быстрая реакция и редкая находчивость, как вдруг, вспомнив о маячившей впереди свадьбе с Мадлен Бассет, вздрогнул так сильно, что Дживс поинтересовался, не захворал ли я.

Я потряс башкой.

— Физически нет, Дживс, а вот психологически — да.

— Я не совсем вас понимаю, сэр.

— Так вот вам новость из уст самого Бертрама Вустера. Я женюсь.

— В самом деле, сэр?

— Да, Дживс, я женюсь. Грядет обряд венчания.

— Не будет ли с моей стороны вольностью, если спрошу…

— На ком? Могли бы и не спрашивать. Гасси Финк-Ноттл сбежал с Эмералд Стокер, в результате возник… э-э… как это называется?

— Может быть, вакуум, сэр?

— Именно. Возник вакуум, и я призван его заполнить. Если, конечно, вы не придумаете, как мне выпутаться.

— Все мои помыслы я обращу на решение этой проблемы, сэр.

— Благодарю вас, Дживс, — сказал я и приготовился продолжать в том же духе, но в этот момент увидел, как отворяется дверь, и онемел от страха. К счастью, это оказался не Планк, а Стиффи.

— Привет, — сказала она. — Я ищу Гаролда.

Взглянув на девицу, я понял, что Дживс был прав. Она совсем пала духом. Лоб нахмурен и общий облик свидетельствует о душевных страданиях. Мне было приятно, что я могу подмешать в ее жизнь немного солнечного света. Отложив до поры мои собственные тревоги, я сказал.

— А он ищет тебя. У него потрясающие новости. Ты знаешь Планка?

— Да. А что?

— Сейчас объясню. До сих пор он был для тебя некой абстрактной личностью, обитающей где-то в Хокли и продающей статуэтки из черного янтаря. Но у этой личности есть и другая сторона.

Стиффи выказала признаки нетерпения.

— Если ты думаешь, что Планк меня интересует…

— Так он тебя не интересует?

— Нисколько.

— Ничего, сейчас заинтересует. У него, как я уже сказал, есть другая сторона. Он землевладелец и имеет право распоряжаться церковными приходами. Не буду тянуть, всегда лучше, если есть возможность, сразу брать быка за рога. Короче — Планк отдает приход Гаролду.

Я не ошибся, предполагая, что это известие в корне изменит настроение девицы. Вообще-то мне не приходилось видеть, как покойник соскакивает с катафалка и становится душой общества, но Стиффи наглядно продемонстрировала подобное превращение, когда мои слова просочились в ее сознание. Ее глаза, вернее, голубые глазищи, как справедливо заметил Планк, вспыхнули ярким светом, и ликующий вопль сорвался с ее губ. Но затем взгляд у нее снова затуманился: видимо, ей в душу закрались сомнения.

— Это правда?

— Совершенная правда.

— Или ты меня дурачишь? Я надменно вскинул голову.

— Ив мыслях не было. По-твоему, Бертрам Вустер способен на такие шуточки? Вселить в человека надежду, а потом… как там, Дживс?

— Разбить ее вдребезги, сэр.

— Благодарю вас, Дживс.

— Не стоит, сэр.

— Сведения достовернейшие, Стиффи. Прямо из первых рук. Я присутствовал при разговоре. Сидел за диваном.

И все-таки Стиффи казалась растерянной.

— Не понимаю. Ведь Планк даже не знаком с Гаролдом.

— Их свел Дживс.

— Это правда, Дживс?

— Да, мисс.

— Ах, какой вы молодчина!

— Благодарю вас, мисс.

— И он в самом деле отдает приход Гаролду?

— Да, приход в Хокли, — подтвердил я. — Он сегодня же напишет Гаролду письмо с официальным предложением. Тамошний священник еще священнодействует, но он стар, немощен и мечтает сложить с себя полномочия, как только ему найдут дублера. Судя по всему, Раззява ринется в Хокли спасать души прихожан в ближайшие дни.

Мой искренний и убедительный тон развеял последние сомнения Стиффи. Дурные предчувствия как рукой сняло. Глаза засверкали, словно те самые две звезды, о которых поется в песне, она издала дикий вопль и пустилась в пляс. Потом вдруг остановилась и спросила.

— Интересно, каков собою Планк?

— В каком смысле?

— Ну, например, он бородатый?

— Нет.

— Это хорошо. Я хочу его поцеловать, а борода может послужить препятствием.

— И мысль эту из головы выбрось, — возразил я, ибо психология Планка была для меня все равно что открытая книга. Высказывания этого закоренелого холостяка убедили меня, что он скорее даст проткнуть себе икроножную мышцу туземным кинжалом, чем согласится, чтобы прекрасные девы осыпали поцелуями его лицо. — Его хватит удар.

— Все-таки я должна кого-нибудь поцеловать. Дживс, можно я вас поцелую?

— Нет, благодарю вас, мисс.

— А тебя, Берти?

— Лучше не надо.

— Тогда пойду поцелую дядю Уоткина, хотя в последнее время он ведет себя, как скотина чистейшей воды.

— Думаешь, только в последнее?

— А поцеловав, выложу ему новости, надо его проучить, пусть поймет, что сам упустил свое счастье. Скажу, что, отказавшись от Гаролда, он поступил, как тот индеец.

Честно говоря, я не понял, куда она клонит.

— Какой индеец?

— Один дикарь простофиля, — я о нем читала со своей гувернанткой, — он сдуру собственными руками выбросил… Как там, Дживс?

— Жемчужину, ценнее во сто крат всех их сокровищ, вместе взятых,[33] мисс.

— А-а, ну да. Надеюсь, скажу я ему, что священник, которого он себе

найдет, будет насморочный, косноязычный и худосочный. Ой, заговорила о дяде Уоткине и вспомнила — теперь мне это уже ни к чему.

И она как фокусник, извлекающий кролика из шляпы, выудила из тайников своих одежд черную кикимору.

22

Уж лучше бы Стиффи достала гремучую змею. Я в ужасе уставился на уродца. Только его мне сейчас и не хватало для полного счастья.

— Откуда у тебя это? — спросил я сиплым, срывающимся голосом.

— Стянула.

— Ради всего святого, зачем?

— Неужели не ясно? Чтобы пойти к дяде Уоткину и сказать ему, что если он не выполнит данного Гаролду обещания, то не видать ему его драгоценной статуэтки. Политика с позиции силы, так ведь это называется, Дживс?

— Иначе говоря, шантаж, мисс.

— Да, иначе говоря, шантаж. Если имеешь дело с такими типами, как дядя Уоткин, все средства хороши. Но теперь, когда Планк разрешил наши трудности и нет нужды прибегать к крайним мерам, эта вещь мне больше не нужна, и по-моему, самое разумное — поставить ее на место, пока не хватились. Берти, пойди и отнеси ее в комнату, где хранится коллекция. Вот тебе ключ.

Я отпрянул, как если бы она дала мне подержать скотч-терьера Бартоломью. Я считаю себя preux chevalier[34] и тем горжусь, мне нравится угождать прекрасным дамам — по мере возможности, но бывают моменты, когда приходится объявлять nolle prosequi.[35] Сейчас настал именно такой момент. При одной мысли о том, чтобы пойти на опасное дело, которое мне предлагала Стиффи, я покрылся гусиной кожей.

— И близко не подойду к проклятой комнате! С моим везеньем я сразу наткнусь на твоего дядю Уоткина под ручку со Сподом, и как мне им объяснить, что я там делаю и каким образом проник в запертую на ключ комнату? Кроме того, я не могу разгуливать по дому, когда здесь Планк.

Стиффи залилась своим так называемым серебристым смехом, которым, по-моему, как я уже писал, она бессовестно злоупотребляла.

— Дживс мне рассказал про тебя и про Планка. Ужасно смешно.

— Рад, что тебе смешно. Мне лично было совсем не до смеха.

Дживс, как всегда, нашел выход из положения.

— Если вы передадите означенную вещь мне, мисс, я позабочусь о том, чтобы она вернулась на место.

— Благодарю вас, Дживс. Ладно, до свидания. Пойду отыщу Гаролда, — сказала Стиффи и удалилась, грациозно пританцовывая.

Я пожал плечами.

— Ох уж эти женщины, Дживс!

— Да, сэр.

— Ну и народ!

— Да, сэр.

— Помните, что я вам сказал о Стиффи, когда мы были в «Тотли-Тауэрсе» в прошлый раз?

— Нет, к сожалению, в данный момент не припоминаю, сэр.

— Она еще подсунула мне каску полицейского Оутса, а тут как раз папаша Бассет и его прихвостни ворвались в мою комнату с обыском. Предвосхищая будущее, я тогда обратил ваше внимание на то, что Стиффи, по которой, как известно, психушка плачет, собралась замуж за преподобного Г.Р. Пинкера, самого придурковатого из тех, кто когда-либо вещал прихожанам о хеттеях и хананеях,[36] и задался вопросом, чего же ожидать от их отпрысков, если таковые явятся на свет.

— Да, сэр, теперь вспоминаю.

— Унаследуют ли они, спрашивал я себя, совокупную дурь обоих родителей?

— Да, сэр, насколько могу припомнить, вас особенно тревожила судьба нянь, гувернеров и школьных преподавателей, которые возьмут на себя ответственность за воспитание вышеупомянутых отпрысков…

— … не подозревая, с чем им придется столкнуться. Совершенно верно. Эта мысль до сих пор меня гложет. Однако нам сейчас недосуг углубляться в данный предмет. Возьмите-ка лучше черную кикимору и не мешкая водворите ее на место.

— Да, сэр. Коль предстоит тебе свершенье, верши его без промедленья, — сказал он, направляясь к двери, а я в который уже раз восхитился тем, как складно он сочиняет.

Теперь самое время, подумал я, прибегнуть к стратегии, разработанной мною с самого начала, а именно — бежать отсюда через окно. Пока Планк шляется по дому и в любой момент может ввалиться сюда, поближе к напиткам, самое безопасное для меня — удалиться в тисовую или рододендроновую аллею и отсидеться там, пока он не уберется восвояси. Итак, в соответствии с планом я поспешил к окну и, —

представьте себе мой испуг и досаду, — обнаружил, что Бартоломью, вместо того чтобы прогуливаться по парку, устроил себе сиесту на травке под окном. Я уже перекинул ногу через подоконник и только тогда заметил мерзкое животное. Еще секунда, и я бы упал прямо на него, подобно летнему дождю, что низвергается нежданно с небес на землю, как сказал не помню кто.

Легко догадаться, что это impasse,[37] как говорят французы. Я стоял, обдумывая свое положение, когда за дверью послышались шаги. Коль предстоит тебе свершенье, верши его без промедленья, сказал я себе и снова бросился за диван, побив на долю секунды свой предыдущий рекорд.

Лежа в своем тесном закутке, я удивлялся, почему не слышно никакого разговора. До сих пор все входящие начинали чесать языки, как только переступали порог. Странно, подумал я, теперь ко мне, кажется, занесло парочку глухонемых. Однако, осторожно выглянув из-за дивана, я понял, что ошибся. Это была вовсе не парочка глухонемых, а Мадлен. Она направлялась к фортепиано, и шестое чувство мне подсказало, что сейчас она примется петь старинные народные песни. Как я уже упоминал, на досуге Мадлен довольно часто предавалась этому занятию. Она особенно усердствовала в минуты бурных переживаний, когда желала успокоиться. Вот и сейчас, видно, настала такая минута.

Мои опасения оправдались. Мадлен принялась голосить и пропела две песни кряду, не переводя дыхания, и при мысли о том, что подобное испытание будет моим уделом на всю оставшуюся жизнь, я похолодел. У меня всегда была своего рода аллергия на старинные народные песни, и чем они стариннее, тем пуще аллергия.

К счастью, не успела Мадлен начать третью балладу, как послышались тяжелые шаги, дверь отворилась, кто-то шумно засопел и произнес голосом Спода, хриплым от избытка чувств: «Мадлен!»

— Мадлен, а я везде тебя ищу.

— О Родерик! Как твой глаз?

— Мне сейчас не до глаза, — сказал Спод. — Я не о глазах пришел рассуждать.

— Говорят, если приложить бифштекс, отек спадет.

— И не о бифштексах. Сэр Уоткин сообщил мне ужасную новость о тебе и о Вустере. Это правда, что ты собираешься за него замуж?

— Да, Родерик, это правда.

— Как ты можешь любить этого осла, этого дебила Вустера?! — вскричал Спод, и я нашел его слова чрезвычайно грубыми. Выбирайте выражения, Спод, мог бы я сказать, выпрямившись во весь рост и глядя

ему прямо в глаза. Однако по ряду соображений я ничего такого не сказал, а, напротив того, остался сидеть, скрючившись за спинкой дивана. Мадлен вздохнула, а, может, просто под диваном гулял сквозняк.

— Нет, Родерик, я его не люблю. Моя душа к нему нисколько не стремится. Но мой долг подарить ему счастье.

Спод сказал «Тьфу!» или что-то вроде того.

— Ради всего святого, — воскликнул он, — зачем? Какое тебе дело до этого жалкого червя Вустера и его счастья?

— Родерик, он меня любит. Ты ведь, наверное, заметил, как он на меня смотрит? Его взгляд полон немого обожания.

— Делать мне больше нечего, что ли, как заглядывать Вустеру в глаза? Воображаю, какой взгляд у этого тупицы. Мадлен, давай объяснимся начистоту.

— Я тебя не понимаю, Родерик.

— Сейчас поймешь.

Видимо, произнеся «сейчас поймешь», он схватил ее за руку, потому что она громко вскрикнула «Ой!». Моя догадка подтвердилась, когда она сказала, что он причинил ей боль.

— Прости, прости, — забормотал Спод. — Но я не могу допустить, чтобы ты сломала себе жизнь. Нельзя тебе выходить за Вустера. Ты должна выйти за меня.

Я был — за, как говорится, и сердцем и душой. Озолоти меня, Спода я не полюблю, это факт, но эти речи его мне очень понравились. Осталось поднажать еще немного, и Бертрам будет свободен от своих почетных обязательств. Жаль только, что Спод так долго раскачивался.

— Я тебя полюбил, когда ты была вот такой.

Не имея возможности видеть Спода, я так и не узнал, какого роста была Мадлен, когда Спод ее полюбил, но, по моим предположениям, он держал руку не слишком высоко над полом. Футах в двух, я думаю.

Мадлен была явно растрогана. Я услышал, как в горле у нее булькнуло.

— Знаю, Родерик, знаю.

— Ты догадывалась?

— Да, Родерик. О, как печальна жизнь!

Спод не разделял подобных взглядов на жизнь.

— Вовсе нет. Жизнь прекрасна. Во всяком случае станет прекрасной, если ты пошлешь подальше этого кретина Вустера и выйдешь за меня.

— Я всегда к тебе очень хорошо относилась.

— Значит, решено?

— Дай мне время подумать.
— Пожалуйста. Я готов ждать.
— Не хочу разбивать сердце Берти.
— Но почему? Ему это пойдет на пользу.
— Он так меня любит.
— Вздор. По-моему, он не способен любить никого и ничего, кроме сухого мартини.
— Как ты можешь так говорить? Ведь он примчался сюда, потому что жить без меня не может, разве нет?
— Как бы не так. Он тебя обманывает. А на самом деле явился в «Тотли-Тауэрс», чтобы стащить у твоего отца статуэтку из черного янтаря.
— Как!
— Вот так! Мало того, что он дебил, но он еще и жалкий вор.
— Не может быть!
— Очень даже может. Его дядя жаждет заполучить эту статуэтку для своей коллекции. Не далее чем полчаса назад я слышал, как Вустер разговаривал по телефону со своей теткой. Украсть статуэтку, сказал он, не так просто, но я постараюсь, ведь я знаю, как дядя Том о ней мечтает. Вустер всегда был вором. Когда мы впервые встретились — это было на Бромптон-роуд, в антикварной лавке, — он чуть было не стащил зонт у твоего отца.
Чудовищная ложь, мне ничего не стоит ее опровергнуть. Действительно, Спод, папаша Бассет и я случайно встретились в упомянутой антикварной лавке, но что касается зонта, то тут просто смешное недоразумение. Этот предмет первой необходимости, принадлежавший папаше Бассету, стоял, прислоненный к креслу какого-то там века. Я его взял машинально, очевидно, движимый первобытным инстинктом, который побуждает индивидуума, лишенного зонта, — а в то утро я относился именно к этой категории, — бессознательно хватать первый попавшийся ему на глаза зонт с такой же неизбежностью, с какой цветок тянется к солнцу. Все можно было бы объяснить в двух словах, но мне не дали сказать даже одного, замарав тем самым мою репутацию.
— Родерик, ты меня просто сразил! — сказала Мадлен.
— Я так и думал, что ты схватишься за голову.
— Если все это правда, если Берти и в самом деле вор…
— Ну?
— Разумеется, я порву с ним всякие отношения. Но я не могу в это поверить.
— Пойду приведу сэра Уоткина, — сказал Спод. — Надеюсь, ему-то

ты поверишь.

Топая, как слон, Спод удалился, а Мадлен, должно быть, погрузилась в раздумье, потому что я не слышал ни звука. Потом дверь отворилась, и до меня донеслось покашливание, которое я узнал без малейшего труда.

23

Это было легкое Дживсово покашливание, оно всегда наводило меня на мысль о старой овце, перхающей где-то в отдалении, среди гор. Если помните, подобным же образом он кашлянул, когда я впервые предстал перед ним в своей тирольской шляпе. Как правило, это его покашливание означает неодобрение, но иногда Дживс им пользуется, если хочет коснуться в разговоре какой-нибудь щекотливой темы. Едва он заговорил, я понял, что сейчас именно такой случай, ибо голос у него звучал приглушенно.

— Осмелюсь осведомиться, не могли бы вы уделить мне несколько минут, мисс?

— Конечно, Дживс.

— Речь пойдет о мистере Вустере, мисс.

— Вот как?

— Вначале должен признаться, что, когда вы с лордом Сидкапом разговаривали, я проходил мимо и случайно услышал высказывания его сиятельства относительно мистера Вустера. У его сиятельства зычный голос. И я оказался в двусмысленном положении, разрываясь между преданностью господину и естественным желанием исполнить свой долг гражданина.

— Я вас не понимаю, Дживс, — сказала Мадлен, и со мной вместе нас, непонимающих, стало двое.

Дживс снова кашлянул.

— Мне бы не хотелось позволить себе вольность, мисс, но если бы я мог говорить откровенно…

— Пожалуйста, говорите.

— Благодарю вас, мисс. Слова его сиятельства, кажется, подтверждают слух, носящийся среди прислуги, о том, что вы намереваетесь сочетаться брачными узами с мистером Вустером. Не покажется ли нескромным с моей стороны, если я позволю себе осведомиться, правда ли это?

— Да, Дживс, это правда.

— Если бы я мог заручиться вашим великодушным прощением, я бы осмелился заметить, что, как мне кажется, мисс, вы совершаете ошибку.

Отлично сказано, Дживс, вы на правильном пути, подумал я, надеясь, что он будет продолжать в том же духе. Я с тревогой ждал, что ответит Мадлен, а вдруг она выпрямится во весь рост и укажет Дживсу на дверь. Но мои опасения не оправдались. Она только повторила, что не понимает, о чем он говорит.

— Если позволите, мисс, я бы мог объяснить. Не хотелось бы дурно отзываться о моем господине, но, мне кажется, вы имеете право знать, что он клептоман.

— Как!

— Да, мисс. Я надеялся, что мне удастся сохранить это в тайне, как удавалось до сих пор, но в настоящее время мистер Вустер зашел слишком далеко, и я больше не в праве ему потворствовать. Сегодня, раскладывая его вещи, я обнаружил под стопкой нижнего белья эту маленькую черную статуэтку.

Я услышал, как у Мадлен вырвался звук, напоминающий чихание сифона, в котором заканчивается вода.

— Но ведь она принадлежит моему папе!

— Прошу прощения, мисс, но если мистеру Вустеру что-то приглянется, то для него не имеет значения, кому данная вещь принадлежит.

— Значит, лорд Сидкап говорил правду?

— Совершенную правду, мисс.

— Он сказал, что мистер Вустер пытался украсть папин зонтик.

— Обвинение, сформулированное лордом Сидкапом, безупречно обосновано, мисс. Зонты, ювелирные изделия, статуэтки и прочие предметы такого рода в равной степени привлекают внимание мистера Вустера. Думаю, он ничего не может с собой поделать. Это одна из форм психического заболевания. Однако, трудно сказать, разделят ли присяжные подобную точку зрения.

Мадлен снова изобразила сифон, в котором кончилась вода.

— Вы думаете, его могут посадить в тюрьму?

— Подобный поворот событий представляется мне весьма вероятным, мисс.

Мне было ясно, что Дживс на верном пути. Его изощренный интеллект подсказал ему вернейший способ помешать девице выйти замуж за кого не надо, а именно — внушить ей, что в один прекрасный момент медовый месяц может быть прерван полицией, нагрянувшей в их любовное

гнездышко, чтобы арестовать новобрачного за кражу. Какую юную девицу порадует подобная перспектива, и стоит ли обвинять Мадлен, если она предпочтет кого-нибудь вроде Спода, этой гориллы в человеческом облике, твердо соблюдающего закон. Мне казалось, я слышу ход мысли Мадлен, работающей в этом направлении, и я от души рукоплескал Дживсу, его блестящему знанию психологии индивидуума, как он называет эту премудрость.

Разумеется, я прекрасно понимал, что от всех этих разговоров мое положение в доме Бассетов станет еще неприятнее, но бывают минуты, когда необходимо пустить в дело нож хирурга. Кроме того, меня поддерживала мысль, что как только я смогу выбраться из-за дивана, будет проще простого прокрасться туда, где меня уже ждет, закусив удила, автомобиль, и рвануть в Лондон, не задерживаясь, чтобы попрощаться и поблагодарить за гостеприимство. Таким образом, я сразу избавлюсь от всех возможных неприятностей.

Мадлен все никак не могла успокоиться.

— О Господи! О Боже мой! — причитала она.

— Да, мисс.

— Какой удар!

— Мне понятны ваши чувства, мисс.

— Вы давно об этом знали?

— С тех пор, как поступил в услужение к мистеру Вустеру.

— О Боже, Боже мой! Благодарю вас, Дживс.

— Не за что, мисс.

Должно быть, Дживс дематериализовался, — интересно, уместен ли тут этот глагол? — ибо наступила полная тишина, и какое-то время ничего не происходило, не считая того, что у меня защекотало в носу. Не пожалел бы десяти соверенов, лишь бы чихнуть, однако подобный поступок, безусловно, не укладывался в рамки принятого мной стратегического курса. И я продолжал тихо сидеть, скрючившись в своей норе и размышляя о том о сем, как вдруг дверь снова отворилась: в гостиную явились участники массовой сцены. Я насчитал три пары ног и вывел заключение, что они принадлежат Споду, папаше Бассету и Планку. Спод, если помните, ушел за папашей Бассетом, а Планк, вероятно, увязался за ними в надежде пропустить рюмку-другую на посошок.

Спод заговорил первым, и в его голосе слышалось торжество победителя, застукавшего на месте преступления опасного соперника.

— А вот и мы, — сказал он. — Я привел сэра Уоткина, чтобы он подтвердил мои слова о том, что Вустер — жалкий воришка, который

тащит все, что не приколочено гвоздями. Согласны со мной, сэр Уоткин?

— Конечно, Родерик. Не далее как месяц назад он со своей теткой похитил у меня корову-сливочник.

— Что это еще за корова-сливочник? — поинтересовался Планк.

— Серебряный кувшинчик для сливок, жемчужина моей коллекции.

— Неужели им удалось улизнуть?

— Да.

— Ах, — сказал Планк. — В таком случае мне необходимо выпить виски с содовой.

Папаша Бассет вошел в раж. Его голос заглушил шипение сифона, которым орудовал Планк.

— Только по милости Провидения Вустер не похитил у меня зонт в тот раз, на Бромптон-роуд. Самый большой порок этого молодого человека состоит в том, что он не ведает разницы между meum и tuum.[38] Однажды он предстал передо мной в суде по обвинению в краже каски у полисмена. Не устаю сожалеть, что тогда я ограничился всего лишь штрафом в пять фунтов.

— Неуместная доброта, — припечатал Спод.

— Я и сам это чувствую, Родерик. Суровое наказание могло бы сослужить Вустеру хорошую службу.

— Таким типам ничего не должно сходить с рук, — сказал Планк. — В Мозамбике у меня был мальчик слуга. Так он повадился таскать у меня сигары. Я по глупости его простил — он меня заверил, что больше этого не повторится, так как он уверовал в Бога. Недели не прошло, как мальчишка удрал, прихватив ящик гаванских сигар и мою вставную челюсть, которую продал соседнему туземному вождю. Чтобы получить ее назад, пришлось пожертвовать ящиком контрабандного джина и двумя нитками бус. Строгость и еще раз строгость. Железная рука. Иного не дано, все прочее воспринимается как признак слабости.

Мадлен всхлипнула, во всяком случае, звук, который мне послышался, был похож на всхлип.

— Но, папа…

— Да?

— Как я понимаю, Берти ничего не может с собой поделать.

— Но, дитя мое, именно за эту привычку потакать своим склонностям и тащить все, что под руку попадется, мы его и осуждаем.

— Я хотела сказать, что у него клептомания.

— Да ну? Кто тебе сказал?

— Дживс.

— Странно. Почему об этом зашла речь?

— Потому что Дживс отдал мне это. Он ее нашел в комнате у Берти. Он был очень встревожен.

Последовало молчание, я бы сказал, ошеломленное молчание. Потом папаша Бассет воскликнул: «Боже правый!», Спод произнес: «Боже мой!», а Планк проговорил с удивлением: «Но это же та самая статуэтка, которую я продал вам, Бассет, помните?». Мадлен снова всхлипнула, а у меня опять защекотало в носу.

— Поразительно! — сказал папаша Бассет. — Говоришь, Дживс ее нашел в комнате Вустера?

— Да, под стопкой белья.

Папаша Бассет крякнул, точно издыхающая утка.

— Как правы были вы, Родерик! Вы ведь мне говорили, что Вустер явился сюда, чтобы похитить статуэтку. Но не понимаю, как он проник в комнату, где хранится коллекция.

— У этой публики свои приемы.

— Похоже, на эту штуку большой спрос, — сказал Планк. — Только вчера у меня дома какой-то фрукт с лицом преступника пытался продать ее мне.

— Вустер!

— Нет, не Вустер. Моего фрукта зовут Тирольский Джо.

— Может, это кличка Вустера.

— Может. Об этом я как-то не подумал.

— Ну, а теперь, после всего этого… — сказал папаша Бассет.

— Да, после этого, — подхватил Спод, — ты ведь не выйдешь за него замуж, правда, Мадлен? Он еще хуже, чем Финк-Ноттл.

— Кто такой Финк-Ноттл? — поинтересовался Планк.

— Тот тип, который сбежал с Эмералд Стокер, — сказал папаша Бассет.

— Кто такая Эмералд Стокер? — спросил Планк. Никогда не встречал человека, которого бы в такой степени терзал информационный голод.

— Повариха.

— Ах, да. Вспомнил, вы же мне говорили. Этот парень знает, что делает. Я решительно против любого брака, но если уж идти на этот отчаянный шаг, то стоит извлечь из него какую-то выгоду, женившись на женщине, которая сумеет управиться с куском мяса. Я знавал одного парня в Федеральных штатах Малайи, так он…

Вероятно, Планк собирался поведать какую-то забавную историю, но Спод не дал ему договорить. Адресуясь к Мадлен, он сказал:

— Я знаю, что тебе надо сделать. Выйти замуж за меня. И пожалуйста, не спорь со мной. Ну так как?

— Да, Родерик, я согласна стать твоей женой.

Спод издал воинственный клич, от которого у меня еще сильнее защекотало в носу.

— Вот то-то! Совсем другой разговор! Идем в сад. Мне надо так много тебе сказать.

Тут он, должно быть, заключил Мадлен в объятия и потащил прочь. Я услышал, как за ними захлопнулась дверь, после чего папаша Бассет в свою очередь тоже издал пронзительный клич, по мощности не уступающий тому, что недавно сорвался с губ Спода. Очевидно, старикашку охватил буйный восторг, причину которого нетрудно понять. Отец, чья дочь чуть не вышла за Гасси Финк-Ноттла, потом чуть не вышла за меня, а потом, наконец, прозрела и подцепила видного представителя британской аристократии, имеет право быть вне себя от счастья. Лично мне Спод не нравился, и пырни его кинжалом какая-нибудь перуанская матрона, я бы только порадовался, но было бы нелепо отрицать, что с матримониальной точки зрения он лакомый кусочек.

— Леди Сидкап! — старикашка смаковал эти два слова, будто драгоценный марочный портвейн.

— Кто такая леди Сидкап? — спросил одержимый жаждой познания Планк.

— Моя дочь скоро станет ею. Одна из древнейших фамилий Англии. Тот молодой человек, который только что здесь был — это лорд Сидкап.

— Я думал, его зовут Родерик.

— Родерик — это его имя.

— А! Теперь понял. Теперь картина мне ясна. Ваша дочь собиралась выйти за малого по фамилии Финк-Ноттл?

— Да.

— Затем переметнулась к этому самому Вустеру, он же, возможно, Тирольский Джо.

— Да.

— А теперь она решила выйти за лорда Сидкапа?

— Да.

— Ясно, как Божий день, — сказал Планк. — Я знал, что в конце концов разберусь. Всего лишь вопрос концентрации внимания и исключения второстепенного. Вы одобряете этот брак? Разумеется, в той степени, — добавил он, — в какой вообще можно одобрять брак.

— В высшей степени одобряю.

— В таком случае выпью-ка еще стакан виски с содовой.
— Присоединяюсь, — подхватил папаша Бассет.
В эту минуту, не в силах больше сдерживаться, я чихнул.
— Говорил же я, что там за диваном кто-то есть, — сказал Планк, обогнул диван и воззрился на меня так, будто я туземный вождь, не способный усвоить правила игры в регби.
— Отсюда доносились подозрительные звуки. Господи, это же Тирольский Джо.
— Это Вустер!
— Кто такой Вустер? Ах, да, вспомнил, вы мне о нем говорили. Какие шаги вы собираетесь предпринять?
— Я вызвал Баттерфилда.
— Кто такой Баттерфилд?
— Дворецкий.
— Зачем вам дворецкий?
— Велю ему позвать Оутса.
— Кто такой Оутс?
— Здешний полисмен. Он пошел на кухню пропустить стаканчик виски.
— Виски! — задумчиво произнес Планк и, будто вспомнив о чем-то, направился к столу, где стояли напитки.
Дверь отворилась.
— Баттерфилд, пожалуйста, попросите Оутса прийти сюда.
— Слушаю, сэр Уоткин.
— Бедолага, он не совсем в форме, — сказал Планк, глядя вслед удаляющемуся Баттерфилду. — Две-три футбольные тренировки, и будет, как огурчик. Что собираетесь делать с Тирольским Джо? Предъявите обвинение?
— А как же. Он, конечно, надеется, что я этого не сделаю, потому что испугаюсь скандала, но он ошибается. Я дам делу законный ход.
— Правильно. Припаяйте ему на полную катушку. Вы ведь здешний мировой судья, правда?
— Да, и я намерен дать ему двадцать восемь суток по второму разряду.
— Может быть, шестьдесят? Хорошая круглая цифра. А на шесть месяцев не получится?
— Боюсь, не получится.
— Да, вероятно, у вас существуют строгие тарифы. Ладно, двадцать восемь дней лучше, чем ничего.

— Констебль Оутс, — сказал появившийся в дверях Баттерфилд.

24

Не знаю почему, но когда вас ведут в полицейский застенок, вы себя чувствуете довольно глупо. По крайней мере, со мной дело обстояло именно так. Я хочу сказать, что если вы шествуете бок о бок со стражем закона, у вас возникает ощущение, будто в каком-то смысле вы у него в гостях и вам следует проявлять к нему всяческий интерес и вызывать на разговор. Однако на самом деле задача это непосильная — ни живого обмена мыслями, ни легкой беседы не получается. Помнится, в частной школе, той самой, где я получил приз за знание Библии, достопочтенный Обри Апджон, наш главный принципал, имел обыкновение брать нас по одному на воскресные образовательные прогулки, и, когда подходила моя очередь, я отнюдь не блистал красноречием. Вот и теперь со мной случилось то же самое. Как ни старался я быть небрежным и раскованным, когда в сопровождении констебля Оутса держал путь к деревенской кутузке, мне не удавалось выдавить из себя ни слова.

Возможно, будь я преступником высокого класса, которому светит лет десять за грабеж, поджог или еще что-нибудь такое, вот тогда совсем другое дело. Но я был мелкая сошка, тянул всего на каких-то двадцать восемь суток по второму разряду и не мог избавиться от ощущения, что констебль смотрит на меня сверху вниз, не презрительно, пожалуй, в прямом смысле слова, но надменно. Должно быть, он считал, что с такой мелочью не стоит и связываться.

Да, и вот еще что. Рассказывая о своем предыдущем посещении «Тотли-Тауэрса», я упомянул, что когда папаша Бассет заточил меня в моей комнате, то внизу на лужайке он сосредоточил местные полицейские силы, чтобы я не улизнул через окно. Местные полицейские силы, естественно, были представлены в лице все того же Оутса, а поскольку в ту ночь дождь лил, как из ведра, думаю, не ошибусь, если скажу, что упомянутый Оутс затаил на меня зло. Даже самый добрый констебль и то не мог бы благожелательно взирать на арестанта, по чьей вине рисковал схватить сильную простуду в самый разгар служебной карьеры.

Как бы то ни было, сейчас Оутс выказал себя человеком не слова, но дела, и деловито запер меня в тюремную камеру. В Тотли таковая имелась в единственном числе и вся целиком была предоставлена в мое распоряжение. Камера оказалась уютной комнаткой об одно окошко,

незапертое, но слишком маленькое, — через него не пролезешь, — с зарешеченной дверью, нарами и крепким запахом пьянства и хулиганства, который всегда стоит в гостеприимных местах заключения и отдыха. Затрудняюсь решить, был ли этот застенок лучше или хуже того, что мне отвели на Бошер-стрит. По правде говоря, хрен редьки не слаще.

Сказать, что я рухнул на нары и забылся сном, значило бы обмануть моего читателя. Ночь я провел беспокойно. Мог бы поклясться, что глаз не сомкнул, но, видимо, все-таки сомкнул, потому что вдруг увидел солнечный свет, бьющий в окно, и моего тюремщика, который принес мне завтрак.

Я умял его с аппетитом, не свойственным мне в столь ранний час. Покончив с едой, выудил из кармана старый конверт и принялся за работу, которую, бывало, проделывал и прежде, когда Провидение начинало размахивать своей дубинкой у меня над головой, а именно: стал подводить баланс «Приход — Расход», чем, помнится, имел обыкновение заниматься Робинзон Крузо. Цель у меня была простая — посмотреть, где я на данный момент в выигрыше, а где терплю убытки.

Итог у меня получился такой.

Приход / Расход

Завтрак недурен. Кофе вполне хороший. Удивлен. / Хватит думать о желудке, арестант несчастный.

Это кто арестант? / Арестант — это ты.

Ладно, пусть так, если угодно. Но я невиновен. Руки мои чисты. / А лицо не очень.

Вид не так чтобы очень, что? / Тебя как будто кошка из мусорной кучи притащила.

Принять ванну — и все дела. / В тюрьме? Держи карман шире.

Думаешь, действительно засадят? / Ты же слышал, что сказал папаша Бассет.

Интересно, каково это — отсидеть двадцать восемь суток? До сих пор ограничивался одной ночью. / Узнаешь, почем фунт лиха. Умрешь от тоски.

Не знаю, не знаю. Там дают мыло и молитвенник, если не ошибаюсь. / Какая тебе польза от мыла и молитвенника?

Могу устроить из них какую-нибудь настольную игру. Зато не должен буду жениться на Мадлен. Что скажешь на это? /

Тут уж «Расход» прикусил язык. Неплохо я его поддел.

Ища в тарелке, не завалялась ли где крошка хлеба, не замеченная мною, я все же чувствовал себя щедро вознагражденным за все выпавшие на мою долю неприятности. Некоторое время я предавался размышлениям, все больше и больше примиряясь со своей участью, как вдруг послышался серебряный голосок, и от неожиданности я подскочил, как вспугнутый кузнечик. В первую минуту я не понял, откуда эти звуки исходят, и подумал, что явился мой ангел-хранитель, хотя всегда, не знаю почему, считал, что он особа мужского пола. Потом увидел за решеткой нечто вроде человеческого лица и, присмотревшись, узнал Стиффи.

Сердечно поздоровавшись с ней, я поинтересовался, как она сюда попала.

— Вот уж не думал, что Оутс тебя впустит. Или сегодня день посещений?

Стиффи сказала, что бдительный страж ушел в «Тотли-Тауэрс» для объяснения с дядей Уоткином, и она проскользнула сюда, как только он удалился.

— Берти, — сказала она. — Может, принести тебе напильник?

— Зачем мне напильник?

— Осел! Чтобы распилить решетку на окне.

— На окне нет решетки.

— Разве? Жаль. Ну да ладно. Ты завтракал?

— Только что.

— Ну и как, ничего?

— Вполне.

— Вот хорошо, а то я мучилась угрызениями совести.

— Ты? Почему?

— Пошевели мозгами. Если бы я не стащила статуэтку, тебя бы сюда не заперли.

— Ладно. Не огорчайся.

— Не могу. Хочешь, скажу дяде Уоткину, что ты ни при чем, что это моих рук дело? Надо смыть пятно с твоего имени.

Я с величайшей поспешностью отверг ее предложение.

— Ни в коем случае. И не мечтай.

— Разве ты не хочешь смыть пятно со своего имени?

— Не такой ценой. Не хочу перекладывать ответственность на тебя.

— Не беспокойся. Меня дядя Уоткин не засадит в кутузку.

— Надеюсь. Но если Раззява Пинкер все узнает, его хватит удар.

— Ой! Я об этом не подумала.

— Ну так хоть сейчас подумай. Он поневоле начнет сомневаться, стоит ли ему, викарию, навеки связывать свою судьбу с твоей. Будет раздумывать, правильно ли он поступает, колебаться. Другое дело, если бы ты была подружкой гангстера. Тогда, пожалуйста, тащи, что под руку попадет, он тебя за это только по головке погладит. А с Раззявой Пинкером все иначе. Как жена викария ты станешь хранительницей приходской казны. Если Раззява узнает про этот случай, он не будет ведать ни минуты покоя.

— Да, понимаю. Наверно, ты прав.

— Представляешь себе, как он будет вздрагивать, увидев тебя у ящика с церковными пожертвованиями? Нет, ты должна быть нема, как могила.

Она вздохнула, видно, ее все еще мучили угрызения совести, но мои доводы были слишком убедительны.

— Конечно, ты прав, но меня бесит, что ты в тюрьме.

— Выкинь из головы. Ущерб возмещен.

— Чем?

— Мне не надо идти на эшафот.

— Идти на…? А, понимаю. Не надо жениться на Мадлен.

— Конечно. Я ничего дурного о Мадлен не хочу сказать, как я тебе однажды уже объяснял, но при мысли о том, чтобы связать себя с нею священными узами, меня бросает в дрожь. Однако этот факт ни в коей мере не умаляет достоинств Мадлен. Множество самых блестящих женщин, если бы мне пришлось на них жениться, вызвали бы у меня точно такие же ощущения. Я их уважаю, восхищаюсь ими, преклоняюсь перед ними, — но только на расстоянии, и Мадлен как раз из их числа.

Развивая эту тему, я приготовился было поговорить о народных песнях, но тут какой-то хриплый голос ворвался в наш tete-a-tete,[39] если данное выражение подходит в случае, когда собеседники находятся по разные стороны железной решетки. Голос принадлежал констеблю Оутсу, вернувшемуся из «Тотли-Тауэрса». Присутствие Стиффи явно ему не понравилось, и он строго спросил:

— Это что такое?

— Что — это? — не долго думая нанесла ответный удар Стиффи, и я еще подумал, как ловко она его уела.

— Разговаривать с заключенными запрещается, мисс.

— Оутс, вы осел, — сказала Стиффи.

Это была истинная правда, но констебль обиделся и возмущенно отверг такое обвинение. Тогда Стиффи предложила ему заткнуться.

— Эх вы, полиция! Я же только хотела немного ободрить

заключенного.

Констебль хмыкнул, как мне показалось, с досадой, и минуту спустя мое впечатление подтвердилось.

— Это я нуждаюсь в ободрении, — мрачно сказал он. — Я виделся с сэром Уоткином, и он мне сказал, что не будет выдвигать обвинение.

— Что? — вскричал я.

— Что? — взвизгнула Стиффи.

— То, — сказал констебль, и мне стало ясно, что хоть солнце на небе давно, а в душе его темно. Честное слово, я ему даже посочувствовал. Для служителя закона нет горше обиды, чем если преступник ускользает из рук. Это все равно что крокодилу где-нибудь на Замбези или пуме в Бразилии видеть, как Планк, которым они собирались позавтракать, взмывает у них из-под носа на дерево недосягаемой высоты.

— Сковать полицию по рукам и ногам, вот как я это называю, — буркнул он и, кажется, плюнул на пол. Естественно, видеть я этого не мог, но звук плевка слышал явственно.

Стиффи гикнула, вне себя от радости, и я тоже, помнится, гикнул. На самом деле, как я ни храбрился, мне совсем не улыбалось гнить в застенке целых двадцать восемь дней. Одна ночь за решеткой — куда ни шло, но все хорошо в меру.

— Ну, так чего мы ждем? — сказала Стиффи. — Пошевеливайтесь, констебль. Живо отворяйте двери.

Не скрывая досады и разочарования, Оутс отпер замки, и мы со Стиффи вышли на широкие просторы по ту сторону тюремных стен.

— Прощайте, Оутс, — сказал я, ибо всегда приятно отдать дань вежливости своему бывшему тюремщику. — Рад был познакомиться. Поклон миссис Оутс и детишкам.

В ответ Оутс громко фыркнул — звук получился такой, будто бегемот вытащил ногу из болота. Я заметил, что Стиффи поморщилась. По-моему, поведение Оутса ей не понравилось.

— Знаешь, — сказала она, когда полицейский участок остался позади, — с Оутсом надо что-то делать. Надо дать ему хороший урок. Пусть не думает, что жизнь состоит из одних удовольствий. Правда, с ходу мне ничего подходящего не приходит в голову, но один ум хорошо, а два лучше. Берти, не уезжай и помоги мне проучить Оутса так, чтобы он на всю жизнь запомнил.

Я вздернул одну бровь.

— Ты хочешь, чтобы я остался здесь в качестве гостя дяди Уоткина?

— Можешь пожить у Гаролда. У него есть свободная комната.

— Нет уж, извини.

— Значит, не останешься?

— Нет. Хочу убраться из «Тотли» как можно скорее и чем дальше, тем лучше. И можешь сколько хочешь твердить, что я отпетый трус, меня этим не проймешь.

Она состроила гримасу, которую французы, по-моему, называют moue,[40] то есть, попросту говоря, надулась, как мышь на крупу.

— Я так и знала, что тебя бесполезно просить. Нет в тебе ни спортивного духа, ни боевого задора, и в этом твоя беда. Придется привлечь Гаролда.

Я замер на месте, потрясенный той картиной, которую вызвали ее слова в моем воображении, а Стиффи, всем своим видом выказав обиду и негодование, удалилась. Пока я стоял, гадая, какую кашу она теперь заварит на беду преподобному Пинкеру, и надеясь, что у него хватит благоразумия отказаться от Стиффиных затей, подкатил автомобиль, в котором к своей несказанной радости я увидел Дживса.

— Доброе утро, сэр, — сказал он. — Надеюсь, вы хорошо спали?

— Урывками, Дживс. Эти нары ужасно жесткие, все бока отлежал.

— Могу себе представить, сэр. Позволю себе заметить, что, к моему глубокому сожалению, эта тревожная ночь оставила след на вашем внешнем облике. Я бы не стал утверждать, что у вас вид достаточно soigne.[41]

Конечно, я мог бы его осадить, бросив, например, что-нибудь вроде «Мне бы ваши заботы, Дживс», но я не стал этого делать. У меня в голове роились более глубокие мысли. Я пребывал в философском настроении.

— Знаете, Дживс, — сказал я. — Век живи, век учись.

— Сэр?

— В смысле, что у меня теперь на многое открылись глаза. Я получил хороший урок. Теперь мне понятно, как можно ошибиться, навешивая на ближнего ярлык отпетого негодяя только потому, что он ведет себя как отпетый негодяй. Приглядись внимательнее, и увидишь человечные черты там, где менее всего ожидаешь.

— Весьма глубокое наблюдение, сэр.

— Возьмем, например, сэра Уоткина Бассета. Со свойственной мне опрометчивостью я занес его в разряд законченных злодеев, в которых нет ничего человеческого. И что же мы видим? Оказывается, и он может проявить великодушие. Загнав Бертрама в угол, он против ожидания не стал его добивать, он, карая, не забыл о милосердии и отказался от судебного преследования. Я тронут до глубины души тем, что под его

отталкивающей оболочкой скрывается золотое сердце. Дживс, почему у вас вид, как у надутой лягушки? Разве вы со мной не согласны?

— Не вполне, сэр, — в той части, где вы приписываете снисходительность, проявленную сэром Уоткином, исключительно его душевной доброте. Он руководствовался совсем иными побуждениями.

— Не понял, Дживс.

— Мне пришлось выдвинуть условие, чтобы вас освободили, сэр.

Я совсем запутался. По-моему, малый начал заговариваться. А какой прок от камердинера, который несет околесицу!

— Что вы хотите этим сказать? Условие чего?

— Моего поступления на службу к сэру Уоткину, сэр. Мне следовало упомянуть, что во время моего пребывания в «Бринкли-Корте» сэр Уоткин был настолько добр, что высоко оценил усердие, с которым я выполняю свои служебные обязанности, и предложил мне расстаться с вами и поступить к нему. Я принял предложение сэра Уоткина, но при условии, что он вас освободит.

Полицейский участок в Тотли находится на главной улице, и оттуда, где мы стояли, были видны лавки мясника, булочника, бакалейщика, а также трактир, где торговали табаком, пивом и спиртными напитками. Когда до меня дошел смысл того, что сказал Дживс, мясник, булочник, бакалейщик и трактирщик задрожали и задергались у меня перед глазами, будто в пляске Снятого Витта.

— Вы от меня уходите? — с трудом проговорил я, не веря собственный ушам.

У Дживса чуть дрогнули уголки губ. Он словно бы собрался улыбнуться, но потом, понятное дело, раздумал.

— Временно, сэр. Полагаю более чем вероятным, что по прошествии недели или около того между сэром Уоткином и мною объявятся некие расхождения во взглядах, в результате чего я буду вынужден отказаться от места. И, если к этому времени вы еще не обзаведетесь новым камердинером, я с радостью вернусь к вам в услужение.

Теперь я все понял. Значит, это была хитрость и, уверяю вас, весьма удачная. Мозг Дживса, разросшийся благодаря постоянной рыбной подпитке, нашел решение, приемлемое для всех сторон. Туман, застилавший мне глаза, рассеялся. Мясник, булочник, бакалейщик и трактирщик, приторговывающий табаком, пивом и спиртными напитками, перестали дрожать и дергаться, как эпилептики, и status quo был восстановлен.

Бурный поток чувств захлестнул Бертрама.

— Дживс, — сказал я. Голос у меня срывался, но что поделаешь, мы, Вустеры, всего лишь люди. — Вам нет равных. Там, где прочие ждут указаний, вам ведомо все наперед, как сказал один поэт. Не знаю даже, чем мне вас отблагодарить.

Он, по обыкновению, тихо кашлянул, как далекая овца.

— В вашей власти вознаградить меня, сэр, если вы будете столь добры.

— Говорите, Дживс. Просите все, чего пожелаете. И полцарства в придачу.

— Если бы вы могли расстаться с вашей тирольской шляпой, сэр…

Мне давно следовало понять, куда он клонит. Овечье перханье должно было меня насторожить. Но я потерял бдительность, и этот удар чуть не сбил меня с ног. В первую минуту я, признаться, даже пошатнулся.

— Не кажется ли вам, что вы зашли слишком далеко?

— Я лишь внес предложение, сэр.

Я снял шляпу и остановил на ней свой взгляд. В лучах утреннего солнца она вся заиграла — такая голубая, с розовым пером.

— Вы отдаете себе отчет в том, что разбиваете мне сердце?

— Мне очень жаль, сэр.

Я вздохнул. Но, как известно, Вустеры умеют держать удар.

— Хорошо, Дживс. Так и быть.

Я отдал ему шляпу. Ну прямо родной отец, который скрепя сердце выбрасывает из саней любимое дитя, чтобы отвлечь бегущую за ним по пятам волчью стаю, — так принято, я слышал, поступать зимой в России. Но что поделаешь?

— Дживс, вы намерены сжечь мою тирольскую шляпу?

— Отнюдь, сэр. Я подарю ее мистеру Баттерфилду. Он считает, что она ему поможет в деле обольщения.

— В каком деле?

— Мистер Баттерфилд ухаживает за одной вдовой из здешней деревни, сэр.

Признаться, я был удивлен.

— Но ведь ему прошлым летом исполнилось сто четыре года!

— Да, сэр, годами он стар, но…

— Молод душою?

— Совершенно верно, сэр.

Сердце у меня растаяло. Я больше не думал о себе. Мне пришло в голову, что, к сожалению, приходится уезжать, не оставив Баттерфилду чаевые. Так пусть шляпа послужит ему возмещением убытка.

— Хорошо, Дживс, вручите ему эту шляпу. И пожелайте ему от меня удачи в сердечных делах.

— Непременно так и сделаю. Благодарю вас, сэр.

— Не за что, Дживс.

На помощь, Дживс!

Перевод с английского А.Балясникова
Редактор И. Бернштейн, Ю. Жукова

Глава I

Дживс поставил скворчащую яичницу с беконом на стол, и мы с Реджинальдом Сельдингом — по прозвищу Селедка — схватили вилки и ножи и принялись с жадностью уплетать завтрак. Сельдинг — мой друг с незапамятных времен, нас с ним связывают неизгладимые воспоминания, вроде бы так их принято именовать. Много лет назад, в нежном возрасте, мы вместе отбывали срок в Малверн-Хаусе в Брамли-он-Си — приготовительной школе, руководимой непревзойденнейшим злодеем всех времен и народов, магистром гуманитарных наук Обри Апджоном, и частенько ждали вместе в кабинете Апджона, когда он влепит нам полдюжины горячих тростью, которая, по известному выражению, кусает, как змей, и жалит, как аспид.[42] Так что мы привязаны друг к другу как два старых вояки, сражавшихся плечом к плечу в день святого Криспина,[43] если только я не перепутал этого Криспина с кем-то еще.

Мы мигом очистили тарелки, залили горячий бекон укрепляющим дух и тело кофе, и я уже потянулся за мармеладом, но тут услышал верещание телефона в холле. Я поднялся из-за стола и снял трубку.

— Резиденция Бертрама Вустера, — произнес я. — Вустер у аппарата. А, привет, — добавил я, ибо голос, гудевший на другом конце провода, принадлежал миссис Томас Портарлингтон Траверс из «Бринкли-Корта», Маркет-Снодсбери, под Дройтвичем, или, говоря проще, моей обожаемой тетушке Далии. — Сердечно приветствую вас, дражайшая родственница, — сказал я. Я действительно был рад ее звонку: с этой дамой я всегда готов почесать языком.

— Улюлю! — услышал я знакомый охотничий клич. — Как поживаешь, юный осквернитель пейзажа? — ласково осведомилась она. — С чего это ты так рано поднялся? Или еще не ложился после ночного загула?

Я поспешил опровергнуть клеветнические обвинения.

— Пальцем в небо. Никаких загулов. Уже неделя, как я встаю с жаворонками, чтобы составить компанию Селедке. Он сейчас живет у меня, его новая квартира еще не готова. Помнишь Селедку? Я как-то летом привозил его в «Бринкли». Ну этот, с боксерским ухом.

— Теперь вспомнила. Похож на Джека Демпси.[44]

— Точно. Даже больше, чем сам Джек Демпси. Он теперь штатный сотрудник «Рецензий по четвергам», есть такой еженедельник, может, вы

знаете, и в связи с этим встречает рассвет уже в редакции. Когда я сообщу ему, что вы звонили, уверен, он пошлет вам нежнейший поклон, ибо испытывает к вам самое глубокое уважение. «Непревзойденное гостеприимство» — вот как он обычно о вас вспоминает. До чего же я рад снова слышать ваш голос, несравненная родственница. А как дела в Маркет-Снодсбери?

— Живем помаленьку. Но я сейчас говорю не из «Бринкли». Я в Лондоне.

— И надолго?

— Сегодня же вечером обратно.

— Тогда приглашаю вас на обед.

— Извини, сегодня не получится. Я договорилась перекусить с сэром Родериком Глоссопом.

Ну и ну. Вот уж с кем бы я ни за что не согласился обедать, так с этим знаменитым психиатром; по правде говоря, мы с ним в натянутых отношениях с той самой ночи в доме леди Уикем в Хартфордшире, когда я, по наущению хозяйской дочери Роберты, в сладкий предрассветный час проткнул его грелку шилом. Без злого умысла, конечно. Я хотел продырявить грелку его племянника, Балбеса Глоссопа, с которым с тех пор нахожусь в состоянии войны — а они возьми да и поменяйся комнатами. Прискорбное недоразумение, какие, к сожалению, нередко случаются в жизни.

— Бог мой, зачем вам это надо?

— Почему бы и нет? Он угощает.

С этим доводом нельзя было не согласиться: сэкономил — как на дороге нашел, но я все равно не мог ее понять. Чертовщина какая-то: тетушка Далия, вроде бы сама себе голова, по собственной воле готова принимать дневной рацион в обществе этой грозы психов. Однако теток надо принимать такими, как они есть, это один из первых уроков, которые мы извлекаем из жизни, и поэтому я лишь пожал плечами.

— Что ж, дело ваше, но, по-моему, вы поступаете опрометчиво. Вы, стало быть, прискакали в Лондон лишь затем, чтобы покутить с Глоссопом?

— Нет, я приехала забрать нашего нового дворецкого.

— Нового дворецкого? А что случилось с Сеппингсом?

— Сеппингс нас покинул, Берти.

Я огорченно прищелкнул языком. Мне очень нравился теткин мажордом, немало портвейна выпил я в его буфетной, и эта новость меня расстроила.

— Да что вы говорите, — сказал я. — То-то мне показалось, что он неважно выглядит, когда я последний раз его видел. Да, вот она — жизнь. Все прах и тлен на свете.

— Он уехал в Богнор-Реджис, у него отпуск. Я облегченно прищелкнул языком.

— Ах вот как. Тогда другое дело. В последнее время эти краеугольные камни домашнего очага завели обыкновение уезжать Бог знает куда во время отпуска. Прямо великое переселение народов в средние века, про которое мне рассказывал Дживс. Кстати, и сам Дживс с сегодняшнего дня в отпуске. Едет в Херн-Бей ловить креветок, и я уже чувствую себя, как тот горемыка из поэмы, который лишился своей любимой газели — или какое там у него было домашнее животное.[45] Просто не знаю, что я стану без него делать.

— Зато я знаю. У тебя есть чистая рубашка?

— Даже несколько.

— А зубная щетка?

— Две, и обе превосходного качества.

— Тогда положи все это в чемодан. Завтра ты переезжаешь в «Бринкли».

Тоска, которая, подобно туману, окутывает душу Бертрама Вустера всякий раз, когда Дживс убывает в ежегодный отпуск, тотчас рассеялась. Мало что на свете может сравниться с удовольствием погостить в поместье тетушки Далии. Живописнейшая природа, песчаная почва, все мыслимые удобства, включая канализацию и водопровод, и, что самое главное, превосходная кухня настоящего французского повара Анатоля, истинный праздник Для желудка гурмана. Словом, все, о чем можно лишь мечтать.

— С превеликим наслаждением, — воскликнул я. — Вы избавили меня от всех забот и, как факир, выпустили из рукава синюю птицу счастья. Можете не сомневаться: завтра же после полудня вы будете иметь удовольствие наблюдать, как я подкачу в моем спортивном авто, с пробором в волосах и с песней на устах. Мне почему-то кажется, что мое присутствие подвигнет Анатоля к новым высотам в кулинарных свершениях. Кто-нибудь еще гостит в вашем бедламе?

— Еще пятеро.

— Пятеро? Ничего себе! — Я снова пощелкал языком. — Дядя Том наверняка в бешенстве, — заметил я, зная, что старикан терпеть не может гостей. Даже один-единственный постоялец, заехавший на уик-энд, порой вышибает его из колеи.

— Том уехал на воды в Харрогит[46] с Артроузом.

— С артрозом? Вы хотите сказать — с радикулитом? Я считал, что у него радикулит.

— Да не с артрозом, а с Артроузом! С Хомером Артроузом. Это американский магнат, сподобившийся посетить наши Палестины. Страдает от язвы желудка, и врач прописал ему минеральные воды в Харрогите. Том отправился с ним, чтобы держать его за руку во время процедур и выслушивать по вечерам жалобы на отвратительный вкус пойла, которое ему приходится глотать днем.

— Очень антагонистично.

— Как?

— Я хотел сказать — очень альтруистично с его стороны. Вряд ли вы знаете это слово, я сам его недавно услышал от Дживса. Это когда один человек проявляет к другому бескорыстное участие, не жалея времени и сил.

— Бескорыстное? Как бы не так! Том хочет заключить с Артроузом очень выгодную сделку. Если это удастся, он сорвет большой куш, не облагаемый подоходным налогом. Поэтому он лебезит перед ним, как начинающая актриса перед голливудским продюсером.

Я понимающе кивнул, хотя мог и не трудиться — все равно она меня не видит. Мне не составило никакого труда воссоздать ход мыслей мужа моей тетки. Т. Портарлингтон Траверс сколотил себе состояние, которого вполне хватило бы на семерых, но при этом постоянно озабочен тем, как бы еще добавить в кубышку хоть малую толику, полагая — и совершенно справедливо — что всякая толика, добавленная к уже имеющемуся, делает кубышку на толику полнее. А уж в чем ему нет равных, так это в умении уклоняться от уплаты налогов: каждый пенс, который государству удается из него вытянуть, он оплакивает как собственного сына.

— Вот почему на прощание он заклинал меня всячески ублажать миссис Артроуз и ее сына Уилли и обращаться с ними, как с королевскими особами. Так что они теперь окопались в «Бринкли».

— Вы говорите, его зовут Уилли?

— Уменьшительное от Уилберта.

Я задумался. Уилли Артроуз. Вроде бы знакомое имя. То ли я его где-то слышал, то ли в газетах мелькнуло. Но где, не помню.

— Адела Артроуз пишет детективные романы. Ты не поклонник ее творчества? Как только приедешь, придется штудировать ее романы, в таких делах не следует пренебрегать и малым. У меня есть полное собрание ее сочинений. Она превосходно пишет.

— С удовольствием готов прочесть все, что она настряпала, — ответил я, будучи — черт, как это называется по-испански? — афи-кто-то остросюжетного чтива. Кажется, афишинадо.[47] — Особенно если там парочка-другая трупов. Стало быть, мы установили, что в числе ваших постояльцев числятся миссис Артроуз и ее сын Уилберт. Кто еще?

— Леди Уикем с дочерью Робертой.

Я пошатнулся, словно чья-то невидимая рука нанесла мне удар под ложечку.

— Как? Бобби Уикем? Только этого не хватало!

— Что это ты так всполошился? Ты ее знаешь?

— Еще бы мне ее не знать!

— А, понимаю. Она что, из легиона девиц, с которыми ты когда-то был помолвлен?

— Не совсем. Формально мы не были помолвлены. Но лишь потому, что она не захотела пойти мне навстречу.

— То есть дала от ворот поворот.

— Слава Богу, да.

— Почему слава Богу? По-моему, очень эффектная барышня.

— Согласен, ее внешность не оскорбляет глаз.

— Красавица.

— Совершенно справедливо, но разве красота — все? Душа, по-вашему, не в счет?

— А что, по части души имеются претензии?

— Увы. Душа на уровне гораздо ниже среднестатистического. Могу вам сказать, что… Впрочем, довольно об этом. Зачем бередить раны.

Я мог бы назвать не менее сотни причин, по которым любой разумный индивид, пекущийся о своем душевном покое, предпочтет держаться подальше от вышеупомянутой рыжеволосой фурии, но это заняло бы слишком много времени, а мне не терпелось вернуться к мармеладу. Скажу лишь, что я давно уже очнулся от гипноза и всецело осознал, что, отклонив мое предложение прошествовать к алтарю в стае подружек невесты, юная леди оказала мне неоценимую услугу, и вот почему.

Когда тетя Далия назвала этого беса в юбке красавицей, она ничуть не погрешила против истины. В самом деле, ее внешняя оболочка того сорта, что заставляет случайного наблюдателя качнуться на каблуках и присвистнуть от восхищения. Но, обладая глазами, сияющими, как звезды, волосами оттенка спелой вишни, неотразимым шармом, espieg-lerie[48] и прочими необходимыми аксессуарами, Б. Уикем сочетает с ними

непредсказуемость бомбы с часовым механизмом. Находясь в ее обществе, постоянно испытываешь тоскливое чувство, что вот-вот все с треском полетит к чертовой бабушке. Никогда не знаешь, что она может выкинуть и в какую невообразимую передрягу влипнешь по милости ее легкомыслия.

— Мисс Уикем недостает серьезности, сэр, — предостерег меня Дживс, когда моя любовная лихорадка была в самом разгаре, — она ветрена и легкомысленна. Я бы не рискнул рекомендовать кому бы то ни было в качестве спутницы жизни юную леди с рыжими волосами столь яркого оттенка.

И он, как всегда, был прав. Я уже рассказывал, как она подговорила меня прокрасться в спальню сэра Родерика Глоссопа и проткнуть шилом его грелку, и это еще цветочки по сравнению с другими ее выходками. Короче говоря, Роберта, дочь покойного сэра Катберта и леди Уикем из Скелдингс-Холла, Хартс — сущий динамит, и всякому, мечтающему о спокойной жизни, лучше держаться от нее подальше. Перспектива оказаться с ней под одной крышей, при всех тех возможностях, которые загородный дом предоставляет изобретательной девушке, чтобы втянуть своих друзей и близких в очередную заваруху, породила у меня серьезные сомнения и чуть было не заставила отказаться от поездки.

Не успел я оправиться от этого удара, как престарелая родственница нанесла следующий, и это был чистый нокдаун.

— И еще у нас гостит Обри Апджон со своей падчерицей Филлис Миллс, — сказала она. — Такая вот компания. Что с тобой? У тебя астма?

Очевидно, она спросила про астму, услышав хриплый стон, который сорвался с моих губ, и должен сознаться, что он весьма походил на предсмертный крик подстреленной дикой утки. Впрочем, такая моя реакция была вполне оправданной. Человек с более слабыми нервами взвыл бы на моем месте, как пожарная сирена. На ум пришли слова, которые сказал мне как-то Селедка. «Знаешь, Берти, — сказал он, находясь в философическом настроении, — нам с тобой есть за что благодарить судьбу. Как бы ни была сурова к нам жизнь, есть одна мысль, которая должна нас укреплять и поддерживать во всех наших невзгодах. Пусть над нашими головами сгущаются тучи и тьма скроет полуденное солнце; пусть в ботинке вылезет гвоздь или мы угодим под дождь без зонтика; спустившись к завтраку, мы можем обнаружить, что кто-то съел последнее яйцо всмятку; но при всем этом у нас всегда есть утешение, что мы никогда больше не увидим этого кровопийцу Обри Апджона. Вспоминай об этом в минуты уныния», — сказал он, и я всегда свято следовал его

совету. И вдруг сейчас этот прохвост снова всплывает в моей жизни. Тут самый мужественный человек затрубит умирающим селезнем.

— Обри Апджон? — дрожащим голосом спросил я. — Тот самый Обри Апджон?

— Именно. После того как ты сбежал из его каталажки, он женился на Джейн Миллс, моей подруге и обладательнице крупного состояния. Она умерла, у нее осталась дочь, моя крестница. Апджон вышел в отставку и занялся политикой. По последним слухам, местные политиканы собираются выдвинуть его кандидатом консерваторов от Маркет-Снодсбери на следующих дополнительных выборах. Тебе, наверное, любопытно будет снова с ним повидаться. Или, может, ты боишься?

— Разумеется, нет. Нас, Вустеров, не так легко запугать. Но какого дьявола вы пригласили его в «Бринкли»?

— Я и не приглашала. Мне хотелось повидать Филлис, а он сам навязался.

— Надо было его выставить.

— Духу не хватило.

— Слабеете, тетушка, слабеете…

— Кроме того, он мне нужен. Будет вручать призы школьникам в Маркет-Снодсбери. Нас, как всегда, известили в последнюю минуту, нужно произнести речь об идеалах и о взрослом мире, который ждет этих шалопаев за порогом школы, а Апджон идеально подходит для этой роли. Мне кажется, он превосходный оратор. Правда, он двух слов не свяжет, если у него с собой нет готового текста. Он называет это «свериться с тезисами». Мне Филлис рассказала. Она сама ему их перепечатывает.

— Это уж совсем неприлично, — сурово сказал я. — Я, например, никогда не поднимался выше исполнения «Свадебной песни пахаря» на сельских концертах, но, прежде чем предстать перед публикой, неизменно выучиваю текст назубок. Хотя в «Свадебной песне», если забыл слова, можно просто без конца повторять «Гоп-гоп-гоп, гей-гей-гей, еду к суженой своей». Короче говоря…

Я бы еще долго развивал эту тему, но тетка сказала, чтобы я перестал болтать вздор и, любезно велев не разевать по дороге рот, дала отбой.

Глава II

Я шел обратно к столу, и ноги у меня были, как ватные. Да, видать компания там подобралась неслабая. Одной Бобби Уикем хватило бы за глаза и за уши, с ее талантом баламутить всё и вся и, что ни день, затевать новые авантюры, способные повергнуть в хаос весь цивилизованный мир. А тут еще Обри Апджон — нет, это явный перебор. Не знаю, заметил ли Селедка на моем лице «налет мысли бледной[49]», как любит выражаться Дживс. Скорее всего — не заметил, потому что он в этот миг был всецело поглощен тостами с мармеладом, но упомянутый налет несомненно на моем лице присутствовал. И, как это нередко случалось прежде, я вдруг ощутил на себе дыхание рока. Конечно, я не мог сказать, в какую именно форму отольется на сей раз его карающая воля, но внутренний голос шепнул мне, что Бертрам уже отмечен его печатью и в ближайшем будущем получит поддых.

— Тетя Далия звонила, — сказал я.

— Дай ей Бог здоровья, — сказал Селедка. — Достойнейшая из достойных. При цитировании ссылаться на источник разрешается. Никогда не забуду счастливые дни, проведенные в «Бринкли». С удовольствием бы снова напросился на приглашение — готов посетить ее в любое удобное для нее время. Она что, в Лондоне?

— Сегодня возвращается в «Бринкли».

— Надеюсь, мы успеем до отвала накормить твою любимую родственницу.

— Нет, она уже приглашена на обед. Будет щипать траву в обществе сэра Родерика Глоссопа, он специалист по психам. Ты ведь с ним не знаком?

— Нет, но ты мне про него рассказывал. Кошмарный тип, насколько я понял.

— Кошмарнее не бывает.

— Это он обнаружил у тебя в спальне двадцать четыре кошки?

— Двадцать три, — поправил я. Во всем люблю точность. — И это были не мои кошки. Их туда притащили мои кузены, Клод и Юстас. Но объяснить присутствие кошек в спальне оказалось не так-то просто. Глоссоп совсем не умеет слушать. Надеюсь, уж его-то я в «Бринкли» не встречу.

— А ты что, едешь в «Бринкли»?

— Завтра днем.

— Счастливчик.

— Ты думаешь? Я в этом далеко не уверен.

— Да ты спятил! Вспомни Анатоля! Вспомни его ужины! Слышал про Пери, что — безутешная — стоит у ворот Эдема?

— Дживс что-то рассказывал.

— Именно такие чувства испытываю я, когда вспоминаю ужины в исполнении Анатоля. Представлю, что он по-прежнему ежедневно творит чудеса, а меня там нет, и готов разрыдаться. Ты сам не понимаешь своего счастья. «Бринкли-Корт» — это рай на земле.

— Во многих отношениях действительно рай, но в настоящее время жизнь там имеет и целый ряд недостатков. Одно из тех мест, «где так совершенна природа, но низок и подл человек[50]». Угадай, кто сейчас гостит в этом вертепе? Обри Апджон.

Видно было, что он потрясен. Глаза его широко раскрылись, недоеденный кусок тоста выпал из внезапно ослабевших рук.

— Тот самый Апджон? Ты шутишь!

— Ничуть. Он, собственной персоной. А ведь не далее как вчера ты пытался поддержать мой боевой дух заверениями, что я никогда больше его не увижу. «Пусть над нашими головами сгущаются тучи…», помнится, говорил ты…

— Но как его занесло в «Бринкли»?

— Именно этот вопрос я задал моей дражайшей родственнице, и она представила объяснение, которое вполне удовлетворяет имеющимся фактам. Оказывается, после того как мы сделали ему ручкой, он женился на тетушкиной подруге, некой Джейн Миллс, и получил в придачу падчерицу, Фил-лис Миллс, а Филлис Миллс — крестная дочь тетушки Далии. Тетя пригласила юную Миллс в «Бринкли», ну и Апджон решил заодно прокатиться.

— Теперь понятно. Неудивительно, что ты дрожишь, как осиновый лист.

— Не совсем, как лист… Впрочем, ты прав — ощущение похожее. Как вспомнишь этот его рыбий взгляд…

— И широкую бритую верхнюю губу. Не слишком приятная перспектива — любоваться на это уродство за обеденным столом. А вот Филлис тебе понравится.

— Ты с ней знаком?

— Мы встречались в Швейцарии, на прошлое Рождество. Передай ей от меня большущий привет, ладно? Славная девушка, хотя умом не

блещет. Никогда не говорила, что имеет отношение к Апджону.

— Ничего удивительного — любой нормальный человек постарается такое скрыть.

— Уж это точно. Все равно что быть в кровном родстве с отравителем Цезарем Борджиа. Какими ужасными помоями он нас кормил, когда мы отбывали срок в Малверн-Хаусе!

Помнишь сосиски по воскресеньям? А вареную баранину с каперсами?

— А маргарин? Кстати, о маргарине — нелегко будет смотреть, как он набивает себе брюхо лучшим сливочным маслом в Англии. Скажите, Дживс, — спросил я, когда тот снова возник в комнате, чтобы прибрать со стола, — вам ведь не доводилось посещать приготовительную школу на южном побережье Англии?

— Нет, сэр, я получил частное образование.

— Тогда вам нас не понять. Мы с мистером Сельдингом вспоминаем нашего учителя в приготовительной школе, Обри Апджона, магистра гуманитарных наук. Кстати, Селедка, тетя Далия мне о нем такое рассказала, мне бы сроду в голову не пришло: стыд, позор, все мыслящее человечество с презрением от него отвернется. Помнишь прочувствованные речи, с которыми он обращался к нам в конце каждого семестра? Так вот, он никогда бы не смог их произнести, если бы перед ним не лежал полный машинописный текст, и он его просто нам зачитывал. Без этих тезисов — как он их называет — он абсолютно беспомощен. Отвратительно, как вы считаете, Дживс?

— Насколько мне известно, многие ораторы испытывают те же затруднения.

— Вы слишком снисходительны, Дживс, слишком… Вам следует бороться с таким мягкотелым мировоззрением. Впрочем, я вспомнил про Апджона потому, что он снова возник в моей жизни, вернее, вот-вот возникнет. Он сейчас гостит в «Бринкли», а завтра туда собираюсь я. Мне только что звонила тетя Далия, просит приехать. Вы не могли бы собрать мне все, что требуется?

— Хорошо, сэр.

— Когда вы отправляетесь в этот ваш Херн-Бей?

— Хотел уехать сегодня, утренним поездом, сэр, но если вам удобнее, чтобы я задержался до завтра…

— Нет-нет, можете ехать, когда хотите. А что смешного? — спросил я, когда Дживс закрыл за собой дверь, потому что Селедка беззвучно давился от смеха. Это не так-то просто, когда рот у тебя набит тостами с

мармеладом, но он умудрился.

— Я думал об Апджоне, — сказал он.

Я был поражен. Совершенно невероятно, чтобы человек, некогда учившийся в Малверн-Хаусе, Брамли-он-Си, мог смеяться, пусть и беззвучно, вспоминая об этом прохвосте. Все равно что смеяться над инопланетными монстрами, которым нас в последнее время пугают с киноэкрана.

— Завидую я тебе, Берти, — продолжал он, по-прежнему давясь от смеха. — Тебя ждет фантастическое удовольствие. Ты будешь присутствовать на завтраке в тот день, когда Апджон раскроет свежий номер «Рецензий по четвергам» и начнет просматривать рубрику, посвященную литературным новинкам. Должен тебе сказать, что среди книг, которые поступили к нам в редакцию, было и его сочинение — тоненькая брошюрка, в которой он превозносит роль приготовительных школ. Годы, которые мы провели в его школе, пишет он в этой книжонке, не только способствовали формированию гармоничных личностей, но и были самыми счастливыми в нашей жизни.

— Вот гад!

— Ему и в голову не приходило, что его детище попадет на рецензию к бывшему каторжанину из Малверн-Хауса. Послушай меня, Берти, это необходимо знать всякому молодому человеку. Не будь подонком: сколько бы подонок ни благоденствовал, все до поры до времени. Рано или поздно придет час расплаты. Вряд ли необходимо говорить тебе, что я камня на камне не оставил от омерзительной брошюрки. Мысль о воскресных сосисках наполняла мою душу праведным гневом Ювенала.

— Гневом кого?

— Неважно, ты его не знаешь. Давным-давно умер. Я ощутил прилив творческих сил. Обычно на подобную книгу я отвожу полторы строчки в колонке «Последние новинки», но этой я посвятил шестьсот слов вдохновеннейшей прозы. Вот почему я считаю, что тебе сказочно повезло — ведь ты сможешь увидеть его физиономию, когда он будет их читать.

— С чего ты так уверен, что он их прочтет?

— Он наш подписчик. В разделе «Нам пишут читатели» было опубликовано его письмо, где он особо подчеркивает, что много лет выписывает наш журнал.

— А ты подписал заметку?

— Нет. Главный не любит, когда такая мелкая сошка, как я, пытается вписать свое имя в скрижали.

— И что, ты его там здорово отделал?

— По первое число. Так что внимательно следи за ним во время завтрака. Интересно, как он будет реагировать. Готов поспорить, краска стыда и раскаяния на его щеках зардеет.

— Тут есть одна загвоздка — в «Бринкли» я никогда не спускаюсь к завтраку. Но ради такого случая готов на любые жертвы.

— Да уж, постарайся. Увидишь — дело того стоит, — сказал Селедка, и вскоре ускакал добывать в поте лица свой хлеб насущный.

Минут через двадцать в комнату вошел Дживс со шляпой в руках, чтобы попрощаться. Торжественный миг, требующий огромного самообладания от нас обоих. Нам удалось сохранить присутствие духа и даже переброситься парой шутливых фраз. Когда он уже был в дверях, мне вдруг пришло в голову, что он может что-то знать — по своим каналам — про этого Уилберта Артроуза, о котором упоминала тетя Далия. Как мне уже не раз доводилось убедиться, Дживс знает всё обо всех на свете.

— Еще полсекунды, Дживс, — сказал я.

— Сэр?

— Забыл спросить. Штука в том, что среди приглашенных в «Бринкли» будет некая миссис Хомер Артроуз, жена американского толстосума, и ее сын Уилберт, известный более как Уилли, и это имя — Уилли Артроуз — вызывает какой-то смутный отклик в струнах. Оно почему-то ассоциируется у меня с нашими поездками в Нью-Йорк, но в какой связи — понятия не имею. А вам оно ни о чем не говорит?

— Говорит, сэр. Об этом джентльмене часто пишут бульварные нью-йоркские газеты, особенно в разделе, который ведет мистер Уолтер Уинчел. Обычно он проходит там под кличкой Бродвейский Уилли.

— Ну, разумеется. Да-да, припоминаю. Таких молодцов называют плейбоями.

— Совершенно верно, сэр. Он славится своими экстравагантными выходками.

— Ну вот, теперь окончательно вспомнил. Этот тип имеет обыкновение приносить в ночные клубы бомбы со зловонным газом, что, на мой взгляд, все равно что возить уголь в Ньюкасл, а когда получает деньги по чеку в банке, то сует кассиру под нос «кольт» со словами «Спокойно, это ограбление».

— И еще…Нет, сэр, сожалею… выскользнуло из памяти.

— Что выскользнуло?

— Так, незначительная подробность, сэр, касающаяся мистера Артроуза. Если вспомню, я вам сообщу, сэр.

— Да, пожалуйста. Хотелось бы иметь полную картину. Ах, черт!

— Сэр?

— Нет, ничего. Просто вдруг пришло в голову… Хорошо, Дживс, отчаливайте, не то на поезд опоздаете. Желаю вам крупных креветок, да побольше. Теперь я скажу вам, что именно мне пришло в голову. Я уже говорил, как мало меня вдохновляет перспектива проживания в одном доме с Бобби Уикем и Обри Апджоном, ведь никому неведомо, какие плоды принесет такое соседство. Когда же я представил, что в дополнение к этим двум обормотам, мне придется постоянно находиться бок о бок с нью-йоркским плейбоем, у которого явно не все дома, я стал думать, что этот визит не для хрупкого здоровья Бертрама, и почувствовал искушение послать телеграмму с извинениями и никуда не ехать.

Потом вспомнил кулинарные изыски Анатоля и вновь укрепился духом. Кто хоть раз их вкусил, не в состоянии добровольно лишить себя деликатесов этого волшебника. Какие бы душевные муки ни были уготованы мне в «Бринкли-Корте», пребывание там даст возможность насладиться паштетом из гусиных печенок, вымоченных в шампанском, и мечтой гурмана из цыплят «Маленький герцог». Но ловушки, но каверзы, которые ждут меня в вустерширской глухомани! Что греха таить, при мысли о них я почувствовал себя очень неуютно, и, когда я закуривал утреннюю сигарету, рука моя заметно дрожала.

В эту минуту сильнейшего нервного напряжения снова зазвонил телефон, и я подскочил на месте, словно услышал трубу архангела, сзывающего грешников на Страшный суд. Когда я снял трубку, меня трясло, как в лихорадке.

Голос на другом конце провода явно принадлежал какому-то дворецкому.

— Мистер Вустер?

— Он самый.

— Доброе утро, сэр. С вами желает поговорить ее светлость леди Уикем, сэр. Мистер Вустер у телефона, миледи.

И я услышал в трубке голос матери Бобби.

Должен вам заметить, что во время моей содержательной беседы с дворецким до моего слуха доносились звуки, похожие на отдаленные рыдания, эдакое музыкальное сопровождение. Теперь стало очевидно, что звуки эти исходят из гортани вдовы покойного сэра Катберта. Ей не сразу удалось подавить рыдания и заставить работать голосовые связки, и пока я ждал, я старался найти ответ на две мучившие меня загадки: первая — с какой стати эта дама вдруг решила мне позвонить, и вторая — уж если позвонила, то ведь не для того же, чтобы часами рыдать в трубку.

Меня особенно занимала загадка номер один, потому что после случая с грелкой наши отношения с родительницей Бобби оставались несколько натянутыми. Для меня, разумеется, не секрет, что в ее глазах я не намного лучше самых отпетых представителей преступного мира. Я это знаю со слов самой Бобби, которая весьма живо изобразила в лицах разговор обо мне между ее матушкой и сочувственно поддакивающими подругами, и, должен признаться, ее отношение меня не удивляет. Какой хозяйке, предоставляющей гостеприимство другу своей дочери, понравится, что юный гость шастает по всему дому в три часа утра, протыкает людям грелки и после этого спокойно исчезает, не потрудившись попрощаться. Да, я вполне понимаю ее чувства, и именно поэтому меня так удивило, что она вдруг пожелала со мной говорить. Зная ее аллергическую реакцию на Бертрама Вустера, я был уверен, что она скорее умрет, чем позвонит мне по телефону.

Однако вот позвонила.

— Мистер Вустер?

— Доброе утро, леди Уикем.

— Вы меня слушаете?

Я заверил ее, что слушаю, и она опять взяла тайм-аут, чтобы порыдать. Потом она заговорила гортанным, осипшим голосом, словно исполнительница цыганских романсов, у которой в горле застряла рыбья кость.

— Так это правда?

— Простите?

.— О Боже, Боже, Боже мой!

— Я не совсем понимаю…

— Сегодня… в утренней «Тайме»…

Я очень быстро соображаю, а потому догадался, что в номере «Тайме», опубликованном сегодня утром, по-видимому, напечатано нечто, по какой-то причине огорчившее ее, однако почему она выбрала именно меня, чтобы излить свое горе, оставалось для меня тайной за семью печатями. Я решил провести необходимые изыскания в надежде подобрать ключ к этой тайне, но в дополнение к рыданиям, она вдруг захохотала, как гиена, и я своим чутким ухом уловил, что у нее началась истерика. Я не успел и рта раскрыть, как услышал глухой звук, дающий основание предположить, что где-то на землю упало некое твердое тело, и когда разговор возобновился, оказалось, что в игру снова вступил дворецкий — видимо, в качестве дублера своей хозяйки.

— Мистер Вустер?

— Да, слушаю.

— С огорчением должен сообщить вам, что ее светлость упала в обморок.

— А-а, то-то я слышал, что-то грохнулось.

— Это была ее светлость, сэр. Большое спасибо, сэр. До свидания.

Он повесил трубку и вернулся к своим служебным обязанностям, в числе которых наверняка значились и такие, как необходимость расшнуровать даме корсет и поднести к носу жженые перья, а мне, лишившемуся информации с места боевых действий, не оставалось ничего иного, как размышлять над создавшимся положением.

Я решил, что разумнее всего найти номер «Тайме» и посмотреть, что он может нам предложить в плане разъяснения. Я не часто заглядываю в эту газету и за завтраком предпочитаю читать «Миррор» или «Мейл», но Дживс ее регулярно покупает, и я иногда ее у него беру, чтобы порешать кроссворд. Возможно, он оставил сегодняшний номер на кухне, и так оно и оказалось. Я принес газету в комнату, поудобнее устроился в кресле, закурил еще одну сигарету и принялся изучать содержание номера.

При беглом просмотре мне не удалось обнаружить там ничего «обморочного». Герцогиня такая-то присутствовала на открытии благотворительного базара в Уимблдоне, была статья, посвященная ловле лосося на Аляске, член кабинета министров произнес речь об условиях труда в хлопчатобумажной промышленности, но я не обнаружил в этих заметках ничего такого, что могло бы привести к потере сознания. В равной мере мне представлялось маловероятным, чтобы леди Уикем могла грохнуться на пол, прочитав, что Герберт Робинсон (26 лет) из Гров-Роуд, Пондерс-Энд, угодил за решетку за кражу пары зеленых брюк в желтую клеточку. Я перешел к новостям крикета. Возможно, кто-то из ее друзей упустил вчера шанс победить в матче на первенство графства из-за ошибки судьи на линии?

Лишь дойдя до последней страницы, где помещен раздел «Рождения и браки», я удосужился взглянуть в колонку «Помолвки» и тут же вылетел из кресла с такой стремительностью, как будто пружина проткнула обивку сиденья и впилась мне в мягкие ткани.

— Дживс, — завопил я, и тотчас вспомнил, что его уже унес прочь ветер странствий. Мне стало ужасно горько на душе, ибо бывают минуты, когда мне жизненно необходимы его совет и помощь, и сейчас настала та самая минута. Все, что я смог сделать, выступая solo, это издать замогильный стон и закрыть лицо руками. И хотя в ушах моих уже звучит неодобрительное шиканье публики при виде такого постыдного

малодушия, то, что я там прочел, его оправдывает.

А написано там было вот что:

ПРЕДСТОЯЩИЕ БРАКОСОЧЕТАНИЯ

Объявлено о помолвке Бертрама Уилберфорса Вустера из Беркли Мэншнс и Роберты, дочери покойного сэра Катберта Уикема и леди Уикем из Скелдинг-Холла, графство Хартфоршир.

Глава III

Я уже упоминал, что, поддавшись шарму Роберты Уикем, я несколько раз подкатывался к ней с предложениями о брачном союзе, но, клянусь, она всякий раз эти предложения отвергала, причем в форме — я хочу подчеркнуть это особо, — исключающей малейшие сомнения в искренности ее отказа. По-моему, если порядочный человек предлагает девушке руку и сердце, а та в ответ лишь хохочет, как сумасшедшая, и советует ему не быть ослом, то человек этот имеет все основания полагать, что его предложение отклонено. Поэтому, когда я прочитал объявление в «Тайме», мне лишь оставалось предположить, что во время одной из таких попыток она, потупив глазки, пролепетала «да», а я почему-то отвлекся и пропустил ее слова мимо ушей. Но, хоть убей — не помню, когда такое случилось.

Теперь вам нетрудно понять, почему на следующий день, когда Бертрам Вустер вышел из своего спортивного авто у дверей «Бринкли-Корта», вокруг глаз у него чернели круги, башка трещала по всем швам, а сам он спрашивал себя, какого дьявола все это значит. Я был в полнейшей растерянности. Первое, что мне следует сделать, это разыскать мою невесту и потребовать, чтобы она внесла свой скромный вклад — ну, в смысле прояснила ситуацию.

Вокруг не было ни души, как это часто бывает в загородном доме в погожий день. В положенное время все соберутся пить чай на лужайке, но сейчас я не видел ни одного дружелюбно настроенного туземца, который бы сказал, где можно найти Бобби. Поэтому я пустился бродить по парку в надежде, что случайно ее встречу. Жаль, я не прихватил с собой пару ищеек, потому что поместье у Траверсов обширное, а солнце сияло вовсю, впрочем, как вы понимаете, только в небесах, но отнюдь не в моей душе.

Я плелся по заросшей мхом тропинке, утирая со лба трудовой пот, как вдруг до моих ушей донесся голос — кто-то, вне всякого сомнения, читал вслух стихи, и в следующее мгновение я натолкнулся на парочку, бросившую якорь под развесистым деревом, в месте, которое именуется здесь Тенистой поляной.

Не успели они появиться в поле моего зрения, как небеса задрожали от оглушительного лая. Эти звуки произвела маленькая такса, которая неслась ко мне с явным желанием узнать, что у меня внутри. К счастью, лучшая часть собачей натуры, видимо, взяла верх, ибо, прибыв к цели своего

путешествия, пес ракетой взвился в воздух и лизнул меня в подбородок, показывая всем своим видом, что нашел в Бертраме Вустере тот идеал, который он искал давно и безуспешно. Я еще прежде заметил, что собаки начинают испытывать ко мне дружеские чувства, как только я оказываюсь в пределах досягаемости их обоняния. Несомненно, это связано с какими-то особенностями исходящего от Бустеров запаха, который положительно воздействует на их подсознание. Я пощекотал ему за правым ухом, потом почесал спинку и, покончив со светскими любезностями, перенес внимание на поэтическую парочку.

Декламированием стихов была занята мужская половина труппы — рыжеватый тощий тип с усиками, сложением и обликом смахивающий на Дэвида Найвена.[51] Вне всякого сомнения, был это не Обри Апджон, — ага, стало быть, Уилли Артроуз; правда, несколько странно, что он изъясняется стихами. Когда речь идет о нью-йоркском плейбое, печально известном своими похождениями, невольно ждешь от него прозы, причем самого низкого пошиба. Но, видать, и у плейбоев бывают минуты слабости.

Его спутницей оказалась миниатюрная, но весьма фигуристая барышня, которая не могла быть никем иным, как Филлис Миллс, о которой мне рассказывал Селедка. «Славная девушка, хоть и глуповата», сказал он про нее, одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в правоте его слов. С годами вырабатывается способность безошибочно распознавать глупость в особях противоположного пола, а у этого экземпляра я заметил то выражение младенческой наивности, которое свидетельствует если не о полном отсутствии ума, как у некоторых знакомых дам, то во всяком случае о его несомненной скудости. Готов поспорить, она сюсюкает по любому поводу и без повода.

Что она тотчас же и доказала, спросив, правда ведь, Крошка — так звали ее таксу — «прелесть» и «сладенький песик». Я сухо согласился, ибо предпочитаю более краткую и общепринятую форму «пес», после чего она заметила, что я, по всей видимости, племянник миссис Траверс, Берти Вустер, что, как вы знаете, полностью соответствует действительности.

— Я слышала, вы должны сегодня приехать. Меня зовут Филлис Миллс, — продолжала она, и я ответил, что так я и думал и что Селедка передает ей большущий привет, на что она воскликнула: — Как, Реджи Сельдинг? Ужасный душка, верно? — и я согласился, что его смело можно отнести к этой категории, и что среди душек он занимает не последнее место, на что она сказала: — Да, он просто лапонька.

Во время нашего диалога Уилберт Артроуз оставался не у дел, вроде

тех второстепенных персонажей, которых художники изображают на заднем плане картины: он хмурил брови, пощипывал усики, шаркал ногами и подергивал прочими частями тела, стараясь дать мне понять, что, по его мнению, здесь стало чересчур многолюдно и что вернуть Тенистой поляне прежнее очарование сможет только немедленное исчезновение Вустеров. Воспользовавшись паузой в разговоре, он спросил:

— Вы кого-то ищете?

Я ответил, что ищу Бобби Уикем.

— На вашем месте я бы продолжил поиски. Уверен, вы ее обязательно найдете.

— Кого, Бобби? — спросила Филлис Миллс. — Она на озере, удит рыбу.

— Тогда идите вот по этой тропинке, — просиял Уилберт Артроуз, — повернете направо, потом сразу налево, снова направо, и выйдете к озеру. Проще простого. Мой совет — отправляйтесь немедленно.

Ну, это уж слишком: меня, связанного с Тенистой поляной, можно сказать, кровными узами, фактически выгоняет какой-то посторонний, но тетушка Далия ясно дала понять, что мы ни в чем не должны перечить членам семейства Артроузов, поэтому я последовал его совету и зашагал в сторону озера, воздержавшись от ответных реплик. Отойдя на некоторое расстояние, я вновь услышал за спиной вдохновенные поэтические рулады.

Хотя водоем в «Бринкли» гордо именуется озером, говоря по совести, это скорее начинающий пруд. Но все же достаточно большой, чтобы прокатиться на плоскодонке. И для любителей катаний здесь устроен небольшой причал с навесом для лодок. На этом-то причале и сидела Бобби с удочкой в руках, и я, стремительно преодолев разделявшее нас пространство, оказался у нее за спиной.

— Привет, — сказал я.

— Привет от старых штиблет, — отвечала она. — А, это ты, Берти? Уже приехал?

— В наблюдательности тебе не откажешь. Не могла бы ты уделить мне минуту твоего драгоценного времени, прекрасная дама?

— Погоди, кажется, клюет. Нет, показалось. Так что ты говоришь?

— Я говорю, что…

— Да, кстати, сегодня утром я разговаривала с мамой.

— А я с ней беседовал вчера.

— Так и знала, что она тебе позвонит. Ты видел объявление в «Тайме»?

— Прочел собственными глазами.

— Наверное, сначала удивился?

— Я и сейчас удивляюсь.

— Я тебе все объясню. Эта идея пришла ко мне как озарение свыше.

— Выходит, ты запустила эту утку?

— Конечно.

— Но зачем? — спросил я, беря, по своему обыкновению, быка за рога.

Я думал, она смутится. Ничуть не бывало!

— Чтобы приготовить путь Реджи. Я провел рукой по вспотевшему лбу.

— Видно, у меня что-то случилось со слухом — прежде он всегда был превосходным, — сказал я. — Мне послышалось, ты сказала «чтобы приготовить путь Реджи».

— Ну да. Прямыми сделать стези ему.[52] Хочу, чтобы мама примирилась с мыслью о Реджи.

Я провел другой рукой по вспотевшему лбу.

— А сейчас мне послышалось, будто ты сказала «чтобы мама примирилась с мыслью о Реджи».

— Именно так я сказала. Все предельно просто. Объясняю специально для особо непонятливых. Я люблю Реджи. Реджи любит меня.

Я все равно не понял.

— Какой Реджи?

— Реджи Сельдинг. Я чуть не упал.

— Как, Селедка?

— И не называй его, пожалуйста, Селедкой.

— Да я его всю жизнь так зову. В конце концов, — сказал я, смягчаясь, — если мальчик с фамилией Сельдинг попадает в частную школу на южном побережье Англии, какую кличку могут дать ему однокашники? Но когда это ты успела его полюбить, а он — тебя? Ты же его в глаза не видела.

— Еще как видела. Мы останавливались в одном отеле в Швейцарии на прошлое Рождество. Я учила его кататься на лыжах, — сказала она, и лучистые звезды, которые она носит на лице в качестве глаз, затуманились от нежности. — Я помогла ему подняться, когда он рухнул на склоне для начинающих. У него обе ноги закрутились вокруг шеи, вроде шарфа. Думаю, именно в эту минуту в моей душе впервые пробудилась любовь. Сердце мое растаяло, пока я распутывала его ноги.

— И ты над ним не смеялась?

— Конечно, нет. Я была само понимание и сочувствие. Тут я наконец

осознал, насколько это серьезно. У Бобби весьма развито чувство юмора, и воспоминание о ее реакции на то, как в Скелдингсе я наступил в саду на грабли, и рукоятка засветила мне по носу, до сих пор хранится в золотом фонде моей памяти. С ней тогда судороги сделались от смеха. И если она не померла со смеха при виде такого зрелища, как Реджинальд Сельдинг с закрученными вокруг шеи ногами, значит речь действительно идет о глубоком и сильном чувстве.

— Хорошо, — сказал я. — Допустим, у тебя с Селедкой все обстоит именно так, как ты сказала. Но зачем в таком случае трубить на весь свет, что ты помолвлена со мной, если только возможно трубить в письменной форме?

— Я же тебе объяснила. Для того, чтобы примирить маму.

— Звучит, как бред сумасшедшего, — прямой репортаж из желтого дома.

— Ты что же, не понял моего гениального плана?

— По-прежнему нахожусь в нескольких парсеках от намека на понимание.

— Ты ведь знаешь, какой репутацией ты пользуешься у моей мамы?

— Наши отношения нельзя назвать слишком теплыми.

— При одном твоем имени ее трясет. Вот я и решила, что если она подумает, будто я собираюсь за тебя замуж, а потом узнает, что на самом деле вовсе и не собираюсь, она будет так счастлива моему чудесному избавлению, что с радостью примет любого зятя, даже такого, как Реджи. Он хоть и прекрасный человек, но не блещет ни знатностью, ни богатством. По маминым понятиям, я должна выйти либо за дельца-миллионера, либо за герцога с большим личным состоянием. Теперь понимаешь?

— Да, отлично понимаю. Дживс это называет «сыграть на особенностях психологии индивидуума». Но ты уверена, что план сработает?

— Обязательно сработает. Рассмотрим сходную ситуацию. Предположим, в одно прекрасное утро тетя Далия прочтет в газете, что на рассвете тебя расстреляют.

— Исключено. Я в такую рань не встаю.

— Предположим, она все-таки прочтет. Она же здорово расстроится, верно?

— Еще бы! Могу себе представить — она во мне души не чает. Не стану отрицать, что иногда ее манеры кажутся грубоватыми. В детстве она частенько награждала меня подзатыльниками, а когда я вступил в более

зрелую пору, не раз советовала мне повесить на шею кирпич и утопиться в пруду за домом. Тем не менее она любит своего Бертрама, и если услышит, что на рассвете я буду расстрелян, она будет страдать, как от острой зубной боли. Ну и что? При чем здесь это?

— А теперь представь: ей говорят, что произошла ошибка, расстрел грозит не тебе, а кому-то другому. Разве она не обрадуется?

— Да она будет просто плясать от радости.

— Вот именно. И что бы ты ни сделал, ей все будет казаться замечательным. Какую бы глупость ты ни придумал, она придет в восторг. «Делай, как считаешь нужным», — только и скажет она тебе. То же самое почувствует моя мама, когда узнает, что я не выхожу за тебя замуж. Она испытает чувство огромного облегчения.

Я согласился, что облегчение и вправду будет огромным.

— Но ты ведь откроешь ей истинное положение дел через денек-другой? — спросил я: мне было очень важно заручиться гарантиями по этому пункту. Человек, над которым тяготеет объявление о помолвке в «Тайме», не может чувствовать себя в безопасности.

— Ну, скажем, через неделю-другую. В таких делах не следует торопиться.

— Нужно время, чтобы микстура начала действовать?

— В этом вся суть.

— А что требуется от меня? То и дело покрывать тебя страстными поцелуями?

— Нет, это лишнее.

— Как скажешь. Просто я хочу понять свою роль.

— Достаточно периодически бросать на меня томные взгляды.

— Будет сделано. Что ж, ужасно рад за тебя и Селедку, или, как ты предпочитаешь его называть, Реджи. Если и есть на свете человек, с кем мне хотелось бы видеть тебя у алтаря, так это он.

— Ты очень мужественно принял эту новость.

— Ладно, чего уж там.

— Я тебя ужасно люблю, Берти.

— Я тебя тоже.

— Но ведь я не могу выйти замуж за всех, верно?

— И не пытайся. Что ж, теперь, когда все прояснилось, я, пожалуй, пойду доложусь о прибытии тете Далии.

— А который час?

— Почти пять.

— Господи, мне надо бежать. Я сегодня за хозяйку во время чая.

— Ты? А где тетя Далия?

— Уехала. Когда она вчера вечером вернулась из Лондона, ее ждала телеграмма из школы — ее сын, Бонзо, заболел. Она попросила меня побыть за хозяйку до ее возвращения, но мне придется уехать на несколько дней, нужно срочно встретиться с мамой. С тех пор как она прочла это объявление и «Тайме», она бомбардирует меня телеграммами с просьбой приехать и сесть за стол переговоров. Что значит «имбецил»?

— Не знаю. А что?

— Именно так она называет тебя в последней из них. Цитирую: «Не могу понять, как тебе пришло в голову выйти за этого имбецила». Конец цитаты. Думаю, это слово означает примерно то же, что и «дебил» — так она охарактеризовала тебя в предшествующем послании.

— Звучит обнадеживающе.

— Да, все идет как нельзя лучше. После тебя Реджи пройдет на ура, как освежающий фруктовый десерт. Она встретит его с распростертыми объятиями.

И с прощальным воинственным воплем она чесанула в сторону дома со скоростью двадцати миль в час, не меньше. Я проследовал за ней, правда в более медленном темпе, потому что наш разговор дал мне обильную пищу для размышлений.

Я пытался понять, в силу какого каприза природы в сердце юной Уикем возникло столь сильное чувство к моему другу Селедке. В самом деле, обратимся к фактам. Ведь при ее привлекательности — действительно наивысшего класса — у нее от женихов просто отбоя нет. Она много лет упорно отказывала всем претендентам, поэтому в конце концов сложилось мнение, что удовлетворить ее высоким требованиям сможет лишь некий экстра-суперпоклонник, заветный приз сорвет лишь сказочный принц, совершенство во всех отношениях. А она взяла и выбрала Селедку.

Только не подумайте, будто я что-то имею против старины Сельдинга. Он, что называется, соль земли. Но, что касается внешности, в нем нет ничего сногсшибательного. Он с ранней юности увлекался боксом, и отсюда это изуродованное ухо, про которое я говорил тете Далии, вдобавок неведомая мне рука свернула ему нос несколько в сторону. Короче говоря, я бы никому не посоветовал ставить на него на конкурсе красоты, даже если его единственными соперниками будут Борис Карлофф,[53] Кинг-Конг и Богач Поссер из «Трутней».

Но не будем забывать, что внешность — далеко не все. За изуродованным ухом может скрываться золотое сердце, а у Селедки сердце

действительно золотое, причем золото это самой высокой пробы. Да и ум играет в таких делах не последнюю роль. Чтобы удержаться на редакторском месте в солидном лондонском еженедельнике, нужно обладать изрядным запасом серого вещества, и ни одна девушка не может этого не оценить. И следует учесть, что претенденты, которых Роберта все эти годы отвергала, относились по большей части к подвиду охотников и рыболовов: буркнув «Чего?» и похлопав себя по ляжке арапником, они считают культурную программу законченной. На этом фоне Селедка несомненно блистал прелестью новизны.

Но, при всем при этом, ситуация, как я уже говорил, давала пищу для размышлений, и, направляясь в сторону дома, я пребывал в состоянии глубокой задумчивости — вряд ли хоть один букмекер принял бы ставку даже из расчета один к тридцати на то, что я не влеплюсь во что-нибудь лбом по дороге. И я вскорости влепился. Я мог налететь на дерево, на куст или на садовую скамейку. Но судьбе было угодно, чтобы я налетел на Обри Апджона. Не успел я повернуть за угол дома, как врезался в него на всем ходу. Я обхватил его за шею, его руки обвили мою талию, и чуть не целую минуту мы, слившись в страстном объятии, топтались взад-вперед. Но вот пелена тумана спала с моих глаз, и я увидел, с кем я вальсирую. Разглядев его «во всей целостности и полноте[54]», как любит выражаться Дживс, я был поражен, до чего же он изменился со времени наших встреч в его кабинете в Малверн-Хаусе, Брамли-он-Си, когда с замирающим сердцем я наблюдал, как он достает бамбуковую трость и делает несколько пробных взмахов для разминки мышц плечевого пояса. В тот период нашего знакомства он мне запомнился как статный пожилой джентльмен — ростом под потолок, глаза горят, из ноздрей пламя пышет. Теперь он скукожился до низкорослого старикашки, я мог бы одной левой сбить его с ног.

Чего я, разумеется, делать не стал. Но от моего прежнего трепета не осталось и следа. Неужели мне казалось когда-то, что сей представитель семейства членистоногих может одним лишь взглядом остановить мчащийся поезд?

Думаю, дело в том, что с тех пор он отрастил усы. Пятнадцать лет назад, в эпоху Малверн-Хауса, именно широкая голая верхняя губа вселяла леденящий ужас в наши детские души; это было совершенно невыносимое зрелище, особенно когда он ею подергивал. Не скажу, чтобы усы смягчили его лицо, но они во всяком случае скрыли какую-то его часть, что уже хорошо. В результате, вместо того, чтобы, как я предполагал, оцепенеть от страха при встрече, я повел себя с ним очень непринужденно и светски —

возможно, даже чересчур.

— А, здравствуйте, Апджон, — сказал я. — Как поживаете?

— Вы кто? — спросил он.

— Я — Вустер.

— Ах, Вустер, — сказал он, и в голосе его послышалось разочарование, словно он надеялся, что на моем месте окажется кто-то другой, и, разумеется, его можно понять. Не сомневаюсь, он, как и я, все эти годы утешался мыслью, что больше мы никогда не встретимся, и что, какие бы каверзы ни уготовила ему судьба, уж от Бертрама-то он навсегда избавился. Могу себе представить, какой шок испытал этот старый болван, когда я вдруг выскочил из небытия, как черт из табакерки.

— Давненько не видались, — сказал я.

— Да, — мрачно подтвердил он, явно показывая, что, будь его воля, мы бы не увиделись до Страшного суда. В результате разговор увял, и пока мы шли по газону к чайному столу, наш диалог даже с большой натяжкой трудно было бы назвать пиром мысли и духа. Разве что я заметил «Отличный сегодня денек, а?», а он в ответ вроде как хрюкнул.

Когда мы добрели до кормушки, то застали там одну лишь Бобби. Уилберт и Филлис остались на Тенистой поляне, а миссис Артроуз, как объяснила нам Бобби, обычно в это время трудится над новым морозпокожным романом и редко спускается к чаю. Мы уселись за стол и только поднесли к губам чашки, как из дома вышел дворецкий с блюдом фруктов и направился в нашу сторону.

Я называю его дворецким за неимением более подходящего слова. Одет он был, как дворецкий, и вел себя, как дворецкий, но, с точки зрения исконного и истинного смысла слова, дворецким не был.

Это был сэр Родерик Глоссоп.

Глава IV

В клубе «Трутни» и во многих других местах, где мне случается бывать, вы нередко можете услышать рассказы о самообладании и хладнокровии, присущим Бертраму Вустеру — все единодушно сходятся на том, что я весьма щедро наделен этими чертами характера. Думаю, многие считают меня суперменом со стальными канатами вместо нервов, вроде тех, про которых пишут в книжках, и я не стану опровергать это мнение. Но и в моей броне можно пробить брешь, для этого достаточно выпустить на лужайку всемирно известных психиатров, наряженных дворецкими.

Я не мог ошибиться, предположив, что именно сэр Родерик Глоссоп поставил на стол фрукты и теперь семенил по лужайке обратно к дому. Только один человек в мире может похвастаться таким огромным лысым черепом и такими кустистыми бровями. Сказать, что я не был потрясен, значило бы ввести в заблуждение мировую общественность. Внезапное появление призрака заставило меня вздрогнуть, а всем известно, что случается, когда человек вздрагивает, держа в руках полную чашку чая. Содержимое чашки выплеснулось прямо на брюки магистра гуманитарных наук Обри Апджона, значительно их увлажнив. Я не слишком погрешу против истины, если скажу, что чай составлял теперь более существенную часть его наряда, нежели сами брюки.

Было видно, что он принял это обстоятельство очень близко к сердцу, поэтому меня удивило, что бедолага ограничился лишь безобидным междометием. По-видимому, людям, занимающим видное общественное положение, приходится быть сдержанными в выражениях. Если они начнут чертыхаться и изрыгать проклятия, это может произвести неблагоприятное впечатление, такое удовольствие могут позволить себе только рядовые граждане.

Впрочем, порой все понятно без слов. Во взгляде, которым он меня одарил, я прочел не менее сотни непечатных эпитетов. Так скорый на руку помощник капитана грузового парохода глядит на проштрафившегося матроса.

— Вижу, вы не изменились с тех пор, как покинули Малверн-Хаус, — сказал он с раздражением, вытирая брюки носовым платком. — Растяпа Вустер — так мы его всегда звали, — продолжал он, обращаясь к Бобби и явно рассчитывая на ее сочувствие. — Простейшего дела не мог сделать,

даже такого, как взять в руки чашку с чаем, он постоянно сеял вокруг себя хаос и разрушение. У нас в Малверн-Хаусе так и говорили: если в комнате, где находится Вустер, стоит хотя бы один стул, он его обязательно опрокинет. Каков человек в детстве, такой он и в старости.

— Ради Бога, извините, — сказал я.

— Что толку от ваших извинений? Испортили мне новые брюки. Разве выведешь пятна чая с белой фланели. Впрочем, будем надеяться на лучшее.

Не знаю, правильно ли я поступил, похлопав его по плечу и воскликнув: «Вот она — истинно британская стойкость!» Скорее всего, нет, потому что мое восклицание его не утешило. Он еще раз свирепо на меня глянул и большими шагами направился к дому, распространяя вокруг себя аромат чая.

— Знаешь что, Берти, — сказала Бобби, задумчиво провожая его взглядом. — По-моему, Апджон не возьмет тебя на экскурсию вместе с остальными мальчиками. Боюсь, ты в этом году не получишь от него подарка на Рождество и не рассчитывай, что сегодня вечером он придет в спальню заботливо поправить тебе одеяло.

Властным взмахом руки я опрокинул молочник.

— К черту Апджона, к черту его подарки и экскурсии. С какой стати папаша Глоссоп вырядился дворецким?

— Я так и знала, что ты спросишь. Я и сама собиралась тебе потом рассказать.

— Расскажи сейчас.

— Видишь ли, это была его идея.

Я сурово взглянул на нее. Бертрам Вустер ничего не имеет против, если кто-то слегка привирает, желая сделать рассказ более занимательным, но слушать бред буйнопомешанного — благодарю покорно.

— Его идея?

— Да.

— Ты думаешь, я поверю, будто в одно прекрасное утро сэр Родерик Глоссоп проснулся, посмотрел на себя в зеркало, решил, что он сегодня бледнее обычного, и сказал себе: «Пожалуй, мне нужна небольшая встряска. Не пойти ли мне в дворецкие»?

— Ну, не так, конечно… Не знаю даже, с чего начать.

— Начни с начала. Смелее, Б. Уикем, нечего ходить вокруг да около. — И я с вызывающим видом положил себе на тарелку кусок пирога.

Мой непреклонный тон явно задел ее за живое и раздул пламя, всегда тлеющее в этой багряноголовой угрозе общественному спокойствию, ибо

она недовольно нахмурилась и сказала, чтобы я ради всего святого перестал пялиться на нее, как дохлая камбала.

— У меня есть полное право пялиться на тебя, как дохлая камбала, — холодно отвечал я, — и я буду пялиться столько, сколько сочту нужным. Я нахожусь в состоянии сильного нервного стресса. Если в дело замешана ты, жизнь сразу же превращается в ад, и я полагаю, что вправе требовать объяснений. Итак, я жду.

— Погоди, дай мне собраться с мыслями.

Она задумалась и, после непродолжительного перерыва, за время которого я доел кусок пирога, начала свой рассказ.

— Пожалуй, я начну с Апджона, потому что это он во всем виноват. Понимаешь, он вбил себе в голову, что Филлис должна выйти замуж за Уилберта Артроуза.

— Ты говоришь «вбил себе в голову»…

— Вот именно: «вбил себе в голову». А когда такой человек что-то вобьет себе в голову, другим лишь остается уступить, особенно, если речь идет о такой рохле, как Филлис, которая слова не скажет папочке поперек.

— Что, совсем нет своей воли?

— Ни капли. Вот, для примера: пару дней назад он возил ее в Бирмингем на представление «Чайки» Чехова, решил, что это полезно для общего развития. Хотела бы я поглядеть на того, кто заставит меня пойти на «Чайку», но Филлис только кивнула и сказала: «Хорошо, папа». Даже не попыталась возразить. Теперь видишь, сколько у нее собственной воли.

Да, это уж, признаюсь. Ее рассказ произвел на меня сильное впечатление. Я знаю, что такое чеховская «Чайка». Тетя Агата как-то попросила меня сводить ее сына Тоса на представление в «Олд Вик[55]», и должен сказать, что необходимость напряженно следить за абсурдными действиями героев по имени Заречная и Медведенко и при этом постоянно быть начеку, чтобы вовремя пресечь попытки Тоса улизнуть из зала на волю, сделала мои страдания просто невыносимыми. Так что после рассказа Бобби я уже ни секунды не сомневался в том, что Филлис Миллс принадлежит к той категории девиц, чье жизненное кредо — «Папа лучше знает». Уилберту достаточно будет сделать предложение, и она поставит свою подпись там, где помечено галочкой, потому что так хочет Апджон.

— Твоя тетя просто в ужасе.

— Так она против?

— Еще бы она была не против! Ты же часто бываешь в Нью-Йорке и наверняка наслышан об этом Уилле Артроузе.

— Да, до меня дошли слухи о его выходках. Он известен там, как

плейбой.

— Твоя тетка считает, что он просто чокнутый.

— По-моему, у всех этих ребят мозги набекрень. Что ж, теперь понятно, почему она против этого брака. Но, — сказал я, как всегда безошибочно выделяя суть вопроса, — это никак не объясняет присутствие папаши Глоссопа в доме моей тети.

— Очень даже объясняет. Она пригласила его наблюдать за Уилбертом.

Я опять перестал что-либо понимать.

— То есть следить за ним? Не спускать с него глаз? Но какой в этом толк?

Она нетерпеливо фыркнула.

— Он должен наблюдать за ним как врач. Ты знаешь, как работают психиатры. Внимательно следят за поведением пациентов. Вступают с ними в беседы. Незаметно проводят разные тесты. И рано или поздно…

— Кажется, понимаю. Рано или поздно он ляпнет что-то иродe того, что он чайник или папа римский, и тогда его упекут, куда следует.

— Ну да, он чем-нибудь себя выдаст. Твоя тетя пожаловалась, что она просто в отчаянии, и тут меня озарило — надо пригласить Глоссопа. Ты ведь знаешь, как у меня случаются эти озарения свыше.

— Еще бы. Никогда не забуду историю с грелкой.

— Да, это хороший пример.

— Ха!

— Ты что-то сказал?

— Я сказал «Ха!»

— Почему ты сказал «Ха!»?

— Потому что, когда я вспоминаю эту кошмарную ночь, мне хочется сказать «Ха!».

Мне показалось, она признала справедливость моих слов. Ненадолго умолкла — видимо, чтобы съесть сэндвич с огурцом, — и продолжила свой рассказ.

— Поэтому я сказала твоей тете: «Я знаю, что нужно сделать. Пригласите сюда Глоссопа — и пускай он понаблюдает за Уилбертом Артроузом. Тогда вы сможете прийти к Апджону и заделать ему свинью».

Я снова перестал что-либо понимать. Насколько я помню, ни о какой свинье до сих пор речи не было.

— О чем это ты?

— Господи, какой ты бестолковый. «Тащите сюда своего друга Глоссопа, — сказала я, — и пусть он сделает свои выводы. После этого вы

сможете сказать Апджону, что сэр Родерик Глоссоп, виднейший психиатр Англии, убежден, что у Уилберта Артроуза не все дома, и спросите его, правда ли, что он хочет выдать свою падчерицу за человека, который в любую минуту может пополнить список обитателей психушки». Думаю, после этого даже у Апджона не хватит наглости настаивать на этом браке. Или ты так не считаешь?

Я тщательно взвесил ее слова.

— Пожалуй, ты права, — сказал я. — Вполне возможно, что и Апджону не чужды человеческие чувства, хотя я ни разу не имел возможности в этом убедиться, когда находился in statu pupillari.[56] Хорошо, теперь мне понятно, зачем Глоссоп приехал в «Бринкли-Корт». Но почему он выступает в роли дворецкого?

— Я же тебе объяснила — это была его идея. Он сказал, что при его всемирной известности, если он объявится здесь под своим именем, это может вызвать подозрения миссис Артроуз.

— А, понимаю. Она заметит, что он наблюдает за Уилбертом и задумается, с какой это стати…

— … и быстро смекнет, что к чему…

— … и завопит: «Какого черта все это значит?..»

— Вот именно. Ты приезжаешь погостить, а хозяйка приглашает психиатра проверить, здоров ли твой обожаемый сыночек. Какой матери такое понравится?

— Если же она заметит, что за ее сыном наблюдает дворецкий, она просто подумает: «Какой внимательный дворецкий!». Очень разумно. Поскольку дядя Том надеется заключить важную сделку с Хомером Артроузом, ни в коем случае не следует ее раздражать. Она закатит скандал Хомеру, Хомер взбеленится и скажет: «После того, что произошло, Траверс, я прекращаю переговоры», и дядя Том упустит выгодное дельце. Кстати, а в чем, собственно, оно состоит? Тетя Далия тебе рассказывала?

— Рассказывала, да я не стала вникать. Что-то насчет земли, которой где-то владеет твой дядя, а мистер Артроуз хочет ее купить и понастроить отелей и еще чего-то. Впрочем, не в том суть. Главное в том, что нам надлежит умасливать всех представителей семейства Артроузов в доме, чего бы нам это ни стоило, на этом мы должны сосредоточиться. И — никому ни слова.

— Можешь быть спокойна. Бертрам Вустер — не болтун. Он умеет держать язык за зубами. Но почему вы так уверены, что Уилберт Артроуз тронутый? Мне он показался совершенно нормальным.

— А ты что, его видел?

— Мельком. На Тенистой поляне, он читал стихи этой барышне Миллс.

Мое сообщение произвело на нее сильное впечатление.

— Читал стихи? Читал стихи Филлис?

— Именно так. Странное занятие для такого типа. Комические куплеты — да. Если бы он исполнял комические куплеты, я бы еще мог это понять. Но он сыпал виршами из книжек вроде тех, что переплетают в мягкую красную кожу и продают во время рождественских праздников. Не берусь присягнуть на Библии, но стихи подозрительно смахивают на рубаи Омара Хайяма.

И снова мои слова произвели на нее неизгладимое впечатление.

— Это нужно прекратить, Берти, прекратить как можно скорее. Нельзя терять ни минуты. Ты должен пойти и положить этому конец. Немедленно.

— Кто, я? Но почему я?

— Потому что за этим тебя сюда и позвали. Разве тетя тебе не сказала? Она хочет, чтобы ты как тень следовал за Уилбертом Артроузом и Филлис. Твоя задача состоит в том, чтобы не дать ему возможности сделать ей предложение.

— Ты хочешь сказать, что я должен повсюду таскаться за ними, вроде частного детектива или полицейского шпика? Мне это не по вкусу.

— Вовсе не обязательно, чтобы тебе было по вкусу, — отрезала Бобби. — Просто делай, что тебе велят.

Глава V

Всю жизнь я был послушной игрушкой в руках слабого пола, и поэтому скрепя сердце пошел и положил конец идиллии на Тенистой поляне, как мне было велено. Но на душе у меня было скверно — мало приятного, когда на тебя смотрят, как на назойливую муху, а именно так воспринимал меня Уилберт Артроуз. К моменту моего появления он уже покончил с художественным словом и, взяв Филлис за руку, по всей видимости говорил ей — или собирался сказать — нечто очень личное и интимное. Услышав мое бодрое «Эй, там», он обернулся, поспешно выпустил из рук девичью лапку и метнул на меня взгляд, очень похожий на тот, которым недавно одарил меня Обри Апджон. Он пробормотал себе под нос, что кто-то — я не расслышал, кто именно, — по-видимому нанялся сюда сторожем.

— Это опять вы? — сказал он.

Увы, это был опять я. Отрицать это было бы бесполезно.

— Не знаете, чем себя занять? — сказал он. — Почему бы вам не посидеть где-нибудь и не почитать хорошую книжку?

Я объяснил, что просто заскочил сказать, что на лужайке возле дома уже накрыт чай.

— О, Господи! — взволнованно пискнула Филлис. — Мне надо бежать. Папа не любит, когда я опаздываю к чаю. Он считает, что это невежливо по отношению к старшим.

Я видел, что с губ Уилберта Артроуза готовы сорваться слова о том, куда, по его мнению, мог бы пойти ее папа вместе со своими взглядами на вежливость по отношению к старшим, но огромным усилием воли он заставил себя сдержаться.

— Пойду погуляю с Крошкой, — сказал он и свистнул собаке, которая обнюхивала мои ноги, наслаждаясь изысканным ароматом Вустеров.

— Так вы не идете пить чай?

— Нет.

— Сегодня горячие булочки.

В ответ он лишь возмущенно фыркнул и широко зашагал прочь в сопровождении низкобрюхого пса, оставив меня с ощущением, что и от него мне вряд ли грозит подарок на святки. Весь его вид красноречиво свидетельствовал, что мне не удалось расширить круг моих друзей. С таксами у меня никогда не бывает проблем, но попытка подружиться с

Уилбертом Артроузом с треском провалилась.

Когда мы с Филлис пришли на лужайку, то, к нашему удивлению, застали за столом только Бобби.

— А где папа? — спросила Филлис.

— Он неожиданно решил уехать в Лондон, — ответила Бобби.

— В Лондон?

— Во всяком случае, так он сказал.

— Но что случилось?

— Понятия не имею.

— Пойду поговорю с ним, — сказала Филлис и упорхнула прочь.

Бобби на минуту задумалась.

— Знаешь, что мне кажется, Берти?

— Что?

— Когда Апджон ушел из-за стола, он был просто в ярости, при этом в руках у него был свежий номер «Рецензий по четвергам». Видимо, прислали с дневной почтой. Он наверняка прочел отзыв Реджи на его книгу.

Вполне правдоподобно. Среди моих знакомых немало писателей (Боко Фиттлуорт — первое имя, которое приходит на ум), и все они неизменно дрожат от ярости, когда читают разгромные отзывы на свои опусы.

— Так ты знаешь про Селедкину статью?

— Да, Реджи мне как-то ее показывал.

— Насколько я понял, очень язвительная штука. Но это не повод мчаться в Лондон.

— Вероятно, Апджон решил узнать у главного редактора, кто написал заметку, и наказать автора хлыстом на ступеньках клуба. Но, разумеется, ему никто ничего не скажет, а так как статья без подписи… А, добрый день, миссис Артроуз.

Последние слова были обращены к высокой тощей даме с хищным ястребиным лицом, похожей, по моим представлениям, на Шерлока Холмса. На носу у нее темнело чернильное пятно — результат работы над остросюжетным романом. Совершенно невозможно написать остросюжетный роман и при этом не испачкать нос чернилами. Спросите у Агаты Кристи или у кого хотите.

— Закончила очередную главу и решила прерваться и выпить чашку чая, — сказала романистка. — Перерабатывать тоже не годится.

— Совершенно верно. Всегда лучше уйти, пока счет в твою пользу. Это племянник миссис Траверс — Берти Вустер, — сказала Бобби, как мне показалось, извиняющимся тоном. Один из многочисленных недостатков

Роберты Уикем состоит в том, что когда она представляет меня людям, то делает это с таким видом, словно знакомство со мной — позорный факт ее биографии, о котором она предпочла бы умолчать. — Берти большой ваш поклонник, — добавила она, и совершено напрасно, поскольку Артроузиха тотчас же встрепенулась, как старая полковая кляча, заслышавшая звук кавалерийской трубы.

— Вот как?

— Нет больше удовольствия, чем устроиться на весь вечер в кресле с одной из ваших замечательных книг, — сказал я, надеясь, что она не станет допытываться, какая из ее книг мне особенно нравится.

— Когда я сказала ему, что вы здесь, он просто прыгал от радости.

— Приятно слышать. Я всегда рада знакомству с читателями. А какая из моих книг вам особенно нравится?

Не успел я промычать «Ну…э-э-э…», одновременно обдумывая — впрочем, без особой надежды на успех, — удовлетворит ли ее такой ответ, как «все без исключения», как появился папаша Глоссоп, неся на подносе телеграмму для Бобби. Скорее всего, от ее матери, где она сообщает новые эпитеты, которыми забыла наделить меня в своих предыдущих посланиях. А может быть, еще раз подтверждает свое прежнее убеждение в том, что я имбецил, и теперь, когда я достаточно поразмыслил, это скорее всего означает «простофиля» или «тупица».

— Спасибо, Макпалтус, — сказала Бобби и взяла телеграмму.

Слава Богу, что на этот раз в руках у меня не было чашки с чаем, потому что, когда я услышал, как она назвала сэра Родерика, я опять непроизвольно вздрогнул, и будь упомянутая чашка у меня в руках, я бы, подобно идущему по полю сеятелю, расплескал ее содержимое во все стороны. А так я ограничился тем, что метнул сэндвич с огурцом в воздух.

— Ох, извините, — сказал я, когда сэндвич просвистел всего в дюйме от виска Артроузихи.

Можно было не сомневаться, что Бобби тотчас же вмешается в разговор. Эта барышня просто не в состоянии удержаться от комментариев.

— Простите его, пожалуйста, — сказала она. — Мне следовало вас предупредить: Берти готовится выступать в соревнованиях по метанию сэндвичей с огурцом на следующих Олимпийских играх. Так что ему надо постоянно тренироваться.

Мамаша Артроуз задумчиво наморщила лоб — казалось, она не вполне удовлетворена объяснением Бобби. Но из дальнейших слов стало понятно, что ее не столько интересуют мои недавние действия, сколько

поведение Макпалтуса. Она проводила его пристальным взглядом и, когда он скрылся из виду, спросила:

— Этот дворецкий миссис Траверс. Вы не знаете, мисс Уикем, где она его нашла?

— Как обычно — в ближайшем зоомагазине.

— Он представил рекомендации?

— Да, разумеется. Он много лет проработал у сэра Родерика Глоссопа, знаменитого психиатра. Миссис Траверс мне говорила, что сэр Родерик дал ему превосходнейшие рекомендации, они на нее произвели очень сильное впечатление.

Мамаша Артроуз презрительно хмыкнула.

— Рекомендации можно подделать.

— Боже милостивый! С чего это у вас такие мысли?

— Что-то мне в нем не нравится. У него лицо преступника.

— Ну знаете, то же самое можно сказать и о Берти.

— Думаю, нужно предупредить миссис Траверс. В моем романе «Чернее ночи» дворецкий оказался членом шайки грабителей, он специально нанялся на службу, чтобы помочь своим сообщникам проникнуть в дом. У них это называется «козырной валет в прикупе». Подозреваю, что Макпалтус здесь с той же целью, хотя, разумеется, он может действовать и в одиночку. В одном я уверена твердо: он — не настоящий дворецкий.

— Но какие у вас основания так думать? — спросил я, утирая носовым платком внезапно вспотевший лоб. Этот разговор мне совсем не нравился. Стоит Артроузихе усомниться в том, что сэр Родерик Глоссоп настоящий дворецкий, как все пойдет прахом. Она начнет разнюхивать и наводить справки, и не успеешь оглянуться, как докопается до правды. И тогда дяде Тому придется распрощаться с мыслью о легких деньжатах, которые он рассчитывал заграбастать. Сколько я его знаю, всякий раз, когда ему не удается наложить лапу на проплывающую поблизости наличность, он впадает в глубокое уныние. Дело не в том, что он такой жадный. Просто он бескорыстно любит денежки.

Видно было, что мой вопрос ее обрадовал.

— Я вам скажу, какие у меня основания так думать. Его непрофессионализм выдает его на каждом шагу. Например, сегодня утром я видела, как он пустился в долгую беседу с Уилбертом. Настоящий дворецкий так никогда бы не поступил. Он счел бы это слишком большой вольностью.

— Совсем не обязательно, — решительно возразил я. — Позволю себе

не согласиться с вашим тезисом, если я правильно понимаю значение слова «тезис». Я провел много счастливейших часов в беседах с дворецкими, и почти во всех случаях они сами вступали со мной в разговор. Они приходили ко мне и часами рассказывали о своем ревматизме. Я не нахожу в Макпалтусе ничего подозрительного.

— Это оттого, что вы не изучали криминалистику, а я изучала. У меня наметанный глаз, и моя интуиция меня ни разу не подвела. Этот человек явно замыслил недоброе.

Я видел, что Бобби начинает тихо закипать, но она взяла себя в руки и не позволила пару вырваться. Следует заметить, что Бобби с большой любовью относится к Т. Портарлингтону Траверсу, ведь тот как две капли воды похож на ее жесткошерстного терьера, который сейчас машет хвостиком на небесах, но прежде был для нее дороже всех на свете, и, видимо, ради его светлой памяти Бобби готова ни в чем не перечить Артроузихе и обращаться с ней, как с посылкой, на которой написано «Осторожно, стекло». Она заворковала, словно лесная горлица, которая обращается к другой лесной горлице с тайной надеждой стрельнуть у нее несколько фунтов.

— А вы не думаете, миссис Артроуз, что все это лишь плод вашего воображения? Ведь у вас такое богатое воображение. Берти на днях говорил, что он просто не понимает, как вам такое удается. Я имею в виду, создавать все эти удивительные образы. Верно, Берти?

— Точно. Мои слова.

— А когда у человека богатое воображение, он не может не воображать. Правда, Берти?

— Да, это чертовски трудно.

Но ее медоточивые речи ни к чему не привели. Артроузиха уперлась, как валаамова ослица, о которой вы, несомненно, слышали.

— Никакое это не воображение, я уверена, дворецкий что-то замышляет, — с раздражением сказала она. — И мне кажется, нетрудно догадаться, что именно. Разве вы забыли, что у мистера Траверса одна из лучших коллекций старинного серебра в Англии?

Это правда. Видимо, в силу какого-то изъяна в одном из полушарий мозга, дядя Том начал собирать старинное серебро, когда я еще под стол пешком ходил. Думаю, что содержимое комнаты на нижнем этаже, где он держит свои сокровища, потянет на кругленькую сумму. Я хорошо знаком с его коллекцией не только потому, что мне часами приходилось слушать его разглагольствования о канделябрах, лиственных орнаментах, горельефах в виде венков и романских орнаментах в виде овалов; к этой

коллекции я имею, можно сказать, личное отношение, поскольку однажды украл для нее сливочник восемнадцатого века в виде коровы. (Это длинная история. Сейчас нет времени рассказывать. Можете прочитать о ней в архивах.)

— Миссис Траверс на днях показывала коллекцию Уилли, и она произвела на него неизгладимое впечатление. Уилли ведь сам собирает старинное серебро.

С каждой минутой я все больше терялся, пытаясь составить себе представление об У. Артроузе. Характер, не поддающийся классификации, в жизни не встречал ничего подобного. Сначала поэтические экзерсисы, теперь вот старинное серебро. Я всегда считал, что плейбоям все до лампочки, кроме блондинок и выпивки. Это лишний раз доказывает, что половина человечества не знает, как живут остальные три четверти.

— Он сказал, что в коллекции мистера Траверса есть экспонаты, за которые он готов продать душу дьяволу. Особенно ему нравится сливочник восемнадцатого века в виде коровы. Так что внимательно следите за дворецким. Уж я-то точно с него глаз не спущу. Что ж, — сказала Артроузиха и поднялась из-за стола. — Пора возвращаться в рудники. Всегда стараюсь набросать новую главу до конца рабочего дня.

Она резвым аллюром унеслась в сторону дома, и за столом воцарилась тишина.

— Ну и ну, — наконец выдохнула Бобби, и я согласился, что ничего другого в данной ситуации не скажешь.

— Нужно срочно отослать Глоссопа, — сказал я.

— Но каким образом? Решать тете, а она уехала.

— Тогда я сам отсюда смотаюсь. В здешнем оркестре чересчур громко звучит тема гибельного рока. «Бринкли-Корт», некогда мирный загородный дом, превратился в мрачную обитель из новелл Эдгара Аллана По[57] — просто мурашки по коже. Так что я уезжаю.

— Ты не имеешь права сбежать до возвращения тети. Должен же кто-то остаться за хозяина или за хозяйку, а мне просто необходимо уехать завтра домой, надо поговорить с мамой. Тебе остается только стиснуть зубы и терпеть.

— А на сильнейший нервный стресс, который я при этом испытаю, тебе, разумеется, наплевать?

— Абсолютно. Только пойдет тебе на пользу. Раскрывает поры.

Я бы наверняка сказал ей в ответ что-нибудь убийственное, если бы нашелся, что сказать, но, поскольку ничего в голову не пришло, я ничего и не сказал.

— А где остановилась тетя Далия? — спросил я.

— Отель «Ройял», Истбурн. А что?

— А то, — сказал я и взял еще один сэндвич с огурцом, — что завтра же непременно позвоню ей с утра и расскажу, что творится в этом бедламе.

Глава VI

Не помню уж, с чего тогда зашел разговор, но Дживс однажды заметил, что «сон животворящий распутает клубок дневных забот». «Бальзам больной души[58]» — так он тогда выразился. В том смысле, если я правильно понял, что когда дела идут из рук вон, жизнь может снова показаться сносной после восьмичасовой отключки.

По-моему, все это чепуха на постном масле. Мне сон редко помогает, не помог и на этот раз. Я отправился на покой с самыми мрачными предчувствиями, но когда я, выражаясь высоким стилем, открыл глаза навстречу новому дню, то ситуация, сложившаяся в «Бринкли-Корте», показалась мне еще более безнадежной. Кто знает, спрашивал я себя за завтраком, отставив в сторону почти не тронутое яйцо всмятку, что сумела раскопать мамаша Артроуз? И кто может поручиться, что в самом скором времени Уилберт не почувствует, что сыт по горло моей назойливостью, и просто не накостыляет мне по шее? Уже сейчас весь его вид выдает человека, которого тошнит от общества Бертрама Вустера и который, в случае, если последний снова вздумает мозолить ему глаза, вынужден будет принять решительные и адекватные меры.

Погруженный в столь невеселые мысли, я во время обеда ел без всякого аппетита, хотя Анатоль в который раз превзошел самого себя. Я вздрагивал всякий раз, как Артроузиха бросала подозрительный взгляд на папашу Глоссопа, суетившегося у буфетной стойки, а уж от долгих влюбленных взглядов, которыми ее сын Уилберт одарял Филлис, у меня просто мороз пробегал по коже. После обеда он, скорее всего, пригласит барышню прогуляться с ним на Тенистую поляну, и напрасно надеяться, что он не испытает раздражения или даже глубокой обиды, когда я снова составлю им компанию.

К счастью, когда мы поднялись из-за стола, Филлис сказала, что пойдет к себе печатать речь для папочки, и я ненадолго успокоился — во всяком случае по этому поводу. Даже нью-йоркский плейбой, привыкший с пеленок гоняться за блондинками, вряд ли решится последовать за ней и строить куры в ее комнате.

Видимо, осознав, что ничего конструктивного в этом направлении ему сейчас предпринять не удастся, он задумчиво объявил, что пойдет прогуляться с Крошкой. Это, как я понял, был его излюбленный способ смягчать горечь разочарования, и весьма удачный, должен заметить, с

точки зрения пса, которому необходимо движение и смена впечатлений. Они тотчас же отправились в путь и вскоре скрылись из глаз: пес — резвясь и играя, он — правда, не резвясь, но то и дело нервно рассекая тростью воздух с видом сильного возбуждения; а я, решив, что это будет самым уместным при данных обстоятельствах, выбрал в библиотеке тетушки Далии один из романов мамаши Артроуз и устроился в шезлонге на лужайке. И, несомненно, получил бы от чтения массу удовольствия, ибо миссис Артроуз прекрасно владеет пером, если бы меня не разморило от жары и я не погрузился в сладкий послеобеденный сон на середине второй главы.

Когда я проснулся и проверил, не распутался ли за это время клубок дневных забот — а он, увы, не распутался — меня позвали к телефону. Я поспешил к аппарату и услышал на другом конце провода громовые раскаты голоса тетушки Далии.

— Берти?

— Он самый.

— Какого дьявола ты так долго тащишься к телефону? Уже целый час я прижимаю к уху эту чертову трубку.

— Извините, я летел как ветер, просто я был в саду, когда вы позвонили.

— Небось дрых после обеда?

— Не исключено, что на минутку прикрыл глаза.

— У тебя по-прежнему одно обжорство на уме.

— Я всегда полагал, что в это время суток принято подкреплять себя некоторым количеством пищи, — сухо сказал я. — Как Бонзо?

— Лучше.

— А что с ним?

— Корь, но сейчас он уже вне опасности. Слушай, что у вас там стряслось? Почему ты просил меня позвонить? Захотелось услышать голос любимой тетушки?

— Я всегда рад слышать голос любимой тетушки, но на этот раз у меня более серьезные и веские причины. Думаю, вы должны знать о тайных силах, угрожающих вашему дому.

— Что еще за тайные силы?

— Во-первых, мамаша Артроуз. Развернула бурную деятельность. Она подозревает.

— Что подозревает?

— Папашу Глоссопа. Говорит, ей не нравится его лицо.

— На себя бы посмотрела!

— Она думает, он не настоящий дворецкий.

Тут у меня чуть не лопнула барабанная перепонка, и я заключил, что тетушка весело рассмеялась в ответ.

— Ну и пусть думает.

— Вас это не тревожит?

— Нисколько. А что она может сделать? Все равно Глоссоп через неделю уедет. Он сказал, что за неделю составит мнение относительно Уилберта. Так что Адела Артроуз меня совершенно не тревожит.

— Ну ладно, вам виднее, но мне кажется, она может что-нибудь выкинуть.

— Не выкинет. Что еще?

— Проблема «Уилберт Артроуз — Филлис Миллс».

— А, это другое дело. Это действительно важно. Бобби тебе сказала, что ты должен прилепиться к нему, как…

— Верная жена? «И прилепится жена к мужу своему…»

— Я хотела сказать, как лейкопластырь, но пусть будет по-твоему. Она объяснила тебе, в чем дело?

— Да, и именно этот вопрос я и хотел провентилировать.

— Хотел что?

— Провентилировать.

— Что ж, давай вентилируй.

Поскольку я достаточно долго анализировал эту проблему, мобилизовав всю мощь свойственного Вустерам интеллекта, мне не составило ни малейшего труда изложить вопрос по пунктам. Поэтому я заговорил как по-писанному.

— Чем больший путь проходим мы по дороге жизни, любимая родственница, тем яснее становится, что мы должны стараться принимать во внимание точку зрения противоположной стороны, в качестве которой в данном случае выступает Уилберт Артроуз. Приходило ли вам когда-либо в голову встать на место Уилберта Артроуза и спросить себя, понравится ли ему, что за ним кто-то постоянно ходит по пятам? Ведь он же не Мэри.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что он не Мэри. Это Мэри нравилось, что за ней все время кто-то таскается.

— Берти, по-моему, ты здорово набрался.

— Ничего подобного.

— Скажи: «На дворе трава, на траве дрова».

Я сказал.

— А теперь скажи: «Корабли лавировали, лавировали, да не

вылавировали».

Я легко справился и с кораблями.

— Да нет, ты вроде в порядке, — нехотя признала она. — Тогда почему ты плетешь про какую-то Мэри. Что еще за Мэри?

— Не могу сообщить вам ее фамилию и адрес. Я имею в виду маленькую девочку. «У нашей Мэри есть баран, собаки он верней. В грозу, и в бурю, и в туман баран бредет за ней[59]». Не стану утверждать, что «собаки я верней», но я таскаюсь повсюду, куда бы ни пошел Уилберт, и мне очень интересно знать, чем все это кончится. Ему осточертело мое постоянное присутствие.

— Он тебе об этом сказал?

— Нет, но он бросает на меня злобные взгляды.

— Пусть бросает. Меня ему не запугать.

Я понял, что она не улавливает сути проблемы.

— Разве вы не видите, какими это нам угрожает последствиями?

— Ты, кажется, говорил, что нам угрожают тайные силы?

— И последствия. Я хочу сказать, что если я не прекращу это лейкопластыревое преследование, рано или поздно он неизбежно решит, что действия убедительнее слов, развернется и влепит мне хорошую плюху. А в этом случае у меня не будет иной альтернативы, как развернуться и влепить плюху ему. У Вустеров есть гордость. А уж если я кого-то двину, так двину.

В знак своего глубокого возмущения тетушка взревела, как пароходная сирена.

— И думать не смей, иначе тебе доставят мое проклятие на дом с курьерской почтой. Затеешь с ним драку, и я вырежу у тебя на груди мои инициалы кухонным ножом. Подставь ему другую щеку, дуралей. Адела Артроуз никогда не простит мне, если мой племянник вздует ее сына. Она побежит к мужу…

— И тогда накроется сделка дяди Тома. Об этом-то я вам и толкую. Если кому-то суждено поколотить Уилберта Артроуза, это должен сделать человек, не имеющий отношения к семье Траверсов. Нужно срочно найти замену Бертраму.

— Ты предлагаешь мне нанять частного детектива?

— Теперь их принято называть «агентами». Но я не о них. Вы должны пригласить сюда Селедку. Он возьмет на себя мою работу и будет таскаться за Уилбертом по пятам, а если Уилберт ему врежет, и он в ответ врежет Уилберту, это не будет иметь никакого значения, поскольку Селедка — человек посторонний. Да и вряд ли Уилберту придет в голову

поднять на него руку, уже один вид Селедки внушает должное почтение — загорелые мускулистые ручищи, как две стальные балки, боксерское ухо.

Она молчала, нетрудно было догадаться, что она обдумывает мои слова «и умом проворным сомненью подвергает так и этак», как выражается в таких случаях Дживс. Когда она вновь заговорила, в ее голосе звучало уважение.

— Знаешь, Берти, бывают минуты — нечасто, конечно, — когда твой интеллект приближается к разуму человека. Отличная мысль! Я и не подумала про Сельдинга. Думаешь, он приедет?

— Только позавчера он мне сам говорил, что мечтает напроситься к тебе в гости. Воспоминания о кулинарных изысках Анатоля все еще свежи в его памяти.

— Пошли ему телеграмму. Можешь позвонить на почту и продиктовать. Подпиши моим именем.

— Будет сделано.

— Скажи, пусть все бросит и приезжает немедленно.

Она дала отбой, и я уже собрался набросать текст телеграммы, как вдруг почувствовал непреодолимое желание немедленно пропустить рюмочку, такое нередко случается с человеком, только что испытавшим сильное облегчение. Или, как выразился бы Дживс, осушить «кубок, льющий теплый юг[60]». Поэтому я нажал кнопку звонка и уселся в кресло. Через некоторое время дверь отворилась, и предо мной предстала округлая фигура с лысым черепом и кустистыми бровями. Я вздрогнул от неожиданности. Забыл, что в нынешних обстоятельствах, если вызываешь дворецкого в «Бринкли-Корте», на сцене неизбежно появляется сэр Родерик Глоссоп.

Не так-то легко вступить в беседу с человеком, представляющим собой помесь специалиста по психическим расстройствам с дворецким, особенно если ваши отношения в прошлом были не слишком дружескими, поэтому я растерялся и не знал, с чего начать. Я жаждал промочить горло — как «лань желает к потокам воды[61]», но если вы просите дворецкого принести вам виски с содовой, а он по совместительству еще и знаменитый психиатр, вполне возможно, что он встанет в позу и испепелит вас взглядом. Все зависит от того, какая из двух его ипостасей возобладает в данную минуту. Поэтому я испытал облегчение, увидев, что он мне приветливо улыбается и явно рад возможности поболтать с Бертрамом Вустером. Я решил, что если держаться подальше от воспоминаний о грелках, все может пройти наилучшим образом.

— Добрый день, мистер Вустер. Рад, что нам наконец представилась возможность поговорить наедине. Но, возможно, мисс Уикем уже успела вам все объяснить? Ага, успела. Тогда все в порядке, и я могу не опасаться, что вы случайно меня выдадите. Вы ведь понимаете, что миссис Артроуз ни в коем случае не должна заподозрить истинной цели моего пребывания в доме.

— Само собой… Молчание и тайна, верно? Если она догадается, что вы наблюдаете за ее сыном, чтобы выяснить, действительно ли у него шариков в голове не хватает, она ведь может обидеться или даже возмутиться до глубины души.

— Совершенно с вами согласен.

— Ну и как, что-то проклюнулось?

— Простите?

— Я про ваши наблюдения. Удалось вам углядеть какие-нибудь признаки того, что он слетел с катушек?

— Если вы подразумеваете, составил ли я уже определенное мнение относительно вменяемости Уилберта Артроуза, я отвечу — нет. Как правило, мне бывает достаточно одной беседы с пациентом, чтобы дать однозначный ответ, но в случае молодого Артроуза я все еще не могу ничего сказать наверняка. С одной стороны, мы знаем его «послужной список».

— Бомбы со зловонным газом? — Совершенно верно.

— Размахивает кольтом в банках.

— Правильно. И другие выходки, которые указывают на психическую неуравновешенность. Вне всякого сомнения, Уилберт Артроуз — личность эксцентрическая.

— Но, по вашему мнению, мерку для смирительной рубашки снимать еще рано?

— Я бы предпочел продолжить наблюдения.

— Дживс упоминал о некоем факте из жизни Уилберта Артроуза, о котором ему кто-то рассказал, когда мы были в Нью-Йорке. Возможно, это могло бы пролить свет.

— Вполне вероятно. А что это за факт?

— Он забыл.

— Жаль. Но, возвращаясь к нашему разговору: события его прежней жизни свидетельствуют о глубоко укоренившемся неврозе или даже шизофрении, но в разговоре симптомы этих заболеваний никак не проявляются. Вчера утром я имел с ним весьма продолжительную беседу, и он произвел на меня впечатление очень умного человека. Он

интересуется старинным серебром и с восхищением расхваливал сливочник в виде коровы работы восемнадцатого века из коллекции вашего дяди.

— А он не говорил, что он сам — сливочник?

— Нет, разумеется.

— А, может, он просто маскируется?

— Простите?

— Я хочу сказать, затаился на время. Хочет усыпить нашу бдительность. А потом, рано или поздно, покажет свое истинное лицо. Эти типы с глубоко укоренившимися неврозами бывают ужасно хитрыми.

Он с неодобрением покачал головой.

— Никогда не следует делать поспешных выводов, мистер Вустер. Мы не должны судить предвзято. Никогда не мешает как следует взвесить факты. Я думаю, вы не забыли, как однажды я поторопился при оценке вашего психического состояния. Эти двадцать три кошки в вашей спальне…

Я густо покраснел. История произошла несколько лет назад, и, на мой взгляд, стоило давно предать ее забвению.

— Но все же потом разъяснилось.

— Совершенно верно. Мне доказали, что я был не прав. Именно поэтому я и говорю, что в случае Уилберта Артроуза не стоит торопиться с выводами. Мне нужны дополнительные факты.

— Чтобы их взвесить?

— Да, если вам угодно, чтобы их взвесить. Но вы звонили, мистер Вустер. Чем могу служить?

— Честно говоря, я хотел виски с содовой, но мне неловко вас беспокоить.

— Дорогой мистер Вустер, вы забываете, что в этом доме я — пусть на время — дворецкий, и, надеюсь, добросовестный дворецкий. Я принесу вам виски немедленно.

Когда он ушел, я задумался: не сказать ли ему о том, что миссис Артроуз тоже занимается взвешиванием фактов о нем самом, и решил, что лучше не стоит. Зачем смущать его душевный покой? Хватит с него и того, что приходится откликаться на такое имя, как Макпалтус. Если навалить еще новых забот, он совсем с лица спадет.

Вернувшись, он принес мне не только кубок, льющий теплый юг, к которому я с благодарностью тут же припал, но и письмо, пришедшее с дневной почтой. Утолив жажду, я взглянул на конверт и увидел, что письмо от Дживса. Я распечатал его без особого интереса, думая, что он

просто сообщает мне, что благополучно добрался до места и выражает надежду, что письмо застало меня в таком же добром здравии, в каком оно оставило его самого. Словом, обычная чепуха.

Но, оказалось, что далеко не чепуха. Едва пробежав письмо глазами, я невольно охнул, отчего папаша Глоссоп взглянул на меня с интересом.

— Плохие новости, мистер Вустер? Надеюсь, ничего страшного?

— Смотря что считать плохой новостью. Сенсационная новость — уж это точно. Это от Дживса, моего слуги, он сейчас ловит креветок в Херн-Бей, и письмо его проливает ослепительный свет на частную жизнь Уилберта Артроуза.

— В самом деле? Чрезвычайно интересно.

— Начну с того, что, когда Дживс уезжал в отпуск, у нас зашел разговор об У. Артроузе, поскольку тетя Далия сказала мне, что он — один из ее гостей, и мы подробно его обсуждали. Перемывали косточки, как водится. Так вот, перед тем, как уйти, Дживс и обронил то важное замечание, о котором я только что упоминал, насчет того, что он что-то слышал про Уилберта, а потом забыл. «Если вспомню — напишу», сказал он мне. И, черт меня подери, вспомнил. Знаете, что он пишет в этом послании? Угадайте с трех раз.

— Полагаю, сейчас не время для игры в угадайку.

— Вы правы, хотя я эту игру очень люблю. Так вот, он пишет, что Уилберт Артроуз…. Господи, опять забыл это слово, — я заглянул в письмо, — ну да, клептоман. А это означает — на случай, если вы не знакомы с этим термином — субъекта, который крадет все, что подвернется под руку.

— Боже милостивый!

— Я бы даже сказал — «Будь я проклят!»

— Мне и в голову не приходило…

— Я же говорил, что это маскировка. Наверное, они и за границу-то его из-за этого увезли.

— Вне всякого сомнения.

— Не учли, что в Англии тоже есть чего свистнуть, не меньше, чем в Америке. Вы ни о чем сейчас не подумали?

— Разумеется, подумал. О коллекции вашего дяди.

— И я тоже.

— Это сильное искушение для несчастного молодого человека.

— Не уверен, что он так уж несчастен. Готов поспорить, кражи доставляют ему удовольствие.

— Нужно немедленно пойти проверить коллекцию. Может быть, что-

то уже пропало.

— Боюсь, что там остались лишь голые стены. Их просто не унесешь.

Нам потребовалось время, чтобы добраться до комнаты, где хранилась коллекция, ибо папаша Глоссоп был скроен скорее с расчетом на устойчивость, чем на скорость, но в конце концов мы туда доплыли, и моим первым чувством, когда я оглядел помещение, было облегчение, потому что вся серебряная рухлядь, казалось, была *in statu quo.* И только после того, как папаша Глоссоп выдохнул «Уфф» и вытер пот со лба после быстрой ходьбы, я обнаружил недостачу.

Сливочник в виде коровы исчез.

Глава VII

Для тех, кому интересно, спешу сообщить, что сливочник представлял собой серебряный сосуд, или кувшинчик, или как там еще называют емкости подобной формы, выполненный почему-то в виде коровы с задранным дугой хвостом и физиономией малолетней преступницы, на которой ясно было написано, что она задумала во время следующей дойки засветить хозяйке копытом промеж глаз. На спине у нее открывалась крышка на петлях, а кончик хвоста касался хребта, образуя что-то вроде ручки, за которую это сооружение надлежало держать при разливании сливок. Для меня всегда оставалось загадкой, как может нравиться подобное уродство, но, по-видимому, в восемнадцатом веке такие сливочники шли на ура, да и в наше время дядя Том от него просто без ума, так же, как и Уилберт — если верить показаниям свидетеля Глоссопа. Ну, да о вкусах не спорят.

Впрочем, дело не в том, нравится кому-то это страшилище или нет, а в том, что корова бесследно исчезла, и я уже собирался поставить об этом в известность папашу Глоссопа и выяснить его просвещенное мнение по этому поводу, как в комнату вошла Бобби Уикем. Она уже приготовилась к отъезду и сменила рубашку и шорты на дорожное платье.

— Всем привет, — сказала Бобби. — Как жизнь? Чего это ты такой взъерошенный, Берти. Что стряслось?

— Я скажу тебе, что стряслось, — прямо в лоб брякнул я. — Ты знаешь коровий сливочник дяди Тома?

— Нет. Что это за штука?

— Это такой кувшинчик для сливок, безобразный до ужаса, но чертовски дорогой. Можно без преувеличения сказать, что дядя Том бережет его, как зеницу ока. Просто души в нем не чает.

— Ну и на здоровье.

— Оно, конечно, так, только чертова штуковина пропала. Тишину летнего дня нарушил звук, похожий на гудение шмеля, который пытается выбраться из бутылки. Это зажужжал папаша Глоссоп. Глаза у него округлились, нос начал подергиваться, и можно было легко догадаться, что эта новость подействовала на него как удар по основанию черепа носком, в который предварительно набили мокрый песок.

— Пропала?

— Да.

— Вы в этом уверены?

Я сказал, что уверен, потому что, как вы знаете, так оно и было.

— Может быть, вы просто его не заметили?

— Такую штуку нельзя не заметить. Он снова зажужжал.

— Но это же ужасно!

— Хуже не придумаешь, согласен.

— Ваш дядя будет страшно огорчен.

— Да он будет реветь от горя, как белуга.

— Почему именно, как белуга?

— Этого я вам сказать не могу, но то, что заревет — гарантирую.

По выражению, появившемуся на лице Бобби, пока она слушала наш диалог, можно было догадаться, что от нее ускользает суть разговора. Как будто мы говорим на суахили.

— Ничего не понимаю, — сказала она. — Как это — пропала?

— Ее украли.

— В загородных домах не бывает краж.

— Бывают, если появится Уилберт Артроуз. Он же кле… клеп… ну, как там это называется, — сказал я и протянул ей письмо Дживса. Она с большим интересом его изучила, и когда смысл послания до нее дошел, воскликнула: «Чтоб мне провалиться со всеми потрохами», добавив, что в наше время можно ждать чего угодно. «Но, с другой стороны, — сказала она, — это нам на руку».

— Теперь, сэр Родерик, вы сможете с полным основанием подтвердить, что он и вправду чокнутый.

Последовала пауза, во время которой папаша Глоссоп, по-видимому, взвешивал ее слова и, скорее всего, сравнивал с У. Артроузом других чокнутых, которых ему доводилось встречать на протяжении долгой лечебной практики.

— Вне всякого сомнения, его метаболизм чрезмерно подвержен стрессам, возникающим вследствие взаимодействия внешних раздражителей, — произнес он, и Бобби с покровительственным видом похлопала его по плечу, на что я ни за что не отважился бы, хотя наши отношения, как я уже упоминал, стали гораздо более сердечными, чем прежде, и заявила, что лучше не скажешь.

— Ну вот, давно бы так! Повторите эти слова миссис Траверс, когда она вернется. Тогда у нее будут все козыри на руках в этой истории с Уилбертом и Филлис. У нее, наконец, появится аргумент, чтобы заявить протест против заключения брака. «А что вы скажете насчет его метаболизма?»— спросит она, и Апджону нечем будет крыть. Так что все

прекрасно.

— Все, — уточнил я, — кроме того, что дядя Том лишился зеницы ока.

Она задумчиво закусила губу.

— Да, верно. Здесь ты прав. Какие мы можем принять меры? Она взглянула на меня, и я сказал, что не знаю, и тогда она взглянула на папашу Глоссопа, и он тоже сказал, что не знает.

— Ситуация чрезвычайно деликатная. Вы со мной согласны, мистер Вустер?

— На все сто.

— При сложившихся обстоятельствах ваш дядя не может просто пойти к этому молодому человеку и потребовать вернуть похищенную собственность. Миссис Траверс со всей недвусмысленностью подчеркнула, что следует соблюдать величайшую осторожность, чтобы не нанести мистеру и миссис Артроуз…

— …обиды?

— Я собирался сказать «оскорбления».

— Можно и так. Что в лоб, что по лбу.

— А они, вне всякого сомнения, почувствуют себя оскорбленными, если их сына обвинят в краже.

— Да это все равно, что раскрыть красный зонтик прямо перед мордой быка. Они прекрасно знают, что Уилберт воришка, но кому понравится, когда об этом говорят другие.

— Вот именно.

— Тактичный человек не станет заикаться об этом в их присутствии.

— Совершенно верно. Решительно не представляю себе, что тут можно сделать. Я в полном недоумении.

— И я тоже.

— Зато я — нет, — сказала Бобби.

Я затрепетал как вспугнутый… как его… ну, неважно, кто бы там ни был. В ее голосе мое многоопытное ухо различило то особенное оживление, по которому я безошибочно догадался, что она опять что-то затевает. Я понял, что сейчас она предложит нам план, в результате которого не только содрогнется потрясенное человечество и луна окрасится в цвет крови, но и некий несчастный — я имел все основания подозревать, что этим несчастным буду я, — окажется ввергнутым в то, что Шекспир называл «целым морем бед», если это, конечно, Шекспир.[63] Мне доводилось слышать это оживление в ее голосе и прежде, например в ту ночь, когда она, вложив в мою длань шило, объясняла, где находится

грелка сэра Родерика Глоссопа. Многие придерживаются мнения, что Роберту, дочь покойного сэра Катберта и леди Уикем из Скелдинг-Холла, графство Хартфордшир, нельзя держать на воле. Я один из горячих приверженцев этого философского направления.

Папаша Глоссоп, малознакомый сданной представительницей прелестного пола и потому не знавший, что с детских лет ее девизом было «Где наша не пропадала!», был весь внимание и любезность.

— У вас есть конкретный план, мисс Уикем?

— Разумеется. Все ясно, как дважды два. Вы знаете, в какой комнате живет Уилберт?

Он ответил, что знает.

— А вы согласны, что человек, который гостит в загородном доме и стащил что-то из хозяйского добра, может спрятать это что-то только в своей комнате?

Он сказал, что, несомненно, так оно и есть.

— Ну вот и прекрасно.

Он взглянул на нее «в немом оцепенении[64]», как выразился бы Дживс.

— Вы хотите сказать… Не предлагаете же вы, чтобы…

— Чтобы кто-то пробрался в его комнату и там пошарил? Именно это я и предлагаю. И совершенно ясно, кому выпадет сей почетный жребий. Глас народа требует, чтобы это сделал Берти.

Я нисколько не удивился. Я ведь с самого начала чувствовал, что к этому идет. Не знаю, почему, но всякий раз, когда возникает необходимость выполнить какую-то грязную работу, мои друзья и близкие в один голос восклицают: «Это должен сделать Вустер». Беспроигрышная лотерея. Хоть я и не питал особых надежд на то, что мои робкие протесты способны изменить приговор судьбы, я все же решил воспользоваться правом на последнее слово.

— А почему я?

— Тут нужен человек молодой.

Чувствуя, что сражение проиграно, я продолжал упираться.

— А я так не считаю, — сказал я. — По-моему, зрелый и опытный человек справится с этим гораздо успешнее, чем неоперившийся новичок, вроде меня, ведь я и в детстве не отличался в игре «найди туфлю». Это же очевидно.

— Не упрямься, Берти. Ты же обожаешь приключения, — сказала она, хотя откуда она это взяла — ума не приложу. — Представь, что ты сотрудник контрразведки, который разыскивает документ государственной

важности, похищенный женщиной под черной вуалью, распространяющей вокруг себя аромат экзотических духов. Когда еще представится такой случай! Что ты сказал?

— Я сказал «Ха!» А вдруг кто-то войдет?

— Глупости. Миссис Артроуз работает над книгой. Фил-лис у себя в комнате, печатает речь Апджона. Уилберт на прогулке. Апджон уехал. Войти может разве лишь бринкли-кортское привидение. Если оно тебе явится, можешь презрительно рассмеяться и пройти сквозь него. Это отучит его шляться, где не следует, ха-ха-ха.

— Ха-ха-ха! — залился в ответ папаша Глоссоп.

Веселье их показалось мне неуместным, а шутки — сомнительными, и я дал им это понять всем своим видом, когда выходил из комнаты. Потому что, разумеется, я тотчас вышел из комнаты. Столкновения характеров с представительницами противоположного пола всегда заканчиваются тем, что Бертрам Вустер покоряется неизбежному. Впрочем, на душе у меня было довольно тускло, и когда Бобби, проходя мимо, назвала меня своим маленьким героем и сказала, что никогда не сомневалась в том, что на меня можно положиться, я пропустил ее слова мимо ушей с холодностью, которую она не могла не почувствовать.

День стоял великолепный, полный голубого неба, сияющего солнца и жужжания насекомых, день, в который сам Бог велел находиться на воздухе, наслаждаясь теплым ласковым ветерком со стаканом чего-нибудь холодного в руке; а я вынужден тащиться по душному коридору, обыскивать комнату фактически незнакомого мне человека, ползать по полу и заглядывать под кровати, глотая пыль и покрываясь перинным пухом, и все потому, что такая блажь взбрела в голову Бобби Уикем. Мне сделалось очень горько, хотелось плюнуть на всю эту затею и сбежать, я с трудом удержался. Просто удивительно, как по прихоти женщины я позволил вовлечь себя в подобную заваруху. Нас, Вустеров, всегда губит рыцарский дух, черт бы его побрал.

Когда я подошел к двери комнаты Уилберта и остановился, «натягивая смелость на колки[65]», мне пришло в голову, что все это что-то очень напоминает, и я вдруг понял, что именно. То же самое чувство я испытывал много лет назад, в пору учебы в Малверн-Хаусе, когда в глухую ночную пору крался в кабинет Обри Апджона за печеньем, которое он хранил в жестянке на письменном столе: однажды, проскользнув на цыпочках по коридору, я в ночной рубашке вошел в святилище и оказался лицом к лицу с Апджоном, который сидел в кресле и сам уминал печенье за обе щеки. Весьма щекотливая ситуация. Мучительный допрос и

неизбежная расплата на следующее утро — полдюжины горячих по казенному месту — навсегда останутся высеченными, в буквальном смысле этого слова, на скрижалях моей памяти.

Кроме стука пишущей машинки в конце коридора, свидетельствовавшего о том, что мамаша Артроуз трудится, не жалея сил, чтобы заморозить кровь в жилах читающей публики, все было тихо. Я помедлил перед дверью, поджидая, пока «хочется» пересилит «колется» — Дживс говорил, что именно так всегда поступала какая-то кошка из пословицы,[66] — и осторожно повернул ручку двери, а потом — тоже очень осторожно — отворил дверь и оказался лицом к лицу с девушкой в платье горничной, которая всплеснула руками, как актриса на сцене, и подпрыгнула на несколько дюймов в воздух.

— Ух ты! — воскликнула она, снова почувствовав под ногами твердую почву. — Как вы меня напугали, сэр!

— Ужасно сожалею, — приветливо отвечал я. — По правде говоря, вы меня тоже напугали, так что мы теперь в одинаковом положении. Я ищу мистера Артроуза.

— А я ищу мышь.

Это заявление навело меня на одну любопытную мысль.

— А вы полагаете, здесь водятся мыши?

— Я видела мышь, когда убирала утром комнату. Поэтому я и принесла Огастуса, — сказала она и указала на большого черного кота, которого я только сейчас заметил. Это оказался мой старый знакомец, с которым мы нередко завтракали вместе: я уминал свою яичницу, а он лакал молоко из блюдца.

— Огастус задаст им жару! — сказала она.

Как вы наверняка догадались, с самой первой минуты нашей встречи с горничной я напряженно размышлял, как бы мне от нее избавиться, потому что ее пребывание в комнате делало мою задачу невыполнимой. Невозможно обыскивать комнату, когда прислуга стоит вдоль боковой линии, а с другой стороны, нельзя, претендуя на звание preux chevalier,[67] просто схватить ее за шиворот и выкинуть из комнаты. Поначалу я, признаться, почувствовал, что зашел в тупик, но потом ее слова о том, что Огастус задаст мышам жару, подсказали мне, как быть.

— Сомневаюсь, — сказал я. — Вы ведь здесь недавно, верно? Она подтвердила, что служит здесь всего вторую неделю.

— Я так и подумал, потому что иначе вы бы знали, что в смысле ловли мышей на него надежда плохая. Я с ним уже много лет знаком и

досконально изучил его психологию. Он от роду не удосужился поймать ни одной мыши. Если он не ест, он дрыхнет. Так сказать, летаргический кот. Посмотрите, он и сейчас спит.

— Ух ты! И точно, спит.

— Это своего рода болезнь. У нее даже есть научное название. Травма… что-то там. Травматическая симплегия, вот как. У этого кота — травматическая симплегия. Иначе говоря, переводя на нормальный язык, это означает, что, если другим котам достаточно восьми часов сна в день, Огастусу требуются все двадцать четыре. Так что на вашем месте я бы оставил это неблагодарное поприще и забрал кота обратно на кухню. Вы просто зря теряете время.

Мое красноречие возымело действие. Она снова сказала «Ух ты!», взяла на руки кота, который что-то сонно пробормотал — я не разобрал, что именно, — и вышла из комнаты, оставив меня, наконец, одного.

Глава VIII

Получив возможность спокойно осмотреться, я первым делом заметил, что верховная главнокомандующая, решившая, как вы знаете, не щадить сил и средств, чтобы ублажить семейство Артроузов, неплохо позаботилась об Уилберте при выборе спального помещения. По прибытии в «Бринкли-Корт» ему досталась так называемая голубая комната — неслыханная честь для холостяка, все равно что для актера — фамилия, набранная на афише крупным шрифтом, потому что в «Бринкли», как и в большинстве загородных домов, считается, что для размещения холостого контингента годится любой закуток или даже чуланчик. К примеру, моя спальня похожа на келью отшельника, размеры которой сравнимы даже не с собачьей будкой, а с кошачьим домиком, и то, пожалуй, тесноватым для такого кота, как Огастус. Короче говоря, когда я навещаю тетушку Далию, я не слишком рассчитываю на то, что она встретит меня словами «Добро пожаловать в усадьбу «Райские кущи», мой мальчик. Я приготовила для тебя голубую комнату. Надеюсь, тебе там будет удобно». Я как-то раз попросил ее меня там поселить, но она лишь спросила: «Кого? Тебя?», и разговор перешел на другие темы.

Голубая комната была обставлена в тяжеловесном викторианском стиле, когда-то ее занимал покойный отец дяди Тома, который любил все основательное и надежное. Там стояли кровать с пологом на четырех столбиках, коренастый туалетный столик, массивный письменный стол, разномастные кресла, на стенах картины, на которых красавцы в треуголках склонялись над кудряво-кисейными девами, а в дальнем конце комнаты находился шкаф, в котором можно было без труда разместить дюжину скелетов. Короче говоря, комната была такая большая, и в ней было так много укромных уголков, где можно спрятать украденную вещь, что всякий, кому предложили бы найти там серебряный сливочник в виде коровы, сказал бы: «Ну нет, увольте!» — и вывесил бы белый флаг.

Но у меня есть одно важное преимущество перед «всяким» — я много читаю. Это началось в раннем детстве, и я прочел больше детективных романов, еще до того как их стали называть «остросюжетными», чем съел за свою жизнь яиц всмятку, и они — я имею в виду книги, а не яйца — меня кое-чему научили, а именно: если кто-то хочет спрятать что-то в спальне, он неизменно кладет это что-то сверху на шкаф. Именно так поступали герои книг «Убийство в замке Мистлей», «Трупы по

вторникам», «Выстрел из ниоткуда», «Свидетель не нужен», а также десятка других, не столь знаменитых, романов, и у меня не было причин полагать, что Уилберт Артроуз отступит от канона. Поэтому первое, что я сделал, это придвинул кресло и взобрался на него посмотреть, не лежит ли сливочник на шкафу, когда Бобби, бесшумно подобравшись ко мне сзади почти вплотную, спросила:

— Ну, как дела?

Честное слово, эти современные барышни просто приводят меня в отчаяние. Казалось бы, эта Уикем должна с младых ногтей усвоить, что нет ничего хуже для человека, тайно обыскивающего чужую комнату и находящегося в состоянии крайнего нервного напряжения, чем голос из ниоткуда, вдруг спрашивающий прямо в ухо шепотом, как дела. Вряд ли есть необходимость говорить вам, что я тут же рухнул вниз, как куль с мукой. Сердце мое бешено колотилось, давление подскочило, голубая комната кружилась у меня перед глазами в плавном адажио.

Когда я снова обрел способность соображать, выяснилось, что после моего оглушительного падения Бобби почла за благо исчезнуть из комнаты, а я намертво застрял в кресле в позе, похожей на позу Селедки в Швейцарии, когда его ноги оказались обернутыми вокруг шеи. И, похоже, у меня не было никаких шансов вырваться из кресельного плена без применения мощных технических средств.

Тем не менее путем сложных манипуляций я мало-помалу высвобождал застрявшие члены, и наконец, умудрившись все-таки отделить себя от кресла, уже собирался встать, когда опять услышал над собой голос.

— Боже милосердный! — произнес голос, и, подняв глаза, я обнаружил, что это не бринкли-кортское привидение, как я было подумал, а миссис Хомер Артроуз. Она смотрела на меня так же, как сэр Родерик Глоссоп недавно смотрел на Бобби — «в немом оцепенении», весь ее вид свидетельствовал о том, что она совершенно сбита с толку. Я заметил, что на этот раз чернильное пятно у нее на подбородке.

— Мистер Вустер! — взвизгнула она.

Когда к вам обращаются со словами «Мистер Вустер», ничего другого не остается, как сказать в ответ «Здравствуйте», что я и сделал.

— Понимаю, что вы удивлены, — продолжал я, когда она, обретя дар речи, спросила: а) что я делаю в комнате ее сына, и б) что, черт побери, все это значит. «Ради всего святого», добавила она для пущей убедительности.

Про Бертрама Вустера нередко говорят, что он за словом в карман не полезет, и сейчас мне это очень пригодилось, потому что не так-то легко

лезть в карман за чем бы то ни было, стоя на четвереньках. Впрочем, на этот раз мне не составило труда придумать отговорку; благодаря нечаянной встрече со служанкой и котом Огастусом у меня было то, что французы называют point d'appui.[68] Сняв с себя очередной обломок кресла, я сказал с искренностью, которая, по-моему, была мне очень к лицу:

— Дело в том, что я искал мышь.

Если бы она сказала в ответ: «А, ну да. Понимаю. Разумеется, мышь. Теперь ясно», — все бы прошло, как по маслу, но она так не сказала.

— Мышь? — спросила она. — Что значит — мышь? Если бы она и вправду не знала, что такое мышь, мне предстояла бы утомительная и сложная работа, и я просто не знал бы, с чего начать. Но, к моему облегчению, последующие ее слова показали, что фраза «Что значит — мышь?» не содержит вопроса о значении этого слова, а представляет собой то, что называется крик души.

— С чего вы взяли, что в комнате мыши?

— У меня есть основания так полагать.

— Вы их что, видели?

— Вообще-то нет. Но я видел следы — то, что французы называют perdu.[69]

— Но почему вы решили искать здесь мышей?

— Так — дай, думаю, взгляну.

— А для чего вы залезли на кресло?

— Хотел оглядеть комнату, так сказать, с высоты птичьего полета.

— И часто вы ловите мышей в чужих спальнях?

— Я бы не сказал, что часто. Так, знаете ли, под настроение.

— Понятно. Ну, что ж…

Когда вам говорят таким тоном «Ну, что ж», обычно это означает, что вы злоупотребляете гостеприимством, пора бы и честь знать. Видно было, что, по ее мнению, Вустерам больше нечего делать в спальных апартаментах ее сына, и, мысленно признав, что в чем-то она права, я поднялся, стряхнул пыль с коленей и, сказав несколько любезных фраз в том смысле, что, я надеюсь, работа над ее новым морозпокожным романом продвигается успешно, избавил ее от моего присутствия. Дойдя до двери, я оглянулся и, поймав ее взгляд, понял, что состояние «немого оцепенения», пожалуй, еще больше усугубилось. Ясно было, что мое поведение кажется ей странным, и не могу не признать, что таковым оно и было на самом деле. Всякий, кто свяжется с Робертой Уикем, неизбежно начинает

совершать странные поступки.

В данный момент мне больше всего хотелось поговорить по душам с этой famme fatale,[70] и после непродолжительных поисков я обнаружил ее на лужайке в моем шезлонге с книжкой мамаши Артроуз в руках — с той самой, которую я читал, когда она заварила всю эту кашу. Бобби встретила меня лучезарной улыбкой.

— Что, уже? — сказала она. — Нашел?

Страшным усилием воли я обуздал эмоции и заставил себя отвечать сурово, но в рамках приличий.

— Нет, — сказал я. — Не нашел.

— Видно, плохо искал.

И снова я вынужден был сделать паузу и напомнить себе, что английский джентльмен не может треснуть по шее сидящую рыжеволосую фурию, как бы сильно она на это ни напрашивалась.

— Я просто не успел. Помешала одна полоумная, она подкралась сзади и спросила, как дела.

— Я просто поинтересовалась. — Она хихикнула. — Ну и загремел же ты! «Как упал ты с неба, денница, сын зари[71]», сказала я себе. Какой ты нервный, Берти. Пора научиться владеть собой. Попробуй попринимать какое-нибудь успокоительное. Я уверена, сэр Родерик может тебе прописать, если ты к нему обратишься. Ну, что теперь?

— Что значит «что теперь»?

— Что ты собираешься предпринять?

— Вытряхну тебя из шезлонга, сяду в него сам, возьму книгу, первые главы которой показались мне увлекательными, продолжу чтение и постараюсь забыть весь этот бред.

— Ты хочешь сказать, что не собираешься сделать еще один заход?

— Нет. Бертрам выбывает из игры. Можешь считать это моим официальным заявлением для прессы.

— А как же коровий сливочник? Представь себе печаль и муки дяди Тома, когда он узнает о постигшей его утрате.

— Чихать я хотел на дядю Тома.

— Берти! Я тебя не узнаю!

— Ты бы и маму родную не узнала, если бы тебе пришлось, как мне, стоять на карачках в спальне Уилберта, с креслом, обмотанным вокруг шеи, а туда вошла мамаша Артроуз.

— Да что ты!

— Собственной персоной.

— И что ты ей сказал?

— Сказал, что ищу мышь.

— Неужели не мог придумать что-нибудь получше?

— Нет.

— Ну и чем все кончилось?

— Я слинял, а она осталась в полной уверенности, что у меня не все дома. Вот почему, Бобби, когда ты заводишь речь о том, чтобы сделать еще один заход, я могу лишь горько рассмеяться в ответ, — сказал я и горько рассмеялся. — Ни за что не пойду больше в эту чертову комнату! Даже за миллион фунтов стерлингов наличными в мелких купюрах.

На лице у нее появилась презрительная гримаса. Ну, вы знаете, как дамочки поджимают и одновременно вытягивают губы. Все это должно было означать, что она разочаровалась в Бертраме, хотя прежде ожидала от него гораздо большего. Потом она выразила это словами:

— И это говорит бесстрашный Вустер?

— Он самый.

— Слушай, ты человек или мышь?

— Умоляю, не произноси при мне слово «мышь».

— Но я уверена, что стоит попробовать еще раз. За битого двух небитых дают. И я тебе помогу.

— Ха!

— По-моему, я это уже где-то слышала.

— И еще не раз услышишь — не сомневайся.

— Ну, будь умником, Берти. Если мы будем действовать сообща, все пройдет, как надо. Вряд ли мамаша Артроуз снова нагрянет в комнату. Молния не ударяет в одно дерево дважды.

— Кто это тебе сказал?

— А если она все-таки придет… Знаешь, как мы поступим? Ты войдешь в комнату и начнешь искать, а я буду стоять за дверью.

— Велика помощь, нечего сказать!

— Ты меня не понял: если она снова появится, я начну петь.

— Всегда рад послушать, как ты поешь, но какой от этого прок?

— Ох, Берти, ты и вправду непроходимый болван! Неужели до тебя не доходит? Когда ты услышишь, что я запела, ты будешь знать, что надвигается опасность, и у тебя будет куча времени смыться через окно.

— Ага, и сломать себе шею.

— С чего ты взял? Там же балкон. Я видела, как Уилберт Артроуз делал на балконе утреннюю зарядку. Он страшно сопел, принимал невообразимые позы и…

— К черту Уилберта вместе с его позами.

— Я просто хотела сделать мой рассказ более увлекательным. Суть в том, что в комнате есть балкон, ты выскочишь на балкон, и был таков. Рядом с балконом водосточная труба. Ты соскальзываешь вниз по трубе и идешь своей дорогой, напевая «Очи черные». Не станешь же ты утверждать, что не в состоянии слезть с балкона по водосточной трубе. Дживс рассказывал, что для тебя это плевое дело.

Я задумался. Должен признаться, что действительно в свое время немало полазил по водосточным трубам. Нередко обстоятельства складывались таким образом, что ничего другого просто не оставалось. Именно таким путем я покинул Скелдингс-Холл в три часа утра после пресловутой истории с грелкой. Так что перспектива спуска с балкона по трубе меня не пугала, хотя было бы преувеличением сказать, что лазанье по водосточным трубам является моим любимым времяпрепровождением. Я понял, что, может быть, и вправду несколько муссирую — если только это называется муссировать — предстоящую опасность.

И главное, что склонило чашу весов в пользу ее плана и заставило меня согласиться, была мысль о дяде Томе. Как ни нелепо выглядит со стороны его пристрастие к коровьему сливочнику, он ведь в самом деле всей душой привязан к этому уродцу, и мне было тяжело думать, что вот он вернется из Харрогита, скажет себе: «Пойду-ка взгляну на мой любимый сливочник», и обнаружит, что коровы-то и нет. Летний день для него сразу же померкнет, а любящие племянники не могут допустить, чтобы летние дни меркли для их любимых дядюшек. Да, я сказал: «Чихать я хотел на дядю Тома», но на самом деле я врал. Никогда не забуду, что, когда я жил в Малверн-Хаусе, Брамли-он-Си, он, всего лишь муж моей тети, посылал мне по почте деньги, иногда по целых десять шиллингов. Короче говоря, я всегда видел от него только добро, и теперь пришел мой черед отплатить ему тем же.

Вот почему уже пять минут спустя я снова оказался перед дверью голубой комнаты, на этот раз вместе с Бобби, пока еще не вопиющей в пустыне, но готовой завопить, как только мамаша Артроуз, следуя излюбленной тактике ассирийцев, внезапно нагрянет в комнату точно волк в овчарню.[72] Нервы у меня были, конечно, на взводе, но не слишком. Теперь Бобби стояла на часах в коридоре и было уже не так страшно. Любой гангстер вам скажет: когда берешь сейф, главное — это знать, что кто-то стоит на стреме и вовремя крикнет: «Шухер, лягавые!»

Я постучал в дверь — на всякий случай, надо ведь убедиться, что Уилберт не вернулся с прогулки. Ни звука. Кажется, путь свободен. Я

сказал об этом Бобби, и она подтвердила: да уж, свободнее и быть не может.

— Теперь давай быстренько повторим еще раз, я хочу быть уверена, что ты все понял. Если я запою, что ты делаешь?

— Сразу же на балкон.

— И?..

— Спускаюсь по водосточной трубе.

— И?..

— Скрываюсь за горизонтом.

— Правильно. Тогда смело вперед! — сказала она, и я повернул ручку двери.

В комнате — уже до боли знакомой — за время моего отсутствия ничего не изменилось, и первое, что я сделал, это взобрался на другое кресло и посмотрел, не лежит ли сливочник на шкафу. К моему глубокому разочарованию, его там не оказалось. Видимо, эти клептоманы не так наивны, чтобы хранить добычу в таких общеизвестных местах. Мне ничего не оставалось, как начать утомительные планомерные поиски, и я принялся за работу, держа при этом ухо востро на случай пения в коридоре. Поскольку все было тихо, я, со свойственным всем Вустерам хладнокровием, продолжал искать там и сям, и в ходе моих изысканий забрался на четвереньках под туалетный столик, когда над моей головой вдруг прозвучал очередной голос из ниоткуда, которые столь часто раздаются в голубой комнате, и, дернувшись от неожиданности, я набил себе на голове весьма болезненную шишку.

— Боже милостивый! — произнес голос, и, выплыв на свет из-под столика, словно соленый огурец на кончике вилки, я получил удовольствие убедиться, что мамаша Артроуз опять нанесла мне визит. Она смотрела на меня сверху вниз, и на ее энергичном лице можно было без труда прочесть: «Какого черта все это значит?» И ее можно понять: приходишь в спальню сына и вдруг видишь, что из-под туалетного столика торчит обтянутый незнакомыми брюками зад.

Дальше мы в хорошем темпе разыграли уже привычный дебют.

— Мистер Вустер!

— Здравствуйте.

— Это опять вы?

— А? Да, — ответил я, потому что, разумеется, это был именно я. Она издала какой-то странный звук, не то чтобы икнула, но что-то вроде этого.

— Вы снова ищете мышь?

— Совершенно верно. Мне показалось, она шмыгнула под столик, и я

решил разобраться с ней, невзирая на пол, возраст и общественное положение.

— Но с чего вы взяли, будто в комнате мышь?

— Так, знаете, вдруг пришло в голову.

— И часто вы охотитесь на мышей?

— Да, частенько.

Тут ее, видимо, озарило.

— Может быть, вы думаете, что вы — кот?

— Нет, я так не думаю. Тут у меня нет ни малейших сомнений.

— Но вы любите ловить мышей?

— Да.

— Что ж, все это очень любопытно. Надо будет поговорить с моим психоаналитиком, когда вернусь в Нью-Йорк. Уверена, что этому мышеловному комплексу соответствует какой-то символ в подсознании. А вы не чувствуете необычного ощущения в голове?

— Еще как чувствую, — сказал я, потому что башкой я приложился очень даже крепко, до сих пор в висках стучало.

— Так я и думала. Наверное, что-то вроде жжения. А теперь сделайте, как я скажу. Ступайте в свою комнату и прилягте. Расслабьтесь. Постарайтесь заснуть. Может быть, стоит выпить чашку крепкого чая. Потом… Господи, никак не вспомню фамилию этого знаменитого психиатра, его тут все еще нахваливали. Мисс Уикем про него вчера вспоминала. Боссом? Блоссом? Глоссоп! Да-да, сэр Родерик Глоссоп. Я думаю, вам нужно ему показаться. У него в клинике лежит моя приятельница, и она говорит, что он буквально творит чудеса. Вылечивает самые запущенные случаи. Сейчас главное для вас — покой. Идите и хорошенько отдохните.

Еще в самом начале нашего разговора я стал незаметно продвигаться к выходу и теперь бочком протискивался в дверь, точно перепуганный краб на песчаном пляже, который старается не привлекать к себе внимание ребенка с лопаткой. Но я не пошел отдыхать в свою комнату, весь кипя от ярости, я отправился на поиски Бобби. Мне не терпелось поднять вопрос об отсутствии наличия пения в коридоре. Поскольку даже двух тактов из любого шлягера было бы достаточно, чтобы уберечь меня от встречи, способной привести к преждевременной седине и разжижению костного мозга, я чувствовал себя вправе требовать объяснений, почему эти такты не прозвучали.

Я обнаружил ее у парадного входа за рулем своего автомобиля.

— А, привет Берти, — с хладнокровием мороженой трески сказала

она. — Нашел?

Я скрипнул зубами от ярости и негодующе всплеснул руками.

— Нет, — сказал я, оставив без ответа ее вопрос, почему я вдруг решил делать шведскую гимнастику в это время суток. — Нет, я ничего не нашел. Но вот мамаша Артроуз меня застукала.

Она широко раскрыла глаза и негромко охнула.

— Только не говори мне, что ты снова стоял на четвереньках!

— Именно так оно и было. Я выползал из-под туалетного столика. Вот она — твоя помощь. И твое пение! — сказал я и, кажется, добавил: «Черт бы тебя побрал!»

— Ах, Берти, какая досада.

— Да уж.

— Понимаешь, меня неожиданно позвали к телефону. Мама звонила. Хотела сказать мне, что ты олигофрен.

— Господи, где она только откапывает такие словечки.

— Думаю, черпает от своих друзей-литераторов. У нее масса знакомых в мире литературы.

— Теперь понятно, откуда у нее такой богатый словарный запас.

— Она очень обрадовалась, что я еду домой. Хочет со мной серьезно поговорить.

— Насчет меня, разумеется.

.— Думаю, твое имя неминуемо всплывет в разговоре. Но мне некогда с тобой здесь болтать, Берти. Если я сию минуту не уеду, я и к завтрашнему утру не доберусь до родного гнезда. Жаль, что ты все испортил. Бедный мистер Траверс, представляю себе его горе. Впрочем, «в любую жизнь приходят дни ненастья[73]», — сказала она и укатила прочь, разбрызгивая во все стороны гравий.

Был бы здесь Дживс, я бы пошел к нему и сказал: «Вот они, женщины, Дживс», и он ответил бы: «Да, сэр», или, может быть, «Уж это точно, сэр», и это немного уврачевало бы мою израненную душу, но его здесь не было, поэтому я лишь горько рассмеялся и пошел на лужайку. Я подумал, что глава-другая из волосодыбного романа мамаши Артроуз помогут успокоить мои расшатанные нервы.

Так и оказалось. Не успел я прочесть и двух страниц, как меня одолела дремота, усталые веки сомкнулись, и я начал погружаться в мир грез и заснул не менее крепко, чем кот Огастус. Когда я проснулся, оказалось, что я проспал около двух часов, и, разминая затекшие конечности, я вдруг вспомнил, что забыл послать телеграмму Селедке. Я пошел в спальню тетушки Далии и исправил эту оплошность, продиктовав текст телеграммы

почтовому служащему, которому явно не мешало бы обратиться к специалисту по проблемам слуха. После этого я снова вышел на воздух, собираясь вернуться на лужайку и продолжить чтение, но тут услышал звук мотора и к моему огромному удивлению увидел у парадной двери выходящего из автомобиля Селедку.

Глава IX

От Лондона до «Бринкли-Корта» около ста миль, а телеграмму я послал всего две минуты назад, поэтому, увидев Селедку у дверей дома, я не мог не подумать про себя: «Быстрая доставка, ничего не скажешь!» Он побил рекорд того парня из шуточной сценки, которую любит исполнять Китекэт Поттер-Перебрайт на концертах для курящих в клубе «Трутни», где один говорит, что собирается поехать на машине в Глазго, а другой спрашивает: «А далеко это?», и тот ему отвечает: «Триста миль», а второй спрашивает: «И сколько же ты туда будешь ехать?», на что первый отвечает: «Полчаса, приятель, примерно полчаса». Вот почему, когда я окликнул Селедку, в моем голосе прозвучало неподдельное изумление.

Услышав голос старого друга, он повернулся ко мне с резвостью кота, которого бросили на раскаленную печку, и я увидел, что его физиономия, обычно сияющая радостью бытия, на этот раз искажена душевной мукой, словно он только что проглотил несвежую устрицу. Я сразу же догадался, в чем дело, и едва заметная улыбка заиграла на моем лице. Очень скоро, сказал я себе, я верну на его щеки румянец счастья.

Он сделал судорожное глотательное движение и произнес замогильным голосом, каким говорят духи во время спиритических сеансов.

— Привет, Берти.

— Привет.

— Стало быть, это ты.

— Стало быть, я.

— Я так и рассчитывал тебя здесь встретить.

— Твоя мечта сбылась.

— Ты сам мне сказал, что едешь сюда.

— Сам.

— Как жизнь?

— Грех жаловаться.

— Тетушка здорова?

— Вполне.

— А ты?

— Более или менее.

— Замечательно. Давненько я не был в «Бринкли».

— Давненько.

— Здесь мало что изменилось.

— Да, немного.

— Вот, стало быть, такие дела…

Он опять судорожно сглотнул, и я понял, что мы приступаем к разговору по существу, а все, что было до этого, — лишь неофициальный предварительный обмен репликами. Я имею в виду ту чепуху, которой потчуют друг дружку политические деятели на встречах, проходящих в атмосфере дружбы и добросердечности, перед тем, как вцепиться друг другу в волосы и перейти к делу.

Я оказался прав. Он скорчил такую гримасу, словно за первой несвежей устрицей последовала вторая, уже и вовсе тухлая.

— Я прочел объявление в «Тайме», — сказал он.

Я продолжал играть свою роль. Гуманнее было бы тотчас вернуть на его лицо румянец счастья, но мне захотелось еще немного помурыжить дуралея, и потому я не спешил снять маску.

— А, ну да. В «Тайме». Объявление. Понятно. Так ты его прочел?

— В клубе. После обеда. Я глазам своим не поверил. Что ж, и я поначалу не поверил своим глазам, но не стал ему об этом рассказывать. До чего же это похоже на Бобби — придумать хитроумный план и не известить в первую очередь его. Наверное, у нее просто выскочило из головы, а может быть, она нарочно от него скрыла, по каким-то ей одной понятным соображениям. Никогда не знаешь, что от нее ждать.

— И я скажу тебе, почему я не мог в это поверить. Как ни дико это звучит, но еще два дня назад она была помолвлена со мной.

— Да что ты говоришь?

— Можешь мне поверить.

— Помолвлена с тобой, говоришь?

— Помолвленнее не бывает. И все это время она замышляла гнусное предательство.

— Да уж, признаюсь…

— Если ты когда-то слышал о предательстве более гнусном, поделись, буду рад. Вот что такое женщины. Это ужасные создания, Берти. Нужно издать закон. Надеюсь дожить до того дня, когда женщин запретят законом.

— А как же с продолжением рода человеческого?

— А зачем ему продолжаться?

— Что ж, понимаю. В чем-то ты прав.

Он в сердцах отбросил носком ботинка проползавшего мимо жука и задумчиво нахмурился.

— Больше всего меня поразила ее холодная, бесчувственная жестокость, — продолжал он. — Ни единого намека на то, что она собирается дать мне отставку. Не далее как на прошлой неделе, за обедом, она с величайшим увлечением обсуждала, где нам лучше провести медовый месяц. И вот, пожалуйста. Хоть бы предупредила! Естественно ожидать, что девушка, решившая растоптать твою жизнь с безжалостностью парового катка, черкнет на прощание пару строк, хотя бы на почтовой открытке. Видимо, ей такое и в голову не пришло. Предпочла, чтобы я узнал об этом из утренней газеты. Прямо как обухом по голове.

— Еще бы! Наверное, в глазах потемнело.

— Весь мир померк. До конца дня я обдумывал случившееся, а утром отпросился на работе, сел в машину и приехал, чтобы сказать тебе…

Он замолчал, не в силах побороть охватившие его чувства.

— Сказать мне — что?

— Сказать: что бы ни случилось, это не должно отразиться на нашей дружбе.

— Разумеется, нет. Как тебе такое могло прийти в голову!

— Такие старые друзья.

— Старее не бывает.

— Мы подружились еще мальчишками.

— В итонской форме и с прыщами на физиономиях.

— Точно. Мы были как братья. Я, бывало, отдавал тебе последнюю ириску, а ты по-братски делил со мной заветный пакетик леденцов. Когда ты болел свинкой, я подцеплял ее от тебя, а когда у меня была корь, ты заражался от меня корью. Каждый помогал другому, чем мог. Так что мы должны и дальше дружить, будто ничего не случилось.

— Именно.

— Иногда обедать вместе, как прежде.

— Ну, разумеется.

— Играть в гольф по субботам, а иногда в сквош. А когда ты женишься и обзаведешься собственным домом, я стану время от времени заходить к вам выпить пару коктейлей.

— Да, пожалуйста.

— Непременно. Хотя мне потребуется нечеловеческое самообладание, чтобы сдержаться и не треснуть шейкером по башке эту тупорылую притворщицу миссис Бертрам Вустер, урожденную Уикем.

— Неужели обязательно называть ее тупорылой притворщицей?

— А ты что, можешь придумать что-нибудь позабористее? — спросил он с видом человека, готового обсудить любые разумные предложения. —

Слышал когда-нибудь про Томаса Оттуэя?[74]

— Не припоминаю. Это твой приятель?

— Драматург семнадцатого века. Он написал «Сироту». Так вот, в этой пьесе есть такие строки: «Какое зло на свете не совершалось женщиной? Кто предал Капитолий? Женщина. Кто погубил Марка Антония? Женщина. Кто стал причиной бесконечных войн, повергших в прах славную Трою? Женщина. Вероломная, коварная, все разрушающая женщина». Оттуэй знал, что говорил. Он взглянул на женщин под верным углом. Можно подумать, что он лично был знаком с Робертой Уикем.

На моем лице снова заиграла едва заметная улыбка. Все это меня ужасно забавляло,

— Знаешь, Селедка, может быть, я заблуждаюсь, но мне что-то подсказывает, что на данный момент ты не слишком высокого мнения о Бобби.

Он пожал плечами.

— Нет, отчего же. Не считая того, что мне хочется задушить ее собственными руками, а потом поплясать на останках в подбитых гвоздями сапогах, я к ней вполне равнодушен. Она предпочла тебя мне, и больше здесь разговаривать не о чем. Самое главное, чтобы наша с тобой дружба не пострадала.

— И ты проделал столь длинный путь лишь для того, чтобы в этом убедиться? — растроганно спросил я.

— Честно говоря, я надеялся, что мне удастся получить приглашение на ужин и отведать кулинарных изысков Анатоля прежде, чем я сниму комнату в «Безрогом быке» в Маркет-Снодсбери. Анатоль готовит все так же восхитительно?

— Лучше прежнего.

— Могу себе представить — все, наверное, так и тает во рту. Прошло два года с тех пор, как я имел счастье приобщиться к его шедеврам, а я до сих пор не могу забыть их вкус. Великий артист!

— Что и говорить! — воскликнул я и с удовольствием обнажил бы в знак уважения голову, не окажись я без шляпы.

— Как ты считаешь, есть у меня шанс напроситься на ужин?

— Разумеется, мой дорогой друг. В этом доме никогда не откажут нищему и убогому.

— Вот и чудесно. А после ужина я сделаю предложение Филлис Миллс.

— Что?

— Я знаю, что тебя смутило. Она родственница Обри Апджона,

подумал ты про себя. Но, с другой стороны, Берти, разве это ее вина?

— Пожалеть, а не осуждать?

— Именно. Нужно шире смотреть на вещи. Она милая, славная девушка, не то, что некоторые медноволосые Далилы, не буду уточнять, кого я имею в виду. Мне она очень нравится.

— Мне казалось, вы едва знакомы.

— Вовсе нет, в Швейцарии мы много времени проводили вместе. Мы с ней большие друзья.

Тут я понял, что пора, наконец, открыть миру благую весть.

— На твоем месте, Селедка, я не стал бы делать предложение Филлис Миллс. Бобби это может не понравиться.

— Но в этом-то весь смысл — показать этой змее, что на ней свет клином не сошелся, и, если ей я не нужен, кое-кто думает иначе. Чего это ты ухмыляешься во весь рот?

На самом деле на моем лице играла едва заметная улыбка, но я решил не цепляться к мелочам.

— Слушай, Селедка, — сказал я. — Я расскажу тебе одну занимательную историю.

Не знаю, доводилось ли вам когда-либо принимать «Желчегонную микстуру доктора Гордона» — «дает мгновенное облегчение при расстройствах печени, обладает чудодейственным лечебным эффектом и вызывает приятное ощущение теплоты внутри». Самому мне не доводилось, потому что состояние моей печени всегда держится на одном и том же, пусть и не лучшем, уровне, но я видел рекламный плакат. На нем изображен печеночный страдалец до и после приема микстуры, сначала с перекошенным лицом и ввалившимися глазами, кажется, он вот-вот прилюдно продемонстрирует все, что съел за обедом, потом — весь излучающий энергию, довольство и то, что французы называют bien etre.[75] Я это все к тому, что занимательная история, которую я рассказал Селедке, произвела на него такое же действие, как суточная доза для взрослых. Он тотчас воспрянул духом, он весь пришел в движение, он снова ощущал струение жизни под килем и, хотя вряд ли прибавил несколько фунтов, как было обещано в рекламе, но мне показалось, что он на глазах расправляется, точно резиновый утенок, которого надувают, прежде чем пустить в ванну.

— Что б мне сдохнуть! — воскликнул он, когда я выложил карты на стол. — Да я теперь… я просто не знаю, что готов сделать!

— Не сомневаюсь.

— Господи, ну что за умница! Много ли найдется девушек, у которых

так варит серое мозговое?

— Считанные экземпляры.

— Да, это то, что я называю спутница жизни! В смысле служения друг другу и сотрудничества. Ну и как, по-твоему, план уже действует?

— По-моему, пока все идет как по-писанному. Прочитав объявление в «Тайме», Уикем-старшая забилась в истерике, а потом грохнулась в обморок.

— Ты ей не нравишься?

— Такое у меня сложилось впечатление. Впоследствии оно было подкреплено адресованными Бобби телеграммами, где она называет меня дебилом и имбецилом. Кроме того, она считает, что я олигофрен.

— Но ведь это же прекрасно! Похоже, после тебя она примет меня, как… Господи, прямо вертится на языке…

— Как освежающий фруктовый десерт?

— Именно. Ставлю десять фунтов против пяти, что в финальных кадрах фильма мы увидим, как леди Уикем заключает меня в объятия, целует в лоб и выражает уверенность в том, что я сделаю ее девочку счастливой. Берти, Берти, как представлю себе, что она скоро станет моей — я имею в виду, конечно, Бобби, а не леди Уикем — и что сегодня после захода солнца я буду наворачивать за обе щеки яства Анатоля, мне хочется станцевать сарабанду. Кстати, как ты думаешь, у меня есть шанс получить здесь не только стол, но и кров? В «Путеводителе для автомобилистов» неплохо отзываются о «Безрогом быке», но я не очень доверяю этим деревенским трактирам. Я предпочел бы остаться в «Бринкли-Корте», с которым у меня связано столько счастливых воспоминаний. Не мог бы ты замолвить за меня словечко перед тетушкой?

— Ее сейчас нет. Уехала ухаживать за Бонзо, он в школе заболел корью. Но она сегодня звонила и велела послать тебе телеграмму с просьбой приехать в «Бринкли».

— Шутишь!

— Считай это официальным приглашением.

— Но с чего она вдруг обо мне вспомнила?

— Хочет тебя кое о чем попросить.

— Она получит все, о чем просит, — хоть полцарства. А что, собственно… — Он умолк, и по его лицу пробежала тревожная тень. — Только не говори, что она просит меня вручать призы в местной школе, как некогда Гасси.

Он имел в виду нашего общего друга, Гасси Финк-Ноттла, на которого престарелая родственница возложила прошлым летом эту почетную

миссию, а он назюзюкался в хлам и выставил себя во всей красе, подняв планку ораторского искусства на высоту, недостижимую для завистливых потомков.

— Нет, ничего похожего. Призы в этом году будет вручать Обри Апджон.

— Слава Богу, прямо гора с плеч. Кстати, как он? Ты с ним уже виделся?

— Да, мы встречались. Я облил его чаем.

— И правильно сделал.

— Он отрастил усы.

— Это утешает. По крайней мере не придется смотреть на отвратительное голое пространство над его верхней губой. Помнишь, как мы все умирали со страху, когда он начинал подергивать верхней губой? Интересно, что он запоет, когда ему придется иметь дело не с одним бывшим учеником, а сразу с двумя, причем именно с теми, кто являлся ему в ночных кошмарах на протяжении последних пятнадцати лет. Я готов в бой хоть сейчас, скажи только слово.

— Его сейчас здесь нет.

— Ты же сказал, он в «Бринкли».

— Правильно, он был здесь и снова будет, но сейчас он уехал в Лондон.

— Но кто-то же здесь остался?

— Конечно. Филлис Миллс…

— Милая барышня.

— …и миссис Хомер Артроуз из Нью-Йорка, штат Нью-Йорк, с сыном Уилбертом. И в этой связи я хочу рассказать, о чем тебя просит тетя Далия.

Я просветил его насчет проблемы Уилберт — Филлис и той роли, которую ему предстоит сыграть, и с облегчением отметил, что он, кажется, не собирается воспользоваться правом. Он внимательно выслушал мой рассказ и сказал, что будет рад сделать все, что в его силах. Совсем незначительная услуга для человека, столь глубоко уважающего тетю Далию; с тех самых пор, как она с таким гостеприимством принимала его в своем доме два года назад, он только и думал, чем бы ей отплатить.

— Можешь рассчитывать на меня, Берти, — сказал он. — Мы не допустим, чтобы Филлис связала свою судьбу с человеком, который на поверку может оказаться законченным шизиком. Я буду находиться рядом с Артроузом денно и нощно, буду следить за каждым его шагом. Всякий раз, когда он заманит несчастную девушку на Тенистую поляну, я уже буду

там, притаюсь за лютиком или ромашкой, неожиданно выскочу из засады и прерву матч, как только увижу, что он готов перейти к телячьим нежностям. А теперь покажи мне, пожалуйста, мою комнату, чтобы я успел принять ванну, переодеться и предстать бодрым и свежим на сегодняшнем ужине. Скажи, Анатоль по-прежнему готовит биточки из телятины с рисом в кляре по-тулузски?

— И сильфиды с раками под взбитыми сливками.

— Никто не может с ним сравниться, — сказал Селедка, облизнувшись, как волк, заметивший на опушке леса русского мужика. — Нет ему равных…

Глава X

Поскольку я понятия не имел, какие комнаты в доме свободны и где можно разместить Селедку, пришлось вызвать папашу Глоссопа. Я нажал кнопку звонка, он тотчас же явился и, едва войдя в комнату, бросил на меня заговорщический взгляд — так секретарь тайного общества глядит на приятеля, фамилию которого недавно обнаружил в членских списках.

— Это мистер Сельдинг, Макпалтус, — сказал я, в свою очередь бросая на него заговорщический взгляд, потому что привык отвечать любезностью на любезность. — Приехал посетить наши Палестины.

Он поклонился в пояс, хотя определить, где именно у него пояс не так-то просто.

— Добрый вечер, сэр.

— Он у нас погостит. Где мы его пристроим?

— Позволю себе предложить красную комнату, сэр.

— Решено, Селедка, ты будешь жить в красной комнате.

— Прекрасно.

— Я жил в этой комнате в прошлом году. «Колодцы глубже и церковные двери шире, но довольно и этой[76]», — вспомнил я присказку Дживса. — Макпалтус, вы не проводите мистера Сельдинга?

— Хорошо, сэр.

— И не могли бы мы после этого переговорить с вами в буфетной? — сказал я и бросил на него заговорщический взгляд.

— Разумеется, сэр, — сказал он и послал мне еще более заговорщический взгляд в ответ. Это было похоже на конкурс заговорщических взглядов.

Мне не пришлось долго ждать, и как только он появился в буфетной, я выразил свое восхищение тем, как прекрасно он играет свою роль. Я был покорен всеми этими его «хорошо, сэр», «разумеется, сэр» и поклонами в пояс. Я сказал, что даже Дживс не прочел бы текст с большей убедительностью, и он просиял от удовольствия и со скромным видом ответил, что перенял эти профессиональные ухватки от собственного дворецкого.

— Кстати, — спросил я, — где вы откопали эту фамилию — Макпалтус?

Он снисходительно усмехнулся.

— Это была идея мисс Уикем.

— Так я и думал.

— Она призналась мне, что всегда мечтала иметь дворецкого, которого зовут Макпалтус. Очаровательная юная леди. Такая веселая.

— Ей-то, может, и весело, — сказал я с горькой усмешкой. — А как насчет несчастных исполнителей ее гениальных планов, которым по ее воле выпадает судьба лягушки, раздавленной бороной?[77] Позвольте мне рассказать вам, что произошло после того, как мы с вами расстались.

— Сгораю от нетерпения услышать.

— Тогда повесьте уши на ветви внимания и слушайте. Могу вас заверить, что я мастерски описал все перипетии моих приключений, не упустил даже самых незначительных подробностей. Он сопровождал мой рассказ многочисленными «О, Боже мой!», и, когда я закончил, долго прицокивал языком и сказал, что для меня все это должно быть весьма неприятно, на что я ответил, что слово «неприятно» как нельзя более точно передает впечатление, оставшееся у меня после описанных мною событий.

— Но, на вашем месте, я постарался бы придумать более убедительное объяснение вашего присутствия в комнате, нежели поиски мыши.

— Например?

— Ну, так с ходу трудно сказать.

— Но мне-то нужно было сказать как раз с ходу, — не без горячности возразил я. — Тут уж не до шлифовки диалогов и состыковки сюжетных линий, когда дама с лицом Шерлока Холмса застукала вас в спальне своего сына в позе, вызывающей в памяти последние минуты гибели «Титаника» — задранная кверху корма торчит из-под туалетного столика.

— Совершенно с вами согласен. Вот только…

— Что?

— Мне бы не хотелось задеть ваши чувства…

— Выкладывайте. Мои чувства уже столько раз задевали, что если заденут еще раз, это уже ничего не изменит.

— Вы позволите мне быть с вами откровенным?

— Да, пожалуйста.

— Видите ли, я спрашиваю себя, разумно ли было доверять эту деликатную миссию столь молодому человеку, как вы. Я мысленно возвращаюсь к тому аргументу, который вы привели, когда мы обсуждали наш план с мисс Уикем. Вы сказали, что для этого предприятия требуется человек зрелый и опытный, а не молодой и неоперившийся, который к тому же в детстве никогда не блистал в игре «найди туфлю». Вряд ли вы станете оспаривать тот факт, что я человек зрелый, и к тому же в юные годы я отличался особенным искусством именно в этой игре. Помню, в

одном из домов, куда я в детстве ходил во время рождественских праздников, хозяйка сравнила меня со щенком добермана-пинчера. Своеобразный комплимент, конечно, но именно так она выразилась.

Я взглянул на него «в немом оцепенении». Его слова можно было истолковать только одним единственным образом.

— Вы что же, решили сами обыскать его комнату?

— Именно это я и собираюсь сделать, мистер Вустер.

— Вот так компот!

— Никогда не слышал этого выражения прежде, но, если я его правильно понял, вы считаете мое поведение эксцентрическим.

— Нет, я бы так не сказал, но… вы отдаете себе отчет, какой опасности себя подвергаете? Вряд ли встреча с мамашей Артроуз доставит вам удовольствие. У нее взгляд, как у… как они называются, эти — со смертоносными взглядами? Василиски — вот как. У нее взгляд василиска. А вдруг она снова нагрянет в комнату и испепелит вас взглядом?

— Да, я учел такую возможность. Но, мистер Вустер, опасность как раз и придает моей миссии особую привлекательность. Кровь быстрее бежит в жилах.

— У меня так наоборот — стынет.

— Возможно, вы не поверите, но я думаю о предстоящем приключении с удовольствием.

— С удовольствием?!

— Да. Как ни странно это звучит, оно дает возможность вновь ощутить себя молодым. Как в те дни, когда я учился в приготовительной школе и частенько ночью тайком проникал в кабинет директора, чтобы полакомиться его печеньем.

Я вздрогнул и взглянул на него со жгучим интересом. Его слова вызвали глубокий отклик в моей душе, на сердце у меня потеплело.

— Печеньем?

— Он хранил его в жестянке на письменном столе.

— Вы в самом деле таскали печенье, когда учились в приготовительной школе?

— Это было много лет назад.

— Я делал то же самое, — сказал я и с трудом удержался, чтобы не воскликнуть «Брат мой!»

Он поднял кустистую бровь, и было видно, что на сердце у него тоже потеплело.

— Нет, правда? Подумать только! Я полагал, что это моя оригинальная идея, но, вне всякого сомнения, сегодня по всей Англии

поколение, идущее нам на смену, занимается тем же самым. Значит, и вам довелось жить в счастливой Аркадии? А какое там было печенье? Мне обычно попадалось «Ассорти».

— Присыпанное розовым и белым сахаром?

— Совершенно верно, хотя иногда бывало и простое.

— А мне обычно доставался «Имбирный орех».

— Тоже очень вкусное, но я все-таки больше люблю «Ассорти».

— Я тоже. Но тогда приходилось брать то, что есть. И вас ни разу не застукали?

— С гордостью могу сказать, что нет.

— А я один раз попался. До сих пор ноет перед ненастьем.

— Да, не повезло. Бывает. Кстати, возвращаясь к задуманному мной предприятию: меня поддерживает мысль, что если случится худшее и меня обнаружат, мне, во всяком случае, не грозит полдюжины горячих по казенному месту, как это у нас тогда называлось. Так что можете смело доверить мне решение этой проблемы, мистер Вустер.

— Зовите меня просто Берти.

— С удовольствием, Берти.

— А можно, я буду звать вас Родериком?

— Был бы счастлив.

— Или Родди? А то Родерик натощак не выговоришь.

— Как вам больше нравится.

— И вы в самом деле пойдете искать туфлю?

. — Непременно. Я глубоко уважаю и люблю вашего дядю и прекрасно сознаю, какое горе он испытает, узнав, что бесценный экспонат навсегда исчез из его коллекции. Никогда не прощу себе, если, принимая меры для возвращения принадлежащих ему ценностей, я не сделаю…

— … все от вас зависящее?

— Я собирался сказать «все, что в моих силах». Я напрягу все свои…

— … умственные способности?

— По-моему, «душевные силы» будет точнее.

— Да, вы правы. Вам надо улучить момент…

— Несомненно.

— Дождаться удобного случая…

— Именно.

— И тут уж не зевать!

— Я так и понял.

— Один совет, если позволите: не ищите на шкафу, там этой штуки нет.

— Спасибо, это полезно знать.

— Разве что он положил ее туда уже после моего ухода. Что ж, Родди, ни пуха ни пера.

— Спасибо, Берти.

Какое тепло разлилось у меня внутри, когда я возвращался на лужайку за книжкой мамаши Артроуз, чтобы поставить ее на полку в спальне тетушки Далии, словно я принял двойную дозу желчегонной микстуры доктора Гордона. Я был до глубины души восхищен мужеством Родди. Он ведь уже в годах, ему никак не меньше пятидесяти, а сколько жизненной энергии, оказывается, еще бурлит в этом старикане, просто удивительно. Это свидетельствует о том, что… ну, не знаю о чем, но о чем-то свидетельствует. Я стал размышлять о старине Глоссопе, пытался представить, каким он был во времена ночных вылазок за печеньем. Но ничего вообразить не смог, вот разве что в ту пору он еще не был лыс, как репка. Так часто бывает, когда речь идет о людях намного тебя старше. Помню, я был потрясен, когда узнал, что дядя Перси, этот старый пень, в котором невозможно заподозрить ни малейшей искры человеческих чувств, был рекордсменом Лондона по числу скандалов и его регулярно выставляли из зала во время балов в «Ковент-Гардене».

Придя с книгой в берлогу тетушки Далии, я обнаружил, что у меня есть еще целых двадцать минут, прежде чем надо будет переодеваться к ужину, поэтому я уселся в кресло и продолжил чтение. Мне пришлось прерваться на той странице, где мамаша Артроуз, поплевав на ладони, уже готовилась повергнуть читателей в трепет ужаса. Не успел я дойти до первых улик и пятен запекшейся крови, как дверь распахнулась и предо мной предстал Селедка. И едва я на него взглянул, как действительно почувствовал трепет ужаса — лицо его пылало, как багряный закат перед ветреной погодой, и весь вид выражал полное смятение. Он выглядел как Джек Демпси в конце финального матча с Джином Танни[78] — как вы, вероятно, помните, в тот раз он не успел «нырнуть», когда Джин выполнял свой коронный прямой правой.

— Берти, — завопил он с порога. — Я тебя по всему дому ищу!

— Я задержался с Макпалтусом в буфетной. А что стряслось?

— Что стряслось!

— Тебе не нравится красная комната?

— Красная комната!

По его виду я догадался, что он пришел не затем, чтобы выразить недовольство по поводу спальных апартаментов.

— Тогда в чем загвоздка?

— В чем загвоздка!

Тут я понял, что пора принимать решительные меры. Через десять минут переодеваться к ужину, а в эту игру можно играть часами.

— Послушай, дурья башка, — терпеливо сказал я. — Решай, да побыстрее: либо ты мой старый друг Реджинальд Сельдинг, либо эхо в Швейцарских Альпах. Если ты собираешься повторять за мной каждое слово…

Тут появился папаша Глоссоп с коктейлями, и нам пришлось прекратить обмен любезностями. Селедка залпом осушил свой бокал и немного успокоился. Когда дверь за Родди закрылась, и мы смогли продолжить разговор, он заговорил уже нормально.

— Берти, — сказал он и взял второй бокал, — случилось нечто ужасное.

Должен признаться: у меня упало сердце. Вы, наверное, не забыли, как я в разговоре с Бобби сравнил «Бринкли-Корт» с усадьбой из рассказов покойного Эдгара Аллана По. Если вы знакомы с его произведениями, то, конечно, помните, как несладко приходилось у него тем, кто останавливался на ночь в загородном доме — в любую минуту в комнату мог войти закутанный в окровавленный саван мертвец. В «Бринкли» до этого пока не доходило, но атмосфера становилась все более и более зловещей, а тут еще Селедка заявляет, что готов поведать нечто ужасное и еще сильнее нагнетает ощущение надвигающейся беды.

— Что случилось? — спросил я.

— Я расскажу тебе, что случилось, — сказал он.

— Да, будь так добр, — попросил я. И он рассказал.

— Берти, я думаю, ты понимаешь, что я был в полном отчаянии, когда прочитал это объявление в «Тайме»? — сказал он и взял третий бокал.

— Разумеется. Это вполне естественно.

— У меня голова шла кругом, и…

— Да, ты мне уже рассказывал. У тебя потемнело в глазах.

— Жаль, что не надолго, — с горечью произнес он. — К сожалению, скоро это прошло. Через какое-то время тьма рассеялась, и меня охватила страшная ярость. Я буквально клокотал от злобы, а потом встал со стула и написал Бобби оскорбительное письмо.

— О, Господи!

— И уж постарался от души.

— Ах ты, черт!

— Открыто обвинил ее в том, что она дала мне от ворот поворот из корыстных побуждений, чтобы выйти замуж за более богатого

претендента. Назвал ее распутной Иезавелью с морковными патлами и добавил, что очень рад, что наконец-то от нее избавился. Написал, что… не помню, что я еще там написал, но выдал ей по первому разряду.

— Но ты ни разу не упомянул про письмо.

— Я был вне себя от счастья, когда узнал, что объявление в «Тайме» всего лишь уловка и что она меня по-прежнему любит, и напрочь забыл про злосчастное послание. А сейчас вдруг вспомнил — прямо как обухом по голове. Я даже по… по…

— Поперхнулся?

— Пошатнулся. Ноги стали, как ватные. Но у меня все же хватило сил дотащиться до телефона. Я позвонил в Скелдингс-Холл — мне сказали, что она только что приехала.

— Видать, неслась, как поддавший автогонщик!

— Не сомневаюсь. Одно слово — слабый пол. Короче говоря, она уже была там. И жизнерадостным тоном сообщила, что обнаружила на столе в холле мое письмо. И что ей не терпится его поскорей прочесть. Я дрожащим голосом попросил ее не читать письмо.

— Значит, ты поспел как раз вовремя.

— Вовремя — черта с два. Берти, ты же не первый день живешь на свете, и тебе приходилось сталкиваться со многими представительницами противоположного пола. Что делает девушка, когда ей говорят не вскрывать письмо?

Я понял, к чему он клонит.

— Она его вскрывает.

— Совершенно верно. Я услышал звук разрываемого конверта, и… Нет, даже вспомнить жутко.

— Она что, приняла это так близко к сердцу?

— Вот именно, настолько, что мое сердце оказалось в пятках. Тебе никогда не доводилось плавать в Индийском океане во время тайфуна?

— Нет, ни разу не бывал в той части света.

— И я тоже. Но, судя по рассказам очевидцев, это очень похоже на то, что мне пришлось испытать минуту спустя. Она говорила без остановки четверть часа, не меньше.

— И что же она сказала?

— Не могу всего повторить, да и не хочу — даже если бы смог.

— А что ты сказал?

— Она мне слова не дала вставить.

— Очень знакомо.

— Женщины трещат, как пулемет.

— Уж я-то тебя понимаю. И чем закончился матч?

— Она сказала, что очень рада за меня, наконец-то я от нее избавлюсь, но еще больше она рада, что избавится от меня: теперь она свободна и сможет осуществить свое самое заветное желание и выйти за тебя замуж.

В душеледенящем романе мамаши Артроуз, который я начал читать, есть персонаж по имени Меченый Маккол — разумеется, гангстер, — который в одно прекрасное утро садится в свою машину, поворачивает ключ зажигания и разлетается на мелкие кусочки, потому что его конкурент подложил в двигатель бомбу. Когда я прочел это место, то подумал: интересно, а что Меченый в тот миг почувствовал. Теперь я это понял. Я вскочил и бросился к двери. Селедка взглянул на меня с удивлением.

— Тебе наскучило меня слушать? — сухо спросил он.

— Вовсе нет. Просто хочу выгнать машину из гаража.

— Собираешься прокатиться?

— Да.

— Но сейчас будет ужин.

— Я не голоден.

— Куда же ты едешь?

— В Херн-Бей.

— Почему именно в Херн-Бей?

— Потому что там сейчас Дживс, он должен взять это дело в свои руки, и немедленно.

— Но что может сделать Дживс?

— Этого я сказать не могу, — ответил я, — но он непременно что-нибудь придумает. Ведь он отдыхает на морском курорте и ест много рыбы, значит, его мозг сейчас в отличной форме; поэтому все, что требуется, это предоставить дело Дживсу и не путаться под ногами.

Глава XI

От «Бринкли-Корта» до Херн-Бея не рукой подать: один находится в центре Вустершира, другой — на побережье в Кенте, и даже при самых благоприятных обстоятельствах быстро не обернешься. А тут еще непредвиденная задержка: у моего арабского скакуна случился приступ меланхолии, пришлось его буксировать в гараж для незамедлительного лечения, так что я добрался до цели моего путешествия далеко за полночь. А наутро, когда я приехал по адресу, оставленному мне Дживсом, мне сказали, что он уже ушел и неизвестно когда вернется. Я оставил записку с просьбой позвонить мне в «Трутни» и вернулся в Лондон. Я уже допивал свою обычную порцию перед ужином в курительной комнате клуба, когда меня позвали к телефону, и я услышал в трубке знакомый голос.

— Мистер Вустер? Добрый вечер, сэр. Это Дживс.

— Ну, наконец-то, — проблеял я жалобно, словно потерявшийся ягненок, который после долгой разлуки увидел свою маму-овцу на другом конце луга. — Где вы пропадали?

— Я договорился пообедать с приятелем в Фолкстоне, а когда приехал, меня уговорили остаться и выступить в качестве члена жюри на пляжном конкурсе красоты.

— В самом деле? Вижу, вы не скучаете.

— О, нет, сэр.

— Ну, и как прошел конкурс?

— Весьма успешно, сэр, благодарю вас.

— Кто победил?

— Некая мисс Марлен Хиггинс из Брикстона, сэр, а мисс Лана Браун из Тулс-Хила и мисс Мерилин Бантинг из Пенжа награждены почетными дипломами. Весьма привлекательные юные особы.

— Хорошие фигуры?

— Необыкновенно стройные, сэр.

— Знаете, что я вам скажу, Дживс: стройная фигура — не главное на свете, можете даже записать это себе для памяти. Чем обольстительнее изгибы корпуса у дамы, тем скорее она выкинет нечто такое, что заставит содрогнуться адские глубины. Дживс, я в полном отчаянии. Помните, вы мне как-то рассказывали про одного парня, который говорил, будто может рассказать другому нечто, что заставит его крепко задуматься? Что-то насчет того, как звезды сошли с орбит, и еще про влюбленного дикобраза.

— Я полагаю, вы говорите о призраке отца Гамлета, принца Датского, сэр. Обращаясь к сыну, он сказал: «А то бы от слов легчайшей повести моей зашлась душа твоя и кровь застыла, глаза, как звезды, вышли из орбит и кудри отделились друг от друга, поднявши дыбом каждый волосок, как иглы на взбешенном дикобразе[79]».

— Совершенно верно. Конечно же, глаза вышли из орбит, а не звезды. Странно только, почему он сказал «взбешенный дикобраз», когда на самом деле дикобраз был влюбленный? Наверное, просто оговорился. С призраками такое сплошь и рядом случается. Так вот, Дживс, моя история будет посильнее, чем у этого призрака. Повесть, которую я собираюсь вам поведать, из той же серии, только я бы не назвал ее «легчайшей». Вы меня слушаете?

— Да, сэр.

— Тогда держитесь крепче, чтобы не упасть, ибо я начинаю.

И я все ему рассказал самым подробнейшим образом.

— Вполне разделяю вашу озабоченность, сэр, — произнес он, когда я закончил. — Ситуация, как вы справедливо заметили, чревата серьезными последствиями. — Для Дживса это очень сильное выражение, обычно он не идет дальше «Довольно неприятное известие, сэр». — Думаю, мне следует как можно скорее приехать в «Бринкли-Корт», сэр.

— Вы в самом деле приедете? Мне ужасно неловко прерывать ваш отпуск.

— Ничего страшного, сэр.

— Вы можете потом его снова продолжить.

— Конечно, сэр, если вы не против.

— А сейчас…

— Именно так, сэр. А сейчас, если позволительно будет воспользоваться известной цитатой…

— «…Настало время, когда каждый честный человек должен прийти на помощь нашей партии![80]»

— Именно эти еловая и собирался произнести, сэр. Завтра я постараюсь быть дома как можно раньше, сэр.

— И мы вместе поедем в «Бринкли». Значит, договорились, — сказал я и отправился принимать простую, но здоровую пищу.

На следующий день я выехал в «Бринкли-Корт» не то чтобы с легким сердцем, но в несколько приподнятом настроении. Мысль о том, что рядом со мной сидит Дживс и его подкормленный рыбным фосфором мозг находится в моем распоряжении, позволила мне различить первые робкие

голубые просветы на покрытом грозовыми тучами небосклоне, но всего лишь просветы, поскольку я спрашивал себя, по силам ли даже Дживсу решить эту проблему, снова и снова поднимавшую свою страшную голову, точно гидра. Хотя он и слыл непревзойденным мастером по части воссоединения влюбленных сердец, между которыми прошла трещина раздора, но не думаю, чтобы ему прежде приходилось сталкиваться со столь катастрофическим разломом, как тот, что зиял между сердцами Роберты Уикем и Реджиналда Сельдинга; да и, как любит повторять сам Дживс, «не во власти смертных людской успех в делах иль не успех[81]». А при мысли о том, что произойдет, если он не справится с возложенной на него задачей, я затрясся, как желе на заливной рыбе. Я не мог забыть о том, что, дав отставку Селедке, Бобби недвусмысленно объявила о своем намерении потащить к алтарю меня и дать отмашку священнику, чтобы тот приступал к своим обязанностям. Поэтому, как я уже сказал, я вел машину без особого ликования в душе.

Наконец мы выехали из Лондона, я получил возможность отвлекаться на разговоры, не рискуя врезаться в идущую впереди машину или задавить пешехода, и объявил прения открытыми.

— Дживс, вы не забыли о нашем вчерашнем разговоре?

— Нет, сэр.

— Надеюсь, важнейшие вехи изложенных мною событий хранятся на скрижалях вашей памяти?

— Да, сэр.

— Вы уже размышляли на эту тему?

— Да, сэр.

— Что-нибудь надумали?

— Пока нет, сэр.

— Понятно, я на это особенно и не рассчитывал. Тут требуется время.

— Да, сэр.

— Вся беда в том, — сказал я, крутанув руль, чтобы не задавить перебегавшую дорогу курицу, — что в лице Роберты Уикем мы имеем дело с натурой пылкой и высокомерной.

— Да, сэр.

— А девушек, обладающих пылкими и высокомерными характерами, следует всячески ублажать. А не называть распутной Иезавелью с морковными патлами.

— Ни в коем случае, сэр.

— Если бы меня кто-то назвал Иезавелью с морковными патлами, я бы точно обиделся. Кстати, кто такая эта Иезавель? Имя вроде знакомое,

но хоть убей не вспомню.

— Это из Ветхого завета, сэр. Царица Израиля.[82]

— Ну как же, конечно, царица. Скоро и свое-то имя забуду. Ее ведь потом съели псы, верно?

— Да, сэр.

— Не слишком приятный конец, что и говорить.

— Да, сэр.

— Такая уж, значит, судьба. Кстати, о возможности быть съеденным псами: в «Бринкли-Корте» сейчас живет такса, при первой встрече с ней у вас может создаться впечатление, что она смотрит на вас как на легкую закуску в перерывах между более обстоятельными приемами пищи. Не обращайте внимания. Это все показное. В этой воинственности…

— «…в ней много слов и страсти, нет лишь смысла[83]», сэр?

— Именно так. Пустое бахвальство. Несколько ласковых слов, и пес к вам будет прикован… как это вы тогда выразились?

— …«прикован стальными обручами[84]», сэр?

— Двух минут хватит. Он и мухи не обидит, просто ему нужно держать фасон, потому что его назвали Крошкой. Когда псу изо дня в день кричат «Крошка, Крошка», он чувствует, что должен как-то доказать свою состоятельность, это всякому ясно. Вопрос самоуважения.

— Совершенно верно, сэр.

— Крошка вам понравится. Славный пес. У него уши наизнанку. Отчего все таксы ходят с ушами наизнанку?

— Не знаю, сэр.

— Вот и я тоже. Хотя частенько об этом думал. Однако, хороши же мы, Дживс. Болтаем о разных Иезавелях и таксах, когда должны сосредоточить всю умственную энергию на…

Я умолк на полуслове. Мое внимание привлекла придорожная гостиница. Вернее, не сама гостиница, а то, что стояло перед гостиницей, а именно двухместный ярко-красный автомобиль с открытым верхом, в котором я узнал машину Бобби Уикем. Я тотчас понял, в чем дело. Возвращаясь обратно в «Бринкли» после двух дней, проведенных в материнском доме, она почувствовала, что становится жарко, и притормозила возле этого заведения, чтобы пропустить чего-нибудь холодненького. Кстати, очень разумная мысль. Ничто так не восстанавливает силы в жаркий летний полдень, как животворящий источник влаги.

Я нажал на педаль тормоза.

— Дживс, вы не возражаете, если я попрошу вас подождать меня минутку?

— Разумеется, сэр. Хотите поговорить с мисс Уикем?

— А, так вы тоже узнали ее машину?

— Да, сэр. Она выделяется из общего ряда.

— Как и ее хозяйка. Мне кажется, я должен попытаться что-то сделать для мирного разрешения конфликта путем ласковых увещеваний. Стоит попробовать, как по-вашему?

— Вне всякого сомнения, сэр.

— Как говорится, попытка — не пытка. Придорожная гостиница — она называлась «Лиса и гусь», что, впрочем, к делу не относится, — ничем не отличалась от всех прочих придорожных гостиниц: внутри было полутемно, прохладно, пахло пивом, сыром, кофе, соленьями — одним словом, крепким английским крестьянским хозяйством. С улицы сразу попадаешь в уютный маленький зал с развешанными по стенам пивными кружками и расставленными там и сям столиками и стульями. На одном из стульев за одним из столиков сидела Бобби Уикем со стаканом имбирного эля в руках.

— С ума сойти, Берти! — сказала она, когда я ее окликнул. — Откуда ты взялся?

Я объяснил, что возвращаюсь на машине из Лондона в «Бринкли».

— Смотри, как бы твое авто не угнали. Могу поспорить, ты оставил ключи в машине.

— Оставил, но вместе с Дживсом, который бдительно несет там бессменную вахту.

— Так ты прихватил с собой Дживса? Я думала, он в отпуске.

— Он любезно согласился его прервать.

— Какая преданность!

— Сказал ему, что он мне нужен, и он не колебался ни секунды.

— А для чего он тебе так нужен?

Пришла пора перейти к ласковым увещеваниям. Я понизил голос до конфиденциального шепота, но когда она спросила, где я умудрился застудить горло в такую жару, заговорил громче.

— Мне кажется, он может кое-что уладить.

— Что именно?

— Скажем, вашу ссору с Селедкой, — сказал я и начал с величайшей осторожностью подбираться к сути. Я знал, что должен очень тщательно выбирать выражения, потому что с натурами пылкими и высокомерными надо действовать очень осмотрительно, особенно если у них рыжие

волосы, как у Бобби. Если ей вдруг померещится в моих словах что-то оскорбительное, она тотчас обидится, а если Бобби обиделась, ей ничего не стоит взять со стола бутылку с имбирным элем и треснуть меня по башке. Я не утверждаю, что она обязательно это сделает, но сбрасывать со счетов такую возможность тоже не следует. Поэтому я очень плавно подгребал к своей цели.

— Начну с того, что Селедка мне все рассказал, и я знаю от очевидца — или правильнее будет сказать «от ухослышца» — все подробности вашего последнего телефонного разговора. Не сомневаюсь: ты сейчас подумала, что такая откровенность не делает ему чести. Но не забывай, что мы вместе росли, а делиться сердечными тайнами с человеком, с которым ты дружишь с детства, вполне естественно. Как бы там ни было, он начал изливать мне свою душу, и не успел он опорожнить ее до половины, как я заметил, что он просто вне себя от горя — лицо налилось кровью, глаза вращаются, как у буйнопомешанного, вот-вот завопит «о, смерть, где твое жало?[85]»

Я увидел, как она вся затрепетала, и старался не упускать из виду бутылку с имбирным элем. Но даже если бы она схватила бутылку и раскроила мне череп, это не произвело бы столь ошеломляющего впечатления, как слова, которые слетели с ее губ:

— Бедненький! — вздохнула она.

Я до этого заказал себе джин с тоником. Услышав ее восклицание, я сделал большой глоток.

— Ты сказала «бедненький»?

— Да, я сказала «бедненький», хотя правильнее было бы сказать «глупенький». Подумать только, он принял все за чистую монету. Уж ему-то следовало бы знать, что на самом деле я ничего такого не думала.

Я твердо решил докопаться до истины.

— И все твои угрозы были так, пустые слова?

— Я просто разозлилась и спустила на него всех собак. Господи, разве девушка не имеет право разозлиться? Я и представить себе не могла, что он так расстроится. Реджи все всегда понимает буквально.

— Выходит, шалун Амур снова при деле?

— Трудится, не покладая рук.

— Иначе говоря, вы по-прежнему пара влюбленных голубков?

— Именно так. Может быть, я действительно верила в то, что говорила, но всего минут пять, не больше.

Я глубоко вздохнул, но тут же пожалел об этом, потому что вместе с воздухом вдохнул в легкие остатки джина с тоником.

— А Селедка об этом знает? — спросил я, когда мне удалось, наконец, прокашляться.

— Еще нет. Я как раз еду, чтобы все ему рассказать.

Тут я, наконец, осмелился спросить о том, что мне особенно важно было знать, причем наверняка.

— Тогда, если я правильно понял, для меня свадебный колокольный звон отменяется?

— Боюсь, что так.

— Ничего страшного. Как скажешь.

— Не хочу, чтобы меня посадили за двоемужество.

— Лучше не рисковать. Значит, на сегодня твой выбор — это Селедка. Я тебя вполне понимаю. Идеальный спутник жизни.

— Золотые слова. Он чудо, верно?

— Отличный парень.

— Я бы не пошла ни за кого другого, пусть бы он, как царь Соломон, прислал мне в дар обезьян, слоновую кость и павлинов.[86] Расскажи мне, каким он был в детстве?

— Да таким же, как все.

— Не может такого быть!

— Ну, разве что вытаскивал людей из горящих зданий и спасал голубоглазых детишек из-под копыт скачущих лошадей.

— Он часто совершал все эти подвиги?

— Чуть ли не ежедневно.

— И он был гордостью школы?

— Конечно.

— Правда, судя по его рассказам, сама школа не стоила того, чтобы становиться ее гордостью. Что-то вроде «Дотбойз-холла[87]».

— При Обри Апджоне там жилось несладко. Особенно противно вспоминать сосиски по воскресеньям.

— Реджи про них очень смешно рассказывал. Говорил, что хрюшки, из которых готовили эти сосиски, испустили дух от сапа, ящура и туберкулеза, оплакиваемые свинскими чадами и домочадцами.

— Да, очень метко. Ты уже уезжаешь? — спросил я, увидев, что она встала.

— Не в силах больше ждать ни минуты. Не терпится броситься в объятия милого Реджи. Еще немного, и я просто умру, не выдержав разлуки.

— Прекрасно понимаю твои чувства. Примерно такое же нетерпение

испытывал этот малый из «Свадебной песни пахаря», только он выразил это словами «Гоп-гоп-гоп, гей-гей-гей, еду к суженой своей». В свое время я часто исполнял эту песню на сельских праздниках, там есть одно трудное место, когда при словах «День веселой сва-а-а-дьбы» требуется изобразить, будто переезжаешь через ручей, поэтому приходится тянуть слог «сва-а-а» минут десять — тут нужно иметь могучие легкие. Помню, викарий мне как-то сказал…

На этом месте она меня перебила — почему-то такое часто случается, когда я высказываю свои соображения о «Свадебной песне пахаря», — сказав, что все это безумно интересно, но она с удовольствием прочтет об этом в моих мемуарах. Мы вместе вышли на улицу, она благополучно отчалила, а я вернулся к тому месту, где нес свою вахту Дживс, весь сияя от радости. Я имею в виду, что это я сиял от радости, а не Дживс. Самое большое, на что способен Дживс, это слегка скривить губы, обычно в левую сторону. Не помню, когда у меня было так хорошо на душе, сердце пело от счастья. Ничто так не радует, как известие о том, что твоя женитьба отменяется.

— Извините, что заставил вас ждать, Дживс, — сказал я. — Надеюсь, вы не очень скучали?

— О нет, сэр, ничуть. Я прекрасно провел время со Спинозой.

— С кем?

— С «Этикой» Спинозы, я говорю о книге, которую вы мне как-то любезно одолжили.

— Как же, как же, помню. Интересная?

— Чрезвычайно занимательная, сэр.

— Готов поспорить: в конце концов окажется, что убийца — дворецкий. Что ж, Дживс, хочу вас обрадовать: все уладилось.

— В самом деле, сэр?

— Да, трещина раздора замазана, и свадебные колокола готовы зазвонить для мистера Сельдинга с минуты на минуту. Она передумала.

— Varium et mutabile semper femina,[88] сэр.

— Удивительно верное наблюдение. А теперь, — сказал я, садясь за руль, — я поведаю вам повесть про Уилберта и сливочник в виде коровы, и если при этом ваши кудри не выйдут из орбит, я буду искренне поражен.

Глава XII

В «Бринкли» я приехал уже под вечер и, когда ставил машину в гараж, обнаружил там автомобиль тетушки Далии, из чего заключил, что престарелая родственница вернулась в родные пенаты. И не ошибся. Я нашел ее в спальне, где ей был сервирован чай и сдоба. Она приветствовала меня пронзительным «улюлю» — эту привычку она усвоила на охоте в годы, когда тратила изрядную долю своей неукротимой энергии на то, чтобы отравлять жизнь британским лисицам. Вопль этот, по силе сравнимый со взрывом газового баллона, прошил меня навылет — от носа до кормы. Сам я не охочусь, но знаю, что главное для охотника — это умение издавать вопли, какие издает в ночных джунглях страдающий желудком шакал, и я не сомневаюсь, что в лучшие годы тетя Далия могла гаркнуть так, что ее собратья из «Куорна» и «Пайтчли[89]» дружно валились с седел, несмотря на то, что их отделяли от тетушки две пашни и небольшая роща.

— Привет, чучело, — сказала она. — Уже вернулся?

— Только что разорвал грудью финишную ленточку.

— Сельдинг сказал, что ты ездил в Херн-Бей.

— Да, чтобы забрать Дживса. Как Бонзо?

— Пятнистый, как леопард, но держится молодцом. Зачем тебе Дживс?

— Как оказалось, теперь он мне не нужен, но я узнал об этом на полпути сюда. Я его вез, чтобы он выступил в качестве мироборца… нет, не мироборца, а как это… миротворца между Бобби Уикем и Селедкой. Вы знали, что они помолвлены?

— Да, она мне все рассказала.

— А она вам рассказала про это объявление в «Тайме» насчет нашей с ней помолвки?

— Я была первая, кого она посвятила в свои планы. Я чуть не умерла со смеху.

— В отличие от Селедки, которого эта кретинка с опилками вместо мозгов не потрудилась предупредить. Когда он прочитал объявление, он чуть сознание не потерял, и у него потемнело в глазах. Он навсегда утратил веру в женщин и, покипев немного от гнева, сел за стол и написал ей письмо в стиле Томаса Оттуэя.

— В стиле кого?

— Вы что, не знаете Томаса Оттуэя? Это драматург семнадцатого века, прославился ядовитыми афоризмами про представительниц слабого пола. Он написал пьесу *«Сирота»*, и там разделал их под орех.

— Смотри-ка, ты, оказывается, не только комиксы читаешь.

— Ну, по правде говоря, я не слишком глубоко изучал творчество Тома, мне про него Селедка рассказывал. Этот Оттуэй придерживался мнения, что все женщины — жуткие дряни, и эту информацию Селедка донес до Бобби в том самом письме. И выдал ей по высшему разряду.

— А ты, конечно, ничего ему не объяснил?

— Конечно, объяснил. Но к тому времени он уже отослал письмо.

— Почему же этот идиот не сказал, чтобы она его не вскрывала?

— Это было первое, что он сделал. «Я только что получила от тебя письмо, моя радость», — сказала она. — «Ни в коем случае не вскрывай его, мой ангел», — сказал он. И, разумеется, она его тотчас вскрыла.

Тетушка поджала губы, покачала головой и печально откусила булочку.

— Так вот почему он бродит с таким тухлым видом. Надо полагать, Роберта сразу же разорвала помолвку?

— После пятнадцатиминутной речи, произнесенной на едином вздохе без пробелов и знаков препинания.

— И ты привез Дживса в качестве миротворца?

— Таков был мой план.

— Но, если все зашло так далеко…

— …Вы сомневаетесь, что даже Дживс сможет замазать трещину? — Я погладил ее по пучку волос на макушке. — Утрите горькие слезы, дорогая родственница, никакой трещины больше нет. По пути сюда я повстречал Бобби в придорожной пивнушке, и она мне сказала, что после того, как она выдала свою программу и спустила пар, настроение у нее круто изменилось. Она по-прежнему любит Селедку со страстью, кипящей, как масло во фритюрнице, и когда мы расстались, она помчалась сюда, чтобы ему об этом сказать. Сейчас они наверняка снова неразлучны, как ветчина и яйца. У меня прямо гора с плеч — ведь после того, как Бобби разругалась с Селедкой, она заявила, что собирается выйти замуж за меня.

— Я думала, тебя это обрадует.

— Никоим образом.

— Но почему? Одно время ты был в нее по уши влюблен.

— А теперь — нет. Любовный жар прошел, пелена спала с глаз, мы просто добрые друзья. В чем беда всех влюбленных, престарелая родственница? В том, что зачастую особи одного пола выбирают

неподходящих для них особей противоположного пола, поскольку ослеплены прелестями этих последних и не в состоянии судить здраво. Попробую пояснить. Все мужчины делятся на кроликов и на некроликов, а женщины — на воительниц и на мышек-норушек. Так вот, проблема в том, что мужчина-кролик может увлечься женщиной-воительницей (которая на самом деле подходит только для некролика) и слишком поздно осознает, что ему следовало бы сосредоточить свои усилия на кроткой и домовитой мышке-норушке, с которой они могли бы отлично жить-поживать и дружно хрустеть морковкой.

— Короче говоря, все дело в неверном выборе?

— Именно. Возьмем меня и Бобби. Я не меньше других вижу, как она очаровательна, но я — кролик и всегда буду кроликом, тогда как она неукротимая воительница. Все, что мне нужно — это спокойная жизнь, а Роберта Уикем ни за что не согласится на спокойную жизнь, даже если эту жизнь ей поднесут на серебряном блюде. Бобби считает, что день прожит зря, если до захода солнца она не совершит ничего такого, что заставит содрогнуться потрясенное человечество. Одним словом, нужно, чтобы ее направляла крепкая мужская рука, каковую я, при всем желании, не смогу ей предоставить. Тогда как с Селедкой никаких проблем в этом смысле не будет, поскольку он настоящий некролик, и для него обуздать взбалмошную женщину — просто детская забава. Вот почему я всячески одобряю и приветствую их союз, и вот отчего, когда она рассказала о своих планах во время нашей последней встречи, я готов был сплясать чечетку от радости. А кстати, где Селедка? Я хочу пожать ему руку и похлопать по плечу.

— Он поехал на пикник с Уилбертом и Филлис. От меня не ускользнул скрытый смысл этой фразы.

— Ходит за ними хвостом? Заступил на боевое дежурство?

— Да, он ни на минуту не выпускает Уилберта из виду.

— Клептоманов ни на миг нельзя оставлять без присмотра.

— Кого, кого?

— Разве вам не сказали? Уилберт — воришка.

— Как это понимать — воришка?

— А так, что он тащит все, что плохо лежит и не прибито гвоздями.

— Не валяй дурака.

— Я не валяю дурака. Он взял коровий сливочник дяди Тома.

— Знаю.

— Знаете?

— Конечно, знаю.

Ее невозмутимость, граничащая чуть ли не с равнодушием, меня крайне удивила. Я ожидал, что от моих слов ее молодая — пусть даже не столь молодая — кровь застынет в жилах, а каждый волосок ее перманента встанет дыбом, как иглы на взбешенном дикобразе, но она и бровью не повела.

— Будь я проклят, — сказал я. — Как вы спокойно об этом говорите.

— А с чего мне волноваться? Том ему эту штуку продал.

— Продал?!

— Уилберт позвонил ему в Харрогит и предложил цену, а Том связался со мной и велел передать ему сливочник. Это лишний раз показывает, насколько важна для Тома сделка с Хомером. Мне казалось, он скорее согласится лишиться правой руки, чем расстанется с этой коровой.

Я сделал глубокий вдох — к счастью, на сей раз без примеси джина с тоником. Удар был в самое сердце.

— Вы что же, хотите сказать, — произнес я, при этом мой голос дрожал, будто я пел арию для колоратурного сопрано, — что я напрасно терпел танталовы муки?

— Кто это, интересно, подверг тебя танталовым мукам?

— Мамаша Артроуз. Она накрыла меня в комнате Уилберта, когда я искал эту омерзительную корову. Я был уверен, что он ее свистнул и спрятал у себя в спальне.

— И она тебя застукала?

— И не один раз, а дважды.

— И что она сказала?

— Порекомендовала обратиться за помощью к Родди Глоссопу, который, как она слышала, не имеет себе равных в лечении тяжелых психических расстройств. Впрочем, нетрудно догадаться, почему она так сказала. Когда она вошла, я на четвереньках выползал из-под туалетного столика, и, несомненно, это обстоятельство показалось ей несколько странным.

— Берти, это просто гениально!

Слово «гениально» показалось мне совершенно неуместным, о чем я ей тут же сообщил. Но мои слова заглушил громкий хохот моей тетушки. Мне никогда прежде не доводилось слышать, чтобы кто-нибудь так от души смеялся, она затмила даже Бобби в тот день, когда я наступил на грабли и расквасил себе нос.

— Я бы не пожалела пятидесяти гиней, чтобы это увидеть, — сказала она, когда снова получила возможность пользоваться голосовыми связками. — Так ты, говоришь, выползал из-под туалетного столика?

— Это во второй раз. Во время нашей первой встречи я сидел на полу с креслом, обернутым вокруг шеи.

— Наподобие круглого елизаветинского воротника, какие носили во времена Томаса Ботвея.

— Оттуэя, — сухо поправил я. Как я уже говорил, я во всем люблю точность. От родственницы я ожидал сочувствия и утешения, а не соли на мои и без того саднящие раны, но сказать ей этого не успел: дверь распахнулась, и в комнату вошла Бобби.

Мне сразу показалось, что выглядит она как-то странно. Обычно вид этой барышни недвусмысленно свидетельствует о том, что она живет если не в лучшем из миров, то, во всяком случае, в мире достаточно хорошем, чтобы перебиться, пока не подоспеет самый лучший. То есть весела, полна жизненных сил, и все такое. Теперь лицо ее выражало равнодушие, причем не ленивое равнодушие кота Огастуса, а скорее отрешенность, которую я заметил на портрете той дамы в Лувре, про которую Дживс, затащивший меня туда, сказал, что люди со всех концов света специально приезжают поглядеть на нее. Дживс, помню, обратил мое внимание на усталость в ее глазах. Вот именно такую усталость я прочел сейчас в глазах у Бобби.

Она разомкнула уста, которые были плотно сжаты с таким кислым видом, словно она только что жевала лимон:

— Извините, миссис Траверс, — сказала она. — Могу я снова взять у вас ту книжку миссис Артроуз?

— Конечно, деточка, — отвечала тетя. — Чем больше людей в этом вертепе читают ее стряпню, тем лучше. Посильный вклад каждого в общее дело.

— Значит, добралась без приключений? — спросил я. — Уже виделась с Селедкой?

Она не то фыркнула, не то хмыкнула в ответ.

— Берти, — сказала она голосом, явно только что вынутым из морозилки. — Могу я попросить тебя об одолжении?

— Разумеется. А в чем дело?

— Не упоминай, пожалуйста, в моем присутствии имени этого предателя, — сказала она и тотчас отчалила, унося усталость в глазах вместе с книжкой.

Я был совершенно сбит с толку и изо всех сил старался постичь тайный смысл ее слов. По выпученным глазам тетушки Далии я догадался, что и она не имеет ни малейшего понятия о том, что все это значит.

— Как прикажешь это понимать? — спросила она. — Ты только что уверял меня, что она обожает юного Сельдинга со страстью, кипящей, как

масло во фритюрнице.

— Так она мне сказала.

— Видать, все масло выкипело. Если ты сумеешь убедить меня, что так изъясняются влюбленные барышни, я готова съесть свою шляпу, — сказала дражайшая родственница, имея в виду, по-видимому, чудовищное соломенное сооружение, водружаемое ею на голову во время работы в саду, про которое я могу сказать лишь, что оно почти такое же истрепанное, как охотничья войлочная шляпа дяди Тома, распугавшая гораздо больше ворон, чем любой другой головной убор в Вустершире. — Наверное, они поссорились.

— Похоже на то, — согласился я. — Только не могу понять, когда они успели, если учесть, что во время нашей последней встречи в ее глазах сиял свет вечной любви к Селедке, и приехала она сюда полчаса назад, не больше. Что, спрашивается, может за столь краткий промежуток времени превратить юную деву, полную любви и имбирного эля, в мегеру, которая называет предмет своего обожания предателем и не желает, чтобы его имя упоминали в ее присутствии? Да, случай тяжелый. Может быть, стоит послать за Дживсом?

— Но что, скажи на милость, может сделать Дживс?

— В ответ на столь прямо поставленный вопрос, я вынужден честно признать: не знаю. Видимо, у меня просто вошло в привычку посылать за Дживсом всякий раз, когда дела начинают идти вкривь и вкось. Если мы хотим узнать, что произошло, надо получить информацию из первых рук и обратиться, как говорится, к первоисточнику. Разрешить эту тайну может лишь Селедка. Немедленно лечу его искать.

Полет, однако, пришлось отменить, потому что Селедка неожиданно появился на сцене собственной персоной.

— А, вот ты где, Берти, — произнес он. — Мне сказали, что ты вернулся. Я тебя искал.

Он говорил низким, хриплым, я бы сказал, замогильным голосом, и я заметил у него все симптомы, наблюдающиеся у человека, рядом с которым только что разорвалась авиационная бомба. Плечи его обвисли, взгляд остекленел. Короче говоря, он выглядел, как тот бедолага, который еще не начал принимать желчегонную микстуру доктора Гордона. Я решил сразу же перейти к делу — сейчас не время проявлять душевную чуткость и делать вид, что ничего не замечаешь.

— Какого дьявола, Селедка? Ты что, опять поссорился с Робертой? — спросил я, и когда он ответил «да так, пустяки», я стукнул кулаком по столу и велел ему не валять дурака и выкладывать все как есть.

— Да, — поддержала меня тетушка Далия. — Немедленно рассказывайте, что случилось.

На миг мне показалось, будто он собирается с оскорбленным видом заявить, что предпочел бы, с нашего позволения, не обсуждать свои сугубо личные дела, но, едва разлетевшись, он поймал взгляд тети Далии и дрогнул. Взгляд у тети Далии очень властный, хотя ей далеко в этом отношении до тети Агаты, которая, как известно, пожирает собственное потомство и во время полнолуния приносит человеческие жертвы. Он опустился на стул с подавленным видом.

— Что ж, если вы так настаиваете, — сказал он. — Она разорвала помолвку.

Это мало что прояснило. Об этом мы и сами догадались. Не станешь называть предателем человека, с которым собираешься идти под венец.

— Но ведь всего час назад, — сказал я, — перед тем, как мы расстались около придорожной гостиницы под названием «Лиса и Гусь», она пела тебе восторженные дифирамбы. Что стряслось? Что ты ей сделал?

— Да, собственно, ничего…

— Давай, выкладывай.

— Ладно… Дело было так…

Тут он остановился и заявил, что готов отдать пятьдесят гиней за двойную порцию виски с содовой, но для этого пришлось бы звонить папаше Глоссопу и нести виски из закромов в подвале, что отняло бы много времени, и тетя Далия эту идею отвергла. Вместо вожделенного освежающего эликсира она предложила ему холодную булочку, от которой он отказался, и велела ему продолжить свой рассказ.

— Ошибка моя состояла том, — сказал он по-прежнему низким, хриплым голосом, точно простуженное привидение, — что я сделал предложение Филлис Миллс.

— Что?! — воскликнул я.

— Что?! — воскликнула тетя Далия.

— Проклятие! — сказал я.

— Зачем, ради всего святого, вы это сделали? — спросила тетя Далия.

Он смущенно заерзал на стуле, точно кто-то напустил ему муравьев в брюки.

— В ту минуту мне казалось, что это удачная мысль, — сказал он. — Бобби заявила мне по телефону, что не желает меня видеть ни в этой жизни, ни в будущей, а Филлис призналась мне, что ее очень смущает скандальное прошлое Уилберта Артроуза, но он такой обаятельный, что она не в силах будет отказать ему, если он сделает ей предложение. Так

вот, поскольку моя задача состояла в том, чтобы помешать ему оное предложение сделать, я подумал, что самое простое — это самому обручиться с Филлис. Мы с Филлис все обсудили и, придя к соглашению, что это всего лишь для отвода глаз и ни к чему нас не обязывает, объявили обо всем Артроузу.

— Очень остроумно, — сказала тетя Далия. — И как он это воспринял?

— Как если бы его хватили обухом по голове.

— Мы все тут то и дело получаем обухом по голове, — сказал я. — Селедка был оглушен, когда вспомнил про письмо…

— Это сущие пустяки, — сказал Селедка, — по сравнению с тем, что я испытал пять минут назад: в тот самый миг, когда я целовал Филлис, невесть откуда появилась Бобби.

Я поморщился. Смахивает на французские романы, подумал я.

— Совершенно не обязательно было ее целовать.

— Согласен, не обязательно, но мне просто хотелось, чтобы вся сцена выглядела убедительно в глазах Артроуза.

— А, понятно. Чтобы до него по-настоящему дошло.

— Именно так. Конечно, я ни за что не стал бы ее целовать, если б знал, что Бобби передумала и хочет, чтобы все было, как прежде. Но я не знал. Какая ирония судьбы! Об этом замечательно написано у Томаса Харди.[90]

Я понятия не имею, кто такой этот Т.Харди, но мысль Селедкину понял. Подобные случаи часто описываются в приключенческих романах, где на последней странице девушки в отчаянии восклицают: «Если бы я только знала!»

— Почему же ты не объяснил ей, в чем дело? Он посмотрел на меня с сожалением.

— С таким же успехом можно пытаться что-то объяснять взбесившейся рыжей кошке.

Я не мог не признать его правоту.

— А что было дальше?

— О, она держалась безукоризненно вежливо. Пощебетала любезно о том, о сем, пока Филлис не ушла. И тут началось! Она сказала, что летела сюда, как на крыльях, сердце ее чуть не разорвалось от любви, она сгорала от нетерпения поскорее упасть в мои объятия, и какой же это был для нее приятный сюрприз, когда она обнаружила, что объятия уже заняты и падать ей некуда. Ну, и много чего еще. Беда в том, что она и прежде косо поглядывала на Филлис — в Швейцарии ей казалось, что у нас с Филлис

чересчур теплые отношения. Разумеется, безо всякого на то основания.

— Ну, конечно, вы были просто добрыми друзьями…

— Именно так.

— Если хотите знать, что я думаю по этому поводу… — сказала тетя Далия.

Но мы так и не узнали, что она по этому поводу думает, потому что в комнату вошла Филлис.

Глава XIII

Взглянув на вошедшую в комнату Филлис, я подумал, что нетрудно понять, отчего Бобби подняла такой шум, когда Увидела ее в объятиях Селедки. Я, конечно, не юная дева, влюбленная в штатного сотрудника газеты «Рецензии по четвергам», но, окажись я на месте Бобби, я бы не на шутку забеспокоился, застукав своего жениха со столь привлекательной особой, как приемная дочь Обри Апджона. С головой у нее, правда, не все в порядке, но что касается внешности — красотка, каких мало. Голубизна ее глаз сияла ярче небесного свода, а скромное летнее платье скорее подчеркивало, нежели скрывало грациозные обводы ее фигуры; стоит ли удивляться, что, увидев Филлис, молодой Артроуз сломя голову помчался за томиком стихов и прямиком потащил ее на ближайшую тенистую поляну.

— Добрый день, миссис Траверс, — прощебетала она. — Я только что разговаривала по телефону с папой.

Это сообщение заставило престарелую родственницу позабыть про Селедку, Бобби и все хитросплетения их многотрудных взаимоотношений, которые так занимали ее всего минуту назад, и я ничуть не удивился. Оставалось всего два дня до вручения призов в Маркет-Снодсбери — событие, на котором будет присутствовать весь цвет местного общества, и тетушка не могла не волноваться из-за столь долгого отсутствия высокопоставленной особы, намеченной для обращения к юным питомцам с рассказом о высоких идеалах и о жизни, которая ждет их во взрослом мире за порогом школы. Представьте себе, что вы член правления школы и обязались найти оратора, который выступил бы перед учениками в этот выдающийся день. Как вы будете себя чувствовать, если узнаете, что ваш златоуст укатил в Лондон, не сказав ни слова о том, когда он вернется и вернется ли вообще? Кто знает, какой на Апджона мог найти стих? Что если он собирается фланировать по лондонским бульварам до второго пришествия? Представляете, какой выйдет скандал, если школьный шабаш останется без главного докладчика? Поэтому, услышав, что Апджон жив и здоров, тетушка, естественно, расцвела, как майская роза, и спросила, не говорил ли случайно старый прохвост о том, когда он собирается вернуться.

— Он приедет сегодня вечером. Надеется, что не заставил вас волноваться.

Сестра моего покойного отца фыркнула — казалось, неподалеку взорвался склад боеприпасов.

— Ах, вот как — он надеется? Тогда можете ему передать — он заставил меня поволноваться. А чем это он так занят в Лондоне?

— Встречался со своим адвокатом по поводу судебного дела о клевете, которое он возбуждает против газеты «Рецензии по четвергам».

Я часто спрашиваю себя, на сколько дюймов Селедка подпрыгнул на стуле при этих словах. Порой мне кажется, что на десять, иногда — что только на шесть, но, как бы там ни было, он взвился над обивкой стула точно атлет, участвующих в состязаниях по прыжкам в высоту сидя. Меченый Маккол мог бы у него поучиться.

— Против «Рецензий по четвергам»? — переспросила тетя Далия. — Сельдинг, это же, кажется, ваша газетенка? Интересно, чем она ему так насолила?

— Все дело в книге, которую папа написал про приготовительные школы. Видите ли, он написал книгу про приготовительные школы. Вы знали, что он написал книгу про приготовительные школы?

— Не имела ни малейшего понятия. Мне никто ничего не рассказывает.

— Так вот, он написал книгу про приготовительные школы. Там речь идет о приготовительных школах.

— Понятно, о приготовительных школах.

— Да, о приготовительных школах.

— Слава Богу, мы, наконец, разобрались с этим вопросом. Терпение и труд все перетрут. И что же потом?

— В «Рецензиях по четвергам» напечатали что-то клеветническое про папину книжку, и папин адвокат сказал, что по суду ему должны заплатить не меньше пяти тысяч фунтов. За то, что они его оклеветали. Поэтому он и был все это время в Лондоне, советовался с адвокатом. Сегодня вечером он вернется. Приедет для вручения призов, я уже закончила печатать его речь. А, вот и мой ненаглядный Крошка, — сказала Филлис, услышав отдаленный собачий лай. — Проголодался, мой сладенький ангелочек. Сейчас, моя радость, мамочка идет, — пропела она и полетела спасать ангелочка от голодной смерти.

В комнате воцарилось молчание.

— Я знаю, о чем вы сейчас думаете, — произнесла наконец тетя Далия с вызовом. — Но ум вовсе не главное. Она милая, славная девушка. Я люблю ее, как дочь, и мне наплевать на тех, кто считает ее дурочкой. Эй, молодой человек, — сказала она, увидев, что Селедка, бессильно

отвалившись на спинку стула, пытается, без особого, впрочем, успеха, вернуть в исходное положение отвисшую нижнюю челюсть. — Что с вами, Сельдинг?

Заметив, что Селедка сейчас не в состоянии поддерживать светскую беседу, я решил сам объяснить, в чем дело.

— В боксе это называется «пропустить удар», моя престарелая родственница. Вы слышали, что сказала Ф. Миллс перед тем, как отправилась ублажать Крошку? В ее словах ответ на ваш вопрос.

— Как это?

— Она же прекрасно изложила все факты. Апджон написал брошюрку, где говорится, если вы, конечно, не забыли, про приготовительные школы. И там он, как поведал мне Селедка, утверждает, что время, которое мы проводим в этих заведениях, самое счастливое в нашей жизни. Главный передал книжку Селедке на рецензию, и Селедка, вспомнив черные дни, проведенные в Малверн-Хаусе, Брамли-он-Си, где мы с ним грызли гранит науки, без колебаний разнес книжонку в пух и прах. Так было дело, Селедка?

Он снова обрел дар речи, если считать речью звуки, похожие на чавканье копыт буйвола на болоте.

— Но, черт возьми, — сказал он, когда дар этот достиг уровня членораздельной речи, — то была вполне законная критика. Я, конечно, не слишком церемонился в выражениях…

— Интересно, что это были за выражения, в которых вы не церемонились, — сказала тетя Далия, — потому что некоторые обойдутся владельцу газеты в пять тысяч столь горячо всеми любимых фунтов стерлингов. Вот что, Берти, садись в машину и дуй на станцию в Маркет-Снодсбери — у них наверняка остался экземпляр последнего номера… Или нет, погоди… Автомобильная прогулка отменяется. Я буквально на минуту, — сказала она и вышла из комнаты, оставив меня в полном недоумении. Ох уж эти тетушки, никогда не знаешь, чего от них ожидать.

— Плохо дело, — сказал я Селедке.

В ответ он скривился, что, по всей видимости, означало: «Хуже некуда».

— А что бывает, когда из-за помощника редактора еженедельной газеты ее владельца привлекают к крупному штрафу за клевету?

На этот вопрос он ответил сразу:

— Выставляют за дверь, и, что самое скверное, потом невозможно найти работу. Попадаешь в черный список.

Все понятно. Эти ребята, которые заправляют еженедельными

газетами, привыкли трястись над каждым грошом. Считают, что должны положить в карман все, что можно ухватить, и каждый сотрудник обязан, как пчелка, тащить в улей свою порцию прибыли, а если он вместо этого приносит убыток, ему наверняка не поздоровится. Насколько я знаю, лавочка, где трубил Селедка, финансировалась каким-то не то правлением, не то синдикатом, но правления и синдикаты так же не любят раскошеливаться, как и единоличные владельцы. Как заметил Селедка, они не только вышвырнут проштрафившегося работника на улицу, но и оповестят об этом другие правления и синдикаты.

«Сельдинг? — спросят там, когда Селедка придет просить места. — Уж не этот ли писака пустил по миру «Рецензии по четвергам»? Спустить паршивца с лестницы, да не с парадной, а с черного хода». Если дело у Апджона выгорит, шансы Селедки получить работу в газете следует расценивать как близкие к нулю. Потребуется много лет, чтобы эту историю забыли.

— Торговать карандашами на улице — вот все, на что я могу рассчитывать, — сказал Селедка и закрыл лицо руками, как поступают люди, размышляющие о не слишком радужном будущем. В это самое мгновение дверь распахнулась, и на пороге появилась не тетя Далия, как я ожидал, а Бобби.

— Я взяла не ту книгу, — сказала она. — Мне нужна была… Тут она заметила Селедку и застыла на месте, совсем как жена Лота, которая, как вы, вероятно, помните, сделала что-то не так во время известных событий в Содоме и Гоморре, и была превращена в соляной столб, хотя, что всем этим хотели сказать, я, честно говоря, никогда не мог понять. При чем тут соль? Странно, во всяком случае я ожидал чего-то другого.

Она смерила его презрительным взглядом, словно один его вид был для нее невыносимо оскорбителен, но тут Селедка издал глухой стон и поднял мертвенно-бледное лицо. И при виде этого мертвенно-бледного лица высокомерие Бобби как ветром сдуло, на смену ему хлынула былая любовь, сострадание, женская нежность и все прочее, она кинулась к нему, как тигрица, нашедшая, наконец, пропавшего тигренка.

— Реджи! Реджи, милый, что с тобой? — воскликнула она. Выражение, с которым она смотрела на Селедку, на глазах становилось все более и более нежным. Короче говоря, его страдания тронули ее сердце, как это часто случается с представительницами слабого пола. Эту черту женского характера любят воспевать поэты. Вы наверняка помните известные строки: «В минуты счастья и покоя, о, женщины, вы что-то-там-такое. Когда же та-та-та невзгоды, вы та-та-та венец природы[91]».

Она повернулась ко мне и зарычала, как разъяренная волчица.

— Что ты сделал с моим бедным ягненком? — спросила она, бросив на меня угрожающий взгляд, который мог бы сорвать первый приз на ежегодном конкурсе угрожающих взглядов в Центральных графствах. Я едва успел объяснить ей, что это не я, а злой рок согнал румянец счастья и радости с лица бедного ягненка, как вернулась тетя Далия. В руках у нее был листок бумаги.

— Я оказалась права, — сказала она. — Когда Апджон решил опубликовать книгу, он, как и следовало ожидать, первым делом подписался на пересылку ему газетных вырезок с рецензиями. Вот что я нашла на столе в холле. Это ваш отзыв на его брошюру, Сельдинг; я просмотрела статью по пути сюда: неудивительно, что она привела его в бешенство. Сейчас я вам прочту.

Как я и предполагал — а вы знаете, у меня для этого были веские основания, — отзыв, написанный Селедкой, никак нельзя было отнести к разряду хвалебных, и на меня лично он подействовал как освежающий фруктовый десерт. Я получил огромное удовольствие. Рецензия заканчивалась так:

«Возможно, что Обри Апджон изменил бы свой взгляд на приготовительные школы, если бы ему самому довелось отбывать срок в Малверн-Хаусе, Брамли-он-Си, где он насаждал палочную дисциплину, достойную Дотбойз-холла. Те, кому выпало несчастье это испытать, никогда не забудут сосиски по воскресеньям, изготовленные из мяса тех несчастных хрюшек, что испустили дух, оплакиваемые чадами и домочадцами, от сапа, ящура и туберкулеза».

До того момента, как моя престарелая родственница прочла заключительный пассаж, Селедка сидел, смиренно сложив ладони вместе, и время от времени кивал головой с видом: «Да, едкая, но абсолютно справедливая критика». Но тут он совершил еще один прыжок в высоту сидя, перекрыв все прежние рекорды сразу на несколько дюймов. Я мимоходом подумал, что, если ему не удастся найти других источников дохода, он вполне сможет зарабатывать на жизнь, выступая акробатом в цирке.

— Но я этого не писал! — Он даже задохнулся от возмущения.

— Тем не менее здесь это написано — черным по белому.

— Это клевета!

— Того же мнения придерживается и Апджон вкупе со своим адвокатом. Должна признаться, на мой взгляд, этот текст вполне тянет на пять тысяч фунтов.

— Дайте взглянуть! — воскликнул Селедка. — Ничего не понимаю. Нет, одну секунду, милая. Не сейчас. Чуть позже, пожалуйста. Мне нужно сосредоточиться, — сказал он, потому что Бобби бросилась к нему и прильнула к его груди, словно ветка плюща к садовой ограде.

— Реджи! — простонала она — да, именно простонала. — Это я!

— Что ты?

— Этот абзац, который только что прочла миссис Траверс. Помнишь, как-то мы обедали вместе, ты показал мне корректуру этой статьи и попросил забросить ее в редакцию, потому что спешил на гольф. После твоего ухода я перечла статью еще раз и увидела, что ты пропустил этот эпизод с сосисками — видимо, случайно, — и так как мне он показался таким остроумным и забавным… Короче говоря, я его туда вписала. На мой взгляд, получилась прекрасная концовка…

Глава XIV

В комнате воцарилось молчание. Нарушила его моя тетушка. «Ну и дела!» — сказала она. Селедка молча хлопал глазами — прежде мне приходилось видеть у него такое выражение лица на турнирах по боксу, когда он получал удар по какому-нибудь чувствительному месту, скажем, по носу. Посетила ли его мысль схватить Бобби за шею и открутить ее рыжую башку — сказать не берусь, но если и посетила, то лишь как минутное наважденье, потому что любовь вскоре пересилила все прочие чувства. Бобби называла его ягненком, и, когда он заговорил, в его голосе звучала кротость, которой славятся именно эти представители парнокопытных.

— Понятно. Вот, оказывается, как все было, — произнес он.

— Что я натворила!

— Да ладно, пустяки.

— Ты когда-нибудь мне простишь?

— Какой разговор…

— Я хотела, как лучше.

— Понимаю.

— Это и вправду может тебе здорово навредить?

— Думаю, предстоит неприятный разговор с Главным.

— О, Реджи!

— Ничего страшного.

— Я погубила твою карьеру!

— Ерунда. «Рецензии по четвергам» не единственная газета в Лондоне. Выгонят — устроюсь в другом месте.

Это плохо вязалось с тем, что он только что говорил мне насчет черного списка, но я почел за благо не распространяться на эту тему: я заметил, его слова очень утешают Бобби, и мне не хотелось добавлять ложку дегтя и портить ей настроение. Никогда не пытайтесь вырывать чашу радости из рук девушки, особенно если она уже поднесла ее к губам и сделала большой глоток.

— Конечно, устроишься, — сказала она. — Такого ценного сотрудника любая газета будет рада заполучить.

— Они просто передерутся из-за него, — подхватил я. — Такие, как Селедка, на дороге не валяются.

— Ты такой умный!

— Спасибо.

— Да я не о тебе, балда. О Реджи.

— Ну да, конечно. У Селедки уйма достоинств.

— И тем не менее, — сказала тетя Далия, — когда вернется Апджон, я считаю, вам надо постараться завоевать его расположение.

Я понял, к чему она клонит. Из серии «приковывай стальными обручами».

— Тетя Далия права, — сказал я. — Постарайся ему понравиться, и, возможно, он отзовет свой иск.

— Куда он денется! Никто не в силах устоять перед тобой, милый.

— Ты так считаешь, милая?

— Конечно, милый.

— Что ж, будем надеяться, милая, что ты права. А пока, — сказал Селедка, — если я немедленно не выпью виски с содовой, я скончаюсь в страшных судорогах. Миссис Траверс, вы не возражаете, если я схожу поищу виски?

— Я как раз сама хотела вам это предложить. «Скачи к ручью и напейся вволю, мой бедный олень[92]».

— Мне тоже не мешает подкрепиться, — сказала Бобби.

— И мне, — сказал я, подхваченный волной всеобщего энтузиазма. — Хотя я бы предпочел не виски, а портвейн, — добавил я, когда мы вышли из комнаты. — Благороднейший напиток. Зайдем в буфетную к Макпалтусу. У него наверняка есть то, что надо.

Мы застали папашу Глоссопа в буфетной, где он надраивал столовое серебро. Он был удивлен вторжением столь представительной делегации, но, узнав, что наши глотки пересохли от жажды, одарил нас бутылкой своего лучшего, и после того, как мы несколько восстановили угасшие силы, Селедка, который все это время хранил задумчивое молчание, поднялся и ушел, сказав, что, если мы не возражаем, он хотел бы некоторое время поразмышлять в одиночестве. Я видел, как папаша Глоссоп бросил на него быстрый взгляд, когда тот выходил из комнаты, и понял, что манера поведения Селедки возбудила его профессиональный интерес, и он безошибочным чутьем угадал в молодом человеке потенциального клиента. Эти психиатры видят людей насквозь и всегда начеку. Он деликатно дождался, пока за Селедкой закроется дверь, и спросил:

— Мистер Сельдинг — ваш давний друг, мистер Вустер?

— Берти.

— Прошу прощения, Берти. Вы его давно знаете?

— Можно сказать, с младых ногтей.

— А мисс Уикем тоже с ним близко знакома?

— Я помолвлена с Реджи Сельдингом, сэр Родерик. — сказала Бобби.

Услышав это признание, Глоссоп, по-видимому, почел за благо держать язык за зубами, потому что произнес только «Ах, вот как», после чего перевел разговор на погоду и развивал эту тему до тех пор, пока Бобби, которая после ухода Селедки стала проявлять признаки беспокойства, не сказала, что, пожалуй, пойдет посмотрит, как он там, и тоже ушла. Глоссоп вздохнул с облегчением и заговорил о Селедке.

— Я не решился упоминать об этом в присутствии мисс Уикем, поскольку они с мистером Сельдингом помолвлены, и мне не хотелось ее расстраивать, но у молодого человека явные признаки невроза.

— Это он сейчас выглядит таким чокнутым, обычно у него более нормальный вид.

— И тем не менее…

— Вот что я вам скажу, Родди. Попади вы в такой переплет, как он, у вас бы тоже разыгрался невроз.

И решив, что неплохо бы узнать его мнение по поводу ситуации, в которой оказался Селедка, я все ему рассказал.

— Вот, стало быть, как обстоят дела, — заключил я. — Единственная возможность избежать участи, которая страшнее самой мучительной смерти — а именно, навлечь на газету штраф, размеры которого лежат за гранью воображения скупердяев-хозяев, — это снискать расположение Апджона; а любому мыслящему человеку ясно, что эта задача невыполнимая. Понимаете, он уже провел когда-то с Апджоном четыре года в Малверн-Хаусе, но так и не снискал его расположения, поэтому трудно представить, как он сможет снискать его сейчас. Так что дело — полный анпас. Французское выражение, — объяснил я, — означает, что мы попали в тупик и нет никакой надежды из него выйти.

К моему удивлению, вместо того, чтобы поцокать языком и глубокомысленно покачать головой, показывая тем самым, что он видит неразрешимость возникшей проблемы, он самодовольно захихикал, словно обнаружил в этой истории некую забавную сторону, которую не удалось заметить мне. Затем он воскликнул: «Клянусь Богом!» — выражение, которым он пользуется, когда хочет сказать «чтоб мне провалиться!»

— Просто удивительно, дорогой Берти, — сказал он, — насколько общение с вами воскрешает в моей памяти дни юности. Каждое ваше слово будит сладкие воспоминания. Мне сейчас на ум пришел эпизод из далекого прошлого, о котором я не вспоминал многие годы. Он возник перед моим мысленным взором, как по мановению волшебной палочки. Толчком

послужила проблема, возникшая перед вашим другом мистером Сельдингом. Когда вы рассказали мне о его бедах, туман прожитых лет рассеялся, стрелки часов закрутились в обратном направлении, и я снова стал юношей двадцати с небольшим лет, принимающим живое участие в довольно странной истории Берты Симмонс, Джорджа Ланчестера и отца Берты, старого мистера Симмонса, жившего в то время в Патни. Он был крупный торговец маслом и свиным жиром.

— В чьей странной истории, простите?

Он повторил состав действующих лиц, спросил, не хочу ли я еще немного портвейна — предложение, которое я охотно принял — и продолжил свой рассказ.

— Джордж, молодой человек страстного темперамента, встретил Берту Симмонс в городской ратуше на благотворительном балу в пользу вдов железнодорожных носильщиков, и сразу же без памяти в нее влюбился. И ему ответили взаимностью. На следующий день он встретил Берту на главной улице Патни и, угостив ее в кондитерской мороженым, предложил заодно свою руку и сердце, которые она с радостью приняла. Она призналась, что, когда они танцевали на балу, она почувствовала, как в душе у нее все перевернулось, и он ответил, что испытал то же самое чувство.

— Это называется нашли друг друга.

— Совершенно справедливое определение.

— Короче, все шло как нельзя лучше?

— Вот именно. Но на пути к счастью возникло препятствие, причем очень серьезное. Джордж служил инструктором по плаванию в городском бассейне, а мистер Симмонс мечтал о блестящей партии для дочери. И не дал разрешения на брак. Это было, разумеется, еще в те времена, когда для брака требовалось разрешение родителей. И только после того, как он чуть не утонул, а Джордж спас ему жизнь, он смягчился и дал молодым свое согласие и отцовское благословение.

— Как это случилось?

— Все очень просто. Я пригласил мистера Симмонса прогуляться по берегу реки и столкнул его в воду, а стоявший наготове Джордж прыгнул и вытащил его на берег. Конечно, мне потом пришлось выслушать немало жестоких упреков по поводу моей неловкости, и долгое время я не получал приглашения на воскресные ужины в Чатсворт, резиденцию Симмонсов, а это жестокое лишение для вечно голодного студента-медика без гроша в кармане, но я с радостью принес эту жертву, чтобы помочь другу, и результаты — во всяком случае для Джорджа — превзошли все ожидания.

И вот теперь, когда вы рассказали мне, что мистеру Сельдингу нужно во что бы то ни стало снискать расположение мистера Апджона, у меня мелькнула мысль — а что, если подобная инсценировка поможет и в данном случае. Здесь, в «Бринкли-Корте», для этого есть все, что требуется. Во время прогулок по окрестностям я заметил небольшое, но вполне подходящее для наших целей озеро, и… короче говоря, вы меня поняли, дорогой Берти. Разумеется, с моей стороны это не более чем размышления вслух.

От его слов у меня сделалось тепло на душе. Мысль о том, сколь превратно я судил о нем в те дни, когда мы еще плохо знали друг друга, пробудила во мне жгучее чувство стыда и раскаяния. Казалось невероятным, что некогда я смотрел на этого милейшего исцелителя психов с опаской и недоверием. Это мне урок на всю жизнь: несмотря на лысый череп и кустистые брови, человек может оставаться в душе истинным спортсменом и отличным малым. В моем стакане оставалось еще на дюйм рубинового напитка, и, когда он закончил свою речь, я поднял бокал и произнес тост в его честь. Я сказал, что он попал в десятку и может получить в качестве приза сигару или кокосовый орех — по своему выбору.

— Пойду и немедленно доложу о вашем плане верховному командованию.

— Мистер Сельдинг умеет плавать?

— Как целый косяк рыб.

— В таком случае не вижу никаких препятствий.

Мы расстались с самыми теплыми взаимными пожеланиями, и, только выйдя на летний воздух, я вспомнил, что забыл сказать ему, что Уилберт не украл сливочник, а купил, и даже хотел было вернуться и уведомить его об этом обстоятельстве. Но потом передумал. Всему свое время, решил я, сейчас самое важное — поскорее вдохнуть огонь в потухший взгляд Селедки. А с коровой можно и подождать, сказал я себе и пошел на лужайку, где, понурив головы, прогуливались наши молодые страдальцы. Скоро, совсем скоро, предвкушал я, их головы радостно воспрянут навстречу солнцу.

И не ошибся. Ликование их не знало границ. Оба безоговорочно признали, что если в душе Апджона теплится хотя бы малейшая искра человеческих чувств — что, впрочем, далеко не факт, — то дело в шляпе.

— Но сам ты бы до этого никогда не додумался, Берти, — сказала Бобби, имевшая обыкновение недооценивать интеллектуальный потенциал Вустеров. — Это тебя Дживс научил.

— Нет, честно говоря, эту идею мне подал Макпалтус. Селедка взглянул на меня с видимым изумлением.

— Ты хочешь сказать, что все ему рассказал?

— По-моему, это была удачная мысль. Три ума хорошо, а четыре — лучше.

— И он посоветовал тебе спихнуть Апджона в воду?

— Совершенно верно.

— Очень странный дворецкий.

— Странный? Ну, не знаю. Я бы сказал — самый что ни на есть обычный. Дворецкий как дворецкий.

Глава XV

Мне не терпелось поскорее взяться задело, я рвался в бой, преисполненный воли к победе. Каково же было мое разочарование, когда на следующий день выяснилось, что Дживс невысокого мнения об «операции Апджон». Я посвятил его в наши планы перед тем, как отправиться к условному месту на берегу озера, решив, что не мешает заручиться его моральной поддержкой, и был обескуражен его холодностью и даже высокомерием. Он как раз начал живописать мне свои ощущения во время судейства на пляжном конкурсе красоты, но я с большим сожалением вынужден был его прервать — признаюсь, я был просто очарован его рассказом.

— Извините, Дживс, — сказал я, взглянув на часы, — но мне пора бежать. Важная встреча. С удовольствием дослушаю как-нибудь в другой раз.

— В любое удобное для вас время, сэр.

— Вы ничем не заняты в ближайшие полчаса?

— Нет, сэр.

— Может быть, вы собирались уединиться со Спинозой в тенистом уголке сада?

— Нет, сэр.

— Тогда я настоятельно рекомендую вам отправиться к озеру — вы можете стать свидетелем весьма драматических событий.

И я в нескольких словах обрисовал ему наш план и предшествовавшие ему события. Он внимательно меня выслушал и едва заметно приподнял левую бровь.

— Это была идея мисс Уикем, сэр?

— Нет. Согласен, похоже на Бобби, но на самом деле автор сценария — сэр Родерик Глоссоп. То-то вы, наверное, удивились, увидев его здесь в роли дворецкого.

— В первую минуту это меня и вправду несколько озадачило, но сэр Родерик мне все объяснил.

— Боялся, что иначе вы можете нечаянно выдать его миссис Артроуз?

— Именно так, сэр. Ему хотелось принять все возможные меры предосторожности. Насколько я понял из его слов, сэр, он еще не пришел к окончательному заключению о психическом состоянии мистера Артроуза.

— Да, он все еще за ним наблюдает. Так вот, как я уже сказал, эта идея

взошла на плодородной ниве его могучего интеллекта. Что вы скажете о нашем плане?

— На мой взгляд, он никуда не годится. Я был потрясен. Я не верил своим ушам.

— Не годится?

— Нет, сэр.

— Но в случае с Бертой Симмонс, Джорджем Ланчестером и мистером Симмонсом он сработал без сучка и задоринки.

— Вполне допускаю, сэр.

— Тогда откуда эти пораженческие настроения?

— Просто интуиция, сэр, возможно, дело в том, что я привык действовать наверняка. Я не доверяю чересчур сложным схемам. На них никогда нельзя положиться. Как сказал поэт Бернс: «Ведь планы — и глупца, и мудреца — легко срываются по прихоти Творца[93]».

Его поведение начинало меня раздражать, мне не нравилась его заносчивость. Я ожидал, что он благословит меня на подвиг, я ожидал услышать от него слова поддержки, а вместо этого он делает все, чтобы затупить мой боевой клинок. Я чувствовал себя, как ребенок, который прибежал к маме в расчете на похвалу и восхищение каким-то совершенным им поступком, а вместо этого получил хороший шлепок по заднему месту. Поэтому я с горячностью принялся возражать.

— Стало быть, вы полагаете, что этому вашему Бернсу наш план не понравился бы? Тогда передайте ему от меня, что он осел. Мы все продумали до мельчайших деталей. Мисс Уикем приглашает мистера Апджона на прогулку. Ведет его к озеру. Я стою на берегу и делаю вид, будто рассматриваю резвящихся в тростнике рыбок. Селедка в полной боевой готовности прячется за ближайшим деревом. После реплики мисс Уикем «Ой, смотрите!», сопровождаемой соответствующим жестом — она с девической непосредственностью взволнованно укажет на что-то в воде — Апджон наклоняется взглянуть. Я его толкаю, Селедка ныряет, и дело сделано. Какие могут быть сомнения?

— Все это так, сэр. И все же интуиция мне подсказывает, что план не годится.

У Вустеров горячая кровь, и я уже собирался сказать ему со всей откровенностью, что я думаю о его чертовой интуиции, когда внезапно понял, почему он придирается к нашему плану. Зеленоглазое чудовище по имени зависть грызло его душу. Его раздражало, что не его мозг родил эту гениальную идею, и план кампании разработан конкурирующей фирмой. Даже у великих людей есть свои слабости. Поэтому я удержался от

саркастического замечания, уже готового сорваться с моих губ. Зачем сыпать ему соль на раны?

И все-таки я был на него сердит: когда человек и без того взвинчен и находится в состоянии крайнего нервного напряжения, нечего лезть к нему со всякими бернсами. Я не стал ему говорить, что наш план и так чуть было не сорвался, поскольку Апджон в Лондоне сбрил усы, из-за чего Селедка едва не отказался участвовать в операции. Он заявил, что вид голого пространства под носом у Апджона, широкого, точно русская степь, действует на него так же убийственно, как в далекие школьные годы, когда от одного взгляда на его верхнюю губу у него кровь стыла в жилах. Нам стоило немалых трудов снова поднять его боевой дух.

Но мы трудились на благодатной почве, потому что, хотя душа его какое-то время находилась в опасной близости к пяткам, тем самым ставя под сомнение его участие в операции, в три тридцать по Гринвичу он стоял на своем посту за заранее выбранным деревом, преисполненный решимости исполнить свой долг. Он выглянул из своего укрытия и, когда я бодро помахал ему рукой, вполне бодро помахал мне в ответ. Насколько я успел разглядеть, держался он молодцом.

Видимо, я пришел слишком рано, потому что ни исполнительницы главной женской роли, ни ее партнера еще не было видно. Я закурил сигарету и стал ждать их прихода, с удовлетворением отметив про себя, что погода как нельзя лучше подходит для предстоящего праздника на воде. Летом в Англии солнце нередко прячется за тучи, и с северо-востока то и дело налетает резкий холодный ветер, но сегодня был один из тех тихих, знойных дней, когда от малейшего усилия на лбу выступают крупные бусинки пота, короче говоря, это был день, когда любой будет только рад, если его спихнут в озеро. «Очень освежает», — воскликнет про себя Апджон, когда прохладная вода сомкнётся над его головой.

Я принялся мысленно повторять свою роль, чтобы убедиться, что ничего не упустил, когда увидел, что ко мне приближается Уилберт Артроуз, а у его ног крутится Крошка. При виде меня пес, по своему обыкновению, с оглушительным гавканьем бросился в атаку, но, подбежав поближе и учуяв несравненный вустеровский аромат, тотчас же успокоился и дал мне возможность уделить внимание Уилберту, который, как я понял, хотел со мной поговорить.

Я заметил, что выглядит он неважно, казалось, он тоже проглотил тухлую устрицу, точь-в-точь как Селедка в день его прибытия в Бринкли. Было очевидно, что, при всей придурковатости Филлис Миллс, он тяжело переживает ее потерю, и я решил, что он пришел ко мне за утешением и

сочувствием, которые я с радостью готов был ему предоставить. Я, впрочем, надеялся, что он будет краток и уберется восвояси до начала операции, потому что, когда труба протрубит атаку, лишние свидетели мне будут ни к чему. Когда спихиваешь кого-то в воду, ничто так не нервирует, как зрители, глазеющие на тебя из первых рядов партера.

Однако оказалось, что он пришел беседовать вовсе не о Филлис.

— Послушайте, Вустер, — сказал он. — Я недавно разговаривал с моей матерью.

— Вот как? — сказал я и сделал рукой легкий жест, означающий, что если у него и впредь возникнет желание поговорить со своей матерью, весь дом в его полном распоряжении.

— Она сказала, что вы интересуетесь мышами.

— Что? Да, очень интересуюсь.

— И якобы вы пытались поймать мышь в моей спальне.

— Совершенно верно.

— Весьма благодарен вам за труд.

— Не стоит благодарности. Всегда рад помочь.

— Она сказала также, что вы тщательно обыскали мою комнату.

— Ну, вы понимаете, раз уж взялся задело…

— Ну и как, нашли мышь?

— Нет, не нашел. Увы.

— А может быть, вы вместо мыши нашли там сливочник восемнадцатого века?

— Простите?

— Такой серебряный кувшинчик в форме коровы.

— Нет. А что, он лежал где-то на полу?

— Он был в ящике комода.

— В таком случае я и не мог его найти.

— Сейчас вы бы его уж точно не нашли. Его там нет.

— Нет?

— Нет.

— Вы хотите сказать — он пропал?

— Вот именно.

— Странно.

— Очень странно.

— Да, можно сказать, чрезвычайно странно, верно?

Я говорил с присущим Вустерам хладнокровием и не думаю, чтобы сторонний наблюдатель заметил, что ваш покорный слуга чем-то смущен, но могу заверить почтеннейшую публику: я был в полном смятении.

Сердце мое подпрыгивало так, как не снилось ни Селедке, ни Меченому Макколу, и колотилось о ребра с глухим звуком, который наверняка был слышен в Маркет-Снодсбери. Даже гораздо менее проницательный человек без труда догадался бы, что произошло. Пропустив последнее экстренное сообщение и потому не зная счета в матче, папаша Глоссоп по-прежнему считал, что коровий сливочник — краденое имущество, которое Уилберт умыкнул во время очередной воровской вылазки. Поэтому, преисполненный похвального рвения, он — как и планировал — отправился на поиски в комнату Уилберта, и интуиция, развившаяся во время многолетних поисков туфли, привела его в нужное место. Я испытал горькие — но увы, запоздалые — сожаления в том, что, увлекшись «операцией Апджон», не сообщил ему о последних событиях. В общем, тот самый случай, когда в романах восклицают: «Если б я только знал!»

— Хотел вас спросить, — сказал Уилберт. — Как, по-вашему, я должен поставить в известность миссис Траверс?

Хорошо, что я в тот момент курил именно тот сорт сигарет, которые придают человеку беззаботный вид, поэтому я сумел беззаботно, ну, скажем, почти беззаботно, ответить:

— Пожалуй, лучше не стоит.

— Почему?

— Это может ее огорчить.

— Она такая чувствительная натура?

— Да, чрезвычайно. На вид этого, правда, не скажешь, но внешность обманчива. На вашем месте я бы немного подождал. Возможно, выяснится, что эта штука там, куда вы ее положили, но не думали, что вы ее туда положили. Я хочу сказать, часто бывает так, что кладешь куда-то вещь, а думаешь, что положил ее совсем в другое место, а потом обнаруживаешь, что положил ее не туда, куда думал, а куда-то еще. Ну, вы меня понимаете…

— Нет, не понимаю.

— Просто нужно подождать, возможно, вы ее найдете.

— Думаете, сливочник вернется?

— Думаю.

— Как почтовый голубь?

— Вроде того.

— Вот как? — сказал Уилберт и повернулся, чтобы поздороваться с Бобби и Апджоном, которые только что подошли к лодочному причалу. Мне его манера показалась несколько странной, особенно это его «вот как?», но я был рад, что у него не возникло подозрения, будто эту чертову

штуку взял я. Ему легко могло прийти в голову, что дядя Том, пожалев, что продал свое бесценное сокровище, нанял меня его похитить, как это нередко делают коллекционеры. Тем не менее я по-прежнему чувствовал себя весьма неуютно и подумал про себя, что нужно не забыть сказать Родди Глоссопу, чтобы тот как можно скорее незаметно вернул сливочник на прежнее место.

Я перешел туда, где стояли Бобби и Апджон и, хотя я не потерял присутствия духа и был настроен весьма решительно, не мог избавиться от ощущения, какое бывает, когда вместе с воздухом вдохнешь двойную порцию мотыльков. Я испытывал примерно те же чувства, как во время первого исполнения «Свадебной песни пахаря». Я имею в виду первое исполнение на публике, потому что в ванной-то я распевал ее чуть не каждый день.

— Привет, Бобби, — сказал я.

— Привет, Берти, — сказала она.

— Привет, Апджон, — сказал я.

Любой другой на его месте ответил бы: «Привет, Вустер», но он, по своему обыкновению, надулся и издал звук, который издает волк, которому защемило лапу капканом. Он сегодня явно не в духе, черт бы его побрал, подумал я.

Зато Бобби щебетала, как птичка.

— Берти, я только что рассказывала мистеру Апжону о большой рыбе, которую мы вчера здесь видели.

— А, ну да… очень большая рыба.

— Просто гигантская, верно?

— Удивительно крупная.

— Я привела мистера Апджона, чтобы и он на нее посмотрел.

— Правильно сделала. Она вам понравится, Апджон, вот увидите.

Я оказался прав: он был и в самом деле не в духе. В ответ он еще раз исполнил свое волчье ариозо.

— Ничего я смотреть не собираюсь, — сказал он, и я не в силах подыскать слова лучше, чем «брюзгливый», чтобы описать тон, которым он это произнес. — Мне сейчас нельзя выходить из дому — я жду звонка от моего адвоката.

— Ну, я бы не стал беспокоиться из-за каких-то адвокатов, — с сердечной улыбкой сказал я. — Все равно эти крючкотворы вам ничего хорошего не скажут. Им бы только языком молоть. Вы потом всю жизнь будете жалеть, что не увидели эту рыбину. Вы что-то сказали, Апджон? — любезно спросил я.

— Я сказал, мистер Вустер, что вы и мисс Уикем глубоко заблуждаетесь, если думаете, будто меня интересуют рыбы

— большие или маленькие. Мне вообще не следовало отлучаться из дома. Я должен немедленно вернуться.

— Постойте, не уходите, — сказал я.

— Дождитесь рыбины, — сказала Бобби.

— Она вот-вот появится, — сказал я.

— С минуты на минуту, — сказала Бобби.

Наши глаза встретились, и я прочел в них, как в раскрытой книге: пора действовать. «В делах людей бывает миг прилива; он мчит их к счастью, если не упущен.[94]» Это не мои слова — Дживса. Бобби наклонилась над водой.

— Ой, смотрите! — закричала она, указывая на что-то пальцем.

Это, как я объяснил Дживсу, была та самая реплика, после которой Апджону полагалось тоже склониться над водой, тем самым облегчая мою задачу, но он и не думал никуда склоняться. Вы спросите, почему? Да потому, что невесть откуда появилась дуреха Филлис и пропела:

— Папа, тебя просят к телефону.

Апджон, как вы знаете, только того и ждал, его как ветром сдуло. Он почесал к дому с резвостью, достойной Крошки, который в это самое время носился по полю кругами, чтобы, как я понял, растрясти слишком обильный обед.

Теперь я начал понимать, что имел в виду поэт Бернс. Что может быть хуже, чем когда во время спектакля со сцены внезапно исчезает главное действующее лицо? Помню, мы играли «Тетку Чарлея» в городской ратуше Маркет-Снодсбери, благотворительный спектакль в фонд нового органа для местной церкви. Так вот, в середине второго акта у Китекэта Поттера-Перебрайта, исполнявшего роль лорда Фанкурта Баберли, пошла кровь из носа, и он убежал за кулисы.

Что касается меня и Бобби, то этот поворот событий заставил нас онеметь от неожиданности, у нас, как говорится, язык отнялся, однако у Филлис он продолжал работать как нельзя лучше.

— Я нашла эту прелестную кисулю в саду, — сказала она, и тут я впервые заметил, что на руках она держит кота Огастуса. Вид у него был весьма недовольный, и его можно понять. Ему смертельно хотелось продолжить сладкий послеобеденный сон, а она не давала ему уснуть, нашептывая на ухо всякий нежный вздор.

Филлис опустила кота на землю.

— Хочу познакомить его с Крошкой. Крошка обожает кошек, правда,

мой сладенький? Поздоровайся с киской, мой ангелочек.

Я бросил взгляд на Уилберта Артроуза, мне было интересно, как он к этому отнесется. Мне казалось, что подобный монолог должен был загасить огонь любви в его груди, потому что — на мой взгляд — ничто так не охлаждает чувства, как сюсюканье. Но, вместо того чтобы выразить отвращение, он жадно пожирал ее глазами и внимал ее словам, точно райской музыке. Очень странно, подумал я и только начал было размышлять о загадках человеческой души, как вдруг заметил некоторое оживление в окружающем меня пространстве.

Когда спущенный на землю Огастус свернулся клубком и впал в свое обычное сонное состояние, Крошка завершал десятый круг и собирался начать одиннадцатый. Увидев Огастуса, он остановился на всем скаку, широко улыбнулся, вывернул уши наизнанку, задрал хвост под прямым углом к своему длинному телу и с радостным лаем устремился вперед.

Разумеется, делать этого ни в коем случае не следовало. Даже самый дружелюбно настроенный кот, когда его внезапно будят посреди сладкой дремы, может проснуться в дурном настроении. А Огастус уже и так достаточно натерпелся от Филлис, которая вырвала его из объятий Морфея, чтобы притащить к озеру, а теперь весь этот шум и суета, когда он только что снова задремал, окончательно испортили ему настроение. Он злобно зашипел, издал истошный вопль, что-то коричневое и длинное пронеслось у меня между ног и рухнуло, увлекая меня за собой, в озерные глубины. Вода сомкнулась над моей головой, и на какое-то время я перестал понимать, где я и что со мной происходит.

Когда я вынырнул на поверхность, то оказалось, что мы с Крошкой не единственные любители купания. К нам присоединился Уилберт Артроуз, который прыгнул в воду, схватил пса за шиворот, и теперь на приличной скорости буксировал его к берегу. И, по странному совпадению, в этот миг кто-то схватил за шиворот меня самого.

— Все в порядке, мистер Апджон, не волнуйтесь, все в по… А ты что здесь делаешь, Берти? — спросил Селедка, потому что это был он. Может быть, я ошибаюсь, но в его голосе мне послышалось раздражение.

Я выпустил изо рта около пинты H2O.

— Законный вопрос, — сказал я, задумчиво стряхивая с головы водяного жука. — Не знаю, знаком ли ты с поэтом Бернсом, но он сказал бы, что я оказался здесь по прихоти Творца.

Глава XVI

Выбравшись на сушу, мы с громким хлюпаньем заковыляли в сторону дома под конвоем Бобби, словно наполеоновские гвардейцы после бегства из Москвы. Рядом с теннисным кортом нам встретилась тетя Далия, которая возилась у цветочного бордюра в своей знаменитой шляпе, удивительно похожей на корзину для рыбы. Она с изумлением вытаращила на нас глаза и, после долгой паузы, издала восклицание, едва ли уместное в присутствии дам — она вне всякого сомнения подцепила его во времена своих охотничьих подвигов. Облегчив душу, она спросила:

— Что творится в нашем бедламе? Сначала пробежал Уилберт Артроуз, мокрый до нитки, теперь вы двое, точно пара утопленников. Вы что, играли в водное поло не раздеваясь?

— Скорее, участвовали в пляжном конкурсе красоты, — сказал я. — Но это долгая история, пожалуй, нам стоит поскорее вернуться в дом и надеть что-нибудь посуше, и уж потом вести с вами пространные беседы, хотя, — галантно прибавил я, — мы всегда получаем от них огромное удовольствие.

— А почему Апджон сух, как песок в пустыне Гоби? В чем дело? Он отказался вступить в ваш ватерпольный клуб?

— Ему нужно было срочно поговорить по телефону со своим адвокатом, — сказал я, и, оставив Бобби излагать подробности последних событий, мы захлюпали дальше. Вернувшись в комнату, я только-только успел сбросить промокшие доспехи и переодеться в сухой костюм из светлой фланели, когда раздался стук в дверь, и на пороге показались Селедка и Бобби.

Первое, что меня поразило, это отсутствие тоски, уныния и проч. на их лицах. Всего четверть часа назад по нашим надеждам и чаяниям был нанесен сокрушительный удар, и я ожидал увидеть их согбенными под бременем обрушившихся на них несчастий, однако оба они буквально светились радостью и излучали оптимизм. Я сперва подумал, что, с присущей им бульдожьей стойкостью, не позволяющей ни при каких обстоятельствах признать себя побежденными (качество, сделавшее англичан — и, разумеется, англичанок — такими, какие они есть), они решили не отказываться от прежнего плана и предпринять еще одну попытку.

Но на мой вопрос, так ли это на самом деле, они ответили

отрицательно. Нет, сказал Селедка, у нас нет никаких шансов снова заманить Апджона на озеро, а Бобби добавила, что даже если это удастся, то все равно никакого проку не будет, я опять все испорчу.

Признаюсь, я был уязвлен.

— Что ты хочешь этим сказать — «все испорчу»?

— Ты опять раззявишь рот, запутаешься в собственных ногах и свалишься в воду, как сегодня.

— Прошу прощения, — сказал я, с трудом сохраняя тон, предписываемый английскому джентльмену в разговоре с представительницами противоположного пола, — но ты несешь несусветную чушь. Я не раззявливал рот и не путался в собственных ногах. Я был ввергнут в пучину вод в результате непреодолимых обстоятельств в лице неожиданно появившейся таксы, которая и сбила меня с ног. Если тебе обязательно нужно найти виноватого, так знай: виновата эта дура Фил-лис, которая приволокла Огастуса и публично назвала его прелестной кисулей. Естественно, он разозлился и не захотел вступать в дружеские отношения с несущимся на него псом.

— Совершенно справедливо, — сказал Селедка: он всегда был верным другом. — Берти не виноват, мой ангел. Что ни говори, но споткнуться о таксу в тысячу раз легче, чем о собаку любой другой породы из-за особенностей ее телосложения. Мне кажется, что Берти сделал все, что мог.

— А мне не кажется, — сказала Бобби. — Впрочем, это уже не имеет значения.

— Верно, не имеет, — сказал Селедка, — потому что твоя тетушка предложила новый план, который ничуть не хуже ланчестер-симмонсовского, а может быть, даже лучше. Она вспомнила, что в свое время Боко Фиттлуорт пытался добиться расположения твоего дяди Перси, и ты храбро вызвался пойти и обругать дядю Перси самыми обидными словами, чтобы поджидающий за дверью Боко мог в нужный момент войти и вступиться за него, и тем самым завоевать его расположение. Ты, наверное, помнишь этот случай?

Я вздрогнул. Еще бы мне не помнить!

— Она считает, что тот же план может сработать и с Апджоном, и, по-моему, она права. Ты же знаешь, как приятно сознавать, что у тебя есть преданный друг, человек, который не даст тебя в обиду, готов за тебя в огонь и в воду. Это очень трогает. И если прежде у тебя было предвзятое мнение об этом человеке, ты готов свое мнение изменить. Ты не сможешь сделать ничего, что повредит твоему бесценному другу. Именно такие

чувства, Берти, начнет испытывать ко мне Апджон, если я вступлюсь за него и выражу свое сочувствие и поддержку в тот момент, когда ты начнешь поносить его самыми последними словами, какие только знаешь. Ты можешь почерпнуть неограниченный запас бранных слов от своей тети. Она же прежде охотилась, а охотники обязательно должны знать подобные выражения, чтобы вовремя подбодрить собак. Попроси ее составить для тебя список самых отборных.

— Да ему это ни к чему, — сказала Бобби. — Он и так помнит их все назубок.

— Разумеется. С такой тетушкой ты наверняка выучил все, что требуется, еще в пеленках. Вот, Берти, значит, сделаем так. Ты выбираешь момент, подходишь к Апджону, грозно нависаешь над ним…

— …когда он сидит, скорчившись, на стуле…

— …ты грозишь ему пальцем и начинаешь честить его на все корки. Согбенный под тяжестью оскорблений, он ждет, чтобы какой-нибудь истинный друг в беде вступился за него и прекратил эту страшную пытку, и тут вхожу я и заявляю, что все слышал. Бобби настаивает, что я должен тебе как следует двинуть, но думаю, у меня не получится. Воспоминание о нашей давней дружбе не позволит мне нанести удар. Я просто отчитаю тебя как следует. «Вустер, — скажу я. — Я потрясен. Потрясен и возмущен. Не могу понять, как ты можешь так разговаривать с человеком, которого я всегда уважал и которым всегда восхищался, с человеком, под руководством которого я провел в приготовительной школе счастливейшие годы моей жизни. Как ты мог так забыться, Вустер». После чего ты незаметно исчезаешь, раздавленный стыдом и угрызениями совести, а Апджон смущенно благодарит меня и говорит, что если он что-то может для меня сделать, мне достаточно лишь намекнуть ему, что именно.

— Я все-таки думаю, что ты должен ему двинуть.

— Завоевав, таким образом, его любовь…

— Это повысит кассовый успех спектакля.

— …завоевав, таким образом, его любовь, я наведу разговор на судебный иск.

— Хорошая плюха по носу была бы совсем не лишней.

— Я скажу, что мне на глаза попался сегодняшний номер «Рецензий по четвергам» и что я вполне могу понять его желание оштрафовать журнал на кругленькую сумму, но: «Не забудьте, мистер Апджон, — скажу я, — что, когда еженедельная газета теряет значительную сумму денег, газете эти деньги нужно как-то восполнить, и восполнять их будут за счет увольнения молодых сотрудников редакции. Ведь вам не хотелось бы,

чтобы я лишился работы, мистер Апджон?» Тут он спросит: «А разве вы работаете в «Рецензиях по четвергам»?» — «В настоящее время — да, — скажу я. — Но если вы возбудите этот иск, мне придется торговать карандашами на улице». Это самый важный момент. Взглянув ему в глаза, я вижу, что он думает о пяти тысячах фунтов, и мгновение, вполне естественно, колеблется. Но потом лучшая сторона его натуры берет верх. Его взгляд смягчается. На глазах выступают слезы. Он сжимает мою руку. Он говорит, что не хуже любого мог бы найти, на что истратить эти пять тысяч фунтов, но никакие деньги в мире не в состоянии заставить его нанести вред человеку, который столь стойко защищал его от этого негодяя Вустера, и в завершающей сцене мы идем вместе в буфетную Макпалтуса выпить по бокалу портвейна, возможно, даже обнявшись, и тем же вечером он пишет письмо своему адвокату с просьбой отозвать иск. У кого есть вопросы?

— У меня, во всяком случае, нет. Ведь он не знает, кто написал рецензию. Статья не подписана.

— Слава Главному, который строго следит, чтобы молодые не ставили подписи под заметками.

— По-моему, наш сценарий безупречен. Он вынужден будет отозвать иск.

— Честно говоря, и я так считаю. Теперь остается выбрать время и место, и Берти может приступать.

— Мне кажется, лучше всего действовать немедленно.

— Но сперва нужно найти Апджона.

— Он в кабинете мистера Траверса. Я видела его через стеклянную дверь, когда шла по саду.

— Превосходно. Тогда, Берти, если ты готов…

Вы, вероятно, заметили, что во время этого диалога я не проронил ни слова. Дело в том, что я оцепенел от предстоящего мне ужаса. В том, что этот ужас неизбежен, у меня не было ни малейшего сомнения, ибо там, где любой другой встретил бы это предложение твердым nolle prosequi,[95] я был связан по рукам и ногам кодексом фамильной чести Вустеров, не позволяющим, как всем известно, бросить друга детства в беде. Если для того, чтобы спасти его от необходимости зарабатывать себе на жизнь продажей карандашей на улице (хотя, мне кажется, что торговля апельсинами — гораздо более прибыльное занятие), необходимо размахивать пальцем перед носом у Обри Апджона и обзывать его последними словами, я буду размахивать пальцем и произносить соответствующие слова. В результате этого страшного испытания мои

волосы побелеют до самых корней, а от меня останется лишь жалкая тень, но я должен через все это пройти. Почему? — «А потому что потому! Кончается на "у"», как мы любили отвечать в детстве.

Так что я просто сказал «Ладно» довольно хриплым голосом, и попытался не думать о том, как выглядит лицо Апджона без усов. Дело в том, что я буквально цепенел при мысли о голой верхней губе, которой он — еще во времена оно — отвратительно подергивал во время разговора. Я смутно припоминаю, что по пути на арену Бобби назвала меня своим маленьким героем, а Селедка заботливо осведомился, не сел ли у меня голос, но никакие восторги по поводу геройства и заботы о голосовых связках не могли восстановить душевного равновесия Бертрама Вустера. Короче говоря, когда я повернул ручку двери и нетвердой походкой вошел в кабинет, я чувствовал себя как робкий новичок, выходящий на ринг против чемпиона в тяжелом весе. Я был не в силах забыть, что Обри Апджон, которому в течение многих лет приходилось усмирять разъяренных родителей, и крутой нрав которого стал притчей во языцех в Брамли-он-Си, так вот, Обри Апджон не из тех, кто позволит безнаказанно размахивать пальцем у себя перед носом.

Во время моих приездов в «Бринкли-Корт» я редко заходил в кабинет дяди Тома, потому что он всякий раз хватал меня за рукав и начинал бубнить про старинное серебро, зато если мы встречались в нейтральных водах, он иногда касался и других тем, поэтому я исходил из принципа, что самому лучше не нарываться. Прошло больше года с тех пор, как я последний раз навещал его святилище, и я успел забыть, что его кабинет поразительно похож на берлогу Обри Апджона в Малверн-Хаусе. Вот почему, увидев Апджона за письменным столом, совсем как в прежние годы, когда он посылал за мной, чтобы в очередной раз вернуть на кремнистую стезю добродетели, я почувствовал, что остатки мужества окончательно покинули меня. К тому же я вдруг обнаружил изъян в разработанной нами схеме, а именно: нельзя просто так ввалиться в комнату и начать осыпать человека скверными словами ни с того, ни с сего; надо сперва как-то подготовить почву. Иначе говоря, необходим хоть какой-то предварительный обмен репликами, как на официальных переговорах.

— Привет! — сказал я. Такое вступление показалось мне ничуть не хуже любого другого. Думаю, что все государственные деятели примерно так начинают ответственные встречи, проходящие в сердечной и дружественной обстановке.

— Читаете? — спросил я.

Он оторвался от книги — я успел заметить, что это роман мамаши Артроуз — и слегка дернул верхней губой.

— Вам не откажешь в наблюдательности, Вустер. Я и в самом деле читаю.

— Интересная книжка?

— Чрезвычайно. Жду не дождусь, когда смогу без помех продолжить чтение.

Я человек очень чуткий и тотчас понял, что обстановка на предстоящих переговорах будет далека от сердечности. Ни в его словах, ни во взгляде, который он на меня бросил, не было ничего похожего на дружбу. Всем своим видом он, казалось, хотел сказать, что я занимаю в комнате пространство, которое может быть использовано с гораздо большей пользой.

Тем не менее я продолжил артподготовку:

— Я вижу, вы сбрили усы.

— Сбрил. Надеюсь, вы не считаете, что это была ошибка?

— Вовсе нет. Я сам в прошлом году отрастил усы, но потом пришлось от них избавиться.

— В самом деле?

— Под давлением общественного мнения.

— Понятно. Что ж, с удовольствием послушал бы ваши воспоминания, Вустер, но в данный момент я жду звонка от моего адвоката.

— Я думал, вы уже.

— Простите?

— Тогда, на озере, вы уже ходили разговаривать с адвокатом.

— Пока я шел к телефону, ему надоело ждать, и он повесил трубку. Напрасно я позволил тогда мисс Уикем увести меня из дома.

— Она хотела показать вам большую рыбину.

— Это я понял.

— Кстати, о рыбе. Вы, я думаю, не ожидали встретить здесь Селедку?

— Какую селедку?

— Сельдинга.

— А, Сельдинга, — сказал он, и в его голосе я не уловил даже тени интереса. Разговор начал вянуть, и тут распахнулась дверь и в комнату впорхнула дуреха Филлис — видно было, что она прямо-таки подпрыгивает от нетерпения.

— Ах, простите, — пролепетала она. — Ты занят, папа?

— Нет, дорогая.

— Могу я с тобой кое о чем поговорить?
— Разумеется. Прощайте, Вустер.
Я понял, к чему он клонит. Мое присутствие нежелательно. Мне ничего не оставалось, как исчезнуть через стеклянную дверь, и как только я оказался в саду, на меня пантерой набросилась Бобби.
— Какого дьявола, Берти? — сказала она театральным шепотом. — Что за ахинею ты нес про какие-то усы? Я думала, он давно уже погребен под грузом оскорблений.
Я возразил, что Апджон пока не дал мне повода перейти к делу.
— Какого еще, черт тебя побери, повода?
— А такого. Должен же я как-то повернуть разговор в нужном направлении, верно?
— Дорогая, я понял, что Берти имеет в виду, — сказал Селедка. — Ему требуется…
— Point d'appui.[96]
— Чего? — спросила Бобби.
— Ну, вроде исходного рубежа для атаки. Она возмущенно фыркнула.
— А по-моему, он просто трусливый червяк. У него ноги похолодели от страха.
Мне ничего не стоило поставить ее на место, обратив внимание на тот факт, что у червяка не может быть ног — ни холодных, ни раскаленных докрасна, только неохота было с ней препираться.
— Убедительная просьба, Селедка, — с ледяным достоинством произнес я, — попроси свою приятельницу во время дискуссии держаться в рамках приличий. Ничего у меня не похолодело. Я храбр, как лев, и готов на ратный подвиг. Просто пока я ходил вокруг да около, ввалилась Филлис и заявила, что ей нужно поговорить с Апджоном.
Бобби снова фыркнула — на это раз безнадежно.
— Ну, это надолго. Нет никакого смысла ждать.
— Согласен, — сказал Селедка. — Операция временно откладывается, Берти, мы тебя известим о времени и месте следующего забега.
— Спасибо, — сказал я, и они ушли.
Я все еще стоял, погруженный в мысли о печальной судьбе, которая ожидает бедного Селедку, когда на горизонте показалась тетя Далия. До чего же я был рад ее видеть! Возможно, подумал я, она пришла, чтобы помочь и утешить, поскольку, подобно женщине из того стихотворения, она хотя и кажется порой грубоватой «в минуты счастья и покоя», но вы всегда можете рассчитывать на ее сочувствие, когда на вас наваливаются жизненные невзгоды.

Как только она подгребла поближе, мне показалось, что и ее чело омрачено тенью тревоги. И я не ошибся.

— Берти, — сказала она, возбужденно размахивая садовой лопаткой. — Знаешь, что я тебе скажу?

— Нет. Что?

— А вот что, — сказала престарелая родственница, и с ее уст сорвалось односложное восклицание, из тех, что издают охотники при виде своры гончих, преследующих зайца. — Эта дуреха Филлис только что обручилась с Уилбертом Артроузом!

Глава XVII

Ее слова прозвучали, как гром среди ясного неба. Не скажу, чтобы мне показалось, будто меня хватили обухом по голове, но я был потрясен. И то сказать: любимая тетушка из кожи вон лезет, чтобы ее крестница не угодила в лапы нью-йоркского плейбоя, и вдруг выясняется, что все ее благие намерения псу под хвост, как тут сыну ее покойного брата не содрогнуться от сострадания и жалости?

— Не может быть, — сказал я. — Кто вам это сказал?

— Она и сказала.

— Сама?

— Лично. Прискакала ко мне вприпрыжку, хлопая в ладошки от радости, и заблеяла: «Ах, дорогая миссис Траверс, я так счастлива, так счастлива». Безмозглая курица! Я чуть не треснула ее по башке лопаткой. Мне и прежде казалось, что у нее не все дома, но теперь я уверена, что там просто ни души.

— Но как это случилось?

— Все вышло из-за того, что ее пес свалился в воду.

— Верно, он искупался вместе со всеми. Но какое это имеет…

— Уилберт Артроуз прыгнул в озеро и спас его.

— Пес прекрасно мог выбраться на берег и сам. Он, собственно, уже плыл к берегу безукоризненным австралийским кролем.

— Но Филлис, с ее куриными мозгами, этого понять не в состоянии. В ее глазах Уилберт Артроуз — герой, который спас ее собаку от неминуемой гибели в водной пучине. И поэтому она выйдет за него замуж.

— Но как это можно — выйти замуж за человека лишь потому, что он спас твою таксу?

— Можно, если ты Филлис.

— Мне это кажется просто невероятным.

— Как и любому нормальному человеку. Но это так. Для меня девушки, вроде Филлис Миллс — раскрытая книга. Как ты знаешь, я четыре года была владелицей и редактором еженедельного женского журнала. — Она имела в виду периодическое издание «Будуар элегантной дамы», где под рубрикой «Для мужей и братьев» была некогда опубликована моя статья, или, скорее, заметка «Что носит хорошо одетый мужчина». Недавно журнал продали какому-то простофиле из Ливерпуля, и дядя Том был просто на седьмом небе от счастья, потому что именно ему

приходилось все эти годы оплачивать счета.

— Вряд ли ты регулярно читал мой журнал, — продолжала она, — и, возможно, не знаешь, что в каждом номере мы публиковали по небольшому рассказу. Так вот, в семидесяти процентах этих рассказов герой завоевывал сердце девушки, спасая ее собаку, кошку, канарейку или какую-нибудь иную живность, принадлежащую его пассии. Хотя не Филлис писала все эти рассказы, она вполне бы могла их написать, потому что именно так работает ее мозг. Когда я говорю «мозг», — добавила моя дражайшая родственница, — я имею в виду ту четверть чайной ложки серого вещества, которую удалось бы извлечь из ее головы в результате глубинного бурения. Бедная Джейн!

— Бедная кто?

— Ее мать. Джейн Миллс.

— А, ну да. Она была вашей подругой, вы рассказывали.

— Самой близкой из всех, она часто говорила мне: «Далия, если я умру раньше тебя, ради всего святого, пригляди за Филлис, не дай ей выскочить замуж за какого-нибудь ужасного типа. По-моему, она только об этом и думает. Девушки почему-то всегда только о том и думают», — сказана она, и я поняла, что она вспомнила своего первого мужа, негодяя, каких свет не видал, с которым она хлебнула немало горя, пока он, пьяный, не нырнул в один прекрасный день в Темзу, да так и не вынырнул. «Умоляю, останови ее», — сказала она, и я ответила: «Джейн, можешь на меня положиться». И вот теперь это случилось.

Я попытался ее утешить.

— Вам не в чем себя упрекнуть.

— Нет, есть.

— Это не ваша вина.

— Я пригласила Уилберта Артроуза.

— Как всякая хорошая жена, вы хотели помочь дяде Тому.

— Я позволила приехать Апджону, который подстрекал Филлис к этому замужеству.

— Верно, это Апджон во всем виноват.

— И я так считаю.

— Если бы не его тлетворное влияние — кажется, так это называется — Филлис осталась бы холостой, или незамужней, или как там правильно… «Ты виновен, Апджон!» — вот единогласный вердикт присяжных. Ему должно быть стыдно за то, что он сделал.

— И я так ему и скажу! Я бы не пожалела десятки, чтобы Апджон оказался сейчас здесь.

— Можете получить его даром. Он в кабинете дяди Тома. Ее лицо вспыхнуло от радости.

— В самом деле? — Она набрала полные легкие воздуха. — АПДЖОН! — взревела она, точно пастух, скликающий овец на бескрайних просторах Аравийской пустыни. Я на всякий случай решил ее предостеречь.

— Смотрите, престарелая родственница, как бы у вас снова не поднялось давление.

— Оставь в покое мое давление. Не трогай его, и я тебя не трону. АПДЖОН!

Он показался в проеме стеклянной двери, вид у него был неприступный и суровый, точь-в-точь как во время наших задушевных бесед в Малверн-Хаусе, в которых мне приходилось участвовать отнюдь не по своей воле (обычно он посылал за мной со словами: «Я хотел бы видеть Вустера в моем кабинете сразу же после утренней молитвы»).

— Кто здесь так ужасно кричит? А, это вы, Далия.

— Да, это я.

— Вы хотели меня видеть?

— Да, но не в том виде, как сейчас. Я бы хотела видеть вас со сломанным позвоночником, с переломанными ногами, сплошь покрытого язвами проказы.

— Но, дорогая Далия!

— Я вам не дорогая Далия. Я огнедышащий вулкан! Вы видели Филлис?

— Она ушла от меня минуту назад.

— Она вам рассказала?

— Про то, что собирается замуж за Уилберта Артроуза? Разумеется.

— И вы, конечно, рады-радешеньки?

— Конечно, рад.

— Ах, вы рады! Ну еще бы, ведь ваше заветное желание — выдать несчастную девушку с бараньими мозгами за человека, взрывающего бомбы со зловонным газом в ночных клубах и крадущего серебряные ложки со стола, человека, который уже развелся с тремя женами и который, если только полиция не будет хлопать ушами, закончит свои дни на каторжных работах в нью-йоркской тюрьме Синг-Синг. При условии, конечно, что его прежде не упекут в желтый дом. Прямо сказочный принц, а не жених!

— Я вас не понимаю.

— Значит, вы просто осел.

— Ну, знаете ли! — сказал Апджон, и в голосе у него зазвучал металл. Видно было, что ее тон, далеко не любезный, и ее слова, которым явно не хватало сердечности, его разозлили. Еще немного — и он прикажет ей в наказание переписать десять раз «Отче наш» или велит нагнуться и всыпит полдюжины горячих бамбуковой тростью. С директорами приготовительных школ шутки плохи.

— Завидная участь для дочери Джейн. Бродвейский Уилли!

— Бродвейский Уилли?

— Именно так зовут его в кругах, где он вращается и куда он вскоре введет Филлис. «Познакомьтесь с моей новой подружкой», — представит он ее своим забулдыгам-приятелям, после чего, как дважды два, научит делать бомбы со зловонным газом, а дети — если у них когда-нибудь будут дети — с пеленок овладеют искусством шарить по карманам. И в ответе за это будете вы, Апджон!

Мне очень не нравилось выражение его лица. Должен признать, что престарелая родственница устроила первоклассное представление, слушать ее было одно удовольствие, но тут Апджон задергал верхней губой, а на лице его появилось выражение злорадного удовлетворения, точь-в-точь как в далекие школьные годы, когда ему удавалось обнаружить брешь в моих показаниях во время очередного разбирательства в его кабинете. Мне вспомнился один из таких случаев, когда я разбил крикетным мячом стекло в гостиной. Для меня было ясно, как день, что он приготовился разделать мою дражайшую родственницу под орех, чтобы она навсегда зареклась впредь с ним связываться. Я не знал, как именно он собирается это сделать, но не сомневался, что так оно и будет.

И я оказался прав. Его верхняя губа меня не обманула.

— С вашего позволения, мне хотелось бы вставить пару слов, дорогая Далия, — сказал он. — Мне кажется, тут явное недоразумение. Вы, по-видимому, считаете, что Филлис выходит за младшего брата Уилберта — Уилфреда, доставившего столько огорчений своим близким, печально знаменитого плейбоя, известного, как вы справедливо заметили, среди своих беспутных друзей под кличкой Бродвейский Уилли. Согласен, Уилфред совершенно неподходящий жених для моей падчерицы, что он уже доказал тремя предшествующими браками, но я ни от кого еще не слышал дурного слова про Уилберта. Немного найдется молодых людей, которые снискали бы такое всеобщее уважение. Он преподает в одном из самых знаменитых американских университетов, сейчас он в отпуске и приехал в нашу страну для научной работы. Он специалист по романским языкам.

Скажите сразу, если я уже рассказывал вам эту историю. Скорее всего, рассказывал. Как-то раз, в Оксфорде, я болтал на берегу реки с некоей барышней, имени которой я не могу сейчас вспомнить, как вдруг послышался громкий лай, и огромная псина, смахивающая на собаку Баскервиллей, стала галопом приближаться ко мне, явно с целью нанесения тяжелых увечий, что совершенно не входило в мои ближайшие планы. Я уже приготовился предать свою душу на милость Господа и размышлял о том, что сейчас из моих новых брюк вырвут на тридцать шиллингов шерстяной фланели, как вдруг девушка, подпустив собаку на расстояние, с которого можно было разглядеть цвет глаз этой ужасной твари, с удивительным присутствием духа раскрыла яркий японский зонтик прямо перед мордой животного. Пес испуганно взвизгнул, сделал тройное заднее сальто и навсегда исчез из моей жизни.

Я об этом так подробно рассказываю потому, что, за исключением тройного заднего сальто, реакция тети Далии на это сообщение была точь-в-точь как у вышеупомянутой псины на японский зонтик. Позже тетушка призналась, что испытала такое же ощущение, как некогда во время охоты, когда она скакала верхом по вспаханному полю после сильных дождей, и из-под копыт лошади едущего впереди охотника вылетели три фунта мокрой глины и попали ей прямо в физиономию.

Она сделала судорожное глотательное движение, точно бульдог, который пытается проглотить бифштекс, размеры которого во много раз превышают ширину его грудной клетки.

— Вы хотите сказать, что их двое?

— Совершенно верно.

— И Уилберт не тот из них, про которого я думала?

— Вы абсолютно верно представили себе ситуацию. Теперь вы согласитесь со мной, дорогая Далия, — сказал Апджон с тем видимым удовольствием, с которым объявлял, представив предварительно неопровержимые доказательства моей вины: «Это твоей рукой, Вустер, был пущен крикетный мяч», — теперь вы согласитесь, что ваше беспокойство, которое, разумеется, делает вам честь, было совершенно напрасным. О лучшем муже для Филлис нельзя и мечтать. У Уилберта есть все: прекрасная внешность, ум, характер… и отличное будущее, — добавил он, размазывая слова языком по небу, точно марочный портвейн. — Состояние его отца, насколько я знаю, превышает двадцать миллионов долларов, а Уилберт — его старший сын. Да, я весьма доволен, весьма…

В этот миг зазвонил телефон, и, крикнув «Aral», он бросился обратно в

комнату, точно кролик в родную нору.

Глава XVIII

После того как Апджон исчез со сцены, престарелая родственница минуту-другую была не в силах произнести ни слова. Но вот она снова обрела дар речи.

— Это же просто верх глупости! — возопила она, если только «возопить» достаточно выразительное слово. — На свете миллион разных имен, но эти идиоты Артроузы называют одного сына Уилбертом, а другого Уилфредом, и при этом оба откликаются на Уилли. Только голову людям морочат. Надо все-таки соображать!

Я снова сказал ей, чтобы она не распалялась, а лучше подумала о своем давлении, но она и на этот раз не пожелала меня слушать, пообещала оторвать мне башку и сварить на медленном огне.

— Как тут не распалиться, ведь этот самодовольный индюк Обри Апджон отчитал меня, словно прыщавого школяра, который шаркал ногами в церкви.

— Удивительно, — сказал я, пораженный неожиданным совпадением. — Он однажды устроил мне разнос как раз за это. И у меня тогда были прыщи.

— Надутый осел!

— Недаром говорят, что нет ничего нового под солнцем.

— Какого дьявола он вообще здесь делает? Я его не приглашала.

— Вот и выставьте его. Я вам это давно предлагал. «Возьмите его и бросьте в тьму внешнюю, там будет плач и скрежет зубов[97]».

— И брошу, если он снова вздумает мне дерзить.

— Я гляжу, с вами сегодня шутки плохи.

— Уж это точно. Господи! Опять он!

И в самом деле — на лужайку снова выкатился О. Апджон. Только он уже не светился самодовольством, столь разозлившим мою родственницу. Лик его был ужасен — казалось, то, что ему сообщили по телефону, пробудило в нем доселе спавшего демона.

— Далия! — возопил он (пусть будет еще раз «возопил»). Демон, давно уже активно бодрствующий в тете Далии, тоже сделал стойку. Она метнула на Апджона суровый взгляд, точно на проштрафившегося пса из своры гончих охотничьего клуба «Куорна» или «Пайтчли».

— Что еще?

Теперь уже Апджон — как недавно тетя Далия — потерял дар речи. В

этот летний день все только и делали, что теряли и снова обретали этот важнейший из даров.

— Я разговаривал по телефону с моим адвокатом, — после неловкой паузы произнес он. — До этого я просил его навести справки и узнать имя автора той клеветнической заметки в «Рецензиях по четвергам». Он только что сообщил мне, что это дело рук моего бывшего ученика Реджинальда Сельдинга.

Он помолчал, давая нам возможность осознать сказанное им, и когда мы осознали, сердце у нас упало. Вернее, это у меня упало. Тетя Далия и бровью не повела. Она только почесала подбородок садовой лопаткой и сказала:

— В самом деле?

Апджон растерянно заморгал — видно, ждал от нее большего понимания и сочувствия.

— Это все, что вы можете сказать по этому поводу?

— Все.

— Ах, так. Видите ли, я возбудил судебный иск против газеты и требую возмещения нанесенного мне ущерба. В этой связи я не желаю оставаться под одной крышей с Реджинальдом Сельдингом. Если он не покинет этот дом, его покину я.

Воцарилась тишина — того рода, что наступает в центре циклона перед тем, как он вдарит и пойдет крушить все, что попадется под горячую руку. Казалось, тишина пульсирует. Да, пожалуй, это слово вполне подходит. «Наэлектризованная» тоже годится. Впрочем, если вы назовете наступившую тишину «зловещей» — я возражать не стану. От подобной тишины мороз пробегает по коже и волосы на ногах встают дыбом, пока вы стоите и ждете, что вот сейчас шарахнет. Я видел, что тетя Далия начала раздуваться, как пузырь жевательной резинки, и человек, не столь благоразумный, как Бертрам Вустер, мог бы посоветовать ей подумать о своем давлении.

— Вы что-то сказали? — спросила она. Он повторил основные тезисы.

— Вот как? — сказала она, и тут пузырь с треском лопнул. Должен заметить, Апджон сам напросился. Моя тетушка — добрейшая душа, таких мало на свете, но если ее разозлить, она напускает на себя высокомерный вид великосветской дамы, и перед ее гневом пасуют отважнейшие из отважных. При этом ей не требуется, как другим, лорнет, чтобы указать человеку его истинное место, она прекрасно повергнет вас в прах и невооруженным глазом. — Вот как? — сказала она. — Стало быть, я теперь должна согласовывать с вами список моих гостей? У вас хватает

смелости, точнее…

Я почувствовал, что она нуждается в помощи.

— Наглости, — подсказал я.

— …наглости указывать, кого мне принимать в моем доме? У вас хватает…

— …нахальства…

— …хватает бесстыдства, — поправила она, и я мысленно вынужден был признать, что так сильнее, — указывать мне, кто имеет право проживать в «Бринкли-Корте», а кто нет? Что ж, если вы не в состоянии дышать одним воздухом с моими друзьями, скатертью дорога. Полагаю, что в «Безрогом быке» в Маркет-Снодсбери вам будет удобнее.

— Об этой гостинице неплохо отзываются в «Справочнике автомобилиста», — вставил я.

— Хорошо, я уеду, — сказал Апджон. — Немедленно же переберусь в гостиницу. Надеюсь, вы будете так добры и велите дворецкому упаковать мои вещи.

Он решительно зашагал прочь, а она вошла в кабинет дяди Тома, все еще возмущенно фыркая, и я последовал за ней. Она позвонила, и на пороге появился Дживс.

— Дживс? — удивилась тетушка. — Я звонила, чтобы позвать…

— У сэра Родерика сегодня выходной, мадам.

— В таком случае, Дживс, может быть, вы соберете вещи мистера Апджона? Он нас покидает.

— Хорошо, мадам.

— А ты, Берти, отвезешь его в Маркет-Снодсбери.

— Ладно, — сказал я, и хотя мне это поручение было не слишком-то по душе, мне еще меньше хотелось перечить взрывоопасной родственнице в ее нынешнем состоянии духа.

Девиз Бустеров — безопасность прежде всего.

Глава XIX

От «Бринкли-Корта» до Маркет-Снодсбери рукой подать, поэтому, высадив Апджона у дверей «Безрогого быка», я покатил обратно к дому. Не скажу, чтобы мы расстались друзьями, но в общении с Апджоном есть одно преимущество — распрощавшись, уже не переживаешь, как он и что с ним, и если бы у меня не болела душа за Селедку, положение которого рисовалось мне все более и более безнадежным, я был бы вполне доволен жизнью.

Мне плохо верилось, что Селедке удастся без потерь выйти из сложной ситуации, в которую он угодил, точно кур в ощип. Во время нашей короткой поездки мы с Апджоном не обмолвились ни словом, но краем глаза я успел заметить, что вид у него самый суровый и решительный и что запас человеколюбия в его душе израсходован на несколько лет вперед. Я не видел никакой возможности заставить его изменить решение.

Я поставил машину в гараж и прошел в кабинет тети Далии убедиться, что она остыла после жаркой баталии и не представляет опасности в пожарном отношении — меня все еще беспокоило ее давление. Я не мог допустить, чтобы любимая тетушка сгорела, как стог сена в сухую погоду.

В кабинете ее не оказалось — как я узнал позже, она удалилась в свою комнату, чтобы натереть виски одеколоном и проделать дыхательную гимнастику йогов, зато я обнаружил там Бобби, и не одну, а в обществе Дживса. Я видел, как Дживс передал ей какой-то большой конверт, на что она сказала: «Я вам так благодарна, Дживс, вы спасли человека от гибели», — на что он ответил: «Не стоит благодарности, мисс». Я, честно говоря, не понял, в чем дело, да и некогда было разбираться.

— А где Селедка? — спросил я и с удивлением заметил, что Бобби приплясывает по комнате, издавая время от времени ликующие крики, напоминающие вопли ночных животных в джунглях.

— Где Реджи? — переспросила она, на секунду прервав свой дикарский танец. — Он пошел прогуляться.

— А он знает, что Апджону известно, кто написал статью?

— Да, твоя тетя ему все рассказала.

— По-моему, нам нужно собраться и обсудить план действий.

— Ты насчет этого иска о клевете? Апджон нам больше не страшен. Он лишился речи.

Я ничего не мог понять. Похоже, барышня задумала поиграть со мной в шарады. Я решил обратиться к более надежному источнику:

— Что это значит, Дживс? Апджон что — утратил способность говорить?

— Нет, сэр.

— Тогда что за бред несет эта рыжая бестия?

— Мисс Уикем имеет в виду отпечатанный на машинке текст речи, которую мистер Апджон должен произнести завтра перед учениками средней школы в Маркет-Снодсбери, сэр.

— Так, значит, у него пропал текст?

— Именно так, сэр.

Я вздрогнул от страшной догадки.

— Не хотите же вы сказать…

— Именно это он и хочет сказать, — произнесла Бобби и вернулась к хореографическим экзерсисам в лучших традициях русского балета. — Твоя тетя попросила его упаковать чемоданы Апджона, и первое, что попалось ему на глаза, была речь Апджона. Он сунул ее в карман и принес мне.

Такого я от него не ожидал.

— Ну, Дживс, это уж… признаюсь.

— Я полагал, что это наилучший выход, сэр.

— И правильно полагал, — сказала Бобби, исполняя па-де-что-то-там из балета Нижинского. — Либо Апджон согласится закрыть дело о клевете, либо не получит назад эти, как он их называет, тезисы, без которых он не в состоянии издать ни звука. Ему придется согласиться на наши условия, чтобы вернуть свои бумажки. Верно, Дживс?

— Мне кажется, мисс, у него нет иного выхода.

— Разве что стоять на сцене и беззвучно открывать рот, как щука. Он у нас в руках.

— Так-то оно так, да вот только…

Мне не хотелось этого говорить. Я ни за что не стал бы отравлять юной деве миг душевного восторга, если бы не одно соображение.

— Я прекрасно понимаю ход ваших мыслей. Тетя Далия упоминала, что Апджон теряет свое хваленое красноречие, если перед ним не лежит печатный текст; но что если он скажется больным и не придет на выступление?

— Он этого не сделает.

— Я бы именно так и поступил.

— Но ты же не хочешь, чтобы тебя выдвинули кандидатом

консерваторов в дополнительных выборах от Маркет-Снодсбери. А Апджон хочет, и для него жизненно важно предстать завтра перед широкими массами и произвести хорошее впечатление, поскольку у половины членов избирательной комиссии сыновья учатся в этой школе, и они придут лично убедиться, что он собой представляет как оратор. Прежний кандидат страдал сильным заиканием, а они обнаружили это, только когда пришло время выступать перед избирателями. Так что они боятся снова промахнуться.

— Теперь понятно, — сказал я, вспомнив, что тетя Далия рассказывала мне о политических амбициях Апджона.

— Значит, дело в шляпе, — сказала Бобби. — Его будущее зависит от этой речи, у него ее нет, а у нас она есть. Вот от этого и будем плясать.

— Но как ему об этом сообщить?

— Мы уже все продумали. Он должен позвонить с минуты на минуту, чтобы узнать, куда делся текст. Когда он позвонит, ты подойдешь к телефону и изложишь ему наши условия.

— Я?

— Разумеется.

— Но почему я?

— Дживс считает, что ты — лучший кандидат.

— От вас я этого не ожидал, Дживс! А почему не Селедка?

— Мистер Апджон не разговаривает с мистером Сельдингом, сэр.

— Подумай, что произойдет, когда он услышит по телефону голос Реджи. Он просто бросит трубку, и все придется начинать сначала. Тогда как тебя он выслушает с глубочайшим вниманием.

— Но, черт побери…

— Как бы там ним было, Реджи пошел прогуляться, и его здесь нет. Почему с тобой всегда так трудно, Берти? Твоя тетя говорит, что ты с детства такой. Когда тебе давали овсянку на завтрак, ты всегда топорщился, как еж, и упирался, точно ионова ослица в Библии.

Этого я не мог пропустить незамеченным. Всем известно, что в школе я получил приз за знание Священного Писания.

— Валаамова ослица. Иона — это тот парень с китом. Дживс!

— Сэр?

— Разрешите наш спор — ведь это валаамова ослица объявила nolle prosequi?

— Да, сэр.

— Я же тебе говорил, — сказал я Бобби и непременно стер бы ее в порошок, если бы в этот момент не зазвонил телефон и не отвлек меня от

этой увлекательной темы. При звуке звонка у меня обмякли ноги — я знал, что он предвещает.

Бобби тоже не осталась безучастной.

— Ага! — вскричала она. — Если я не ошибаюсь, вот и наш клиент. Вперед, Берти, и ни пуха ни пера!

Я уже говорил, что в отношениях с представителями сильного пола Бертрам Вустер тверже дамасской стали, но в женских руках он становится мягким, как воск, и данный случай не составил исключения из общего правила. Если не брать в расчет спуск в бочке по Ниагарскому водопаду, ничто на свете не пугало меня больше, чем перспектива беседы по телефону с Обри Апджоном, особенно на такую щекотливую тему, но, поскольку представительница лучшей половины человеческого рода попросила меня взвалить на себя эту тяжкую ношу, мне ничего не оставалось, как подчиниться. Назвавшись рыцарем без страха и упрека, приходится всю жизнь нести свой крест.

Поэтому я безропотно подошел к аппарату и снял трубку; я был далеко не в лучшей форме для поединка, а уж когда услышал голос Апджона на другом конце провода, последние остатки моего мужества лопнули, как мыльный пузырь. Ибо по голосу его я понял, что он зол, как черт. Злее, чем в тот день, когда в Малверн-Хаусе, Брамли-он-Си, я подсыпал в чернила порошок для приготовления шипучки.

— Алло! Алло! Вы меня слышите? Это мистер Апджон. Когда нервная система находится в состоянии стресса, советуют сделать пару глубоких вдохов. Я сделал шесть, что, естественно, заняло определенное время, и эта задержка еще пуще его разозлила. Даже на расстоянии я ощущал то, что принято называть животным магнетизмом.

— Это «Бринкли-Корт»?

Ответить на этот вопрос не составляло труда. Это действительно был «Бринкли-Корт», и я ему так и сказал.

— Кто говорит?

Я на секунду задумался. Потом вспомнил.

— Это Вустер, мистер Апджон.

— Слушайте меня внимательно, Вустер.

— Слушаю вас, мистер Апджон. Как вы устроились в «Безрогом быке»? Надеюсь, вам там удобно?

— Что вы сказали?

— Я спросил, как вам нравится в «Безрогом быке».

— При чем тут «Безрогий бык»?

— Абсолютно ни при чем, мистер Апджон.

— Речь идет о деле чрезвычайной важности. Мне нужно поговорить со слугой, который упаковывал мой чемодан.

— Дживс.

— Что?

— Дживс.

— Что такое «дживс»?

— Дживс.

— Что вы все время твердите: «дживс, дживс». Кто собирал мои вещи?

— Дживс.

— А, так это слугу так зовут — Дживс?

— Да, мистер Апджон.

— Так вот, он по халатности забыл положить в чемодан мои заметки для речи, которую я должен произнести завтра в школе в Маркет-Снодсбери.

— Что вы говорите! Могу представить, как вы переживаете.

— Перешиваю?

— Переживаете — через «ж».

— Что — через «ж»?

— Не «шить», а «жить».

— Вустер!

— Да, мистер Апджон.

— Вы что, пьяны?

— Нет, мистер Апджон.

— Тогда перестаньте нести околесицу, Вустер.

— Хорошо, мистер Апджон.

— Немедленно пошлите за этим Дживсом и выясните, куда он девал мои заметки.

— Да, мистер Апджон.

— Сию же минуту. Нечего стоять столбом и твердить: «Да, мистер Апджон»

— Да, мистер Апджон.

— Я требую, чтобы мне их вернули немедленно.

— Да, мистер Апджон.

Должен признать, что я не слишком успешно продвигался к поставленной цели, и со стороны могло даже показаться, будто я струсил и готов дезертировать с поля боя, но, как мне кажется, это ни в коей мере не оправдывает Бобби, которая в этот момент вырвала у меня из рук трубку и громко обозвала меня жалкой козявкой.

— Как вы меня назвали? — спросил Апджон.

— Я вас никак не называл, — сказал я. — Это меня кто-то как-то назвал.

— Я хочу поговорить с этим Дживсом.

— Ах, вы хотите с ним поговорить? — вступила в разговор Бобби. — Так вот, вам придется разговаривать со мной. Это Роберта Уикем, Апджон. Не могли бы вы уделить мне минуту вашего драгоценного времени?

Должен сказать, что при всем моем критическом отношении к этой Иезавели с морковными патлами, не могу не признать, что она в совершенстве владеет искусством разговора с бывшими директорами приготовительных школ. Крепкие выражения так и сыпались у нее с языка, животворным бальзамом лаская мой слух. Конечно, в отличие от меня, она не страдала комплексом Апджона, развивающимся у всякого, кому в самом ранимом и нежном возрасте довелось прожить несколько лет под крышей Малверн-Хауса, Брамли-он-Си, и близко общаться с этим Франкенштейном, когда он еще был в расцвете лет, но все равно ее мужество заслуживает всяческого восхищения.

Начав, без лишних церемоний, с короткого «Послушайте, приятель», она с предельной ясностью широкими мазками набросала сложившуюся картину и, судя по ответному бормотанию, которое я прекрасно слышал, хотя и находился на некотором расстоянии от трубки, было очевидно, что смысл происходящего стал доходить и до Апджона. Бормотание постепенно стихало, он все яснее убеждался, что барышня крепко держит его за горло.

Наконец оно окончательно смолкло, и Бобби заговорила снова.

— Вот и прекрасно, — сказала она. — Я не сомневалась, что мы найдем общий язык. Я буду у вас в ближайшее время. И позаботьтесь, чтобы в вашей авторучке было достаточно чернил.

Она повесила трубку и выкатилась из комнаты, издав на прощание все тот же вопль ночного хищника в джунглях, а я повернулся к Дживсу, как нередко делал и прежде, когда хотел поговорить о непостижимости слабого пола.

— Женщины, Дживс!

— Да, сэр.

— Вы слышали весь разговор?

— Да, сэр.

— Насколько я понял, Апджон, клянясь… Как там дальше?

— «Клянясь, что не уступит, уступает[98]», сэр.

— Он отказывается от иска.

— Да, сэр. И мисс Уикем благоразумно обговорила, чтобы отказ был зафиксирован в письменной форме.

— Чтобы потом он не мог пойти на попятный?

— Да, сэр.

— Она все предусмотрела.

— Да, сэр.

— И проявила беспримерную твердость.

— Да, сэр.

— Рыжие волосы — видимо, в них все дело.

— Да, сэр.

— Вот уж никогда не думал, что мне доведется услышать, как кто-то обращается к Апджону «Послушайте, приятель»…

Я бы еще долго мог разглагольствовать на эту тему, но тут дверь открылась, на пороге появилась мамаша Артроуз, и Дживс молча выскользнул из комнаты. За исключением тех случаев, когда ему по каким-то причинам необходимо остаться, он всегда исчезает из комнаты, когда приходят, как он выражается, «господа».

Глава XX

Я сегодня еще не встречался с мамашей Артроуз — она уезжала обедать к друзьям в Бирмингем, и я бы с удовольствием вообще уклонился от встречи с ней, потому что, едва взглянув на нее, понял, что встреча эта не предвещает ничего хорошего. Она еще больше, чем прежде, была похожа на Шерлока Холмса. Наряди ее в халат, дай в руки скрипку — и она может смело отправляться на Бейкер-Стрит: никто даже не поинтересуется, что она там делает. Она бросила на меня проницательный взгляд и сказала:

— А, вот вы где, Вустер. Вы-то мне и нужны.

— Хотите со мной поговорить?

— Да. Может быть, теперь вы мне поверите.

— Простите?

— Насчет дворецкого.

— Что насчет дворецкого?

— А вот что. На вашем месте я бы села. Это долгий разговор.

Я сел. Причем с удовольствием, потому что внезапно ощутил слабость в ногах.

— Помните, я сказала вам, что он мне сразу не понравился?

— Да, как же. Именно так вы и сказали.

— Я сказала, что у него лицо преступника.

— Ну, он же не виноват, что у него такое лицо.

— А в том, что он мошенник и самозванец, тоже не виноват? Выдает себя за дворецкого! Ничего, в полиции его быстро выведут на чистую воду. Он такой же дворецкий, как я.

Я изо всех сил пытался спасти положение.

— Но у него же прекрасные рекомендации.

— Это ничего не значит.

— Он не смог бы работать мажордомом у сэра Родерика Глоссопа, если бы не был честным человеком.

— Он у него и не работал.

— Но Бобби говорила…

— Я прекрасно помню, что сказала мисс Уикем. Она сказала, что он многие годы прослужил у сэра Родерика Глоссопа.

— Ну, вот видите.

— И вы считаете, что это снимает с него подозрения?

— Разумеется.

— Я так не считаю, и сейчас объясню вам, почему. У сэра Родерика Глоссопа большая клиника в Чафнелл-Реджисе, в графстве Сомерсетшир, и там сейчас лечится моя подруга. Я написала ей с просьбой повидать леди Глоссоп и получить всю возможную информацию о ее бывшем дворецком по имени Макпалтус. Сегодня, вернувшись из Бирмингема, я получила от нее ответ. Так вот, леди Глоссоп утверждает, что у нее никогда не было дворецкого по фамилии Макпалтус. Как вам это нравится?

Я по-прежнему старался сделать все, что в моих силах. Вустеры никогда не сдаются.

— Вы ведь лично не знакомы с леди Глоссоп?

— Конечно, нет, иначе я бы ей сама написала.

— Очаровательная женщина, но память у нее, как решето. Из тех, кто всегда забывает перчатку в театре. Естественно, ей не под силу запомнить имя дворецкого. Она наверняка думает, что его звали Фотерингей или Бинкс, или еще как-то. Такие провалы в памяти — обычная вещь. В Оксфорде я учился с одним парнем по фамилии Робинсон, и как раз недавно я пытался вспомнить, как его звали, и в голове у меня всплыла почему-то фамилия Фосдайк. Его настоящую фамилию я вспомнил только вчера, когда прочитал в «Тайме», что Герберт Робинсон (26), проживающий на Гров-Роуд, Пондерс-Энд, доставлен в полицейский участок на Бошер-Стрит по обвинению в краже пары брюк в желто-зеленую клетку. Это, конечно, не мой приятель, но вы поняли, что я имею в виду. Не сомневаюсь, что в одно прекрасное утро леди Глоссоп стукнет себя по лбу и воскликнет: «Макпалтус! Ну, конечно же! А я была уверена, что этого честнейшего малого звали О'Мар».

Она хмыкнула. Сказать, что мне понравилось, как она хмыкнула, значило бы намеренно вводить в заблуждение общественность. Такой звук мог бы издать Шерлок Холмс, перед тем как защелкнуть наручники на запястьях похитителя рубина махараджи.

— Честнейший малый, вы говорите? Тогда как вы объясните следующее обстоятельство. Я только что разговаривала с Уилли, и он сказал мне, что у него исчез дорогой серебряный сливочник работы восемнадцатого века, который он купил у мистера Траверса. И где он, вы спросите? В комнате Макпалтуса, спрятан под рубашками в ящике комода.

Я говорил, что Вустеры никогда не сдаются, но я ошибался. Слова эти подействовали на меня, как удар в солнечное сплетение, и мой боевой дух улетучился в мгновение ока, вместо прежней храбрости остался лишь отработанный пар.

— Ах, вот где, — сказал я. Не слишком умная реплика, но ничего умнее я не придумал.

— Да, сэр, именно там. Как только Уилли сказал мне, что сливочник пропал, я сразу поняла, куда он делся. Я пошла в комнату Макпалтуса, обыскала ее, и там он, естественно, и оказался. Я вызвала полицию.

Мне показалось, что я пропустил еще один удар — на этот раз это был чистый нокдаун. Открыв рот, я уставился на старую даму.

— Вы вызвали полицию?

— Да, они обещали прислать сержанта. Он будет здесь с минуту на минуту. И знаете, что я вам скажу? Я собираюсь встать на часах у двери в комнату Макпалтуса, чтобы никто не вздумал попытаться избавиться от улики. Я не из тех, кто полагается на волю случая. Не хочу сказать, что я вам совершенно не доверяю, мистер Вустер, но мне не нравится, что вы так рьяно защищаете этого типа. На мой вкус, вы чересчур ему симпатизируете.

— Просто я подумал, что, возможно, он поддался минутному искушению.

— Чепуха. Скорее всего, он промышляет этим всю жизнь. Могу поспорить, что он крал еще ребенком.

— Только печенье.

— Простите?

— В Америке его называют «крекеры». Он говорил, что в юные годы иногда таскал крекеры.

— Вот видите! Начинается с крекеров, а кончается серебряными сливочниками. Такова суровая логика жизни, — сказала она и понеслась на пост, а я мысленно обругал себя за то, что растерялся и не сказал ей, что «по принужденью милость не действует, а падает она — о чем вы, разумеется, знаете — как тихий дождь[99]», и напоминание об этом обстоятельстве могло бы смягчить ее душу.

Я все еще размышлял об этом своем промахе и пытался придумать, что же здесь можно сделать, когда вошли Бобби и тетя Далия, и выглядели они обе так, как только могут выглядеть молодая дама и дама среднего возраста, находящиеся в самом прекрасном расположении духа.

— Роберта только что рассказала мне, что сумела убедить Апджона отозвать иск, — сказала тетя Далия. — Я, конечно, страшно рада, но, будь я проклята, если понимаю, как ей это удалось.

— Я просто обратилась к лучшим чувствам, скрытым в душе каждого человека, — сказала Бобби и бросила на меня заговорщический взгляд. Я понял, что она хочет этим сказать. Престарелая родственница не должна

знать, что Бобби достигла своей цели, поставив под угрозу речь Апджона перед юными питомцами средней школы Маркет-Снодсбери. — Я сказала ему, что по принужденью… Что с тобой, Берти?

— Ничего. Чисто нервное.

— С чего бы это тебе нервничать?

— Мне казалось, что закон не запрещает нервничать в «Бринкли-Корте» в это время суток. Так ты говорила, что «по принужденью…»

— Да, «по принужденью милость не действует».

— Думаю, что нет.

— Ив случае, если ты не в курсе, «сильней всего она в руках у сильных. Она — царям приличнее венца». Я приехала в «Безрогого быка» и изложила этот тезис Апджону и он со мной согласился. Так что теперь все прекрасно.

Я саркастически рассмеялся.

— Нет, — сказал я, отвечая на вопрос тети Далии, — я не проглотил собственные миндалины, я просто саркастически рассмеялся. Дело в том, что в ту самую минуту, когда эта юная особа говорит, что все прекрасно, новая беда уже маячит на пороге. Я вынужден поведать вам мою повесть, и вы согласитесь, что она из серии взбешенного дикобраза, — сказал я, и без дальнейших предисловий изложил все, как есть.

Мое сообщение потрясло их до глубины души. Тетя Далия была оглушена, как будто ее ударили обухом по затылку, а Бобби зашаталась, будто нажала на спусковой крючок приставленного к груди револьвера, не подозревая, что тот заряжен.

— Теперь вы понимаете, как будут развиваться события дальше, — сказал я, не с целью насыпать им соль на раны, а лишь для того, чтобы они до конца осознали серьезность положения. — Глоссоп сегодня возвращается в «Бринкли», чтобы приступить к своим обязанностям, и обнаруживает, что его величество закон ждет его с наручниками наготове. Вряд ли стоит надеяться, что он без звука согласится отсидеть полагающийся за такие подвиги тюремный срок, поэтому первым делом он откроет всю правду. «Я признаю, — скажет он, — что стащил эту идиотскую серебряную корову, но сделал я это, исходя из предположения, что прежде ее украл Уилберт, и что мне следует вернуть ее обратно в стойло». После чего он объяснит цель своего пребывания в доме, и все это, учтите, в присутствии мамаши Артроуз. И что же за этим последует? Сержант снимает с Глоссопа наручники, а мамаша Артроуз спрашивает, нельзя ли ей ненадолго воспользоваться телефоном, чтобы сделать междугородний звонок своему мужу. Папаша Артроуз внимательно ее

выслушивает, и когда дядя Том спустя некоторое время приходит его навестить, он видит, что тот, скрестив на груди руки, встречает его угрюмым взглядом. «Траверс, — говорит он, — сделка отменяется». — «Отменяется?» — задрожав, как осиновый лист, спрашивает дядя Том. «Отменяется, — говорит Артроуз. — От-ме-ня-ет-ся. Не желаю иметь никаких дел с людьми, жены которых приглашают психиатров наблюдать за моим сыном». Недавно мамаша Артроуз крепко меня приложила, и потом спросила, как мне это нравится. Сейчас моя очередь задать вам тот же вопрос.

Тетя Далия рухнула в кресло, и лицо ее стало обретать свекольный оттенок. Сильные эмоции всегда оказывают на нее подобное действие.

— Мне кажется, единственное, что нам осталось, — сказал я, — это уповать на вмешательство высших сил.

— Ты прав, — сказала родственница, обмахивая пылающее лицо. — Роберта, ступай и пригласи сюда Дживса. А ты, Берти, садись в автомобиль и объезди всю округу, может быть, тебе удастся найти Глоссопа и предупредить об опасности. Ну, давай же, сделай хоть раз в жизни что-нибудь полезное. Чего ты дожидаешься?

Собственно говоря, я ничего не дожидался. Я просто размышлял о том, что поставленная предо мной задача подозрительно напоминает поиски иголки в стоге сена. Скажите, ну как можно найти врача-психиатра во время его законного выходного, разъезжая по Вустерширу на автомобиле! Для этого нужны ищейки, носовой платок, который они могли бы сперва понюхать, и тому подобные профессиональные хитрости. Но что мне оставалось делать?

— Ладно, — сказал я. — Чего ни сделаешь, чтобы угодить любимой тете.

Глава XXI

Как я и подозревал с самого начала, дурацкая затея потерпела полное фиаско. Я покатался по окрестностям около часа и, определив по характерному сосущему чувству в районе ватерлинии, что близится время ужина, лег на обратный курс.

Когда я вернулся в дом, Бобби сидела в гостиной. По напряженному выражению ее лица было заметно, что она чего-то ждет, и когда она сказала, что с минуты на минуту должны подать коктейли, я понял, чего именно.

— Коктейли? — сказал я. — Думаю, джин с тоником мне бы сейчас не повредил, а то, пожалуй, и пара. Тщетные поиски психиатров окончательно подорвали мои силы. Глоссопа нигде нет. То есть, где-то он, конечно, есть, но Вустершир надежно хранит свои тайны.

— Глоссоп? — удивленно спросила она. — Да он уже сто лет как вернулся.

Тут настала моя очередь удивляться. Меня поразило спокойствие, с которым она это сказала.

— Боже мой! Значит, все пропало!

— Что «все»?

— «Все» значит «все». Он арестован?

— Нет, конечно. Он открыл свое настоящее имя, и все объяснил.

— О, Господи!

— О чем ты? Ну, конечно, я же забыла. Ведь ты еще не знаешь. Дживс все уладил.

— Уладил?

— В мгновение ока. Все оказалось на удивление просто. Странно, как мы сами не додумались. По его совету Глоссоп признался, кто он такой, и сказал, что твоя тетя пригласила его в дом, чтобы наблюдать за тобой.

Я был оглушен, и наверняка рухнул бы на пол, не ухватись я за стоявшую на ближайшем столике фотографию дяди Тома в форме добровольцев Восточного Вустершира.

— За мной? — Я ушам своим не верил.

— И, конечно, миссис Артроуз тотчас на это клюнула. Твоя тетя объяснила, что ее давно уже беспокоит твое поведение, что ты совершаешь странные поступки — лазаешь по водосточным трубам, держишь в спальне двадцать три кошки и тому подобное, а миссис Артроуз вспомнила, как

застала тебя под туалетным столиком, когда ты охотился за мышью, поэтому она сразу же признала, что тебя давно следует поместить под наблюдение опытного специалиста, вроде Глоссопа. Она очень обрадовалась, когда Глоссоп уверил ее, что не сомневается в успешном и скором твоем излечении. Он сказал, что мы все должны обращаться с тобой как можно деликатнее. Так что все обстоит просто замечательно. Удивительно, как все удачно разрешилось, — с радостным смехом сказала она.

Следовало ли мне тут же схватить ее железными пальцами за горло и трясти до образования устойчивой пены — вопрос, на который мне до сих пор трудно дать однозначный ответ. Как ни противен мне был ее разудалый смех, вряд ли рыцарский дух Вустеров позволил бы мне опуститься до подобного поступка, но проверить мое предположение на практике мне не удалось, потому что в этот момент вошел Дживс с подносом, на котором стояли стаканы и внушительного размера шейкер, наполненный до краев ароматным можжевеловым нектаром. Бобби в два глотка осушила свой бокал и ушла, сказав, что ей нужно поскорее переодеться, чтобы не опоздать, на ужин, и мы с Дживсом остались одни, точно герои ковбойского фильма: двое настоящих мужчин стоят лицом к лицу, и сила — единственный закон.

— Ну что, Дживс? — сказал я.

— Сэр?

— Мисс Уикем мне все рассказала.

— Вот как, сэр?

— И вы воображаете, что слова «вот как, сэр» достаточное оправдание вашего поступка? Хорошенькие вы себе позволяете… как это… забыл — начинается на «и». Ин…

— Инсинуации, сэр?

— Точно. Инсинуации. В каком виде вы меня выставили? Ну, спасибо!

— Да, сэр.

— И перестаньте твердить «да, сэр». По вашей милости все теперь думают, что я чокнутый.

— Не все, сэр. Только узкий крут знакомых, живущих в настоящее время в «Бринкли-Корте».

— Вы представили меня в глазах мировой общественности человеком, у которого в голове шариков не хватает.

— Очень сложно было придумать альтернативную схему, сэр.

— И позвольте вам заметить, — сказал я, желая уязвить его

самолюбие, — я удивлен, что ваша схема вообще сработала.

— Сэр?

— В ней есть изъян, который сразу бросается в глаза.

— Сэр?

— Ваши бесконечные «сэр?» вас не спасут, Дживс. Это же очевидно. Коровий сливочник был обнаружен в комнате Глоссопа. Как ему удалось объяснить это обстоятельство?

— По моему совету, сэр, он сказал, что забрал его из вашей комнаты, где вы спрятали сливочник после того, как похитили его у мистера Артроуза.

Я чуть не подпрыгнул.

— Вы хотите сказать, — взорвался я, — вы хотите сказать, что теперь я заклеймен не только как, если можно так выразиться, нормальный помешанный, но еще и как кле… клепто… или как там это называется?

— Лишь в глазах узкого круга знакомых, живущих сейчас в «Бринкли-Корте», сэр.

— Вы все время твердите про узкий круг, хотя прекрасно знаете, что это совершеннейшая чушь. Можно подумать, вы верите, будто Артроузы будут тактично помалкивать. Да они долгие годы на всех званых обедах будут развлекать гостей рассказами обо мне. Вернувшись в Америку, они разнесут эту весть от скалистого побережья штата Мэн до болотистых равнин Флориды, и когда я снова окажусь в этой части света, во всех приличных домах люди будут шептаться у меня за спиной и пересчитывать серебряные ложки перед моим уходом. Отдаете ли вы себе отчет в том, что через несколько минут мне предстоит встретиться за ужином с миссис Артроуз, которая будет со мной «очень, очень деликатна». Это ранит гордость Бустеров, Дживс.

— Мой совет, сэр, крепиться и мужественно выдержать это испытание.

— Но как?

— Во-первых, существуют коктейли, сэр. Желаете еще один?

— Желаю.

— И никогда не следует забывать, что сказал поэт Лонгфелло.

— А что он сказал?

— «Себя забыв — другим помочь, и сон ночной блажен[100]». У вас останется утешение, что вы принесли себя в жертву ради интересов мистера Траверса.

Дживс нашел веский аргумент. Я вспомнил о почтовых переводах, иногда на целых десять шиллингов, которые дядя Том присылал мне когда-

то в Малверн-Хаус. Я смягчился. Не могу сказать с уверенностью, что у меня на глаза навернулась скупая мужская слеза, но я смягчился — можете расценивать это как официальное заявление.

— Вы, как всегда, правы, Дживс! — сказал я.

Зтот неподражаемый Дживс

Перевод с английского А.Балясникова
Редактор Ю. Жукова

Глава I ДЖИВС ШЕВЕЛИТ МОЗГАМИ

— А, Дживс, привет, привет! — сказал я.

— Доброе утро, сэр.

Дживс бесшумно ставит на столик рядом с кроватью чашку чая, и я с наслаждением делаю первый глоток. Самое «то» — как и всегда. Не слишком горячий, не слишком сладкий, не чересчур слабый, но и не излишне крепкий, молока ровно столько, сколько требуется, и ни единой капли не пролито на блюдце. Поразительная личность этот Дживс. Безупречен во всем до чертиков. Всегда это говорил и сейчас повторю. К примеру, все мои прежние слуги вваливались по утрам в комнату, когда я еще спал, и весь день испорчен. Другое дело Дживс — у него это словно телепатия — всегда точно знает, когда я проснулся. И вплывает в комнату с чашкой чая ровно через две минуты после того, как я возвращаюсь в этот мир. Просто никакого сравнения.

— Как погодка, Дживс?

— Чрезвычайно благоприятная, сэр.

— Что в газетах?

— Небольшие трения на Балканах, сэр. Кроме этого, ничего существенного.

— Хотел спросить, Дживс, вчера вечером в клубе один тип уверял меня, что можно смело ставить последнюю рубашку на Корсара в сегодняшнем двухчасовом забеге. Что скажете?

— Я бы не торопился следовать его совету, сэр. В конюшнях не разделяют его оптимизма.

Всё — вопрос исчерпан. Дживс знает. Откуда — сказать не берусь, но знает. Было время, когда я рассмеялся бы, поступил по-своему и плакали бы мои денежки, но это время прошло.

— Кстати о рубашках, — сказал я. — Те лиловые, что я заказывал, уже принесли?

— Да, сэр. Я их отослал назад.

— Отослали назад?

— Да, сэр. Они вам не подходят, сэр.

Вообще-то мне эти рубашки очень понравились, но я склонил голову перед мнением высшего авторитета. Слабость характера? Не знаю. Считается, что слуга должен только утюжить брюки и все такое прочее, а не распоряжаться в доме. Но с Дживсом дело обстоит иначе. С самого

первого дня, как он поступил ко мне на службу, я вижу в нем наставника, философа и друга.

— Несколько минут назад вам звонил по телефону мистер Литтл, сэр. Я сообщил ему, что вы еще спите.

— Он ничего не просил передать?

— Нет, сэр. Упомянул о некоем важном деле, которое он хотел бы с вами обсудить, но не посвятил меня в детали.

— Ладно, думаю, мы увидимся с ним в клубе.

— Без сомнения, сэр.

Нельзя сказать, чтобы я, что называется, дрожал от нетерпения. Мы вместе учились с Бинго Литтлом в школе идо сих пор частенько видимся. Он племянник старого Мортимера Литтла, который недавно ушел на покой, сколотив неслабое состояние. (Вы наверняка слышали о «противоподагрическом бальзаме Литтла» — «Лишь только вспомнил о бальзаме — затанцевали ноги сами».) Бинго ошивается в Лондоне на денежки, которые в достаточном количестве получает от дяди, так что он ведет вполне безоблачное существование. И хотя Дживсу он говорил про какое-то важное дело, ничего мало-мальски важного у него случиться не могло. Открыл, наверное, новую марку сигарет и хочет со мной поделиться впечатлением, или еще что-нибудь в таком же роде. Словом, портить себе завтрак и беспокоиться я не стал.

После завтрака я закурил сигарету и подошел к открытому окну взглянуть, что творится в мире. День, вне всякого сомнения, обещал быть превосходным.

— Дживс, — позвал я.

— Сэр? — Дживс убирал со стола посуду, но услышав голос молодого хозяина, почтительно прервал свое занятие.

— Насчет погоды вы абсолютно правы. Потрясающее утро.

— Бесспорно, сэр.

— Весна и все такое.

— Да, сэр.

— Весной, Дживс, живее радуга блестит на оперении голубки.[101]

— Во всяком случае, так меня информировали, сэр.

— Тогда вперед! Давайте трость, самые желтые туфли и мой верный зеленый хомбург.[102] Я иду в парк кружиться в сельском хороводе.

Не знаю, знакомо ли вам чувство, которое охватывает человека в один прекрасный день где-то в конце апреля — начале мая, когда ватные облака бегут по светло-голубому небу, подгоняемые ласковым западным ветром.

Испытываешь душевный подъем. Одним словом, романтика — ну, вы меня понимаете. Я не отношусь к числу горячих поклонников слабого пола, но в это утро я был бы не прочь, чтобы мне позвонила очаровательная блондинка и попросила, скажем, спасти ее от коварных убийц. И тут на меня словно выплеснули ушат ледяной воды: я столкнулся с Бинго Литтлом в нелепом малиновом галстуке с подковами.

— Привет, Берти, — сказал Бинго.

— Боже милостивый, старик, — гаркнул я. — Что это за ошейник? Откуда он у тебя? И зачем?

— А, ты про галстук? — Он покраснел. — Я… э-э-э… мне его подарили.

Видно было, что он смущен, и я переменил тему. Мы протопали еще немного и плюхнулись на стулья на берегу Серпантина.[103]

— Дживс сказал, у тебя ко мне какое-то дело.

— А? Что? — Бинго вздрогнул. — Ах, да-да. Разумеется.

Я ждал, что он осветит, наконец, главный вопрос повестки дня, но он, похоже, не жаждал открывать прения на эту тему. Разговор совсем завял. Бинго сидел, остекленело уставившись в пространство.

— Послушай, Берти, — произнес он после паузы продолжительностью эдак в час с четвертью.

— Берти слушает!

— Тебе нравится имя Мейбл?

— Нет.

— Нет?

— Нет.

— А тебе не кажется, что в нем скрыта какая-то музыка, словно шаловливый ветерок ласково шелестит в верхушках деревьев?

— Не кажется.

Мой ответ его явно разочаровал, но уже через минуту он снова воспрянул духом.

— Ну разумеется, не кажется. Всем известно, что ты бессердечный червь, лишенный элементарных человеческих чувств.

— Не стану спорить. Ладно, выкладывай. Кто она?

Я догадался, что бедняга Бинго в очередной раз влюбился. Сколько я его помню — а мы вместе учились еще в школе, — он постоянно в кого-то влюбляется, как правило, по весне, она оказывает на него магическое действие. В школе у него скопилась уникальная коллекция фотографий актрис, а в Оксфорде его романтические наклонности стали притчей во языцех.

— Я договорился встретиться с ней во время обеда, если хочешь, пошли со мной, заодно и пообедаем вместе, — сказал он, взглянув на часы.

— Очень своевременное предложение, — согласился я. — Где вы обедаете? В «Рице»?

— Около «Рица».

Географически он был точен. Примерно в пятидесяти ярдах к востоку от «Рица» есть убогая забегаловка, где подают чай и кексы, таких заведений в Лондоне пруд пруди, и в нее-то — хотите верьте, хотите нет — мой школьный друг юркнул с проворством спешащего в родную норку кролика. Я и глазом моргнуть не успел, как мы уже протиснулись за столик и расположились над тихой кофейной лужицей, оставшейся от предыдущих посетителей.

Должен признаться, что я был в некотором недоумении. Нельзя сказать, что Бинго купается в деньгах, но все же с презренным металлом у него дело обстоит неплохо. Не говоря уже о том, что он получает приличную сумму от дяди, в этом году он удачно играл на скачках и закончил сезон с положительным балансом. Тогда какого дьявола он приглашает девушку в эту Богом забытую харчевню? Во всяком случае не оттого, что он на мели.

Тут к нам подошла официантка. Довольно миленькая девица.

— А разве ты не собираешься подождать… — начал было я, решив, что это уж слишком даже для Бинго: мало того, что он приглашает девушку на обед в такую дыру, так еще набрасывается на корм до ее прихода. Но тут я взглянул на его лицо и осекся.

Старик сидел, выпучив глаза. Циферблат его стал пунцово-красным. Все это очень напоминало картину «Пробуждение души», выполненную в алых тонах.

— Здравствуйте, Мейбл, — сказал он и судорожно глотнул воздух.

— Здравствуйте, — сказала девушка.

— Мейбл, это мой приятель Берти Вустер, — сказал Бинго.

— Рада познакомиться, — сказала она. — Прекрасное утро.

— Замечательное.

— Вот, видите, я ношу ваш галстук, — сказал Бинго.

— Он вам очень к лицу, — сказала девушка.

Лично я, если бы мне кто-то сказал, что подобный галстук подходит к моему лицу, тотчас же встал бы и двинул ему как следует, невзирая на пол и возраст; но бедолага Бинго прямо-таки зашелся от радости и сидел, самодовольно ухмыляясь самым омерзительным образом.

— Что вы сегодня закажете? — спросила девушка, переводя разговор в практическое русло.

Бинго благоговейно уставился в меню.

— Мне, пожалуйста, чашку какао, холодный пирог с телятиной и ветчиной, кусок фруктового торта и коржик. Тебе то же самое, Берти?

Я взглянул на него с возмущением. Подумать только, он был моим другом все эти годы, неужели он воображает, что я могу нанести такую обиду собственному желудку?

— Или, может, возьмем по куску мясного пудинга и зальем все это газировкой? — продолжал Бинго.

Знаете, даже страшно становится, как подумаешь, до чего может довести человека любовь. Ведь я хорошо помню, как этот убогий, который сидел сейчас предо мной и как ни в чем ни бывало рассуждал о коржиках и газировке, подробно объяснял метрдотелю ресторана «Клэриджс», как именно шеф-повар должен приготовить для него *«жареный морской язык под соусом из королевских креветок и шампиньонов»*, пообещав, что отошлет блюдо обратно на кухню, если окажется что-то не так. Чудовищно! Просто чудовищно!

Булочка с маслом и кофе показались мне единственным мало-мальски безвредным кушаньем из всего меню, явно составленного самыми зловредными членами семейства Борджиа для того, чтобы свести счеты со своими заклятыми врагами, поэтому я выбрал только булочку и маленькую чашку кофе, и Мэйбл, наконец, ушла.

— Ну, как? — спросил Бинго с восторженным выражением лица.

Я догадался, что ему не терпится узнать мое мнение о только что покинувшей нас деве-отравительнице.

— Очень мила, — сказал я. Но этого ему показалось мало.

— Признайся, что ты в жизни не встречал такой изумительной девушки, — с блаженной улыбкой произнес он.

— Да-да. Разумеется, — ответил я, желая успокоить дуралея. — Где вы познакомились?

— На благотворительном балу в Камберуэлле.

— Но что, ради всего святого, ты делал на благотворительном балу в Камберуэлле?

— Твой Дживс предложил мне пару билетов. Сказан, что это на какие-то благотворительные цели, уже не помню, что именно.

— Дживс? Вот уж не думал, что подобные вещи его интересуют.

— Ему тоже нужно иногда встряхнуться. Как бы то ни было, он был там и развлекался на все сто. Я сперва не собирался идти, а потом зашел

просто так, из любопытства. Господи, Берти, как подумаю, что я мог пропустить!

— А что ты мог пропустить? — спросил я; он совсем заморочил мне голову, и я туго соображал.

— Мейбл, тупица. Если бы я не пошел, так не встретил бы Мейбл.

— А… Ну да.

После этого Бинго впал в транс и вышел из него только, чтобы затолкать в себя пирог и коржик.

— Берти, — произнес он. — Мне нужен твой совет.

— Валяй.

— Вернее совет, но не твой, поскольку от твоих советов еще никому не было проку. Ведь всем известно, что ты законченный осел. Только не подумай, что я хочу тебя обидеть.

— Нет, что ты. Какие обиды…

— Не мог бы ты изложить все своему Дживсу — а вдруг он что-нибудь придумает. Ты же мне рассказывал, как он не раз помогал твоим друзьям выходить из самых безнадежных ситуаций. Насколько я понял, он у тебя вроде домашнего мозгового центра.

— До сих пор еще ни разу не подводил.

— Тогда изложи ему мое дело.

— Какое дело?

— Мою проблему.

— А в чем проблема?

— Ну как же, недотепа, в моем дяде, разумеется. Как ты думаешь, что на все это скажет мой дядя? Да ведь если я все ему так, с бухты-барахты, выложу, с ним родимчик случится прямо на каминном коврике.

— Заводится с пол-оборота?

— Его непременно нужно подготовить. Только вот как?

— Да, как?

— Я ведь говорил, от тебя не будет никакого проку. Ты что, не знаешь, что если он урежет мое содержание, я останусь на бобах? Так что изложи все Дживсу, и посмотрим, не выгонит ли он на меня такую редкую дичь, как счастливый конец. Скажи, что мое будущее в его руках и что если прозвонят свадебные колокола, он может рассчитывать на мою признательность, вплоть до полцарства. Ну, скажем, до десяти монет. Согласится Дживс пошевелить мозгами, если ему будут светить десять фунтов?

— Вне всякого сомнения, — сказал я.

Меня нисколько не удивило, что Бинго вздумал посвятить Дживса в

сугубо личную проблему. Я и сам бы в первую очередь подумал о Дживсе, если бы попал в какую-то переделку. Как я не раз имел возможность убедиться, у него всегда полно блестящих идей. Уж если кто может помочь бедняге Бинго, так это Дживс.

В тот же вечер я изложил ему суть проблемы.

— Дживс!

— Сэр?

— Вы сейчас ничем не заняты?

— Нет, сэр.

— Я имею в виду — я вас ни от чего не оторвал?

— Нет, сэр. Я взял себе за правило читать в это время суток какую-нибудь поучительную книгу, но если вам требуются мои услуги, я вполне могу прервать это занятие или отложить его вовсе.

— Дело в том, что мне нужен ваш совет. Насчет мистера Литтла.

— Молодого Литтла, сэр, или старшего мистера Литтла, его дяди, проживающего на Паунсби-Гарденз?

Впечатление такое, что Дживс знает всё. Просто поразительно. Я дружу с Бинго, можно сказать, всю жизнь, но понятия не имею, где именно обитает его дядя.

— Откуда вы знаете, что он живет на Паунсби-Гарденз? — спросил я.

— Я в добрых отношениях с поварихой мистера Литтла-старшего, сэр. Точнее, у нас достигнуто взаимопонимание.

Признаюсь, я был потрясен. Мне и в голову не приходило, что Дживса занимают такие вещи.

— Вы хотите сказать… вы помолвлены?

— Можно сказать, что это равнозначно помолвке, сэр.

— Ну и ну!

— У нее выдающиеся кулинарные таланты, сэр, — сказал Дживс, словно считая себя обязанным оправдаться. — А что вы меня хотели спросить насчет мистера Литтла?

Я выложил ему все как есть.

— Вот так обстоят дела, Дживс, — сказал я. — Думаю, наш долг немного сплотиться и помочь Бинго положить этот шар в лузу. Расскажите мне о старом Литтле. Что он за гусь?

— Весьма своеобразная личность, сэр. Удалившись отдел, он сделался большим затворником и теперь по большей части предается радостям застолья.

— Короче говоря — обжирается, как свинья?

— Я бы не взял на себя смелость воспользоваться подобным

определением, сэр. Скорее он из тех, кого принято называть гурманом. Очень трепетно относится к тому, что ест, и потому особенно высоко ценит искусство мисс Уотсон.

— Поварихи?

— Да, сэр.

— Тогда лучше всего запустить к нему Бинго сразу после хорошего ужина. Когда он будет в размягченном состоянии.

— Сложность в том, сэр, что в настоящее время мистер Литтл на диете в связи с сильным приступом подагры.

— Это может спутать нам карты.

— Вовсе нет, сэр. Я полагаю, что несчастье, случившееся со старшим мистером Литтлом, можно обратить на пользу вашему молодому другу. Не далее как вчера я разговаривал с камердинером мистера Литтла, и тот сообщил мне, что сейчас его основная обязанность — читать мистеру Литтлу вслух по вечерам. На вашем месте, сэр, я бы посоветовал молодому мистеру Литтлу начать самому читать своему дяде.

— Понимаю: операция «преданный племянник». Старикан тронут благородством юноши, верно?

— Отчасти так, сэр. Но в еще большей степени я рассчитываю на выбор литературы, которую будет читать своему дяде молодой мистер Литтл.

— Ну нет, тут особенно не разгуляешься. У Бинго симпатичная физиономия, но в литературе он дальше спортивного раздела в «Тайме» не пошел.

— Это препятствие можно преодолеть. Я был бы счастлив сам выбирать книги для чтения мистеру Литтлу. Возможно, мне следует несколько пояснить мою мысль.

— Признаться, пока я не уловил, в чем суть.

— Метод, который я беру на себя смелость вам предложить, называется в рекламном деле «методом прямого внедрения» и состоит во внушении какой-либо идеи путем многократного повторения. Вы, возможно, и сами сталкивались с действием этой системы.

— Ну да, это когда тебе все время талдычат, что то или иное мыло лучшее в мире, ты попадаешь под влияние, бросаешься в ближайшую лавку и покупаешь целую дюжину?

— Абсолютно верно, сэр. Тот же метод лежит в основе всех успешных пропагандистских кампаний, проводившихся во время последней войны. И мы смело можем им воспользоваться, чтобы изменить отношение дяди вашего друга к проблеме классовых различий. Если мистер Литтл-

младший начнет изо дня в день читать своему дяде рассказы, повести и романы, в которых брак с особой более низкого социального положения считается не только возможным, но и достойным восхищения, я думаю, это подготовит мистера Литтла-старшего к восприятию известия о том, что его племянник собирается жениться на простой официантке.

— А разве есть такие книги? В газетах пишут только о тех, где супруги ненавидят друг дружку и спят и видят, как бы поскорее разбежаться в разные стороны.

— Да, сэр, существуют и другие книги, рецензенты редко удостаивают их вниманием, но широкая публика охотно читает. Вам никогда не попадалась в руки «Всё ради любви» Рози М. Бэнкс?

— Нет.

— А «Алая роза лета» того же автора?

— Нет, не попадалась.

— Моя тетя, сэр, является обладательницей полного собрания сочинений Рози М. Бэнкс. Мне не составляет никакого труда позаимствовать у нее их столько, сколько может потребоваться младшему мистеру Литтлу. Это очень легкое и увлекательное чтение.

— Что ж, пожалуй, стоит попробовать.

— Во всяком случае, я настоятельно рекомендовал бы этот метод, сэр.

— Значит, договорились. Завтра же чешите к тёте и тащите две-три штуки, да позабористее. Попытка — не пытка.

— Истинная правда, сэр.

Глава II СВАДЕБНЫЕ КОЛОКОЛА ОТМЕНЯЮТСЯ

Три дня спустя Бинго доложил, что Рози М. Бэнкс — именно то, что требуется, и несомненно годится для применения во всех воинских частях и соединениях. Старый Литтл сперва было взбрыкнул и попытался противиться смене литературной диеты — он, дескать, не большой любитель беллетристики и всю жизнь придерживался исключительно солидных периодических изданий; но Бинго сумел усыпить его бдительность и прочел ему первую главу «Всё ради любви» прежде, чем тот успел опомниться, и после этого книги мисс Бэнкс пошли «на ура». С тех пор они прочли «Алую розу лета», «Сумасбродку Мертл», «Фабричную девчонку» и добрались до середины «Сватовства лорда Стратморлика».

Все это Бинго сообщил мне охрипшим голосом, глотая гоголь-моголь на хересе. Он признался, что наш план, превосходный во всех отношениях, обладает одним недостатком: чтение вслух пагубно отражается на его здоровье, голосовые связки не выдерживают напряжения и начинают сдавать. Он смотрел в медицинской энциклопедии и по симптомам определил, что его болезнь называется «лекторский синдром». Но зато главное: дело явно шло на лад, и, кроме того, после вечерних чтений его всякий раз оставляли ужинать; а, как я понял с его слов, никакие, самые красноречивые рассказы не дают даже отдаленного представления о кулинарных шедеврах поварихи старого Литтла. Когда страдалец живописал кристальную прозрачность бульонов, на глазах у него стояли слезы. И то сказать — после того, как он несколько недель перебивался с коржика на газировку, любая нормальная пища должна была доставлять ему райское наслаждение.

Старик Литтл был лишен возможности принимать действенное участие в этих пиршествах, но, по словам Бинго, выходил к столу и, покончив со своей порцией овсяной затирухи, вдыхал запах подаваемых блюд и рассказывал о деликатесах, которые ему доводилось пробовать в прошлом, а также обсуждал меню роскошного ужина, который он закатит, когда врачи снова приведут его в форму; так что, думаю, он по-своему тоже получал от всего этого удовольствие. Как бы там ни было, дела шли очень даже неплохо, и Бинго признался, что у него есть план, с помощью которого он надеется успешно завершить операцию. В чем состоит его

план, он мне рассказывать не стал, но заверил, что это верняк.

— Мы добились определенных успехов, Дживс, — сказал я.

— Мне доставляет большое удовлетворение это слышать, сэр.

— Мистер Литтл говорит, когда они дошли до финала «Фабричной девчонки», его дядюшка ревел, как новорожденный теленок.

— Вот как, сэр?

— Когда лорд Клод заключает девушку в свои объятия и говорит…

— Я знаком с этой сценой, сэр. Бесспорно трогательный эпизод. Моя тетя тоже его очень любит.

— Мне кажется, мы на верном пути.

— Думаю, что так, сэр.

— Похоже, это еще один ваш триумф, Дживс. Я всегда говорил и никогда не устану повторять, что по мощи интеллекта вы на голову выше всех великих мыслителей нашего времени. Прочие — лишь толпа статистов, провожающие вас почтительными взглядами.

— Большое спасибо, сэр. Я стараюсь.

Примерно через неделю после этого ко мне ввалился Бинго и сообщил, что подагра перестала мучить его дядю, и врачи разрешают ему с завтрашнего дня есть нормальную пищу безо всяких ограничений.

— Между прочим, — сказал Бинго, — он приглашает тебя завтра на обед.

— Меня? С какой стати? Он же понятия не имеет о моем существовании.

— А вот и имеет. Я ему про тебя рассказывал.

— Что же ты, интересно, ему наплел?

— Ну, много чего. Как бы там ни было, он хочет с тобой познакомиться. И мой тебе совет, дружище, — приходи, не пожалеешь. Завтрашний обед, могу тебя заверить, будет сногсшибательный.

Не знаю, отчего, но уже тогда мне почудилось в словах Бинго что-то подозрительное, я бы даже сказал, зловещее. Он явно темнил и не договаривал.

— Тут что-то нечисто, — сказал я. — С чего это вдруг твой дядя приглашает на обед человека, которого в глаза не видел?

— Уважаемый мистер олух, я тебе только что объяснил: он знает, что ты мой самый близкий друг, что мы вместе учились, и так далее.

— Ладно, допустим. Но ты-то с чего так об этом хлопочешь?

Бинго замялся.

— Я же сказал, у меня есть одна идея. Я хочу, чтобы ты сообщил дяде о моих намерениях. У меня просто духу не хватит.

— Что? Еще чего!

— И это говорит мой друг!

— Да, но всему есть предел!

— Берти, — с укором произнес он. — Когда-то я спас тебе жизнь.

— Когда это?

— Разве нет? Значит, кому-то другому. Но все равно, мы вместе росли, и все такое. Ты не можешь меня подвести.

— Ну ладно, ладно. Но когда ты заявляешь, будто у тебя не хватит духу на какую-то наглость, ты себя недооцениваешь. Человек, который…

— Значит, договорились, — сказал Бинго. — Завтра в час тридцать. Смотри, не опаздывай!

Должен признаться, что чем больше я размышлял о предстоящей мне миссии, тем меньше мне нравилась вся эта затея. Допустим, Бинго прав, и обед действительно будет шедевром кулинарного искусства. Не все ли равно, какие кулинарные изыски значатся в меню, если тебя спустят с лестницы прежде, чем ты успеешь покончить с супом. Однако слово Бустеров свято, нерушимо и прочее и прочее, и на следующий день ровно в час тридцать я нетвердой походкой поднялся по ступеням крыльца дома номер шестнадцать по Паунсби-Гарденз и позвонил. А через полминуты я уже стоял в гостиной и пожимал руку самому толстому человеку, какого мне в жизни доводилось видеть.

Вне всякого сомнения, девизом семьи Литтлов было «разнообразие видов». Сколько я помню Бинго, он всегда был долговязым и тощим, кожа да кости. Зато его дядя сумел повысить среднестатистический вес членов семьи до уровня гораздо выше нормы. Когда мы обменялись рукопожатием, моя рука буквально утонула в его ладони, и я всерьез забеспокоился, удастся ли ее оттуда извлечь без специального водолазного снаряжения.

— Мистер Вустер — я счастлив… я польщен… большая честь…

Я понял, что Бинго — с какой-то тайной целью — расхвалил меня сверх всякой меры.

— Ну, что вы… — смутился я.

Толстяк отступил на шаг, по-прежнему не выпуская мою руку.

— Вы так молоды и уже столько успели сделать!

Я был совершенно сбит с толку. У нас в семье, это в первую очередь относится к тете Агате, которая жучит меня с самого рождения, принято считать, что я — полный ноль, впустую растративший жизнь, и что с тех пор, как в первом классе я получил приз за лучший гербарий полевых цветов, я не сделал ничего, чтобы вписать свое имя на скрижали славы.

Вероятно, он меня с кем-то спутал, решил я, но тут в холле зазвонил телефон, вошла горничная и сказала, что меня просят к аппарату. Я пошел, взял трубку и услышал голос Бинго.

— Привет, — сказал он. — Прибыл? Молодец! Я знал, что на тебя можно положиться. Послушай, старик, дядя очень тебе обрадовался?

— Просто без ума от счастья. Ничего не понимаю.

— Все идет как надо. Я звоню, чтобы тебе объяснить. Дело в том, старина, что я сказал ему, будто ты — автор книг, которые я ему читал. Ты ведь не против?

— Что?

— Я сказал, что «Рози М. Бэнкс» — твой литературный псевдоним, так как ты человек очень скромный и застенчивый, и не хочешь, чтобы на обложке стояло твое имя. Теперь он тебя послушается. Будет внимать каждому твоему слову. Блестящая идея, верно? Думаю, даже сам Дживс не сумел бы придумать ничего лучше. Так что давай, дружище, поднажми хорошенько, и, главное, помни, что он должен прибавить мне содержание. Когда я женюсь, я не смогу прожить на ту сумму, которую сейчас от него получаю. Если предполагается, что в финальных кадрах фильма я держу свою невесту в объятиях, содержание должно быть по крайней мере удвоено. В общем, ты все понял. Счастливо!

И он повесил трубку. В этот момент прозвучал гонг, и радушный хозяин затопал вниз по лестнице с таким грохотом, словно в подвал ссыпали тонну угля.

Вспоминая об этом обеде, я всегда испытываю чувство горечи и сожаления. Такой пир выпадает на долю простого смертного раз в жизни, а я оказался не состоянии его по достоинству оценить. Подсознательно-то я понимал, что это выдающееся произведение кулинарного искусства, но так нервничал из-за положения, в которое попал по милости Бинго, что не мог прочувствовать его до конца — с таким же успехом я мог жевать осиновые опилки.

Старый Литтл с места в карьер залопотал о литературе.

— Мой племянник, вероятно, рассказывал вам, что я за последнее время прочел многие ваши книги, — начал он.

— Да, он об этом упоминал. Ну и… э-э-э… как вам мои опусы-покусы?

Он посмотрел на меня с нескрываемым благоговением.

— Должен признаться, мистер Вустер, когда племянник читал мне вслух ваши романы, слезы то и дело наворачивались мне на глаза. Я

поражен, что такой молодой человек, как вы, сумел так глубоко проникнуть в самую суть человеческой природы, так умело играть на струнах сердца своих читателей, создать книги столь правдивые, столь трогательные и столь злободневные!

— Ничего особенного, у меня это врожденное… Крупные капли пота катились у меня по лбу. В жизни не попадал в более идиотское положение.

— В столовой слишком жарко? — участливо спросил он.

— Нет-нет, что вы. Ничуть.

— Значит, дело в перце. Если есть изъян в искусстве моей поварихи — хотя я в этом сомневаюсь, — то это лишь склонность излишне педализировать перцовую ноту в мясных блюдах. Кстати, как вы находите ее кухню?

Я обрадовался, что разговор ушел от моего вклада в сокровищницу мировой литературы, и с воодушевлением воспел хвалу ее кулинарным талантам.

— Рад это слышать, мистер Вустер. Я, возможно, слишком пристрастен, но, по-моему, эта женщина — гений.

— Вне всякого сомнения!

— Она служит у меня семь лет и за все время ни на йоту не опускала планку высочайших кулинарных стандартов. Разве что однажды, зимой семнадцатого года, придирчивый гурман мог бы упрекнуть ее в недостаточной воздушности соуса. Но тот случай особый. Тогда на Лондон было совершено несколько воздушных налетов, и они не на шутку напугали бедную женщину. Однако в этом мире за все удовольствия надо платить, мистер Вустер, и я в этом смысле — не исключение. Семь лет я жил в постоянном страхе, что кто-то переманит ее к себе на службу. Я знал, что она получала подобные предложения — и весьма щедрые предложения. Можете представить себе мое смятение, мистер Вустер, когда сегодня утром гром все-таки грянул. Она официально известила меня об уходе.

— О, Господи!

— Ваше участие лишний раз свидетельствует о выдающихся душевных качествах автора «Алой розы лета». Но я счастлив вам сообщить, что худшее позади. Дело только что улажено. Джейн остается.

— Молоток!

— Действительно, молоток — хотя я не знаком с этим выражением. Не помню, чтобы оно попадалось мне на страницах ваших произведений. Кстати, возвращаясь к книгам, должен признать, что наряду с пронзительной трогательностью повествования, на меня огромное

впечатление произвела ваша жизненная философия. Лондон весьма и весьма выиграл бы, мистер Вустер, если бы в этом городе жило побольше таких людей, как вы.

Это заявление полностью противоречило жизненной философии тети Агаты: она никогда не упускала возможности подчеркнуть, что именно из-за таких типов, как я, Лондон становится все менее и менее подходящим местом для жизни нормальных людей.

— Позвольте вам сказать, мистер Вустер, что я восхищен вашим полным пренебрежением пережитками одряхлевшего общественного строя. Да, восхищен! У вас достало широты взгляда заявить, что общественное положение — лишь штамп на золотом, и что если воспользоваться замечательными словами лорда Блетчмора из «Фабричной девчонки», «Каким бы низким ни было происхождение женщины, если у нее доброе сердце — она ничем не хуже самой знатной дамы».

— Я рад. Вы действительно так считаете?

— Да, мистер Вустер. Стыдно признаться, но было время, когда я, подобно многим другим, был рабом идиотских предрассудков, придавал значение классовым различиям. Но с тех пор, как прочел ваши книги…

Можно было не сомневаться. Это была очередная победа Дживса.

— Значит, вы не видите ничего предосудительного в том, что молодой человек, занимающий высокое общественное положение, женится на девушке, принадлежащей к так называемым «низшим классам»?

— Совершенно ничего предосудительного, мистер Вустер. Я сделал глубокий вдох, чтобы сообщить ему радостную новость.

— Бинго — ну знаете, ваш племянник — хочет жениться на официантке.

— Это делает ему честь, — сказал старый Литтл.

— Вы его не осуждаете?

— Наоборот, одобряю.

Я сделал еще один глубокий вдох и коснулся меркантильной стороны вопроса.

— Надеюсь, вы не сочтете, будто я лезу не в свое дело, но э-э-э… как насчет… этого самого? — выговорил я.

— Боюсь, что не совсем вас понимаю.

— Ну, я имею в виду его содержание и все такое. В смысле денег, которые вы так любезно ему выплачиваете. Он рассчитывает, что вы ему немножко подкинете сверх прежней суммы.

Старый Литтл с видом глубокого сожаления отрицательно покачал головой.

— Увы, это невозможно. Видите ли, в моем положении приходится экономить каждый пенни. Я готов и впредь выплачивать племяннику прежнее содержание, но никак не смогу его увеличить. Это было бы несправедливым по отношению к моей жене.

— Жене? Но ведь вы не женаты!

— Пока нет. Но я рассчитываю сочетаться браком в самое ближайшее время. Женщина, которая в течение стольких лет так замечательно меня кормила, сегодня утром оказала мне честь и приняла мое предложение руки и сердца. — Его глаза торжествующе сверкнули. — Теперь пусть попробуют у меня ее отнять! — с вызовом произнес он.

— Молодой мистер Литтл несколько раз пытался связаться с вами по телефону, сэр, — сказал мне Дживс, когда вечером я вернулся домой.

— Ничего удивительного, — сказал я. Вскоре после обеда я отправил ему с посыльным записку, в которой изложил результаты переговоров.

— Мне показалось, он чем-то взволнован.

— Еще бы! Кстати, Дживс, призовите на помощь все ваше мужество, стисните зубы: боюсь, у меня для вас плохая новость. Этот ваш план, насчет чтения книжек старому Литтлу, дал осечку.

— Книги его не переубедили?

— В том-то и беда, что переубедили. Дживс, мне очень неприятно вам это говорить, но ваша невеста — мисс Уотсон, словом, эта повариха — так вот, она, если выразиться кратко, предпочла богатство скромному достоинству, если только вы понимаете, что я имею в виду.

— Сэр?

— Она оставила вас с носом и выходит замуж за старого Литтла.

— В самом деле, сэр?

— Вы, я гляжу, не слишком расстроены.

— Честно говоря, сэр, я предвидел подобный поворот событий.

Я взглянул на него с удивлением.

— Тогда чего ради вы сами предложили этот план?

— Сказать по правде, сэр, я ничего не имею против разрыва дипломатических отношений с мисс Уотсон. Более того, я этого очень даже хочу. При всем бесконечном уважении, которое я питаю к мисс Уотсон, я давно понял, что мы не подходим друг другу. Так вот, другая юная особа, с которой у меня достигнуто взаимопонимание…

— Черт меня подери, Дживс. Так есть и другая?

— Да, сэр.

— И давно?

— Уже второй месяц, сэр. Она сразу же произвела на меня неизгладимое впечатление, когда мы познакомились на благотворительном балу в Камберуэлле.

— Чтоб мне провалиться! Но ведь это не… Дживс многозначительно кивнул.

— Именно так, сэр. По странному совпадению, это та самая девушка, которую молодой мистер Литтл… Я положил сигареты на журнальный столик. Спокойной ночи, сэр.

Глава III КОВАРНЫЕ ЗАМЫСЛЫ ТЕТИ АГАТЫ

Другой на моем месте наверняка бы казнился и страдал после провала матримониальных планов Бинго. Я хочу сказать, будь у меня более тонкий душевный склад и возвышенная натура, я бы ужасно расстроился. А так, среди разных прочих забот, я особенно не огорчался. К тому же, не прошло и недели после этого трагического события, как Бинго уже снова радостно бил копытом, точно дикая газель.

Никто так легко не оправляется после неудач, как Бинго. Его можно сбить с ног, но невозможно нокаутировать. Пока он увивается вокруг очередной пассии, он томится и вздыхает с полной отдачей. Но как только получает от ворот поворот, и дама сердца просит его — в порядке личного одолжения — оставить ее в покое, он вскоре снова беззаботно насвистывает, как ни в чем ни бывало. Мне доводилось наблюдать это не раз и не два, так что можете мне поверить.

Так что я из-за Бинго особенно не расстраивался. Впрочем, если говорить честно, и ни по какому иному поводу. Да и вообще в то время настроение у меня было превосходное. Все шло как нельзя лучше. В трех забегах лошади, на которых я поставил приличные суммы, пришли к финишу первыми, вместо того, чтобы присесть отдохнуть в середине дистанции, как обычно поступают четвероногие, когда я делаю на них ставки.

Добавлю к этому, что погода по-прежнему стояла наивысшего качества, мои новые носки были признаны широкой общественностью, как «самое то», и, в довершение всего, тетя Агата укатила во Францию и, по крайней мере в ближайшие полтора месяца, не будет меня поучать и воспитывать. А те, кто знаком с тетей Агатой, согласятся со мной, что уже одно это — неописуемое счастье.

Вот почему, принимая утреннюю ванну, я вдруг с особой остротой ощутил, что в целом свете нет ничего, что могло бы испортить мне настроение, и, орудуя губкой, запел, ну прямо как соловей. Мне казалось, что все положительно к лучшему в этом лучшем из миров.

Но вы замечали, что слишком хорошо в жизни долго не бывает. Только разомлеешь от блаженства и тут же получишь по шее. Не успел я вытереться, одеться и притопать в гостиную — как вот оно, началось: на каминной полке лежало письмо от тети Агаты.

— О, Господи, — простонал я, когда прочел его.

— Сэр? — переспросил Дживс. Он неслышно хлопотал по хозяйству в глубине комнаты.

— Это от тети Агаты, Дживс. От миссис Грегсон.

— Да, сэр?

— Вы бы не отзывались так равнодушно, если бы знали, что она пишет, — сказал я с горьким смехом. — Проклятие пало на наши головы, Дживс. Она хочет, чтобы я приехал к ней в… как бишь этот чертов курорт называется… в Ровиль-сюр-Мер. О господи!

— Полагаю, мне следует начать укладывать вещи, сэр?

— Боюсь, что так.

Очень трудно объяснить людям, незнакомым с тетей Агатой, каким образом ей удалось забрать надо мной такую власть. Я от нее не завишу ни в финансовом отношении, ни вообще. Но такой уж у нее характер. Еще когда я был совсем маленьким и позже, когда пошел в школу, тете стоило бровью повести, и я исполнял все, чего она требовала, и я до сих пор не вышел из-под гипноза. У нас в семье народ по преимуществу рослый, в тете Агате пять футов девять дюймов росту, крючковатый нос, волосы с сильной проседью — общее впечатление довольно внушительное. Как бы там ни было, мне даже в голову не пришло отказаться под каким-нибудь благовидным предлогом. Раз она сказала ехать в Ровиль, ничего другого не остается, как послать за билетами.

— Как вы думаете, в чем дело, Дживс? Зачем я ей понадобился?

— Затрудняюсь вам сказать, сэр.

Ну, да что там говорить. Мне оставалось лишь одно призрачное утешение, что-то вроде голубого проблеска между черными грозовыми тучами: в Ровиле я смогу продемонстрировать шелковый кушак, который купил полгода назад, да так ни разу и не решился надеть. Такой широкий, наподобие шарфа, его наматывают вокруг талии вместо жилета. До сих пор я не смог набраться смелости, чтобы выйти в нем на люди, так как знал, что Дживс встанет на дыбы: кушак был довольно яркого малинового цвета. Но я надеялся, что в таком месте, как Ровиль, где веселье бьет ключом и царит свойственная французам joie de vivre,[104] глядишь — как-нибудь и проскочит.

На следующее утро, получив положенную порцию качки на пароме и тряски в вагоне ночного поезда, я прибыл в Ровиль — довольно симпатичный городок, в котором джентльмен, не обремененный такой обузой, как тетка, мог бы славно скоротать недельку-другую. Он похож на большинство французских курортов — бесконечные пляжи, отели и

казино. Гостиница, которой выпало несчастье попасться на глаза моей тете, называлась «Отель Де-Люкс», и к тому моменту, когда я туда прибыл, среди персонала не осталось ни одного человека, который бы не ощутил на себе ее присутствия. Я им сочувствовал. Я прекрасно знал, как тетя Агата ведет себя в гостиницах. К моему приезду основная воспитательная работа была завершена, и по тому, как все перед ней лебезили, я понял, что для начала она потребовала, чтобы ее перевели в другой номер, с окнами на юг, вскоре переехала в третий, потому что во втором скрипела дверца шкафа, потом без обиняков высказала все, что думает о здешних поварах, официантах, горничных и прочих. Теперь она прочно держала всю шайку под каблуком. Управляющий, здоровенный малый с густыми бакенбардами и бандитской физиономией, готов был вывернуться наизнанку, стоило ей на него взглянуть.

Столь полный триумф привел ее в состояние мрачного удовлетворения, и она встретила меня чуть ли не с материнской нежностью.

— Я так рада, что ты смог приехать, Берти, — сказала она. — Свежий воздух пойдет тебе на пользу. Хватит таскаться по прокуренным ночным клубам.

Я хмыкнул что-то неопределенное.

— И с людьми интересными познакомишься, — продолжала она. — Хочу представить тебя мисс Хемингуэй и ее брату, я с ними здесь очень подружилась. Уверена, что мисс Хемингуэй тебе понравится. Милая, кроткая девушка, не то что эти современные бойкие лондонские девицы. Ее брат — приходский священник в Чиплиин-де-Глен в Дорсетшире. Он говорит, что они в родстве с кентскими Хемингуэйями. Очень добропорядочная семья. А Алин — очаровательная девушка.

Я насторожился. Подобные дифирамбы были совсем не в духе тети Агаты: всему Лондону известно, что она имеет обыкновение поливать всех направо и налево. Я кое-что заподозрил. И, черт подери, оказался прав!

— Алин Хемингуэй — как раз такая девица, какую я хотела бы видеть твоей женой, Берти, — сказала тетя Агата. — Тебе пора жениться. Тогда, может быть, из тебя и получится что-то путное. Лучшей жены, чем милая Алин, я себе не представляю. Она будет оказывать на тебя хорошее влияние.

— Еще чего! — не выдержал я, похолодев при мысли о подобной перспективе.

— Берти! — прикрикнула тетя Агата, сбросив маску материнской нежности и смерив меня ледяным взглядом.

— Да, но…

— Такие молодые люди, как ты, Берти, приводят меня в отчаяние; и не только меня, а всех, кому не безразлично будущее рода человеческого. Ты погряз в праздности и себялюбии, ты растрачиваешь жизнь попусту, вместо того, чтобы прожить ее с пользой для себя и для других. Ты тратишь лучшие годы на сомнительные развлечения. Ты — антиобщественное животное, трутень. Берти, ты просто обязан жениться.

— Но, будь я проклят…

— Плодиться и размножаться — священный долг каждого…

— Ради Бога, тетя, — сказал я и густо покраснел. Тетя Агата — член нескольких женских клубов, и иногда забывается, думает, что она в клубной гостиной.

— Берти, — повысила голос тетя и уже собиралась как следует прочистить мне мозги, но ей помешали. — А, вот и они, — сказала тетя. — Алин, милая!

Я увидел девушку и молодого человека, подгребавших в нашу сторону с приторными улыбками на лицах.

— Хочу представить вам моего племянника, Берти Вустера, — сказала тетя Агата. — Он только что приехал. Решил сделать мне сюрприз. Я понятия не имела, что он собирается в Ровиль.

Я затравленно взглянул на парочку, чувствуя себя, точно кот, попавший на псарню. Знаете, такое чувство, что тебя загнали в угол. Внутренний голос нашептывал мне, что Бертраму все это совершенно ни к чему.

Брат оказался кругленьким коротышкой с овечьим лицом. От него за версту веяло благостностью, он носил пенсне и пасторский воротничок — ну, такой, с застежкой сзади.

— Добро пожаловать в Ровиль, мистер Вустер, — сказал он.

— Ах, Сидней, — воскликнула девушка. — Ты не находишь, что мистер Вустер как две капли воды похож на каноника Бленкинсопа, который читал проповедь у нас в Чипли на прошлую Пасху?

— В самом деле! Просто поразительное сходство!

Они вытаращили на меня глаза, словно я был диковинным экспонатом за музейной витриной, а я, в свою очередь, уставился на них и разглядел барышню во всех деталях. Вне всякого сомнения, она разительно отличалась от тех представительниц слабого пола, которых тетя Агата назвала современными бойкими лондонскими девицами. Никаких тебе коротких стрижек и сигарет. Мне в жизни не приходилось встречать столь благопристойной — не могу подобрать иного слова — внешности. Простое

платье, волосы гладко зачесаны, выражение лица кроткое, почти ангельское. Я не претендую на лавры Шерлока Холмса, но как только я ее увидел, я тотчас сказал себе: «Эта барышня играет на органе в сельской церкви».

Мы вдоволь попялились друг на дружку, пощебетали о том, о сем, и я слинял. Но перед этим вынужден был пообещать после обеда прокатиться на автомобиле вместе с девицей и ее братцем. И мысль о предстоящей прогулке нагнала на меня такую тоску, что я решил хоть как-то поднять настроение. Я отправился в номер, достал из чемодана шелковый кушак и обмотал его вокруг талии. Когда я повернулся, Дживс шарахнулся от меня, точно дикий мустанг от грузового автомобиля.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он, отчего-то понизив голос до шепота. — Вы ведь не собираетесь появиться на людях в таком виде?

— Вы это про кушак? — спросил я непринужденным благодушным тоном, делая вид, что не замечаю застывшего на его лице ужаса. — Да, думаю пройтись.

— Я бы вам не советовал этого делать, сэр, ни в коем случае не советовал.

— А что такое?

— Непозволительно кричащий цвет, сэр, слишком бросается в глаза.

На этот раз я отважился дать Дживсу отпор. Никто лучше меня не знает, что он — гений и все такое, но, черт побери, мне надоело вечно зависеть от чужого мнения. Нельзя быть рабом своего слуги. Кроме того, у меня было ужасное настроение, и кушак — единственное, что могло меня хоть немного утешить.

— Знаете, что я вам скажу, Дживс, — сказал я. — Ваша беда э том, что вы замкнулись на ограниченном пространстве Британского архипелага. Мы не на Пиккадилли. На французском курорте требуется немного яркости и романтики. Не далее как сегодня утром я встретил в вестибюле джентльмена в костюме из желтого вельвета.

— И тем не менее, сэр…

— Дживс, — твердо сказал я. — Я так решил. У меня сегодня тоскливо на душе, мне нужно взбодриться. И вообще, чем это плохо? Мне кажется, этот кушак сюда так и просится. Он придает костюму испанский колорит. Этакий идальго Висенте-и-Бласко-и-как-то-там-еще. Молодой испанский гранд направляется на бой быков.

— Хорошо, сэр, — холодно ответил Дживс.

Терпеть не могу такие сцены. Если меня что-то может по-настоящему огорчить, так это размолвки в собственном доме; я чувствовал, что какое-

то время мы с Дживсом будем в натянутых отношениях. Мало мне жуткой затеи тети Агаты насчет Алин Хемингуэй, теперь еще это — признаюсь, у меня возникло горькое чувство, что никто на свете меня не любит.

Автомобильная прогулка получилась — как я и ожидал — из рук вон. Пастор трещал без умолку ни о чем, девица любовалась пейзажем, а у меня от всего этого началась мигрень, зародившаяся в левой пятке и разыгрывавшаяся все сильнее по мере продвижения вверх. Я проковылял в свой номер, чтобы переодеться к ужину, чувствуя себя, как лягушка, по которой прошлась борона. Если бы не стычка из-за кушака, я мог бы поплакаться Дживсу в жилетку и излить свои горести. Я все-таки не мог в одиночку пережить свалившиеся на мою голову несчастья.

— Послушайте, Дживс! — не выдержал я.

— Сэр?

— Плесните мне бренди с содовой, только покрепче.

— Да, сэр.

— Покрепче, Дживс. Поменьше содовой, побольше бренди.

— Хорошо, сэр.

Промочив горло, я почувствовал себя чуточку веселее.

— Дживс, — позвал я.

— Сэр?

— По-моему, я здорово влип, Дживс.

— В самом деле, сэр?

Я пристально на него взглянул. Вид у него был чертовски неприступный. Все еще дуется на меня.

— Вляпался по самые уши, — сказал я, сунув в карман врожденную гордость Вустеров и взывая к его дружеским чувствам. — Вы обратили внимание на барышню, которая здесь крутилась со своим братом пастором?

— Мисс Хемингуэй? Да, сэр.

— Тетя Агата хочет, чтобы я на ней женился.

— В самом деле, сэр?

— Ну, что будем делать?

— Сэр?

— Я имею в виду — вы можете что-нибудь предложить?

— Нет, сэр.

Жуткий тип — говорил так холодно и недружелюбно, что мне осталось только стиснуть зубы и изобразить полнейшее безразличие.

— Ну, что ж… ладно… тра-ла-ла-ла!

— Вот именно, сэр, — подтвердил Дживс. Только, как говорится, и всего.

Глава IV ЖЕМЧУГ — К СЛЕЗАМ

Давным-давно, скорее всего еще в школе — теперь-то я этими делами не особенно увлекаюсь, — я прочел одно стихотворение, про что-то там такое, и там были, помнится, строки насчет того, как: «Всё явственней тень мрачная тюрьмы сгущалась над невинной головой[105]». Это я к тому, что на протяжении последующих двух недель нечто похожее наблюдалось и над головой вашего покорного слуги. Уже слышался, день ото дня все громче, звон свадебных колоколов, и разрази меня гром, если я представлял себе, как из этого выпутаться. Дживс, понятное дело, сразу бы выложил с десяток гениальных планов, но он по-прежнему держался холодно и отчужденно, и у меня не хватало духу обратиться к нему за помощью. Ведь он же прекрасно видел, что молодой хозяин угодил в переделку, и если ему этого мало, чтобы закрыть глаза на малиновый кушак вокруг талии, значит, былой феодальный дух угас в его груди, и тут уж ничего не поделаешь.

Просто поразительно, до чего эти Хемингуэи ко мне прониклись! Я никогда не утверждал, что обладаю способностью располагать к себе людей, а большинство моих знакомых считают, что я законченный осел, но факт остается фактом: у этой барышни и ее братца я шел «на ура». Без меня они чувствовали себя несчастными. Я теперь и шагу не мог ступить без того, чтобы кто-то из них тотчас не появился Бог весть откуда, и не вцепился в меня, как репей. Дело дошло до того, что я начал прятаться в своем номере, чтобы хоть ненадолго от них передохнуть. Я занимал на третьем этаже вполне приличный «люкс» с видом на набережную.

Как-то вечером я укрылся в номере и в первый раз за день ощутил, что жизнь в конце концов не такая уж скверная штука. Сразу после обеда тетя Агата отправила меня с барышней Хемингуэй на прогулку, и я не мог избавиться от прилипчивой девицы до самого вечера. И вот сейчас, глядя из окна на залитую вечерними огнями набережную и толпу людей, беззаботно спешащих в рестораны, или в казино, или еще Бог знает куда, я испытал чувство щемящей зависти. Как здорово я мог бы здесь провести время, если бы не тетя Агата и ее занудные приятели.

Я тяжело вздохнул, и в этот момент раздался стук в дверь.

— Кто-то стучит, Дживс, — сказал я.

— Да, сэр.

Он отворил дверь, и я увидел Алин Хемингуэй и ее брата. Этого еще

не хватало! Я искренне надеялся, что заслужил на сегодня право на отдых.

— А, привет, — сказал я.

— Ах, мистер Вустер, — сказала девушка срывающимся от волнения голосом. — Просто не знаю, с чего начать.

Тут только я заметил, что вид у нее совершенно потерянный, а что касается ее братца, то он похож на овцу, которую терзают невыразимые душевные муки.

Я поднялся и приготовился внимательно слушать. Я понял, что они пришли не просто поболтать — видимо, стряслось нечто из ряда вон выходящее. Хотя непонятно, почему они с этим делом обращаются ко мне.

— Что случилось? — спросил я.

— Бедный Сидней! Это я во всем виновата, мне не следовало оставлять его без присмотра, — пролепетала Алин. Видно, что взвинчена до чертиков.

Тут ее братец, который не проронил ни звука после того, как сбросил с себя мятое пальто и положил на стул шляпу, жалобно кашлянул, как овца, застигнутая туманом на вершине горы.

— Дело в том, мистер Вустер, — сказал он, — что, к величайшему сожалению, со мной произошла весьма прискорбная история. Сегодня днем, когда вы столь любезно вызвались сопровождать мою сестру во время прогулки, я, не зная, чем себя занять, поддался искушению и — к несчастью — зашел в казино.

Впервые с момента нашего знакомства я почувствовал к нему что-то вроде симпатии. Оказывается, в его жилах течет кровь спортсмена; выходит, что и ему не чужды человеческие страсти. Жаль, что я не знал об этом раньше, мы могли бы гораздо веселей проводить время.

— Ну и как, — сказал я, — сорвали банк? Он тяжело вздохнул.

— Если вы хотите спросить, была ли моя игра успешной, я вынужден дать вам отрицательный ответ. Я ошибочно посчитал, что раз выигрыш уже выпал на красное не меньше семи раз подряд, дальше должна прийти очередь черного. Я ошибся и потерял все то немногое, что у меня было, мистер Вустер.

— Да, не повезло, — сказал я.

— Я вышел из казино, — продолжал он, — и вернулся в гостиницу. Там я встретил одного из моих прихожан, полковника Масгрейва, который по воле случая приехал сюда в отпуск. Я убедил его дать мне сто фунтов и выписал на его имя чек для предъявления в одном из лондонских банков, где у меня открыт счет на скромную сумму.

— Выходит, все не так уж плохо, — я призвал его взглянуть на вещи с

приятной стороны. — Хочу сказать, вам здорово повезло: не так-то просто с первой попытки найти желающего раскошелиться.

— Наоборот, мистер Вустер, это лишь усугубило мое положение. Мне очень стыдно в этом признаться, но я тотчас вернулся в казино и проиграл все сто фунтов: на этот раз я ошибочно предполагал, что на красное должна, как выражаются игроки, «пойти полоса».

— Ну и ну, — сказал я. — Ничего себе — скоротали вечерок!

— И самое ужасное, — заключил он, — это то, что на моем банковском счете нет достаточных средств, и мой чек, предъявленный полковником, оплачен не будет.

К этому моменту я уже понял, что он собирается обратиться ко мне с просьбой, которая вряд ли меня обрадует; но тем не менее я невольно испытал к нему теплое чувство. Я слушал его со все возрастающим интересом и восхищением. Никогда еще мне не доводилось встречать младших приходских священников, готовых так легко пуститься во все тяжкие. Хоть он и неказист с виду, но, похоже, парень хоть куда, жаль, что я не имел возможности узнать об этом раньше.

— Полковник Масгрейв, — продолжал он срывающимся голосом, — не из тех, кто посмотрит на это сквозь пальцы. Он человек суровый. Он все расскажет нашему первому приходскому священнику. А тот — тоже суровый человек. Короче говоря, мистер Вустер, если полковник Масгрейв предъявит этот чек в банк — я погиб. А он отправляется в Англию сегодня вечером.

Как только он смолк, вступила девица, которая все это время, пока ее братец изливал мне душу, судорожно вздыхала и кусала скомканный носовой платочек.

— Мистер Вустер, — воскликнула она, — умоляю вас, спасите! О, скажите, что вы нас спасете! Нам нужны деньги, чтобы получить обратно чек у полковника Масгрейва до девяти вечера — он уезжает на поезде девять двадцать. Я чуть с ума не сошла, ломая себе голову, как нам быть, и тут вспомнила, что вы всегда были к нам так добры. Мистер Вустер, одолжите Сиднею эту сумму и возьмите вот это в качестве залога. — И прежде чем я успел возразить, она достала из сумочки прямоугольный футляр. — Это мое жемчужное ожерелье, — сказала она. — Я не знаю, сколько оно стоит — это подарок моего бедного отца…

— Ныне, увы, покойного… — вставил ее брат.

— …но я уверена, что его стоимость намного превосходит сумму, которую мы у вас просим.

Чертовски неловко. Я почувствовал себя ростовщиком. Как будто ко

мне пришли заложить часы.

— Нет, что вы, зачем это, — запротестовал я. — Не нужно никакого залога, что за вздор. С удовольствием одолжу вам эти деньги. Они у меня, кстати, с собой. Как нарочно снял сегодня со счета немного наличных.

И я извлек из бумажника сотню и протянул брату. Но тот отрицательно покачал головой.

— Мистер Вустер, — сказал он. — Мы глубоко признательны вам за вашу щедрость; мы польщены и тронуты вашим доверием, но не можем согласиться с таким предложением.

— Сидней хочет сказать, — пояснила девушка, — что вы ведь, если разобраться, ничего о нас не знаете. Вы не должны рисковать такими деньгами, ссужая их без залога фактически незнакомым людям. Если бы я не была уверена, что вы отнесетесь к нашему предложению как деловой человек, я бы ни за что не осмелилась к вам обратиться.

— Как вы прекрасно понимаете, нам претит мысль о том, чтобы отнести жемчуг в ломбард, — сказал брат.

— Если бы вы согласились дать нам расписку — просто для порядка…

— Конечно, разумеется…

Я написал расписку и положил на стол рядом с деньгами, чувствуя себя круглым идиотом.

— Вот, пожалуйста, — сказал я.

Девушка взяла расписку, спрятала ее в сумочку, передала деньги брату и прежде, чем я понял, что происходит, бросилась ко мне, поцеловала и выбежала прочь из комнаты.

Признаюсь, я просто обалдел. Это было так внезапно и неожиданно. Я хочу сказать — такая девушка… Тихая, скромная и все такое — не из тех, которые целуют посторонних мужчин направо и налево. Словно в тумане я увидел, как из-за кулис появился Дживс и подал брату пальто; помню, я еще подумал про себя: «Что на свете могло бы заставить меня напялить на себя подобный балахон, больше всего похожий на мешок из-под муки?» Тут он подошел ко мне и горячо сжал мою руку.

— Не знаю, как вас благодарить, мистер Вустер!

— Ну что вы, какие пустяки.

— Вы спасли мое доброе имя. Доброе имя мужчины или женщины — наидрагоценнейший перл душ человеческих, — сказал он, со страстью разминая мою верхнюю конечность. — Тот, кто похитит у меня деньги, похитит безделицу. Они были моими, теперь они служат ему, как уже прежде рабски служили тысячам других. Но тот, кто похитит мое доброе

имя, отнимет у меня то, что его не обогатит, а меня оставит самым жалким бедняком. Я от всего сердца благодарю вас. До свидания, мистер Вустер.

— До свидания, старина, — сказал я.

Когда дверь за ним закрылась, Я повернулся к Дживсу. — Грустная история, Дживс, — сказал я.

— Да, сэр.

— Хорошо, что у меня деньги оказались под рукой.

— Ну… э-э-э… да, сэр.

— Вы говорите так, словно вам что-то не нравится.

— Мне не подобает критиковать ваши действия, сэр, но все же возьму на себя смелость утверждать, что вы поступили опрометчиво.

— Одолжив им эти деньги?

— Да, сэр. Эти модные французские курорты так и кишат мошенниками.

Ну, это уже было слишком.

— Знаете, что я вам скажу, Дживс, — не выдержал я. — Я многое готов стерпеть, но когда вы выступаете с ин… с иней… — черт, все время забываю это слово, — одним словом, возводите напраслину на представителя духовенства…

— Возможно, я чересчур подозрителен, сэр. Но я достаточно повидал этих курортов. Когда я был на службе у лорда Фредерика Рейнила, незадолго до того, как поступить к вам, его светлость очень ловко обманул в Монте-Карло мошенник, известный под кличкой Святоша Сид, завязавший с ним знакомство при помощи сообщницы. Я хорошо помню, как в тот день…

— Извините, что прерываю вечер воспоминаний, Дживс, — холодно сказал я, — но в данном случае вы городите чушь. Что может быть подозрительного в такой сделке? Ведь они же оставили мне жемчуг в залог, верно? Так что впредь думайте, что говорите. Вы бы лучше спустились вниз и спрятали ожерелье в сейф отеля. — Я открыл футляр, чтобы еще раз взглянуть на жемчуг. — О, Господи!

Футляр был пуст!

— Черт меня побери, — не в силах поверить своим глазам, воскликнул я. — Да ведь это грабеж средь бела дня!

— Совершенно верно, сэр. Именно так был обманут лорд Фредерик в тот день, о котором я только что вам рассказывал. Когда сообщница в знак благодарности обняла его светлость, Святоша Сид подменил футляр с жемчугом на точно такой, но пустой футляр, и скрылся вместе с ожерельем, деньгами и распиской. На основании расписки он потом

потребовал, чтобы его светлость вернул жемчуг, и его светлость, не имея возможности это сделать, был вынужден заплатить ему значительную сумму в качестве компенсации. Это очень простой, но действенный прием.

И тут меня осенило.

— Святоша Сид? Сид! Сидней! Братец Сидней! Разрази меня гром! Так вы полагаете, Дживс, что этот пастор — Святоша Сид?

— Да, сэр.

— Просто невероятно! Этот воротничок с застежкой сзади и все такое — он бы и епископа ввел в заблуждение. Так вы уверены, что это Святоша Сид?

— Да, сэр. Я узнал его, как только он вошел в комнату. У меня глаза на лоб полезли от удивления.

— Вы его узнали?

— Да, сэр.

— Но, тогда какого дьявола, — воскликнул я в сильном волнении, — какого дьявола вы меня не предупредили?

— Я решил избавить вас от неприятной сцены и просто извлек футляр с жемчугом из кармана этого господина, когда подавал ему пальто, сэр. Вот он.

Он положил футляр на стол рядом с первым, и, готов поклясться, они были похожи, как две капли воды. Я раскрыл футляр, и — вот оно, это дивное ожерелье, казалось, оно приветливо улыбается мне каждой своей жемчужиной. Я растерянно посмотрел на Дживса. У меня голова шла кругом.

— Дживс, — произнес наконец я. — Вы — гений.

— Да, сэр.

Только теперь я почувствовал теплые волны облегчения. Если бы не Дживс, пришлось бы выложить несколько тысяч, не меньше.

— Вы спасли от разорения наш домашний очаг, Дживс. Думаю, даже такой наглец, как Сид, закованный в носорожью броню бесстыдства, не осмелится потребовать, чтобы я вернул ему жемчуг.

— Несомненно, сэр.

— Ну, что ж… Послушайте, а вдруг он фальшивый?

— Нет, сэр. Это настоящий жемчуг, и притом очень ценный.

— Выходит, я остался в выигрыше. Да еще в каком! Пусть я потерял сотню фунтов, зато приобрел прекрасную нитку жемчуга. Ведь так, верно?

— Боюсь, что нет, сэр. Думаю, вам придется вернуть ожерелье.

— Что? Сиду? Я пока что в своем уме!

— Вы меня не поняли, сэр. Я имел в виду — вернуть жемчуг

законному владельцу.

— А кто его законный владелец?

— Миссис Грегсон, сэр.

— Как? С чего вы взяли?

— Вот уже час, как вся гостиница знает, что у миссис Грегсон пропало жемчужное ожерелье. Незадолго до вашего прихода я разговаривал с горничной миссис Грегсон, и она сказала мне, что управляющий гостиницы находится в апартаментах миссис Грегсон.

— Представляю, как ему там сейчас весело.

— Вполне разделяю ваши опасения, сэр. Постепенно до меня стала доходить суть случившегося.

— Значит, я сейчас пойду и верну ей жемчуг, так? Это изменит счет в мою пользу.

— Совершенно верно, сэр. И, если вы позволите дать вам совет, мне представляется не лишним подчеркнуть то обстоятельство, что жемчуг был украден…

— Великий Боже! Этой чертовой девицей, на которой тетя пыталась меня женить, будь я проклят!

— Именно так, сэр.

— Дживс, это будет самое сокрушительное поражение, какое когда-либо, за всю историю человечества, пришлось испытать моей дражайшей родственнице.

— Вполне возможно, что так, сэр.

— Может, поутихнет немного, а? Перестанет важничать и смотреть на меня сверху вниз?

— У вас есть все основания на это рассчитывать, сэр. Я с радостным воплем вылетел из комнаты.

Уже на подступах к берлоге тети Агаты я понял, что веселье в полном разгаре. Какие-то типы в униформе и стаи перепуганных горничных околачивались в коридоре, а за стеной был слышен нестройный гул голосов, перекрываемый зычным контральто тети Агаты. Я постучался, но никто не обратил на мой стук никакого внимания, поэтому я просочился в номер. Среди присутствующих я разглядел бьющуюся в истерике горничную, тетю Агату с грозно взъерошенными волосами, и типа с бакенбардами, похожего на бандита — управляющего гостиницы.

— Привет, — сказал я. — Всем-всем привет.

Тетя Агата сердито на меня шикнула. Бертрам у нее не удостоился приветливой улыбки.

— Ради Бога, оставь меня в покое, Берти, — отмахнулась она, и по ее взгляду я понял, что мой приход — последняя капля, переполнившая чашу.

— Что-то случилось?

— Да, да, да! У меня пропал жемчуг!

— Жемчуг? Вы говорите — жемчуг? — сказал я. — Ну да? Неприятная история. А где вы в последний раз его видели?

— Какая разница, где я в последний раз его видела? Его украли.

Тут Уилфред — Король Бакенбардов, который, как видно, отдыхал в перерыве между раундами, снова выскочил на ринг и быстро-быстро залопотал по-французски. Видно, эта история задела его за живое. В углу безутешно рыдала горничная.

— Вы уверены, что везде смотрели? — спросил я.

— Ну, конечно, уверена.

— Знаете, как это бывает — я, например, сто раз терял запонку для воротничка, а потом…

— Не своди меня с ума, Берти. У меня и без твоих глупостей голова идет кругом. Помолчи, пожалуйста. Замолчите все! — гаркнула она голосом, которому позавидовал бы старший сержант морской пехоты; такой голос был, вероятно, у той Мэри, которой приходилось скликать домой стадо, пасущееся на другом берегу реки Ди.[106] И, повинуясь мощному магнетическому импульсу, излучаемому ее стальной волей, Уилфред тотчас замолк, словно на полном скаку налетел на кирпичную стену. Слышны были лишь стенания горничной.

— Послушайте, — сказал я. — У меня впечатление, что эта девушка чем-то расстроена. Мне кажется, она плачет. Вы, возможно, этого не заметили, но я, знаете ли, очень наблюдателен.

— Она украла мой жемчуг! Я абсолютно уверена.

Ее слова вывели из комы управляющего, но тетя Агата с ледяным спокойствием прервала лопотание француза и протянула тоном великосветской дамы, которым она привыкла отчитывать нерадивых официантов:

— Я вам в сотый раз повторяю, любезнейший…

— Послушайте, — сказал я, — неловко прерывать вас, вы уж простите, но вы не это ищете?

Я достал из кармана ожерелье и поднял его над головой.

— Похоже на жемчуг, верно?

В жизни не испытывал такого удовольствия. О таких мгновениях рассказывают внукам и правнукам; впрочем, в тот миг шансы, что у меня когда-нибудь появятся внуки и правнуки, казались весьма низкими —

примерно один против ста. Из тети Агаты словно выпустили воздух, как из продырявленного воздушного шарика.

— Но где… где… где ты его… — забулькала она.

— У вашей приятельницы, мисс Хемингуэй. Но она еще не усекла.

— У мисс Хемингуэй? Мисс Хемингуэй?! Но… Но как оно к ней попало?

— Как? — повторил я. — Она его украла. Стащила! Слямзила! Потому что она воровка и именно так зарабатывает на жизнь — знакомится с простаками в гостиницах и похищает их драгоценности. Я не знаю, под какой кличкой она прославилась в воровском мире, но ее прелестный братец, который носит пасторский воротничок с застежкой сзади, известен в криминальных кругах как Святоша Сид.

Она растерянно захлопала глазами.

— Мисс Хемингуэй — воровка! Я… Я… — Она запнулась и взглянула на меня в полном недоумении. — Но как тебе удалось вернуть жемчуг, дорогой Берти?

— Неважно, — небрежно бросил я. — У меня свои методы. — Я собрал в кулак все отпущенное мне Богом мужество, прошептал про себя краткую молитву и вмазал ей, что называется, от души и по первому разряду.

— Должен вам сказать, тетя Агата, — сурово произнес я, — что вы вели себя чертовски неосмотрительно. В каждой комнате отеля висит объявление, что у управляющего имеется сейф, куда следует помещать ювелирные украшения и прочие ценности, но вы легкомысленно пренебрегли этим советом. И к чему это привело? Первая же воровка, появившаяся в отеле, вошла в номер и украла ваш жемчуг. А вы, вместо того чтобы признать свою вину, набросились на ни в чем не повинного управляющего. Вы были к нему страшно несправедливы.

— Да-да, — простонал бедняга.

— А эта несчастная девушка? Ей бы надо возбудить дело о… ну, вы понимаете, о чем… и содрать с вас изрядную сумму.

— Mais oui, mais oui, c'est trop fort![107] — поддержал меня разбойник с бакенбардами, а в глазах горничной мелькнула надежда, словно первый робкий луч солнца сквозь грозовые тучи.

— Я ей возмещу, — окончательно сдалась тетя Агата.

— И лучше это сделать немедленно. Если дело дойдет до суда, у вас нет никаких шансов, и на ее месте я потребовал бы двадцать монет, не меньше. Но это еще не все: вы бросили тень на доброе имя этого честного человека и пытались подорвать репутацию его гостиницы.

— Да, черт дери! Это очень плохой! — закричал бакенбардист. — Вы легкомысленная старый дама. Вы говориль дурно про моей отель. Завтра вы съезжать из моей отель, разрази меня молний!

И много еще чего в том же духе, прямо сердце радовалось его слушать. Наконец, вдоволь отведя душу, он ушел и увел с собой горничную, в ладошке которой была крепко зажата хрустящая десятка. Я думаю, они с предводителем разбойников потом ее поделили. Ни один управляющий французского отеля не в состоянии спокойно смотреть, как деньги плывут мимо него в чужой карман.

Я повернулся к тете Агате. Вид у нее был такой, словно на нее сзади налетел курьерский поезд, когда она мирно собирала на рельсах ромашки.

— Мне не хочется сыпать вам соль на раны, тетя Агата, — ледяным тоном сказал я, — но не могу не отметить, что ожерелье украла та самая особа, на которой вы пытались меня женить с самого первого дня моего приезда. Боже милостивый! Ведь если бы вам удалось настоять на своем, у меня могли бы родиться дети, способные стащить часы из жилетного кармана у родного отца, пока он качает их на коленях. Я не злопамятный, но, надеюсь, вы теперь, если вздумаете меня женить, подойдете к делу с большей осмотрительностью.

И, бросив на нее уничтожающий взгляд, я резко повернулся и вышел из номера.

.— «Часы бьют десять, ночь ясна, жизнь прекрасна», Дживс, — сказал я, снова оказавшись в моем милом уютном номере.

— Мне доставляет большое удовольствие это слышать, сэр.

— Я думаю, Дживс, двадцать монет вам не помешают…

— Благодарю вас, сэр.

Мы помолчали. Потом… это решение далось мне не без труда, но я заставил себя это сделать. Я размотал кушак и протянул его Дживсу.

— Вы хотите, чтобы я его выгладил, сэр?

Я в последний раз с горечью взглянул на малиновую ленту. Эта вещь была мне очень дорога.

— Нет, — сказал я. — Заберите его совсем — можете отдать нуждающимся и малоимущим. Я его больше никогда не надену.

— Большое спасибо, сэр, — сказал Дживс.

Глава V УДАР ПО САМОЛЮБИЮ ВУСТЕРОВ

Все, что мне нужно для счастья — это спокойная жизнь. Я не из тех, кто места себе не находит или впадает в уныние, если за день с ним не приключится чего-то необыкновенного. По мне — чем тише, тем лучше. Регулярное питание, время от времени хороший мьюзикл, да пара-тройка закадычных приятелей для совместных выходов — о большем я не прошу.

Вот почему это событие, нарушившее мерное течение моей жизни, так неприятно на меня подействовало. Смотрите сами. Я вернулся из Ровиля с уверенностью, что отныне ничто не нарушит мой покой. Тете Агате, думал я тогда, потребуется не меньше года, чтобы оправиться после провала с Хемингуэями, а кроме тети Агаты досаждать мне некому. Словом, будущее рисовалось мне безоблачным и небеса голубыми.

Я и не предполагал, что… Впрочем, послушайте, что случилось, и скажите: о какой спокойной жизни может после этого идти речь?

Раз в год Дживс берет отпуск и сваливает на пару недель на море, или еще куда-нибудь, для восстановления угасших сил. Мне, конечно, нелегко обходиться без Дживса. Но приходится терпеть, и я терплю; к тому же он обычно подбирает какого-нибудь приличного малого, чтобы тот заботился обо мне в его отсутствие.

Вот в очередной раз подошло время отпуска, и Дживс на кухне давал руководящие указания своему дублеру. Мне понадобилась почтовая марка, и я вышел из комнаты, чтобы попросить у Дживса. Дверь на кухню он сдуру оставил открытой, и я еще в коридоре, к ужасу своему, услышал, как он говорит:

— Вам понравится мистер Вустер. Весьма приятный и любезный молодой джентльмен, но вот что касается ума… Умом он не отличается, его интеллектуальные ресурсы весьма незначительны.

Ну, что вы на это скажите?

Строго говоря, я, наверное, должен был бы ворваться на кухню и в недвусмысленных выражениях отчитать наглеца. Но, боюсь, не родился еще человек, который способен в недвусмысленных выражениях поставить на место Дживса. Я лично даже и не пытался. Я подчеркнуто холодно попросил подать мне шляпу и трость и выкатился на улицу. Но слова его занозой засели в памяти. Мы, Вустеры, не из забывчивых. Вернее, мы легко забываем назначенные встречи, дни рождения; забываем отправить письма, и все такое, но не такие вопиющие оскорбления.

Я шел мрачный до чертиков и в таком подавленном состоянии завернул в бар пропустить рюмку для бодрости. В тот момент мне просто необходимо было укрепить дух глотком спиртного: мне предстоял обед с тетей Агатой. Тяжкое испытание, можете мне поверить, даже если — как полагал я — после Ровиля она будет тише воды, ниже травы. Я залпом осушил первую рюмку, не спеша просмаковал вторую и почувствовал, как настроение у меня поднялось, насколько это возможно в данных обстоятельствах. Вдруг из угла меня кто-то окликнул, и, обернувшись, я увидел Бинго Литтла, уплетавшего здоровенный бутерброд с сыром.

— Привет, — сказал я. — Сколько лет, сколько зим! Где это ты пропадал?

— Меня не было в Лондоне, я жил за городом.

— За городом? — удивился я: всем известно, что Бинго не большой охотник до прелестей сельской жизни. — Это где же?

— В Хемпшире, в местечке под названием Диттеридж.

— Что ты говоришь! У моих знакомых дом в этих местах. Глоссопы. Ты с ними не знаком?

— Я как раз у них и живу, — сказал Бинго. — В качестве гувернера юного Глоссопа.

— Чего ради? — спросил я. Не представляю себе Бинго в роли учителя. Хотя, с другой стороны, у него худо-бедно оксфордский диплом, так что кого-то он на короткое время может одурачить.

— Чего ради? Ради денег, разумеется! Представляешь, стопроцентный верняк накрылся во втором заезде в Хейдок-Парке, — с горечью сказал Бинго, — а с ним вместе и все мое содержание за месяц вперед. У меня духу не хватило просить у дяди, так что пришлось обзванивать агентства по найму и искать работу. Я пашу у Глоссопов уже три недели.

— Я не знаком с юным Глоссопом.

— Твое счастье, — буркнул Бинго.

— Из всей семьи я хорошо знаю только дочь. — Едва я произнес эти слова, как лицо Бинго чудесным образом преобразилось. Он вспыхнул, как маков цвет, глаза едва не вывалились из орбит, а кадык запрыгал, словно каучуковый шарик на фонтанчике в тире.

— О, Берти! — сдавленным голосом простонал он.

Я не на шутку испугался. Я знал, что он постоянно в кого-нибудь да влюбляется, но влюбиться в Гонорию Глоссоп, на это, по моим понятиям, был не способен даже он. На мой вкус, эта девица — чистая отрава. Этакая здоровенная, жутко интеллектуальная, энергичная особа — теперь таких девиц развелось в Англии видимо-невидимо. Она закончила Гертон,[108]

где не только развила свой мозг до кошмарных размеров, но и занималась всеми возможными видами спорта, в результате чего достигла физической формы профессионального борца средней весовой категории. Не удивлюсь, если окажется, что она выступала за университетскую команду по боксу. Едва она появляется на горизонте, мне хочется спуститься в подвал и затаиться до отбоя воздушной тревоги.

Тем не менее Бинго явно от нее без ума. Ясно как день. В глазах его сияло пламя Великой Любви.

— Я боготворю ее, Берти! Я благословляю землю, по которой она ступает, — громовым голосом затрубил несчастный; уверен, что его было слышно на другом конце зала. В бар только что зашел Фред Томпсон, потом еще пара знакомых, а Мак-Гарри — парень за стойкой — и вовсе слушал, разинув рот и развесив уши. Но не в привычках Бинго скрывать свои чувства. Точь-в-точь герой оперетты, который, выйдя на середину сцены, собирает в кружок приятелей и во всю глотку распевает о своей любви.

— Ты ей уже об этом сказал?

— Нет, у меня не хватает духу. Мы каждый вечер гуляем вместе по парку и, когда она смотрит на меня… Знаешь, она похожа…

— На сержанта морской пехоты.

— Ничего подобного! На юную богиню.

— Одну секунду, старина, — сказал я. — Ты уверен, что мы говорим об одной и той же мисс Глоссоп? Ту, которую я имею в виду, зовут Гонория. Может быть, у нее есть сестра, о которой я не слышал?

— Ее имя действительно Гонория, — с дрожью благоговения в голосе подтвердил Бинго.

— И на твой взгляд, она похожа на юную богиню?

— Похожа.

— Благослови тебя Бог! — сказал я.

— «Она идет во всей красе. Светла, как ночь ее страны. Вся глубь небес, и звезды все в ее очах заключены[109]». Еще один бутерброд с сыром, — сказал он бармену.

— Я гляжу, отсутствием аппетита ты не страдаешь!

— Это мой обед. В час пятьдесят должен встретить Освальда на вокзале Ватерлоо, чтобы успеть на обратный поезд. Я возил его к зубному врачу.

— Освальд? Это что — юный Глоссоп?

— Да. Поганец порядочный.

— Поганец? Кстати, я же сегодня обедаю с тетей Агатой. Извини, я

поскакал, а не то опоздаю.

Я не виделся с тетей Агатой после той самой истории с жемчугом; и, хотя и не предвкушал особого удовольствия от совместного пережевывания пищи, я был твердо уверен, что уж одной темы она, во всяком случае, не станет касаться — а именно, темы семьи и брака. Если бы я сел в такую калошу, как тетя Агата в Ровиле, элементарный стыд не позволил бы мне даже заикаться об этом как минимум несколько месяцев.

Но, оказалось, я недооценивал женщин. В смысле бесстыдства. Вы не поверите — она, можно сказать, с этого начала. Клянусь! Не успели мы перекинуться парой фраз о погоде, как она, не моргнув глазом, ринулась в атаку.

— Берти, — сказала она. — Я много думала и окончательно поняла, что тебе совершенно необходимо жениться. Признаю — я жестоко ошиблась, доверившись той ужасной обманщице в Ровиле, но на этот раз ошибки быть не может. Мне посчастливилось найти для тебя именно такую невесту, как тебе нужно. Я недавно познакомилась с этой девушкой, но она из прекрасной семьи, так что тут не может быть никаких сомнений. К тому же она очень богата; для тебя, впрочем, это не важно. Главное, что это сильная, самостоятельная и благоразумная девушка, которая сможет уравновесить все твои многочисленные слабости и недостатки. Она с тобой знакома, и, хотя, естественно, не одобряет твой образ жизни, относится к тебе с симпатией. Я в этом уверена, потому что уже прощупала почву — естественно, очень деликатно — и думаю, что стоит тебе сделать первый шаг…

— Кто она? — Мне следовало давно задать этот вопрос, но с перепугу у меня кусок булочки попал не в то горло, я посинел от недостатка кислорода, и только теперь снова получил возможность нормально дышать. — Кто она?

— Гонория, дочь сэра Родерика Глоссопа.

— Нет, только не она! — закричал я, и щеки мои под здоровым летним загаром побледнели.

— Не глупи, Берти. Это как раз та жена, которая тебе требуется.

— Но, послушайте…

— Она сформирует твой характер.

— Но я вовсе не хочу, чтобы кто-то формировал…

Тетя Агата взглянула на меня так, словно мне пять лет, и она опять застукала меня с банкой джема в буфетной.

— Берти! Ради Бога, не спорь, пожалуйста.

— Да, но я хочу сказать…

— Леди Глоссоп любезно пригласила тебя погостить в Диттеридж-Холле. Я сказала, что ты с удовольствием завтра же к ним приедешь.

— Мне очень жаль, но на завтра у меня чертовски важная встреча.

— Что еще за встреча?

— Ну… это…

— Нет у тебя никакой встречи. А если и есть, ты ее отменишь. И отправишься в Диттеридж-Холл, а не то, Берти, я очень сильно рассержусь.

— Ну, хорошо, хорошо, — сказал я.

Едва я расстался с тетей Агатой, как во мне проснулся бойцовский дух Вустеров. Как ни ужасна была нависшая надо мной угроза, я чувствовал почти что радостное возбуждение. Меня загнали в угол, но чем безнадежнее мое положение, тем слаще будет торжество над Дживсом, когда я сумею выпутаться из ловушки без малейшей помощи с его стороны. Прежде я бы спросил у него совета и действовал в соответствии с его инструкциями; но после того, что я услышал на кухне, будь я проклят, если стану унижаться. Вернувшись домой, я, как бы между прочим, сказал:

— Знаете, Дживс, я попал в чертовски затруднительное положение.

— Мне очень жаль, сэр.

— Да, мое дело дрянь. По правде говоря, я на краю гибели, один на один с безжалостным роком.

— Если я могу вам чем-нибудь помочь, сэр…

— Нет, спасибо. Не стану вас беспокоить. Уверен, что сам справлюсь.

— Очень хорошо, сэр.

Тем все и кончилось. Другой на его месте принялся бы расспрашивать, что да как, но такой уж Дживс человек. Сама сдержанность во всем.

Когда я на следующий день приехал в Дитерридж, Гонорию я там не застал. Ее мать сказала, что она гостит у Брейтуэйтов и вернется завтра, а с ней вместе приедет и ее подруга, мисс Брейтуэйт. Еще она сообщила, что Освальда я найду в парке, и — что значит материнская любовь — это прозвучало так, словно присутствие ее чада служит к украшению парка и составляет едва ли не главную его достопримечательность.

Неплохой у них там парк, в Диттеридже. Террасы, большой кедр посреди лужайки, кусты и небольшой, но живописный пруд с перекинутым через него каменным мостом. Выйдя в парк, я обогнул кустарник и заметил Бинго, который курил, прислонясь к перилам моста. На каменных перилах сидел с удочкой в руках некий представитель отряда несовершеннолетних — как я понял, это и был Освальд Моровая Язва.

Бинго был приятно удивлен моему приезду и представил меня мальчишке. Если тот и был приятно удивлен, то умело скрыл это, как

заправский дипломат. Только взглянул на меня, слегка вздернул брови и продолжал удить. Видно было, что он из тех высокомерных юнцов, которые дают вам почувствовать, что школа, где вы учились, совсем не та, и костюм на вас сидит плохо.

— Это Освальд, — сказал Бинго.

— Рад познакомиться, — приветливо произнес я. — Как поживаешь?

— Нормально, — ответил мальчик.

— У вас тут очень красиво.

— Нормально, — ответил мальчик.

— Хорошо клюет?

— Нормально, — ответил мальчик.

Бинго отвел меня в сторонку, чтобы мы могли спокойно пообщаться.

— Скажи, а у тебя никогда не звенит в ушах от беспрестанного щебета милого Освальда?

Бинго вздохнул.

— Да, это тяжкий труд.

— Что — тяжкий труд?

— Любить его.

— Так ты его любишь? — с удивлением спросил я. — Вот уж никогда бы не подумал, что такое возможно.

— Пытаюсь, — сказал Бинго. — Ради Нее. Берти, завтра Она приезжает!

— Так мне сказали.

— Она приезжает, любовь моя, моя…

— Да-да, конечно, — сказал я. — Но возвращаюсь к юному Освальду. Тебе что, приходится нянчиться с ним с утра до ночи? Я бы давно рехнулся!

— С ним не так много хлопот. После уроков он все время сидит здесь, на мосту, удит малявок.

— Отчего бы тебе не спихнуть его в пруд?

— Спихнуть в пруд?

— По-моему, это самое разумное, — сказал я, с неприязнью взглянув на оболтуса. — Может, наконец, проснется и почувствует интерес к жизни.

Бинго тоскливо покачал головой.

— Очень заманчивое предложение, — сказал он. — Но, боюсь, неосуществимое. Видишь ли, Она никогда мне этого не простит. Она очень привязана к этому паршивцу.

— Ура! — воскликнул я. — Нашел! — Не знаю, знакомо ли вам это чувство, когда вас вдруг осеняет гениальная идея и дрожь бежит вниз по

позвоночнику от мягкого, как теперь носят, воротничка до самых подошв? Дживс наверняка испытывает это чувство по нескольку раз на дню, но на меня оно нисходит довольно редко. И вот сейчас я услышал, словно чей-то голос возвестил: «Вот оно!». Я схватил руку Бинго выше локтя с такой силой, что ему, наверное, показалось, будто его укусила лошадь. Тонкие черты его лица исказила гримаса страдания, и он поинтересовался, какого черта я решил отрабатывать на нем приемы джиу-джитсу.

— Что бы сделал Дживс? — спросил я у Бинго.

— В каком смысле, «что бы сделал Дживс?»

— Что бы он посоветовал в такой ситуации? Тебе нужно произвести впечатление на Гонорию Глоссоп, верно? Так вот, если хочешь знать, он посоветовал бы тебе спрятаться вон за тем кустом, а мне — заманить Гонорию к мосту, и в условленный момент дать мальчишке крепкого пинка пониже спины, чтобы он слетел с моста в воду. После чего ты прыгаешь за ним и вытаскиваешь его из воды на берег. Ну, что скажешь?

— Берти… не может быть, чтобы ты сам до этого додумался, — почтительным шепотом выдохнул Бинго.

— Сам. Не у одного Дживса рождаются гениальные мысли.

— Но это же бесподобно!

— Хотелось тебе помочь.

— Единственное, что меня смущает, это в каком ты окажешься положении. Я хочу сказать — допустим, этот чертов мальчишка успеет оглянуться и всем расскажет, что ты нарочно столкнул его в пруд. Ты можешь на всю жизнь испортить отношения с Ней.

— Я готов даже на это.

Видно было, что он глубоко тронут.

— Берти, это так благородно с твоей стороны!

— Ну, что ты.

Он молча пожал мне руку, а потом хмыкнул — звук был такой, как будто последние капли воды, булькнув, ушли в отверстие ванны.

— Что тебя так развеселило?

— Я вдруг представил себе, — сказал Бинго, — какой дурацкий вид будет у мокрого Освальда. О Господи, что за счастливый день!

Глава VI НАГРАДА ГЕРОЮ

Вы замечали, что совершенство никогда не бывает полным? Вот и в моем великолепном во всех прочих отношениях плане был один небольшой изъян: Дживс не увидит меня в деле. Однако в остальном мой замысел был безупречен. Главное, тут невозможны никакие сбои и накладки. Знаете, как бывает, когда требуется, чтобы некто «А» прибыл в пункт «Бэ» в ту самую минуту, когда некто «Цэ» находится в точке «Дэ». Обязательно где-нибудь что-то да сорвется. Возьмем, к примеру, генерала, планирующего крупное наступление. Он приказывает одному полку занять холм с ветряной мельницей точно в тот момент, когда другой полк овладеет плацдармом, или еще чем-то там, в долине; на деле, однако, все идет наперекосяк. Вечером генерал собирает офицеров, и командир первого полка говорит: «Ах, извините! Разве вы сказали «холм с мельницей»? А мне послышалось «холм, где пасется стадо овец». Вот так-то. Но в данном случае нам ничего подобного не грозит, потому что Освальд и Бинго непременно будут находиться там, где требуется, так что мне оставалось лишь своевременно заманить туда Гонорию. И я прекрасно, с первого же захода, справился со своей задачей: предложил ей прогуляться со мной по парку, намекнув, что мне необходимо сообщить ей нечто важное.

Она прикатила на автомобиле сразу же после обеда, вместе с дочерью Брейтуэйтов. Гонория меня ей представила — подруга оказалась довольно высокой блондинкой с голубыми глазами. Мне она даже понравилась: полная противоположность Гонории, будь у меня побольше времени, я бы с удовольствием с ней поболтал. Но дело — прежде всего: мы договорились, что Бинго заступит на свой пост за кустом ровно в три, поэтому я поспешил увести Гонорию в парк и как бы невзначай начал подгребать вместе с ней в сторону пруда.

— Вы сегодня так молчаливы, мистер Вустер, — сказала она.

Я вздрогнул от неожиданности — так глубоко я ушел в свои мысли о предстоящей операции. Мы приближались к пруду, и я зорким оком оглядывал поле предстоящего боя. Пока все шло по плану. Юный Освальд, сгорбившись, восседал на перилах моста, Бинго не было видно, из чего я заключил, что он уже в засаде. На моих часах было две минуты четвертого.

— Что? — переспросил я. — Извините. Я просто задумался.

— Вы говорили, что вам необходимо сообщить мне что-то важное?

— Совершенно верно, — сказал я, решив, что не мешает взрыхлить почву для Бинго. Я имею в виду, не называя его по имени, приготовить барышню к мысли, что на свете есть человек, который — как это ни удивительно — давно любит ее издали, и все такое прочее. — Дело вот в чем, — сказал я. — Вы, может быть, удивитесь, но один человек в вас страшно влюблен, и так далее — ну, один мой друг.

— Ах, вот как — друг?

— Да.

Она рассмеялась.

— Что же он мне сам об этом не скажет?

— Такой уж он человек. Ужасно робкий, застенчивый. Никак не может набраться смелости. Считает, что вы настолько выше его, ну, вы понимаете… Смотрит на вас, как на божество. Благославляет землю, по которой вы ступаете, но ему не хватает пороху вам об этом сказать.

— Очень любопытно.

— Да. Он, по-своему, неплохой парень. Вообще-то осел, каких мало, но славный малый. Вот такие, значит, дела. Просто имейте это в виду, ладно?

— Господи, какой вы смешной!

Она откинула голову назад и расхохоталась. Смех у нее был зычный. Что-то вроде грохота товарного поезда в туннеле. На мой вкус — не слишком музыкальный, и юному Освальду он, как видно, тоже пришелся не по душе. Он оглянулся на нас с нескрываемой неприязнью.

— Какого черта вы тут разорались, — сказал он. — Всю рыбу распугаете.

Его замечание несколько сбило высокий романтический строй нашей беседы. Гонория переменила тему.

— Меня беспокоит, что Освальд сидит на перилах, — сказала она. — По-моему, это опасно. Он может свалиться в воду.

— Пойду, скажу ему, — предложил я.

Меня отделяло от Освальда всего пять ярдов, но мне казалось, что все сто. Я шел, и мне чудилось, что в моей жизни уже было нечто подобное. Я даже вспомнил, что это было. Много лет назад, в одном загородном доме, меня уговорили сыграть роль дворецкого в любительском благотворительном спектакле в пользу кого-то или чего-то там, сейчас уже не помню. Так вот, в самом начале спектакля я должен был пройти через всю сцену слева направо и поставить на стол поднос. На репетиции мне объяснили, чтобы я ни в коем случае не старался пройти дистанцию в максимальном темпе, и что мой проход не должен походить на финишный

спурт в состязаниях по спортивной ходьбе. В результате я изо всех сил жал на тормоза, и мне казалось, что я никогда не дойду до этого чертова стола. Сцена превратилась в бескрайнюю пустыню, а в зале стояла такая мертвая тишина, словно вся Вселенная следит за мной, затаив дыхание. Точно так я чувствовал себя и теперь. Во рту пересохло от страха, мне казалось, что с каждым шагом проклятый мальчишка отодвигается от меня все дальше и дальше, как вдруг, каким-то чудом, я оказался прямо у него за спиной.

— Привет, — сказал я с болезненной улыбкой, которую, впрочем, он не мог оценить, поскольку не потрудился обернуться, а лишь раздраженно повел левым ухом. Мне еще не приходилось встречать человека, которому было бы на меня настолько наплевать.

— Привет, — повторил я. — Рыбачишь?

И, с нежностью старшего брата, я положил руку ему на плечо.

— Эй, поосторожнее, — сказал он и покачнулся на узких перилах.

В таких случаях надо действовать без промедления. Я закрыл глаза и толкнул его в спину. Послышались странные звуки, будто кошка точит когти о перила моста, кто-то взвизгнул у меня за спиной, раздался сдавленный возглас, потом громкий всплеск.

Я открыл глаза. Мальчишка как раз только что вынырнул на поверхность.

— На помощь, — закричал я, кося глазом на куст, из-за которого по плану должен был выскочить Бинго.

Но тщетно. Никакой Бинго ни из-за какого куста и не думал выскакивать.

— Скорее! Помогите! — еще громче протрубил я.

Вам, наверное, уже надоели воспоминания о моей театральной карьере, но я все же вернусь к тому эпизоду, когда я исполнял роль дворецкого. По пьесе предполагалось, что когда я поставлю поднос на стол, на сцене должна появиться героиня, прощебетать несколько слов и отослать меня прочь. Но бедная женщина забыла, что дальше ее выход, и не встала наготове за кулисами — пока ее нашли и вытолкали на сцену, прошла целая минута. И все это время я вынужден был стоять столбом и ждать. Отвратительное состояние, можете мне поверить, и вот сейчас я испытывал нечто подобное, только еще хуже. Теперь я понял, что имеют в виду литераторы под выражением «время словно остановилось».

Между тем юный Освальд погибал ни за грош во цвете лет, и мне стало ясно, что пора принимать срочные меры. Не то чтобы я успел к нему так уж сильно привязаться, но не смотреть же, как его поглотит пучина. С моста вода казалась на редкость грязной и холодной, но куда деваться? Я

сбросил пиджак и сиганул через перила.

Вы замечали, что вода почему-то гораздо мокрее, если ныряешь в одежде; отчего — не знаю, но можете мне поверить. Я пробыл под водой секунды три, не более, но всплыл с ощущением, что мое тело, как пишут в криминальной хронике, «очевидно находилось в воде несколько суток». Я чувствовал себя распухшим и липким.

В довершение всех бед, дело приняло неожиданный оборот. Я полагал, что, как только вынырну, сразу же храбро схвачу мальчишку за шиворот и отбуксирую к берегу. Но он и не думал дожидаться, пока его отбуксируют. Когда я, отфыркался и смог, наконец, снова различать, что происходит вокруг, то увидел, что он уже в десяти ярдах впереди меня и движется на всех парах по направлению к берегу австралийским кролем. У меня упало сердце. Ведь суть спасательной операции состоит в том, что спасаемый находится в беспомощном положении и в одном месте. Если он в состоянии плыть сам, да еще может дать вам сорок ярдов форы на стоярдовой дистанции, то на кой черт ему ваше спасение? Вся затея теряет смысл. Мне оставалось только плыть к берегу. И я поплыл к берегу. К тому моменту, когда я ступил на твердую сушу, мальчишка был уже на полпути к дому. Короче говоря, с какой стороны ни глянь, затея моя закончилась полным провалом.

Мои размышления прервал звук, похожий на грохот проносящегося под мостом Шотландского экспресса. Это смеялась Гонория Глоссоп. Она стояла рядом со мной и смотрела на меня с каким-то странным выражением.

— Ах, Берти, какой вы смешной! — сказала она. Ее слова пробудили в моей душе тоскливые предчувствия. Прежде она никогда не обращалась ко мне иначе, как «мистер Вустер». — И какой мокрый!

— Да, я промок.

— Бегите скорее в дом и переоденьтесь.

— Хорошо.

Я отжал несколько галлонов воды из прилипшей к телу одежды.

— Нет, все-таки вы ужасно смешной, — повторила она. — Сначала делаете предложение таким необычным окольным образом, а потом сталкиваете Освальда в пруд, чтобы затем спасти и произвести на меня впечатление…

Я уже достаточно освободил органы дыхания от воды, чтобы возразить и вывести ее из этого пагубного заблуждения.

— Нет-нет, вам показалось!

— Брат сказал, что вы его нарочно столкнули, да я и сама видела. Я

нисколько на вас не сержусь за это, Берти. Это так мило с вашей стороны. Но, думаю, мне пора всерьез вами заняться. За вами нужен глаз да глаз. Вы смотрите слишком много кинофильмов. В следующий раз еще надумаете поджечь дом, чтобы вынести меня из огня. — Она окинула меня хозяйским взглядом. — Думаю, мне удастся сделать из вас что-то путное, — сказала она. — Конечно, ваша жизнь до встречи со мной прошла впустую, но вы еще молоды, и в вас есть много хорошего.

— Нет-нет… во мне нет абсолютно ничего хорошего.

— Есть, Берти. И это скоро проявится. А сейчас бегите скоренько домой и переоденьтесь, а не то простудитесь.

В голосе ее прозвучали материнские нотки, которые яснее слов сказали мне, что я пропал.

Я переоделся и когда спускался по лестнице, столкнулся с Бинго, у него был какой-то странный, восторженный вид.

— Берти, — проговорил он. — Как хорошо, что я тебя встретил. Случилась удивительная вещь!

— Скотина! — вскричал я. — Куда ты делся? Ты знаешь, что…

— А, это ты насчет того, что меня не было там, в кустах? Я просто не успел тебя предупредить. Все отменяется.

— Что отменяется?

— Берти, я как раз направлялся к пруду, чтобы спрятаться в условленном месте, когда произошло нечто необыкновенное. Я шел по лужайке и вдруг увидел самую прекрасную, самую изумительную девушку на свете. Другой такой просто нет! Берти, ты веришь в любовь с первого взгляда? Ведь ты же веришь, я знаю, Берти, старик, ты не можешь не верить! Как только я на нее взглянул, меня потянуло к ней, как магнитом. Я забыл обо всем на свете. Мне показалось, что мы одни в мире, полном музыки и солнца. Я подошел к ней. Я заговорил с ней. Ее зовут мисс Брейтуэйт, Берти, — Дафна Брейтуэйт. Как только наши взгляды встретились, я понял, что чувство, которое я принимал за любовь к Гонории Глоссоп, было лишь минутным увлечением. Берти, ведь ты же веришь в любовь с первого взгляда, верно? Она такая изумительная, такая добрая. Похожа на юную богиню…

Я молча повернулся и ушел к себе в комнату.

Два дня спустя я получил письмо от Дживса.

«Погода, — писал он, — по-прежнему стоит превосходная. Сегодня я искупался с особенным удовольствием».

Я горько рассмеялся и спустился в гостиную, где меня ждала Гонория. Она собиралась почитать мне вслух Рескина.[110]

Глава VII НА СЦЕНЕ ПОЯВЛЯЮТСЯ КЛОД И ЮСТАС

Гром среди ясного неба грянул ровно в час сорок пять пополудни. Спенсер, дворецкий тети Агаты, поставил на стол блюдо с жареным картофелем, как вдруг Гонория сказала нечто, заставившее меня подпрыгнуть на месте и катапультировать ложкой шесть кусков картошки прямо на буфет. Я был потрясен до глубины души.

Заметьте, что моя нервная система к этому времени была сильно расшатана. Вот уже две недели, как я был помолвлен с Гонорией Глоссоп, и не проходило дня без того, чтобы она не пыталась меня «формировать», как выражается тетя Агата. Я до рези в глазах читал мудреные книжки; бок о бок мы прошагали не менее сотни миль по залам картинных галерей; и вы никогда не поверите, какое количество концертов классической музыки мне пришлось за это время прослушать. Естественно, я был не в состоянии стойко держать удар, тем более удар столь сокрушительной силы. Гонория затащила меня на обед к тете Агате, и я в отчаянии твердил про себя: «Смерть, ну где твое спасительное жало![111]», и вдруг — как обухом по голове:

— Берти, — внезапно произнесла она с таким видом, словно ей только сейчас это пришло в голову. — Этот ваш слуга — как его…

— Слуга? Дживс, а что?

— По-моему, он оказывает на вас дурное влияние, — сказала Гонория. — Когда мы поженимся, вам придется от него избавиться.

Вот тут я и запулил ложкой шесть отменных поджаристых ломтиков картофеля на буфет, а Спенсер кинулся за ними с проворством хорошо натасканного ирландского сеттера.

— Избавиться от Дживса? — Я задохнулся от возмущения.

— Да. Он мне не нравится.

— И мне он не нравится, — сказала тетя Агата.

— Но это невозможно. Я… да я и дня не смогу прожить без Дживса.

— Придется, — сказала Гонория. — Мне он положительно не по нутру.

— И мне он положительно не по нутру, — сказала тетя Агата. — Я давно об этом твержу.

Жуть, верно? Я всегда подозревал, что брак связан с лишениями, но

мне и в кошмарном сне не могло присниться, что он сопряжен со столь страшными жертвами. До конца обеда я пребывал в полуобморочном состоянии.

Предполагалось, что после обеда я буду сопровождать Гонорию в качестве носильщика по магазинам на Риджен-Стрит. Однако, когда она поднялась, чтобы идти, прихватив меня и прочие предметы экипировки, тетя Агата ее остановила.

— Поезжайте одна, дорогая, — сказала она. — Мне нужно кое о чем поговорить с Берти.

В результате, Гонории пришлось отправиться за покупками без меня. Как только она ушла, тетя Агата подсела ко мне поближе.

— Берти, — сказала она. — Милая Гонория ничего об этом пока не знает, но на пути к вашему браку возникло небольшое препятствие.

— Да что вы? Не может быть! — воскликнул я, ослепленный внезапно блеснувшим лучом надежды.

— О, ничего серьезного, разумеется. Всего лишь досадное недоразумение. Дело в сэре Родерике.

— Решил, что поставил не на ту лошадь? Собирается аннулировать ставку? Что ж, наверное, он прав.

— Умоляю, перестань молоть чушь, Берти. Это вовсе не так серьезно. Просто профессия сэра Родерика заставляет его быть… ну… сверхосторожным.

— Сверхосторожным? — не понял я.

— Ну да. Полагаю, это неизбежно. У специалиста по нервным болезням со столь обширной практикой поневоле должно сложиться несколько искаженное представление о людях.

Теперь до меня стало, наконец, доходить, к чему она клонит. Сэра Родерика Глоссопа, отца Гонории, обычно называют специалистом по нервным болезням, хотя на самом деле все прекрасно знают, что большинство его клиентов — самые настоящие психи. Если ваш дядюшка-герцог начинает заговариваться, и вы, войдя в голубую гостиную, обнаружите, что у него солома в волосах, вы вызываете папашу Глоссопа. Он является, с глубокомысленным видом осматривает больного, долго разглагольствует насчет перенапряжения нервной системы, и рекомендует полный покой, уединение и прочую чепуху. В Англии нет благородного семейства, которое бы раз-другой не прибегало к услугам сэра Родерика, и надо полагать, что такое занятие — когда изо дня в день заговариваешь пациентам зубы, пока любящие родственники вызывают санитарную карету из желтого дома — действительно способствует формированию

«несколько искаженного представления о людях».

— Ты хочешь сказать, он считает меня чокнутым, а ему не нужен чокнутый зять? — спросил я.

Моя способность схватывать все на лету почему-то только раздражила тетю Агату.

— Глупости, ничего подобного он, разумеется, не считает. Я же тебе говорю — он просто сверхосторожный человек. Хочет убедиться, что ты абсолютно нормален. — Тут она на некоторое время замолчала, потому что Спенсер принес кофе. Когда он ушел, она продолжила свою мысль: — Ему рассказали какую-то немыслимую историю, будто ты столкнул его сына Освальда в пруд в Диттеридже. Разумеется, это неправда — на такое даже ты не способен.

— Я просто к нему прислонился, а он возьми да и свались с моста.

— Освальд настаивает, что ты его нарочно спихнул. Сэра Родерика это не может не беспокоить, он начал наводить справки и узнал про бедного дядю Генри.

Она посмотрела на меня, и я скорбно отхлебнул кофе. Мы заглянули в старый домашний шкаф с фамильным скелетом. Мой покойный дядя Генри — темное пятно на гербе Вустеров. Симпатичный такой старикан, я к нему хорошо относился, когда я учился в школе, он щедро подкидывал мне на карманные расходы. Но за ним и в самом деле водились кое-какие странности: например, он держал у себя в спальне одиннадцать ручных кроликов и, конечно, в строгом смысле слова, был не в своем уме. Если уж совсем начистоту, жизнь свою он закончил в соответствующем заведении, совершенно счастливый в окружении бесчисленных кроликов.

— Все это просто нелепо, потому что если кто-то в семье и мог унаследовать эксцентричность бедного Генри — а это была не более чем эксцентричность, — так Клод и Юстас, а в Лондоне трудно найти других таких умных молодых людей.

Клод и Юстас — близнецы, учились когда-то в той же школе, что и я, но были в начальных классах, когда я уже завершал свое образование. И, помнится, в то время слово «умный» к ним нельзя было применить даже с очень большой натяжкой. Последний триместр я был занят почти исключительно тем, что помогал им выпутываться из бесчисленных скандальных историй.

— Ты посмотри, какой у них успех в Оксфорде. Твоя тетя Эмили на днях получила письмо от Клода, где он сообщает, что они надеются вступить в очень престижный клуб, который называется «Искатели».

— «Искатели»? Не помню, чтобы в Оксфорде был клуб с таким

названием. И что же они, интересно, ищут?

— Об этом он не пишет. Истину или знания, я полагаю. Видимо, это очень аристократический клуб: Клод упомянул, что вместе с ним в члены клуба баллотируется лорд Рейнсби, сын графа Дачета. Однако мы отклонились от темы. Я хотела сказать, что сэр Родерик желал бы переговорить с тобой наедине в спокойной обстановке. Я надеюсь, Берти, что ты проявишь — я не скажу «весь свой ум» — но, по крайней мере, благоразумие. Постарайся обойтись без идиотских смешков, не пялься на него с остекленелым выражением лица, как ты имеешь обыкновение; не зевай во весь рот и не дергайся, как паяц. И не забудь, что сэр Родерик состоит в «Лиге борьбы с азартными играми» — он президент отделения в Западном Лондоне, — так что не заводи с ним разговоры о скачках. Завтра, в час тридцать, он придет к тебе на обед. Имей в виду, что он не пьет вина, категорически против курения и ест только самую простую пищу из-за проблем с пищеварением. И не предлагай ему кофе — он считает кофе причиной половины нервных заболеваний.

— Должно быть, собачьи сухарики и стакан воды будут ему в самый раз.

— Берти!

— Шучу, шучу…

— Вот благодаря таким идиотским шуточкам у сэра Родерика и могут зародиться сомнения в твоей умственной полноценности. Пожалуйста, постарайся воздержаться от этого твоего игривого тона в его присутствии. Он очень серьезный человек…Ты уже уходишь? Запомни все, что я сказала. Я на тебя полагаюсь, и если ты все испортишь, я тебе этого никогда не прощу.

— Ладно, — сказал я.

И побежал домой — впереди меня ждал целый день свободы.

На следующий день я позавтракал очень поздно, а потом вышел пройтись. Я решил принять все меры, чтобы привести голову в нормальное состояние, а свежий воздух рассеивает туман, окутывающий мой мозг в первые несколько часов после пробуждения. Я побродил по парку, повернул назад и уже дошел до Гайд-Парк-Корнер,[112] когда кто-то хлопнул меня промеж лопаток. Я оглянулся и увидел кузена Юстаса. Он шел под руку с двумя другими бездельниками: с краю шагал его брат Клод, а в середине — какой-то тип с розовой, как у поросенка, физиономией, редкими волосами и виноватым выражением лица.

— Берти, старичок, — радостно воскликнул Юстас.

— Привет, — ответил я, впрочем, без особого воодушевления.

— Какая фантастическая удача — встретить в Лондоне единственного человека, который может нас накормить в соответствии с нашими утонченными вкусами. Кстати, ты ведь не знаком с Песьим Носом? Песий Нос — это мой кузен Берти. Лорд Рейнсби — мистер Вустер. Мы только что заходили к тебе на квартиру. Ужасно жалели, что тебя не застали, но старина Дживс оказал нам самый радушный прием. Этому малому просто цены нет. Береги его, Берти.

— А что вы делаете в Лондоне? — поинтересовался я.

— Так, просто болтаемся. Заскочили ненароком. Что называется с кратким неофициальным визитом. Отчаливаем в три-десять. Так как же насчет обеда, которым ты так любезно вызвался нас угостить: куда мы пойдем? В «Ритц»? В «Савой»? В «Карлтон»? А если ты состоишь членом в «Сайро» или в «Эмбасси», то тоже неплохо.

— Нет, сегодня ничего не получится. У меня деловая встреча. Господи, я уже опоздал! — Я подозвал такси. — Как-нибудь в другой раз.

— Тогда, как мужчина мужчине: не одолжишь пятерку? Мне некогда было с ним препираться. Я отстегнул ему пять фунтов и нырнул в машину. Когда я ввалился в квартиру, было уже без двадцати два. Я ринулся в гостиную — комната была пуста.

Из глубин кухни выплыл Дживс.

— Сэр Родерик еще не прибыл, сэр.

— Слава Богу, — сказал я. — Я боялся, что он уже раскрошил всю мебель от злости. — По своему опыту могу вам сказать: чем меньше вы жаждете видеть гостя, тем он пунктуальнее. Я уже мысленно представлял себе, как сэр Родерик, постепенно закипая, мерит шагами ковер в гостиной. — Ну как, все готово?

— Смею надеяться, что вы останетесь довольны, сэр.

— Чем собираетесь нас кормить?

— Консоме, телячья отбивная и лимонный сок с содовой.

— Ну что ж, я не вижу тут ничего, что представляет опасность для самого деликатного желудка. Главное, чтобы вы не забылись и сгоряча не притащили нам кофе.

— Нет, сэр.

— И следите, чтобы у вас не было на лице остекленелого выражения, а не то оглянуться не успеете, как окажетесь в обитой войлоком палате.

— Хорошо, сэр.

В прихожей задребезжал звонок.

— Все по местам, Дживс, — сказал я. — Ну, с Богом!

Глава VIII СЭР РОДЕРИК ПРИХОДИТ ОБЕДАТЬ

Мне, разумеется, и прежде приходилось встречаться с сэром Родериком Глоссопом, но всегда в присутствии Гонории; а одно из удивительных свойств Гонории состоит в том, что всякий, находящийся с ней в одном помещении, отчего-то кажется меньше и незначительнее, чем на самом деле. До сегодняшнего дня я не подозревал, что у старикана чертовски впечатляющая внешность. Косматые брови придают его взгляду пронзительное выражение, особенно неприятное натощак. Роста он высокого, сложения массивного, но больше всего поражает его огромная голова, фактически лишенная растительности, отчего она выглядит еще огромней и походит на купол собора Святого Павла. Думаю, он носил шляпу девятого размера, не меньше. Это доказывает, что слишком развивать свои мозги опасно.

— Салют! Салют! Салют! — прокричал я, стараясь создать атмосферу непринужденности и радушия, но тут же спохватился, что тетя Агата как раз от этого меня и предостерегала. Чертовски трудно в такой ситуации с самого начала задать правильный тон: в смысле приветствий, возможности у обитателя городской квартиры весьма ограничены. Будь я молодым помещиком и владельцем загородного дома, я мог бы приветствовать гостя какой-нибудь звучной фразой, вроде «Добро пожаловать в усадьбу «Райские Кущи». Но ведь не скажешь же «Добро пожаловать в квартиру 6а, дом Крайтона по Беркли-Стрит».

— Кажется, я немного опоздал, — произнес сэр Родерик, когда мы сели за стол. — Меня задержал лорд Алистер Хангерфорд, сын герцога Рамферлайна. Он пожаловался, что у его милости снова возобновились симптомы, доставившие в свое время столько огорчений его близким. Я не мог уйти, не переговорив с ним. Это и явилось причиной моей непунктуальности, которая, надеюсь, не причинила вам слишком больших хлопот.

— Ну что вы, вовсе нет! Так вы говорите, герцог снова слетел с катушек?

— Признаюсь, я бы не решился употребить столь эмоционально окрашенное выражение, говоря о старейшине одного из самых знатных семейств Англии, но не могу не согласиться с вами, что в данном случае наблюдается значительная расторможенность отдельных мозговых

центров. — Он вздохнул — насколько это возможно проделать, одновременно пережевывая телячью отбивную. — Моя профессия требует огромных душевных сил.

— Могу себе представить!

— Порой я просто в отчаянии от того, что мне приходится видеть. — Он вдруг замолчал и насторожился. — Вы держите кошку, мистер Вустер?

— Что? Кошку? Нет, никаких кошек.

— Я со всей определенностью слышал мяуканье кошки — либо в этой комнате, либо где-то совсем близко от того места, где мы с вами находимся.

— Вероятно, это автомобили на улице.

— Боюсь, я не совсем вас понимаю.

— Ну, знаете, как гудят автомобили. Иногда здорово смахивает на кошачьи вопли.

— Никогда не замечал подобного сходства, — холодно сказал он.

— Позвольте предложить вам лимонного сока с содовой, — сказал я. Разговор явно не клеился.

— Спасибо. Полстакана, пожалуйста. — Эта дьявольская смесь, видимо, его несколько успокоила, потому что он заговорил более дружелюбным тоном. — Видите ли, я испытываю к кошкам непреодолимое отвращение. Так что, бишь, я говорил? Ах, да, иногда я решительно прихожу в отчаяние от того, что вижу вокруг. Речь идет не только о моей медицинской практике, хотя и тут, конечно, многое удручает. Я имею в виду то, что приходится ежедневно наблюдать на улицах Лондона. Порой мне кажется, что большую часть населения планеты составляют люди психически неуравновешенные. Не далее как сегодня утром, по дороге в клуб, случилась совершенно беспрецедентная и весьма неприятная история. По случаю теплой погоды я приказал шоферу поднять верх и откинулся на сиденье, пользуясь приятной возможностью погреться на солнце, как вдруг движение остановилось из-за затора, как это нередко случается в Лондоне вследствие перегруженности центральных транспортных магистралей.

Видимо, я задумался и немного отвлекся: когда он сделал паузу, чтобы глотнуть лимонного сока с содовой, мне показалось, будто я на митинге и надо как-то отреагировать.

— Правильно! Правильно! — воскликнул я.

— Простите?

— Нет, ничего. Так вы говорили…

— Автомобили, движущиеся в противоположном направлении, тоже

остановились, но вскоре возобновили движение. Я сидел, погрузившись в свои мысли, когда произошло нечто совершенно из ряда вон выходящее: у меня с головы внезапно сорвали шляпу! Оглянувшись, я успел заметить, как кто-то издевательски машет мне моей шляпой с заднего сиденья такси, которое воспользовалось освободившимся проездом и скрылось из виду.

Я не расхохотался, но это стоило таких усилий, что я явственно услышал, как затрещали нижние ребра.

— Наверное, кто-то просто пошутил, — сказал я. Мое объяснение его явно не удовлетворило.

— Смею надеяться, — сказал он, — я не обделен способностью воспринимать юмор, но мне трудно найти в этой безобразной выходке что-то, хотя бы отдаленно похожее на веселую шутку. Вне всякого сомнения, эти действия совершены психически неуравновешенным субъектом. Психические отклонения могут проявляться в самых неожиданных формах. Например, герцог Рамферлайн, о котором я уже упоминал сегодня в нашем разговоре, считает, но это, разумеется, строго между нами, что он — канарейка, и приступ, так огорчивший лорда Аластера, случился у него из-за нерадивого лакея, который забыл принести ему утром кусочек сахара. Нередки случаи, когда больные подстерегают женщин, чтобы отрезать у них прядь волос. Склонен предположить, что напавший на меня сегодня субъект страдает манией, относящейся именно к этому виду. Могу лишь надеяться, что он будет помещен под надлежащий врачебный контроль прежде, чем… Мистер Вустер, где-то поблизости все же есть кошка! Это уже не на улице! Я уверен, что мяуканье слышится из соседней комнаты.

Должен признаться, что теперь и у меня не оставалось на этот счет никаких сомнений. Из спальни совершенно явственно доносились кошачьи вопли. Я нажал кнопку звонка, и в комнату вплыл Дживс, всем своим видом выражая почтение и преданность.

— Сэр?

— Вот что, Дживс, — сказал я. — Я насчет кошек. У нас что, в квартире кошки?

— Только те три, что в вашей спальне, сэр.

— Что?

— Кошки в спальне? — простонал сэр Родерик, и глаза его впились в меня, точно два буравчика.

— Ничего не понимаю, — сказал я. — Какие еще три кошки?

— Черная, полосатая и маленькая, светло-рыжая, сэр.

— Какого черта…

Я вскочил и бросился вокруг стола к двери. На беду, сэр Родерик тоже рванул к двери, обегая стол в противоположном направлении. В результате мы на всем скаку столкнулись в дверях и, обнявшись, вместе ввалились в прихожую. Он проворно вышел из клинча и схватил стоявший у вешалки зонт.

— Не подходите, — закричал он, замахиваясь зонтом. — Не подходите, сэр! Я вооружен!

Я решил, что пора приступать к мирным переговорам.

— Ужасно сожалею, что налетел на вас, — сказал я. — Я не нарочно. Я просто решил сбегать посмотреть, что происходит в спальне.

Он немного успокоился и опустил зонт. Но в этот миг в комнате грянул душераздирющий кошачий концерт. Словно все кошки Лондона плюс делегаты из близлежащих пригородов собрались вместе, чтобы раз и навсегда разрешить свои разногласия. Что-то вроде сводного кошачьего хора и оркестра.

— Что за несносный шум, — завопил сэр Родерик. — Я не слышу даже собственного голоса!

— Осмелюсь высказать предположение, сэр, — почтительно сказал Дживс, — что животные пришли в столь сильное возбуждение, поскольку обнаружили рыбу под кроватью мистера Вустера.

Старик пошатнулся.

— Рыбу? Я не ослышался?

— Сэр?

— Вы сказали, что у мистера Вустера под кроватью рыба?

— Да, сэр.

Сэр Родерик издал слабый стон и, ни слова не говоря, схватил шляпу и трость.

— Как, вы уже уходите? — спросил я.

— Да, мистер Вустер, ухожу! Предпочитаю проводить досуг не в столь эксцентрическом обществе.

— Но, постойте! Я пойду с вами. Уверен, что сумею вам все объяснить. Мою шляпу, Дживс.

Дживс протянул мне шляпу. Я ее сразу же надел… И, е ужас! Прямо чуть не утонул в ней, представляете? Еще надевая, я почувствовал, что она какая-то слишком просторная, но стоило опустить руки, как она села мне прямо на плечи, точно ведро.

— Эй! Это же не моя шляпа!

— Шляпа моя, — произнес сэр Родерик таким ядовитым тоном, какого мне в жизни не доводилось слышать. — Это та самая шляпа,

которую с меня сорвали сегодня утром.

— Но…

Возможно, Наполеон или кто-нибудь вроде него на моем бы месте не растерялся, но для меня это было уже слишком: я впал в оцепенение и стоял, выпучив глаза. А старик Глоссоп снял с меня шляпу и сказал Дживсу:

— Я бы попросил вас, любезнейший, выйти со мной на пару минут. Мне нужно кое о чем вас спросить.

— Хорошо, сэр.

— Но, послушайте… — забормотал было я, но Глоссоп повернулся и торжественно вышел в сопровождении Дживса. Тут кошачий концерт в спальне грянул с новой силой.

Пора было положить этому конец. Ни с того ни с сего у тебя в спальне появляются кошки — куда это годится? Как эти чертовы твари туда попали, я понятия не имел, но был полон решимости немедленно прекратить их затянувшееся пиршество. Я распахнул дверь — на полу посреди комнаты сцепились в клубок штук сто кошек всех цветов и раскрасок, в следующее мгновение они прыснули друг за дружкой мимо меня из квартиры, а в спальне осталась только рыбья голова внушительных размеров — она валялась на ковре и строго взирала на меня, словно требуя извинения в письменной форме.

Укоризненное выражение на морде злосчастной рыбины меня окончательно доконало: я на цыпочках вышел из спальни и закрыл за собой дверь, но при этом наткнулся спиной еще на кого-то.

— Ах, простите, — произнес этот кто-то.

Я повернулся и увидел того самого малого с розовой физиономией, которого я встретил сегодня утром в компании Клода и Юстаса — лорд Как-его-там.

— Послушайте, — извиняющимся тоном сказал он. — Неловко вас беспокоить, но это не мои кошки пробежали сейчас вниз по лестнице? Похожи на моих.

— Они выбежали из моей спальни.

— Тогда это точно мои, — печально сказал он. — Проклятье!

— Так это вы запустили туда кошек?

— Нет, это ваш слуга. Он любезно предложил подержать кошек в спальне до нашего отъезда. Я как раз пришел их забрать. А они сбежали. Ну, что ж, ничего не поделаешь. В таком случае, я заберу рыбу и шляпу.

Этот тип нравился мне все меньше и меньше.

— Так эту чертову рыбу тоже вы приволокли?

— Нет, рыбу — это Юстас. А шляпу оставил Клод. Я без сил опустился в кресло.

— Послушайте, вы не объясните, зачем?

На розовом лице юного лорда выразилось удивление.

— Так вы ничего не знаете? Вот так дела! — Он густо покраснел. — Что ж, в таком случае понятно, почему все это кажется вам несколько странным.

— Странным — это по меньшей мере.

— Видите ли, это все для Искателей.

— Искателей?

— Ну да, это такой новый классный клуб в Оксфорде, мы с вашими кузенами хотим в него вступить. Для того чтобы тебя приняли в клуб, нужно что-то украсть. Ну, на память. Скажем, каску у полицейского или дверной молоток, словом, вы понимаете. Раз в год, во время торжественного ужина, устраивается выставка украденных предметов, каждый произносит по этому поводу речь и все такое. В общем, здорово весело. Мы решили раздобыть что-нибудь поэффектнее и специально приехали для этого в Лондон, надеялись найти здесь нечто из ряда вон. И с самого начала нам здорово повезло. Клоду удалось достать вполне недурной цилиндр из встречного автомобиля, Юстас унес из «Хэрродса» здоровенного лосося, или как там он называется, а я отловил трех отличнейших кошек, и все за какой-то час. Мы, что называется, были в ударе. А потом встал вопрос, куда все это девать до отхода поезда? Неудобно гулять по Лондону с кошками и с большой рыбиной, знаете ли, привлекает внимание. Тут Юстас вспомнил про вас, мы взяли такси и поехали к вам. Вас дома не оказалось, но ваш человек сказал, что можно оставить здесь. А когда мы вас встретили, вы так спешили, что мы не успели ничего объяснить. Что ж, тогда, если не возражаете, я заберу шляпу.

— Шляпы тоже нет.

— Нет?

— Тот, с кого вы ее сорвали, обедал у меня сегодня. Он ее и забрал.

— Это надо же! Бедняга Клод ужасно расстроится. Ладно, а как насчет того замечательного лосося или как там он называется?

— Желаете обозреть останки? — Увидев масштаб нанесенного ущерба, он совсем сник.

— Да, вряд ли комитет примет экспонат в таком виде, — грустно констатировал он. — От бедной рыбины почти ничего не осталось.

— Остальное сожрали кошки. Он глубоко вздохнул.

— Ни кошек, ни рыбы, ни шляпы. Выходит, мы старались впустую. Тяжелый удар, ничего не скажешь. И в довершение всех бед… послушайте, мне, право, неловко, но вы не могли бы одолжить мне десятку?

— Десятку? А на что вам?

— Мне нужно срочно внести залог, чтобы освободить Клода и Юстаса из кутузки. Их арестовали.

— Арестовали?

— Да. Видите ли, их здорово возбудил наш успех со шляпой и лососем, плюс мы еще замечательно пообедали… короче говоря, они явно погорячились: попытались угнать грузовик. Дурацкая затея, конечно, — не представляю, как они собирались представить его комитету клуба. Но они и слушать ничего не желали, а когда водитель грузовика поднял шум, Клод и Юстас ввязались в потасовку и в результате томятся теперь в полицейском участке на Вайн-Стрит и просидят там до тех пор, пока я не принесу залог. Так что если вы можете ссудить мне десятку… О, спасибо, это очень любезно с вашей стороны. Мы же не можем бросить их в беде, верно? Знаете, они оба чертовски замечательные юноши. У нас все их ужасно любят.

— Еще бы — не сомневаюсь! — сказал я.

Я с нетерпением ждал возвращения Дживса, чтобы устроить ему хороший нагоняй. Я был полон решимости высказать все, что я о нем думаю.

— Итак? — спросил я.

— Сэр Родерик задал мне несколько вопросов, сэр, насчет ваших привычек и образа жизни, на которые я отвечал со всей возможной осмотрительностью.

— Меня сейчас не это интересует. Почему вы не объяснили ему все с самого начала? Достаточно было одного вашего слова, и все стало бы ясно.

— Да, сэр.

— А теперь он ушел в полной уверенности, что у меня не все дома.

— Судя по тому, о чем он меня расспрашивал, сэр, я бы не исключал возможности, что подобная мысль и вправду пришла ему в голову.

Не успел я ему на это ответить, как зазвонил телефон. Дживс подошел к аппарату и снял трубку.

— Нет, мадам, мистера Вустера нет дома. Нет, мадам, я не знаю, когда он вернется. Нет, мадам, он не оставлял для вас никаких сообщений. Да, мадам, я ему передам. — Он повесил трубку. — Это миссис Грегсон, сэр.

Тетя Агата! Этого-то я больше всего и боялся. С той самой минуты, как стало ясно, что обед закончился для меня полным провалом, ее тень незримо витала над моей несчастной головой.

— Она уже знает? Так быстро?

— Я полагаю, что сэр Родерик сообщил ей обо всем по телефону, сэр, и…

— Свадебные колокола мне не светят? Дживс смущенно кашлянул.

— Миссис Грегсон про это не упомянула, сэр, но мне представляется, что такой исход вполне вероятен.

Вы не поверите, но я настолько ошалел от всего этого безумия — папаша Глоссоп, кошки, недообглоданные рыбы, гигантские шляпы и розоволикие юнцы, — что мне лишь сейчас открылась светлая сторона медали. Господи, у меня словно камень с плеч свалился! Из груди моей вырвался глубокий вздох облегчения.

— Дживс, — сказал я. — Признайтесь, это ведь ваших рук дело?

— Сэр?

— Уверен, что вы сами все это подстроили.

— Видите ли, сэр, Спенсер, дворецкий миссис Грегсон, которому невольно довелось присутствовать при вашем разговоре во время обеда, действительно посвятил меня в кое-какие детали этой беседы; и, признаюсь, — хотя вы можете расценить это как излишнюю вольность с моей стороны — я питал надежду, что возникнут обстоятельства, которые смогут помешать этому браку. Мне всегда казалось, что юная леди не слишком для вас подходит, сэр.

— И вы знали, что она выставит вас из дома через пять минут после свадебной церемонии.

— Да, сэр. Спенсер уведомил меня, что она обмолвилась о подобных планах. Миссис Грегсон требует, чтобы вы явились к ней немедленно, сэр.

— Вот как, требует? И что же вы мне посоветуете, Дживс?

— Полагаю, что поездка за границу может оказаться как нельзя более кстати.

Я с сомнением покачал головой.

— Она до меня и там доберется.

— Смотря как далеко вы уедете, сэр. Комфортабельные океанские лайнеры на Нью-Йорк отплывают по средам и субботам.

— Вы, как всегда, правы, Дживс, — сказал я. — Заказывайте билеты.

Глава IX РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО

Чем дольше живу на свете, тем больше убеждаюсь, что едва ли не половина всех бед происходит из-за того, с какой легкостью люди, не задумываясь, преспокойно пишут рекомендательные письма другим людям для передачи их третьим. Поневоле пожалеешь, что живешь не в каменном веке. В том смысле, что если бы нашему пращуру приспичило снабдить другого пращура рекомендательным письмом, ему потребовалось бы не меньше месяца, чтобы вытесать его на гранитной глыбе, а второму пращуру наверняка надоело бы волочить на себе тяжелую каменюгу под палящим солнцем, и он выбросил бы ее, не протащив и мили. Но в наши дни писание рекомендательных писем не требует большого труда, вот все и раздают их направо и налево, а ни в чем не повинные люди — вроде меня — вляпываются из-за этого в весьма неприятные истории.

Впрочем, это я сейчас говорю, умудренный, что называется, горьким житейским опытом. А тогда, под свежим впечатлением, спустя три недели после того, как мы сошли на берег американского континента, поначалу, когда Дживс сообщил, что некий Сирил Бассингтон-Бассингтон желает меня видеть, и у него оказалось рекомендательное письмо от тети Агаты… Да, так о чем я? Честно признаюсь, что это меня скорее обрадовало. Видите ли, после той неприятной истории, из-за которой мне пришлось спешно покинуть Англию, я не ждал писем от тети Агаты, по крайней мере писем, выдержанных в пристойном тоне. И был приятно удивлен, когда письмо оказалось почти любезным. Местами, возможно, суховатое, но в целом вполне вежливое. Оно показалось мне добрым знаком. Вроде оливковой ветви. Или надо говорить: пальмовой? Как бы там ни было, но сам факт, что тетя Агата прислала письмо, не содержащее прямых оскорблений в мой адрес, показался мне важным шагом на пути к миру.

А я всей душой стремился к миру с тетей Агатой, и чем скорее — тем лучше. Нет, я ничего не имею против Нью-Йорка. Замечательный город, и я здесь отлично проводил время. Но факт остается фактом — тот, кто подобно мне, прожил всю жизнь в Лондоне, не может не скучать по нему на чужбине. И мне не терпелось поскорее вернуться в милую моему сердцу уютную квартиру на Беркли-Стрит, а это станет возможно лишь когда тетя Агата остынет и простит мне историю с Глоссопом. Вы скажете, что Лондон — большой город, но, можете мне поверить, он недостаточно велик, чтобы находиться там одновременно с тетей Агатой, когда она

вышла на тропу войны. Короче говоря, этот дурень Бассингтон-Бассингтон представлялся мне тогда чем-то вроде голубя мира, и я испытывал к нему всяческое расположение.

По свидетельствам очевидцев, он возник из утреннего тумана в семь сорок пять утра — именно в этот омерзительно-ранний час ссаживают с лондонского парохода несчастных пассажиров. Дживс его почтительно выставил, предложив зайти часика через три, когда, по его расчетам, я уже пробужусь ото сна, чтобы радостным криком приветствовать новый Божий день. Что, кстати, свидетельствует о выдающемся великодушии Дживса, потому что у нас с ним в ту пору случилась небольшая размолвка, некая холодность в отношениях, короче говоря, мы с ним тогда находились в ссоре из-за совершенно изумительных лиловых носков, которые я носил против его воли, и другой на его месте воспользовался бы возможностью мне отплатить, запустив Сирила в спальное помещение в час, когда я не в состоянии поддержать беседу даже с закадычным другом. До тех пор, пока я не выпью утреннюю чашку чая и не поразмышляю в одиночестве о смысле жизни, я не большой охотник до разговоров.

Итак, Дживс хладнокровно выставил Сирила на улицу наслаждаться утренней прохладой, и я узнал о его существовании, лишь когда Дживс принес мне его визитную карточку вместе с чашкой китайского чая.

— Это еще кто такой, Дживс? — спросил я, недоуменно глядя на совершенно незнакомое имя.

— Насколько я понял, этот джентльмен только что приплыл из Англии, сэр. Он заходил сегодня утром, часа три назад.

— Господи, Дживс! Вы что, хотите меня убедить, что в такую рань на дворе уже утро?

— Он просил передать, что зайдет попозже, сэр.

— Никогда о нем прежде не слышал. А вы, Дживс? Вы о нем что-нибудь слышали?

— Фамилия Бассингтон-Бассинггон мне знакома, сэр. Существует три ветви Бассингтон-Бассингтонов — шропширские Бассингтон-Бассингтоны, гэмпширские Бассингтон-Бассингтоны и кентские Бассингтон-Бассингтоны.

— Похоже, Англия владеет крупными запасами Бассингтон-Бассингтонов.

— Весьма приличными, сэр.

— Так что необходимость импортировать Бассингтон-Бассингтонов из других стран нам в ближайшее время не угрожает?

— Скорее всего нет, сэр.

— Ну, а этот — что он за гусь?

— Не берусь ничего утверждать на основании столь краткого знакомства, сэр.

— И все же, Дживс, какое он производит впечатление? Вы готовы поставить два к одному, что этот тип — не прохиндей и не зануда?

— Нет, сэр. Я не могу позволить себе столь рискованные ставки.

— Так я и знал. Что ж, тогда остается выяснить, к какому именно типу зануд он принадлежит.

— Время покажет, сэр. Этот джентльмен передал для вас письмо, сэр.

— Ах, вот как? — сказал я и взял в руки конверт. И тотчас узнал почерк. — Послушайте, Дживс, да ведь это же от тети Агаты!

— В самом деле, сэр?

— Не говорите так равнодушно. Разве вы не понимаете, что это для нас значит! Тетя просит меня присмотреть за этим умником, пока он гостит в Нью-Йорке. Господи, Дживс, да ведь если мне удастся его как следует ублажить, чтобы он отправил в Ставку благоприятный отзыв, я могу поспеть в Англию к началу Гудвудских скачек. Так что сейчас, Дживс, «настало время, когда каждый честный человек должен прийти на помощь нашей партии[113]». Нам следует сплотиться под знаменами и холить и лелеять этого типа, не жалея сил и средств.

— Да, сэр.

— Он не собирается долго задерживаться в Нью-Йорке, — продолжал я, дочитав письмо до конца. — Покатит в Вашингтон — хочет познакомиться с тамошними важными шишками, прежде чем начнет тянуть лямку на дипломатической ниве. Как вы считаете, сумеем мы завоевать любовь и уважение этого типа парой хороших обедов?

— Думаю, это как раз то, что требуется, сэр.

— Самое радостное событие за все время, как мы покинули Англию. Первый луч солнца сквозь тучи.

— Похоже на то, сэр.

Он стал доставать из шкафа мою одежду, и тут на минуту воцарилось неловкое молчание.

— Не эти носки, Дживс, — сказал я, весь внутренне напрягшись, но стараясь говорить небрежным, беззаботным тоном. — Дайте мне, пожалуйста, те, лиловые.

— Прошу прощения, сэр?

— Мои любимые лиловые носки, Дживс.

— Очень хорошо, сэр.

Он извлек из ящика носки с брезгливостью вегетарианца,

вынимающего гусеницу из салата. Видно было, что он принимает это очень близко к сердцу. Мне тоже было чертовски неприятно и больно, но ведь должен же человек хоть изредка настоять на своем, как вам кажется?

После завтрака Сирил так и не появился, я подождал несколько часов и в начале второго потащился в клуб «Барашки» предаваться радостям желудка в обществе некоего Джорджа Каффина, с которым я сдружился сразу же после приезда в Нью-Йорк. Он пишет драмы и тому подобное. Вообще у меня в Нью-Йорке завелась уйма друзей: в этом городе полно симпатичных людей, наперебой протягивающих руку дружбы и помощи заезжему страннику.

Каффин немного запоздал, сказал, что задержался на репетиции своей музыкальной комедии «Спроси у папы». Мы принялись дружно работать ножами и вилками. Подошла уже очередь кофе, когда официант сообщил, что меня хочет видеть Дживс.

Дживс дожидался в вестибюле. Он с болью покосился на мои носки и отвел глаза.

— Вам только что звонил мистер Бассингтон-Бассингтон, сэр.

— Вот как?

— Да, сэр.

— И где он сейчас?

— В тюрьме, сэр.

Я пошатнулся и ухватился за стену. Чтобы такое случилось с протеже тети Агаты в первое же утро, как он прибыл под мое крылышко — это уж, признаюсь…

— В тюрьме?

— Да, сэр. Он сообщил мне по телефону, что его арестовали, и что он будет рад, если вы зайдете и внесете залог.

— Арестовали? За что?

— Он не соизволил поделиться со мной, сэр.

— Плохо дело, Дживс.

— Именно так, сэр.

Старина Джордж любезно вызвался поехать вместе со мной, мы впрыгнули в такси и рванули на выручку. В полицейском участке нас попросили подождать, и мы уселись на деревянную скамью в комнате, служившей чем-то вроде передней; наконец появился полицейский, ас ним — как я догадался — Сирил.

— Привет, привет, привет, — сказал я. — Ну как?

По личному опыту знаю, что человек, выходя из тюремной камеры,

бывает, как правило, не в самом лучшем виде. В Оксфорде моей постоянной обязанностью было выкупать из кутузки приятеля, который в ночь после гребных гонок[114] неизменно попадал за решетку, и он всегда выглядел как лягушка, по которой несколько раз прошлись бороной. Сирил вышел ко мне в плачевном состоянии: под глазом огромный синяк, воротник оторван; словом, картина такая, которую не станешь описывать в письме на родину, тем более если пишешь тете Агате. Сирил оказался тощим, долговязым юношей с копной светлых волос и слегка выпученными бледно-голубыми глазами, делавшими его похожим на диковинную глубоководную рыбу.

— Мне передали, что вы хотели меня видеть, — сказал я.

— А, так вы — Берти Вустер?

— Совершенно верно. А это мой приятель, Джордж Каффин. Пишет пьесы.

Мы обменялись рукопожатиями, а полицейский, достав комок жевательной резинки, припрятанной на черный день под сиденьем стула, отошел в угол комнаты и меланхолично уставился в пустоту.

— Что за дурацкая страна! — сказал Сирил.

— Ну, знаете ли, не знаю… вы просто не знаете! — сказал я.

— Мы стараемся, — сказал Джордж.

— Старина Джордж — американец, — пояснил я. — Пишет пьесы, и все такое — ну, вы понимаете.

— Конечно, не я эту страну выдумал, — сказал Джордж. — Это всё Колумб. Но готов выслушать любые разумные предложения по ее усовершенствованию и довести до сведения соответствующих официальных лиц.

— Хорошо: скажите, отчего полицейские в Нью-Йорке не одеваются, как положено?

Джордж осмотрел издали жующего полицейского.

— По-моему, все на месте.

— Я имел в виду, почему они не носят каску, как в Лондоне? Они же у вас одеты, как почтальоны. Так нечестно. Сбивает с толку. Я мирно стою посреди мостовой, гляжу по сторонам, а тут подходит парень, по виду почтальон, и тычет меня в бок дубинкой. С какой стати я должен терпеть такое от почтальона? Стоило тащиться за три тысячи миль, чтобы почтальоны тыкали тебя дубинкой!

— Протест принят, — сказал Джордж. — И что же вы сделали?

— Разумеется, пихнул его как следует! У меня ужасно вспыльчивый нрав. Все Бассингтон-Бассингтоны отличаются вспыльчивым нравом. В

ответ он подбил мне глаз, приволок сюда и запер за решетку.

— Сейчас я все улажу, сынок, — сказал я, извлек из кармана бумажник и отправился на переговоры, оставив Сирила беседовать с Джорджем. Не стану отрицать, я был не на шутку встревожен, меня томили самые мрачные предчувствия. Пока этот фрукт околачивается в Нью-Йорке, я отвечаю за него головой, а у меня сложилось впечатление, что ни один разумный человек не согласился бы нести за него ответственность дольше пяти минут.

В тот вечер, вернувшись домой и выпив заключительную порцию виски, принесенную Дживсом на сон грядущий, я задумался о Сириле. Я не мог отделаться от предчувствия, что его первый визит в Америку грозит нам всем суровыми испытаниями. Я еще раз перечитал письмо тети Агаты: не было никакого сомнения: по какой-то причине она покровительствует этому охламону и считает, что единственное мое предназначение на этом свете — грудью заслонять его от любых опасностей и невзгод во время пребывания на борту. Хорошо еще, что Сирил проникся к Джорджу Каффину, старина Джордж — парень благоразумный и осмотрительный. После того как я вызволил страдальца из темницы, Сирил и Джордж отправились на дневную репетицию «Спроси у папы», оживленно болтая на ходу, словно братья после долгой разлуки. Мне кажется, они даже договорились поужинать вместе. Пока за ним присматривает Джордж, я мог быть спокоен.

Мои размышления прервал Дживс, который принес мне телеграмму. Точнее, даже не телеграмму, а каблограмму, потому что она пришла из Англии от тети Агаты, и вот что в ней говорилось:

«Приходил ли к тебе Сирил Бассингтон-Бассингтон? Ни в коем случае не подпускай его близко к театру. Жизненно важно. Подробности письмом».

Я несколько раз перечитал текст.

— Все это очень странно, Дживс.

— Да, сэр.

— Странно и явно не к добру.

— Будут еще какие-нибудь распоряжения на сегодня, сэр? Конечно, если он решил держать официальный тон, тут уж ничего не поделаешь. А я-то собирался показать ему телеграмму и попросить совета. Что ж, если он затаил такую смертельную обиду из-за лиловых носков, железный принцип Вустеров — noblesse oblige[115] — не позволяет мне унижаться перед

слугой. Ни за что на свете! Поэтому я не стал ему ни о чем рассказывать.

— На сегодня все, спасибо.

— Спокойной ночи, сэр.

— Спокойной ночи.

Он отчалил на покой, а я снова углубился в размышления. Я уже битых полчаса изо всех сил напрягал котелок, пытаясь разгадать скрытый смысл таинственной телеграммы, когда в прихожей раздался звонок. Я открыл дверь и увидел Сирила, который явно пребывал в приподнятом настроении.

— Я зайду ненадолго, если позволите, — сказал он. — Хочу сообщить одну забавную новость.

Он резво проскакал мимо меня в гостиную, и когда я, затворив входную дверь, последовал за ним, то увидел, что он читает письмо тети Агаты и как-то странно при этом похохатывает.

— Мне, конечно, не следовало его читать, но я случайно увидел свое имя и как-то незаметно прочел все остальное. Послушайте, дорогой мой Вустер… Я бы что-нибудь выпил, если вы не против. Большое спасибо и прочее… Да, насчет того, что я собирался вам рассказать — это и впрямь ужасно забавно. Старина Каффин дал мне небольшую роль в своей музыкальной комедии «Спроси у папы». Совсем крошечную, конечно, но в целом, можно сказать, замечательную. Знаете, я готов прыгать от радости!

Он осушил свой стакан и продолжал, не обращая никакого внимания на то, что я при этом известии не прыгаю от радости и не кричу от счастья.

— Видите-ли, я всю жизнь мечтал стать актером, — сказал он. — Но мой предок и слышать об этом не хочет. Стучит тростью и багровеет, как закат перед ветреной погодой, всякий раз, когда я завожу об этом речь. Вот почему, если хотите знать, я и поехал в Америку. В Лондоне я появиться на сцене не могу, кто-нибудь из знакомых меня обязательно засечет и настучит предку. Поэтому я пошел на хитрость: наплел ему, будто мне позарез нужно в Вашингтон — это, дескать, расширит мой кругозор. Ну, а здесь мне бояться некого, путь открыт.

Я попытался урезонить дуралея.

— Но ведь рано или поздно ваш отец об этом узнает.

— Ну и пусть. К тому времени я стану звездой мировой величины, и ему просто нечем будет крыть.

— Вас-то может быть и нечем, а вот меня он наверняка будет крыть самыми последними словами.

— А вы-то здесь при чем? Какое вы к этому имеете отношение?

— Я познакомил вас с Джорджем Каффином.

— Верно, старина, именно вы. Я и забыл. Должен был с самого начала вас за это поблагодарить. Ну что ж — до свидания. Завтра мне с утра пораньше на репетицию «Спроси у папы», так что я поскакал. Забавно, что эта штука называется «Спроси у папы», — именно спрашивать у папы я и не собираюсь. Понимаете меня? Ну, хоп-хоп!

— Хоп-хоп, — печально отозвался я, и он исчез. Я бросился к телефону и набрал номер Джорджа Каффина.

— Послушайте, Джордж, что это еще за история с Сирилом Бассингтон-Бассингтоном?

— Какая история?

— Он утверждает, что вы дали ему роль в своем спектакле.

— Дал. Всего несколько строк.

— А я только что получил из дома пятьдесят семь телеграмм, где мне приказывают всеми правдами и неправдами и близко не подпускать его к сцене.

— Мне очень жаль. Сирил как раз тот типаж, что мне нужен для этой роли. Все, что от него требуется — играть самого себя.

— Но Джордж, старина, войдите в мое положение. Моя тетя прислала его ко мне с рекомендательным письмом, так что она потом с меня спросит.

— Вычеркнет из завещания?

— Тут дело не в деньгах. Но… впрочем, вы не знакомы с тетей Агатой, так что мне сложно вам объяснить. Дракула и Цезарь Борджиа — просто бойскауты по сравнению с моей тетей; когда я вернусь в Англию, она меня со света сживет. У нее ужасная манера заявляться без приглашения рано утром, когда я еще сплю, и читать натощак мораль.

— Ну так не возвращайтесь в Англию. Оставайтесь здесь — может, станете президентом.

— Но, Джордж, старичок…

— Спокойной ночи!

— Джордж, послушайте…

— Вы пропустили мою последнюю реплику. Я сказал: «Спокойной ночи!». Возможно вам. Праздным Богачам, спать не обязательно, но мне к утру нужно быть бодрым и свежим. Будьте здоровы.

Мне стало очень горько: на всем свете у меня не осталось ни единого друга. Я был настолько подавлен, что не выдержал и постучал в дверь комнаты Дживса. Я никогда такого себе не позволяю, но мне казалось, что настало время, когда каждый честный человек должен прийти на помощь нашей партии, и Дживс мог бы сплотиться вокруг молодого хозяина, пусть

даже для этого ему и придется прервать сладкий сон.

На пороге комнаты появился Дживс в коричневой пижаме.

— Сэр?

— Чертовски неловко будить вас, Дживс, но тут столько всего приключилось за последнее время.

— Я не спал, сэр. Поставил себе за правило: покончив со своими обязанностями, прочитывать перед сном несколько страниц какой-нибудь поучительной книги.

— И правильно поставили. Я хочу сказать, если вы только что закончили упражнять котелок, он должен быть в отличной форме, и вам не составит труда найти выход из положения. Дело в том, что мистер Бассингтон-Бассингтон решил стать актером.

— В самом деле, сэр?

— Ах, вы не знаете, в чем тут суть. Иначе не говорили бы так равнодушно. А дело вот в чем: его семья категорически против того, чтобы он пошел на сцену. Если ему не помешать, это обернется для всех неисчислимыми бедами и несчастьями. И, что хуже всего, тетя Агата обвинит в этом меня, понимаете?

— Понимаю, сэр.

— Вам не приходит в голову, каким образом можно было бы ему помешать?

— Пока, признаться, нет, сэр.

— Что ж, может, позже?

— Я постараюсь тщательно обдумать проблему, сэр. На сегодня все, сэр?

— Надеюсь, что все. Мне кажется, на сегодня я уже получил более чем достаточно.

— Хорошо, сэр.

И он скрылся за дверью.

Глава X НАРЯДНЫЙ ЛИФТЕР

Роль, которую Джордж дал Сирилу, умещалась на двух машинописных страничках, но бедняга вкладывал в работу над образом сколько сил, словно ему предстоит играть по меньшей мере Гамлета. За первые два дня он декламировал мне свой текст не меньше двенадцати раз. При этом он отчего-то был искренне убежден, что встречает в ответ лишь восторженное восхищение, одобрение и сочувствие. Днем меня терзали мысли о том, что со мной сделает тетя Агата, а по ночам Сирил то и дело вырывал меня из сладкого забытья, чтобы узнать мое мнение о его очередной актерской находке; нетрудно догадаться, что скоро от меня осталась лишь тень. И все это время Дживс по-прежнему держался со мной очень холодно и отчужденно из-за лиловых носков. Вот такие невзгоды и старят человека, и у кипучей молодости начинают по-старчески дрожать коленки.

А тут еще подоспело письмо от тети Агаты. На первых шести страницах она расписывала переживания родных Сирила в связи с его намерением пойти в актеры, а на последующих шести подробно перечисляла, что именно она подумает, скажет и сделает, если я не сумею оградить ее протеже от пагубных соблазнов на американском континенте. Письмо пришло с дневной почтой, и содержание его меня так напугало, что я не мог держать его про себя. Не в силах дожидаться, пока Дживс придет на мой звонок, я пулей понесся на кухню, жалобно блея, как осиротевший ягненок, и на всем скаку остановился на пороге: на кухне происходило что-то вроде званого чаепития. За столом сидел унылого вида малый, похожий на слугу, а рядом с ним мальчик в норфолкской куртке.[116] Унылый пил виски с содовой, а мальчик алчно поглощал кусок кекса с джемом.

— Ах, извините, Дживс, — сказал я. — Неловко прерывать ваш праздник разума и пир духа, но…

И тут я почувствовал на себе взгляд мальчишки, прошивший меня навылет, точно пуля. Ну, вы знаете — такой холодный, враждебный и осуждающий взгляд, который заставляет проверить, не съехал ли у вас на сторону галстук. Так смотрят на дохлую крысу, которую кот притащил в дом после очередного турне по местным помойкам. Мальчик был не в меру толст, с веснушками по всему лицу, в настоящий момент сильно перепачканному джемом.

— Привет! Привет! Привет! — сказал я. — Что? — На этом мое красноречие иссякло.

Веснушчатый отрок все так же, не мигая, глядел на меня. Может быть, конечно, это он так выражал свою любовь, но мне лично показалось, что он обо мне очень низкого мнения и в будущем не ждет от меня ничего хорошего. По-моему, я ему был неприятен, как остывший гренок с сыром.

— Тебя как звать? — спросил он.

— Звать? А, как моя фамилия? Вустер.

— Мой папа богаче тебя!

После этого я, по-видимому, перестал для него существовать. Покончив со мной, он снова принялся за джем. Я повернулся к Дживсу.

— Послушайте, Дживс, можно вас на минутку? Мне надо вам кое-что показать.

— Хорошо, сэр. — Мы вместе прошли в гостиную.

— Это еще что за милый крошка, Дживс?

— Вы говорите о юном джентльмене, сэр?

— По-вашему, слово «джентльмен» ему подходит?

— Надеюсь, это не слишком большая вольность с моей стороны — пригласить его в дом, сэр?

— О, нет, нисколько. Если у вас такое представление о приятном времяпрепровождении — ради Бога.

— Я случайно встретил юного джентльмена, когда он гулял с отцовским лакеем, сэр, которого я близко знал в Лондоне, и я взял на себя смелость пригласить обоих на чашку чая.

— Ладно, Бог с ним, Дживс. Взгляните лучше на это. Он пробежал письмо глазами от начала до конца.

— Да, весьма неприятно, сэр. — Вот и все, что он счел нужным сказать.

— Что будем делать?

— Жизнь может сама подсказать решение.

— Но может и не подсказать, верно?

— Совершенно верно, сэр.

Тут раздался звонок в дверь. Дживс растаял в воздухе, а в гостиную ввалился Сирил, излучая безудержное веселье и радость бытия.

— Вустер, старина, — сказал он. — Мне нужен ваш совет. Вы же хорошо знаете мою роль, верно? Какой мне выбрать костюм? В первом акте действие происходит в отеле, время — три часа дня. Что мне надеть, как вы думаете?

Я был совершенно не в настроении обсуждать с ним детали мужского

туалета.

— Лучше поговорите на эту тему с Дживсом, — сказал я.

— Отличная мысль! А где он?

— Думаю, вернулся на кухню.

— Тогда, может быть, я позвоню? Вы не возражаете?

— Валяйте.

В гостиную бесшумно вплыл Дживс.

— Послушайте, Дживс, — начал Сирил. — Мне нужен ваш совет. Дело в том, что… Привет! Кто это?

Тут я заметил, что вслед за Дживсом в гостиную проник толстый мальчик и смотрит на Сирила с таким выражением, как будто самые худшие его опасения подтвердились. Стало тихо. С минуту ребенок внимательно разглядывал Сирила, потом огласил свой вердикт:

— Рыба!

— А? Что? — сказал Сирил.

Мальчик, которого, как видно, с младых ногтей приучили говорить правду и ничего кроме правды, охотно пояснил, что именно он имеет в виду:

— У тебя рожа рыбья.

Сказано это было скорее с жалостью, чем в осуждение, что было, я считаю, благородно с его стороны. Я, например, когда смотрю на Сирила, не могу отделаться от мысли, что ответственность за такое лицо несет, главным образом, он сам. В моей душе впервые шевельнулось теплое чувство к юному правдолюбцу. Нет, в самом деле. Разговор начинал доставлять мне удовольствие.

Прошло несколько секунд, прежде чем до Сирила дошел смысл сказанного устами младенца, и тогда мы услышали, как закипела кровь Бассингтон-Бассингтонов.

— Черт меня побери! — сказал он. — Будь я проклят!

— Я бы не согласился иметь такое лицо, — продолжал мальчик с подкупающей искренностью в голосе, — даже за миллион долларов. — Он немного подумал и удвоил цену: — Даже за два миллиона долларов!

Что произошло после этого, точно описать не берусь, но события развивались с ошеломляющей быстротой. По-видимому, Сирил бросился на ребенка. Во всяком случае, воздух был явно перенасыщен мельканьем рук, ног и неопознанных предметов. Что-то сильно ударило Вустера чуть ниже третьей жилетной пуговицы, он рухнул на канапе и потерял интерес к происходящему. Восстав из пепла, я обнаружил, что Дживс с мальчишкой уже ретировались с поля боя, а Сирил стоит посреди комнаты и сердито

фыркает.

— Вустер, откуда взялся этот возмутительный наглец?

— Понятия не имею. Никогда его прежде не видел.

— Я успел-таки влепить ему пару горячих, прежде чем он сбежал. Послушайте, Вустер, этот мальчишка сказал одну чертовски странную вещь. Он заявил, будто Дживс пообещал дать ему доллар, если он назовет меня… ну, словом, скажет то, что он сказал.

Мне это показалось совершенно неправдоподобным.

— С чего бы вдруг?

— Да, мне это тоже показалось странным.

— Зачем это Дживсу?

— Мне тоже непонятно.

— Дживсу-то что до того, какая у вас физиономия?

— Верно, — сказал он, как мне показалось, довольно холодно. Почему — не знаю. — Ладно, я поскакал. Хоп-хоп!

— Хоп-хоп!

Примерно через неделю после этого странного происшествия мне позвонил Джордж Каффин и пригласил на прогон спектакля. Премьера «Спроси у папы» должна была состояться в Скенектеди в следующий понедельник, а сейчас это — что-то вроде предварительной генеральной репетиции. Предварительная генеральная репетиция, объяснил мне старина Джордж, то же самое, что и настоящая генеральная репетиция, и заканчивается, как правило, далеко за полночь. Только еще интереснее, чем настоящая, добавил он: время прогона не ограничено, и все участники спектакля, которые накануне премьеры всегда сильно возбуждены, имеют возможность высказывать все, что они друг о друге думают; короче говоря, удовольствие получают все без исключения.

Прогон был назначен на восемь, поэтому я подрулил в начале одиннадцатого, чтобы не слишком долго ждать начала. И оказался прав. Джордж еще торчал на сцене и что-то обсуждал с каким-то типом в рубашке; рядом стоял еще один — в огромных очках, с круглым брюшком и абсолютно лысым черепом. Я его уже раза два видел вместе с Джорджем в клубе и знал, что это их директор Блюменфилд. Я помахал Джорджу и сел в последний ряд, чтобы не подвернуться кому-нибудь под горячую руку, когда начнут выяснять отношения. Потом Джордж спрыгнул со сцены в зал и подсел ко мне, сравнительно скоро после этого опустили занавес. Пианист, как умел, отбарабанил несколько вступительных тактов, и занавес подняли снова.

Сюжета «Спроси у папы» я не помню, могу только сказать, что

действие вполне успешно развивалось и без Сирила. Сначала я был этим сильно озадачен. Наслушавшись, как Сирил зубрит свою роль и высказывает глубокомысленные соображения о подходе к такому-то месту и о трактовке такого-то образа, я вообразил, что Сирил — и вправду становой хребет спектакля, а остальные члены труппы выходят лишь для того, чтобы как-то заполнить паузы, когда его нет на сцене. Я добрых полчаса ждал его выхода, пока не обнаружил, что он с самого начала находился на подмостках: я узнал его в странном, криминального вида субъекте, который стоит, прислонившись к пыльной кадке с пальмой, и с сочувственным видом слушает, как главная героиня поет про то, что Любовь похожа на что-то там, сейчас уж не помню, на что именно. А после второго куплета он принялся приплясывать вместе с десятком других, столь же нелепых уродцев. Жуткое зрелище — я живо представил себе, как тетя Агата расчехляет свой томагавк, а Бассингтон-Бассингтон-старший натягивает подбитые гвоздями сапоги, чтобы дать мне хорошего пинка пониже спины. Едва пляска закончилась, и Сирил со товарищи уволоклись за кулисы, как из темноты справа от меня прозвучал звонкий голос.

— Папа!

Блюменфилд хлопнул в ладоши, и главный герой, начавший монолог, сконфуженно умолк. Я вгляделся в полутьму зала и узнал того самого веснушчатого парнишку, Дживсова знакомца. Руки в карманах, он вразвалочку шел по проходу с таким видом, словно он тут хозяин. Все почтительно затихли.

— Папа, — громко произнес веснушчатый, — этот номер не годится. — Старый Блюменфилд нежно улыбнулся.

— Тебе не нравится, дорогой?

— С души воротит.

— Ты совершенно прав.

— Тут требуется что-то позабористее. Побольше перца!

— В самую точку, мой мальчик. Я себе помечу. Хорошо. Поехали дальше!

Я повернулся к Джорджу, который что-то раздраженно пробормотал себе под нос.

— Скажите, старина, это еще что за чудо природы? В ответ Джордж издал глухой страдальческий стон.

— Вот принесла нелегкая! Это сын Блюменфилда. Теперь он нам устроит веселую жизнь!

— Он что, всегда тут распоряжается?

— Всегда.

— Но почему Блюменфилд его слушает?

— Этого никто не знает. Может, из-за слепой родительской любви, а может, он смотрит на мальчишку как на талисман, который приносит удачу спектаклю. А скорее всего, он считает, что у его чада умственное развитие, как у среднего зрителя, и то, что нравится ему, будет пользоваться успехом у публики. И наоборот, что не одобрил его сын, то и никому в зале не придется по вкусу. Это не мальчишка, а настоящая моровая язва, ехидна и ядовитая гадина, я готов задушить его собственными руками.

Репетиция продолжалась. Главный герой отбарабанил свой монолог. Затем последовала короткая, но страстная перепалка между помощником режиссера и Голосом по имени Билл, звучавшим откуда-то с верхотуры, на тему: «Когда Билл, черт бы его совсем побрал, научится вовремя давать желтый?». После чего спектакль возобновился и шел без особых приключений до тех пор, пока не настала очередь сцены, в которой играл Сирил.

Я по-прежнему смутно представлял себе сюжет пьесы, но, насколько я понял, Сирил изображал английского пэра, приехавшего в Америку — по-видимому из самых лучших побуждений. До этого момента он произнес на сцене всего две реплики. Первая была: «Но, послушайте!», а вторая — «Да, черт возьми!», но насколько я помнил по тому, что он при мне декламировал, ему вскоре предстояло показать себя во всей красе. Я откинулся в кресле и стал ждать, когда он вырвется на авансцену.

И через пять минут действительно вырвался. К этому времени на сцене бушевали нешуточные страсти. «Голос» и помощник режиссера повторили «ссору влюбленных» — теперь на тему: «Почему этот чертов Билл не переключает на голубой?». Вслед за этим с карниза свалился цветочный горшок и чудом не раскроил череп главному герою. Короче говоря, когда Сирил, который до этого болтался где-то на заднем плане, выкатился в центр сцены и занял стартовую позицию для своего главного забега, атмосфера была накалена не на шутку. Героиня что-то там такое проговорила по тексту пьесы, не помню, что, и вся труппа с Сирилом во главе радостно заскакала вокруг, как полагается перед началом очередного номера.

Первая реплика Сирила была: «О нет, нет, не говорите так!», и, на мой взгляд, он выкрикнул ее достаточно энергично, напористо и вообще. Но не успела героиня открыть рот для ответной тирады, как наш веснушчатый приятель снова поднялся, чтобы заявить протест.

— Папа!

— Да, дорогой?

— Вот тот никуда не годится.
— Который из них, дорогой?
— Этот, с рыбьей рожей.
— Но там у всех рыбьи рожи, дорогой.

Мальчик вынужден был признать справедливость этого замечания. Поэтому он уточнил:

— Вон тот урод.

— Какой урод? Вот этот? — спросил Блюменфилд, указывая пальцем на Сирила.

— Ага. Полная бездарь.

— Мне и самому так показалось.

— Меня от него просто тошнит.

— Ты, как всегда, прав, мой мальчик. У меня точно такое же чувство.

Пока они обменивались репликами, Сирил слушал, разинув рот. Теперь он выбежал на авансцену. Даже с того места, где я сидел, было видно, что грубые слова нанесли фамильной гордости Бассингтон-Бассингтонов чувствительный удар. У него покраснели уши, потом нос, потом щеки, и через четверть минуты он стал похож на человека, уцелевшего после взрыва на фабрике томатной пасты.

— Что это значит, черт побери?

— А это что значит, черт побери? — закричал Блюменфилд. — Кто вам позволил орать на меня со сцены?

— Честно говоря, я подумываю, не спуститься ли в зал и не отшлепать ли мне этого маленького нахала!

— Что!

— Всерьез подумываю.

Блюменфилд начал раздуваться, словно кто-то накачивал его насосом, и стал еще больше похож на шар.

— Послушайте, мистер… не знаю как вас там…

— Бассингтон-Бассингтон, а древний род Бассингтон-Бассингтонов… мы, Бассингтон-Бассингтоны, не привыкли, чтобы…

Блюменфилд в краткой, но доходчивой форме изложил ему все, что он думает о Бассингтон-Бассингтонах и об их привычках. Послушать их собралась вся труппа, актеры явно получали огромное удовольствие. Одни с любопытством выглядывали из-за кулис, другие высовывались из-за бутафорских деревьев.

— Ты должен стараться, если хочешь работать на моего папу, — произнес толстый отрок и укоризненно покачал головой.

— Какая неслыханная наглость! — закричал Сирил срывающимся

голосом.

— Что такое? — рявкнул Блюменфилд. — Вы что, не понимаете, что он — мой сын?

— Прекрасно понимаю, — сказал Сирил. — И приношу вам обоим соболезнования.

— Вы уволены, — завопил Блюменфилд, раздуваясь еще больше прежнего. — Вон из моего театра!

На следующее утро, примерно в половине одиннадцатого, когда я уже успел прополоскать гортань чашкой доброго «Оолонга[117]», в спальне бесшумно возник Дживс и сообщил, что в гостиной меня дожидается Сирил.

— Ну и как он на вид, Дживс?

— Я полагаю, мне не пристало критиковать внешность ваших друзей, сэр.

— Я не это имею в виду. Я хотел спросить, показался ли он вам раздраженным, обиженным и все такое.

— Я бы не сказал, сэр. Он выглядит вполне спокойным.

— Странно!

— Сэр?

— Ничего. Пригласите его сюда, пожалуйста.

По правде говоря, я ожидал, что вчерашний скандал не пройдет для него без следа, и готовился увидеть потухший взгляд, дрожащие пальцы, и так далее. Но Сирил выглядел, как обычно, и, казалось, даже пребывал в прекрасном расположении духа.

— Вустер, старина, здравствуйте.

— Привет!

— Зашел с вами попрощаться.

— Попрощаться?

— Да. Через час уезжаю в Вашингтон. — Он присел на кровать. — Знаете что, дружище, — продолжал он. — Я вчера долго думал и решил, что поступлю несправедливо по отношению к моему предку, если стану актером. Как вам кажется?

— Прекрасно вас понимаю.

— Я хочу сказать, ведь он отправил меня в Америку, чтобы я расширил свой кругозор и все такое прочее, и я не могу отделаться от мысли, что старик был бы в шоке, если бы я его наколол и поступил на сцену. Не знаю, согласитесь вы со мной или нет, но, по-моему, это вопрос элементарной порядочности.

— А ваш отказ от участия в спектакле не сорвет премьеру?

— Да нет, думаю, они как-нибудь обойдутся. Я все объяснил старине Блюменфилду, и он со мной согласился. Конечно, ему очень жаль со мной расставаться: он сказал, что не представляет, кто сможет меня заменить; но, с другой стороны, даже если мой уход и создаст ему проблемы, мне кажется, я поступаю правильно. А вы как считаете?

— Я того же мнения.

— Я был уверен, что вы со мной согласитесь. Что ж, мне пора. Ужасно рад был познакомиться с вами, и все такое прочее. Хоп-хоп!

— Хоп-хоп!

И он отчалил. Самое удивительное, что всю эту лапшу он навешивал мне на уши, с подкупающей искренностью глядя на меня своими детскими голубыми навыкате глазами. После вчерашних событий я поднапряг котелок, и мне стало многое понятно.

— Дживс!

— Сэр?

— Это ведь вы натравили блюменфилдского отпрыска на мистера Бассингтон-Бассингтона?

— Сэр?

— Вы прекрасно понимаете, о чем я. Это вы подучили его сделать так, чтобы мистера Бассингтон-Бассингтона выставили из труппы?

— Я бы ни за что на свете не позволил себе такой вольности, сэр. — Он принялся доставать из шкафа мою одежду. — Возможно, юный Блюменфилд догадался по некоторым моим случайным замечаниям, что я не считаю профессию актера подходящей карьерой для мистера Бассингтон-Бассингтона.

— Знаете, Дживс, вы просто чудо.

— Всегда готов сделать для вас все, что в моих силах, сэр.

— Я вам чертовски обязан, Дживс. Если бы нам не удалось отвадить его от сцены, тетя Агата сожрала бы меня вместе с потрохами, верхней одеждой и обувью.

— Я полагаю, некоторые трения и эксцессы и вправду могли бы иметь место, сэр. Я приготовил для вас синий костюм в тонкую красную полоску, сэр. По-моему, это именно то, что требуется.

Я позавтракал и отправился прогуляться, но, дойдя до лифта, вспомнил, как именно я собирался вознаградить Дживса за неоценимую помощь в этой дурацкой истории с Сирилом. Хотя сердце мое и обливалось кровью при мысли о предстоящей потере, я решил уступить Дживсу и навсегда расстаться с лиловыми носками. В конце концов, в

жизни бывают моменты, когда человек обязан идти на жертвы. Я хотел было вернуться, чтобы объявить ему благую весть, но тут подошел лифт, и я решил, что сделаю это после прогулки.

Чернокожий парнишка-лифтер взглянул на меня с выражением тихой преданности и обожания.

— Хочу поблагодарить вас за вашу доброту, сэр, — сказал он.

— А? Что?

— Мистер Дживс передал мне лиловые носки, как вы ему велели. Большое вам спасибо, сэр.

Я взглянул на его нижние конечности. От верхнего края щиколоток до ботинок разливалось упоительное лиловое сияние. Никогда в жизни не видел ничего прекраснее.

— А, ну да… Пожалуйста… Рад, что они вам нравятся, — сказал я.

Ну, что тут скажешь, а? Вот именно.

Глава XI ТОВАРИЩ БИНГО

Все началось в Гайд-Парке, в той его части, где по воскресеньям собираются чудаки всех мастей и оттенков и произносят длинные речи, взгромоздившись на ящик из-под мыла. Я редко туда захожу, но случилось так, что в первое воскресенье после моего возвращения в милый старый Лондон я отправился навестить знакомых на Манчестер-Сквер; чтобы не прийти раньше условленного срока, я сделал небольшой крюк и попал в самую гущу.

Сейчас Британская империя уже не та, что прежде, и парк в воскресный день представляется мне истинным сердцем Лондона. Я хочу сказать, что именно здесь изгнанник, возвратившись в родные пенаты, осознает, что он действительно в Англии. После вынужденных каникул в Нью-Йорке, я с удовольствием вдыхал сладкий дым отечества. Приятно было слушать, как они все разглагольствуют, и радоваться, что все закончилось благополучно, и Бертрам снова дома.

В дальнем конце поляны группа миссионеров в цилиндрах готовилась к службе на открытом воздухе, слева распинался атеист, красноречиво, но немного гундосо, поскольку у него была заячья губа; а впереди собрались по-настоящему серьезные мыслители со знаменем, на котором значилось «Провозвестники красной зари», и в момент моего прихода один из провозвестников — бородатый тип в твидовом костюме и надвинутой на брови шляпе — задавал такого жару Праздным Толстосумам, что я поневоле остановился послушать. И тут рядом со мной раздался чей-то голос:

— Мистер Вустер?

Предо мной стоял какой-то толстяк. Сперва я не мог сообразить, кто он такой. Потом вспомнил: это дядя моего друга Бинго, мистер Литтл, у которого я как-то обедал еще в то время, когда Бинго был влюблен в официантку из забегаловки на Пиккадилли. Неудивительно, что я его не сразу узнал. Когда мы в последний раз виделись, это был неряшливо одетый пожилой господин, спустившийся в столовую в шлепанцах и мятом вельветовом пиджаке, тогда как теперь моим глазам предстал в пух и прах разодетый франт. Шелковый цилиндр, сверкающий на солнце, щегольская визитка, бледно-лиловые короткие гетры и клетчатые брюки по последней моде. Элегантный до умопомрачения.

— Добрый день, — сказал я. — Как здоровье?

— Я нахожусь в прекрасном здравии, благодарю вас. А вы?

— В полном порядке. Только что вернулся из Америки.

— А, понимаю! Собирали материал для нового романа?

— Как? — Мне потребовалось время, прежде чем я понял, что он имеет в виду. — Нет-нет, — сказал я. — Просто захотелось ненадолго сменить обстановку. А как поживает Бинго? — поспешил я задать вопрос, чтобы отвлечь его от моего литературного творчества.

— Бинго?

— Ваш племянник.

— Ах, Ричард. Мы редко видимся в последнее время. После моей женитьбы у нас довольно прохладные отношения.

— Мне очень жаль. Значит, с тех пор, как мы в последний раз виделись, вы вступили в брак? Как здоровье миссис Литтл?

— Моя жена также в самом добром здравии. Только… она не миссис Литтл. Недавно нашему всемилостивейшему монарху было угодно отметить меня высочайшим знаком своей милости, пожаловав мне звание пэра. После публикации последнего «Списка» я стал лордом Битлшемом.

— Что вы говорите! В самом деле? Что ж, мои самые горячие поздравления. Прекрасная новость! — сказал я. — Лорд Битлшем… Так выходит, вы — владелец Морского Ветерка?

— Да. Женитьба открыла мне новые горизонты. Жена увлекается скачками, и я теперь держу небольшую конюшню. Как мне объяснили, у Морского Ветерка неплохие шансы на победу в конце этого месяца на ипподроме «Гудвуд», неподалеку от суссекской резиденция герцога Ричмонда.

— Гудвудский кубок! Ну, как же! Я собираюсь поставить последнюю рубашку на вашу лошадь.

— В самом деле? Надеюсь, она оправдает ваше доверие. Сам я далек от этих материй, но, если верить жене, по мнению знатоков моя лошадь — то, что в этих кругах называют «верняк».

Тут я обратил внимание, что публика с интересом оборачивается в нашу сторону, а бородач указывает на нас пальцем.

— Нет, вы только полюбуйтесь на них! Присмотритесь к ним внимательно! — вопил он, перекрывая голос гундосого атеиста и полностью заглушая молитвы миссионеров. — Перед вами типичные представители класса, который веками угнетал трудящихся. Праздные! Не производящие материальных ценностей! Взгляните на того, длинного и тощего, у которого рожа, как у паяца. Проработал ли он за свою жизнь хотя бы один день? Нет! Паразит, бездельник, кровопийца! Готов поспорить,

что он до сих пор не заплатил портному за эти шикарные брючки!

Сказать по правде, мне не понравилось, что он перешел на личности, его манера начинала меня раздражать. Старик Битлшем, напротив, слушал его с явным удовольствием и интересом.

— Да, в выразительности им не откажешь, — довольно хмыкнул он. — Очень ядовито.

— А второй, толстяк? — не унимался бородатый. — Вы только посмотрите на него! Знаете, кто это? Лорд Битлшем! Один из самых злостных. Что он делал всю свою жизнь, кроме того, что набивал себе брюхо с утра до вечера? Его Бог — это его утроба, и лишь этому Богу он приносит жертвы четыре раза в день. Если вскрыть ему сейчас брюхо, там найдется достаточно пищи, чтобы прокормить десяток рабочих семей в течение недели.

— А вот это действительно неплохо сказано, — заметил я, но старикан, по-видимому, не разделял моего мнения. Он побагровел и забулькал, словно закипающий чайник.

— Уйдемте отсюда, мистер Вустер, — сказал он. — Я всегда стоял и стою за свободу слова, но положительно не желаю слушать грубую брань.

И мы молча, но с достоинством, удалились, а этот тип продолжал выкрикивать нам вслед все новые оскорбительные замечания. Я чувствовал себя чертовски неуютно.

На следующий день я заглянул в клуб и в курилке встретил Бинго.

— Привет, Бинго, — сказал я и подсел к нему, преисполненный самых теплых чувств: я был искренне рад видеть этого дуралея. — Ну, как ты?

— Перебиваюсь помаленьку.

— Видел вчера твоего дядю.

Широчайшая улыбка поделила лицо Бинго на две неравные части.

— Я знаю, что ты с ним встречался, бездельник. Что ж, садись, старина, попей крови. Ну, что нового, паразит из числа господствующих классов?

— Господи! Но ведь тебя же там не было!

— А вот и был.

— Я тебя не видел.

— Видел — да не узнал, меня скрывала пышная растительность.

— Растительность?

— Борода, мой мальчик. Я за нее недешево заплатил, но она того стоит. С этой бородой я становлюсь совершенно неузнаваемым. Противно, правда, что в бороде застревают хлебные крошки и прочее, но тут уж

ничего не поделаешь.

Я удивленно на него уставился.

— Ничего не понимаю!

— Это долгая история. Закажи себе мартини или стаканчик крови с содовой, и я тебе все расскажу. Но прежде скажи мне, только честно: приходилось ли тебе видеть более красивую девушку?

И жестом фокусника, достающего кролика из шляпы, он невесть откуда извлек фотографию и помахал ею у меня перед носом. Я успел разглядеть лишь старательно вытаращенные глаза и улыбку, демонстрирующую больше зубов, чем требуется человеку в повседневной жизни.

— Боже милосердный, — сказал я. — Ты что, опять влюбился?

Я заметил, что мои слова его задели.

— Что значит «опять»?

— По самым скромным подсчетам, с весны ты был влюблен не менее шести раз, а сейчас лишь июль. Сначала официантка, потом Гонория Глоссоп, потом…

— Фу! Я бы даже сказал «фи»! Что значат все эти девицы! Не более чем минутное увлечение. На этот раз речь идет о настоящем чувстве.

— Где ты с ней познакомился?

— На империале автобуса. Ее зовут Шарлотта Корде Роуботем.

— О, Господи!

— Она в этом не виновата, бедняжка! Так ее окрестил отец, он сторонник Революции, а та, настоящая Шарлотта Корде занималась, оказывается, тем, что закалывала тиранов в ванне, за что ее полагается любить и уважать. Берти, ты обязательно должен познакомиться со стариной Роуботемом. Милейший старикан. Мечтает перерезать всех буржуев, разграбить Парк-Лейн[118] и выпустить кишки потомственной аристократии. Вполне справедливое желание, верно? Но вернемся к Шарлотте. Мы оказались вместе на империале автобуса, внезапно пошел дождь. Я предложил ей свой зонт, мы немного поболтали о том, о сем. Я влюбился в нее, узнал, где она живет, а через пару дней купил фальшивую бороду и полетел знакомиться с ее семейством.

— Но при чем тут борода?

— Еще в автобусе она рассказала мне о своем отце, и я понял, что если хочу добиться его расположения, мне нужно вступить в эту чертову «Красную зарю», и если придется произносить обличительные речи в парке, где в любой момент можно встретить кого-нибудь из знакомых, нужна маскировка. Ну, я и купил бороду. Ты не поверишь, старик, но я к

ней, можно сказать, привязался. Когда я ее снимаю, чтобы, например, пойти в клуб, то чувствую себя просто голым. И в глазах Роуботема я выиграл благодаря бороде. Он думает, что я большевик и скрываюсь от полиции. Ты, Берти, и вправду должен познакомиться со стариной Роуботемом. Послушай, у тебя есть на сегодня какие-то планы?

— Вроде нет. А что?

— Отлично! Тогда мы все завалимся к тебе на чай. Я обещал отвести всю ораву в народное кафе после митинга, а теперь мне удастся сэкономить; и поверь, дружище, в моем положении сейчас не сэкономишь — не проживешь. Мой дядя сказал тебе, что он женился?

— Да. Говорит, у вас с ним прохладные отношения.

— Прохладные? Да я просто на нуле! С тех пор как дядя женился, он буквально сорит деньгами и тратит их Бог знает на что, а экономит на мне. Думаю, покупка звания пэра обошлась старому дурню в кругленькую сумму. Мне говорили, сейчас даже за баронета надо выложить прорву денег. А он еще завел скаковых лошадей. Кстати, можешь смело ставить последний шиллинг на Морского Ветерка на Гудвудских скачках. Стопроцентный верняк.

— Я так и собираюсь.

— Тут промаха быть не может. Рассчитываю выиграть достаточно денег, чтобы жениться на Шарлотте. Ты ведь поедешь в Гудвуд?

— А как же!

— Мы тоже. Собираемся провести митинг прямо на ипподроме.

— Послушай, зачем так рисковать? Твой дядя наверняка будет в Гудвуде. А вдруг он тебя узнает? Он же просто рассвирепеет, если обнаружит, что ты и есть тот наглец, который честил его в парке.

— С чего это он вдруг меня узнает? Ты пошевели мозгами: несчастный паразит, живущий за счет красных кровяных телец трудового народа. Если он вчера меня не узнал, почему он должен узнать меня в Гудвуде? Что ж, спасибо за любезное приглашение, старина. Мы его с удовольствием принимаем. Как говорится, дай, и тебе воздастся… Кстати, тебя, быть может, ввело в заблуждение слово «чай». Не думай, что тебе удастся отделаться тонюсенькими ломтиками хлеба с маслом. Мы — дети революции, и отсутствием аппетита не страдаем. Нам подавай яичницу, оладьи, ветчину, джем, кексы и сардины. Мы будем у тебя ровно в пять.

— Но, погоди… Я не уверен, что…

— Уверен, уверен… Как ты не понимаешь, глупая твоя голова, что тебе это здорово пригодится, когда грянет Революция? Если на Пиккадилли ты нарвешься на старину Роуботема с окровавленным ножом в

каждой руке, ты сможешь ему напомнить, что когда-то угощал его сардинами. Нас будет четверо — Шарлотта, я, старик Роуботем и товарищ Бат. Боюсь, от него отделаться не удастся.

— Какой еще, к черту, товарищ Бат?

— Ты заметил вчера типа слева от меня? Такой плюгавый сморчок. Похож на вяленую треску на последней стадии туберкулеза. Это и есть Бат. Мой соперник, черт бы его побрал. Он вроде как помолвлен с Шарлоттой. До моего прихода занимал вакантную роль сказочного принца. У него голос, как пароходная сирена, старик Роуботем о нем очень высокого мнения. Но я буду не я, если не обойду этого Бата на повороте и не оставлю его с носом. Хоть голос у него зычный, ему не хватает выразительности. В свое время я был рулевым на оксфордской восьмерке, и по части выражений дам фору любому. Ладно, мне пора бежать. Послушай, не знаешь, случайно, где можно раздобыть пятьдесят фунтов?

— Может, попробовать заработать?

— Заработать? — удивленно спросил Бинго. — Мне? Нет, надо придумать что-нибудь получше. Мне позарез нужно поставить пятьдесят монет на Морского Ветерка. Ладно, до завтра. Будь здоров, старичок, и не забудь про оладьи.

Не знаю, отчего, но еще со школьных лет, с первого дня нашего знакомства, я постоянно чувствую ответственность за Бинго. Ведь он мне — слава Богу — не сын, не брат, и даже не дальний родственник. У меня нет перед ним никаких обязательств, и тем не менее вот уже многие годы я нянчусь с ним, как курица с цыплятами, и то и дело вызволяю из неприятностей. Видимо, дело в благородстве моей натуры. Его последнее увлечение меня не на шутку встревожило. Во-первых, он собирается породниться с семейством явных психов, а во-вторых, как, черт его подери, не имея ни гроша за душой, он собирается прокормить жену, пусть даже умственно неполноценную? Если Бинго и вправду женится, старик Битлшем тотчас лишит его содержания, а лишить содержания такого охламона, это все равно, что раскроить ему топором череп.

Вот почему, вернувшись домой, я позвал Дживса.

— Дживс, — сказал я, — у меня к вам просьба.

— Сэр?

— Меня беспокоит мистер Литтл. Не буду вам пока ничего говорить, завтра он приведет к чаю своих друзей, и тогда вы сами поймете, в чем дело. Все, что от вас требуется — это внимательно наблюдать и делать выводы.

— Хорошо, сэр.

— И вот еще что: припасите побольше оладий.
— Да, сэр.
— Нам потребуются также джем, ветчина, кексы, яичница, и пять или шесть вагонов сардин.
— Сардин, сэр? — содрогнулся Дживс.
— Сардин.
Последовало неловкое молчание.
— Не вините меня, Дживс, — сказал я. — Видит Бог, я тут ни при чем.
— Понимаю, сэр.
— Такие вот дела.
— Да, сэр.
Видно было, что он не на шутку озадачен.

Я давно заметил, что когда ждешь чего-то ужасного, на деле, как правило, все оказывается не так уж скверно; однако в случае с чаепитием, устроенным в честь Бинго и его друзей, это правило не сработало. С той самой минуты, как Бинго навязался ко мне в гости, меня томили самые мрачные предчувствия, и, увы, они оправдались. Самое чудовищное в этой истории было то, что в первый раз за время нашего знакомства мне довелось наблюдать, как Дживс едва не потерял самообладание. Даже в самой крепкой броне имеются щели, и Дживс чуть с копыт не слетел, когда в дверях появился Бинго в каштановой бороде по пояс. Я забыл предупредить его насчет бороды, и от неожиданности удар оказался особенно сокрушительным. Челюсть у него отвисла, он ухватился за край стола. Что меня лично нисколько не удивляет. Мне в жизни не приходилось видеть более омерзительного зрелища, чем бородатый Бинго. Дживс слегка побледнел; потом, огромным усилием воли, ему удалось овладеть собой. Но я видел, что он потрясен.

Бинго был слишком занят, представляя членов своей шайки, и ничего не заметил. Живописная у нас собралась компания, ничего не скажешь. Товарищ Бат был похож на гриб той особой разновидности, что появляются на мертвых деревьях после дождя. Для описания старика Роуботема я бы употребил эпитет «траченный молью». А Шарлотта показалась мне существом из страшного, потустороннего мира. Не скажу даже, что она была особенно некрасива. Если бы она исключила из рациона блюда с повышенным содержанием крахмала и начала заниматься шведской гимнастикой, то, наверное, могла бы стать вполне ничего. Но ее было слишком много. «Пышнотелая» и «не в меру упитанная» — вот подходящие для нее определения. Возможно, у нее было золотое сердце,

но первое, что бросалось в глаза, — это золотые зубы. Я знал, что когда Бинго находится в хорошей форме, он в состоянии влюбиться чуть ли не в любую особу женского пола, но на этот раз я не в силах был найти никаких смягчающих обстоятельств.

— А это мой друг, мистер Вустер, — сказал Бинго, завершая церемонию знакомства.

Роуботем посмотрел на меня, потом внимательно оглядел гостиную, и видно было, что и то и другое произвело на него не слишком приятное впечатление. Нельзя сказать, чтобы моя квартира была обставлена с восточной роскошью, но мне удалось сделать ее достаточно уютной, и, очевидно, именно это ему и не понравилось.

— Мистер Вустер? — спросил Роуботем. — А могу я называть вас «товарищ Вустер»?

— Простите?

— Разве вы не член нашего движения?

— Ну… э-э-э…

— Но вы всем сердцем сочувствуете Революции?

— Не сказал бы, что всем. Ведь суть революции в том, чтобы перерезать горло таким, как я, а меня такая перспектива не устраивает.

— Я над ним работаю, — вмешался Бинго. — Я с ним борюсь. Еще несколько сеансов, и он — наш.

Старик Роуботем с некоторым сомнением взглянул на меня.

— Товарищ Литтл обладает незаурядным красноречием, — признал он.

— Он просто чудо как говорит, — сказала девушка, и Бинго взглянул на нее с таким обожанием, что я чуть не треснул его по лбу от досады. И товарища Бата это замечание изрядно расстроило. Он хмуро уставился на ковер и пробормотал что-то насчет игры с огнем.

— Кушать подано, сэр, — объявил Дживс.

— Кушать, папа! — встрепенулась Шарлотта, точно старая полковая лошадь при звуке кавалерийской трубы; и все поскакали к столу.

Забавно, как люди меняются с годами. В школьные годы я без колебаний отдал бы свою бессмертную душу за яичницу и сардины в пять часов пополудни; но в более зрелом возрасте мой аппетит поутих; должен признаться, я был потрясен, когда увидел, с каким пылом дети Революции принялись метать в рот все, что было на столе. Даже товарищ Бат позабыл на время про свою печаль и был целиком поглощен яичницей, выныривая на поверхность лишь для того, чтобы попросить еще чашку чая. Вскоре у нас вышел весь кипяток, и я повернулся к Дживсу.

— Принесите кипяток, Дживс.

— Слушаюсь, сэр.

— Эй! Это что еще такое? — Роуботем поставил чашку на стол и сурово взглянул на меня. Потом потрепал Дживса по плечу. — К чему это раболепие, сынок?

— Простите, сэр?

— И не говори мне «сэр». Называй меня просто «товарищ». Знаешь, кто ты такой, сынок? Ты типичный пережиток распавшейся феодальной системы отношений.

— Как прикажете, сэр.

— У меня просто кровь закипает в жилах, когда…

— Возьмите еще сардину, — вмешался Бинго: первый разумный поступок за долгие годы нашего знакомства. Старик Роуботем взял три и забыл, что хотел сказать, а Дживс удалился на кухню. Но видно было по выражению его спины, какие чувства он испытывает.

И вот, когда мне уже стало казаться, что эта пытка никогда не кончится, чаепитие подошло к концу. Я очнулся и увидел, что гости собираются уходить.

Сардины и шесть чашек чая смягчили суровость старого Роуботема. Пожимая мне на прощание руку, он взглянул на меня вполне дружелюбно.

— Позвольте поблагодарить вас за гостеприимство, товарищ Вустер, — сказал он.

— Ну что вы! Не стоит… Всегда рад…

— Гостеприимство? — фыркнул Бат, и его зычный голос ударил по моим барабанным перепонкам, точно взрывная волна от фугасной бомбы. Он мрачно уставился на Бинго и девушку, которые весело хохотали около окна. — Удивляюсь, как только у вас кусок не застрял в горле! Яйца! Оладьи! Сардины! Все это вырвано изо рта изголодавшихся бедняков!

— Ну, что вы! Как вы могли подумать!

— Я пришлю вам литературу о целях нашего движения, — сказал Роуботем. — И надеюсь, что вскоре вы примете участие в наших митингах.

Когда Дживс пришел убирать со стола, он застал лишь дымящиеся руины. Несмотря на гневные филиппики, которые товарищ Бат произнес по поводу кулинарных излишеств, он благополучно прикончил всю ветчину; а оставшегося джема не хватило бы даже на то, чтобы смазать тонким слоем последний уцелевший кусочек хлеба и положить в рот изголодавшегося бедняка.

— Ну как, Дживс, — спросил я. — Что скажете?

— Я предпочел бы не высказывать свое мнение, сэр.

— Мистер Литтл влюблен в эту женщину, Дживс.

— Я это понял, сэр. Она только что отшлепала его в коридоре.

— Отшлепала?!

— Да, сэр. В шутку, сэр.

— Боже милостивый! Я и не знал, что дело зашло так далеко. И как воспринял это товарищ Бат? Или он ничего не заметил?

— Заметил, сэр. Он присутствовал там на протяжении всей процедуры. Мне показалось, что он был вне себя от ревности.

— Его можно понять! Хорошо, Дживс, что же нам делать?

— Не могу вам сказать, сэр.

— По-моему, это уж слишком.

— Именно так, сэр.

Вот и все утешение, которое я получил от Дживса.

Глава XII БИНГО НЕ ВЕЗЕТ В ГУДВУДЕ

Я пообещал Бинго встретиться с ним на следующий день и сообщить свое мнение об этой жуткой Шарлотте и вот теперь тащился по Сент-Джеймс Стрит, ломая голову над тем, как, не нанеся смертельной обиды, объяснить ему, что на всем свете нет более омерзительной особы. Вдруг из дверей Девонширского клуба вышел старый Битлшем, а с ним Бинго — собственной персоной. Я прибавил шагу и нагнал их.

— Вот так встреча! — сказал я.

Это невинное приветствие отчего-то произвело неожиданный эффект. Старый Битлшем весь затрясся с головы до ног, словно бланманже на палочке, выпучил глаза и позеленел.

— Мистер Вустер! — воскликнул он с облегчением, узнав меня, — очевидно, встреча со мной представлялась ему не самым худшим из возможных несчастий. — Как вы меня напугали.

— Ах, извините.

— Дядя немного расстроен, — сказал Бинго полушепотом, словно у постели тяжелобольного. — Он получил письмо с угрозами.

— Письмо с угрозами?

— Написанное явно безграмотной рукой, — сказал Битлшем, — и в недвусмысленно угрожающих выражениях. Мистер Вустер, вы помните того злобного бородатого субъекта, который набросился на меня с оскорблениями в Гайд-Парке в минувшее воскресенье?

Я вздрогнул и украдкой покосился на Бинго. Его лицо не выражало ничего, кроме озабоченности и участия.

— Что? А… ну да, — сказал я. — Бородатый субъект. Тот тип с бородой.

— Вы смогли бы его опознать — если потребуется?

— Ну… э-э-э… То есть как это?

— Видишь ли, Берти, — сказал Бинго, — мы подозреваем, что письмо — дело рук бородатого. Вчера вечером я проходил по Паунсби-Гарденз мимо дома, где живет дядя Мортимер, и увидел, как с крыльца крадучись спустился незнакомец. Видимо, это он принес письмо. Я заметил, что у него была борода. Я вспомнил об этом, когда дядя Мортимер рассказал мне про письмо и про тот инцидент в парке. Я решил во всем разобраться.

— Нужно известить полицию, — сказал лорд Битлшем.

— Нет, — твердо сказал Бинго, — на этой стадии расследования

полиция мне только помешает. Не волнуйтесь, дядя. Я уверен, что сумею выследить этого типа. Предоставьте дело мне. Сейчас я посажу вас в такси, и мы как следует все обсудим с Берти.

— Ты славный мальчик, Ричард, — сказал старик Битлшем, после чего мы запихнули его в проезжавшее такси и помахали ему ручкой. Я повернулся к Бинго и смерил его суровым взглядом.

— Это ты написал письмо? — спросил я.

— Разумеется! Жаль, Берти, что ты его не видел! Лучшее угрожающее письмо всех времен и народов!

— Но какой во всем этом смысл?

— Очень даже большой смысл, дорогой мой Берти, — сказал Бинго и с чувством взял меня за рукав. — Что ни скажут обо мне потомки, в одном они не смогут меня упрекнуть: что, мол, у меня не было деловой хватки. Взгляни на это! — Он помахал у меня перед носом какой-то бумажкой.

— Ух ты! — Это был чек, самый настоящий, недвусмысленный чек на пятьдесят монет, подписанный лордом Битлшемом и выданный на имя Р. Литтла.

— Это за какие же заслуги?

— На расходы, — сказал Бинго, и положил чек в карман. — Ведь всякое расследование требует денег, верно? Сейчас побегу в банк — то-то они там рот разинут, потом отправлюсь к букмекеру и поставлю всю сумму на Морского Ветерка. В таких делах, Берти, главное — такт. Если бы я пришел к дяде и попросил у него пятьдесят фунтов, получил бы я их? Да никогда в жизни! А, проявив такт, я… Кстати, что ты скажешь о Шарлотте?

— Ну… э-э-э…

Бинго любовно массировал рукав моего пиджака.

— Понимаю, старик, понимаю. Даже и не пытайся подыскать слова. Она сразила тебя наповал, верно? Ты просто онемел, ведь так? Уж я-то знаю. Она на всех так действует. Ладно, дружище, мне пора… Да, и последнее: что ты скажешь о Бате? Роковая ошибка природы, ты не находишь?

— Должен признаться, мне доводилось встречать людей и поприветливее.

— По-моему, я его обскакал, Берти. Сегодня Шарлотта идет со мной в зоопарк. Одна. А после этого я веду ее в кино. Мне кажется, что это начало конца, а? Ладно, хоп-хоп, старичок. Если тебе сегодня нечего делать, можешь пробежаться по Бонд-Стрит[119] и присмотреть мне свадебный подарок.

После этого я потерял Бинго из виду. Пару раз я оставлял для него записки в клубе с просьбой позвонить, но безо всякого результата. Я понял, что он слишком занят, чтобы откликнуться на мои призывы. И дети «Красной зари» исчезли из моей жизни, хотя Дживс как-то сказал, что однажды встретился с Батом и имел с ним краткий разговор. Дживс сообщил, что Бат стал еще мрачнее прежнего. Его шансы на победу в борьбе за пышнотелую Шарлотту резко пошли вниз.

— Похоже, что мистер Литтл полностью затмил его, сэр, — сказал Дживс.

— Плохо дело, Дживс, очень плохо.

— Да, сэр.

— Боюсь, что когда Бинго покончит с артподготовкой и пойдет в штыковую, нет такой силы ни на небе, ни на земле, которая помешала бы ему свалять грандиозного дурака.

— Похоже, что так, сэр, — сказал Дживс.

Потом подоспели Гудвудские скачки, я облачился в свой лучший костюм и полетел на ипподром.

Когда о чем-то рассказываешь, всегда встает вопрос: стоит ли ограничиться голыми фактами или развести пожиже и украсить рассказ всякими мелкими деталями, передать атмосферу и все такое. Я хочу сказать, что многие на моем месте, прежде чем дойти до развязки этой истории, описали бы Гудвуд, голубое небо, живописные холмы, веселые стайки карманников, а также толпы тех, чьи карманы они обчистили, ну, и так далее. Но лучше все это опустить. Даже если бы я и захотел подробно описать те злополучные скачки, у меня просто рука не поднимается. Рана еще слишком свежа. Боль до сих пор не утихла. Дело в том, что Морской Ветерок (будь он трижды неладен!) пришел последним. Представляете? Последним!

«Настало время испытаний, когда проверяется сила духа каждого из нас[120]». Проигрывать всегда неприятно, но на этот раз я был настолько уверен в победе этого чертова Ветерка, что полагал, будто сам забег — пустая формальность, своего рода причудливая устаревшая церемония, которую полагается совершить прежде, чем прогуляться к букмекеру и получить свой выигрыш. Я побрел к выходу с ипподрома на поиски средства, позволяющего приглушить боль и забыться, и вдруг наткнулся на Битлшема. У него был настолько убитый вид, физиономия такого свекольного оттенка, а глаза горестно скосились к переносице под таким невообразимым углом, что я лишь, молча пожал его руку.

— Я тоже, — сказал я. — И я тоже. А вы — сколько вы продули?

— Продул?

— На Морском Ветерке?

— Но я не ставил на Морского Ветерка.

— Как? Владелец фаворита Гудвудского кубка не ставит на собственную лошадь!

— Я никогда не играю на скачках. Это противоречит моим принципам. Мне сообщили, что моя лошадь не победила в сегодняшних состязаниях.

— Не победила! Да она настолько отстала от всех, что чуть было не пришла первой в следующем забеге!

— Ну и ну! — сказал Битлшем.

— Вот именно, что «ну и ну», — согласился я. Тут только до меня дошло, что здесь что-то не так. — Но, если вы ничего не проиграли, отчего у вас такой убитый вид?

— Этот субъект здесь.

— Какой субъект?

— Тот, бородатый.

Представляете, до какой степени я был сокрушен проигрышем — до сих пор ни разу не вспомнил про Бинго. Только сейчас до меня дошло, что он тоже собирался в Гудвуд.

— Он как раз произносит подстрекательскую речь лично против меня. Идемте! Видите, какая там собралась толпа. — Он потянул меня за собой и, умело используя преимущества супертяжелой весовой категории, пробрался — а вместе с ним и я — в первые ряды. — Слушайте! Слушайте!

Бинго и вправду был в ударе. Горечь разочарования от того, что проклятая кляча, на которую он поставил последние деньги, не вошла в первую шестерку, распалила его красноречие. Он с беспощадной яростью обрушился на бессердечных плутократов — владельцев скаковых лошадей, которые вводят в заблуждение публику и уверяют, будто их животные находятся в отличной форме, а они едва способны доковылять до ворот конюшни. Потом он широкими мазками набросал душераздирающую картину, наглядно продемонстрировав, как подобная бесчестность отражается на положении трудящихся масс. Простой рабочий, доверчивый и полный радужных надежд, свято верит каждому слову, напечатанному в газетах о великолепных статях Морского Ветерка; он морит голодом жену и детей, чтобы иметь возможность поставить на расхваленную лошадь; отказывает себе в кружке пива, лишь бы сэкономить лишний шиллинг;

накануне скачек он взламывает шляпной булавкой детскую копилку; и в конце концов оказывается обманутым самым бессовестным образом. Очень выразительно все это у Бинго получилось. Я видел, как старый Роуботем одобрительно кивает головой, а Бат с плохо скрытой завистью злобно глядит на оратора. Публика слушала Бинго, развесив уши.

— Но какое дело лорду Битлшему до того, что бедный рабочий потеряет свои сбережения, нажитые непосильным трудом? — заливался Бинго. — Вот что я вам скажу, дорогие товарищи и друзья, мы можем сколько угодно здесь митинговать, мы можем сколько угодно спорить и принимать резолюции, но единственное, что нам требуется, — это действовать! Действовать! Чтобы простые честные люди завоевали себе достойное место в этом мире, кровь лорда Битлшема и ему подобных должна хлынуть на мостовую Парк-Лейн!

Его речь была встречена одобрительным ревом; видимо, многие тоже поставили на Морского Ветерка и потому приняли его слова близко к сердцу. Битлшем бросился к дюжему полицейскому с печальной физиономией, который меланхолично наблюдал за происходящим, и, судя по всему, стал побуждать его вмешаться. Полицейский потеребил усы, печально улыбнулся, этим его вмешательство и ограничилось, и старый Битлшем вернулся назад ко мне, громко фыркая от возмущения.

— Чудовищно! Мне открыто угрожают, а полисмен не желает пальцем шевельнуть. Говорит, пустые слова. Ничего себе «слова»! Просто чудовищно!

— Вот именно! — подтвердил я, но мне показалось, я его не слишком утешил.

Слово взял товарищ Бат. Голос у него был, как труба архангела Гавриила, дикция великолепная, но завоевать расположение публики ему почему-то не удалось. Мне кажется, ему не хватало конкретных фактов. После речи Бинго слушателям хотелось чего-нибудь позабористее, чем абстрактные рассуждения про Общее Дело. Публика начала бесцеремонно перебивать оратора, и тут Бат замолк на полуслове и уставился на Битлшема.

В толпе решили, что у него сел голос.

— Пососи таблетку с ментолом, — крикнул кто-то. Товарищ Бат судорожным усилием взял себя в руки, и даже издали я увидел, как злобно засверкали его глаза.

— Ладно, товарищи! — прокричал он. — Можете надо мной смеяться, можете глумиться, можете издеваться, сколько вам вздумается. Но знайте: движение наше растет и крепнет с каждым днем и с каждым часом. В него

включаются представители так называемых высших классов. Чтобы не быть голословным, скажу, что здесь, сегодня, вот на этом самом месте, среди нас присутствует один из самых стойких наших борцов, племянник лорда Битлшема — того самого лорда Битлшема, чье имя вызвало ваше справедливое негодование всего несколько минут назад.

И прежде, чем Бинго успел сообразить, что сейчас произойдет, Бат сорвал с него фальшивую бороду. Как ни велик был успех, выпавший на долю Бинго, он ни в какое сравнение не шел с бурей восторга, обрушившейся на голову товарища Бата. Я услышал, как старый Битлшем крякнул от изумления, но все последующие его комментарии — если таковые были — потонули в громе аплодисментов.

Должен признаться, что в этой непростой ситуации Бинго проявил завидную решительность и присутствие духа. Не долго думая, он схватил товарища Бата за горло, явно желая оторвать ему голову. Впрочем, ему не удалось достичь на этом поприще сколько-нибудь ощутимых результатов, поскольку печальный полисмен очнулся от гипноза и вступил в игру: в следующую минуту он уже пробирался сквозь толпу с Бинго в правой руке и с товарищем Батом в левой.

— Пожалуйста, позвольте пройти, сэр, — вежливо попросил он, натолкнувшись на стоявшего у него на пути лорда Битлшема.

— А? Что? — пролепетал Битлшем: он еще не вышел из ступора.

Услышав дядин голос, Бинго выглянул из-под правой руки державшего его за шиворот полисмена, и в тот же миг вся его храбрость улетучилась, точно газ из проткнутого иглой воздушного шарика. Он поник, как увядшая водяная лилия, и молча прошаркал мимо. У него был вид человека, которому только что крепко накостыляли по шее.

Когда Дживс приносит мне утром чашку чая и ставит на столик рядом с кроватью, он либо молча выскальзывает из спальни, оставляя меня в одиночестве смаковать «Оолонг», либо почтительно топчется на ковре, и это значит, что ему нужно мне что-то сообщить. Проснувшись на следующий день после возвращения из Гудвуда, я лежал на спине и глядел в потолок и вдруг заметил, что Дживс все еще в спальне.

— А, Дживс, — сказал я. — Хотите мне что-то сказать?

— Мистер Литтл заходил час назад, сэр.

— В самом деле? Он рассказал вам про вчерашнее?

— Да, сэр. Его приход к вам как раз и был связан с последними событиями. Он решил уехать из Лондона и пожить некоторое время на лоне природы.

— Весьма разумная мысль.

— Именно так я ему и сказал, сэр. Однако на пути к осуществлению этого плана встала финансовая проблема. Я взял на себя смелость ссудить ему от вашего имени десять фунтов на текущие расходы. Надеюсь, вы ничего не имеете против, сэр?

— Разумеется, нет. Возьмите десятку на туалетном столике.

— Хорошо, сэр.

— Дживс, — сказал я.

— Сэр?

— Никак не могу взять в толк, как все это произошло. Я хочу сказать, как этому Бату удалось разнюхать, кто такой Бинго?

Дживс кашлянул.

— Боюсь, в какой-то мере это моя вина, сэр.

— Ваша? Каким образом?

— Кажется, я нечаянно раскрыл имя мистера Литтла в разговоре с мистером Батом.

Я сел на кровати.

— Что-о?

— Да, сэр, теперь я со всей определенностью припоминаю, как говорил ему, что преданность мистера Литтла Общему Делу заслуживает широкого общественного признания. Я горько сожалею, что стал невольной причиной временной размолвки между мистером Литтлом и его светлостью. Боюсь, в этом деле есть еще одна сторона. Я также несу ответственность за разрыв отношений между мистером Литтлом и юной леди, которая приходила к нам на чай.

Я снова сел на постели. Как ни странно, я до сих пор не подумал о положительных последствиях вчерашнего инцидента.

— Вы хотите сказать, что между ними все кончено?

— Окончательно и бесповоротно, сэр. Насколько я понял со слов мистера Литтла, он потерял надежду на успех в этом предприятии. Даже если не было бы иных препятствий, отец юной леди считает его обманщиком и шпионом, так сказал мне мистер Литтл.

— Будь я проклят!

— Сам того не желая, я доставил всем столько неприятностей, сэр.

— Дживс! — сказал я.

— Сэр?

— Сколько денег на туалетном столике?

— Помимо тех десяти фунтов, которые вы велели мне взять, сэр, там остались две пятифунтовые банкноты, три банкноты по одному фунту, десять шиллингов, две полкроны, флорин, четыре шиллинга, шесть пенсов

и полпенса, сэр.

— Забирайте все, — сказал я. — Вы их честно заработали.

Глава XIII БОЛЬШОЙ ГАНДИКАП ПРОПОВЕДНИКОВ

После завершения сезона в Гудвуде я обычно впадаю в состояние тоскливого беспокойства. Я не большой любитель тенистых дубрав, цветущих лугов, щебетания птиц и прочих сельских радостей, но в августе Лондон — не лучшее место на свете, и поневоле начинаешь думать: а не свалить ли куда-нибудь на природу да переждать, пока климат изменится к лучшему? Через две недели после феерического провала Бинго, о котором я вам рассказывал, Лондон превратился в пахнущую раскаленным асфальтом пустыню. Все мои приятели разъехались, театры позакрывались, а Пиккадилли перекопали вдоль и поперек.

Жара стояла адская. Я сидел у себя вечером в гостиной, собираясь с силами, чтобы добрести до спальни, и вдруг почувствовал, что дольше не выдержу. Когда из кухни появился Дживс с подносом, уставленным укрепляющими тело и душу напитками, я принял решение.

— Что за чудовищная жара, Дживс, — сказал я, утирая лоб и хватая ртом воздух, точно выброшенный на сушу карась.

— Погода и в самом деле угнетающая, сэр.

— Не одну содовую, Дживс.

— Хорошо, сэр.

— Хватит торчать в столице, Дживс, пора на волю. Ну что, двинем?

— Как скажете, сэр. Что-нибудь еще прикажете, сэр? — сказал Дживс, и поставил на стол поднос с письмом.

— Черт побери, Дживс, вы начали говорить стихами. У вас получилось в рифму — вы не заметили? — Я распечатал конверт. — Это надо же!

— Сэр?

— Вы бывали в Твинг-Холле?

— Да, сэр.

— Так вот, мистер Литтл сейчас там.

— В самом деле, сэр?

— Собственной персоной. Ему пришлось снова поступить в гувернеры.

После того жуткого скандала в Гудвуде, когда Бинго, оставшись без средств к существованию, стрельнул у меня десятку и усвистал в неизвестном направлении, я долго его повсюду разыскивал, справлялся у

общих знакомых, но никто ничего не знал. А он, оказывается, все это время скрывался в Твинг-Холле. Поразительно. Объясню, что здесь поразительного. Дело в том, что Твинг-Холл принадлежит лорду Уикеммерсли, давнему другу моего покойного папаши, поэтому мне разрешается приезжать туда в любое время без приглашения. Я каждое лето заваливаюсь к ним на пару недель и как раз решил направить туда свои стопы, а тут Дживс подает мне письмо.

— Мало того, мои кузены Клод и Юстас — вы помните их, Дживс?..

— Прекрасно помню, сэр.

— Так вот, они тоже там, готовятся к какому-то экзамену под руководством местного священника. Я в свое время тоже с ним занимался. Он большой мастак натаскивать учеников, не отягощенных избытком интеллекта. Да что говорить, даже мне удалось с его помощью проскочить вступительные в Оксфорд, неудивительно, что слава о нем разошлась далеко за пределы Глостершира. Но вообще это поразительное совпадение.

Я перечел письмо. Письмо было от Юстаса. Клод и Юстас — близнецы и известны широкой общественности как проклятие рода человеческого.

«Дом священника, Твинг, Глостершир

Дорогой Берти!

Хочешь разжиться денежками? Думаю, хочешь — я слышал, ты не очень успешно выступил в Гудвуде. Приезжай как можно скорее, у тебя есть шанс принять участие в самом крупном спортивном событии сезона. Все объясню при встрече, но можешь мне поверить: дело стоящее.

Мы с Клодом занимаемся в группе по подготовке к экзаменам у старины Хеппенстола. Нас тут девять человек, не считая твоего приятеля Бинго, который служит гувернером в Твинг-Холле.

Не упусти свой шанс — такой случай выпадает раз в жизни. С нетерпением ждем твоего приезда.

Юстас».

Я протянул письмо Дживсу. Тот его внимательно изучил.

— Страннейшее послание. Вы что-нибудь понимаете? — спросил я.

— Мистер Клод и мистер Юстас весьма пылкие юные джентльмены, сэр. Позволю себе высказать предположение: они снова что-то затеяли.

— Да, но что именно?

— Затрудняюсь сказать, сэр. Смею обратить ваше внимание, что на другой стороне тоже что-то написано.

— В самом деле? — Я выхватил у него письмо и на обороте обнаружил следующее:

«ГАНДИКАП ПРОПОВЕДНИКОВ

ВОЗМОЖНЫЕ УЧАСТНИКИ И СТАВКИ

Преп. Джозеф Такер (Баджвик), без форы.

Преп. Ленард Старки (Стейплтон), без форы.

Преп. Александр Джонс (Верхн. Бингли), фора три минуты.

Преп. У. Дике (Литтл Кликтон-он-де-Уолд), фора пять минут.

Преп. Фрэнсис Хеппенстол (Твинг), фора восемь минут.

Преп. Катберт Диббл (Баустед Парва), фора девять минут.

Преп. Орло Хаф (Баустед Магна), фора девять минут.

Преп. Дж. Дж. Роберте (Фейл-бай-де-Уотер), фора десять минут.

Преп. Г.Хейворд (Нижн. Бингли), фора двенадцать минут.

Преп. Джеймс Бейтс (Гэндл-бай-де-Хилл), фора пятнадцать минут.

Ставки: Такер, Старки — 5:2; Джонс — 3:1; Дике — 9:2; Хеппенстол, Диббл, Хаф — 6:1; все прочие — 100:8».

Абракадабра какая-то.

— Дживс, вы что-нибудь понимаете?

— Нет, сэр.

— Как бы там ни было, пожалуй, стоит съездить и разузнать подробнее.

— Вне всякого сомнения, сэр.

— Тогда вперед! Заверните в газету пару свежих воротничков и зубную щетку, пошлите лорду Уикеммерсли телеграмму о нашем приезде, слетайте на Паддингтонский вокзал и купите билеты на завтрашний пятичасовой поезд.

Пятичасовой поезд, как всегда, опоздал, и когда я добрался до Твинг-Холла, все уже переоделись к ужину. Побив национальный рекорд по надеванию смокингов и белых жилетов, я вихрем слетел вниз по лестнице в столовую и поспел к супу. Плюхнулся на свободный стул и обнаружил, что сижу рядом с Синтией — младшей дочерью лорда Уикеммерсли.

— Привет, старушка, — сказал я.

Мы с Синтией дружны с детства. Одно время мне даже казалось, будто я в нее влюблен. Впрочем, потом все само собой рассосалось. На редкость хорошенькая, веселая и привлекательная барышня, ничего не скажешь, но помешана на разных там идеалах. Может, я к ней несправедлив, но, по-моему, она считает, что мужчина должен делать карьеру и прочее. Помню, она с большой похвалой отзывалась о Наполеоне. Как бы там ни было, безумства юности растаяли, как дым, и теперь мы всего лишь добрые друзья. Я считаю, что она — классная девушка, а она считает меня чокнутым, так что мы прекрасно ладим.

— Привет, Берти. Значит, приехал?

— Выходит, так. Явился, не запылился. И прямо к ужину. Просвети, кто есть кто.

— В основном местная публика. Ты их почти всех знаешь. Ты наверняка помнишь полковника Уиллиса, Спенсеров…

— Еще бы. А вот и старина Хеппенстол. А этот другой священник, рядом с миссис Спенсер?

— Мистер Хейворд, из Нижнего Бингли.

— У вас здесь полным-полно священников. Вон еще один, рядом с миссис Уиллис.

— Это Бейтс, племянник мистера Хеппенстола. Преподает в Итоне. На время летних каникул замещает мистера Спеттигью, священника в Гэндл-бай-де-Хилл.

— То-то смотрю — знакомое лицо. Он учился на четвертом курсе в Оксфорде, когда я туда поступил. Пользовался большим успехом. Входил в сборную Оксфорда по гребле. — Я еще раз оглядел собравшихся за столом и заметил Бинго. — А, вот и он, — сказал я. — Вот он где, дурья башка.

— Кто?

— Бинго Литтл. Мой старый друг. Гувернер твоего брата.

— С ума сойти! Так он — твой друг?

— Еще какой! Мы с ним с детства знакомы.

— Послушай, Берти, как у него с головой?

— А что — с головой?

— Я не потому, что он твой приятель. Он так странно себя ведет…

— Что значит — странно?

— Ну, смотрит на меня с таким видом…

— С каким видом? Как именно? Можешь показать?

— Нет, тут полно народа.

— Ничего, я закрою тебя салфеткой.

— Хорошо, только быстро. Вот так.

Учитывая, что в ее распоряжении было всего полторы секунды, должен признать, что она отлично справилась: разинула рот, выпучила глаза, горестно склонила голову набок, и стала удивительно похожа на страдающего диспепсией теленка. Я мгновенно узнал симптомы.

— Ничего страшного, — сказал я. — Можешь не волноваться. Он просто в тебя влюблен.

— Влюблен? В меня? Какие глупости.

— Старушка, ты просто не знаешь Бинго. Он способен влюбиться в кого угодно.

— Спасибо за комплимент.

— Господи, я совсем не о том. Меня ничуть не удивляет, что он в тебя втрескался. Я и сам был в тебя когда-то влюблен.

— Когда-то? А теперь, значит, все быльем поросло? Да, Берти, ты сегодня явно в ударе!

— Ласточка моя, но ты сама, черт подери, дала мне от ворот поворот и чуть не померла от смеху, когда я сказал тебе…

— Ладно, чего уж там. Признаю — мы оба хороши… А он очень красивый, верно?

— Красивый? Бинго? Ну, знаешь!

— По сравнению с некоторыми, — сказала Синтия. Немного погодя леди Уикеммерсли подала сигнал, и дамы очистили помещение. Я хотел поговорить с Бинго, но мне не удалось, а когда мы перешли в гостиную, он куда-то исчез. В конце концов я нашел Бинго в его комнате: он валялся на кровати, задрав ноги на спинку, и курил. На покрывале рядом с ним лежал блокнот.

— Здорово, бездельник.

— Привет, Берти, — унылым тоном отозвался Бинго.

— Я и не подозревал, что ты окопался в Твинг-Холле. Стало быть, дядя перекрыл тебе кислород после заварушки в Гудвуде? Пришлось наняться в гувернеры?

— Верно, — лаконично подтвердил Бинго.

— Мог хотя бы сообщить свой адрес. Он мрачно нахмурился.

— Я нарочно никому не сказал. Хотелось от всех спрятаться. Сказать по правде, Берти, мне было очень паршиво. Солнце померкло…

— Странно. А в Лондоне стояла дивная погода.

— Птицы умолкли…

— Какие птицы?

— Черт подери, не все ли равно, какие! — с раздражением воскликнул

Бинго. — Просто птицы. Местные пернатые твари. Может, мне еще выписать для тебя их латинские названия? Признаюсь, Берти, это был страшный удар.

— Что за удар? — Я не поспевал за извивами его мысли.

— Я говорю о гнусном предательстве Шарлотты.

— А, ну да! — Бесчисленные любовные истории Бинго перепутались у меня в голове, и я совсем забыл про эту особу. Ну, конечно! Шарлотта Корде Роуботем! После скандала в Гудвуде она оставила его с носом и ушла к товарищу Бату.

— Я пережил адские муки. Впрочем, в последнее время я немного… э-э-э… утешился. Послушай, Берти, а как здесь оказался ты? Я не знал, что ты знаком с владельцами Твинг-Холла.

— Я? Да я их знаю с детства.

Бинго с громким стуком сбросил ноги со спинки кровати.

— Ты хочешь сказать, что давно знаком с леди Синтией?

— Конечно. Мне еще семи лет не было, когда мы повстречались.

— Ну и ну! — воскликнул он и в первый раз в жизни взглянул на меня чуть ли не с уважением. Он даже поперхнулся дымом от волнения. — Я люблю эту девушку, Берти, — прокашлявшись, объявил он.

— Что ж, она очень славная.

Он бросил на меня гневный взгляд.

— Как ты можешь говорить о ней таким обыденным тоном! Она — ангел. Ангел! Она ничего не говорила про меня во время обеда?

— Говорила.

— И что же она сказала?

— Я запомнил одну ее фразу. Она сказала, что считает тебя красавцем.

Бинго в экстазе закрыл глаза. Потом взял в руки блокнот.

— А теперь проваливай, старина, будь другом, — сказал он, и лицо его приняло отсутствующее выражение. — Мне нужно кое-что написать.

— Написать?

— Стихи, если тебе непременно нужно знать. Господи, я бы все отдал, — с горечью сказал Бинго, — чтобы ее звали не Синтия, а как-то иначе. Просто рехнешься, пока подберешь рифму. Как бы я развернулся, если бы ее звали Джейн!

На следующий день, когда за окном сияло раннее утро, а я еще лежал в постели, жмурясь от блеска солнечных лучей на туалетном столике, и поджидал Дживса с утренним чаем, что-то тяжелое плюхнулось мне на ноги, и голос Бинго оскорбил мой слух. Бездельник, как видно, поднялся

ни свет, ни заря.

— Выметайся, — сказал я. — Оставь меня в покое. Я не в состоянии никого видеть, пока не выпью чаю.

— Если Синтия смеется, — сказал Бинго, — голубеют небеса; как алмаз, блестит роса; вторит соловьиной трели свист пастушеской свирели, если Синтия смеется. — Он откашлялся и переключился на вторую передачу. — Если Синтия грустит…

— Что за чушь ты несешь?

— Это стихотворение, я написал его прошлой ночью для Синтии. Хочешь послушать дальше?

— Не хочу!

— Не хочешь?

— Нет. Я еще не пил чай.

В эту секунду вошел Дживс, и я с радостным криком принял из его рук чашку с животворным напитком. После нескольких глотков я взглянул на окружающий мир более благосклонно. Даже Бинго уже не так сильно осквернял пейзаж. После первой чашки я ощутил себя другим человеком и не только позволил дурню дочитать до конца его чертову ахинею, но даже раскритиковал рифмовку четвертой строчки пятого стиха. Мы все еще препирались по этому поводу, когда дверь распахнулась, и в комнату ввалились Клод и Юстас. Вот что меня убивает в сельских нравах: в такую несусветную рань жизнь в доме уже бьет ключом. Мне доводилось гостить в загородных домах, где хозяева регулярно вторгались в мои безгрешные сны в шесть тридцать утра и предлагали сбегать на озеро искупаться. Слава Богу, что в Твинг-Холле меня хорошо знают и дают спокойно позавтракать в постели.

Близнецы явно были рады меня видеть.

— Берти, старичок! — воскликнул Клод.

— Молодчина! — воскликнул Юстас. — Преподобный сказал нам, что ты приехал. Так и знал, что мое письмо тебя расшевелит.

— Можешь всегда смело ставить на Берти, — сказал Клод. — Спортсмен до мозга костей. Ну как, Бинго тебе уже все рассказал?

— Ни единого слова. Он…

— Мы обсуждали другую тему, — поспешно перебил меня Бинго.

Клод ухватил с подноса последний кусок хлеба с маслом, а Юстас налил себе чашку чая.

— Дело вот в чем, Берти, — сказал Юстас, поудобнее устраиваясь в кресле. — Ты уже знаешь из письма, что в этом Богом забытом месте нас здесь девять несчастных, мы готовимся к экзаменам под началом

Хеппенстола. Конечно, приятно потеть над латынью и греческим, когда жара градусов под сорок в тени, но иногда человеку нужно расслабиться. А в этой дыре, как на грех, нет никаких условий для культурного отдыха. Так вот, у Стеглза родилась идея. Стеглз тоже из нашей группы и, между нами, довольно мерзкий тип. Но нужно отдать ему должное — это была его идея.

— Какая идея?

— Ты ведь знаешь, сколько в здешних краях священников. В радиусе шести миль больше десяти деревушек, в каждой деревушке — своя церковь, в каждой церкви по приходскому священнику, и по воскресеньям все они произносят проповеди. На следующей неделе — в воскресенье, двадцать третьего августа — мы открываем тотализатор и проводим гандикап местных проповедников. Принимать ставки будет Стеглз. Продолжительность проповеди каждого из священников будет засекаться доверенным судьей-хронометристом, и выигрывает тот, кто прочтет самую длинную проповедь. Ты получил программу скачек?

— Я ни черта в ней не понял.

— Ну и болван: там же указаны форы и текущие ставки для каждого из участников. Если у тебя нет программы под рукой, вот тебе еще одна. Взгляни на нее внимательно. Тут все разжевано. Дживс, дружище, не хотите попытать счастья?

— Сэр? — спросил Дживс: он только что вплыл в спальню с моим завтраком.

Клод объяснил ему схему. Дживс, как всегда, все моментально понял, но в ответ лишь отечески улыбнулся.

— Спасибо, сэр, пожалуй, нет.

— Но ты-то примешь участие, Берти? — спросил Клод, запихивая в рот булочку с беконом. — Просмотрел список? Теперь скажи: ты ничего особенного не заметил?

Разумеется, заметил. Сразу же, едва взглянул.

— Это же верная победа старины Хеппенстола, — сказал я. — На блюдечке, и с бесплатной доставкой. В здешней округе нет ни одного проповедника, кто бы мог дать ему восемь минут форы. Ваш приятель Стеглз, я вижу, просто осел, если оценил его шансы подобным образом. Когда я занимался с Хеппенстолом перед поступлением в Оксфорд, он редко говорил в церкви меньше получаса, а его коронная проповедь на тему «О любви к ближнему» длилась по крайней мере сорок пять минут. Он что, утратил былой пыл?

— Ничего он не утратил, — сказал Юстас. — Расскажи ему, Клод, как все вышло.

— Значит, так, — сказал Клод, — в первое воскресенье, как мы приехали в Твинг, мы пошли в здешнюю церковь, и Хеппенстол произнес проповедь, которая не длилась и двадцати минут. А дело вот в чем. Стеглз не обратил внимания, да и сам преподобный сперва не заметил, но мы с Юстасом видели, как по пути на кафедру он выронил из папки с текстом проповеди несколько страниц. Потом он, конечно, обнаружил брешь, на секунду запнулся, но быстро нашелся и дочитал проповедь до конца. Вот почему у Стеглза сложилось впечатление, будто двадцать минут — это его предел. В следующее воскресенье мы прослушали Такера и Старки, оба разливались соловьем больше тридцати пяти минут, и Стеглз составил программу скачек в том виде, в каком ты ее видишь. Ты непременно должен участвовать, Берти. Беда в том, что я сейчас на мели, у Юстаса ни гроша за душой, и у Бинго в кармане пусто, поэтому тебе придется выступить в качестве спонсора нашего синдиката. И не надо, пожалуйста, корчить такую физиономию! Это же верное дело, осталось лишь нагнуться и подобрать наши денежки. Ладно, нам пора. Подумай, и к вечеру позвони мне. И если ты нас подведешь, Берти, мое кузенское проклятие да падет… Идем, Клод.

Чем дольше я размышлял, тем больше мне эта затея нравилась.

— Ну как, не соблазнились, Дживс? — спросил я.

Дживс ласково улыбнулся и выплыл из комнаты.

— Дживс напрочь лишен спортивного азарта, — заключил Бинго.

— Зато я не лишен. И готов участвовать. Клод прав — деньги, можно сказать, сами плывут в руки.

— Вот и молодец! — воскликнул Бинго. — Теперь и для меня забрезжил свет в конце тоннеля. Скажем, я ставлю десятку на Хеппенстола и выигрываю. Тогда я смогу поставить через две недели на Белую Стрелу в двухчасовом забеге в Гатувике. Получаю выигрыш и ставлю все на Выхухоль в забеге час тридцать в Льюисе. Выигрываю кругленькую сумму, с которой отправляюсь десятого сентября в Александра-Парк, где мне обещали шепнуть на ухо стопроцентный верняк.

Это напоминало «Быстрый и надежный способ заработать миллион фунтов».

— А уж тогда, — продолжал Бинго, — я могу смело идти к дяде. Ведь он большой сноб, и когда узнает, что я беру в жены графскую дочь…

— Послушай, старик, — не выдержал я, — тебе не кажется, что ты несколько опережаешь события?

— Нет, отчего же. Конечно, окончательно еще ничего не решено, но она призналась, что я ей нравлюсь

— Что?!

— Она сказала, что ее привлекают самостоятельные, мужественные, красивые мужчины, при этом спортивные, деятельные, обладающие сильным характером и честолюбием.

— Ради всего святого, проваливай, — сказал я. — Дай мне спокойно доесть яичницу.

Встав с постели, я сразу же поскакал к телефону и велел Юстасу прервать на время свои штудии и срочно поставить на твингского рысака — по десятке за каждого члена синдиката. После обеда Юстас позвонил мне и доложил, что сделал все, как я сказал, причем по более выгодной ставке семь к одному: расценки повысились по причине слухов из хорошо осведомленных кругов, что преподобный подвержен сенной лихорадке и сильно рискует, совершая утренние прогулки по цветущему лугу. В воскресенье утром я убедился, что мы на верном пути: старина Хеппенстол закусил удила и выдал на гора тридцатишестиминутный монолог «О вреде суеверий». Во время проповеди я сидел рядом со Стеглзом и заметил, что он побледнел. Стеглз был недомерок с крысиной мордочкой и бегающими глазками, весьма недоверчивый тип. Не успели мы выйти из церкви, как Стеглз официально заявил, что впредь ставки на преподобного Хеппенстола будут приниматься из расчета пятнадцать к восьми, и с раздражением добавил, что не мешало бы обратить внимание «Жокей клуба[122]» на такой подозрительный разброс в результатах, хотя теперь, конечно, уже ничего не докажешь. Такая грабительская ставка мгновенно охладила пыл игроков — ясно было, что большие денежки нам тут не светят. Наступило затишье, но во вторник после обеда, когда я прогуливался перед домом с сигаретой, к крыльцу подкатили на велосипедах Клод и Юстас, и я сразу понял: им не терпится сообщить важные новости.

— Берти, мы должны действовать, — взволнованно выпалил Клод. — Надо что-то придумать, иначе мы влипли!

— А что случилось?

— Не что, а кто: Г. Хейворд, — мрачно сказал Юстас. — Участник из Нижнего Бингли.

— Мы его с самого начала не принимали в расчет, — сказал Клод. — Проглядели его. Вот всегда так. Стеглз его проглядел. Мы все его проглядели. А сегодня утром проезжаем мы с Юстасом через Нижний Бингли и видим: в церкви венчание. Надо, думаем, зайти проверить, в какой Г.Хейворд форме, вдруг это темная лошадка.

— Слава Богу, что мы там оказались, — сказал Юстас. — Он толкнул речь на двадцать шесть минут — Клод засек по своему хронометру. И это на деревенской свадьбе! Представляешь, что будет, когда он развернется по-настоящему?

— У нас только один выход, Берти, — сказал Клод. — Ты должен выделить дополнительные средства, нам нужно подстраховаться и поставить на Хейворда.

— Но…

— Это наш последний шанс.

— Мы столько поставили на Хеппенстола — а теперь все псу под хвост!

— Но что же делать? Ты же не станешь утверждать, что наш преподобный в состоянии выиграть у Хейворда при такой форе?

— Вот оно, нашел! — воскликнул я.

— Что ты нашел?

— Я понял, как обеспечить выигрыш фавориту. Сегодня же загляну к Хеппенстолу и попрошу в качестве личного одолжения прочесть в воскресенье его коронную — «О любви к ближнему».

Клод и Юстас посмотрели друг на друга, как те парни в стихотворении, — «в немом оцепенении[123]».

— Послушай, а ведь это выход! — сказал Клод.

— Причем гениальный выход, — сказал Юстас. — Кто бы мог подумать, Берти, что ты на такое способен.

— И все же… — сказал Клод. — Допустим, эта проповедь и вправду нечто, но четыре минуты форы…

— Ничего страшного, — возразил я. — Я сказал, что проповедь на сорок пять минут, но я ошибся. Теперь я вспомнил, что никак не меньше пятидесяти.

— Тогда действуй! — сказал Клод.

Вечером я все уладил. Старик Хеппенстол с радостью согласился. Он был польщен и тронут тем, что я до сих пор помню его проповедь. Признался, что ему давно хочется снова ее прочесть, но он опасается, не длинновата ли она для сельской паствы.

— В наше суетное время, мой дорогой Вустер, — сказал он, — даже деревенские прихожане, которые не столь сильно заражены извечной спешкой, как столичные жители, даже они предпочитают проповеди покороче. Мы частенько спорим с моим племянником Бейтсом — к нему скоро перейдет приход моего давнего друга Спеттигью в Грэндл-бай-де-Хилл. Он считает, что в наш век проповеди нужно писать в форме яркого,

краткого и доходчивого обращения к пастве, минут на десять—двенадцать, не более.

— Я и сам не люблю длинных речей, — сказал я. — Но при чем тут ваша проповедь «О любви к ближнему»? Уж ее-то длинной никак не назовешь.

— Целых пятьдесят минут.

— Не может этого быть!

— Ваше удивление, мой дорогой Вустер, для меня чрезвычайно лестно. Тем не менее, смею вас уверить, что именно столько эта проповедь длится. А может быть, ее стоит несколько сократить, как вам кажется? Так сказать, подрезать ветви и проредить крону? К примеру, я мог бы опустить пространный экскурс в проблему брачных отношений у древних ассирийцев.

— Оставьте все как есть, слово в слово, иначе вы все испортите, — совершенно искренне сказал я.

— Что ж, мне очень приятно, что вы так думаете, я непременно прочту эту проповедь в ближайшее воскресенье.

Я всегда говорил и буду повторять до конца моих дней, что делать ставки, не располагая достоверной информацией из конюшни, безрассудно, бессмысленно и просто глупо. Никогда не знаешь, что из этого выйдет. Если бы все придерживались золотого правила ставить на «заряженную» лошадь,[124] гораздо меньше молодых людей сбивались бы с пути истинного. В субботу утром, когда я доедал завтрак в постели, в комнату вошел Дживс.

— Мистер Юстас просит вас к телефону, сэр.

— Господи, Дживс, что стряслось, как вы думаете? Должен признаться, что к этому времени нервы у меня уже стали ни к черту.

— Мистер Юстас не просветил меня на этот счет, сэр.

— Как вам показалось, он чем-то встревожен?

— Судя по голосу — в высшей степени, сэр.

— Знаете, что я думаю, Дживс? Наверняка что-то случилось с фаворитом.

— А кто фаворит, сэр?

— Мистер Хеппенстол. У него все шансы на победу. Он собирается прочесть свою знаменитую проповедь «О любви к ближнему» и должен опередить прочих участников с большим отрывом. Боюсь, с ним что-то случилось.

— Вы все узнаете, если поговорите по телефону с мистером Юстасом,

сэр. Он ждет.

— И в самом деле!

Я накинул халат и вихрем промчался по лестнице в холл. Едва я услышал голос Юстаса, я понял: мы влипли. В голосе Юстаса звучала мука.

— Берти?

— Да, привет.

— Целый час тащишься к телефону! Слушай, Берти, все накрылось. Фаворит спекся.

— Не может быть!

— Увы. Всю ночь кашлял у себя в конюшне.

— Этого только не хватало!

— Случилось то, чего мы боялись. У него сенная лихорадка.

— Черт бы его побрал!

— Сейчас у него врач, и через несколько минут его официально вычеркнут из списка участников. Вместо него на старт выйдет младший священник прихода, а на него надежды никакой. За него предлагают сто против шести, и никто до сих пор не поставил. Что будем делать?

Я молча обдумывал ситуацию.

— Послушай, Юстас, сколько сейчас дают за Г. Хейворда? — спросил я.

— Всего четыре к одному. Думаю, произошла утечка информации, и Стеглз что-то пронюхал. Вчера вечером он вдруг резко снизил расценки.

— Ладно, четыре против одного должно хватить. Поставь еще по пятерке на Г. Хейворда за каждого члена синдиката. Так мы, по крайней мере, не прогорим.

— Если он победит.

— Что значит «если»? Ты говорил, он верняк, второй после Хеппенстола.

— Я начинаю сомневаться, что на свете вообще есть такая штука, как верняк, — мрачно отозвался Юстас. — Говорят, вчера преподобный Джозеф Такер показал великолепное время в тренировочном забеге на собрании матерей[125] в Баджвике. Как бы там ни было, это наш единственный шанс. Ну, пока.

Я не входил в число официальных судей-хронометристов и имел возможность отправиться на следующее утро в любую церковь по своему усмотрению; естественно, я без колебаний выбрал Нижний Бингли. Правда, это в десяти милях от нас, и, значит, придется встать ни свет, ни заря, но я одолжил у одного из слуг велосипед и покатил в церковь. До сих

пор мне приходилось верить Юстасу на слово, что этот Г. Хейворд такой резвый скакун; я опасался, что в тот день, во время венчания, они переоценили его форму. Однако все мои сомнения рассеялись, едва он поднялся на кафедру. Юстас не ошибся — это было нечто. Высоченный, тощий, с седой бородой, он прямо со старта продемонстрировал высокий класс: после каждой фразы делал длиннейшие паузы, без конца откашливался, и уже через пять минут я не сомневался, что предо мной — победитель. Его привычка неожиданно замирать и в недоумении оглядывать церковь принесла нам несколько лишних минут, а на финишной прямой он меня окончательно покорил: уронил пенсне и долго молча шарил руками по полу. На двадцатиминутной контрольной отметке он лишь по-настоящему вошел в темп, двадцатипятиминутный рубеж он миновал без малейших признаков усталости. И когда он финишировал великолепным спуртом, секундомер показывал тридцать пять минут четырнадцать секунд. При положенной ему форе можно было не сомневаться, что победа у него в кармане. Преисполненный чувством благожелательности и bonhomie[126] ко всему человечеству, я вскочил на велосипед и покатил домой обедать. Когда я вернулся, Бинго разговаривал по телефону.

— Прекрасно! Отлично! Замечательно! — радостно восклицал он. — Что? Нет, насчет него можешь не беспокоиться. Ладно, я передам Берти. — Он повесил трубку. — А, Берти, привет, — сказал он. — Это Юстас звонил. Все в порядке, старина. Поступило сообщение из Нижнего Бингли. С большим отрывом победил Г. Хейворд.

— Я и не сомневался. Сам только что приехал оттуда.

— А, так ты там был? А я ездил в Баджвик. Такер отлично прошел всю дистанцию, но что он мог сделать при такой форе. У Старки заболело горло, и он сошел с круга. Роберте из Фейл-бай-де-Уотер пришел третьим. Молодчина Хейворд! — с нежностью произнес Бинго, и мы вместе вышли из дома на лужайку.

— Значит, известны уже все результаты? — спросил я.

— Все, кроме Гэндл-бай-де-Хилл. Но насчет Бейтса можно не беспокоиться. У него ни малейшего шанса. Кстати, бедняга Дживс продул свою десятку. Ну не дуралей?

— Дживс? Что ты хочешь сказать?

— Подошел ко мне сегодня утром, когда ты уже уехал в Бингли, и попросил поставить за него десять фунтов на Бейтса. Я объяснял ему, какая это глупость — все равно что выбросить деньги в помойку, но он и слушать не хотел.

— Прошу прощения, сэр. Эту записку принесли для вас сегодня утром после вашего отъезда.

Рядом стоял неизвестно откуда взявшийся Дживс.

— А? Что? Какую записку?

— Ее принес дворецкий преподобного мистера Хеппенстола, сэр. Она пришла слишком поздно, и я не смог вам ее вручить, сэр.

Бинго принялся отечески наставлять Дживса — советовал впредь не делать ставок, не разузнав, в какой форме находится лошадь. Мой вопль заставил его прикусить язык на середине фразы.

— Какого черта? — недовольно спросил он.

— Все пропало! Ты только послушай! И я прочитал ему записку:

«Твинг, Глостершир.
Дорогой Вустер!

Как вы, вероятно, уже знаете, по не зависящим от меня обстоятельствам я не смогу выступить с проповедью «О любви к ближнему», которую вы, со столь лестной для меня настойчивостью, просили меня прочесть. Тем не менее мне не хочется лишать вас этого удовольствия, так что если вы придете на утреннюю службу в церковь в Гэндл-бай-де-Хилл, вы сможете услышать, как эту проповедь прочтет мой племянник Джеймс Бейтс. По его настоятельной просьбе я передал ему текст проповеди — честно говоря, у меня были для этого дополнительные причины. Дело в том, что племянник претендует на должность директора престижной частной школы, и к настоящему времени список кандидатов сократился до двух человек, так что речь идет о выборе между ним и его соперником.

Вчера вечером Джеймс случайно узнал, что председатель правления школы собирается в воскресенье прийти на службу в его церковь, чтобы оценить его ораторские способности — решающий критерий при выборе кандидата на этот пост. Я пошел ему навстречу и передал текст проповеди «О любви к ближнему», о которой он, подобно вам, всегда отзывался самым лестным образом. У него не хватит времени, чтобы написать полноценную проповедь вместо той краткой речи, с которой он — в соответствии со своей ложной, как мне кажется, теорией — собирался обратиться к сельской пастве, и я решил помочь

мальчику.

Надеюсь, что после его проповеди у вас останутся столь же приятные воспоминания, как — по вашим словам — у вас сохранились после моей.

Засим остаюсь искренне ваш, Ф. Хеппенстол.

P.S. Из-за сенной лихорадки у меня сильно слезятся глаза, поэтому я диктую это письмо моему дворецкому, Брукфилду, который и доставит его вам».

Когда я дочитал до конца, наступила тишина, всеобъемлющая и почти осязаемая, как зимний туман в горах. Бинго несколько раз беззвучно икнул, на его лице отразилась целая гамма самых разнообразных чувств. Дживс негромко, деликатно кашлянул, точно овца, у которой в дыхательное горло попала травинка, и продолжал безмятежно любоваться пейзажем. Первым заговорил Бинго.

— Чтоб мне провалиться, — хрипло прошептал он. — Значит, вы ставили на «заряженную» лошадь!

— Полагаю, что это именно так называется, сэр, — сказал Дживс.

— Но каким образом, черт побери, вам удалось получить секретную информацию из конюшни? — сказал Бинго.

— Все очень просто, сэр, — ответил Дживс. — Когда Брукфилд принес для вас записку, он рассказал мне о ее содержании. Мы с ним давние приятели.

Лицо Бинго изобразило одновременно тоску, муку, ярость, отчаяние и обиду.

— Ну, знаете, я вам скажу, это уж слишком! — закричал он. — Читать чужую проповедь! Это нечестно! Непорядочно!

— Нет, старичок, — сказал я, — ты несправедлив. Не вижу здесь никакого нарушения правил. Священники сплошь и рядом так поступают. Вовсе не обязательно, чтобы они сами сочиняли свои проповеди.

Дживс снова кашлянул и невозмутимо взглянул мне в лицо.

— В данном случае, сэр, если мне позволено будет высказать свое мнение, следует быть особенно снисходительным. Не надо забывать, что место директора школы очень много значит для молодой четы.

— Для четы? Какой еще четы?

— Для преподобного Джеймса Бейтса и леди Синтии, сэр. Как мне сообщила горничная ее светлости, они уже несколько недель помолвлены

— так сказать, в предварительном порядке: его светлость дал свое согласие с условием, что мистер Бейтс сумеет получить солидную и хорошо оплачиваемую должность.

Бинго позеленел, как болотная трава.

— Она выходит за него замуж?

— Да, сэр.

Снова наступило молчание.

— Пожалуй, я пойду пройдусь, — сказал Бинго.

— Как же так, старичок, — сказал я, — время обедать, вот-вот прозвенит гонг.

— Не нужны мне никакие обеды! — сказал Бинго.

Глава XIV ЧЕСТНАЯ ИГРА

Жизнь в Твинге потекла своим чередом. Заняться здесь нечем, особых развлечений и чего-то из ряда вон ждать не приходится. Самым крупным событием здешней культурной жизни в обозримом будущем был ежегодный школьный праздник. Оставалось лишь бродить по окрестностям, играть в теннис и всеми силам избегать общества Бинго.

Последнее особенно важно для всякого, кому дорог душевный покой: после помолвки Синтии бедняга Бинго едва не рехнулся от горя; он то и дело подкарауливал меня, чтобы излить свою скорбь. Наконец я не выдержал — он ввалился ко мне в спальню, когда я наслаждался завтраком в постели. После обеда или после хорошего ужина я могу стерпеть его стоны, но только не во время завтрака. Мы, Вустеры, всегда готовы к состраданию и сочувствию, но всему есть предел.

— Послушай, старина, — сказал я. — Знаю, твое сердце разбито и все такое прочее, и с удовольствием послушаю об этом как-нибудь в другой раз, но…

— Я хотел поговорить совсем о другом.

— О другом? Вот это молодец!

— Я похоронил прошлое, — сказал Бинго. — И не будем больше о нем вспоминать.

— Хорошо, не будем.

— Душа моя разрывается от горя, но, прошу тебя, не надо об этом.

— Договорились.

— Не обращай внимания на мои муки. Забудь о них.

— Уже забыл.

Наконец-то он начал рассуждать разумно.

— Берти, я пришел спросить, — сказал он и вытащил из кармана листок бумаги, — не хочешь ли ты снова попытать счастья.

Чем-чем, а спортивным азартом Бог Бустеров не обидел. Я проглотил последний кусок сосиски, подложил под спину подушку и приготовился слушать.

— Продолжай, бледнолицый, — сказал я. — Твои слова меня не на шутку заинтересовали.

Бинго развернул листок и положил его на кровать.

— Как тебе известно, на следующей неделе проводится ежегодный школьный праздник, — сказал он. — Лорд Уикеммерсли предоставляет

свое поместье. Будут разные игры, метание кокосовых орехов, фокусник, чай под навесом. А также спортивные состязания.

— Да, Синтия мне говорила. Бинго поморщился.

— Пожалуйста, не упоминай при мне это имя. Я же не каменный.

— Извини.

— Как я уже говорил, эта петрушка начнется в следующий понедельник. Ну как — рискнем?

— Рискнем? Чем рискнем?

— Я про спортивные состязания. Стеглз так хорошо заработал на проповедниках, что решил устроить тотализатор на школьных состязаниях. Пари будут приниматься как по первоначальным ставкам, так и перед выходом на старт, по желанию игроков. Мне кажется, дело стоящее.

Я нажал на кнопку звонка.

— Мне нужно посоветоваться с Дживсом. Я никогда не ввязываюсь ни в какие игры, не узнав его мнения. Дживс, — сказал я, когда он бесшумно вплыл в спальню. — Как насчет того, чтобы сплотиться?

— Сэр?

— Приведите ваш мозг в боевое положение. Нам требуется ваш совет.

— Хорошо, сэр.

— Давай, Бинго, расскажи, в чем дело. Бинго изложил суть.

— Что вы на это скажете, Дживс? — спросил я. — Стоит рискнуть?

Дживс задумался.

— Я склонен поддержать эту идею, сэр, — сказал он. Этого для меня достаточно.

— Отлично, — сказал я. — Значит, мы создаем синдикат. Я предоставляю деньги, вы — ваш гениальный мозг, а Бинго… А что ты можешь вложить в общее дело, Бинго?

— Если ты за меня поставишь, я подскажу победителя в «Беге в мешках» для матерей, — сказал Бинго. — А после выигрыша с тобой рассчитаюсь.

— Прекрасно. Ты возглавишь «Отдел информации». А какие виды включены в программу?

Бинго сверился с бумажкой.

— Первым пунктом стоит забег на пятьдесят ярдов для девочек младше четырнадцати.

— Что вы на это скажете, Дживс?

— Ничего не могу сказать, сэр. Полное отсутствие информации.

— Следующий вид программы?

— «Животное и картошка», смешанные пары, мальчики и девочки

всех возрастов.

Что-то новенькое, во всяком случае, для меня. Никогда не слышал о таких состязаниях.

— А что это?

— Очень азартная штука, — сказал Бинго. — Участники выступают парами, каждой паре дается картофелина и присваивается имя какого-нибудь животного. Предположим, ты выступаешь в паре с Дживсом. Дживс стоит неподвижно и держит в руках картофелину. Тебе на голову надевают мешок, твоя цель — найти Дживса; при этом ты мяукаешь, как кошка, и Дживс тоже мяукает. Другие участники мычат, как коровы, хрюкают, как свиньи, или лают, как собаки, и так далее.

Я прервал его монолог.

— Для любителей домашних животных, может, оно и весело, — сказал я. — Но в целом…

— Совершенно справедливо, сэр, — сказал Дживс. — Я бы не рискнул.

— Невозможно ничего предсказать.

— Вот именно, сэр. Очень сложно оценить форму участников.

. — Продолжай, Бинго. Что там дальше?

— Состязание матерей — «Бег в мешках».

— Ага! Это уже лучше. Тут у тебя есть какие-то сведения.

— Верная победа миссис Пенуорти, жены владельца табачной лавки, — сказал Бинго. — Вчера я зашел купить сигарет, и она призналась, что три раза выигрывала подобные соревнования на ярмарке в Вустершире. Она совсем недавно переехала в эти края, и здесь никто не догадывается о ее талантах. Мисс Пенуорти пообещала пока держаться в тени, так что расценки могут оказаться весьма выгодными.

— Ну что, поставим по десятке, Дживс?

— Стоит попробовать, сэр.

— «Яйцо на ложке», открытый забег для девочек, — прочел Бинго.

— Как насчет яиц?

— Думаю, пустая трата средств, сэр, — сказал Дживс. — Все в один голос утверждают, что победит прошлогодняя чемпионка, Сара Миллз, и ставки на нее будут соответствующие.

— Она и впрямь так хороша?

— В деревне говорят, что она безукоризненно несет яйцо, сэр.

— Есть еще бег с препятствиями, — сказал Бинго. — На мой взгляд, рискованная штука. Все равно что делать ставки на «Гранд нэшнл[127]». Конкурс отцов на лучшее украшение шляпы — тут тоже трудно что-либо

предсказать. Остается бег на сто ярдов для певчих церковного хора мальчиков на приз приходского священника; к состязанию допускаются все участники хора, у которых ко второму воскресенью после Крещения не сломался голос. В прошлом году легко победил Уилли Чамберз при форе пятнадцать ярдов. В этом году его скорее всего не допустят к соревнованиям. Не знаю, что и сказать.

— Позвольте мне высказать свои соображения по этому поводу, сэр.

Я с интересом наблюдал за Дживсом. Никогда прежде я не видел его в таком возбуждении.

— У вас такой вид, словно вы получили туза в прикупе, Дживс.

— Получил, сэр.

— Козырного?

— Именно так, сэр. Могу со всей уверенностью утверждать, что победитель забега на сто ярдов находится с нами под одной крышей, сэр. Я говорю про мальчика-слугу, Харольда.

— Харольд? Это тот жирный коротышка в пуговицах, что целыми днями слоняется по дому? Ну знаете, Дживс, никто больше меня не ценит ваше мнение по части спортивной формы, но будь я проклят, если у Харольда есть хоть малейшие шансы. Он похож на перекормленного купидона и, как ни посмотришь, вечно спит на ходу.

— У него фора тридцать ярдов, а он может победить и без форы. Мальчишка — прирожденный спринтер.

— С чего вы взяли?

Дживс прочистил горло, и в глазах у него появилось мечтательное выражение.

— Я не меньше вашего удивился, сэр, когда впервые обнаружил у него эти феноменальные способности. Как-то утром я погнался за ним, хотел дать ему подзатыльник…

— Господи, Дживс! Вы?!

— Да, сэр. Мальчик чрезмерно прямодушен, он позволил себе оскорбительные замечания по поводу моей внешности.

— И что же он сказал?

— Не помню, сэр, — сухо сказал Дживс. — Но нечто оскорбительное. Я хотел его проучить, но он без труда опередил меня на добрые двадцать ярдов и скрылся.

— Но это же просто фантастика, Дживс! Хотя, постойте — если он такое чудо природы, почему никто в деревне об этом не знает? Он же наверняка играет с другими мальчиками?

— Нет, сэр. Харольд — слуга его светлости, и не желает водиться с

деревенскими.

— Ага, он к тому же сноб.

— Он придает большое значение различию между классами, сэр.

— А вы твердо уверены в его выдающихся спринтерских способностях? — спросил Бинго. — Я хочу сказать, в таких делах нужно знать наверное.

— Если вы желаете лично убедиться, сэр, мне ничего не стоит устроить пробный забег.

— Признаться, так мне было бы спокойнее, — сказал я.

— Тогда, если мне будет позволено взять шиллинг из тех денег, что лежат на туалетном столике…

— Зачем вам шиллинг?

— Я дам его Харольду с условием, что он сделает какое-нибудь оскорбительное замечание по поводу величественной походки второго лакея, сэр. Сам Чарльз чрезвычайно высокого мнения о своей выправке, и наверняка заставит нашего бегуна показать все, на что он способен. Если вы соблаговолите подойти через полчаса к окну в коридоре на втором этаже, которое выходит на задний двор…

Никогда в жизни я так быстро не одевался, как в тот раз. Обычно я наряжаюсь не спеша, с большой тщательностью: по нескольку раз перевязываю галстук, разглядываю, как сидят брюки; но в то утро я был так возбужден, что мне было не до галстуков. Я надел первое, что подвернулось под руку, и уже за четверть часа до назначенного срока стоял у окна вместе с Бинго.

Окно в коридоре выходит на мощеный внутренний двор, обнесенный высокой оградой с проходом в виде арки. До арки ярдов двадцать, за стеной начинается дорога и через тридцать ярдов скрывается в густом кустарнике. Я поставил себя на место парнишки и попытался представить, что бы я стал делать, если бы за мной гнался второй лакей. Очевидно, мне бы не оставалось ничего иного, как дунуть со всех ног к кустарнику и спрятаться в чаще. А для это нужно пробежать не менее пятидесяти ярдов. Что ж, превосходная проверка. Если старине Харольду удастся добежать до кустов прежде, чем его настигнет второй лакей, ни один певчий в Англии не сможет дать ему тридцать ярдов форы на стоярдовой дистанции. Я дрожал от нетерпения, мне казалось, что прошла целая вечность, как вдруг снаружи послышались неясные звуки, и на задний двор выкатилось нечто похожее на голубой шар, облепленный множеством пуговиц, и понеслось к арке с резвостью мустанга-трехлетки. Через две секунды на сцене появился второй лакей и изо всех сил припустил за ним.

Это было великолепно. Просто великолепно. Мальчишка не оставил сопернику никаких шансов. Задолго до того, как второй лакей пробежал половину дистанции, Харольд уже скрылся в зарослях и швырял оттуда камни в своего преследователя. Я отошел от окна, потрясенный до глубины души; встретив на лестнице Дживса, я от волнения едва не схватил его за руки.

— Дживс, — сказал я. — Вы меня убедили. Вустер ставит на этого мальчика последнюю рубашку.

— Очень хорошо, сэр, — сказал Дживс.

Игра на тотализаторе в небольшом местечке имеет один недостаток: напав на золотую жилу, нельзя по-настоящему развернуться — другие игроки тотчас пронюхают и заподозрят неладное. Физиономия у Стеглза прыщавая, но котелок варит нормально, и если бы я поставил на Харольда действительно крупную сумму, он тотчас же понял бы, что тут дело нечисто. Я все же рискнул сделать приличные ставки для всех участников синдиката, хотя гораздо меньше, чем мне хотелось. Стеглз явно забеспокоился. Он даже начал расспрашивать в деревне о Харольде, но ничего не узнал, и в конце концов, видимо, решил, что я полагаюсь на тридцатиярдовую фору. Больше всего ставок делалось на победу Джимми Гуда, получившего фору в десять ярдов (выплата семь к одному) и на Александра Батлерта с форой в шесть ярдов (одиннадцать к четырем). За прошлогоднего фаворита Уилли Чамберса предлагали два к одному, но никто пока на него не поставил.

Мы решили не полагаться на волю случая в таком серьезном деле и, оформив пари на прекрасных условиях — сто к двенадцати, принялись серьезно тренировать Харольда. Это оказалось весьма утомительным делом, теперь я понимаю, отчего все знаменитые тренеры так угрюмы, молчаливы, с печатью пережитых страданий на лицах. Оказалось, что мальчишку ни на секунду нельзя оставлять без присмотра. Мы твердили ему о грядущей славе, о том, как будет гордиться его мать, когда узнает, что он выиграл настоящий кубок — все без толку. Как только он понял, что тренироваться означает не курить, не обжираться макаронами и делать физические упражнения, он всеми силами старался увильнуть от тренировок, и только благодаря неусыпной бдительности нам удавалось держать его хоть в какой-то форме. Что касается собственно тренировок, мы — с помощью второго лакея — наладили отработку коротких спуртов по утрам. Пришлось, конечно, раскошелиться, но тут уж ничего не поделаешь. Гораздо труднее было заставить его соблюдать спортивный режим. Попробуйте держать мальчишку в форме, если, стоит дворецкому

отвернуться, он прикладывается к бутылке в буфетной или кладет в карман пригоршню турецких сигарет из курительной комнаты. Оставалось надеяться лишь на его выдающийся спринтерский талант.

Однажды вечером Бинго вернулся после гольфа и рассказал историю, которая меня не на шутку встревожила. После обеда он — со спортивно-оздоровительными целями — брал с собой на гольф Харольда в качестве подносчика клюшек.

Сначала дуралей Бинго воспринял это происшествие лишь с комической стороны. Можно сказать, весь искрился весельем, когда мне рассказывал.

— Послушай, сегодня днем я чуть со смеху не лопнул, — сказал он. — Ты бы видел физиономию Стеглза.

— Стеглза? А что случилось?

— Он буквально остолбенел, когда увидел, как бегает Харольд.

Сердце у меня сжалось от мрачных предчувствий.

— Только этого не хватало! Ты что же, позволил Харольду бежать при Стеглзе?

У Бинго лицо вытянулось.

— Черт возьми, я, кажется, свалял дурака, — мрачно сказал Бинго. — Впрочем, я тут ни при чем. Мы со Стеглзом играли в гольф и, когда закончили партию, зашли в бар гольф-клуба выпить, а Харольд остался на улице с клюшками. Через пять минут выходим, смотрим — мальчишка на гравиевой дорожке отрабатывает дальний удар: изо всей силы лупит по камням лучшей клюшкой Стеглза. Когда он нас увидел, то бросил клюшку и с быстротой молнии скрылся за горизонтом. Стеглз просто онемел. Должен сказать, я и сам был поражен. Он еще никогда так не бегал. Досадно, конечно, что так вышло; но, с другой стороны, — повеселел Бинго, — какое это имеет значение? Ставки сделаны, причем на отличных условиях. Даже если все узнают о талантах Харольда — не велика беда. Он выйдет на старт фаворитом, нам это никак не повредит.

Мы с Дживсом переглянулись.

— Повредит, если он вовсе не выйдет на старт.

— Совершенно верно, сэр.

— Что вы хотите сказать? — спросил Бинго.

— А то, что Стеглз может вывести его из строя до начала забега, — ответил я.

— Ах, черт! Об этом я не подумал. — Бинго побледнел. — Ты это серьезно?

— Вполне. Во всяком случае, попытается. Стеглз на все способен. Отныне, Дживс, мы будем беречь Харольда, как зеницу ока.

— Конечно, сэр.

— Неусыпная бдительность, верно?

— Именно так, сэр.

— Дживс, а вы не согласитесь ночевать в его комнате?

— Нет, сэр.

— Понятно, я бы и сам не согласился, если на то пошло. Но, черт меня подери, — сказал я, — мы сами себе накручиваем Бог знает что! Нервы совсем развинтились. Так не пойдет. Как может Стеглз навредить Харольду, даже если решится?

Но Бинго был безутешен. С ним всегда так: чуть что, ему сразу все видится в мрачном свете.

— Есть множество способов вывести фаворита из строя, — замогильным голосом произнес он. — Ты просто не читаешь романы про скачки. В книге «Смерть на финише» лорд Джеспер Молверерас чуть было не вывел из игры Красотку Бетси: подкупил главного конюха, чтобы тот подложил в седло кобру в ночь перед скачками.

— Как велики шансы, что Харольда укусит кобра, Дживс?

— Полагаю, они ничтожно малы, сэр. И даже если это произойдет, будучи близко знакомым с этим молодым человеком, смею утверждать, что опасность угрожает исключительно самой змее.

— И все же — неустанная бдительность, Дживс.

— Разумеется, сэр.

Должен признаться, что после этого Бинго стал просто невыносим. Согласен, когда у тебя в конюшне фаворит предстоящих крупных скачек, нужно принять меры предосторожности; но, на мой взгляд, Бинго явно перестарался. Башка у него была битком набита романами про скачки. А в этих книжках, насколько я понял, прежде чем лошадь дойдет до старта, делается не менее десятка попыток вывести ее из игры. Бинго буквально не отлипал от Харольда. Ни на секунду не выпускал беднягу из виду. Конечно, для него выигрыш значил очень много: он сможет бросить работу гувернера и вернуться в Лондон; и тем не менее совсем не обязательно было две ночи подряд будить меня в три часа: в первый раз ему пришло в голову, что Харольда могут отравить и поэтому мы должны сами готовить для него пищу, а во второй раз ему послышались подозрительные шорохи в кустах. В довершение всех бед, он заявил, что в воскресенье, накануне состязаний, я должен пойти на вечернюю службу в местную церковь.

— Какого черта мне туда идти? — возмутился я; должен признаться, я не большой любитель вечерних проповедей.

— Видишь ли, сам я пойти не могу. Меня здесь в воскресенье не будет. Сегодня уезжаю в Лондон с Эгбертом. — Эгберт — это сын лорда Уикеммерсли, подопечный Бинго. — Он едет в гости куда-то в Кент, и мне нужно посадить его на поезд на Чаринг-Кросском вокзале. Ужасно досадно. Я вернусь только в понедельник днем. Скорее всего, пропущу большую часть состязаний. Так что теперь все зависит от тебя, Берти.

— Но почему кто-то из нас должен тащиться на вечернюю службу?

— Осел! Ты забыл, что Харольд поет в церковном хоре?

— Ну и что с того? Я что, должен следить, чтобы он не свернул себе шею, когда будет брать верхнее «ля»?

— Дурак! Стеглз тоже поет в хоре. А вдруг он замыслил какую-то подлость?

— Какая чушь!

— Ты полагаешь? — сказал Бинго. — А вот в романе «Фенни, девушка-жокей», злодей похитил наездника, который должен был скакать на фаворите, в ночь накануне скачек, а лошадь никого другого не подпускала, и если бы героиня не переоделась в его форму…

— Ну хорошо, хорошо. Впрочем, может, проще вообще не пускать Харольда в церковь в это воскресенье?

— Нет, он обязательно должен там быть. Ты, должно быть, воображаешь, что этот треклятый отрок — кладезь добродетелей и всеобщий любимец? Репутация у него в деревне самая скверная. Он столько раз пропускал занятия в хоре, что священник пообещал: еще один прогул — и он его выставит. Хороши мы будем, если его исключат из хора накануне состязаний!

Возразить на это было нечего, пришлось мне тащиться в церковь.

Ничто не вызывает такого умиротворения и такой дремоты, как вечерняя служба в деревенской церкви. Чувство заслуженного покоя после прекрасного дня. Старина Хеппенстол возвышался на кафедре, и его монотонный блеющий голос навевал приятные мысли. Дверь в церковь была открыта, и аромат деревьев и жимолости смешивался с запахом плесени и воскресной одежды прихожан. Вокруг в покойных позах посапывали фермеры; дети, которые в начале службы ерзали и вертелись, в изнеможении откинулись на спинки скамеек и впали в коматозное состояние. Сквозь витражные стекла в церковь проникали лучи заходящего солнца, с деревьев доносилось щебетание птиц, в тишине чуть слышно

поскрипывали платья прихожанок. Полное умиротворение. Именно это я и хотел сказать. На душу мою снизошли мир и покой. И на души всех присутствующих тоже. Вот почему, когда грянул взрыв, показалось, что наступил конец света.

Я говорю «взрыв», потому что по произведенному впечатлению это можно сравнить лишь со взрывом. Только что вокруг царила дремотная тишина, нарушаемая лишь блеянием Хеппенстола, толкующего о долге перед ближними, и вдруг истошный пронзительный вопль штопором ввинчивается вам промеж глаз, пробегает по позвоночнику и выходит наружу через подошвы башмаков.

— И-и-и-и-и-и! О-о-и-и! И-и-и-и-и-и!

Казалось, нескольким тысячам поросят одновременно прищемили хвосты; в действительности, это визжал наш друг Харольд, с ним случился какой-то странный припадок. Он подпрыгивал на месте, хлопал себя рукой между лопаток и, набрав полные легкие воздуха, принимался визжать с новой силой.

В разгар проповеди во время вечерней службы такое не может остаться незамеченным. Прихожане вышли из транса и полезли на скамейки, чтобы лучше видеть. Хеппенстол замолк посреди фразы и обернулся. И только церковные сторожа не потеряли присутствия духа, бросились по проходу к Харольду, который все еще продолжал вопить, и вывели его прочь. Они скрылись в ризнице, а я взял шляпу и направился к служебному входу, полный самых мрачных предчувствий. Я так и не понял, что же произошло, но что-то подсказывало мне: без Стеглза здесь дело не обошлось.

Служебный вход оказался заперт, а когда его наконец открыли, служба уже закончилась. Хеппенстол стоял в окружении певчих и церковных служащих и с жаром отчитывал злосчастного Харольда. Я застал конец его пылкой речи.

— Паршивый мальчишка! Как ты посмел…

— У меня очень чувствительная кожа!

— Какое мне дело до твоей кожи…

— Кто-то сунул мне жука за шиворот!

— Какая чепуха!

— Я чувствовал, как он там ползает..

— Чушь!

— Да, звучит не слишком убедительно, — услышал я чей-то голос.

Рядом со мной стоял Стеглз, черт бы его побрал. На нем был

белоснежный стихарь, или сутана, или как там это у них называется, выражение лица строгое и укоризненное. Я сурово на него взглянул, но этот наглец даже бровью не повел.

— Это вы сунули ему жука за шиворот? — закричал я.

— Я? — сказал Стеглз. — С чего вы взяли!

Судьба Харольда была решена, и Хеппенстол огласил приговор:

— Я не верю ни единому твоему слову, дрянной мальчишка! Я тебя предупреждал, хватит, мое терпение лопнуло. Ты исключен из хора. Ступай прочь, несчастный!

Стеглз потянул меня за рукав.

— В таком случае, — сказал он, — эти ваши ставки… вы понимаете… Мне очень жаль, но плакали ваши деньги, старина. Надо было делать ставку прямо перед забегом. Я всегда говорил, что это самый надежный способ.

Я смерил его долгим взглядом. Не скажу, чтобы очень любезным.

— А еще говорят о Честной Игре! — сказал я, постаравшись вложить в свои слова как можно больше яда.

Дживс принял удар стойко, но, думаю, в глубине души он был уязвлен.

— Мистер Стеглз весьма изобретательный молодой джентльмен, сэр.

— Вы хотите сказать жулик, каких свет не видел.

— Пожалуй, это более точное определение. Тем не менее в большом спорте сплошь и рядом прибегают к подобным трюкам, тут уж ничего не поделаешь.

— Я восхищен вашей несокрушимой стойкостью, Дживс.

Дживс поклонился.

— Теперь вся надежда на миссис Пентуорти, сэр. Если она. оправдает восторженные отзывы мистера Литтла и подтвердит свой высокий класс, наш выигрыш скомпенсирует наши потери.

— Слабое утешение, ведь мы рассчитывали сорвать большой куш.

— У нас есть возможность закончить сезон с положительным балансом, сэр. Перед отъездом я убедил мистера Литтла поставить от имени нашего синдиката, в который вы столь любезно согласились меня включить, сэр, небольшую сумму на победителя в беге с яйцом.

— На Сару Миллз?

— Нет, сэр. На темную лошадку, за нее предлагают очень хорошие выплаты. Я говорю о Пруденс Бакстер, сэр, дочери главного садовника его светлости. Ее отец уверяет, что у нее очень твердая рука. Она ежедневно носит ему из дома кружку пива на обед и, по его словам, ни разу не

расплескала ни капли.

Что ж, видно, рука у этой Пруденс и вправду твердая. Но вот скорость? С такими опытными соперницами, как Сара Миллз, все решит скорость, тут без хороших спринтерских данных делать нечего.

— Я прекрасно понимаю, что у нее не слишком много шансов на победу, сэр. И тем не менее, мне кажется, стоит рискнуть.

— Вы, надеюсь, поставили и на призовое место?

— Да, сэр. И на победу, и на призовое место.

— Тогда все в порядке. Я знаю, что вы никогда не ошибаетесь.

— Большое спасибо, сэр.

Обычно я стараюсь держаться от школьных праздников подальше. Тоска смертная. Но тут дело было настолько серьезным, что я пересилил себя и направился в парк. Мои опасения насчет убогости мероприятия оправдались в полной мере. День выдался погожим, и в парке было не протолкнуться от окрестных крестьян. Дети сновали взад и вперед. Я стал пробираться сквозь толпу к месту финиша бега в мешках, как вдруг какая-то девочка взяла меня за руку. Мы не были представлены, но она, видимо, сочла, что мне будет интересно послушать про ее куклу, которую она только что выиграла в лотерею «Тяни на счастье[128]», и принялась болтать о ней без умолку.

— Ее зовут Гертруда, — сказала она. — Каждый вечер я буду ее раздевать и укладывать спать, а утром будить и одевать, а вечером снова раздевать и укладывать спать, а на следующее утро будить и одевать…

— Послушай, дорогуша, — сказал я. — Все, что ты говоришь, ужасно интересно, но нельзя ли покороче? Мне обязательно надо посмотреть, как закончится этот забег. Вустер поставил на него все свое состояние.

— Я тоже участвую в состязаниях, — сказала она, решив на время отойти от кукольной тематики и поддержать светскую беседу.

— Вот как? — сказал я. Я слушал ее вполуха, пытаясь разглядеть сквозь просветы в толпе, что делается на финише. — В каких состязаниях?

— В беге с яйцом на ложке.

— В самом деле? Ты, случайно, не Сара Миллз?

— Еще чего, — с презрением сказала она. — Я Пруденс Бакстер.

Естественно, это сообщение перевело наши отношения в другую плоскость. Я взглянул на нее с интересом. Так, значит, она из нашей конюшни. Должен признаться, вид у нее совсем не спринтерский. Маленького роста и весьма упитанная. Немного не в форме, на мой взгляд.

— Значит, ты Пруденс, — сказал я. — Знаешь что, ты бы не носилась

без толку по жаре. Побереги силы, старушка. Присядь в тенечке и отдохни.

— Мне не хочется сидеть.

— Во всяком случае, успокойся.

У Пруденс, как видно, была манера перепархивать с одной темы на другую, как бабочка с цветка на цветок.

— Я хорошая девочка, — сказала она.

— Не сомневаюсь. Надеюсь, что ты хороша и в беге с яйцом на ложке.

— Харольд — плохой мальчик. Харольд шумел в церкви, и ему не разрешили прийти на праздник. Так ему и надо, — продолжала эта достойная представительница прекрасного пола, с добродетельным видом наморщив носик, — потому что он плохой мальчик. Он дергал меня за волосы, в пятницу. Харольд не пойдет на праздник. Харольд не пойдет на праздник. Харольд не пойдет на праздник, — пропела она, да так ловко, что получилась настоящая песенка.

— Пожалуйста, не сыпь мне соль на рану, милая дочь садовника, — взмолился я. — Сама того не подозревая, ты затрагиваешь весьма болезненную тему.

— А, дорогой Вустер! Я вижу, вы уже подружились с этой юной леди?

Хеппенстол прямо-таки сиял от радости. Этакий радушный хозяин — душа общества.

— Как приятно видеть, мой дорогой Вустер, — продолжал он, — что молодые люди принимают такое горячее участие в наших скромных сельских праздниках.

— Вы так считаете? — сказал я.

— Уверяю вас. Даже Руперт Стеглз. Должен признаться, за сегодняшний день мое мнение о Стеглзе значительно изменилось к лучшему.

Мое — нет. Но я промолчал.

— Между нами говоря, прежде я считал Руперта Стеглза эгоцентричным юношей, мне казалось, он не способен просто так, по доброте душевной, сделать приятное ближнему. А сегодня я наблюдал, как он дважды за прошедшие полчаса угощал в буфете миссис Пенуорти, жену нашего уважаемого владельца табачной лавки.

Я пошатнулся, но устоял на ногах. Я вырвал свою руку из цепкой ручонки юной Бакстер и, как заяц, понесся к тому месту, где должен был состояться финиш бега в мешках. У меня было ужасное предчувствие, что и здесь не обошлось без подлых трюков. Неожиданно я увидел Бинго и ухватил его за рукав.

— Кто победил?

— Не знаю. Я не заметил, — с горечью сказал он. — Во всяком случае, не миссис Пенуорти, черт бы ее побрал. Знаешь, Берти, такого мерзавца, как Стеглз, еще свет не видел. Как он про нее пронюхал — ума не приложу, но он догадался, что она опасна. И знаешь, что сделал? Заманил бедную женщину в буфет за пять минут до старта, и так обкормил тортом с чаем, что она спеклась через двадцать ярдов. Разлеглась отдохнуть прямо на дорожке. Слава Богу, у нас есть Харольд.

У меня рот раскрылся от изумления.

— Харольд? Так ты ничего не знаешь?

— О чем я не знаю? — Бинго позеленел. — Ничего я не знаю. Я пять минут, как приехал. Прилетел сюда прямо со станции. А что случилось?

Я ему все рассказал. Он уставился на меня невидящим взглядом, потом издал глухой стон, нетвердой походкой зашагал прочь и скрылся в толпе. Бедняга. Для него это страшный удар. Неудивительно, что он так расстроился.

Тут объявили о начале забега с яйцом, и я решил, что раз уж я тут, останусь и дождусь финиша. Не скажу, чтобы у меня были большие надежды. Малышка Пруденс — прекрасная собеседница, но что касается физических данных, на победительницу она явно не тянет.

Сквозь толпу я разглядел, что участницы благополучно стартовали. Бег возглавляла невысокая рыжая девчушка, за ней пристроилась веснушчатая блондинка, а третьей уверенно шла Сара Миллз. Наша кандидатка затерялась в толпе прочих участниц, далеко позади лидеров. Уже сейчас было ясно, кто победит. Грация и приобретенная за время долгих тренировок уверенность, с которой Сара Миллз держала ложку, говорили сами за себя. Она бежала в хорошем темпе, но яйцо ни разу не шелохнулось. Прирожденная бегунья с яйцом, ничего не скажешь.

И, как всегда, высокий класс взял свое. За тридцать ярдов до финишной ленточки рыжая бегунья зацепилась ногой за ногу и выронила яйцо. Веснушчатая блондинка мужественно боролась до последнего, но выдохлась на середине финишной прямой, Сара Миллз обошла ее и уверенно закончила бег, опередив соперницу на три корпуса. Блондинка финишировала второй. Громко сопящая барышня в голубой футболке отобрала призовое место у девочки в розовом с круглым, как блин, лицом. А протеже Дживса Пруденс Бакстер пришла не то пятой, не то шестой — я не разглядел.

После этого толпа повлекла меня к тому месту, где Хеппенстол готовился вручать призы победителям. Рядом со мной оказался Стеглз.

— Добрый день, старина, — сияя от радости, приветливо сказал он. —

Похоже, у вас сегодня не слишком удачный день.

Я молча метнул на него презрительный взгляд. Впрочем, с него все, как с гуся вода.

— Всем крупным игрокам сегодня не повезло, — продолжал он. — Вот и бедняга Бинго продул кучу денег на беге с яйцом.

Я не собирался пускаться с ним в разговоры, но, услышав его последние слова, насторожился.

— Что значит «кучу денег»? — сказал я. — Мы… он же поставил какой-то пустяк.

— Для кого-то, может, и пустяк. По тридцать фунтов — на победу и на призовое место для Бакстер.

Мне показалось, что земля уходит у меня из-под ног.

— Не может быть!

— Тридцать монет при выплате десять к одному. Я сперва подумал, что он что-то разнюхал, но, видимо, он просто свалял дурака. Забег закончился именно так, как мы и предполагали.

Я принялся складывать в уме и уже заканчивал подсчет убытков, понесенных нашим синдикатом, но тут раздался голос Хеппенстола. Пока он вручал призы в других видах программы, он был по-отечески ласков, но теперь в его голосе звучали боль и гнев. Он скорбно взирал на толпу.

— Теперь о состязаниях в беге с яйцом, — сказал он. — Как ни тяжело, но я вынужден исполнить свой долг. Мне стали известны некоторые обстоятельства, утаить которые я не вправе. Не будет преувеличением сказать, что я потрясен.

Он дал своим слушателям пять секунд, чтобы они поломали голову — чем именно он потрясен, и продолжил свою речь:

— Три года назад я был вынужден исключить из спортивной программы нашего ежегодного праздника бег на четверть мили для отцов, поскольку до меня дошли слухи, что в местном трактире заключаются пари, и у меня возникло подозрение, что по крайней мере в одном случае фаворит был подкуплен. Хотя эта неприятная история и пошатнула мою веру в человечество, я полагал, что одного вида состязаний не коснулись миазмы профессионального спорта. Я говорю о состязаниях в беге с яйцом для девочек. Увы, я ошибался.

Он снова сделал паузу, чтобы справиться со своими чувствами.

— Не стану вдаваться в отвратительные подробности. Скажу лишь, что до начала состязаний один человек — это приезжий, состоящий в услужении у одного из гостей в усадьбе, я не стану называть его имя — предложил нескольким участницам забега по пять шиллингов с тем, чтобы

они… э-э-э… закончили бег в определенной последовательности. Запоздалое чувство раскаяния заставило его в этом мне признаться, но было уже слишком поздно. Зло свершилось, и теперь пришла очередь возмездия. Нужно принять самые жесткие меры. Я должен проявить твердость. Сара Миллз, Джейн Паркер, Бесси Клей, и Рози Джукс — четыре участницы, которые первыми пересекли линию финиша — лишаются любительского статуса и дисквалифицируются, а эта прекрасная сумка для рукоделия, дар лорда Уикеммерсли, присуждается Пруденс Бакстер. Пруденс, шаг вперед!

Глава XV СТОЛИЧНЫЕ ШТУЧКИ

Я всегда говорил и сейчас повторю, что во многих отношениях Бинго Литтл — замечательный малый. Мы знакомы со школьной скамьи, и без него жизнь была бы гораздо скучнее. Когда мне хочется развлечься и приятно скоротать время, я предпочту его общество любому другому. Но при этом у него есть и кое-какие недостатки. Во-первых, он влюбляется во всех девушек, имевших неосторожность попасться ему на глаза. А во-вторых, влюбившись, трубит на весь свет о своих чувствах. Застенчивость и сдержанность свойственны Бинго в столь же малой степени, как сочинителям рекламных текстов.

Вот послушайте, какую телеграмму я получил от него в ноябре, примерно через месяц после возвращения из Твинг-Холла:

> «Берти, старина, я наконец влюбился. Самая замечательная девушка на свете, Берти, старина. На этот раз все действительно серьезно, Берти. Приезжай немедленно и захвати Дживса. Послушай, ты знаешь табачный магазин на Бонд-Стрит слева, если идти к центру. Купи сотню их фирменных сигарет и пришли мне. У меня все вышли. Уверен, когда ты ее увидишь, ты согласишься: она самая замечательная девушка на свете. Обязательно привези Дживса. Не забудь сигареты.
>
> Бинго».

Телеграмма была отправлена на твингской почте. Я представил, как эту жуткую ахинею, раскрыв рот, читает деревенская почтмейстерша, главная разносчица местных сплетен; не сомневаюсь, что она уже растрезвонила новость по всей округе. Посылать такую телеграмму с деревенской почты, все равно что нанять глашатая. Помню, мальчишкой я читал про рыцарей, викингов и всяких там менестрелей, которые без тени смущения вставали во время многолюдного пира и принимались распевать про то, как они обожают свою прекрасную и ненаглядную. Думаю, Бинго нужно было родиться в ту эпоху.

Дживс принес телеграмму вместе со стаканом виски на сон грядущий, и я дал ему ее прочесть.

— Этого следовало ожидать, — сказал я. — Бинго не влюблялся целых два месяца. Интересно, кого он откопал на этот раз?

— Мисс Мэри Берджесс, сэр, племянницу преподобного мистера Хеппенстола, — сказал Дживс. — Она гостит у своего дяди в Твинге.

— Черт подери! — Я привык, что Дживс знает все на свете, но это уже похоже на ясновидение. — Как вы узнали?

— Когда мы жили в Твинг-Холле этим летом, сэр, я подружился с дворецким мистера Хеппенстола. Время от времени он любезно сообщает мне местные новости. По его словам, сэр, это весьма достойная молодая леди, очень серьезная и положительная. Мистер Литтл очень в нее влюблен, сэр. Брукфилд, мой корреспондент, утверждает, что видел на прошлой неделе, как лунной ночью он целый час не спускал глаз с его окна.

— С чьего окна? Брукфилда?

— Да, сэр. По всей видимости, он полагал, что это окно юной леди.

— А какого дьявола Бинго делает в Твинге?

— Мистеру Литтлу пришлось снова занять должность домашнего учителя сына лорда Уикеммерсли, сэр. Дело в том, что он много проиграл на скачках в Херст-Парке в конце октября.

— Послушайте, Дживс, есть что-то, чего вы не знаете?

— Не могу вам сказать, сэр. Я перечел телеграмму.

— Похоже, он хочет, чтобы мы протянули ему руку помощи.

— Думаю, именно это побудило его отправить настоящее послание, сэр.

— Ну, и что же нам делать? Ехать?

— Я бы высказался в пользу такого решения, сэр. Мне кажется, стоит поощрить намерения мистера Литтла.

— Думаете, на этот раз он поставил на победителя?

— Я слышал о ней лишь самые лестные отзывы, сэр. В случае счастливой развязки она, несомненно, окажет самое благотворное влияние на мистера Литтла. Кроме того, этот союз поможет мистеру Литтлу вернуть благосклонность своего дяди, поскольку юная леди из хорошей семьи и располагает приличными средствами. Короче говоря, сэр, если мы в состоянии ему чем-то помочь, наш долг сделать все, что в наших силах.

— Уверен, что с вашей помощью он сумеет положить этот шар в лузу, — сказал я.

— Спасибо за ваши добрые слова, сэр, — сказал Дживс. На следующий день Бинго встретил нас на станции в Твинге; по его просьбе я отослал Дживса с багажом на автомобиле, а мы с Бинго решили прогуляться и направились в Твинг-Холл на своих двоих. Мы и двух шагов не прошли, как он забубнил про свою пассию.

— Она просто чудо, Берти. Не то что эти нынешние пустые, легкомысленные девицы. Она очаровательно искренна и восхитительно серьезна. Она похожа на… Господи, как ее…

— На Мари Ллойд?[129]

— На святую Цецилию, — сказал Бинго и метнул на меня негодующий взгляд. — Она похожа на святую Цецилию. С ней мне хочется стать лучше, добрее и великодушнее.

— Никак не могу понять, — сказал я, — по какому принципу ты их выбираешь? Я имею в виду девиц, в которых ты влюбляешься. Должна же у тебя быть какая-то система. Ни одна из них не похожа на другую. Сначала Мейбл-официантка, потом Гонория Глоссоп, затем эта кошмарная Шарлотта Корде Роуботем…

К чести Бинго следует признать, что при этом имени он вздрогнул. Я тоже вздрагиваю всякий раз, как вспоминаю Шарлотту.

— Ты что же, хочешь сказать, будто можно сравнить чувство, которое я испытываю к Мэри Берджесс, тот священный трепет, ту духовную…

— Ну хорошо, хорошо… — сказал я. — Послушай, старик, а тебе не кажется, что мы делаем большой крюк?

Если мы действительно направлялись в Твинг-Холл, мы явно выбрали не самый короткий путь. От станции до поместья две мили по шоссе, мы же пошли по тропинке, потом долго шагали по каким-то буеракам, два раза переходили через изгороди, а теперь пересекали большое поле, за которым начиналась другая тропинка.

— Она иногда гуляет здесь с братом, — объяснил Бинго. — Я надеялся — вдруг мы ее встретим? Я ей поклонюсь, ты ее увидишь, и мы пойдем домой.

— Что и говорить, заманчивая перспектива, — сказал я. — Стоило тащиться лишних три мили по пашне в тесных башмаках. Все ради того, чтобы раскланяться? Почему бы не подойти к барышне и не поболтать о том, о сем?

— Ты с ума сошел! — искренне удивился Бинго. — Ты что же, воображаешь, что у меня хватит духу? Я лишь издали на нее любуюсь, и… Господи! Это она! Нет, показалось.

Это напоминало песенку Харри Лодера:[130] «Вот она! Нет, это кролик». Бинго заставил меня проторчать под ледяным северо-восточным ветром целых десять минут; несколько раз он поднимал ложную тревогу, и в конце концов мне все это порядком надоело. Я уже собирался протрубить отбой, но тут из-за угла выскочил фокстерьер, и Бинго задрожал, как

осиновый лист. Потом показался маленький мальчик, и Бинго затрясся, как желе. Наконец, точно примадонна, выходу которой предшествует выступление кордебалета, на сцене появилась юная дама, и у Бинго сделался такой жалкий вид, что на него было больно смотреть. Лицо его покраснело и, в сочетании с белой рубашкой и посиневшим от ветра носом, он стал похож на французский флаг. Он весь обмяк, как при размягчении костей.

Бинго трясущейся рукой потянулся к кепке и тут заметил, что девушка пришла не одна. Ее сопровождал господин в костюме с пасторским воротничком, и его появление подействовало на Бинго не лучшим образом. Лицо его еще больше покраснело, а нос еще больше посинел, и только когда они уже прошли мимо, ему удалось справиться с кепкой.

Девушка кивнула, священник сказал: «А, Литтл. Скверная погода», собака тявкнула, и они пошли своим путем: представление закончилось.

Появление на сцене священника в корне меняло ситуацию. Добравшись до Твинг-Холла, я доложил о нашей встрече Дживсу. Разумеется, Дживс уже все знал.

— Это преподобный мистер Уингем, новый младший священник из прихода мистера Хеппенстола, сэр. Насколько я понял со слов Брукфилда, он соперник мистера Литтла, и в настоящее время юная леди отдает предпочтение ему. У мистера Уингема важное преимущество — он свой человек в доме. После обеда они с юной леди музицируют, это способствует сближению. Мистер Литтл в это время со страдальческим лицом вышагивает взад-вперед по дороге перед домом.

— Как видно, бедняга на большее не способен, черт бы его побрал. Что толку страдать, тут нужно действовать. Он потерял кураж. Ему недостает напора. Да что там говорить, у него не хватило элементарного мужества сказать ей «Добрый вечер».

— Дело в том, что в чувствах, которые мистер Литтл питает к юной леди, преобладает благоговение, сэр.

— Как же мы можем ему помочь, если он такой кролик? У вас есть какие-то соображения? Мы договорились встретиться после обеда, и он сразу спросит, что вы посоветовали.

— Мне кажется, сэр, мистеру Литтлу следует заняться юным джентльменом.

— Младшим братом? Я что-то не понял…

— Подружиться с ним, сэр, вместе гулять и тому подобное.

— По-моему, это не самая плодотворная из ваших идей. Честно говоря, я ожидал большего.

— Это послужит началом, сэр, а впоследствии может привести к чему-то более серьезному.

— Ладно, я ему передам. Мне барышня понравилась, Дживс.

— Весьма достойная молодая леди, сэр.

Вечером я ознакомил Бинго с мнением высшего авторитета, и с радостью отметил, что он заметно приободрился.

— Дживс никогда не ошибается, — сказал он. — Я мог бы и сам додуматься. Завтра же начну действовать.

Вы не поверите, до чего он расхрабрился. Еще до моего возвращения в Лондон он несколько раз разговаривал с девушкой и уже начал воспринимать это, как должное. В смысле, не впадал при встрече в прострацию. Теперь их связывал брат, и связь эта оказалась важнее совместных музыкальных экзерсисов со священником. Они вместе водили брата на прогулки. Я спросил Бинго, о чем они разговаривают, и он сказал, что обсуждают будущее Уилфреда. Она хочет, чтобы Уилфред стал приходским священником, но Бинго эту идею не поддержал: сказал, что в последнее время приходские священники ему почему-то не нравятся.

В день отъезда Бинго пришел нас провожать вместе с Уилфредом, они весело болтали, точно старые друзья после долгой разлуки. Когда поезд тронулся, я увидел, как Бинго покупает ему шоколадку в автомате на платформе. Умилительная, радующая сердце картина. Черт возьми, неплохое начало, подумал я.

Вот почему телеграмма, которую я получил от него две недели спустя, застала меня врасплох. В ней говорилось следующее:

> «Берти, старина, послушай, Берти, приезжай как можно скорее. Все пошло прахом, Берти. Черт подери, Берти, ты обязательно должен приехать. Я в полном отчаянии, и мое сердце разбито. Пришли мне еще сотню тех же сигарет. Прихвати с собой Дживса, когда приедешь. Ты обязательно должен приехать, Берти. Я на тебя надеюсь. Не забудь привезти Дживса.
>
> Бинго».

В жизни не встречал человека, который составляет телеграммы с такой расточительностью, как Бинго, и это при том, что он постоянно стеснен в средствах. Он совершенно не умеет сжато излагать свои мысли. Этот дуралей не задумываясь изливает израненную душу по два пенса за слово, или сколько там это стоит.

— Нет, как вам это нравится, Дживс? — сказал я. — Черт знает что

такое. Я не могу каждые две недели бросать всё и нестись сломя голову в Твинг, чтобы сплотиться вокруг Бинго. Телеграфируйте ему: пусть утопится в деревенском пруду и оставит нас в покое.

— Если вы соблаговолите отпустить меня на сегодняшний вечер, сэр, я готов съездить туда на разведку.

— Черт бы побрал этого Бинго! Боюсь, ничего другого не остается. В конце концов, ему нужны вы, а не я. Ладно, действуйте.

Дживс вернулся на следующий день поздно вечером.

— Ну что? — спросил я.

Было видно, что Дживс взволнован. Его левая бровь чуть заметно поднялась, что придало его лицу озабоченное выражение.

— Я сделал все, что мог, сэр, — сказал он, — но, боюсь, дела у мистера Литтла обстоят неважно. Со времени нашего отъезда, сэр, произошли события, изменившие счет не в его пользу.

— Что там еще стряслось?

— Помните мистера Стеглза, сэр — юного джентльмена, готовящегося к экзаменам у мистера Хеппенстола?

— Какое Стеглз имеет к этому отношение? — спросил я.

— Брукфилд случайно услышал один разговор, и утверждает, что у мистера Стеглза свой интерес в этой истории.

— Этого еще не хватало! Вы хотите сказать, что он принимает ставки на победителя?

— Насколько я понял, он заключил пари с другими учениками мистера Хеппенстола. На поражение мистера Литтла — он весьма невысокого мнения о его шансах на успех.

— Мне это совсем не нравится, Дживс.

— Мне тоже. Это не к добру, сэр.

— Насколько я знаю Стеглза, он наверняка подстроит какую-нибудь пакость.

— Уже подстроил, сэр.

— Уже?

— Да, сэр. В соответствии со стратегией, которую я с любезного разрешения мистера Литтла осмелился ему предложить, мистер Литтл повел мастера Берджесса на церковный благотворительный базар, и там они встретили мистера Стеглза в компании с мастером Хеппенстолом, младшим сыном преподобного мистера Хеппенстола; мальчик только что оправился от свинки и приехал из Рагби[131] домой на каникулы. Встреча произошла в буфете, где мистер Стеглз угощал мастера Хеппенстола. Короче говоря, сэр, джентльмены обратили внимание, с какой незаурядной

энергией подкрепляют свои силы их подопечные, и мистер Стеглз поставил десять фунтов на то, что младший Хеппенстол «переест» мастера Берджесса. Позже мистер Литтл признался мне, что у него мелькнула мысль о том, что мисс Берджесс вряд ли будет в восторге, если узнает о подобном состязании, но спортивный азарт оказался сильнее благоразумия, и он принял вызов. Итак, состязание состоялось, оба мальчика проявили незаурядные бойцовские качества, мастер Берджесс оправдал надежды мистера Литтла и победил, впрочем, лишь после упорной борьбы. На следующий день оба участника маялись животами; начались расспросы, дети во всем признались, и у мистера Литтла — мне рассказал об этом Брукфилд, случайно проходивший мимо раскрытой двери в гостиную — состоялся крупный разговор с юной леди: она недвусмысленно заявила мистеру Литтлу, что впредь не желает его видеть.

Да, с таким коварным типом, как Стеглз, нужно постоянно быть начеку. Он мог бы давать платные уроки Макиавелли.[132]

— Все было заранее подстроено, Дживс, — сказал я. — Стеглз сделал это нарочно, обычный трюк, чтобы вывести из строя фаворита.

— Я ни секунды в этом не сомневаюсь, сэр.

— Что ж, как видно, он оставил Бинго в дураках.

— Таково всеобщее мнение, сэр. По словам Брукфилда, в местной пивной «Бык и конь» ставки против мистера Уингема принимают из расчета один к семи, и до сих пор нет желающих.

— Ну и ну! Так в деревне тоже заключают на них пари?

— Да, сэр. И в Твинге, и в соседних селениях. История эта вызвала широкий интерес. Мне говорили, что даже в столь отдаленных местах, как Нижний Бингли, наблюдается всплеск спортивного азарта.

— Что ж, просто не знаю, чем мы можем ему помочь. Если Бинго такой болван…

— Мне кажется, нужно всегда бороться до конца, сэр, и я взял на себя смелость предложить мистеру Литтлу план действий, который может изменить счет в его пользу. Я порекомендовал ему заняться благими делами.

— Благими делами?

— В масштабах нашей деревни, сэр. Читать прикованным к постели, беседовать со страждущими — ну, вы понимаете, сэр. Можно не сомневаться, что положительные результаты не заставят себя ждать.

— Да, конечно, — с сомнением сказал я. — Но, черт подери, если бы я оказался прикован к постели, мне не доставило бы большого удовольствия видеть перед собой физиономию такого шизика, как Бинго, и слушать его

несусветную чушь.

— Этот аспект безусловно нельзя сбрасывать со счетов, сэр, — сказал Дживс.

Две недели от Бинго не было ни слуху, ни духу, и я решил, что он сошел с дистанции и признал свое поражение. И вот как-то, незадолго до Рождества, я протанцевал весь вечер в «Эмбасси» и вернулся домой далеко за полночь. Я честно отплясал без перерыва до двух ночи, с ног валился от усталости и мечтал поскорее добраться до постели. Вообразите мое разочарование и досаду, когда, войдя в спальню и включив свет, я увидел на своей подушке физиономию Бинго. Паршивец спал в моей постели безмятежным сном младенца со счастливой, мечтательной улыбкой на устах.

Ну, знаете, всему есть предел. Мы, Вустеры, свято чтим вековые традиции гостеприимства, но когда гость оккупирует вашу постель, тут уж не до традиций. Я запустил в него башмаком, Бинго приподнялся на постели и издал какие-то булькающие звуки.

— А? Что? Что такое?..

— Какого дьявола ты улегся в мою постель?

— А, привет, Берти. Это ты!

— Да, это я. Почему ты улегся в мою постель?

— Я приехал в Лондон по делам и решил остаться на ночь.

— Прекрасно, но почему ты улегся в мою постель?

— Черт тебя подери, Берти, — с раздражением сказал Бинго, — перестань бубнить про эту чертову постель. В соседней комнате есть еще одна. Я своими глазами видел, как Дживс ее стелил. Скорее всего она предназначалась для меня, но я же знаю, какой ты радушный хозяин, вот и зарулил сюда. Послушай, Берти, — сказал он, явно устав от дискуссии на постельную тему, — я вижу свет.

— Ничего удивительного, уже три утра, вот-вот начнет светать.

— Я выразился фигурально, дубина. Я хотел сказать, что для меня забрезжила надежда. Насчет Мэри Берджесс. Присаживайся, я тебе сейчас все расскажу.

— Не сяду. Я иду спать.

— Прежде всего, — сказал Бинго, подложив под спину подушку и закуривая сигарету из моего настольного портсигара, — надо еще раз воздать должное гению Дживса. Новый Соломон. Я был на грани поражения, когда обратился к нему за помощью, а теперь благодаря ему веду с большим счетом — говорю это тебе после трезвого и непредвзятого анализа. Как ты знаешь, он посоветовал мне отыграть очки за счет благих

дел. Берти, старик, — с чувством сказал Бинго, — за последние две недели я ублажил стольких страждущих, что, если бы у меня был брат и меня попросили утешить его на смертном одре, клянусь, я бы прибил его кирпичом. Впрочем, как ни тяжело мне это далось, наш план сработал безукоризненно. Недели не прошло, и она заметно смягчилась. Снова стала кивать мне при встрече на улице и все такое. Два дня назад, когда мы случайно повстречались около их дома, она мне улыбнулась — такой, знаешь, слабой, ангельской улыбкой. А вчера… ты помнишь этого священника, Уингема? Того носатого парня?

— Конечно, помню. Твой соперник.

— Соперник? — Бинго удивленно вскинул брови. — Ну, может быть, когда-то его можно было называть моим соперником. И то — с большой натяжкой.

— Вот как? — спросил я, раздраженный его отвратительным самодовольством. — Если хочешь знать, совсем недавно в «Быке и коне» в Твинге, да и в других селениях, вплоть до Нижнего Бингли, давали семь к одному, что ты проиграешь.

Бинго вздрогнул всем телом, обильно осыпав одеяло сигаретным пеплом.

— Ставки? — прохрипел он. — Ставки! Ты хочешь сказать, они заключают пари на самое сокровенное, на священное чувство… Проклятие! Неужели люди настолько утратили стыд, и для них уже нет ничего святого… Выходит, ничто в мире уже не свободно от посягательств их омерзительной, животной алчности? Послушай, — задумчиво сказал Бинго, — а может, и мне поучаствовать? Семь к одному! Ничего себе! А кто предлагает такую цену? Впрочем, лучше не стоит. Могут превратно истолковать.

— Ты, я гляжу, совершенно уверен в победе, — сказал я. — Мне казалось, что Уингем…

— Он мне больше не страшен, — сказал Бинго. — Как раз собирался тебе рассказать. Уингем заболел свинкой и выбыл из игры по меньшей мере на месяц. Но это еще не все. Он должен был ставить в Твинге «Школьное Рождественское представление», а теперь это поручили мне. Вчера вечером я зашёл к старику Хеппенстолу и подписал контракт. Ты понимаешь, что это для меня значит! Целых три недели я буду в центре здешней культурной жизни, а потом меня ждет небывалый триумф во время премьеры. Все будут смотреть на меня с уважением, заискивать и все такое. Представляешь, какое это произведет впечатление на Мэри? Она увидит, что я способен трудиться, что во мне скрыта бездна достоинств,

что я не легкомысленный мотылек, как она прежде думала, а…

— Я понял, понял, можешь не продолжать…

— В сельской глуши Рождественское представление — очень важное событие. Старик Хеппенстол только им сейчас и занят. Со всей округи слетятся здешние шишки. Будет сам сквайр[133] с семейством. Берти, дружище, это мой звездный час, и я его не упущу. Плохо, конечно, что я не принимал в этом участия с самого начала. Ты не поверишь: тупица священник, начисто лишенный воображения, выбрал для постановки кретинскую сказку из детской книжки столетней давности — ни единой хохмы, нет даже намека на юмор. Сейчас уже поздно менять пьесу, но я, по крайней мере, добавлю перца. Впишу забавные реплики и уморительные диалоги, надеюсь, это ее немного оживит.

— Ты же отродясь ничего не писал.

— Когда я сказал «впишу», я имел в виду «позаимствую». Для этого я и прискакал в Лондон. Ходил в «Палладиум[134]» на ревю «Обними меня, детка». Там масса находок. Конечно, не так-то просто создать яркое театральное зрелище в сельском актовом зале, без настоящих декораций, с толпой дебилов от девяти до четырнадцати лет вместо труппы, но у меня кое-что уже вырисовывается. Ты ходил на «Обними меня»?

— Дважды.

— В первом действии есть просто классные места, можно передрать оттуда все эстрадные номера. Потом это шоу в «Паласе[135]». Завтра перед отъездом схожу на утреннее представление. Уверен, там тоже найдется что-то стоящее. Короче, можешь не переживать насчет того, что я не в состоянии написать ни строчки. Все будет в лучшем виде, старина, в самом лучшем виде. А теперь, дружище, — сказал Бинго, уютно сворачиваясь под одеялом, — извини, но я не могу болтать с тобой всю ночь. Тебе-то что, ты завтра будешь бить баклуши, а я человек занятой. Спокойной ночи, старик. Закрой за собой поплотнее дверь и погаси свет. Завтрак в десять, я полагаю? Ну, пока. Спокойной ночи.

После этого я три недели не видел Бинго. Зато голос его слышал постоянно — он завел манеру названивать мне по междугороднему и советоваться по разным поводам: во время репетиций у него то и дело возникали вопросы. Это продолжалось до тех пор, пока однажды он не поднял меня с постели в восемь утра, чтобы спросить, нравится ли мне название «Счастливого Рождества». Я решительно потребовал, чтобы он прекратил это издевательство, после чего он угомонился и на какое-то время исчез из моей жизни. И вот, в один прекрасный день, я зашел

переодеться к ужину и увидел, что Дживс рассматривает здоровенное бумажное полотнище, наброшенное на спинку кресла.

— Это еще что такое, Дживс? — воскликнул я. Я с утра чувствовал слабость, и эта штука меня доконала окончательно.

— Это афиша, сэр, ее прислал мне мистер Литтл с просьбой обратить на нее ваше внимание.

— Что ж, считайте, что вам это удалось.

Я еще раз взглянул на афишу. Ничего не скажешь — она и вправду бросалась в глаза. Длиной она была не меньше семи футов, и большая часть текста была выполнена красной тушью такого яркого оттенка, какого мне в жизни не приходилось видеть.

Вот что на ней значилось:

Твинг
Сельский актовый зал
Пятница, 23 декабря
Ричард Литтл
представляет
Новое оригинальное ревю под названием
Виват, Твинг!!
Либретто
Ричарда Литтла
Текст песен
Ричарда Литтла
Музыка
Ричарда Литтла
В исполнении твингской драматической труппы, хора и балета
Сценические эффекты
Ричарда Литтла
Постановка
Ричарда Литтла

— Что вы об этом скажете, Дживс? — спросил я.

— Признаться, я несколько озадачен, сэр. Думаю, мистеру Литтлу стоило последовать моему совету и сосредоточиться на благих делах.

— По-вашему, представление провалится?

— Я предпочел бы воздержаться от прогнозов, сэр. Но, насколько я знаю, не все, что нравится лондонской публике, подходит для сельского

зрителя. Эти столичные штучки могут не снискать должного успеха в провинции.

— Видимо, мне придется тащиться в Твинг на это чертово представление?

— Полагаю, мистер Литтл сочтет себя оскорбленным, если вы не приедете, сэр.

В тесноватом помещении твингского актового зала пахло свежими яблоками. К моему приходу зал был уже полон, я специально пришел за несколько минут до начального свистка. Мне уже приходилось бывать на сельских спектаклях, и я не хотел, чтобы меня запихнули на почетное место в передних рядах, откуда нельзя, в случае необходимости, незаметно ускользнуть на свежий воздух. Я занял прекрасную стратегическую позицию рядом с дверью в задней части зала.

Отсюда мне была хорошо видна собравшаяся публика. Как всегда в подобных случаях, в передних рядах сидели Важные Шишки: сквайр — краснолицый, спортсменского вида пожилой джентльмен с седыми усами, члены его семьи, многочисленные местные священнослужители и именитые прихожане. За ними следовала плотная группа зрителей, которых можно отнести к нижнему среднему классу. А в задних рядах социальный статус публики круто опускался на несколько ступеней — эту часть зала облюбовали Деревенские Заводилы, которые пришли не столько из любви к драме, сколько польстившись на бесплатный чай после представления. Одним словом, в зале в этот вечер собрались представители всех слоев твингского общества. Шишки перешептывались с любезными улыбками, Нижне-Средние сидели с прямыми спинами, словно одежда у них была из жести, а Заводилы щелкали орехи и обменивались солеными крестьянскими шутками. Мэри Берджесс играла на фортепьяно вальс. Рядом с ней стоял этот священник, Уингем — как видно, он уже оправился от болезни. Температура в зале была градусов пятьдесят, если не больше.

Кто-то крепко ткнул меня в бок, я оглянулся и увидел Стеглза.

— Привет, — сказал он. — Оказывается, и вы здесь.

Я терпеть не могу Стеглза, но Вустеры умеют скрывать свои чувства. Я изобразил на своем лице что-то вроде улыбки.

— Да вот, Бинго уговорил приехать на его представление, — сказал я.

— Говорят, он приготовил нечто грандиозное, — сказал Стеглз. — Специальные эффекты и прочее.

— Я тоже так слышал.

— Ну да, этот спектакль для него много значит, верно? Он вам,

конечно, рассказывал про Мэри Берджесс?

— Рассказывал. А еще я слышал, будто вы принимаете пари семь к одному, что у него ничего не получится, — сказал я и смерил паршивца строгим взглядом.

Он и бровью не повел.

— Невинное развлечение, надо же как-то скрасить монотонность деревенской жизни, — сказал он. — Но вас неверно информировали. Это в деревне дают семь к одному. Я готов предложить вам гораздо лучшие условия. Не хотите рискнуть десяткой из расчета ста к восьми?

— Сто к восьми?! Вы шутите!

— Вовсе нет. У меня ощущение, — задумчиво сказал Стеглз, — своего рода предчувствие: что-то сегодня произойдет. Вы же знаете Литтла. Обязательно где-то напортачит. Сердце подсказывает мне, что представление провалится. А это сильно уронит его в глазах девушки. Его положение всегда было шатким.

— Решили сорвать спектакль? — сурово спросил я.

— Я? — сказал Стеглз. — Господь с вами, да и что я могу сделать? Извините, мне нужно кое с кем переговорить.

Он слинял, а я не на шутку встревожился. Он явно снова замыслил какую-то пакость, и я подумал, что нужно предупредить Бинго. Но сделать это у меня не хватило времени. Не успел Стеглз уйти, как подняли занавес.

В первых сценах спектакля я не заметил никаких следов режиссерской деятельности Бинго, его творческий вклад ограничивался ролью суфлера. Заурядная постановка волшебной сказки, из тех, что продаются перед Рождеством под заголовком «Двенадцать коротких пьес для малышей», или что-нибудь в этом роде. Дети кривлялись на сцене по мере сил, когда юные тупицы забывали текст, из-за кулис гудел голос Бинго, публика, как всегда в таких случаях, пребывала в летаргическом состоянии. Но вот дело дошло до первой задуманной Бинго вставки. Эта была песенка, которую эта… как бишь ее… исполняет в новом ревю в «Паласе»; вы ее сразу вспомните, если я напою вам мелодию, все время вылетает из головы. В «Паласе» эту песню исполняют три раза на бис, и здесь ее хорошо приняли, несмотря на то, что писклявая исполнительница то и дело перескакивала из одной октавы в другую, точно альпийская серна с утеса на утес. Даже Заводилам песенка пришлась по душе. В конце второго куплета весь зал кричал «бис», и девочка с комариным голоском набрала побольше воздуха и принялась исполнять куплет сначала.

И тут погас свет.

Это произошло совершенно неожиданно. Лампочки не мигали, свет не слабел постепенно, как это бывает. Он просто разом пропал. Зал погрузился в непроглядную тьму.

Разумеется, это несколько разрушило чары. Люди начали перекликаться в темноте, Заводилы застучали ногами и приготовились повеселиться на славу. Бинго, естественно, тотчас не замедлил выставить себя полным идиотом. Из кромешной темноты до меня донесся знакомый голос:

— Леди и джентльмены, что-то случилось со светом…

Заводилы пришли в восторг от такой ценной информации из официальных источников. Они подхватили его слова, словно боевой клич. Через пять минут свет зажегся, и представление было продолжено.

Потребовалось минут десять, чтобы вернуть аудиторию в летаргическое состояние, наконец публика успокоилась, и все шло гладко до тех пор, пока мальчик с плоским, как у камбалы, лицом не занял место перед занавесом, опустившимся после довольно нудной сцены не то про волшебное кольцо, не то про какое-то заклятие, и не запел песню Джорджа Тингамми из «Обними меня, детка!». Ну, вы ее знаете. Она называется «Слушайтесь маму, девушки!», Джордж всегда заставляет публику подпевать припев. Классная песенка, я сам нередко распеваю ее в ванной, но — и это понятно каждому, кроме такого законченного олуха, как Бинго — она никоим образом не подходит для рождественского детского праздника в деревенском актовом зале. Уже после первого куплета слушатели оцепенели от удивления и стали нервно обмахиваться программками, потрясенная Мэри Берджесс по инерции продолжала аккомпанировать, а стоящий рядом с ней священник стыдливо отвел глаза. Зато Заводилам песня пришлась по душе.

Закончив второй куплет, мальчик попытался улизнуть за кулисы. После чего зрители услышали следующий диалог:

Бинго *(гулкий голос из-за сцены):* Ты куда! Давай дальше!

Мальчик *(застенчиво):* Не буду.

Бинго *(еще громче):* Дальше, паршивец, а не то я тебе голову оторву!

Мальчик почувствовал, что Бинго и вправду исполнит свою угрозу, и почел за благо подчиниться. Он прошаркал обратно к рампе, закрыл глаза и, нервно хихикая, произнес: — Леди и джентльмены, а сейчас давайте попросим сквайра Трессидера любезно исполнить припев.

Несмотря на теплые чувства, которые я питаю к Бинго, бывают минуты, когда мне кажется, что его следует держать в определенного рода заведении. Бедняга, видимо, представлял, что это будет кульминацией всего шоу. Он воображал, что сквайр, сияя от счастья, вскочит со своего места, из груди его польется радостная песня, и всеобщему ликованию не будет конца. На самом деле Трессидер — и заметьте, я его за это не осуждаю — остался сидеть там, где сидел, и с каждой секундой все больше багровел и раздувался, как шар. Нижне-Средние застыли в молчаливом ужасе, словно ждали, что на голову вот-вот рухнет потолок. Во всем зрительном зале только Заводилам эта идея понравилась, и они громкими воплями поддержали это предложение. Для Деревенских Заводил это был настоящий праздник.

И тут свет снова погас.

Когда через несколько минут свет зажегся, все увидели, как сквайр с каменным лицом шагает прочь из зала вместе со всем семейством, Мэри Берджесс сидит за роялем бледная, с застывшим взглядом, а на лице священника написано, что, как ни прискорбно все произошедшее, нет худа без добра.

Представление снова пошло своим чередом. Последовало еще несколько длиннейших кусков из «Пьес для малышей», после чего зазвучало вступление к песенке «Девушка с апельсинами» — коронному номеру из нового ревю в «Паласе». Как я понял, Бинго выбрал его в качестве заключительной сцены первого действия. Вся труппа вышла на сцену, и чья-то рука уже держала край занавеса, чтобы задернуть его в нужный момент. Одним словом, все говорило о том, что это — финал. Но очень скоро я понял, что это не просто финал. Это финиш.

Вы наверняка видели этот номер в «Паласе». Помните:

Ах, почему бы там чего-то апельсины.
Мои чего-то там чего-то апельсины.
Ах, отчего бы что-то что-то я забыл,
Чего-то там чего-то там еще мой пыл.

Что-то в этом роде. Чертовски забавные слова, и музыка, что надо; но главное, из-за чего этот номер пользуется таким успехом: девушки достают из корзинки апельсины и бросают в зал. Вы, возможно, заметили, что публике ужасно нравится, когда ей что-то бросают со сцены. Всякий раз,

когда я смотрел этот номер в «Паласе», зрители визжали от восторга.

Разумеется, в «Паласе» апельсины сделаны из выкрашенной в оранжевый цвет ваты, и девушки не швыряют их изо всех сил, а легким движением кидают зрителям первого или второго ряда. Но в этом спектакле, как видно, пошли другим путем — я понял это, когда начиненный мякотью и семечками болид просвистел мимо моего уха и разбился о стену. Другой с чавкающим звуком угодил в шею какой-то Шишке в третьем ряду. Третий попал мне прямо в нос, и на какое-то время я утратил интерес к происходящему.

Когда я очистил лицо от апельсиновой мякоти, и глаза мои перестали слезиться, я увидел, что обстановка в зале напоминает горячую ночку в Белфасте. Воздух был наполнен отчаянными воплями и летящими фруктами. Бинго метался по сцене от одного актера к другому, а те явно получали от всего этого огромное удовольствие. Они понимали, что долго это продолжаться не может, и старались не упустить момент. Заводилы стали подбирать уцелевшие апельсины и бросать их обратно на сцену, так что зрители оказались под перекрестным огнем. Короче говоря, в зале царил полный хаос, и когда всеобщее смятение достигло апогея, свет вырубился в третий раз.

Я решил, что мне пора, и проскользнул к двери. Как только я оказался на улице, публика дружно повалила из зала. Парами и по трое они проходили мимо меня, и мне еще не приходилось видеть зрителей, столь единодушных во мнении. Все, как один, независимо от возраста и пола, проклинали беднягу Бинго, причем особой популярностью пользовалась идея подстеречь Бинго у выхода из зала и утопить в деревенском пруду.

Энтузиастов этого научного направления собралось столько, и настроены они были так решительно, что я счел своим долгом предупредить дуралея и посоветовать, подняв воротник повыше, слинять через боковой выход. Я вернулся в зал и увидел, что Бинго сидит на каком-то ящике за кулисами, весь мокрый от пота; он напоминал место катастрофы, отмеченное крестом. Волосы у него стояли дыбом, уши печально повисли; было видно, что одно резкое слово — и он заплачет.

— Это все мерзавец Стеглз, Берти, — глухим голосом произнес он. — Я поймал одного мальчишку, прежде чем они все разбежались, и он во всем признался. Стеглз подложил настоящие апельсины вместо ватных шаров, которые я с таким трудом достал, да еще выложил за них целую гинею. Сейчас пойду и разорву этого поганцы на мелкие кусочки. Это меня немного отвлечет.

Жаль было прерывать сладкие грезы, но у меня не было выхода.

— Послушай, дружище, — сказал я. — У тебя нет времени на легкомысленные забавы. Тебе нужно убираться отсюда, да поживее!

— Берти, — безжизненным голосом произнес Бинго, — я только что с ней говорил. Она сказала, что это я во всем виноват, и что она больше не желает меня видеть. Она, мол, всегда подозревала, что я любитель низкопробных шуток, и ее подозрения подтвердились. Короче, разделала меня под орех.

— Нашел о чем сейчас печалиться, — сказал я. Я никак не мог втолковать дуралею всю серьезность положения. — Ты лучше подумай о том, что у выхода тебя поджидают две сотни дюжих деревенских молодцов с твердым намерением утопить в пруду.

— Не может быть!

— Увы, но это так.

На миг показалось, что бедняга раздавлен. Но лишь на миг. В Бинго есть что-то от английского бульдога. На лице его расцвела безмятежная улыбка.

— Ничего страшного, — сказал он. — Выберусь через подвал и перелезу через стену за домом. Меня им не запугать!

Прошло не больше недели, и вот как-то Дживс, поставив на столик чашку чая, деликатно отвлек меня от изучения спортивного раздела в «Морнинг Пост» и обратил моё внимание на объявление в колонке «Помолвки и свадьбы».

Это было краткое сообщение о том, что в скором времени состоится бракосочетание его преподобия достопочтенного Хьюберта Уингема, третьего сына достопочтенного графа Старриджа, и Мэри, единственной дочери покойного Мэтью Берджесса из Уэзерли-Корт, Гэмпшир.

— Ну что ж, — сказал я, пробежав глазами заметку. — Этого следовало ожидать.

— Да, сэр.

— Она не простила ему спектакля.

— Нет, сэр.

— Не сомневаюсь, — сказал я и отхлебнул глоток ароматного горячего напитка, — что Бинго быстро оправится. С ним уже сто раз такое случалось. Мне вас жалко.

— Меня, сэр?

— Ну как же, черт подери, разве вы забыли, сколько усилий потратили для победы Бинго в том забеге? Жаль, что ваши труды оказались бесплодными.

— Не совсем бесплодными, сэр.

— Как это?

— Мои попытки устроить брак мистера Литтла с юной леди и вправду не увенчались успехом, но тем не менее я испытываю чувство удовлетворения от участия в этом деле.

— Понимаю: вы сделали все, что в ваших силах.

— Не только из-за этого, сэр, хотя, разумеется, эта мысль доставляет мне удовольствие. Я в первую очередь имел в виду материальную выгоду.

— Материальную выгоду? Что вы хотите сказать?

— Когда я узнал, что мистер Стеглз заинтересовался борьбой претендентов на руку юной леди, я на паях с моим другом Брукфилдом перекупил тотализатор, который устроил по этому случаю владелец пивной «Бык и конь». И предприятие оказалось чрезвычайно прибыльным. Ваш завтрак готов, сэр. Тосты с почками и грибами. Я подам, как только вы позвоните.

Глава XVI ДОЛГИЕ ПРОВОДЫ КЛОДА И ЮСТАСА

В то утро, когда тетя Агата неожиданно объявилась в моей берлоге и сообщила, какое страшное испытание готовит мне судьба, я понял, что удача от меня отвернулась. Видите ли, до сих пор мне удавалось держаться в стороне от Внутрисемейных Проблем. Когда тетушки трубят, точно мастодонты на доисторических болотах, а письмо дяди Джеймса об эксцентричном поведении кузины Мейбл циркулирует по семейным каналам («Пожалуйста, прочтите внимательно и перешлите Джейн»), про меня, как правило, клан Вустеров не вспоминает. Вот еще одно преимущество того, что я — холостяк, да к тому же, как считают мои дражайшие родственники, холостяк придурковатый. «Вряд ли Берти это будет интересно» — такое мнение прочно укоренилось в нашем семействе, и должен признаться, я его всячески поддерживаю. Все, что мне нужно — это спокойная жизнь. И потому меня охватили самые мрачные предчувствия, когда тетя Агата возникла у меня в гостиной, где я безмятежно курил утреннюю сигарету, и заговорила о Клоде и Юстасе.

— Благодаренье Богу, — сказала она, — наконец-то мы пришли к соглашению насчет Клода и Юстаса.

— К соглашению? — переспросил я, не имея ни малейшего понятия, о чем речь.

— В пятницу они уплывают в Южную Африку. Мистер Ван Элстин, друг бедняжки Эмили, берет их в свою фирму в Йоханнесбурге, и мы надеемся, что они там приживутся и сумеют сделать достойную карьеру.

Я никак не мог взять в толк, о чем она.

— В пятницу? Это выходит — послезавтра?

— Да.

— В Южную Африку?

— Да. Они отплывают на «Эдинбургской ладье».

— Но с чего вдруг? Я хочу сказать — сейчас еще только середина семестра.

Тетя Агата бросила на меня ледяной взгляд.

— Ты хочешь меня уверить, Берти, что настолько не интересуешься жизнью ближайших родственников? Вот уже две недели, как Клод и Юстас отчислены из Оксфорда.

— Не может быть!

— Берти, ты безнадежен. Мне казалось, что даже ты…

— За что их выставили?

— Они вылили лимонад на голову младшего преподавателя колледжа… Не нахожу ничего забавного в этой возмутительной выходке, Берти.

— Ну, конечно, разумеется, — поспешно согласился я. — Я вовсе не смеюсь. Это я так кашляю — что-то першит в горле.

— Бедняжка Эмили! — продолжала тетя Агата. — Такие, как она, губят детей слепой, безрассудной любовью. Хотела оставить их в Лондоне, надеялась пристроить на военную службу. Но я проявила твердость. Колонии — единственное подходящее место для таких необузданных юнцов, как Юстас и Клод. Так что в пятницу они уплывают. Последние две недели они жили у дяди Клайва в Вустершире. Завтра переночуют в Лондоне, а в пятницу с утренним поездом прибудут на корабль.

— Довольно рискованная затея. Я хочу сказать — в Лондоне они запросто могут пуститься во все тяжкие, если оставить их без присмотра.

— Они не останутся без присмотра. За ними присмотришь ты.

— Я?!

— Да, ты. Они переночуют у тебя на квартире, и ты проследишь, чтобы они не проспали на поезд.

— Но послушайте…

— Берти!

— Да нет, они славные ребята, и тот, и другой, но… не знаю. Они же чокнутые. Конечно, я всегда рад их видеть, но впустить на ночь в квартиру…

— Берти, ты настолько очерствел и погряз в беспробудном эгоизме, что не в состоянии ни на йоту поступиться своими удобствами ради…

— Хорошо, хорошо, — сказал я. — Бог с ними. Согласен.

Спорить не имело смысла. В присутствии тети Агаты мне всегда начинает казаться, что у меня вместо позвоночника желе. Она из разряда железных женщин. Вероятно, королева Елизавета Первая была на нее похожа. Достаточно тете грозно сверкнуть глазами и рявкнуть: «А ну-ка, живо», — как я тут же, без пререканий, делаю все, что велят.

Она ушла, и я тотчас позвал Дживса.

— Вот что, Дживс, — сказал я, — мистер Клод и мистер Юстас будут завтра у нас ночевать.

— Очень хорошо, сэр.

— Рад, что вы так считаете. Меня эта перспектива скорее удручает. Вы же знаете, что это за охламоны.

— Чрезвычайно резвые молодые джентльмены, сэр.

— Шалопаи, Дживс. Шалопаи, каких свет не видел!

— Будут еще какие-нибудь распоряжения, сэр?

Не скрою, после этих его слов я придал своему лицу высокомерное выражение. Мы, Вустеры, сразу замыкаемся в себе, когда в поисках сочувствия нарываемся на ледяную сдержанность. Я прекрасно понимал, в чем дело. Вот уже два дня, как мы с Дживсом находились в натянутых отношениях из-за того, что я приобрел себе сногсшибательные гетры в Берлингтонском пассаже.[136] Какой-то мозговитый малый, видимо, тот самый, кто придумал расцвеченные портсигары, недавно начал выпускать такие же гетры. Вместо обычных, серых и белых, вы можете выбрать цвета своего полка или своей школы. И, скажу честно, я не смог отказать себе в удовольствии и купил пару итонских,[137] которые приветливо подмигивали мне с витрины. Я бросился в магазин и заплатил за них и только потом сообразил, что Дживс вряд ли одобрит мое приобретение. Как я и опасался, он встретил новые гетры, что называется, в штыки. Во всех прочих отношениях Дживс — лучший камердинер в Лондоне, но он слишком консервативен. Законченный ретроград, враг прогресса.

— Пока все, Дживс, — со сдержанным достоинством произнес я.

— Очень хорошо, сэр.

Он бросил на гетры ледяной взгляд и выплыл из комнаты. Черт бы его побрал!

Близнецы ввалились в квартиру на следующий вечер, когда я переодевался к обеду — мне давно не приходилось видеть людей в столь радостном и безмятежном расположении духа. Я всего на шесть лет старше Клода и Юстаса, но в их присутствии чувствую себя глубоким старцем, терпеливо ждущим близкого конца. Они тут же развалились в креслах, распечатали пачку моих лучших сигарет, плеснули себе виски с содовой и принялись трещать так весело и жизнерадостно, словно добились в жизни выдающихся успехов, никому бы и в голову не пришло, что они потерпели полное фиаско и приговорены к позорной ссылке.

— Берти, здорово, дружище, — сказал Клод. — Спасибо, что согласился нас приютить.

— Пустяки, — сказал я. — Жаль, что вы не можете задержаться подольше.

— Слышишь, Юстас? Он хочет, чтобы мы задержались подольше.

— Как знать — может, наш визит и не покажется ему таким уж

кратким, — философски заметил Юстас.

— Ты уже в курсе, Берти? Ну, насчет того, что нас выставили.

— Да, тетя Агата мне рассказала.

— Мы покидаем отечество на благо отечества, — сказал Юстас.

— «Пусть киль не скрипит о коварную мель, когда мы отправимся в путь[138]», — сказал Клод. — А что тетя Агата тебе рассказывала?

— Сказала, что вы вылили лимонад на голову младшего преподавателя колледжа.

— Почему, черт побери, люди вечно все путают, — возмутился Клод. — Это был не младший преподаватель, а старший наставник.

— И вылил я на него не лимонад, а содовую, — сказал Юстас. — Старик оказался как раз под нашим окном, когда я выглянул наружу с сифоном в руках. Он взглянул вверх и — ну, ты понимаешь, что мне оставалось делать? Такая удача выпадает раз в жизни. Я бы никогда себе не простил, если бы не воспользовался случаем и не прыснул ему двойную порцию прямо в физиономию.

— Такой шанс грех упускать, — согласился Клод.

— Может, в жизни больше не представится, — сказал Юстас.

— Сто против одного, что нет, — сказал Клод.

— Послушай, Берти, — сказал Юстас, — а какую развлекательную программу ты приготовил своим дорогим гостям?

— Как вы смотрите на то, чтобы поужинать дома? — сказал я. — Дживс как раз начал накрывать на стол.

— А потом?

— Ну, поболтаем о том, о сем, а затем… вам же завтра к десяти утра на поезд, вы наверняка хотите закруглиться пораньше.

Близнецы недоуменно переглянулись.

— Ты замечательно рассудил, Берти, но не все учел, — сказал Юстас. — Я предлагаю несколько иное развитие событий: после ужина мы завалимся в «Сирое». Ведь это наш прощальный вечер! Там, с Божьей помощью, мы сумеем продержаться часов до трех утра.

— А после, глядишь, что-нибудь подвернется, — сказал Клод.

— Но вам надо как следует выспаться на дорогу.

— Выспаться? — сказал Юстас. — Послушай, старичок, ты что же, в самом деле воображаешь, что мы собираемся сегодня спать?

Видимо, я уже не тот, что прежде. В том смысле, что всенощные бдения не доставляют мне такого удовольствия, как несколько лет назад. Когда я учился в Оксфорде, то бал в «Ковент-Гардене» до шести утра,

завтрак в «Хаммамсе» и драка с рыночными торговцами[139] в качестве бесплатного приложения было именно то, что доктор прописал. Теперь мне редко удается продержаться дольше двух ночи, а к двум часам близнецы только-только успели разойтись.

Насколько я помню, после «Спроса» мы отправились играть в железку с каким-то типом, которого никто из нас прежде в глаза не видел, и до дома добрались лишь около девяти. Должен признаться, к этому часу я почувствовал, что теряю былую бодрость. У меня едва хватило сил попрощаться с близнецами, пожелать им приятного путешествия и успешной карьеры в Южной Африке, после чего я рухнул в постель. Уже проваливаясь в сон, я слышал, как юные шалопаи распевают под холодным душем, точно жаворонки, покрикивая время от времени на Дживса, чтобы тот скорее тащил яичницу с беконом.

Проснулся я во втором часу дня. Судя по внутренним ощущениям, у меня не было ни малейшего шанса получить сертификат «Комитета по контролю за свежестью продуктов», но душу мою согревала мысль, что в это самое время близнецы, облокотясь на перила верхней палубы океанского лайнера, бросают прощальный взгляд на родную землю. Вот почему меня чуть удар не хватил, когда дверь распахнулась, и в спальню вошел Клод.

— Привет, Берти, — сказал Клод. — Ну как, выспался? Как насчет того, чтобы перекусить?

Я еще не отошел от кошмаров, которые мучили меня с той самой минуты, как я погрузился в тяжкий сон, и поначалу решил, что это еще один кошмар — самый ужасный из всех. И только когда Клод уселся мне на ноги, я убедился, что имею дело с суровой действительностью.

— О, черт! — простонал я. — Какого дьявола ты тут делаешь? Клод укоризненно покачал головой.

— Разве так встречают гостей, Берти? — с осуждением сказал он. — Ведь только вчера ты жалел, что я не могу задержаться подольше. Ну вот, твоя мечта сбылась. Я задержался.

— Но почему ты не уплыл в Южную Африку?

— Так и знал, что ты об этом спросишь, — сказал Клод. — Дело вот в чем, старина. Помнишь девушку, с которой ты познакомил меня вчера в «Сиросе»?

— Девушку? Какую девушку?

— Там была всего одна девушка, — холодно сказал Клод.

— Во всяком случае одна, достойная внимания, Мэрион Уордор. Я еще танцевал с ней все время, если помнишь.

Тут я начал смутно припоминать. Я давно знаком с Мэрион Уордор. Замечательная девушка. Сейчас она играет в этой оперетке, которую дают в «Аполлоне». Да, точно, она действительно была с компанией в «Сиросе», и близнецы упросили, чтобы я их представил.

— У нас с ней полное родство душ, Берти, — сказал Клод.

— Я понял это в начале первого, и чем больше о ней думаю, тем больше убеждаюсь, что это так. Такое иногда случается. Ну, когда два сердца бьются, как одно, и так далее. Короче говоря, на вокзале Ватерлоо я ускользнул от Юстаса и прискакал сюда. Мне совсем не улыбается тащиться в Южную Африку и оставить такую девушку в Англии. Я знаю, ты скажешь, что надо думать об интересах Империи, что наши колонии нуждаются в помощи, и все такое, но я ничего не могу с собой поделать. В конце концов, — резонно заметил Клод, — Южная Африка обходилась до сих пор без меня, думаю, обойдется и впредь.

— А как же Ван Элстин — или как там его? Он же тебя ждет?

— Он получит Юстаса. И хватит с него. Юстас — замечательный парень. Наверняка станет там финансовым магнатом. Я буду с интересом следить за его головокружительной карьерой. А сейчас ты должен меня извинить, Берти. Пойду, попрошу Дживса приготовить его знаменитую тонизирующую смесь. По какой-то непонятной причине у меня побаливает голова.

Хотите верьте, хотите нет, но не успела за ним закрыться дверь, как в спальню влетел Юстас с такой сияющей физиономией, что я на секунду зажмурился.

— Что б мне провалиться! — сказал я. Юстас довольно захихикал.

— Чистая работа, Берти, — сказал он. — Высший класс. Жаль старину Клода, но другого выхода не было. Я ускользнул от него на вокзале, поймал такси и рванул сюда. Думаю, этот дуралей до сих пор гадает, куда я делся. Но что мне оставалось делать? Если ты в самом деле хотел, чтобы я отправился в Южную Африку, тебе не следовало знакомить меня с мисс Уордор. Я тебе сейчас все расскажу, Берти. Ты знаешь, я не из тех, кто влюбляется в каждую встречную-поперечную, — продолжал он, присаживаясь на мою постель. — Думаю, ключевые слова для описания моего характера, это «волевой и немногословный». Но, когда встречаешь женщину, настолько близкую по духу, надо действовать быстро и решительно. Я…

— О, Господи! Ты тоже влюбился в Мэрион Уордор?

— Тоже? Что значит «тоже»?

Не успел я открыть рот, чтобы рассказать ему про Клода, как тот

появился собственной персоной, возрожденный из пепла, как птица Феникс. Я всегда говорил, что знаменитая смесь Дживса способна мгновенно вернуть к жизни любого, за исключением разве что египетской мумии. Тут все дело в специях — кажется, он добавляет Вустерский соус[140] или еще что-то. Клод воспрял, точно поставленный в воду цветок, но, едва увидел любимого брата, удивленно таращившегося на него поверх спинки кровати, тут же завял.

— Какого черта ты здесь делаешь? — сказал он.

— А какого черта ты здесь делаешь? — сказал Юстас.

— Ты вернулся, чтобы преследовать мисс Уордор?

— Так вот почему ты вернулся!

Минут десять их диалог развивался в виде вариаций на эту тему.

— Хорошо, — сказал наконец Клод. — Ничего не поделаешь. Ты здесь, и никуда от этого не денешься. Пусть победит сильнейший!

— Но, черт вас всех подери! — не выдержал я. — Просто чушь собачья! Хорошо, вы решили остаться в Лондоне, но жить-то вы где будете?

— Как, где? Здесь, — удивленно сказал Юстас.

— А где же еще? — недоуменно приподняв брови, спросил Клод.

— Ведь ты не откажешься нас приютить, Берти? — сказал Юстас.

— Все знают, что ты не бросишь друга в беде! — сказал Клод.

— Но послушайте, вы, идиоты безмозглые, а вдруг тетя Агата узнает, что я вас тут прячу, когда вы должны быть в Южной Африке? Представляете, что мне будет?

— А что ему будет? — спросил Клод у Юстаса.

— Думаю, он как-нибудь выкрутится, — ответил Юстас Клоду.

— Ну конечно, — окончательно приободрился Клод. — Уж он-то выкрутится.

— Какие могут быть сомнения, — сказал Юстас. — Берти такой находчивый парень! Непременно выкрутится.

— А теперь, — переменил тему Клод, — вернемся к нашим баранам: как насчет того, чтобы пообедать, Берти? Зелье, которое влил в меня Дживс, вызвало зверский аппетит. Затушить этот пожар смогут только полдюжины отбивных и огромный кусок пирога, никак не меньше.

Думаю, в жизни каждого человека порой случается черная полоса, о которой он потом не может вспоминать без содрогания, холодного пота и зубовного скрежета. Если судить по современным романам, кое у кого эти полосы так и мелькают одна за другой, как на железнодорожном шлагбауме. У меня, счастливого обладателя солидного дохода и отменного

пищеварения, такие периоды бывают исключительно редко. Но о днях, последовавших за вторым пришествием близнецов в мою квартиру, я стараюсь вспоминать как можно реже. Я жил с ощущением, будто из меня вытянули все нервы и намотали на катушку для телефонного провода. Жуткое состояние, можете мне поверить. Дело в том, что мы, Вустеры, невероятно правдивы, прямодушны и прочее, и для нас просто нож в сердце кого-то обманывать.

Двадцать четыре часа на берегах Потомака все было спокойно, потом ко мне снова нагрянула тетя Агата. Прийди она минут на двадцать раньше, она успела бы увидеть, как близнецы с радостными возгласами уплетают за обе щеки яичницу с беконом. Она молча опустилась в кресло, и я заметил, что она, вопреки обыкновению, смущена и растеряна.

— Берти, у меня что-то очень неспокойно на душе, — сказала она.

У меня тоже на душе было неспокойно: я понятия не имел, как долго она собирается проторчать, а эти чертовы близнецы могли вернуться в любую минуту.

— Я все думаю, — сказана она, — может быть, я поступила с Клодом и Юстасом слишком сурово?

— Такое просто невозможно.

— Что ты хочешь сказать?

— Я… э-э-э… я хотел сказать, что на вас это непохоже — проявлять суровость к кому бы то ни было. — Совсем недурно, вот так, навскидку, без подготовки. Престарелая родственница просияла от удовольствия и взглянула на меня с чуть меньшим отвращением, чем обычно.

— Очень приятно, что ты так говоришь, Берти, но, как по-твоему — им ничего не угрожает?

— Это им-то?!

Нашла за кого тревожиться — этим милым деткам ничего угрожать не может, а вот они опасны для окружающих, как молодые жизнерадостные тарантулы.

— Ты думаешь, с ними ничего не случилось?

— Почему вы об этом спрашиваете?

Взгляд тети Агаты как-то странно затуманился.

— Берти, тебе никогда не приходило в голову, — спросила она, — что твой дядя Джордж — экстрасенс?

Я подумал, что она решила сменить тему.

— Экстрасенс?

— Ты допускаешь, что он может видеть то, что недоступно взгляду обычных людей?

Я это не только допускал, но даже считал вполне естественным. Не знаю, знакомы ли вы с моим дядей Джорджем. Развеселый старый хрыч таскается с утра до вечера из одного клуба в другой, и в каждом пропускает пару рюмок с такими же развеселыми старыми хрычами. Стоит ему замаячить на горизонте, как официанты делают стойку, а сомелье начинает радостно поигрывать штопором. Дядя Джордж открыл, что алкоголь заменяет пищу, задолго до того, как это стало известно современной медицинской науке.

— Вчера я ужинала с дядей Джорджем, так вот, он был в страшном возбуждении. Утверждает, что, когда он шел из «Девонширского клуба» в «Будлз[141]», ему явился призрак Юстаса.

— Что ему явилось?

— Призрак. Привидение. Он видел его настолько ясно, что на миг ему показалось, будто это сам Юстас. Видение скрылось за углом, но когда дядя Джордж дошел до перекрестка и заглянул за угол, там никого не оказалось. Все это очень странно и неприятно. И сильно подействовало на беднягу Джорджа. За обедом он ничего не пил, кроме ячменного отвара, и видно было, что он страшно встревожен. Так ты уверен, что нашим бедным дорогим мальчикам ничего не грозит? Они не пали жертвами какой-нибудь ужасной катастрофы?

При мысли о такой перспективе у меня радостно забилось сердце, но я ответил: «Нет, я уверен, что они не пали жертвами ужасной катастрофы». Про себя я подумал, что Юстас — сам хуже любой катастрофы, да и Клод ему под стать, но вслух ничего не сказал. В конце концов она отчалила, так окончательно и не успокоившись.

Когда вернулись близнецы, я тут же им все высказал. Сколь ни соблазнительна перспектива довести дядю Джорджа до инфаркта, хватит в открытую шляться по Лондону, где их могут встретить знакомые.

— Но послушай, старичок, — возразил Клод. — Ты сам-то головой подумай. Не можем мы ограничить наши перемещения в пространстве.

— Совершенно исключено! — поддержал его Юстас.

— Для нас это жизненно необходимо, — сказал Клод. — Мы должны свободно порхать, как птички, — туда-сюда.

— Вот именно, — сказал Юстас. — Сперва туда, потом сюда.

— Но, черт бы вас побрал…

— Берти, — укоризненно сказал Юстас. — Умоляю тебя, не надо при детях!

— С другой стороны, его тоже можно понять, — сказал Клод. — Думаю, что лучший выход из положения — купить средства маскировки.

— Гениально! — сказал Юстас, с восхищением глядя на брата. — Первая путная мысль, которую я от тебя услышал за долгие годы нашего знакомства. Уверен, что ты не сам до нее додумался.

— По правде говоря, мне ее подсказал Берти.

— Я?

— На днях ты рассказывал про Бинго Литтла — как он нацепил фальшивую бороду, чтобы дядя его не узнал.

— Вы воображаете, я допущу, чтобы у двери моей квартиры то и дело появлялись два бородатых урода?

— Что ж, он прав, — согласился Юстас. — Хорошо, пусть будут бакенбарды.

— И фальшивый нос, — сказал Клод.

— Верно, и фальшивый нос. Ну вот, Берти, старина, надеюсь, тебе стало легче. Нам не хочется доставлять тебе ни малейшего беспокойства во время нашего краткого пребывания в твоем доме.

Позже, когда я кинулся за утешением к Дживсу, он сказал что-то насчет горячих молодых голов. Никакого сочувствия.

— Хорошо, Дживс, — сказал я. — Пойду прогуляться по парку. Будьте добры, принесите мне мои итонские гетры.

— Хорошо, сэр.

Дня через два, незадолго до пятичасового чая, ко мне вдруг пожаловала Мэрион Уордор. Прежде чем сесть, она с опаской огляделась.

— Надеюсь, ваших кузенов нет дома? — спросила она.

— Слава Богу, нет.

— Тогда скажу вам, где они сейчас находятся. У меня в гостиной, злобно таращатся друг на друга из противоположных углов комнаты и поджидают, когда я вернусь. Берти, пора положить этому конец.

— Вам, как я понимаю, приходится много времени проводить в их обществе?

В эту минуту Дживс принес нам чай, но несчастная девушка была так измучена, что не стала дожидаться, пока он выкатится из комнаты, а продолжала изливать душу. Вид у бедняжки был совершенно затравленный.

— Я шагу не могу ступить, чтобы не натолкнуться на одного из них, а то и на обоих вместе, — сказала она. — Как правило, на обоих. Они теперь повадились приходить вдвоем: усядутся с мрачным видом по разным углам, кто кого пересидит. Вы не представляете, какая это мука.

— Представляю, — с сочувствием сказал я. — Очень даже

представляю.

— Но что же мне делать?

— Ума не приложу. Велите горничной говорить, что вас нет дома.

Она подавила нервную дрожь.

— Пробовала. Они уселись на лестнице, и я весь день не могла выйти из дома. А у меня было назначено много важных встреч. Пожалуйста, уговорите их уехать в Южную Африку, насколько я понимаю, там их очень ждут.

— Чувствуется, вы произвели на них сильное впечатление.

— Ох, и не говорите. Теперь они дарят мне подарки. Во всяком случае Клод. Вчера вечером он настоял, чтобы я приняла от него этот портсигар. Пришел ко мне в театр и не уходил до тех пор, пока я не согласилась. Надо признать, очень недурная вещица.

Вещица и вправду была недурна. Массивная золотая штуковина с брильянтом посередине. У меня возникло странное чувство, будто я что-то очень похожее где-то видел. Оставалось только гадать, где Клоду удалось раздобыть денег на такой дорогой подарок.

На следующий день была среда, предмет обожания был занят в дневном спектакле, и близнецы оказались, что называется, свободны от вахты. Клод надел бакенбарды и пошел прогуляться в Херст-Парк, а мы с Юстасом сидели в гостиной и болтали. Вернее, говорил он, а я молил Бога, чтобы он тоже куда-нибудь слинял.

— Что может быть прекраснее на свете, Берти, — говорил он, — чем любовь добродетельной женщины. Иногда…. Господи! Что это?

Мы услышали, как дверь в квартиру открылась, и в прихожей зазвучал голос тети Агаты. Голос у тети Агаты очень высокий, пронзительный, и в первый раз в жизни я поблагодарил за это Создателя. В нашем распоряжении оставалось всего две секунды, но Юстасу этого оказалось достаточно, чтобы юркнуть под диван. Вторая туфля скрылась под диваном в то самое мгновение, когда тетя входила в комнату.

Вид у нее был озабоченный. Мне в те дни казалось, что у всех на свете озабоченный вид.

— Берти, что ты собираешься делать в ближайшее время? — спросила она.

— Я? А что? Сегодня я ужинаю с…

— Нет, я не имела в виду сегодня. Ты свободен в ближайшие дни? Ну конечно свободен, — продолжала она, не дожидаясь моего ответа. — Ты же никогда ничего не делаешь. Вся твоя жизнь протекает в праздности и… впрочем, мы поговорим об этом позже. Я пришла сказать, что ты должен

поехать на несколько недель в Харрогит[142] с несчастным дядей Джорджем. Чем скорее вы туда отправитесь, тем лучше.

Это была последняя соломинка, и я взвыл, как верблюд с переломленным хребтом. Дядя Джордж волен ехать куда ему заблагорассудится, но при чем здесь я? Я попытался ей это втолковать, но она и слушать не стала.

— Берти, если в твоем сердце осталась хоть капля сострадания, ты сделаешь то, о чем я тебя прошу. Бедный Джордж только что пережил страшное потрясение.

— Как, еще одно?

— Только полный покой и тщательный врачебный уход могут вернуть его нервную систему в нормальное состояние. В прошлом минеральные воды в Харрогите приносили ему заметное облегчение, и он решил снова туда съездить. Его нельзя отпускать одного, и я решила, что сопровождать его будешь ты.

— Но, послушайте…

— Берти!

Наступила томительная пауза.

— А что у него было за потрясение? — спросил я.

— Между нами говоря, — многозначительно понизив голос, проговорила тетя Агата, — я склонна думать, что это лишь плод его возбужденного воображения. Ты член семьи, Берти, поэтому я могу говорить с тобой откровенно. Ты не хуже меня знаешь, что бедный дядя Джордж на протяжении многих лет не был… у него нередко… ну, в общем, развилась своего рода привычка… не знаю, как это сказать…

— То, что называется, любит залудить?

— Как ты сказал?

— В смысле — не просыхает.

— Мне претит твоя манера выражаться, Берти, но следует признать, что он и вправду не всегда соблюдает должную умеренность. Он так легко возбудим, и… Короче говоря, он пережил страшное потрясение.

— Да, но какое?

— Я так и не смогла от него ничего толком добиться. В минуты сильного душевного волнения бедный Джордж, при всех его достоинствах, выражается довольно бессвязно. Насколько я поняла, его ограбили.

— Ограбили?

— Он утверждает, что некий незнакомец с бакенбардами и огромным носом проник в его комнату на Джермин-Стрит и похитил принадлежавшую ему вещь. Он сказал, что, вернувшись домой, застал

этого человека в гостиной. Он тотчас же выбежал из комнаты и исчез.

— Кто, дядя Джордж?

— Да нет же, тот человек. И, если верить дяде Джорджу, он украл у него дорогой портсигар. Но, хочу подчеркнуть еще раз, я склонна думать, что все это лишь плод его воображения. Он был не в себе с того самого дня, когда ему показалось, что он встретил на улице Юстаса. Поэтому, Берти, я хочу, чтобы ты отправился с ним в Харрогит не позже субботы.

Она ускакала, и Юстас вылез из-под дивана. Он явно был сильно расстроен. Да и сам я, признаться, тоже. Перспектива провести несколько недель в Харрогите в обществе дяди Джорджа мне совсем не улыбалась.

— Так вот откуда у него портсигар! — с горечью воскликнул Юстас. — Нет, каков негодяй! Ограбить близкого родственника! Да его место на каторге!

— Его место в Южной Африке, — сказал я. — И твое, кстати, тоже.

И с красноречием, которого я сам от себя не ожидал, я целых десять минут распинался насчет долга перед семьей и прочего. Я взывал к его порядочности. С жаром расписывал прелести Южной Африки. Я сказал все, что только можно сказать, и даже вдвое больше. Но паршивец в ответ только бубнил насчет низости своего чертова братца, который обошел его с этим портсигаром. Видно считал, что, навязав девушке дорогой подарок, Клод повел в счете, и когда тот вернулся из Херст-Парка, между близнецами разыгралась бурная сцена. Я ушел спать, а они еще полночи ругались за стеной. В жизни не встречал людей, которые могли бы обходиться столь малым количеством сна, как эти двое.

После этого Клод и Юстас перестали разговаривать друг с другом, и обстановка стала окончательно невыносимой. Я люблю, когда в доме царит сердечная, дружеская атмосфера, и мне тяжело находиться в одной квартире с субъектами, каждый из которых делает вид, что другого не существует.

Ясно было, что долго так продолжаться не может, и вскоре этому действительно пришел конец. Если бы мне накануне сказали, что такое случится, я бы лишь недоверчиво усмехнулся в ответ. Я окончательно смирился с мыслью, что ничто, кроме динамита, не выдворит этих обалдуев из квартиры, и потому ушам своим не поверил, когда в пятницу утром Клод подгреб ко мне и огорошил неожиданным сообщением.

— Берти, я все обдумал, — сказал он.

— Все что? Что все? — спросил я.

— Что я торчу в Лондоне, когда мне следует быть в Южной Африке.

Это несправедливо, — с жаром сказал Клод. — Это неправильно. Короче говоря, Берти, старичок, завтра я уезжаю.

Я чуть с катушек не слетел.

— Уезжаешь? — выдохнул я.

— Да, — сказал Клод. — Ты не возражаешь, если я пошлю Дживса за билетом? Боюсь, мне придется стрельнуть у тебя денег на проезд. Ты ведь не против, старина?

— Какой разговор! — воскликнул я и с жаром стиснул его руку.

— Вот и отлично. Да, и еще — ни слова Юстасу, обещаешь?

— А он разве не едет? Клод возмущенно фыркнул.

— Слава Богу, нет! Меня тошнит от мысли, что я могу оказаться на одном корабле с этим подонком. Нет, ни слова Юстасу. Послушай, а вдруг на завтра не осталось ни одной свободной каюты?

— Осталось, осталось, — сказал я. Я согласен был купить весь пароход, лишь бы от него избавиться.

— Дживс! — влетев в кухню, закричал я. — Врубайте четвертую скорость, дуйте в «Юнион касл[143]» и купите билет на завтрашний пароход для мистера Клода. Он от нас уезжает, Дживс.

— Да, сэр.

— Мистер Клод не хочет, чтобы об этом стало известно мистеру Юстасу.

— Хорошо, сэр. Мистер Юстас выразил такое же пожелание, когда просил меня заказать каюту на завтрашний рейс для него самого.

Я с изумлением уставился на Дживса.

— Так он тоже уезжает?

— Да, сэр.

— Ничего не понимаю.

— Я тоже, сэр.

При других обстоятельствах я бы наверняка долго обсуждал эту замечательную новость с Дживсом. Издавал бы радостные вопли, приплясывал вокруг него и все такое. Но проклятые гетры по-прежнему разделяли нас незримым барьером, и, с сожалением вынужден признаться, что я не упустил случая уколоть Дживса. Он держался со мной так холодно и не высказывал никакого сочувствия, хотя прекрасно знал, что молодой хозяин попал в переплет и неплохо бы немного сплотиться вокруг него в такую минуту; короче говоря, я не удержался от искушения и дал ему понять, что мне удалось привести дело к благополучному концу самостоятельно, без его помощи.

— Вот так-то, Дживс, — сказал я. — Как видите, все успешно

разрешилось. Я знал, что все образуется, если не суетиться и не поднимать волну. А ведь многие на моем месте начали бы поднимать волну.

— Да, сэр.

— Рвать на себе волосы и просить у других совета и помощи.

— Вполне возможно, сэр.

— Но только не я, Дживс. — Нет, сэр.

С тем я и ушел, оставив его размышлять в одиночестве над моими словами.

Даже мысль о предстоящей поездке в Харрогит с дядей Джорджем не могла отравить мою радость, когда я оглядел в субботу свою старую милую квартиру и окончательно осознал, что не увижу здесь больше ни Клода, ни Юстаса. Они тайно ускользнули по одному сразу же после завтрака: Юстас поспешил в Ватерлоо на десятичасовой поезд, а Клод направился в гараж, где я держу мой автомобиль. Я опасался, что они случайно встретятся на вокзале и передумают, и убедил Клода ехать до Саутгемптона на машине.

Я валялся на канапе в гостиной, умиротворенно разглядывал сидящих на потолке мух и размышлял, до чего же все-таки прекрасная штука жизнь, и тут вошел Дживс и подал мне письмо.

— Только что передали с посыльным, сэр.

Я распечатал конверт, и оттуда выпала пятифунтовая банкнота.

— Господи, — сказал я. — Это еще что такое? Написанное карандашом письмо оказалось кратким:

> «Дорогой Берти!
>
> Передайте, пожалуйста, эти деньги вашему камердинеру — я сожалею, что не могу прислать больше. Он спас мне жизнь. Сегодня первый счастливый день за последнюю неделю.
>
> Ваша М.У.».

Дживс поднял упавшую на пол банкноту.

— Можете забрать ее себе, — сказал я. — Она для вас.

— Сэр?

— Я говорю, что эти пять фунтов — ваши. Их прислала для вас мисс Уордор.

— Крайне любезно с ее стороны, сэр.

— За какие подвиги, черт подери, она раздаривает вам столь крупные суммы? Она пишет, будто вы спасли ей жизнь.

Дживс мягко улыбнулся.

— Она преувеличивает мою услугу, сэр.

— Но какую услугу вы ей оказали, хотел бы я знать?

— Это связано с отъездом мистера Клода и мистера Юстаса, сэр. Я надеялся, что она не станет вам об этом рассказывать. Мне не хотелось, чтобы вы подумали, будто я позволяю себе слишком большие вольности, сэр.

— Что вы хотите сказать?

— Я случайно оказался в комнате, когда мисс Уордор жаловалась на мистера Клода и мистера Юстаса, что они самым непозволительным образом навязывают ей свое общество. И счел, что в данных обстоятельствах будет простительно посоветовать мисс Уордор пойти на маленькую хитрость, которая поможет ей избавиться от назойливого внимания со стороны юных джентльменов.

— Ах ты, черт! Вы что же, хотите сказать, что это благодаря вам они отсюда убрались?

Я чувствовал себя полным идиотом — а я-то его подкалывал и хвастался, что добился успеха без его помощи.

— Я посоветовал мисс Уордор сообщить по отдельности мистеру Клоду и мистеру Юстасу, будто ей предложили ангажемент в Южную Африку и она собирается ехать туда на гастроли. И, как видите, я все правильно рассчитал, сэр. Юные джентльмены на это клюнули, если позволительно будет так выразиться.

— Дживс, — сказал я, — мы, Вустеры, можем ошибаться, но мы всегда готовы это признать. Вам нет равных, Дживс!

— Большое вам спасибо, сэр.

— Но погодите! — Меня поразила ужасная мысль. — Когда они прибудут на судно и увидят, что ее там нет, разве они не бросятся сломя голову обратно в Лондон?

— Я предусмотрел такую возможность, сэр. По моему совету мисс Уордор объявила юным джентльменам, что предполагает часть пути проделать по суше, и присоединится к ним уже на Мадейре.

— А куда судно заходит после Мадейры?

— Это последний заход, сэр.

Несколько минут я неподвижно лежал на спине, осмысливая то, что сообщил мне Дживс. Мне удалось найти лишь один маленький изъян.

— Жаль только, — сказал я, — что на большом судне у них будет возможность держаться врозь. Было бы особенно приятно, если бы Клоду приходилось постоянно пребывать в обществе Юстаса, а Юстасу

наслаждаться тесным общением с Клодом.

— Полагаю, что именно так все и будет, сэр. Я позаботился, чтобы у них была одна каюта на двоих. Одну койку будет занимать мистер Клод, а другую — мистер Юстас.

Теперь я чувствовал себя почти наверху блаженства. Вот если бы еще не нужно было тащиться в Харрогит с дядей Джорджем!

— Вы уже начали укладывать мои вещи, Дживс? — спросил я.

— Укладывать вещи, сэр?

— Для поездки в Харрогит. Я уезжаю туда сегодня с сэром Джорджем.

— Ах, извините, сэр. Забыл вам сказать. Сегодня утром, когда вы еще спали, позвонил сэр Джордж и просил передать, что у него изменились планы. Он решил отказаться от поездки в Харрогит.

— Но ведь это же просто великолепно!

— Я так и думал, что вы обрадуетесь, сэр.

— А почему он вдруг передумал? Он вам не сказал?

— Нет, сэр. Но я узнал от его камердинера, Стивенса, что сэр Джордж чувствует себя гораздо лучше и больше не нуждается в лечении и отдыхе. Я взял на себя смелость сообщить Стивенсу рецепт моего фирменного тонизирующего коктейля, о котором вы всегда отзывались с такой похвалой. Как передал мне Стивене, сэр Джордж сказал ему сегодня утром, что чувствует себя другим человеком.

Что ж, мне оставалось только сделать то, что я должен был сделать. Не скажу, что это далось мне без душевной боли, но другого выхода не было.

— Дживс, — сказал я. — Одним словом… эти гетры…

— Да, сэр?

— Они вам вправду так не нравятся?

— Ужасно не нравятся, сэр.

— И вы не думаете, что со временем сможете с ними смириться?

— Нет, сэр.

— Что ж, ничего не поделаешь. Хорошо. Ни слова больше. Можете их сжечь.

— Благодарю вас, сэр. Я уже их сжег. Сегодня утром, еще до завтрака. Спокойный серый цвет идет вам гораздо больше, сэр. Спасибо, сэр.

Глава XVII БИНГО И ЕГО НОВАЯ ПАССИЯ

Через неделю после отъезда Клода и Юстаса я неожиданно натолкнулся на Бинго Литтла в курительной «Клуба Почетных Либералов». Он сидел, развалясь в кресле, рот приоткрыт, выражение лица довольно бессмысленное; а из соседнего кресла на него с неприязнью таращился какой-то седобородый субъект: видимо, Бинго занял его любимое место. Вот почему я терпеть не могу чужие клубы — сам того не подозревая, ты нарушаешь священные права Старейших Обитателей.

— Привет, дуралей, — сказал я.

— Здорово, чучело, — откликнулся Бинго, и мы заказали по маленькой перед обедом.

Раз в год администрация «Трутней» вспоминает, что клуб не мешает слегка помыть и почистить, и выставляет всех на несколько недель пастись в каком-нибудь другом заведении. На этот раз нас откомандировали к «Почетным Либералам», и для меня это оказалось мукой мученической. У нас в «Трутнях» обстановка царит самая непринужденная: хочешь за столом привлечь чье-то внимание, можешь просто запустить в него куском хлеба; как после этого прижиться в клубе, где самому молодому члену никак не меньше восьмидесяти семи, и где считается неприличным заговорить с человеком, если не участвовал вместе с ним в битве при Ватерлоо. Поэтому я страшно обрадовался, увидев здесь Бинго. Мы принялись болтать, понизив на всякий случай голос.

— Не клуб, а богадельня, — сказал я.

— Да, настоящий паноптикум, — согласился Бинго. — По-моему, вон тот старикан около окна умер еще три дня назад, но здесь, видимо, это никого не удивляет.

— Ты здесь прежде обедал?

— Нет. А что?

— У них тут официантки вместо официантов.

— С ума сойти! Я думал, после войны такого уже не встретишь. — Бинго задумался и рассеянно поправил галстук. — И что же — есть хорошенькие? — спросил он.

— Нет.

Он, казалось, был разочарован, потом приободрился.

— Я слышал, здесь лучшая кухня в Лондоне.

— Так, во всяком случае, говорят. Ну что, пошли?

— Пошли, — сказал Бинго. — Кстати, в конце обеда, а может быть, в начале, официантка спросит: «Посчитать вам вместе, сэр?» Так вот, отвечай утвердительно. Я гол, как сокол.

— Дядя тебя до сих пор не простил?

— Нет, что б ему пусто было!

Мне стало жаль Бинго. Чтобы как-то утешить беднягу, я решил побаловать его по кулинарной части, и когда официантка принесла меню, я изучил его со всей тщательностью.

— Как ты насчет такой программы, — после некоторого раздумья сказал я. — Для затравки — перепелиные яйца, потом суп, немного холодной семги, карри из курицы, крыжовенный пирог со сливками и ассорти сыров в качестве завершающего аккорда.

Не скажу, чтобы я ожидал услышать вопль восторга, хотя я старался выбрать его любимые блюда, но я ждал, что он хоть что-нибудь скажет в ответ. Я взглянул на него и увидел, что ему сейчас не до меня. Он смотрел на официантку точно бродячий пес, который внезапно вспомнил, где он накануне зарыл кость.

Это была довольно высокая девушка с большими задумчивыми карими глазами. Неплохая фигурка и все такое прочее. Руки тоже вполне пристойные. Не помню, чтобы я ее здесь раньше видел, но должен признать, что ее появление значительно повысило среднестатистический уровень привлекательности здешнего персонала.

— Так что ты на это скажешь, приятель? — спросил я, желая поскорее покончить с заказом, потому что мне не терпелось поработать ножом и вилкой.

— А? Что? — очнулся Бинго.

Я еще раз огласил весь список.

— Да-да, хорошо, — сказал Бинго. — Мне все равно. — Девушка исчезла, а он повернулся ко мне, и в его глазах я заметил знакомый лихорадочный блеск. — А ты уверял, что здесь нет хорошеньких, — с упреком сказал он.

— Силы небесные, — воскликнул я. — Только не говори мне, что снова влюбился, причем в девушку, которую видишь в первый раз!

— Знаешь, Берти, порой бывает довольно одного взгляда, — сказал Бинго. — Мелькнут в толпе чьи-то глаза, и некий голос шепнет тебе…

Тут подоспели перепелиные яйца, он прервал тираду и алчно набросился на еду.

Вернувшись домой, я сразу позвал Дживса.

— Готовьтесь, Дживс, — сказал я.
— Сэр?
— Приведите в боевое положение мыслительный аппарат и ждите сигнала к атаке. Подозреваю, что мистеру Литтлу в скором времени потребуется не только моя моральная поддержка, но и ваша помощь.
— У мистера Литтла неприятности, сэр?
— Можно сказать и так. Он влюбился. В пятьдесят третий раз. Скажите честно, Дживс, как мужчина мужчине: вам доводилось в жизни встречать такого влюбчивого субъекта?
— Вне всякого сомнения, у мистера Литтла весьма пылкое сердце, сэр.
— Пылкое? Да его нужно в законодательном порядке обязать носить асбестовый жилет! Словом, Дживс, готовьтесь.
— Хорошо, сэр.
И, как я и предсказывал, не прошло и десяти дней, как этот безмозглый идиот с жалобным блеяньем прискакал в поисках добровольцев, готовых прийти на помощь.
— Берти, — сказал он, — если ты мне друг, настало время доказать это.
— Продолжай, несчастный, — ответил я. — Мы готовы благосклонно выслушать твои бредни.
— Помнишь, несколько дней назад, мы с тобой обедали в «Почетных Либералах»? Нас тогда обслуживала…
— Помню. Высокая расторопная девица. Он задрожал от негодования.
— Я попросил бы, черт тебя побери, не говорить о ней в подобных выражениях. Она — ангел.
— Очень хорошо. Что дальше?
— Я люблю ее.
— Отлично. Дальше.
— Перестань подгонять меня! Дай мне рассказать все по порядку. Так вот, как я уже говорил, я люблю ее и прошу тебя, Берти, как верного друга, отправиться к моему дяде с важной дипломатической миссией. Дядя должен снова начать выплачивать мне содержание, и как можно скорее. Более того, содержание должно быть увеличено.
— Но послушай, почему бы немного не подождать, — сказал я; мне совсем не улыбалось тащиться к его дяде с подобным поручением.
— Подождать? А какой смысл?
— Сам знаешь, как у тебя это обычно бывает. Что-нибудь пойдет не так, глядишь — от любви и следа не осталось. Лучше предпринять атаку на дядю, когда дело будет решено окончательно и бесповоротно.

— Все и так решено окончательно и бесповоротно: сегодня утром она дала мне согласие.

— Ну и ну! Быстрая работа. Ты же с ней двух недель не знаком.

— В этой жизни — да, — сказал Бинго. — Но она считает, что мы встречались в предыдущей жизни. Я был царем в Вавилоне, а она — рабыней-христианкой. Сам-то я ничего такого не помню, но может, все так и было.

— Потрясающе! — воскликнул я. — Официантки теперь все так изъясняются?

— Откуда мне знать, как изъясняются официантки?

— Кому и знать, как не тебе. Если помнишь, я с твоим дядей познакомился, когда ты послал меня прощупать, не хочет ли он сплотиться под знаменами и помочь тебе жениться на Мейбл из забегаловки на Пиккадилли.

Бинго вздрогнул. Безумный блеск вспыхнул в его глазах. Не успел я понять, что он собирается сделать, он изо всех сил хлопнул меня рукой по колену, я даже подскочил от боли, точно горный козел.

— Эй, полегче!

— Извини, — сказал Бинго. — Не рассчитал. Увлекся. Берти, ты подал мне отличную мысль. — Он подождал, пока я закончу массировать травмированную конечность, и продолжил свою речь. — Ты очень кстати вспомнил ту историю. Не забыл гениальный план, который я тогда придумал? Сказать дяде, что ты — как-там-бишь-ее — ну, словом, та самая писательница, помнишь?

Такое не забывается. Проклятая эпопея каленым железом выжжена на скрижалях моей памяти.

— Вот как нам следует действовать, — сказал Бинго. — Это именно то, что надо. Рози М. Бэнкс снова в бою.

— Нет, ничего не выйдет, старина. Извини, но это исключено. Я не в состоянии пройти через такое еще раз.

— Даже ради меня?

— Даже ради сотни таких, как ты.

— Никогда не думал, — скорбно произнес Бинго, — что мне доведется услышать эти слова из уст Берти Вустера.

— Однако ж услышал. Можешь даже записать для памяти, в назидание потомкам.

— Берти, мы учились с тобой в одной школе.

— Это не моя вина.

— Уже пятнадцать лет мы близкие друзья.

— Знаю. И мне предстоит искупать этот грех всю оставшуюся жизнь.

— Берти, старина, — не сдавался Бинго. Он пододвинул стул поближе ко мне и принялся массировать мою лопатку. — Пожалуйста, послушай! Пойми же, наконец…

И, разумеется, не прошло и десяти минут, как я сдался на уговоры этого паршивца. Вот так всегда. Меня кто хочешь уговорит. Если бы я попал в траппистский монастырь, то первый же монах за пять минут убедил бы меня в чем угодно при помощи азбуки глухонемых.[144]

— Ладно, что я должен сделать? — спросил я, когда понял, что сопротивление бесполезно.

— Для начала пошлешь старикану экземпляр своего последнего романа с автографом и льстивой надписью. Он расчувствуется до чертиков. Потом отправишься к нему и выложишь все как есть.

— А какой у меня последний?

— «Одна против всех», — сказал Бинго. — Этот роман продают сейчас на каждом углу, им забиты все витрины книжных магазинов и киоски. Судя по картинке на обложке, весьма забористая штука. Разумеется, дядя захочет обсудить с тобой роман.

— Вот видишь, — обрадовался я. — Ничего не выйдет. Я же понятия не имею, что там написано.

— Значит, тебе придется его прочитать.

— Прочитать? Но, послушай…

— Берти, мы учились в одной школе.

— Ну хорошо, хорошо, — сказал я.

— Я знал, что на тебя можно положиться. У тебя золотое сердце. Дживс, — сказал Бинго, когда мой верный слуга появился в гостиной, — у мистера Вустера золотое сердце.

— Хорошо, сэр, — ответил Дживс.

В последнее время я мало читаю, разве что в Розовую газету[145] загляну, и страдания мои во время неравной борьбы с текстом романа «Одна против всех» не поддаются описанию. Впрочем, мне удалось одолеть роман до конца, и, как оказалось, вовремя: едва я дошел до места, где «губы их слились в долгом страстном поцелуе, и наступила волшебная тишина, нарушаемая лишь легким шорохом ночного ветерка в макушках ракит», пришел посыльный и принес письмо от лорда Битлшема с приглашением пожаловать к нему на обед.

Старика я застал в совершенно размягченном состоянии. Рядом с ним на столе лежал присланный мной томик, он ел заливное и перелистывал

страницы.

— Мистер Вустер, — сказал он, отправив в рот изрядный кусок форели, — позвольте вас поблагодарить. И позвольте вас поздравить. Вы идете от победы к победе. Я читал «Все, ради любви», я читал «Всего лишь фабричная девчонка»; «Сумасбродку Мертл» я помню наизусть. Но ваша последняя книга превосходит их всех. Она меня тронула до глубины души.

— Правда?

— Истинная правда! Я прочел ее три раза после того, как вы столь любезно мне ее прислали — еще раз огромное спасибо за очаровательную надпись, — и, могу смело сказать, что стал лучше, мудрее и милосерднее. Мою душу переполняет чувство признательности и любви ко всему роду человеческому.

— В самом деле?

— Клянусь вам.

— Ко всему роду?

— Ко всем без исключения.

— Значит, и к Бинго тоже? — спросил я, чтобы прижать его к стенке.

— К моему племяннику? Ричарду? — Он на мгновение заколебался, но потом, видимо, решил, что мужчине не пристало брать свои слова назад. — Да, даже к Ричарду. Вернее… то есть… возможно… да, все-таки и к Ричарду тоже.

— Очень рад это слышать, потому что как раз хотел о нем поговорить. Он очень нуждается.

— Находится в стесненных денежных обстоятельствах?

— Совершенно на мели. И без труда сумел бы найти применение некоторому количеству денежных знаков, если бы вы согласились возобновить ежеквартальные выплаты.

Он задумался и, прежде чем ответить, разделался с внушительным куском холодной цесарки. Потом в который раз взял в руки книгу, и она раскрылась на странице двести пятнадцать. Я не помнил, что было написано на странице двести пятнадцать, но, видимо, что-то очень трогательное, потому что выражение его лица смягчилось, и он посмотрел на меня повлажневшими глазами — я даже решил, что он намазал слишком много горчицы на кусок ветчины, который он перед этим отправил себе в рот.

— Хорошо, мистер Вустер, — сказал он. — Я все еще нахожусь под свежим впечатлением от вашего гениального творения и не в состоянии проявить жестокосердие по отношению к кому бы то ни было. Ричард, как прежде, будет получать от меня денежное содержание.

— Вот что значит истинная тонкость! — сказал я. И тотчас пожалел о своих словах: человек с таким неимоверным брюхом мог решить, что я над ним издеваюсь. — Я хотел сказать, что у вас очень тонкая душа. Теперь я спокоен за Бинго. Вы знаете, он ведь собрался жениться.

— Нет, я ничего об этом не знал. И не уверен, что это удачная идея. Кто же его избранница?

— Она официантка.

Он подпрыгнул на стуле.

— Не может быть! Подумать только! Очень рад это слышать, мистер Вустер. Честно говоря, я не ожидал от мальчика такой настойчивости в достижении поставленной цели. Превосходное качество, я прежде за ним такого не замечал. Прекрасно помню, что, полтора года назад, когда мне посчастливилось с вами познакомиться, Ричард как раз мечтал о женитьбе на этой самой официантке.

Мне пришлось открыть ему глаза.

— Ну, не совсем на этой. Честно говоря, совсем на другой. Но все-таки на официантке.

Снисходительное добродушное выражение тотчас исчезло с дядюшкиного лица. Он недоверчиво хмыкнул.

— А я уж было решил, что Ричард являет собой пример постоянства, столь редко встречающегося у современных молодых людей. Я… Мне нужно все хорошенько обдумать.

С тем мы и расстались, а я пришел к Бинго и рассказал ему, как обстоят дела.

— С содержанием все в порядке, — сказал я. — А вот с благословением туго.

— Старик не желает слышать про свадебные колокола?

— Сказал, что ему нужно подумать. Если бы у меня была букмекерская контора, я бы принимал ставки сто к восьми, что он не согласится.

— Ты просто не сумел найти к нему подход. Так и знал, что ты все испортишь! — сказал Бинго. После всего, что мне пришлось ради него претерпеть, его слова уязвили меня больнее жала змеиного.

— Ах, как это некстати, — сказал Бинго. — Ужасно некстати! Я сейчас не могу тебе всего объяснить, но… да, ужасно некстати.

Он с удрученным видом сгреб из коробки горсть моих сигар и ушел.

После этого я не видел его два дня. На третий день он влетел ко мне с цветком в петлице и с таким выражением лица, будто его стукнули по затылку кирпичом.

— Здорово, Берти.

— Привет, дуралей. Куда это ты пропал?

— Да так, знаешь ли, то одно, то другое. Потрясающая сегодня погодка, верно?

— Да, неплохая.

— Банковская учетная ставка снова упала.

— Что ты говоришь?

— И в Нижней Силезии назревает какая-то заварушка…

— Вот черт!

Некоторое время он бесцельно бродил по гостиной, что-то бормоча себе под нос. Мне показалось, что бедняга спятил.

— Вот что, Берти, — сказал он и уронил на пол вазу, которую перед этим снял с каминной полки и долго вертел в руках. — Я вспомнил, что хотел тебе сообщить. Я женился.

Глава XVIII ВСЕ ХОРОШО, ЧТО ХОРОШО КОНЧАЕТСЯ

Я с изумлением на него уставился. Цветок в петлице… Безумный взгляд… Да, все симптомы указывают на то, что он говорит правду, но я все равно не мог в это поверить. Ведь я был свидетелем стольких любовных увлечений Бинго: они начинались с восторженных восклицаний и пылких заверений, но вскоре от всего этого оставался один пшик, и у меня не укладывалось в голове, что на этот раз он сумел доскакать до финиша.

— Женился?

— Мы зарегистрировались сегодня утром в Холборне. Я пришел к тебе прямо со свадебного завтрака.

Я выпрямился в кресле и принял серьезный, деловой вид. Тут нужно во всем как следует разобраться.

— Погоди, давай по порядку. Ты действительно женат?

— Да.

— На той самой девушке, в которую был влюблен позавчера?

— Что за странный вопрос!

— Кто тебя знает. Ладно, что заставило тебя решиться на столь опрометчивый шаг?

— Я попросил бы тебя, черт побери, не говорить со мной в подобном тоне. Я женился, потому что люблю ее, — сказал Бинго. — Она самая прелестная женщина в мире!

— Хорошо, хорошо, верю. Но ты подумал, что на это скажет твой дядя? В последний раз, когда я его видел, он отнюдь не горел желанием сыпать конфетти на головы новобрачных.

— Буду с тобой предельно откровенен, Берти, — сказал Бинго. — Она сама вынудила меня к этому шагу, если хочешь знать. Я рассказал, как отнесется к браку мой дядя, и она заявила, что мы должны расстаться: если бы я действительно любил ее, сказала она, я бы не испугался дядюшкиного гнева и немедленно с ней обвенчался. Так что у меня не было выбора. Мне ничего не оставалось, как купить бутоньерку и отправиться на регистрацию.

— И что ты теперь собираешься делать?

— Я уже все продумал. После того, как ты сходишь к дяде и сообщишь ему о моей женитьбе…

— Что?!

— После того, как…

— Ты что же, рассчитываешь втянуть в это дело меня? Он взглянул на меня с оскорбленным видом библейского пророка, которому прохожий положил в руку камень.

— И это говорит Берти Вустер? — с горечью произнес Бинго.

— Он, он самый.

— Берти, старина, — сказал Бинго, ласково поглаживая меня по плечу. — Опомнись! Мы же с тобой учились…

— Хорошо, согласен…

— Вот и молодец! Всегда знал, что на тебя можно положиться. Она ждет нас внизу в холле. Захватим ее и мигом летим на Паунсби-Гарденз.

Прежде мне доводилось видеть новобрачную лишь в униформе официантки, и я ожидал, что по случаю венчания она вырядится во что-нибудь невообразимое. Первый луч надежды с начала этой кромешной истории забрезжил у меня в душе, когда вместо бархата и шляпки с цветами в облаке дешевых духов я увидел перед собой женщину, одетую с безукоризненным вкусом. Строго. Ничего кричащего. Глядя на нее, можно было подумать, что она явилась сюда прямо с Беркли-Сквер.[146]

— Милая, это мой старый приятель, Берти Вустер, — сказал Бинго. — Мы с ним учились в одной школе. Правда, Берти?

— Учились, учились, — сказал я. — Очень приятно познакомиться. Мы кажется… э-э-э… мы как-то обедали вместе.

— Да, верно. Мне тоже очень приятно.

— Мой дядя души в Берти не чает, — объяснил Бинго. — Поэтому Берти поедет с нами и попытается подготовить почву. Эй, такси!

По дороге мы почти не разговаривали. Все чувствовали себя скованно. Наконец такси остановилось, и мы выгрузились около вигвама старого Битлшема. Я оставил Бинго и его жену в холле, а сам поднялся в гостиную и стал ждать, пока дворецкий доложит обо мне вождю.

Пока я слонялся по гостиной, мне на глаза попалась эта идиотская «Одна против всех». Книга была раскрыта на странице двести пятнадцать, и я обратил внимание на отрывок, жирно обведенный карандашом. Я прочел его и понял, как мне следует действовать, чтобы преуспеть в моей деликатной миссии.

А написано там было вот что:

> «Что может противостоять… — Милисент смело встретила взгляд сурового старца, и глаза ее сверкнули. — Что может

противостоять чистой и всепоглощающей любви? Милорд, она не страшится ни громких титулов, ни высоких званий, ее не остановят тщетные запреты опекунов и родителей. Я люблю вашего сына, лорд Майндермер, и ничто на свете не в силах нас разлучить. Задолго до сотворения мира нам суждено было полюбить друг друга, разве вы вправе идти против воли Судьбы?

Граф пытливо посмотрел на нее из-под кустистых бровей.

— Хм, — произнес он».

Я не успел выяснить, что именно сказала Милисент в ответ на хмыканье графа, ибо распахнулась дверь, и в гостиную вкатился старик Битлшем. Как всегда — само радушие и любезность.

— Мой дорогой мистер Вустер, какой приятный сюрприз! Садитесь, прошу вас. Чем могу служить?

— Видите ли, на этот раз я выступаю в роли посла. Представляю интересы старины Бинго.

Мне показалось, что радушия у него несколько поубавилось, но, поскольку он не выставил меня за дверь, я продолжал гнуть свое.

— Я всегда считал, — сказал я, — что ужасно трудно противостоять тому, что принято называть чистой и всепоглощающей любовью. Нередко я спрашивал себя: есть ли на свете нечто, способное ей помешать? Мне кажется, что нет.

Не думаю, что мои глаза сверкнули, когда я смело встретил взгляд сурового старца, но, во всяком случае, я выразительно поиграл бровями. В ответ он только засопел, вид у него при этом был весьма скептический.

— Мистер Вустер, мы уже обсуждали этот вопрос во время нашей прошлой встречи. И по этому поводу…

— Да, но с тех пор дело приняло новый оборот. Сегодня утром Бинго решился и сунул голову в петлю.

— О, Господи! — Он вскочил с кресла, разинув от изумления рот. — Как, в петлю? Какой ужас! Где это произошло?

Я понял, что он не просек, о чем речь.

— Это всего лишь метафора, если, конечно, я правильно понимаю, что такое метафора. Я хотел сказать, что ваш племянник женился.

— Женился?!

— Надел на шею хомут, самым форменным образом. Надеюсь, вы не станете держать на него за это зуб, верно? Сами понимаете — горячая молодая кровь… Два любящих сердца и все такое прочее.

Он возмущенно запыхтел.

— Я весьма обеспокоен этим известием. Я… Я считаю, что со мной… э-э-э… не посчитались. Да, не посчитались!

— Но разве вправе вы идти против воли Судьбы? — сказал я, косясь краем глаза на раскрытую страницу книги.

— Простите?

— Видите ли, им суждено было полюбить друг друга. Так сказать, задолго до сотворения мира.

Должен признаться, что если бы он в ответ сказал «Хм!», я бы оказался в чрезвычайно затруднительном положении. К моему счастью, этого не произошло. Он сидел молча, видимо, обдумывал мои слова, потом взгляд его упал на книгу. Старик вздрогнул.

— Господи, мистер Вустер, это же из вашего последнего романа!

— Более или менее.

— То-то ваши слова показались мне знакомыми. — Он просиял от удовольствия и издал несколько звуков, похожих на приглушенное кудахтанье. — Боже мой, Боже мой, вы знаете мое слабое место. — Он взял в руки роман и погрузился в чтение. Я уже начал думать, что он забыл о моем существовании. Наконец он положил книгу на стол и вытер глаза носовым платком. — Ладно, так и быть! — произнес он.

Я молча ерзал на стуле и уповал на лучшее.

— Так и быть, — повторил он. — Не могу же я поступить, как лорд Уиндермер. Скажите, мистер Вустер, вы списали этого надменного старика с живой модели?

— Да нет, просто решил, что здесь нужен именно такой герой, и — готово.

— Гений! — пробормотал Битлшем. — Гений! Что ж, мистер Вустер, я побежден. В самом деле: разве я вправе идти против воли Судьбы? Сегодня же напишу Ричарду о моем согласии на брак.

— Вы можете лично открыть ему благую весть, — сказал я. — Он ждет в холле вместе с новобрачной. Я сейчас же пришлю их к вам. Всего вам доброго и большое спасибо. Бинго просто обалдеет от радости.

И я кубарем скатился по лестнице. Бинго и его благоверная сидели на кончиках стульев в холле, словно пациенты в приемной зубного врача.

— Ну что? — бросился ко мне Бинго.

— Дело в шляпе, — ответил я и крепко хлопнул балбеса по спине. — Вам остается лишь подняться наверх и слиться в семейном экстазе. Пока, дети мои. В случае чего вы знаете, где меня найти. Тысячу поздравлений и все такое прочее.

И я ускакал, не дожидаясь, пока они начнут рассыпаться в

благодарностях.

В этой жизни никогда не знаешь, где найдешь, а где — потеряешь. «Себя забыв — другим помочь, и сон ночной блажен[147]» — именно такое чувство я испытал, вернувшись в свою обитель; я поудобнее устроился в кресле, положил ноги на каминную решетку и принялся прихлебывать чай, поданный верным Дживсом. Я не раз убеждался, что судьба может нанести удар уже на финишной прямой, и верные ставки могут полететь к черту в последнюю секунду, но сейчас не ждал никакого подвоха. После того, как я оставил Бинго на Паунсби-Гарденз, ему оставалось лишь подняться по лестнице вместе с милой женушкой и принять дядюшкино благословение. Я был совершенно уверен в благополучном исходе дела, и когда через полчаса он ввалился в гостиную, я решил, что он просто хочет поблагодарить меня срывающимся от волнения голосом и рассказать, какой я замечательный друг. Поэтому я милостиво улыбнулся и уже собирался предложить ему сигарету, когда понял, что тут что-то не так. Вид у него был такой, словно кто-то изо всех сил двинул ему в солнечное сплетение.

— Бог мой, старина, — сказал я. — В чем дело? Бинго нервно прошелся по комнате.

— Я должен успокоиться, — сказал он и налетел на журнальный столик. — Спокойно, черт подери. — Он опрокинул стул.

— Надеюсь, ничего страшного не стряслось? Бинго издал глухой замогильный стон.

— Ничего страшного? Стряслось самое страшное из всего, что могло стрястись. Знаешь, что произошло после того, как ты ушел? Помнишь эту идиотскую книжку, которую тебе взбрело в голову послать моему дяде?

На самом деле это ему взбрело в голову, чтобы я ее послал, но я видел, что бедняга страшно расстроен, и решил не цепляться по пустякам.

— «Одна против всех»? — спросил я. — Она весьма кстати подвернулась мне в гостиной. Именно с помощью цитат из этой книги мне удалось уломать твоего дядю.

— Возможно. Но когда мы поднялись к дяде, она подвернулась совсем некстати. Мы вошли в гостиную, принялись очень мило болтать о том, о сем, и все шло как нельзя лучше до тех пор, пока моя жена не заметила проклятую книжку. «Ах, вы читаете этот роман, лорд Битлшем?»— спросила она. — «Прочел уже три раза», — ответил дядя. — «Очень рада это слышать», — сказала она. — «Как, вы тоже поклонница Рози М. Бэнкс?» — просиял дядюшка. — «Я и есть Рози М. Бэнкс», — ответила моя

жена.

— Ах ты, черт! Не может быть!

— Увы.

— Ничего не понимаю! Она же работала официанткой в «Клубе Почетных Либералов».

Бинго с чувством лягнул канапе.

— Она пошла в клуб официанткой, чтобы собрать материал для новой книги — «Мервин Кин, клубный завсегдатай».

— Могла бы тебе об этом сказать.

— Ее так потрясло, что я полюбил ее, невзирая на скромный социальный статус, что она не спешила открыть мне правду. Сказала, что собиралась признаться позже.

— Ну, и как развивались события дальше?

— Последовала ужасно неприятная сцена. Старика чуть удар не хватил. Обругал ее самозванкой. Потом оба стали одновременно орать друг на друга, и в конце концов она полетела в издательство за доказательствами своего авторства, чтобы заставить дядю прислать ей письменное извинение. Даже представить себе не могу, чем все кончится. Дядя лопнет от злости, узнав, что мы его водили за нос; но это еще что: представляешь, какой жена поднимет шум, когда выяснится, что мы использовали этот трюк с книжками Рози М. Бэнкс, чтобы помочь мне жениться на другой. Ведь она впервые обратила на меня внимание после того, когда я сказал ей, что до нее ни разу не был ни в кого влюблен.

— Ты ей так сказал?

— Да.

— Ну знаешь!

— Ну, я и вправду не был… во всяком случае по-настоящему. Разве можно сравнивать чувства, которые… Ладно, сейчас это уже не имеет значения. Что мне теперь делать — вот в чем штука.

— Не знаю.

— Спасибо, — сказал Бинго. — Всегда знал, что могу рассчитывать на твою помощь.

На следующее утро он позвонил мне по телефону, когда я только начал переваривать яичницу с беконом, — короче говоря, в то время, когда хочется без помех поразмышлять о смысле жизни.

— Берти!

— Слушаю.

— Ситуация накаляется.

— Что еще стряслось?

— Дядя ознакомился с представленными доказательствами и признал ее требования справедливыми. Я только что провел пять незабываемых минут, разговаривая с ним по телефону. Он кричал, что мы выставили его дураком, даже начал заикаться от бешенства. Но, несмотря на заикание, он недвусмысленно дал понять, что мое содержание накрылось.

— Какая жалость.

— Лучше себя пожалей, — мрачно буркнул Бинго. — Он собирается сегодня прийти к тебе за объяснениями.

— Ужас!

— И моя жена собирается сегодня прийти к тебе за объяснениями.

— Кошмар!

— Желаю тебе приятно провести время, — сказал Бинго и повесил трубку.

Я завопил:

— Дживс!!!

— Сэр?

— Дживс, я пропал.

— В самом деле, сэр?

Я вкратце обрисовал ситуацию.

— Что вы мне посоветуете?

— На вашем месте, сэр, я бы немедленно принял приглашение мистера Питта-Уолли. Если помните, сэр, он приглашал вас поохотиться с ним на этой неделе в Норфолке.

— Верно, приглашал! Клянусь честью, Дживс, вы, как всегда, правы. Привезите мои вещи к первому поезду после обеда. А до тех пор я залягу на дно в моем клубе.

— Вы предпочитаете, чтобы я сопровождал вас во время этой поездки, сэр?

— А вы сами хотите поехать?

— Если позволите высказать мое мнение, сэр, будет лучше, если я останусь здесь и постараюсь помочь молодому мистеру Литтлу. Возможно, мне удастся найти способ примирить враждующие стороны, сэр.

— С Богом. Но если вам это и вправду удастся, вы совершите чудо.

Не могу сказать, что я хорошо провел время в Норфолке. Почти все время лил дождь, а когда не лил, я все равно был слишком взвинчен, чтобы во что-то попасть. К концу недели мое терпение лопнуло. Глупо, подумал я, похоронить себя в норфолкской глуши за много миль от дома лишь

оттого, что дядя моего друга и его жена хотят переброситься со мной парой слов. Я решил вернуться в Лондон и смело, как подобает мужчине, встретить опасность: затаюсь у себя в квартире и велю Дживсу отвечать всем, что меня нет дома.

Я послал Дживсу телеграмму и прямо с вокзала поехал к Бинго узнать, что и как. Но дома его не застал. Я позвонил несколько раз в дверной звонок, и уже собирался уйти, когда услышал шаги в прихожей, и дверь распахнулась. Должен признаться, это был не самый счастливый миг в моей жизни: я увидел пред собой круглую, как луна, физиономию лорда Битлшема.

— А-а-а… э-э-э… здравствуйте, — сказал я. Последовало томительное молчание.

Я плохо представлял себе, как поступит старикан, если мне, не дай Бог, доведется с ним когда-нибудь встретиться, наверное, нальется кровью и мокрого места от меня не оставит. А он, к моему изумлению, лишь робко улыбнулся. Какой-то болезненной улыбкой. Глаза у него выпучились, он забулькал, словно у него комок застрял в горле.

— Э-э-э… — выдавил из себя он.

Я ждал продолжения, но, видимо, на этом он свою речь закончил.

— Бинго дома? — спросил я после весьма неловкой паузы. Он покачал головой и снова улыбнулся. Наш оживленный диалог опять завял, после чего — хотите верьте, хотите нет — он вдруг неуклюже скакнул обратно в квартиру и захлопнул за собой дверь.

Я ничего не мог понять. Но поскольку аудиенция, как видно, была окончена, мне ничего не оставалось, как уйти. Я начал спускаться по лестнице и вдруг увидел Бинго: перепрыгивая через три ступеньки, он поднимался ко мне навстречу.

— Привет, Берти! — сказал он. — Откуда ты свалился? Я думал, ты уехал из Лондона.

— Только что вернулся. Хотел зайти к тебе, разузнать, как обстоят дела.

— Какие дела?

— Ну, как же! Вся эта история.

— А, вот ты про что, — с беспечным видом отозвался Бинго. — Все давно уладилось. Голубь мира осеняет крылом наше жилище. Все отлично, лучше и быть не может. Все устроил Дживс. Я всегда говорил, Берти, что твой камердинер — настоящее сокровище. За полминуты разрешил все проблемы с помощью очередной гениальной идеи.

— Но это же здорово!

— Я знал, что ты будешь рад.

— Поздравляю.

— Спасибо.

— Но как Дживсу удалось? Лично я ничего бы не смог придумать.

— Он взял дело в свои руки и уладил все в два счета. Дядя и моя жена теперь лучшие друзья. Часами разглагольствуют о литературе и подобных материях. Он частенько заходит к нам поболтать.

Тут я вспомнил.

— Кстати, он и сейчас у тебя, — сказал я. — Послушай, Бинго, а как он вообще в последнее время?

— Как обычно. А почему ты спрашиваешь?

— Может, он переутомился или еще что? Мне показалось, он как-то странно себя ведет.

— Так ты его уже видел?

— Он открыл мне дверь, когда я позвонил в твою квартиру. Сперва молча глядел на меня, выпучив глаза, потом захлопнул дверь прямо у меня перед носом. Меня это, честно говоря, озадачило. Понимаю, если бы он меня отчитал и все такое прочее, но, черт побери, у него был ужасно испуганный вид.

Бинго беззаботно рассмеялся.

— Да нет, все в порядке, — сказал он. — Я забыл тебе сказать. Хотел написать, да так и не собрался. Он думает, что ты сумасшедший.

— Он… что?

— Видишь ли, это была идея Дживса. Она блестящим образом разрешила все проблемы. Он предложил сказать дяде, что я совершенно искренне представил ему тебя как Рози М. Бэнкс; что я неоднократно слышал от тебя, будто ты — автор всех этих книг, и у меня не было оснований сомневаться в том, что так оно и есть. А потом выяснилось, что ты страдаешь галлюцинациями и вообще чокнутый. Мы пригласили сэра Родерика Глоссопа — помнишь, ты еще как-то столкнул его сынишку в пруд в Диттеридж-Холле, и он очень кстати поведал всем, как он пришел к тебе на обед, а у тебя в спальне оказалось полным-полно кошек и рыбы, и про то, как ты, проезжая мимо на такси, сорвал у него с головы шляпу. После этого ни у кого не осталось ни малейших сомнений на твой счет. Я всегда говорил и не устану повторять: положись на Дживса, и тебе не страшны никакие удары судьбы.

Я многое могу стерпеть, но всему на свете есть предел.

— Ну знаешь, такой неслыханной наглости… Бинго взглянул на меня с удивлением.

— Ты что, сердишься?

— Сердишься! Значит, теперь весь Лондон считает, будто я чокнутый? Черт бы вас всех побрал…

— Берти, ты меня удивляешь и обижаешь, — сказал Бинго. — Вот уж не думал, что тебе трудно поступиться такой малостью ради счастья человека, который был твоим другом целых пятнадцать лет…

— Но, послушай…

— Разве ты забыл, — сказал Бинго, — что мы учились в одной школе?

Я стрелой полетел домой, кипя от возмущения и обиды. Одно я знал твердо: с Дживсом надо расстаться. Первоклассный слуга, лучший в Лондоне, но это не смягчит мое сердце. Я ворвался в квартиру, точно тихоокеанский тайфун… и увидел пачку сигарет на маленьком столике, иллюстрированные еженедельники на большом столе, а на полу стояли наготове домашние туфли, и все было настолько так, как надо, что я сразу же начал успокаиваться. Ну, знаете, как в той пьесе, когда один тип готовится совершить преступление и вдруг слышит забытую мелодию песенки, которую пела ему мать, когда качала его в колыбели. Я хочу сказать, что я смягчился. Да, именно смягчился.

А когда в дверях возник старина Дживс, держа в руках поднос со всеми необходимыми ингредиентами…

Тем не менее я собрал свою стальную волю в кулак и попытался действовать по намеченному плану.

— Дживс, я только что разговаривал с мистером Литтлом, — сказал я.

— В самом деле, сэр?

— Он… э-э-э… он сказал, что вы ему помогли.

— Я постарался сделать все, что в моих силах, сэр. Счастлив, что теперь все уладилось самым удовлетворительным образом. Виски, сэр?

— Спасибо. Э-э-э… Дживс.

— Сэр?

— В другой раз…

— Сэр?

— Нет, ничего. Не одну содовую, Дживс.

— Хорошо, сэр.

Он направился к двери.

— Дживс!

— Сэр?

— Я хотел бы… то есть… я думаю… я хотел сказать, что… нет, ничего!

— Очень хорошо, сэр. Сигареты на столике справа. Ужин будет готов

ровно без четверти восемь, если только вы не собирались ужинать в другом месте.

— Нет. Я поужинаю дома.

— Да, сэр.

— Дживс!

— Сэр?

— Нет, ничего, — сказал я.

— Хорошо, сэр, — сказал Дживс.

---

notes

Примечания

1

…в этом мире все так хорошо — Роберт Браунинг (1812–1889) стихотворная драма «Приходит Пиппа…» (1841)

2

…*подвергнуть человека испытаниям* — фраза из фельетона «Кризис в Америке» (1776) Томаса Пейна (1737–1809), американского публициста и общественного деятеля.

3

Джек Демпси (Уильям Харрисон, 1895–1983) — американский боксер, чемпион мира (1919–1926) среди тяжеловесов.

4

…*«болезнь Ходжкина»* — Ходжкин Алан Ллойд (р. в 1914) английский биофизик, лауреат Нобелевской премии по медицине (1963).

5

…и жалит, как аспид. — «…как змей оно укусит, и ужалит, как аспид» (Притчи Соломоновы, 23:31–32).

6

…*как выразился однажды Дживс*. — Дживс, очевидно, цитировал У. Шекспира: «Макбет», акт V, сцена 3.

7

йодль — манера пения тирольцев.

8

…на помощь нашей партии. — Эта фраза была выбрана для демонстрации быстродействия первой пишущей машинки, изобретенной в 1867 г. Кристофером Шолзом.

9

Прекращение производства дела *(лат)*.

10

…скакали в Долину смерти. — Намек на героев стихотворения Альфреда Теннисона (1809–1892) «Атака легкой кавалерии» (1854).

11

…*глухим аспидом* — Псалом 57, стих 5:6.

12

…*Столь человек ужасен.* — Берти пытается цитировать стихотворение английского поэта Реджиналда Хебера (1783–1826) «Из снежных гор Гренландии».

13

Гребные гонки — традиционные соревнования по гребле между двумя восьмерками Оксфордского и Кембриджского университетов; проводятся ежегодно в марте—апреле в Лондоне на реке Темзе.

14

…*я нашел мою пропавшую овцу*. — Евангелие от Луки, 15:6.

15

«Олд Вик» — театральная труппа, прославившаяся постановкой шекспировских пьес. С 1963 г. «Олд Вик» называют Национальным театром.

16

Озноб *(франц.)*.

17

Куриные миньонеты «Маленький герцог», телятина по-тулузски в рисовых конвертах *(франц.)*.

18

рамми — карточная игра.

19

…с девизом загадочным «Эксцельсиор» — цитата из стихотворения Генри Уодсворта Лонгфелло (1807–1882) «Эксцельсиор» (1842).

20

Самолюбие *(франц.)*.

21

В целом *(лат.)*.

22

…так хорошо вооружен своей честностью — Берти ссылается на слова Брута из драмы У. Шекспира «Юлий Цезарь», акт IV, сцена 3.

23

Случайное замечание *(лат.)*.

24

Благословенная Дева — образ из хрестоматийного стихотворения Д.Г. Россетти (1828–1882), английского поэта и живописца.

25

Гусиная печень в шампанском и изысканный десерт «Альпийские жемчужины в снегу» *(франц.)*.

26

…*слоновой костью и павлинами*. — «В три года раз приходил фриссийский корабль, привозивший золото, и серебро, и слоновую кость, и обезьян, и павлинов» (Третья книга царств, 10:22).

27

…*дни ненастья*. — «Дождливый день» Генри Лонгфелло (1807–1882).

28

Найтингейл, Флоренс (1820–1910) — знаменитая английская сестра милосердия, реформировавшая традиционную систему ухода за пациентами.

29

…ту самую кошку в пословице — «…и хочется, и колется, как кошка в пословице» (У. Шекспир. «Макбет», акт I, сцена 7, перев. Б. Пастернака).

30

…*отчаянно кидались в бой.* — Измененная цитата из стихотворения Байрона (1788–1824) «Разрушение Синнахериба».

31

…мирно лежать, где упал. — Аллюзия на стихотворение Г. Лонгфелло.

32

Лихорадка *(франц.)*.

33

…всех их сокровищ, вместе взятых— искаж. У. Шекспир. «Отелло», акт V, сцена 2. «…Что был он, как дикарь, который поднял собственной рукою и выбросил жемчужину, ценней, чем край его». Перев. Б. Пастернака.

34

Рыцарь без страха и упрека *(франц.)*.

35

Прекращение производства дела *(лат.)*.

36

…*о хеттеях и хананеях* — Третья книга Царств, гл.9, стих 20.

37

Тупик *(франц.)*.

38

Мой и твой *(лат.)*.

39

Разговор наедине *(франц.)*.

40

Гримаса, выражающая недовольство *(франц.)*.

41

Ухоженный *(франц.)*.

42

…и жалит, как аспид. — «…как змей оно укусит, и ужалит, как аспид» (Притчи Соломоновы, 23:31–32).

43

день святого Криспина — битва при Аджинкурте в 1415 году вдень святого Криспина, упоминается в трагедии Шекспира «Генрих V».

44

Джек Демпси (1895–1983) — американский профессиональный боксер, чемпион мира в тяжелом весе с 1915 по 1926 год.

45

…было домашнее животное — имеется в виду известная поэма Томаса Мура (1779–1852) «Лалла Рук», написанная в 1817 году. Парафраз строчек о газели имеется в романе Ч.Диккенса «Лавка древностей».

46

Харрогит — фешенебельный курорт с минеральными водами в графстве Йоркшир; здесь проводится ежегодный Харрогитский фестиваль искусств.

47

Aficionado — страстный любитель *(исп.)*.

48

Игривость *(франц.)*.

49

налет мысли бледной — цитата из знаменитого монолога Гамлета из трагедии Шекспира: «Так трусами нас делает раздумье,/ И так решимости природный цвет/ Хиреет под налетом мысли бледной; *И начинанья, взнесшиеся мощно,* Сворачивая в сторону свой ход, /Теряют имя действия…»(«Гамлет». Акт III, сцена 1. Перев. М. Лозинского).

50

…*но низок и подл человек* — цитата из стихотворения английского поэта Реджиналда Хебера (1783–1826) «Из снежных гор Гренландии».

51

Дэвид Найвен (1909–1983), известный английский актер театра и кино, обычно исполнявший роли развязных франтов в легких комедиях.

52

Прямыми сделать стези ему — «Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Евангелие от Матфея, 3:3).

53

Борис Карлофф (1887–1969) — английский актер, прославившийся в роли монстра в фильме «Франкенштейн» и в других фильмах ужасов.

54

…*во всей целостности и полноте* — измененная цитата из стихотворения «К другу» английского поэта Мэтью Арнольда (1822–1888).

55

«Олд Вик» — театральная труппа, прославившаяся постановкой шекспировских пьес. С 1963 г. «Олд Вик» называют Национальным театром.

56

В обучении *(лат.)*.

57

Эдгар Аллан По (1809–1849) — американский писатель и критик.

58

«Бальзам больной души» — цитата из трагедии Шекспира «Макбет»: «Сон животворящий/ Распутает клубок дневных забот, *Смерть дня и омовенье язв труда*,Бальзам больной души, и на пиру/ Природы — лучшее из блюд» (Акт. И, сцена 2. Перев. Анны Радловой).

59

…баран бредет за ней. — Из стихотворения «Мэри и баран» Сары Хейл (1788–1879). (Перев. С.Я.Маршака).

60

…кубок, льющий теплый юг — Из стихотворения «Ода соловью» Джона Китса (1795–1821): «О, мне бы кубок, льющий теплый юг, *Зардевшуюся влагу Иппокрены* С мигающею пеной у краев!/ О, губы с пурпуром вокруг.» (Перев. И.Дьякова).

61

лань желает к потокам воды — «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к тебе, Боже» (Псалтырь, 41:2).

62

Здесь: на месте *(лат.)*.

63

…если это, конечно, Шекспир — это, конечно, Шекспир — слова из знаменитого монолога Гамлета.

64

…*в немом оцепенении* — цитата из стихотворения Джона Китса «Сонет, написанный после прочтения Гомера в переводе Чапмена».

65

…натягивая смелость на колки — «Лишь смелость натяните на колки — и выйдет все» (Шекспир. «Макбет». Акт I, сцена 7. Перев. Анны Радловой).

66

кошка из пословицы — «…и хочется, и колется, как кошка в пословице» (У. Шекспир. «Макбет», акт I, сцена 7, перев. Б. Пастернака).

67

Доблестный рыцарь *(франц.)*.

68

Точка опоры *(франц.)*.

69

Еле заметный *(франц.)*.

70

Роковая женщина *(франц.)*.

71

…*сын зари* — цитата из Ветхого Завета (Исайя, 14:12).

72

…*волк в овчарню* — скрытая цитата из стихотворения лорда Байрона (1788–1824) «Разрушение Синнахериба».

73

… *приходят дни ненастья* — из стихотворения «Дождливый день» Генри Лонгфелло (1807–1882).

74

Томас Оттуэй (1652–1685) — английский драматург.

75

Хорошее самочувствие *(франц.)*.

76

…но довольно и этой — из трагедии Шекспира «Ромео и Джульета». *Ромео:* Мужайся, рана ведь не из глубоких. *Меркуцио:* Ну, конечно, колодцы глубже и церковные ворота шире. Но довольно и этой. (Акт 3, сцена 1. Перев. Б.Пастернака).

77

…лягушки, раздавленной бороной — образ из стихотворения Р.Киплинга.

78

… *матча с Джином Танни* — речь идет о матче за звание чемпиона мира в тяжелом весе в 1926 году, когда Джек Демпси лишился звания чемпиона.

79

…*иглы на взбешенном дикобразе* — В.Шекспир. «Гамлет». Акт I, сцена 5. Перев. Б.Пастернака.

80

…прийти на помощь нашей партии! — Эта фраза была выбрана для демонстрации быстродействия первой пишущей машинки, изобретенной в 1867 г. Кристофером Шолзом.

81

…*успех в делах иль не успех*— «Не во власти смертных людской успех в делах иль неуспех. Но мы поступим лучше, Семпроний, — мы успех заслужим». Цитата из пьесы Джозефа Аддисона «Катон». Акт I, сцена 2.

82

Царица Израиля — Иезавель, жена Ахава, царя Израильского (Третья книга царств, 16:31, 21:5—25, Четвертая книга царств, 9:30–37).

83

…*нет лишь смысла* — цитата из трагедии В.Шекспира «Макбет»: «Жизнь… это повесть, которую пересказал дурак: в ней много слов и страсти, нет лишь смысла». «Макбет». Акт V, сцена 5. Перев. Ю.Корнеева.

84

…*прикован стальными обручами* — цитата из трагедии Шекспира «Гамлет»: Будь прост с людьми, но не запанибрата. Проверенных и лучших из друзей приковывай стальными обручами, но до мозолей рук не натирай пожатьями со встречными». (Гамлет, Акт V, сцена 3. Перев. Пастернака).

85

…о, *смерть, где твое жало!* — цитата из Библии: «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?» («К Коринфянам», 15:55).

86

…*слоновой костью и павлинами*. — «В три года раз приходил фриссийский корабль, привозивший золото, и серебро, и слоновую кость, и обезьян, и павлинов» (Третья книга царств, 10:22).

87

«Дотбойз-холл» — школа для мальчиков в романе Диккенса «Николас Никлби», где царила палочная дисциплина.

88

Женщины непостоянны и ветрены *(лат.)*.

89

«Куорн» и «Пайтчли» — известные охотничьи клубы в графствах Лестершир и Нортгемптоншир.

90

Томас Харди (1840–1928) — английский прозаик и поэт.

91

вы та-та-та венец природы — Берти пытается цитировать сэра Вальтера Скотта (1771–1832) («Мармион», VII, XXX).

92

…*мой бедный олень* — измененная цитата из «Хозяйки озера» Вальтера Скотта.

93

…*срываются по прихоти Творца* — из стихотворения Роберта Бернса (1759–1795) «К мыши, гнездо которой я разорил своим плугом».

94

… *он мчит их к счастью, если не упущен.* — В.Шекспир. «Юлий Цезарь». Акт IV, сцена 3, 1. (Перев. БЛевина).

95

Прекращение производства дела *(лат)*.

96

Точка опоры *(франц.)*.

97

… *плач и скрежет зубов* — Евангелие от Матфея, 22:13.

98

Клянясь, что не уступит, уступает — лорд Байрон (1788–1824). «Дон Жуан».

99

как тихий дождь — «По принужденью милость/ Не действует, а падает она/ Как тихий дождь, стремящийся на землю/ Из облаков. Благословенье в ней/ Сугубое: она благословляет/ Тех, кто дает и кто берет ее./ Сильней всего она в руках у сильных;/ Она — царям приличнее венца» (Шекспир. «Венецианский купец». Акт IV, сц.1). Перев. П.Вейнберга.

100

…*и сон ночной блажен* — цитата из стихотворения «Деревенский кузнец» Генри Лонгфелло (1807–1882).

101

…*оперении голубки* — искаженная цитата из поэмы «Локсли» английского поэта Альфреда Теннисона (1809–1892).

102

Хомбург — мужская фетровая шляпа с узкими полями.

103

Серпантин — узкое искусственное озеро в Гайд-Парке.

104

Радость жизни *(франц.)*.

105

…*сгущалась над невинной головой* — цитата из «Оды Долгу» английского поэта Уильяма Уордсворда (1770–1850).

106

…на другом берегу реки Ди — Берти имеет в виду стихотворение Чарльза Кингсли (1819–1875) «Песчаные отмели реки Ди».

107

Да-да, это просто неслыханно! *(франц.)*.

108

Гертон-Колледж — известный женский колледж Кембриджского университета, основан в 1869 году.

109

…*в ее очах заключены* — из стихотворения Дж. Байрона «Она идет во всей красе» (Перев. С.Маршака).

110

Джон Рескин (1819–1900) — английский теоретик искусства, художественный критик и публицист.

111

…о, *смерть, где твое жало!* — цитата из Библии: «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?» («К Коринфянам», 15:55).

112

Парк-Корнер — площадь в Лондоне; примыкает с юго-востока к Гайд-Парку.

113

…на помощь нашей партии. — Эта фраза была выбрана для демонстрации быстродействия первой пишущей машинки, изобретенной в 1867 г. Кристофером Шолзом.

114

Гребные гонки — традиционные соревнования по гребле между двумя восьмерками Оксфордского и Кембриджского университетов; проводятся ежегодно в марте—апреле в Лондоне на реке Темзе.

115

Положение обязывает *(франц.)*.

116

норфолкской куртке — просторная куртка с поясом и двумя нагрудными карманами.

117

«Оолонг» — один из лучших сортов китайского чая.

118

Парк-Лейн — улица в лондонском Уэст-Энде; известна своими фешенебельными гостиницами и особняками.

119

Бонд-Стрит — одна из главных торговых улиц Лондона, известна фешенебельными магазинами, особенно ювелирными.

120

…силу духа каждого из нас — цитата из прокламации «Американский кризис», написанной в 1776 году английским общественным деятелем Томасом Пейном (1737–1809).

121

гандикап — спортивные соревнования разных по классу участников с предварительным уравниванием шансов на победу: более слабым участникам предоставляется фора (во времени, расстоянии и др.).

122

«Жокей клуб» — организация, руководящая конным спортом и контролирующая проведение соревнований.

123

…*в немом оцепенении* — цитата из стихотворения Джона Китса «Сонет, написанный после прочтения Гомера в переводе Чапмена».

124

«заряженная» лошадь — лошадь, которая приходит первой в результате тайного сговора жокеев.

125

собрание матерей — собрание прихожанок для обсуждения церковных дел.

126

Добросердечности *(франц.)*.

127

Гранд нэшнл — крупнейшие скачки с препятствиями, проводятся ежегодно весной на ипподроме Эйнтри близ Ливерпуля.

128

«Тяни на счастье» — род лотереи, обычно на благотворительных базарах; владельцы билетов вытаскивают не глядя призы из бочонка с отрубями.

129

Мари Ллойд (1870–1922) — известная английская актриса, исполнительница в жанре «низкой комедии».

130

Харри Лодер (1870–1950) — комический актер, автор и исполнитель популярных песен.

131

Рагби— одна из девяти старейших престижных мужских частных средних школ в Англии, в г. Рагби, графство Уорикшир, основана в 1567 г.

132

Николо Макиавелли (1469–1527) — итальянский политический мыслитель; считал, что в политике допустимы любые средства.

133

Сквайр — самый влиятельный землевладелец в округе.

134

«Палладиум» — известный лондонский эстрадный театр.

135

«Палас» — лондонский театр эстрады и музыкальной комедии.

136

Берлингтонский пассаж — торговый пассаж рядом с Берлингтон-Хаусом в Лондоне, где расположены небольшие дорогие магазины.

137

Итон — одна из девяти старейших престижных мужских привилегированных средних школ, находится в городе Итоне. Основана в 1440 году.

138

…когда мы отправимся в путь. — из стихотворения Теннисона «Пересекая отмель».

139

…*рыночными торговцами* — «Ковент-Гарден» находился до 1975 г. рядом с главным лондонским оптовым рынком фруктов, овощей и цветов, который в 1975 году был переведен в район Воксхолл.

140

Вустерский соус — пикантный соевый соус, первоначально изготовлялся в графстве Вустершир.

141

«Будлз» — известный лондонский аристократический клуб, основан в 1762 году.

142

Харрогит — фешенебельный курорт с минеральными водами в графстве Йоркшир.

143

«Юнион касл» — крупная судоходная компания, осуществляет пассажирские рейсы в Южную и Восточную Африку.

144

…*азбуки глухонемых* — траппистские монахи давали обет молчания.

145

Розовая газета — разговорное название газеты «Спортинг лайф», которая печаталась на розовой бумаге.

146

Беркли-Сквер — площадь в одном из аристократических районов Лондона.

147

…*и сон ночной блажен* — цитата из стихотворения «Деревенский кузнец» Генри Лонгфелло (1807–1882).